

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

Имени ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II,

ИЗДАВАЕМЫЯ

подъ редакціей **В. И. Успенскаго.**

Томъ XXVI.

Протоіерей В. М. Металловъ,

профессоръ Императорской Московской Консерваторіи
и Императорскаго Московскаго Археологическаго Института
имени Императора НИКОЛАЯ II-го.

БОГОСЛУЖЕБНОЕ ПѢНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

—) ВЪ (—

ПЕРІОДЪ ДОМОНГОЛЬСКІЙ,

по историческимъ, археологическимъ и палеографическимъ
даннымъ.

Ч А С Т Ь I и II,

съ приложеніемъ 12 таблицъ (Facsimile)
снимковъ съ рукописей X—XI—XII вв.

Сочиненіе Императорской Академіи Наукъ удостоено] преміи графа Уварова
(почетный отзывъ) 25 сентября 1907 года

—] и [—

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ удостоено ученой преміи митро-
полита Манарія 27 апрѣля 1908 года.

*Императорскому Московскому
Археологическому Институту
имени Императора Николая II-го,*

съ пожеланіемъ

полнаго процвѣтанія,

посвящаетъ свой трудъ авторъ.

Отъ лица Твоего
судьба моя изыдетъ.
(Псал. XVI, 2).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Предисловіе</i>	I—XIV.
Часть I.	
<i>Введеніе.</i> Богослужбное пѣніе, какъ принадлежность культу- та. Сходство музыки и пѣнія у египтянъ, евреевъ и и грековъ. Музыка общехристіанская:	1
<i>Глава I.</i> Богослуженіе, богослужбная письменность и бого- службное пѣніе русское и славянское въ связи съ фактомъ крещенія славянъ и русскихъ	11
<i>Глава II.</i> Богослуженіе и богослужбное пѣніе восточныхъ и западныхъ славянъ въ зависимости отъ вліянія церквей византійской и римской. Состояніе ла- тинскаго богослужбнаго пѣнія въ эпоху просвѣ- щенія славянъ и русскихъ. Вопросъ о григоріан- скомъ пѣніи, невмахъ и хирономіи	40
<i>Глава III.</i> Состояніе богослужбнаго пѣнія византійскаго въ эпоху просвѣщенія славянъ и русскихъ.	79
<i>Глава IV.</i> Вопросъ о просодіи и псалмодіи въ связи съ вопросомъ хирономіи и пѣвческой симіографіи	87
<i>Глава V.</i> О происхожденіи русской пѣвческой симіографіи и церковнаго звукоряда, какъ своеобразной му- зыкальной системы.	96
<i>Глава VI.</i> Факторы, обусловившіе происхожденіе русскаго богослужбнаго пѣнія и его симіографіи	112
Часть II.	
<i>Глава VII.</i> Историческія свидѣтельства о первоначальномъ русскомъ церковномъ пѣніи и пѣвцахъ.	137
<i>Глава VIII.</i> Данныя для сужденія о первоначальномъ рус- скомъ церковномъ пѣніи въ области древнѣй- шихъ богослужбныхъ уставовъ и пѣвческихъ книгъ	156

	<i>Стр.</i>
<i>Глава IX.</i> Кієвъ и Кієвопечерскій монастырь, какъ колыбель русскаго церковнаго пѣнія. Типографскій Уставъ, какъ древнѣйшій памятникъ русскаго церковнаго пѣнія и его симіографіи	178
<i>Глава X.</i> Обзорѣніе богослужбныхъ пѣвческихъ книгъ XII-го и XIII-го в.в., какъ матеріаль для сужденія о состояніи русскаго церковнаго пѣнія въ домонгольскій періодъ	189
<i>Глава XI.</i> Классификація пѣвческихъ рукописей по мѣсту и времени ихъ происхожденія въ цѣляхъ уясненія путей распространенія и моментовъ развитія русскаго церковнаго пѣнія. Пѣніе кондакарное.	220
<i>Глава XII.</i> Русское знаменное пѣніе въ связи съ кондакарнымъ пѣніемъ, хирономіей и симіографіей византійскою и греко-сирійскою. Литургическія и пѣвческія его особенности по крюковымъ рукописямъ домонгольскаго періода	236
<i>Глава XIII.</i> Состояніе знаменнаго пѣнія и его симіографіи въ періодъ домонгольскій въ связи съ средствами его уясненія	249
<i>Глава XIV.</i> Научный методъ и приемы къ уясненію знаменнаго пѣнія и его симіографіи въ домонгольскій періодъ. Главнѣйшіе факторы образованія знаменнаго распѣва—пѣніе по „подобнику“, „кокизнику“ и фонетика языка	263
<i>Глава XV.</i> Старое ученіе о „согласіи“, какъ музыкально-теоретическая основа осмогласія знаменнаго распѣва	284
<i>Глава XVI.</i> Симіографія знаменнаго распѣва въ домонгольскій періодъ въ связи съ старой греческой и позднѣйшей великорусской. Заключение	305
<i>Глава XVII.</i> Итоги изслѣдованія	325
Приложеніе	342
Указатель именъ	345
Таблицы	I—XII.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Заинтересована-ли богословская наука въ вопросахъ богослужбнаго пѣнія древней христіанской и православной русскаго церкви и въ какомъ именно отношеніи,—вотъ первая тема, которой я хотѣлъ бы коснуться въ настоящемъ вступленіи. Вторая, тѣсно съ нею связанная тема,—въ чемъ состоитъ особый научный интересъ богослужбнаго пѣнія русской церкви въ періодъ домонгольскій.

При самомъ бѣгломъ обзорѣніи литургическихъ памятниковъ и историческихъ извѣстій отъ древнѣйшихъ временъ христіанской церкви и до позднѣйшихъ, мы постоянно наталкиваемся на присутствіе въ христіанскомъ богослуженіи церковнаго пѣнія, какъ его непремѣнной принадлежности и составной части, почему, по всей справедливости, и называемъ его пѣніемъ богослужбнымъ. Отсюда и самыя судьбы богослужбнаго пѣнія, его исторія и археологія, а частью и музыкально-техническая сторона, находятся въ тѣсной и неразрывной связи съ судьбами, исторіей и археологіей христіанскаго богослуженія, а его научная обработка, какъ предмета богословскаго изслѣдованія, въ связи съ научной обработкой литургики и церковной археологій, какъ богословской дисциплины, обнимающей собой и догматическую, и ритуальную, и художественную сторону христіанскаго богослуженія, въ ихъ историческомъ и археологическомъ значеніи. Если въ музыкально-пѣвческомъ отношеніи, какъ искусство, богослужбное пѣніе, наравнѣ съ церковной гимнографіей, иконографіей и архитектурой, захватываетъ собою художественную сто-

рону христіанскаго богослуженія и въ богословско-литургической наукѣ отмежевываетъ себя мѣсто въ отдѣлѣ церковно-религіозной эстетики и символики съ ея историко-археологическимъ характеромъ,—то, по священному тексту пѣснопѣній, изукрашенному напѣвами и ритмами, оно является вѣрнымъ хранителемъ и насадителемъ въ душахъ вѣрующихъ догматическихкихъ церковныхъ истинъ и религіозныхъ настроеній. Таковы въ богослужебномъ пѣніи догматики „воззвуховъ“ и „стиховень“, „славники“, „стихиры евангельскія“, „тропари“, „каноны“ и проч., какъ выразители догматическихкихъ и аскетическихкихъ стремленій церкви. Наконецъ, рассматриваемое въ связи съ исторически послѣдовательно слагавшимися чинопослѣдованіями, богослужебное пѣніе естественно оказывается вплетеннымъ въ уставную часть богослуженія и занимаетъ вмѣстѣ съ уставнымъ элементомъ центральную часть литургической науки. Уже одни общеупотребительные термины нашихъ типиковъ, какъ антифонъ, катавасія, октоихъ, ирмологій, аллилуарій, тріодъ и др., указываютъ на зависимость уставныхъ статей отъ пѣвческаго элемента. Еще есть одна интересная въ наукѣ сторона богослужебнаго пѣнія—это писчій матеріалъ и способы письма особенно старыхъ пѣвческихъ рукописей, пергамень и бумага разныхъ вѣковъ, пѣвческое и текстовое письмо, заставки и миниатюры, подписи и приписи, иногда съ датами, что все несомнѣнно обогащаетъ область церковной археологической и палеографической черта. Проходя черезъ сознаніе отдѣльныхъ племенъ народныхъ, вмѣстѣ съ поступательнымъ движеніемъ христіанства, богослужебное пѣніе преемственно приобрѣтаетъ типическія народно-музыкальныя наслоенія, изъ которыхъ слагается тотъ, или другой національно-художественный стиль церковно-пѣвческаго творчества, какъ въ церковной живописи и архитектурѣ стили—греко-римскій, византійскій, романскій, готическій, славяно-русскій и проч. Такимъ образомъ богослужебное пѣніе, съ одной стороны является, наравнѣ съ церковной архитектурой и иконографіей, символическимъ выраженіемъ въ соотвѣтствующихъ художественныхъ формахъ слагавшагося ре-

лигіознаго сознанія и степени высоты религіозно-художественнаго развитія христіанскихъ обществъ, и въ этомъ смыслѣ имѣетъ для богословской науки религіозно-эстетическій интересъ,—съ другой, сплетаясь съ отдѣльными уставными частями богослуженія и органически съ ними развиваясь, оно служитъ характернымъ показателемъ высоты и достоинства христіанскаго ритуала и въ этомъ значеніи тѣснѣйшимъ образомъ сливается съ существенными элементами литургической науки, и наконецъ, многообразіемъ своей симіографіи, разнообразіемъ текста и художественныхъ украшеній, представляетъ несомнѣнный научный, археологическій и палеографическій интересъ.

Богослужебное пѣніе, какъ предметъ науки, не богато памятниками древности, которые, въ видѣ пѣвческихъ рукописей, восходятъ не ранѣе IX в. на латинскомъ Западѣ и греко-сирійскомъ Востокѣ и не ранѣе XI в. въ славяно-русскомъ мірѣ, хотя корни ихъ несомнѣнно утверждаются въ псалмодіи древнихъ евангелій, апостоловъ и паремійниковъ, но не ранѣе VII в. и еще далѣе въ древнѣйшей просодіи греческихъ, александрійскихъ и византійскихъ грамматиковъ. Наиболѣе богато пѣвческими рукописными памятниками богослужебное пѣніе русское, какъ напр. въ XII в. и особенно съ XV в. и позже. Область эта далеко еще не обследована, какъ бы того заслуживала, и ожидаетъ еще своихъ работниковъ, которыхъ однакоже можетъ и должна воспитать лишь систематическая подготовка къ этого рода работамъ, каковую можетъ дать только специальная кафедра.

Не богато богослужебное пѣніе и историческими о немъ свѣдѣніями и учено-литературными работами въ его области. Писанія апостольскія, и древнѣйшія отеческія, какъ Іустина, Иринея, Климента Александрійскаго, Аванасія Великаго, Василія Великаго, Іоанна Златоуста и др., мимолетныя замѣтки у Плинія Младшаго, въ житіяхъ аввы Памвы, Павла Нитрійскаго, въ повѣствованіи Іоанна Мосха, у историковъ, какъ Евсевій, Сократъ, Созоменъ, Θεодоритъ и др., памятники съ литургическимъ характеромъ, какъ *Διδαχή* I—II в., *Διατάξεις* III—IV в., *Testamentum Domini nostri Jesu Christi* II—III в., *Sanctae Sylviae Aquitanae Peregrinatio ad loca sancta* IV в., нѣкоторые

каноны соборовъ Лаодикійскаго, Карфагенскаго, Трулльскаго, затѣмъ уже уставнаго характера — Ὑποτάσεις, Διατάσεις, Διατάξεις, типики разныхъ родовъ, обиходники, чиновники и проч.—вотъ наиболѣе существенное въ этомъ отношеніи.

Литература предмета не блещетъ именами изслѣдователей. Отдавая все вниманіе изученію григоріанскаго пѣнія, западные ученые лишь въ недавнее время стали изучать богослужбное пѣніе византійскаго и общехристіанскаго періода времени до раздѣленія церквей. Здѣсь извѣстны Гербертъ, Гевартъ, Бурго-Дюкудрэ, Флейшеръ, Гайссеръ, Тцетцесъ, Тибо и др. Въ русской литературѣ изъ солидныхъ и наиболѣе самостоятельныхъ изслѣдователей должно назвать прот. Д. В. Разумовскаго и С. В. Смоленскаго, труды которыхъ служили путеводителями въ предлагаемыхъ работахъ по предмету богослужбнаго пѣнія, но и сами были въ нѣкоторой матеріальной зависимости отъ трудовъ Ундольскаго, Сахарова, Одоевскаго и др. Такимъ образомъ самый бѣглый обзоръ предмета не можетъ не сдѣлать для насъ ясною богословскую значительность богослужбнаго пѣнія, какъ отдѣльной области изслѣдованія вмѣстѣ и вселить убѣжденіе, что наша наука имѣетъ прочныя основы, пустила здоровыя корни и вѣтви и недалеко ужъ отъ расцвѣта.

Другой вопросъ, какой интересъ для богословской науки представляетъ собой богослужбное пѣніе домонгольскаго періода русской церкви, стоитъ въ связи съ появленіемъ настоящаго изслѣдованія. Въ исторіи русскаго богослужбнаго пѣнія этотъ вопросъ занимаетъ центральное положеніе, и рѣшеніе его есть принципиальное предрѣшеніе всѣхъ другихъ вопросовъ о началѣ, происхожденіи, характерѣ, значеніи и сущности этого пѣнія, или, кратко сказать, всей исторіи его и археологіи. Это потому, что богослужбное пѣніе русской церкви послѣдомонгольскаго періода времени до нашихъ дней есть только результатъ развитія и разработки, постепеннаго роста и восполненія основныхъ началъ и элементовъ, строя и характера богослужбнаго пѣнія періода времени домонгольскаго. Оно измѣнилось болѣе количественно, чѣмъ качественно, въ числѣ пѣснопѣній, мелодикъ и ритмикъ, но внутренняя его музыкально-пѣвческая структура,

система звукоряда и осмогласія, остались такими же. Съ своей стороны богослужбное пѣніе домонгольскаго періода возросло и утвердилось, какъ на своемъ корнѣ, на греко-славянскомъ пѣніи богослужбномъ и можетъ быть понято и объяснено лишь въ связи исторической и генетической съ нимъ, заключающей въ себѣ нерѣдко черты древняго греко-славянскаго пѣнія. Такимъ образомъ здѣсь наблюдается рѣшительная взаимная связь этихъ періодовъ богослужбнаго пѣнія, при условіи сохраненія точки отправленія въ изслѣдованіи на періодъ домонгольскаго. При этомъ оказывалось вполне естественнымъ въ вопросѣ о происхожденіи богослужбнаго пѣнія домонгольскаго періода обслѣдовать и предшествовавшій ему періодъ греко-славянскаго богослужбнаго пѣнія, какъ изначальный для него и исторически необходимый, хотя это обслѣдованіе и не можетъ претендовать на совершенную полноту и исчерпанность, какъ по недостатку сохранившихся матеріаловъ, такъ и по необслѣдованности этой области. Специально же изслѣдовать ее выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи и, кромѣ того, въ достаточной мѣрѣ сдѣлано западными учеными. Этимъ важнымъ значеніемъ и центральнымъ положеніемъ домонгольскаго періода въ исторіи и происхожденіи русскаго богослужбнаго пѣнія на рубежѣ христіанской древности и позднѣйшихъ временъ и объясняется то, почему прежде всего этотъ періодъ сталъ предметомъ нашего изслѣдованія и обсужденія.

Естественно затѣмъ спросить, въ какомъ положеніи находится въ наукѣ нашего предмета освѣщеніе вопроса о состояніи богослужбнаго пѣнія русской церкви въ домонгольскій періодъ и что новаго вносить въ эту область наше изслѣдованіе. Изъ двоихъ нашихъ предшественниковъ состоянію богослужбнаго пѣнія въ домонгольскій періодъ на Руси посвятилъ нѣсколько страницъ своего изслѣдованія „Церковное пѣніе въ Россіи“ протоіерей Д. В. Разумовскій и касался этого предмета въ сочиненіи „О нотныхъ безлинейныхъ рукописяхъ церковнаго знаменнаго пѣнія“ и въ статьѣ „Объ основныхъ началахъ богослужбнаго пѣнія православной греко-россійской церкви“, — Смоленскій, по разнымъ поводамъ, неоднократно, хотя какъ бы случайно и

мимоходомъ, затрогивалъ данный вопросъ, не отваживаясь однакоже на систематическое и обстоятельное его рѣшеніе и высказывая свои сужденія лишь въ видѣ догадокъ, мимолетныхъ предположеній, еще нуждающихся въ подкрѣпленіи и повѣркѣ. Сужденія прот. Разумовскаго о происхожденіи и характерѣ древняго богослужебнаго русскаго пѣнія совершенно общаго свойства и не затрогиваютъ деталей вопроса. „Исторія богослужебнаго пѣнія русской церкви, говоритъ онъ, основывается на сказаніи лѣтописей, а главнымъ образомъ на изученіи нотныхъ богослужебныхъ книгъ“. О самомъ богослужебномъ пѣніи домонгольскаго періода и его происхожденіи онъ выражается словами: „Знаменный распѣвъ несомнѣнно есть распѣвъ *греко-славянскій*, т. е. образовавшійся изъ древне-греческаго церковнаго пѣнія въ земляхъ славянскихъ и получившій тамъ свою особенную семеіографію, отличную отъ старой (и новой) церковно-греческой безлинейной семеіографіи. Это понятіе о происхожденіи знаменнаго распѣва подтверждается характеромъ первыхъ нотныхъ книгъ его, составомъ первой російской іерархіи изъ пастырей частію грековъ, частію славянъ,—хоромъ первыхъ пѣвцовъ русской церкви также частію изъ грековъ, частію изъ славянъ, и наконецъ, состояніемъ народонаселенія на балканскомъ полуостровѣ въ IX в., когда славяне приняли православную вѣру и образованность грековъ и когда сами греки вступили въ болѣе тѣсную связь съ народомъ всѣхъ земель балканскихъ“. Вотъ сущность взгляда прот. Разумовскаго на происхожденіе и характеръ богослужебнаго пѣнія русской церкви домонгольскаго періода, котораго въ принципѣ не отвергаетъ и наше изслѣдованіе, но съ своей стороны значительно расширяетъ и углубляетъ вопросъ, давая ему самостоятельную постановку и детальную разработку и освѣщеніе подъ своимъ особымъ угломъ зрѣнія, что и составляетъ центр тяжести настоящей работы.

Кромѣ лѣтописей и богослужебныхъ книгъ мы привлекаемъ иностранную литературу и обогащаемся свѣдѣніями изъ исторіи византійскаго, латинскаго, греко-сирійскаго и аеонскаго богослужебнаго пѣнія, находя здѣсь замѣтные пути взаимнаго влія-

нія и довольно близкую родственную связь отдѣльныхъ вѣтвей общехристіанскаго богослужебнаго пѣнія.

Въ понятіе знаменнаго распѣва мы вносимъ строгое разграниченіе большого знаменнаго распѣва, великорусскаго, принадлежащаго послѣмонгольскому періоду или московскому, и малаго, греко-славянскаго или малорусскаго, свойственнаго домонгольскому періоду, который и составляетъ главный предметъ нашего изслѣдованія.

Въ составѣ домонгольскаго богослужебнаго пѣнія мы различаемъ въ частности кондакарный напѣвъ, византійскаго характера, малый знаменный распѣвъ, сирійско-греко-славянскаго строя и характера, и пѣніе обычное осмогласное славяно-русскаго характера.

Въ способѣ и происхожденіи пѣвческаго симіографическаго письма мы различаемъ письмо кондакарное, византійское, древнее и новое, греко-сирійское и славяно-русское, латинское, хиромію, письмо псалмодійное и просодійное въ ихъ взаимной связи и исторической зависимости.

Въ звуковомъ строѣ древняго пѣнія мы различаемъ пѣніе по большой музыкальной системѣ византійской и по малой восточной греко-сирійской или славяно-русской, причемъ въ первомъ случаѣ осмогласіе утверждается на античныхъ ладахъ, а во второмъ—на системѣ трихордовъ или согласій, по типу гласовыхъ попѣвокъ.

Наконецъ, происхожденіе нашего богослужебнаго пѣнія мы устанавливаемъ не изъ Византіи, а главнымъ образомъ съ Аѳона и съ греко-сирійскаго Востока и лишь частично и посредственно чрезъ Византію на Кіевъ и другіе города Руси, съ колыбелью въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, причемъ признается большое участіе и посредство славянскихъ народностей.

Здѣсь именно и заключаются основные пункты расхожденія нашихъ работъ, при общей точкѣ отправленія, въ сравненіи съ работами моего предшественника, Д. В. Разумовскаго.

Сущность взгляда С. В. Смоленскаго на происхожденіе и характеръ древняго богослужебнаго пѣнія русской церкви выражается въ слѣдующемъ осторожномъ сужденіи: „Не входя въ

обсужденіе вопроса о первоначальномъ происхожденіи нашего пѣнія, ибо скудныя данныя выясняютъ весьма немногое, слѣдуетъ однако признать, что теоретическая сторона этого пѣнія и его письма сохраняетъ явные слѣды греческаго вліянія; практическая же въ видѣ постепеннаго развитія напѣвовъ и сообразной тому ихъ знаменной нотации, сложилась исключительно въ Россіи и есть безцѣпное наше кровное достояніе“. Въ болѣе позднихъ сужденіяхъ Смоленскій склоняется къ тому рѣшительному предположенію, что какъ напѣвы богослужебнаго пѣнія русскаго такъ и пѣвческая нотация есть гениальное русское изобрѣтеніе. Этимъ сказано уже очень много, и въ такихъ широкихъ рамкахъ это положеніе неприемлемо.

Въ нашемъ изслѣдованіи мы стоимъ ближе къ Разумовскому и держимся мнѣнія, которое и обосновываемъ въ доступной намъ мѣрѣ, что наше пѣвческое письмо или нотация рѣшительно греческаго происхожденія, но не византійскаго, а греко-сирійскаго, по крайней мѣрѣ въ періодъ домонгольскій, хотя впоследствии были внесены въ нее нѣкоторыя новообразованія русскаго характера и нѣчто изъ устарѣвшихъ элементовъ письма отброшено. Тоже должно думать и о церковно-музыкальной теоріи русскаго богослужебнаго пѣнія и теоріи осмогласія, вышедшей изъ греко-сирійскаго востока и наравнѣ съ симіографіей черезъ посредство Византіи и Афона, потомъ и непосредственно проникшей въ славяно-русскія земли и уже на Руси получившей окончательную обработку въ видѣ системы согласій и осмогласія въ попѣвкахъ.

Что касается до напѣвовъ, то въ домонгольскій періодъ могутъ быть приняты въ качествѣ господствующихъ исключительно только грекославянскіе напѣвы, т. е. греко-сирійскіе въ нотахъ и славянорусскіе въ обычномъ пѣніи. Дѣйствительный характеръ и типъ нотныхъ напѣвовъ, за невозможностью пока прочесть нотацию рукописей домонгольскаго періода, остается для исторической науки богослужебнаго пѣнія немалою загадкою, однако же довольно близкою къ разрѣшенію. Но читаемые по рукописямъ напѣвы послѣмонгольскаго періода не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они чисто великорусскаго типа

и характера по мелодіи и ритму и пѣвческимъ оборотамъ и есть достояніе собственно русское, хотя и возросшее на заимствованныхъ началахъ греко-славянскихъ. Поэтому и сужденія Смоленскаго могутъ быть принимаемы и разсматриваемы лишь черезъ призму указанныхъ ограниченій, послѣдовательно проведенныхъ въ нашемъ изслѣдованіи.

Вотъ тѣ главнѣйшіе пункты, въ которыхъ наше изслѣдованіе соприкасается съ мнѣніями нашихъ предшественниковъ въ общей работѣ, причемъ всѣ эти пункты разсматриваются нами подъ своимъ собственнымъ особымъ угломъ зрѣнія, и часто наши сужденія и выводы въ детальной части изслѣдованія не согласуются, или идутъ прямо въ разрѣзъ съ взглядами упомянутыхъ изслѣдователей и освѣщаютъ предметъ съ иныхъ сторонъ.

Наше изслѣдованіе въ своихъ положительныхъ результатахъ не беретъ на себя смѣлой задачи предрѣшить затрогиваемые вопросы, но лишь намѣтитъ наиболѣе естественное и правильное ихъ рѣшеніе и всего болѣе установить плодотворный научный методъ, который бы открывалъ путь къ вѣрному взгляду на существенныя стороны главнѣйшихъ вопросовъ о происхожденіи, сущности и характерѣ богослужебнаго русскаго пѣнія. Это однакоже не лишаетъ его права претендовать на значительную долю участія въ раскрытіи, освѣщеніи и разработкѣ относящагося сюда матеріала и въ провѣркѣ и критикѣ существующихъ взглядовъ и теорій, съ предложеніемъ посильныхъ новыхъ трактовокъ и предположительныхъ рѣшеній существенныхъ вопросовъ и ихъ важнѣйшихъ сторонъ въ намѣченной области, къ чему давало смѣлость прилежное и не кратковременное изученіе предмета.

Основные положенія и руководящія мысли нашего изслѣдованія ясны сами по себѣ. Богослужебное пѣніе составляетъ неотъемлемую принадлежность ритуала всѣхъ извѣстныхъ религій. Въ христіанствѣ богослужебное пѣніе получило силу, по примѣру еврейской пасхи, уже на тайной вечери, а затѣмъ въ апостольское время и на христіанскихъ собраніяхъ для преломленія хлѣба. Это было пѣніе псалмовъ, пѣній и пѣсней духовныхъ, которые по напѣвамъ своимъ должны были при-

ближаться или къ свободной импровизаціи, или иногда къ установившемуся речетативу. Съ умноженіемъ храмовъ и ростомъ христіанской церкви, послѣ Константина Великаго, богослужбное пѣніе въ IV и V в. регулируется въ смыслѣ пѣнія на гласы, по мелодіямъ и ладамъ и, можетъ быть, по хирономіи, на основахъ древней просодіи. Въ это же время получаетъ права просодія, какъ чтеніе св. писанія на распѣвъ при помощи просодійныхъ знаковъ съ нѣкоторыми къ нимъ прибавленіями новыхъ. Появляются организованные хоры пѣвцовъ, которые берутъ на себя выполнение не только унисоннаго и антифоннаго пѣнія, вполне общенароднаго въ прежнее время, но и новаго гласового, по отношенію къ стихирамъ, тропарямъ и ирмосамъ, и хирономическаго, по отношенію къ отдѣльнымъ пѣснопѣніямъ негласовымъ, какъ „Свѣте тихій, Херувимская пѣснь, Нынѣ силы“ и проч. Желаніе закрѣпить установившіяся напѣвы и мелодіи, съ цѣлью устойчивости и единообразія въ пѣніи создало пѣвческую симіографію, возникшую на почвѣ хирономіи и псалмодіи. Такъ постепенно возникъ и образовался кругъ богослужбныхъ пѣвческихъ книгъ, какъ октоихъ, ирмологій, стихирарій, тріоди, евхологій и друг. Когда западное латинское богослуженіе обособилось отъ восточнаго греческаго, образовавъ свои особые чины съ своими особыми напѣвами и невматической симіографіей, греческое богослуженіе, пересаженное въ практику славянскихъ церквей, приняло въ славянскихъ земляхъ въ составъ греческихъ напѣвовъ и напѣвы славяно-русскіе, выразившіяся частію въ обычномъ устномъ напѣвѣ, частію въ симіографіи русскихъ богослужбныхъ книгъ домонгольскаго періода, сходной съ симіографіей греко-сирійской и совершенно отличной отъ симіографіи византійской, что главнымъ образомъ и даетъ право сближать русское церковное пѣніе съ восточнымъ греко-сирійскимъ, а не съ византійскимъ, съ которымъ сходствуетъ лишь, такъ называемое, кондакарное пѣніе. Такъ схематизируется вопросъ о происхожденіи богослужбнаго русскаго пѣнія, причемъ мы придаемъ особенное значеніе влиянію греко-сирійскому, при участіи Афона же и Византіи. Сообразно съ этимъ

отмѣчаются всѣ тѣ черты и явленія въ жизни новопросвѣщенной Руси и ея церкви, въ коихъ выражается греко-восточное и славянское влияніе на Русь, на ея церковный бытъ и на древнее богослужбное русское пѣніе, каковы паломничества благочестивой Руси на Востокъ, съ одной стороны, и предполагаемое господство славянства въ новопросвѣщенной Руси при Владимірѣ—съ другой. Центромъ зарожденія и исходнымъ пунктомъ повсюднаго распространенія на Руси богослужбнаго русскаго пѣнія нельзя не признать новопросвѣщеннаго Кіева и Кіевопечерской лавры, почему и естественно самъ собою выдвигается вопросъ о кіевскомъ и вообще южнорусскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ изъ сохранившихся отъ домонгольскаго періода пѣвческихъ крюковыхъ рукописей, которымъ такового доселѣ не приписывали. Богослужбное пѣніе домонгольскаго періода въ его цѣломъ составѣ, какъ обычное и потное крюковое, хотя пока и не возстановлены въ своихъ напѣвахъ, всѣ данныя вынуждаютъ признать греко-славянскимъ, или, точнѣе, греко-славяно-русскимъ, съ его восточнымъ греко-сирійскимъ характеромъ, кондакарное же греко-русскимъ, съ чисто византійскимъ отпечаткомъ,—тогда какъ въ послѣмонгольскій періодъ русское богослужбное пѣніе всецѣло должно быть признано совершенно великорусскимъ, національнымъ церковно-народнымъ пѣніемъ, но въ своей исторической основѣ покоящимся однакоже на пѣвческихъ началахъ предыдущаго періода. Таковъ ходъ и ближайшіе результаты нашего изслѣдованія:

Критика въ лицѣ покойнаго С. В. Смоленскаго, рецензировавшаго наше сочиненіе по порученію Академіи Наукъ въ конкурсѣ на премію гр. Уварова, не отказывая ему въ эрудиціи, усмотрѣла однакоже въ немъ, въ качествѣ дефекта, то, что авторъ обошелъ молчаніемъ самые напѣвы крюковыхъ рукописей домонгольскаго періода. Но со стороны рецензента это простое недоразумѣніе, ибо, какъ замѣчено въ концѣ нашего сочиненія, реставрація древнихъ напѣвовъ, какъ чисто техническая работа, совершенно не входила въ рамки нашего ученаго изслѣдованія, взамѣнъ чего выдвигался нами на первый планъ лишь научный методъ реставраціи—ретроспективный, самая же

реставрація отодвигалась въ болѣе или менѣе отдаленное и благопріятное будущее, при ожидаемыхъ дальнѣйшихъ работахъ и изслѣдованіяхъ въ этой области, почему и упрекъ рецензента отпадаетъ самъ собой.

Теперь о заглавіи нашего сочиненія и о планѣ его, что обычно нерѣдко даетъ поводъ критикѣ къ замѣчаніямъ и возраженіямъ. Понятіе „Богослужбнаго пѣнія русской церкви въ періодъ домонгольскій“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принимаемо въ его вербальномъ значеніи, какъ русское церковное пѣніе домонгольского періода въ его напѣвахъ. Если даже остановиться на этомъ значеніи, то и тогда въ границы нашего изслѣдованія, по неизбежной органической связи входятъ и напѣвы предшествующіе основанію русской церкви, славянскіе, латинскіе, греческіе и напѣвы послѣдующіе, развившіеся на основѣ домонгольского пѣнія, большой знаменный, путевой, демество и друг. Но заглавіе нашей книги ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принимаемо въ его вербальномъ значеніи. Терминъ „богослужбное пѣніе“ мы понимаемъ въ его широкомъ научномъ значеніи, какъ особый своеобразный и самостоятельный институтъ въ церковно-богослужбномъ ритуалѣ, съ своей исторіей, теоріей, литературой предмета, научными и археологическими памятниками, въ связи съ литургической, эстетически-художественной и церковно-религіозной стороной богослуженія и въ единеніи съ богословскою наукою, выражаемой въ церковной гимнографіи и вѣроучительныхъ символахъ. Въ этомъ широкомъ пониманіи богослужбное пѣніе принадлежитъ почти цѣликомъ области науки богословско-исторической и археологической и только въ отношеніи своихъ напѣвовъ, которыхъ мы касаемся въ настоящемъ изслѣдованіи, оно принадлежитъ музыкально-пѣвческому искусству, въ его теоріи и исторіи, что мы затрогиваемъ здѣсь почти мимоходомъ, какъ необходимыя звенья, уясняющія ходъ нашего изслѣдованія.

Другое необходимое поясненіе. Взявши русское богослужбное пѣніе въ домонгольскій періодъ, мы не можемъ и не имѣемъ права ограничивать нашу область изслѣдованія только этимъ періодомъ греко-славянскимъ и послѣдующимъ ему, вели-

корусскимъ, ибо оно, съ одной стороны, упирается своими корнями въ область греческаго богослужбнаго пѣнія, а съ другой—выращаетъ на своей почвѣ великорусскій напѣвъ, большой знаменный, съ путевымъ и демественнымъ пѣніемъ. Слѣдовательно домонгольскій періодъ богослужбнаго пѣнія, какъ недоступный и пониманію и изученію въ своей исторической изолированности, мы не можемъ обсуждать внѣ предыдущей и послѣдующей исторической связи, но лишь въ соотношеніи и соотвѣтствіи съ его предыдущими и послѣдующими историческими условіями и въ связи съ вопросомъ происхожденія русскаго и общецерковнаго богослужбнаго пѣнія. А такая постановка дѣла неизбежно вовлекаетъ въ обсужденіе и разсмотрѣніе вопросовъ общецерковнаго, общегосударственнаго и общесторического характера и значенія, поскольку они вліяли на ту или другую изъ существенныхъ сторонъ обсуждаемаго предмета, что нѣсколько ослабляетъ спеціальнй характеръ изслѣдованія и сообщаетъ ему нѣкоторую энциклопедичность, которая однако же находитъ свою цѣлесообразность въ томъ, что служитъ какъ бы подготовкой для непосвященнаго въ спеціальную область читателя, находящаго точку опоры для своихъ сужденій по спеціальнымъ сторонамъ предмета въ соотвѣтствующихъ общенаучныхъ аналогіяхъ, сближеніяхъ и сопоставленіяхъ. Да и кромѣ того, такой малоизслѣдованный предметъ, какъ богослужбное пѣніе, по его широкой и тѣсной связи со многими сторонами общецерковной жизни и науки даже и для спеціалиста, въ цѣляхъ болѣе основательнаго углубленія въ сущность предмета, требуетъ достаточно широкой постановки и освѣщенія. Въ противномъ случаѣ предметъ изученія пріобрѣтаетъ узко спеціальнй характеръ и чисто практическій интересъ, съ преобладаніемъ оттѣнковъ школьнаго и утилитарнаго значенія, въ ущербъ общенаучному и идеальному его пониманію, которое одно въ состояніи удовлетворить широкимъ научнымъ запросамъ мысли, стремящейся обнять данный предметъ въ его цѣлости, полнотѣ и связи съ соприкосновенными съ нимъ явленіями и областями изслѣдованія, въ его многогранномъ, а не однобокомъ обнаруженіи въ наукѣ, исторіи и жизни. Наше

изслѣдованіе, не исчерпывая окончательно своего предмета, считало бы свою задачу исполненной, если бы добытое имъ въ области богослужебнаго русскаго церковнаго пѣнія и расчищенные имъ пути для дальнѣйшихъ работъ въ этой области не остались мертвымъ капиталомъ, а оживили бы нашу юную церковно-пѣвческую науку, углубили бы ея работы и расширили бы ея скромные предѣлы на пользу отечественной церкви и ученой любознательности. Предлагая свое изслѣдованіе на просвѣщенный судъ, съ глубокимъ сознаниемъ своихъ несовершенствъ, предвижу наличность неизбѣжныхъ недостатковъ въ своей работѣ, но и позволяю себѣ утѣшаться тѣмъ, что, работая, руководился серьезными научными побужденіями и высокимъ научно-археологическимъ интересомъ данной области, имѣя въ виду древнее изреченіе: quod potui feci, faciant meliora potentes.

Протоіерей Василій Металловъ, профессоръ Московской Консерваторіи и Императорскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II-го.

23 Сентября
1912 г.

Часть I.

Происхожденіе русскаго церковнаго пѣнія и симіографіи.

Qui mutat cantus—
mutat mores.

Введение.

Богослужебное пѣніе, какъ принадлежность культа. Сходство музыки и пѣнія у египтянъ, евреевъ и грековъ. Музыка обще-христіанская.

Богослужебное пѣніе православной русской церкви получило свое начало на Руси одновременно съ введеніемъ христіанства и утвержденіемъ православнаго богослужебнаго чина въ средѣ новопросвѣщенныхъ христіанъ. Крещеніе Руси стало величайшимъ событіемъ въ ея исторической жизни, открывшимъ нову великую эпоху въ исторіи славяно-руссовъ. Въ христіанствѣ новые народы почерпнули неизмѣримыя сокровища и богатства и неистощимыя силы для дальнѣйшаго всесторонняго духовнаго развитія и культурнаго преуспѣянія. Духовное просвѣщеніе, образованіе, наука, искусство, культура, гражданственность, законодательство, дѣло воспитанія и ученія, нравы и обычаи, отношенія личныя, семейныя и общественныя, религіозныя вѣрованія, система религіознаго ученія и нравственной дѣятельности, формы богослужебнаго культа—все слагалось въ новопросвѣщенныхъ племенахъ славяно-руссовъ на основаніи идей христіанства. Хотя корни язычества съ его гнилыми отростками еще и чувствовались въ средѣ новыхъ христіанъ, но теоретически, какъ религіозное ученіе, язычество было уже осуждено на смерть и, если и находило для себя силу живучести, то болѣе въ области практической, въ средѣ общечеловѣческой слабости и грѣховности людей, питая разныя укоренившіяся суевѣрія и тайныя пороки. Богослужебный культъ и съ нимъ тѣсно связанный священный языкъ молитвъ и пѣнопѣній и священное искусство пѣвческое, живописное и архитектурное и отчасти декламационное, болѣе другихъ проявленій духовной жизни возрожденнаго человѣка оказались въ зависимости отъ новыхъ идей христіанства. Поклоненіе Богу духомъ и истиною

первыхъ послѣдователей Христа было идеею поклоненія Единому Богу и новыхъ христіанъ славяно-русовъ. Если первоначальныя формы богослужебнаго культа первыхъ вѣковъ христіанства могли быть въ нѣкоторой внѣшней зависимости отъ формъ языческаго культа, могли заключать въ себѣ нѣкоторыя произвольныя подражанія и сходства, по естественной привычкѣ христіанъ изъ язычниковъ къ традиціи и старинѣ и по общему характеру и пригодности нѣкоторыхъ формъ языческаго культа ко всякому другому культу, кореняющихся въ самой природѣ религіознаго поклоненія, формъ универсальнаго характера, какъ жертва, молитва, таинство, пѣніе, музыка, декламация, преклоненіе до земли, поднятіе рукъ и т. п.,—то за время вселенскихъ соборовъ христіанскій культъ совершенно одухотворился, обособился во внѣшнихъ формахъ отъ культа языческаго и іудейскаго и выработалъ формы, соотвѣтствующія идеѣ поклоненія Богу духомъ и истиною, чуждыя, какъ внѣшняго вліянія язычества и іудейства, такъ и въ особенности еретическихъ и сектанскихъ нововведеній,—формы культа чисто христіанскаго, во внѣшнихъ видимыхъ дѣйствіяхъ, словъ и символѣ идеально воспроизводящія все домостроительство спасенія людей во Христѣ, выражающія и наши идеальныя чаянія о будущихъ судьбахъ, молитвы, прошенія и благодаренія, наше духовное общеніе съ Божествомъ. Славяно-русы въ купели крещенія восприняли уже очищенныя, усовершенныя и установившіяся формы христіанскаго культа, общія Востоку и Западу, съ незначительными частными уклоненіями только чисто національнаго и мѣстнаго характера. Было вполне естественно, что, придерживаясь общей схемы христіанскаго культа, латинянинъ, грекъ, сиріецъ, коптъ, каждый изъ нихъ иначе выражалъ въ частностяхъ отдѣльныя формы культа, тѣмъ нисколько не нарушая основной идеи и характера культа и христіанскаго религіознаго общенія народовъ. Вполнѣ естественно было, что славяно-русы въ крещеніи своемъ восприняли формы культа, не безъ національныхъ особенностей того народа, откуда заимствована была ими и самая вѣра, обнаруживъ, однакожь, въ послѣдствіи способность и потребность придать имъ собственную національную окраску и болѣе или менѣе отрѣшившись отъ чуждыхъ національныхъ особенностей ихъ.

Такимъ образомъ культъ славяно-русовъ долженъ былъ по необходимости заключать въ себѣ общехристіанскія формы, заимствованный чуждый національный придатокъ и собственныя національныя наслоенія послѣдующаго религіозно-культурнаго развитія.

Музыка и пѣніе во все времена составляли самую существенную принадлежность религіознаго культа. Древніе арійцы, индійцы, бактрійцы, персы, мидяне, халдеи, финикійцы, ассирійцы, египтяне, греки, римляне, галлы, германцы, славяне—все въ религіозныхъ церемоніяхъ и культѣ пользовались музыкой и пѣніемъ, коимъ приписывалось божественное происхожденіе. Священныя книги индійцевъ (Веды) и персовъ (Зендавеста), барельефы въ усыпальницахъ и храмахъ вавилонянь, финикійцевъ, ассирійцевъ, египтянь, сказанія историковъ о галлахъ, германцахъ и славянъ, наконецъ свѣжіе памятники первыхъ культурныхъ народовъ Европы—грековъ и римлянъ,—вещественныя и письменныя, даютъ неопровержимыя свидѣтельства всегдашняго и преимущественнаго употребленія въ религіозномъ культѣ народовъ пѣнія и музыки.

Въ ближайшій къ началу христіанства періодъ времени въ средѣ семитовъ—евреи, въ средѣ кушитовъ—египтяне и въ средѣ арійцевъ—греки и римляне, болѣе культурные народы того времени, цѣнили музыку и пѣніе болѣе всего съ религіозной стороны, какъ даръ боговъ и какъ важнѣйшую и неотъемлемую принадлежность богослужебнаго ихъ культа. Не говоря о еврейскомъ народѣ, для котораго со временъ Моисея, музыка и пѣніе имѣли только религіозное значеніе и употреблялись постольку, поскольку это требовалось ихъ богослужебнымъ культомъ, въ которомъ онѣ занимали выдающееся положеніе, въ особенности со временъ Давида, поставившаго эту часть еврейскаго богослуженія, какъ по тексту псалмопѣнія, такъ и по напѣвамъ, на недостижимую высоту, у египтянь, грековъ и даже у римлянъ музыка и пѣніе процвѣтали главнымъ образомъ на почвѣ религіозной, въ храмахъ и религіозныхъ церемоніяхъ. Приватное употребленіе музыки и пѣнія, у египтянь—пѣвицами и танцовщицами, у грековъ—въ гимназіяхъ съ педагогическими пѣльями, въ театрѣ, на зрѣлищахъ, какъ сопровожденіе и дополненіе къ лирикѣ, эпосу и драмѣ, на войнѣ, въ походахъ, какъ одушевляющее средство, возбуждающее воинскій пылъ и энергію, въ домашнемъ быту, среди друзей и на веселей пирушкѣ,—и наконецъ, у римлянъ, главнымъ образомъ, на войнѣ и во время забавъ и зрѣлищъ на аренѣ, или, рѣже, за пиршествами,—такое употребленіе извѣстнаго только, соотвѣтствующаго условіямъ мѣста и времени, характера музыки не отнимало и не умаляло первоначальнаго принципиальнаго значенія музыки и пѣнія, какъ исконной принадлежности религіознаго культа этихъ народовъ.

Египетская музыка—самая древнѣйшая и іератическая по преимуществу. Она составляла привиллегію жрецовъ и была одной

изъ тайнъ этой замкнутой касты, недоступныхъ для непосвященныхъ, и, по самому роду дѣятельности и занятій жрецовъ, могла быть только религіозная. Древность, цѣлостъ и неповрежденность жреческой египетской музыки до самыхъ позднихъ временъ, обусловливались неизмѣнно господствовавшей въ средѣ жреческой египетской касты привязанностью къ старинѣ и строгимъ запрещеніемъ вводить что-либо новое въ области религіозной музыки. Поэтому ничего не могло бы быть удивительнаго въ томъ, если бы музыка отдаленнѣйшихъ временъ Египта была такая же, какъ и во времена Іакова и Іосифа, равно какъ и во время путешествія по Египту любознательнаго Пифагора, ибо единственные памятники этого рода, берельефы на саркофагахъ египетскихъ фараоновъ, кромѣ изображенія музыкальныхъ инструментовъ и способа игры на нихъ, ничего не говорятъ о самой музыкѣ египтянъ.

Если же египетская жреческая религіозная музыка, по самымъ условіямъ своего историческаго существованія и преемства въ средѣ замкнутой жреческой касты, не подвергалась возможности измѣненій и нововведеній, то въ этомъ заключается та выгода для ея изученія, что въ еврейской и греческой музыкѣ можно находить ея ближайшее преемство и наслѣдіе. Въ высокомъ сановникѣ Египта, Іосифѣ, зятѣ главнаго египетскаго Илюпольскаго жреца, еврейскій народъ могъ имѣть лицо, посвященное ближайшимъ образомъ въ тайны религіозной египетской музыки, и насадителя этого рода музыки среди своихъ соплеменниковъ, что и подтверждается сходствомъ музыкальныхъ инструментовъ еврейскихъ съ египетскими¹⁾. О Моисеѣ, организаторѣ еврейскаго богослужебнаго культа во всѣхъ его подробностяхъ, извѣстно, что онъ обучался музыкѣ у египетскаго жреца и, слѣдовательно, естественно могъ примѣнить начала этой музыки къ богослужебному еврейскому культу, придавъ ей въ подробностяхъ, быть можетъ, болѣе національный характеръ.

При Давидѣ и Соломонѣ религіозная музыка евреевъ стала вполне національною, но сношенія съ Египтомъ въ это время всетаки не прекращались, какъ и въ послѣдующее время вплоть до завоеванія Александра Македонскаго.

Культурная, просвѣтительная дѣятельности правителей Египта, Птоломеевъ, объединила затѣмъ болѣе даровитыя націи и привлекла многихъ любознательныхъ людей разныхъ національ-

¹⁾ См. нашу ст. въ „Чтен. Общ. Любит. Дух. Просвѣщ. июль — июль 1912 г.“ „Музыка и музыкальные инструменты у древнихъ евреевъ“.

ностей въ центръ тогдашняго просвѣщенія — Александрію, гдѣ науки и искусства соперничали между собою въ успѣхѣхъ и процвѣтаніи, гдѣ интересовались и иноземными религіями и ихъ культами и гдѣ можно было, наоборотъ, заимствовать все лучшее съ этой стороны. Еврейская и египетская религіозная музыка здѣсь снова встрѣчались и оказывали взаимное вліяніе другъ на друга, утверждаясь въ прежнихъ общихъ имъ старинныхъ традиціяхъ. Здѣсь же впервые встрѣчалось иное музыкальное теченіе въ образѣ греческой музыки, вмѣстѣ съ плодами македонскаго завоеванія, распространявшейся на Востокъ.

Греческая музыка не чужда была и прежде древнихъ традицій египетскихъ. О Пифагорѣ есть преданіе, что онъ, во время путешествія по Египту, былъ посвященъ египетскими жрецами во многія тайны наукъ и искусствъ и отсюда же заимствовалъ основанія изложенной имъ теоріи музыки и гармоніи сферъ. Пифагорейская же музыкальная теорія неизмѣнно господствовала затѣмъ въ средѣ греческихъ и латинскихъ музыкантовъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, захвативъ своимъ вліяніемъ даже и средне-вѣковыхъ музыкантовъ и теоретиковъ. Въ Александріи Птоломеевъ греческая музыка, не теряя своего, выработаннаго временемъ, національнаго характера, при встрѣчѣ съ музыкой египетской, естественно укрѣпилась въ ея исконныхъ неизмѣнныхъ традиціяхъ, общихъ какъ по музыкальной природѣ, такъ и по единству происхожденія и основанія.

Римская музыка, какъ и наука, искусство, образованность и культура вообще, была лишь копіей и подражаніемъ греческой — римскій національный элементъ здѣсь отсутствовалъ. Это и было причиной того, почему средніе вѣка, перенявшіе цѣликомъ латинскую образованность, музыкальную теорію однако-же имѣли греческую.

Такимъ образомъ ко времени появленія христіанства египтяне, іудеи, греки и римляне, при существовавшихъ своеобразныхъ національныхъ отличіяхъ, имѣли однакоже музыку однородную какъ по природѣ, такъ и по происхожденію и основаніямъ, одинаково доступную и понятную какъ іудею и египтянину, такъ и греку и римлянину. Климентъ Александріи египетской подтверждаетъ полное взаимообщеніе въ области музыки и пѣнія въ началѣ христіанства египтянъ, іудеевъ и грековъ.

Христіанство, въ своемъ культѣ не различавшее по націямъ варвара, скива, іудея и эллина, по самому своему принципу свободы, не могло сдѣлать предпочтенія музыкѣ какой-либо изъ націй и потому свободно принимало въ практику первоначальнаго

богослужбнаго культа изъ области музыки и пѣнія все то, что отвѣчало основной идеѣ и существеннымъ потребностямъ и цѣлямъ культа. Такъ пѣніе антифонное, по Сократу, впервые введено св. Игнатіемъ Богоносцемъ въ I-мъ вѣкѣ въ Антиохійской церкви, въ Малой Азіи. Но оно несомнѣнно существовало уже у евреевъ со временъ Моисея, а особенно развито было во времена Давида, и несомнѣнно, по традиціи, осталось и у христіанъ изъ іудеевъ. О томъ же антифонномъ пѣніи въ IV вѣкѣ св. Василій Великій пишетъ, что оно, въ силу общности богослужбныхъ обычаевъ въ частныхъ христіанскихъ церквахъ, одинаково вездѣ— „у египтянъ; ливійцевъ, еивянъ, палестинянъ, аравитянъ, финикянъ, сиріянъ и жителей Евфрата и вообще у всѣхъ, гдѣ сохраняются бдѣнія и молитва и общія псалмопѣнія“. Амвросій Медиоланскій, бывшій образцомъ для папъ по устройенію богослужбнаго пѣнія въ церкви Римской, а за нею и во всѣхъ западныхъ церквахъ, самъ устраивалъ богослужбное пѣніе въ церкви Миланской „по образцу восточныхъ церквей“. Блаженный Августинъ Иппонійскій былъ хорошо освѣдомленъ о богослужбномъ пѣніи, устройномъ св. Аѳанасіемъ въ Александрійской церкви, и хвалилъ такое пѣніе. Св. Іоаннъ Златоустъ, бывшій Антиохійскій пресвитеръ, устраивалъ богослужбное пѣніе, антифонное и гласовое, въ борьбѣ съ аріанами въ Константинополѣ въ томъ характерѣ и направленіи, какъ это было ему извѣстно изъ его предыдущей службы въ Антиохіи.

Въ то время, когда у христіанъ была „душа едина“, не могло быть мѣста обособленіямъ отдѣльныхъ церквей въ отношеніи богослужбнаго культа; напротивъ, помѣстныя церкви и іерархи стремились къ объединенію и согласію съ старшими и болѣе почетными церквами и іерархами во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся вѣры и богослуженія, почему нерѣдко были между іерархами и благочестивыми мужами взаимныя посѣщенія другъ друга и бесѣды по поводу недоумѣній и нововведеній въ церкви, а также и соборныя разсужденія помѣстныхъ церквей о разныхъ нуждахъ и мѣрахъ по вопросамъ вѣры, благоповеденія и богослуженія. Правила св. отцовъ, правила помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ были плодомъ подобныхъ заботъ іерархіи о нуждахъ Церкви. Правила апостольскія, соборовъ Карѳагенскаго и Лаодикійскаго, вселенскаго VI-го, наставленія и указанія св. отцовъ и учителей церкви: Игнатія Богоносца, Поликарпа Смирнскаго, Климента Александрійскаго, Кипріана Карѳагенскаго, Василія Великаго, Іоанна Златоуста, блаженнаго Августина и Иеронима и др. содержатъ достаточно указаній для благоустроенія богослужбнаго пѣ-

нія, въ духѣ христіанской церкви. Литургическая дѣятельность св. отцовъ и благочестивыхъ просвѣщенныхъ іерарховъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ, въ существенномъ завершенная св. Іоанномъ Дамаскинымъ и св. Космою Маюмскимъ, сообщали богослужбному пѣнію дисциплинированность въ духѣ и характеръ богослужбныхъ чиновъ христіанской церкви, точно оградивъ его употребленіемъ предписаніями и правилами устава въ ритуалѣ христіанскаго богослуженія, на ряду съ чтеніемъ, молитвою, проповѣдью, священными дѣйствіями и символомъ, приурочивъ его къ опредѣленнымъ временамъ и мѣсту священнослуженія.

Такимъ образомъ въ IX-мъ вѣкѣ, на зарѣ христіанскаго просвѣщенія славяно-русовъ, богослужбное пѣніе было совершенно обработано и окончательно установлено съ литургической стороны. Но что оно представляло собою со стороны напѣвовъ, музыки?

Послѣ разрушенія Іерусалима и разсѣянія іудеевъ, центръ христіанства сосредоточился въ греко-римскомъ мірѣ; музыкальное вліяніе и господство принадлежало всецѣло греческой націи и отчасти Египту, Риму, а затѣмъ персамъ и арабамъ, музыка которыхъ въ VII, VIII и XI в.в. представляла собою много общаго и вмѣстѣ съ тѣмъ удерживала коренное сходство и съ музыкой греческой.

Христіанская древность не оставила намъ мелодій и напѣвовъ, записанныхъ симіографически, а тѣ изъ немногихъ и болѣе позднихъ, которые учеными относятся къ IX и X в.в., записаны такими симіографическими знаками, которые не вполне доступны специалистамъ для изложенія ихъ на современное письмо и воспроизведенія ихъ пѣвчески. Древность оставила только одну— музыкальную теорію, общую греко-римскому міру и нѣкоторымъ народамъ востока (египтянамъ, персамъ, арабамъ), по которой можно составить нѣкоторое представленіе о музыкѣ конца перваго десятка вѣковъ христіанской эры.

Славянскій міръ, воспринявъ христіанство отъ грековъ, воспринялъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ свой культъ и элементы греко-римской музыки и свое богослужбное пѣніе устроилъ по образцу и на музыкальныхъ началахъ богослужбнаго пѣнія современной греческой церкви.

Отсюда задача изслѣдованія богослужбнаго пѣнія православной русской церкви состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ начало и дальнѣйшій ходъ развитія православнаго русскаго церковнаго пѣнія въ связи съ историческими ихъ условіями и въ зависимости ихъ, какъ отъ богослужбнаго пѣнія византійской и вообще греко-восточной церкви, такъ и отъ богослужбнаго пѣнія новопросвѣщенныхъ славянъ.

Глава I.

Богослуженіе, богослужебная письменность и богослужебное пѣніе, русское и славянское, въ связи съ фактомъ крещенія русскихъ и славянъ.

По общепринятому мнѣнію, крещеніе Руси и самого крестителя ея, князя Владиміра, совершилось въ 988 г. Это мнѣніе въ недавнее время съ большою обстоятельностью отстаивалось учеными профессорами Кирпичниковымъ ¹⁾ и Соболевскимъ ²⁾ въ пользу большей вѣрности хронологіи лѣтописи, по сравненію съ другими документами и вытекающими изъ сопутствующихъ факту крещенія условій соображеніями. Профессоръ Е. Е. Голубинскій въ 1-мъ изданіи своего капитальнаго труда („Исторія русской церкви“ т. I, 1-я половина, 1880 г., и во 2-мъ, 1901 г.) пришелъ къ выводу, что годомъ крещенія Руси должно считать 989—990, годомъ же крещенія самого Владиміра 987-й, годомъ же взятія Корсуня 989-й. Къ этому выводу присоединились печатно профессора Малышевскій ³⁾ и Завитневичъ ⁴⁾. Не входя въ обсужденіе pro и contra, мысль естественно останавливается на правдоподобности фактовъ, что крещеніе Руси и самого Владиміра были не въ одно время и что это послѣднее должно было совершиться, несомнѣнно, раньше и раньше не на большой промежутокъ времени. Поэтому, будемъ-ли признавать годомъ крещенія Руси 990-й, 989-й или же 988-й годъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ годомъ крещенія Владиміра легко можетъ быть принятъ 987-й годъ, какъ составляющій минимумъ промежутка по отношенію къ общепринятому году крещенія Руси, 988-му. Но принимая этотъ послѣдній годъ за годъ крещенія Руси, встрѣчаемъ неудобство съ другой

¹⁾ Прав. Обзор. 1888 г. Окт.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1888 г. Іюнь.

³⁾ Въ рецензіи на „Исторію“ Голубинскаго.

⁴⁾ Труды Кіев. Дух. Акад. 1888 г. Январь.

стороны. Точныя данныя уполномочиваютъ заключать, что митрополитъ (Леонтій) а съ нимъ и другіе епископы, появляются на Руси только съ 991 г., о полахъ же упоминается только послѣ взятія города Корсуня 989 г. Могли ли быть безъ епископовъ и священниковъ, въ достаточномъ количествѣ, новопросвѣщенные христіане, въ первомъ случаѣ до 991 г., во второмъ—до 989 г., если крещеніе Руси отнеси къ 988 г.? Поэтому, естественноѣе сблизить между собою оба факта—крещеніе Руси и появленіе іерархіи, отодвинувъ первый фактъ къ концу 989 г., или началу 990 г., принявъ появленіе іерархіи на Руси, по крайней мѣрѣ, священниковъ послѣ Корсунскаго похода 989 г., бывшаго черезъ 2 года послѣ крещенія самого Владиміра въ 987 г.⁵⁾ или же, до вѣрившись лѣтописному сказанію, остановиться на традиціонной точкѣ зрѣнія, признавъ начало русской іерархіи вмѣстѣ съ первымъ святителемъ новопросвѣщенной Руси Михаиломъ, по Никоновской лѣтописи, явившимся на Русь, по приглашенію кн. Владиміра, въ 988 г.⁶⁾

Крещеніе самого Владиміра естественно представлять не въ одно время съ крещеніемъ Руси, а раньше, уже по тому соображенію, что князь Владиміръ не былъ для своего народа и „дружины“ всемогущимъ деспотомъ, всякое желаніе котораго для подданнаго—раба—законъ, тѣмъ болѣе въ отношеніи „дружины“, считавшей себя на положеніи друзей, сотрудниковъ князя, а не слугъ и исполнителей всякихъ его приказаній. Извѣстно, что князь Игорь при всемъ видимомъ расположеніи его къ христіанству, хотя бы изъ того, что наравнѣ съ язычниками онъ имѣлъ войновъ христіанъ и въ договорѣ 944 г. съ греками признавалъ ихъ гражданскую равноправность въ скрѣпленіи этого договора, однакоже до конца жизни не рѣшался стать явнымъ христіаниномъ, и его жена Ольга лишь не задолго до своей кончины приняла явно христіанство, не успѣвъ всетаки склонить къ нему своего сына Святослава. Самъ ранѣе ревностный язычникъ, занявъ престолъ, при помощи языческой партіи сторонниковъ, могъ ли Владиміръ, ставъ христіаниномъ, круто повернуть своихъ „содружинниковъ“ язычниковъ и весь народъ на путь принятія христіанства? Здѣсь могло имѣть силу и дѣйствіе не столько слово, убѣжденіе и при-

⁵⁾ Разсужденія о хронологіи этихъ фактовъ у Голубинскаго „Исторія русской церкви“, т. I, первая половина, изд. 2-е. Москва, 1901, стр. 105—187.

⁶⁾ Соображенія въ пользу этой традиціи см. у А. Маркова въ ст. „Вопросъ о подлинности церковныхъ грамотъ, входящихъ въ составъ новгородскихъ лѣтописей“, „Богословскій Вѣстникъ“, 1911, сентябрь, стр. 136—144.

казаніе, сколько живой примѣръ, нравственное его воздѣйствіе, болѣе не видимое, тайное, чѣмъ осязаемое, явное,—но такое, которое требовало бы времени, совершалось бы, не спѣша, естественно и постепенно. Такимъ и казался бы промежутокъ отъ 987 г. до 989—990 г., хотя сравнительно и не большой. И самъ Владиміръ не сразу могъ рѣшить свое крещеніе въ 987 г. Этому рѣшенію должно было предшествовать болѣе или менѣе продолжительное размышленіе, колебаніе, обдумываніе, тотъ внутренній подготовительный психологическій процессъ, безъ котораго не могло совершиться столь важное и знаменательное событіе въ жизни человѣка, какъ убѣжденная перемѣна вѣры—язычества на христіанство. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что здѣсь сказалося и зародило въ душѣ юнаго Владиміра новую мысль еще вліяніе бабки, его частое обращеніе съ варягами—христіанами, его походы въ христіанскія страны, какъ напр., походъ на низовскихъ болгаръ около 985 г., наконецъ то обстоятельство, что между женами его были—гречанка, двѣ чехини и болгарка, вѣроятно, плѣненная въ походѣ 985 г. и, вѣроятно, мать сыновей его—Бориса и Глѣба. Болгарско-христіанское имя Бориса, въ память одноименнаго болгарскаго царя-христіанина указываетъ на мать его болгарку-христіанку и притомъ не низкаго происхожденія; а это уполномочиваетъ къ вѣроятной мысли, что вліяніе такой жены на мужа язычника въ пользу христіанства должно было стать настойчивымъ, сильнымъ, неустрашимымъ. Здѣсь должно было повториться тоже, что и съ другими государями язычниками, бравшими себѣ въ жены христіанокъ и потомъ становившимися христіанами.

Славяно-болгарское царство стало христіанскимъ за цѣлое столѣтіе раньше крещенія Руси, при царѣ Борисѣ-Михаилѣ, крестившемся въ 864 г. въ первое патріаршество Фотія, хотя частичное крещеніе русскихъ можно допустить еще около времени похода Аскольда и Дира на Константинополь (860 г.), а частичное крещеніе болгаръ даже къ VIII и VII вв. Сношенія Руси съ Болгаріей, по крайней мѣрѣ въ видѣ военныхъ походовъ русскихъ князей съ дружинами въ Болгарію, въ это время обозначаются довольно опредѣленно. Отецъ Владиміра Святославъ нерѣдко навѣщалъ Болгарію и подолгу проживалъ въ ней. Таковы, напр., два знаменитые его похода 967 и 971 г.г. Но не могли, несомнѣнно, не существовать и мирныя, торговыя сношенія между двумя славянскими родственными племенами—русскимъ и болгарскимъ, какъ они существовали между чуждыми племенами—греческимъ, славяно-русскимъ и варяжскимъ,—особенно же въ блестящее

правление болгарского царя Симеона (888—927), золотой вѣкъ болгарской культуры и просвѣщенія, еще продолжавшійся и при сынѣ и преемникѣ Симеона Петрѣ (927—968). Подъ ударами Иоанна Цимискія восточная половина болгарскаго царства пала въ 971 г. и стала провинціей Византіи, а поды ударами Василія II пала и западная его половина въ 1018 г. Возникаетъ вопросъ, куда были направлены болгарскій походъ Владиміра 985 г. Во всякомъ случаѣ не противъ покоренной греками, византійской провинціи, восточной половины Болгаріи, но и не противъ Шишмановской Болгаріи западной, куда могъ пройти Владиміръ лишь черезъ византійскія провинціи, и не противъ отдаленныхъ камскихъ болгаръ, какъ это достаточно установлено въ исторической наукѣ. Является возможнымъ понять этотъ походъ только въ томъ смыслѣ, что онъ могъ быть вызванъ приглашеніемъ Владиміра побѣжденной, униженной, но расположенной къ русскому князю и дружинѣ, восточной Болгаріей противъ поработителей—византійцевъ, хотя византійскія извѣстія о томъ умалчиваютъ. Со стороны Владиміра онъ могъ быть удобнымъ случаемъ возстановить честь воинскаго оружія русскаго и отмстить за пораженіе своего отца Святослава ненавистнымъ византійцамъ. Слѣдовательно, онъ могъ быть походомъ Владиміра въ болгарскую страну за одноплеменныхъ и покоренныхъ болгаръ, или по приглашенію, или по собственному намѣренію, или же по той и другой причинѣ—вмѣстѣ, но противъ угнетателей—византійцевъ и нѣкоторой части болгаръ, ихъ единомышленниковъ, и въ этомъ смыслѣ являлся новымъ шагомъ сближенія славяно-русовъ, съ славяно-болгарами. Черезъ четыре года Владиміръ бьетъ византійцевъ съ другого фланга, походомъ на Корсунь 989 г., о походахъ же на болгаръ болѣе рѣшительно нѣтъ извѣстій. Здѣсь можно видѣть всетаки извѣстную логику военныхъ дѣйствій.

Въ самой Болгаріи христіанство явилось не сразу, при Борисѣ. Оно было подготовлено гораздо раньше. Еще лѣтъ за пятьдесятъ ранѣе крещенія самого Бориса, при Крумѣ язычникѣ, въ началѣ IX вѣка, среди болгаръ были христіане, подвергавшіеся потомъ преслѣдованіямъ царя Мортагона, преемника Крума. Эти христіане, очевидно изъ подвластныхъ болгарамъ славянъ, могли быть потомками тѣхъ христіанъ славянъ, которыхъ застали въ Нижней Мизіи болгары восточные при своемъ завоеваніи ⁷⁾ этого

⁷⁾ У преосвящ. Порфирія („Востокъ христ. Первое путеш. ч. 1 от. 2, стр. 207) приводится хронологическая записъ неизвѣстнаго грека въ рукописи („Больш. Пандектъ“) писанной ок. 1525 г., откуда видно, что болгары

края въ 678 г. и которые частію жили здѣсь издавна, частію переселились сюда изъ Дакии въ V—VI вѣкахъ. Болгары были въ частыхъ сношеніяхъ, особенно при царяхъ Борисѣ и Симеонѣ, съ Сербами, которые уже около 650 г. были вмѣстѣ съ хорватами крещены греками при Иракліи и могли оказывать благотѣльное вліяніе на сосѣднихъ болгаръ въ пользу христіанства ⁸⁾. Въ крещеніи болгаръ въ IX в. поэтому нельзя не видѣть вліянія христіанскихъ идей славянства, переработавшаго даже и самый національный обликъ восточныхъ болгаръ въ общеславянскій типъ.

Христіанизация славянъ простиралась издавна на сосѣдей кievскихъ полянъ—угличей и тиверцевъ, бывшихъ около 914 г. поды властью Игоря, а черезъ сосѣднюю Болгарію она захватила въ кругъ своего вліянія и славянъ кievскихъ-полянъ, особенно, если припятъ позднѣйшее мнѣніе, что Бѣлая Хорватія есть именно древнѣйшая Болгарія. Восьмой и девятый вѣка для всѣхъ славянъ, восточныхъ и западныхъ, были временемъ просвѣщенія свѣтомъ христіанства. Христіанскія идеи, сообщенныя славянамъ частію Византіей, частію Римомъ, падали въ средѣ племенъ славянскихъ на благодарную почву. Живо и прочно воспринимаемыя, онѣ, вполне согласуясь со всѣмъ семейнымъ, родовымъ и племеннымъ укладомъ славянъ, съ ихъ бытовыми условіями, мирною, осѣдлою земледѣльческою жизнью, съ нравами, обычаями, ихъ мягкосердечностью, добродушіемъ, отзывчивостью на все лучшее и возвышенное,—христіанскія идеи, по тѣсному родству, общности, національной симпатіи отдѣльныхъ славянскихъ племенъ между собой, культурному ихъ взаимообщенію, скоро, дружно и широко распространились въ славянскомъ мірѣ; одно племя про-

вторглись въ Илирикъ и Македонію при Анастасіи Дикорѣ 6023 = 515 г. Онъ же на основаніи списка литургіи св. Петра, найденнаго имъ въ Зографскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, въ частности, принимая во вниманіе освященіе даровъ по римскому обычаю, перечисленіе святыхъ главнымъ образомъ римскихъ, Лина, Климента, Кипріана, Амвросія, Космы и Даміана, Перпетуя, Киликіи, Григорія, Венедикта, предполагаетъ, что такая литургія славянская могла явиться въ то время, когда болгары были подвластны римскому первосвященнику; а это было въ VII и въ началѣ VIII в., когда Солунская область (ок. VI всел. соб. 680 г.) дѣйствительно зависѣла отъ Рима, а Солунскій епископъ Іоаннъ былъ на всел. соб. со стороны римской церкви. Кромѣ того, онъ ссылается на житіе свв. Тиверіупольскихъ (Струмица) мучениковъ, гдѣ сказано, что во дни Михаила (860—892), при перенесеніи мощей свв. были болгарскіе клирики, *горячо изучивше божественныя службы*. Втор. пут. М. 1880. Стр. 179—186.

⁸⁾ Шафарикъ, „Славянскія древности“ кн. II, ч. 1. § 31, ч. 2, § 33. Гильфердингъ „Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ“, стр. 28—29, 67—69.

свѣщало—другое, а это довѣрчиво воспринимало сообщаемое съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь передать новыя идеи сосѣднему племени ⁹⁾. Такъ естественно, легко, скоро и успѣшно совершилась христіанизація славянскаго міра, восточнаго и западнаго, почти въ одно время.

Кіевскіе поляне позже другихъ славянскихъ племень вступили въ кругъ христіанскихъ идей славянства, но за то восприняли эти идеи съ значительной національной общеславянской окраской, выработанными и сформировавшимися въ духъ и характеръ народа славянскаго, въ связи съ его бытомъ, обычаями и стремленіями. Византія и Римъ, совершивъ свою просвѣтительную миссію въ отношеніи къ первымъ ближайшимъ къ нимъ племенамъ славянскимъ, не въ состояніи были удержать свое вліяніе и духовную опеку надъ новопросвѣщенными славянскими племенами. Та и другая патріархія заботились болѣе о расширеніи своихъ границъ за счетъ славянскихъ племень и объ умноженіи паствы одна на счетъ другой въ отношеніи къ новопросвѣщеннымъ славянамъ, чѣмъ о дѣйствительномъ христіанскомъ ихъ просвѣщеніи. Если Византія была не прочь держать славянскія общины въ своихъ рукахъ при помощи навязываемой имъ греческой іерархіи и греческаго богослужебнаго языка, пользуясь при томъ всевозможными данями, стѣсня самостоятельное развитіе отдѣльныхъ славянскихъ церквей,—то Римъ въ томъ же отношеніи былъ для славянскихъ общинъ положительнымъ итогомъ, угнетая свободу мысли и убѣжденія, навязывая новыя ученія и догматы, лишая возможности сознательнаго и свободнаго отношенія къ дѣламъ вѣры, обряда и богослуженія. Были нерѣдки явленія, когда отдѣльныя славянскія общины, не вынося подобнаго гнета, возставали противъ давящаго патроната Византіи и Рима и пытались отклониться отъ нихъ, рискуя впасть въ расколъ, и, если и добивались сравнительной свободы и самостоятельности въ своей церковной жизни, то только благовременно пользуясь благоприятными политическими условіями къ тому, осложненіями въ дѣлахъ Византіи и Рима; равно нерѣдки были и переходы славянскихъ общинъ отъ одного патроната къ другому и обратно, такъ что ни Римъ, ни Византія никогда не могли быть увѣрены въ прочности своей церковной власти и вліянія

⁹⁾ Лѣтописецъ русск. (Лѣтоп. Нестора) говоритъ: „единъ языкъ словенскъ: словени, иже сѣдяху на Дунаеви, ихъ же пріяша Угри и Морава, Чеси и Ляхове и Поляне, яже нынѣ зовома Русь“. П. С. Л. I. 11.

надъ этими общинами. Объ установленіи же болѣе прочной нравственной связи, которая могла бы противостоять всевозможнымъ искушеніямъ и которая бы упрочила духовное родство обѣихъ сторонъ, ни въ Византіи, ни въ Римѣ много не заботились. Важнымъ факторомъ въ этихъ отношеніяхъ было еще и то, что церковная зависимость обыкновенно соединялась съ зависимостью политической, а для политики Византіи и Рима было весьма важно держать въ своихъ рукахъ славянскія племена въ видахъ защиты окраинъ государства и надежнаго отпора частымъ нашествіямъ и опустошеніямъ разныхъ восточныхъ и сѣверныхъ варваровъ. Подобныя условія не могли благоприятствовать широкому, свободному и основательному развитію идей христіанства въ средѣ славянскихъ народовъ, его церковной жизни и духовному образованію. Не смотря, однакоже, на это, природная даровитость славянъ, ихъ воспримчивость, самостоятельность и необычайная настойчивость совершили то, что славянская грамота Кирилла и Меѳодія быстро распространилась въ средѣ славянскихъ племень, а болгарское духовное просвѣщеніе временъ Бориса, Симеона и Петра не уступало византійскому. Лучшая византійская церковная письменность была быстро и успѣшно переведена на славянскій языкъ, а за переводною письменностью не замедлила явиться и оригинальная славянская письменность трудами самого просвѣтителя славянъ Кирилла, черноризца Храбра, черноризца Петра, Космы пресвитера болгарскаго, Іоанна, экзарха болгарскаго, пресвитера Константина, впоследствии епископа болгарскаго, Климентія епископа словенскаго и др. ¹⁰⁾. Девятый вѣкъ, благодаря необыкновенной просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ средѣ славянъ, былъ вѣкомъ рожденія ¹¹⁾ и особеннаго

¹⁰⁾ Черноризецъ Храбръ, точно устанавливаетъ дату изобрѣтенія славянской азбуки, 863-й г. О черноризцѣ Петрѣ академикъ Соболевскій полагаетъ, что это былъ сынъ царя Симеона, скончавшійся монахомъ. См. „Древняя церковно-славянская литература и ея значеніе“. Харьковъ, 1908, стр. 16.

¹¹⁾ Иловайскій полагаетъ, что первый извѣстный въ исторіи договоръ болгаръ 714—715 г. былъ письменный, равно и второй 774 г., о коемъ прямо говорится, что онъ былъ письменный. Розысканія М. 1882, стр. 224. Черноризецъ Храбръ говоритъ о древне-славянскихъ чертахъ и рѣзахъ. Кириллъ въ Херсонесѣ Таврическомъ встрѣтилъ славянскія (русскія) письменна и евангеліе, хотя это извѣстіе толкуется и въ томъ смыслѣ, что это были письменна готскія, или варяго-русскія. Срезневскій доказываетъ, что древнѣйшее уставное славянское письмо соотвѣтствуетъ греческому не IX—X вѣковъ, а VI—VII. Тоже утверждаетъ и преосв. Порфирій — „Перв. путеш.“ стр. 105. Труды ар-

процвѣтанія славянской письменности въ средѣ отдѣльныхъ наиболѣе видныхъ племенъ славянскихъ.

Въ то время какъ на западѣ славянскомъ процвѣтала глаголица, славянское письмо, подѣ давленіемъ латинскаго запада возникшее, по очень вѣроятному предположенію, изъ латинскихъ минускуловъ, курсива (теорія Гейтлера¹²⁾, на славянскомъ востокѣ утвердилась кириллица, подѣ влияніемъ Византіи, образовавшаяся изъ греческихъ маюскуловъ, прописныхъ буквъ греческаго алфавита, въ томъ и другомъ случаѣ съ прибавленіемъ новыхъ нѣкоторыхъ буквъ для чисто славянскихъ звуковъ, какъ: ж, ч, ш, щ, ѣ и ъ, ы и юсовъ.

Изъ разсмотрѣнія церковной письменности начала христіанства на Руси нельзя не видѣть, что она, затѣмъ, содержитъ въ себѣ особенности языковъ болгарскаго, сербскаго и древне-славянскаго (македонскаго), по своему внѣшнему виду представляетъ, или подлинныя сербско-болгарскія рукописи, или точныя русскія копии съ нихъ,—по своему составу и характеру она представляетъ, или славяно-болгарскіе переводы съ греческаго, или оригинальныя славяно-болгарскія произведенія упомянутыхъ авторовъ. Кругъ богослужебныхъ книгъ, впервые переведенный на славянской языкъ еще славянскими первоучителями, насколько можно судить по сохранившимся древнимъ рукописямъ XI в. (около 22), употребляется на славяно-болгарскомъ языкѣ и въ славяно-болгарскомъ переводѣ и слѣдовательно, былъ полученъ отъ славяно-болгаръ. Что могли дать отъ себя византійцы, помимо славянъ, для богослуженія и церковной письменности славянъ кievскихъ?—и что могли сдѣлать для усвоенія греческаго богослуженія и церковной письменности невѣжественные кievляне? Единственный исходъ въ предстоящей трудности просвѣщенія свѣтомъ христіанства, сообщенія церковной письменности и установленія богослужебнаго чина для кievскихъ славянъ былъ въ славяно-болгар-

хеол. сѣвада. I. CXV. Къ этой мысли склоняется и проф. Будиловичъ. О греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Стр. 69. „Меѳодіевскій юбилейный сборникъ“ М. 1885. Также проф. Воскресенскій въ „Богословской энциклопедіи“, т. X, 1909, стр. 285—325.

¹²⁾ Раньше предложенная Шафарикомъ. Другая теорія Ягича производить глаголицу изъ греческаго курсива. Есть любопытное мнѣніе одного извѣстнаго русскаго ученаго, что глаголица есть нарочито изобрѣтенное письмо криптографическое (Голубинскій). О Кириллицѣ и глаголицѣ статья проф. академика А. И. Соболевскаго въ „Богословской энциклопедіи“, т. X, 1909, стр. 213—228. Мнѣніе Соболевскаго, что кириллица древнѣе глаголицы см. „Древняя церковно-славянская литература и ея значеніе“, стр. 6.

скомъ языкѣ и церковной письменности, бывшей въ свою очередь лишь дальнѣйшимъ развитіемъ и преемствомъ плодовъ просвѣщенія, сообщенныхъ славянамъ и въ частности моравамъ братьями просвѣтителями славянъ, Кирилломъ и Меѳодіемъ. Христіанское просвѣщеніе полянъ-кievлянъ и всей тогдашней Руси, въ дѣйствительности, слѣдовательно, шло не отъ грековъ-византійцевъ, которые вообще мало интересовались христіанской миссіей въ средѣ славянъ, а отъ самихъ же славянъ-моравовъ, сербовъ, болгаръ, и при участіи быть можетъ ославянившихся грековъ, туземцевъ славянскихъ областей, каковыми, вѣроятно, были и первые просвѣтители славянъ, Кириллъ и Меѳодій. Оффиціальное, всенародное крещеніе Руси, какъ великій религіозный и политико-гражданскій актъ, было, очевидно, совершено греками-византіяцами, греческой іерархіей, по полномочію отъ Константинопольскаго патріарха, но частичныя раннѣйшія крещенія полянъ исходили, несомнѣнно, отъ братьевъ-славянъ уже просвѣщенныхъ, равно какъ и просвѣщеніе и крещеніе самого Владиміра исходило, очевидно, также отъ славянъ и, вѣрнѣе всего, отъ болгаръ, ставшихъ какъ первыми учителями новопросвѣщенныхъ полянъ, такъ и распространителями и насадителями славянской письменности у нихъ, а равно и учредителями славянскаго богослуженія. „Бѣ прежде въ Переяславлі митрополѣ“, говоритъ намъ древній лѣтописецъ подѣ 1089 г.¹³⁾

Тамъ же, въ Переяславлѣ было жителство русскихъ митрополитовъ и въ первые пятьдесятъ лѣтъ по крещеніи Руси до Ярослава, переведшаго резиденцію митрополичью въ Кіевъ, къ построенной имъ, Софійской церкви (1037 г.) хотя уже ок. 997 г. была освящена, построенная въ Кіевѣ Владиміромъ, Десятинная церковь. Причиной этого не могло быть то, что въ Кіевѣ не находилось соотвѣтствующаго помѣщенія для митрополитовъ, но здѣсь видна со стороны Владиміра особенная привязанность къ Переяславлю, какъ бы къ первой резиденціи митрополичьей, „къ первой митрополи“, какою она могла стать тотчасъ же послѣ собственнаго крещенія отъ болгаръ Владиміра, желавшаго, очевидно провести первые годы своей жизни въ христіанствѣ вдали отъ всего прежняго своего, языческаго, центромъ и средоточіемъ котораго былъ Кіевъ, и вблизи ко всему тому, что сродняло его съ памятью о его болгарскомъ христіанскомъ просвѣщеніи, о чемъ напоминалъ ему и городъ Переяславль (Прѣслава), наименован-

¹³⁾ П. С. Л. I, 89.

ный по подражанію болгарской столицы 1-го царства Прѣславы. Здѣсь, въ Переяславль, во главѣ съ болгарскимъ епископомъ, (быть можетъ съ тѣмъ митрополитомъ-епископомъ Михаиломъ болгарскимъ, о которомъ говоритъ Степенная книга и Никоновская лѣтопись) при участіи Владиміра, его семейства и можетъ быть нѣкоторыхъ приближенныхъ, составила первая славяно-русская христіанская община, въ параллель къ славяно-варяжской, группировавшейся во времена Игоря при церкви св. Или въ Кіевѣ. Объ этомъ епископѣ болгарскомъ (Михаилѣ) ¹⁴⁾ естественно думать ¹⁵⁾, что онъ назывался такъ лѣтописью не въ собственномъ, а въ нарицательномъ смыслѣ, какъ первый, старѣйшій епископъ, и что, когда явился Леонтій въ 991 г. (по Новгород. лѣтописи) этотъ епископъ-митрополитъ или (по Никоновской лѣтописи въ томъ же 991 г.) умеръ, или подчинился митрополиту византійцу, какъ и болгарская церковь того времени вмѣстѣ съ паденіемъ восточной половины (971 г.) подчинена была Цимисхию Византіи. Извѣстіе Степенной книги не должно быть пренебрегаемо уже по тому одному, что исходить отъ главнѣйшаго ея составителя серба или болгарина Кипріана ¹⁶⁾, имѣвшаго

¹⁴⁾ О первомъ епископѣ русскомъ (Михаилѣ) времени Аскольда и Дира и Константинопольскаго патриарха Фотія и о крещеніи Руси до Владиміра см. разсужденіе м. Макарія „Исторія Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“, Спб. 1868, стр. 209—245.

¹⁵⁾ Таково со времени Голубинскаго установившееся, такъ сказать, школьное мнѣніе, взаимно раньше господствовавшее, что первымъ митрополитомъ русской церкви былъ именно Михаилъ. Въ послѣднее время это мнѣніе снова начинаетъ пріобрѣтать права гражданства въ наукѣ. Разумѣемъ дѣльные экскурсы въ область лѣтописныхъ сказаній г. Маркова, помѣщаемые имъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1910 г. подъ заглавіемъ „Вопросъ о подлинности церковныхъ грамотъ, входящихъ въ составъ новгородскихъ лѣтописей“. Авторъ, не безъ основаній, о которыхъ онъ не распространяется, относится съ большимъ довѣріемъ къ Никоновской лѣтописи, предполагая ея составленіе между 1490 и 1505 г.г. и главнымъ образомъ на основаніи свода митрополита Фотія, составленнаго, по соображеніямъ академика Шахматова, ок. 1423 г. по распоряженію этого митрополита изъ лѣтописнаго матеріала, уставовъ и княжескихъ грамотъ. Въ то время, какъ новгородскія лѣтописи нерѣшительно изыясняютъ: „А се русьстии митрополиты Леонтій, Михаилъ, Иоаннъ“,—Никоновская увѣренно повѣствуетъ: „Имена митрополитомъ русскимъ отъ крещенія Владимірова и доньнѣ. Въ лѣто 6496, 1 Михаилъ, 2 Леонтій, 3 Иванъ“. Въ 6500 г. лѣтопись отмѣчаетъ м. „Леонта“, вмѣсто скончавшагося въ томъ же году Михаила. О первомъ говоритъ, что онъ „изъ грекъ“, о второмъ же — „родомъ сиринъ“. Бог. В. 1911, IX, 142 — 144. X, 331—335.

¹⁶⁾ О Кипріанѣ академикъ Соболевскій полагаетъ, что онъ былъ болгаринъ, жившій раньше въ монастыряхъ Константинополя и Афона, и вѣроятно

возможность располагать свѣдѣніями, педшими непосредственно отъ сербско-болгарскихъ преданій или записей ¹⁷⁾. Не въ этомъ ли прибытіи Михаила на Русь изъ нѣдръ болгарской церкви, просвѣщенной и утвержденной патриархомъ Фотіемъ, имъ возглавленной, заключается объясненіе невѣроятнаго извѣстія лѣтописей и княжескихъ уставовъ о томъ, что первый русскій митрополитъ былъ взятъ кн. Владиміромъ отъ греческихъ царей и патриарха Фотія? Что, если митрополитъ Михаилъ († 991) русскихъ извѣстій и не получилъ епископскаго рукоположенія непосредственно отъ патриарха Фотія († 886), для чего потребова-

тотъ афонскій монахъ Кипріанъ, къ которому писалъ посланіе Евфимій Тырновскій. См. „Южнославянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ“. СПб. 1894, стр. 14.

¹⁷⁾ Степенная книга въ сравненіи съ позднѣйшей редакціей Кіевской лѣтописи, помѣщенной въ лѣтописи Никоновской, и нѣкоторыми списками Устава Владиміра, также позднѣйшими, говорящими о митрополитѣ Михаилѣ, можетъ быть считаема первоисточникомъ. Если Степенная книга, какъ выражается профессоръ Голубинскій (Ист. р. ц., изд. 2, 277) „извѣстна въ историческомъ отношеніи своей крайней недоброкачественностью“, то каталогъ Захарія Копыстенскаго, архимандрита Печерскаго († 1626 г.), помѣщенный имъ въ своей „Палинодіи“, составленъ имъ главнымъ образомъ на основаніи „Кіевскаго столичнаго памятника“, историческаго источника довольно надежнаго, но, очевидно, разумѣетъ митрополита Михаила время Аскольда и Дира и греческаго императора Василія Македонянина и патриаршества Фотія, ибо при Владимірѣ императоромъ былъ Василій Болгаробойца, а патриархъ Николай Хрисовергъ. Однакоже можетъ быть подъ вліяніемъ Степенной книги, преданіе о первомъ митрополитѣ Михаилѣ на Руси было довольно устойчиво. Въ крюковомъ проложѣ 6-ки Сергіево-Лаврской (№ 1108—1345), содержащемъ, между прочимъ, многолѣтствованіе в. князю Ивану Васильевичу, на 397 л. содержится перечень митрополитовъ русскихъ, начиная съ перваго, при Владимірѣ, Михаила, и кончая послѣднимъ, очевидно современнымъ писцу ркп. Геронтіемъ († 1489 г.). Слѣдовательно, писецъ велъ счетъ митрополитовъ подъ вліяніемъ традицій Кипріана († 1406), занесенныхъ въ Степенную книгу, или другихъ какихъ либо, напр., кіевскихъ. Составителями Степенной книги считаются митрополиты Петръ, Кипріанъ, Фотій, Макарій, съ которымъ сотрудничали протопопы Сильверстъ и Василій (въ иночествѣ Варлаамъ, впоследствии митрополитъ Ростовскій, по фамиліи Роговъ?).—Державинъ, рефератъ на XII археолог. съѣздѣ „Степенная книга, какъ литературный памятникъ“, составленный на основаніи изысканій Шахматова „Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вв.“ Журн. М. Н. Пр. 1900—1901 гг.—Васенко „Книга степенная царскаго родословія“. СПб. 1904, считаетъ главнымъ ея составителемъ, подъ руководствомъ м. Макарія, Афанасія, съ 1664 г. митропол. московск.—Соболевскій „Сборникъ отдѣленія русск. яз. и словесн.“ Ак. Н. 1907 г., т. 12, считаетъ Афанасія только собирателемъ матеріаловъ по составленіи книги, а составителемъ протоп. Сильвестра при инициативѣ І. Грознаго.

лась бы болѣе, чѣмъ столѣтняя продолжительность жизни Михаила, то, по крайней мѣрѣ, его рукоположеніе, несомнѣнно было отъ первыхъ же ставленниковъ того же Фотія патриарха, почему и русская церковь, съ согласія греческихъ царей, дѣйствительно получила перваго своего іерарха отъ патриарха Фотія, а втораго, Леонтія „изъ грекъ“. Если самъ Владиміръ крестился отъ болгаръ, имѣлъ болгарскаго епископа и клиръ, хотя немногую болгарскую церковную письменность, славянское богослуженіе и могъ крестить Русь и (по Степ. кн. и лѣтоп.), при содѣйствіи епископа Михаила, крестилъ многихъ въ землѣ Ростовской,—то что же заставило его искать крещенія отъ грековъ-византійцевъ? Причиной естественно могло быть въ 1-хъ то, что сами славяне и въ томъ числѣ болгары приняли христіанство отъ грековъ и что, слѣдовательно, тамъ, въ Византіи, и Константинополѣ исконная апостольская вѣра и древнее христіанство, а во 2-хъ и то, что болгарская церковь въ то время была подчинена Константинопольской и, какъ зависимая отъ Константинопольскаго патриарха, не могла, безъ его воли и разрѣшенія что-либо предпринять внѣ предѣловъ своей территоріи, и, въ 3-хъ, кн. Владиміръ, очевидно, желалъ учредить у себя такую же церковь, самостоятельную, какъ и греческая, а этого онъ могъ добиться только въ Константинополѣ.

Корсунскій походъ и былъ началомъ осуществленія его плановъ. Послѣ Корсунскаго похода Кіевская Русь была крещена греческимъ духовенствомъ, вѣроятно, совмѣстно съ болгарскимъ, быть можетъ, при участіи епископовъ. Это было официальное принятіе христіанской вѣры отъ грековъ, закрѣпленное потомъ присылкой къ намъ митрополита грека Леонтія (991 г.) и греческихъ епископовъ. Нѣтъ данныхъ принимать, что и прочее, низшее духовенство, іереи, діаконы и чтецы были изъ грековъ, но всѣ данныя за то, что это духовенство было частью изъ славянъ, особенно болгаръ, а частью изъ природныхъ русскихъ. Слѣдовательно, первыя службы, пропѣтыя впервые на христіанской Руси, были совершены славянами и на славянскомъ языкѣ, хотя и подъ главенствомъ высшихъ іерарховъ грековъ. Іаковъ мнихъ говоритъ, что русскіе „пріяща святое крещеніе, готово имуще святое писаніе и книги переведены съ греческаго языка на русскій“¹⁸⁾. Хотя лѣтописецъ и говоритъ о клирѣ царицы Анны, пришедшемъ съ нею на Русь изъ Греціи, но на его обязанности несомнѣнно

¹⁸⁾ Христ. Чт. 1849, II.

было удовлетворять религиознымъ потребностямъ въ отношеніи отправленія чина богослуженія для самой царицы и ея придворныхъ грековъ, но не для новокрещенныхъ русскихъ¹⁹⁾.

О славянской литургіи и службахъ исторически впервые узнаемъ изъ паннонскаго житія Кирилла. „Вскорѣ же (ок. 863 г.) съ весь прѣкъвьный чинъ прѣложи и наоучи я оутренній и годинамъ, обѣднѣй и вечернѣй и павечерниці и тайнѣй службѣ“ говорится въ житіи о Кириллѣ²⁰⁾. Но допуская существованіе славянской письменности до Кирилла и Меѳодія (Лавровскій, Будиловичъ, Срезневскій, Бодянский, Первольфъ, еп. Порфирій и др.) и христіанства у славянъ, по крайней мѣрѣ, съ VII вѣка²¹⁾, не трудно допустить и существованіе славянской литургіи и службы у славянъ также еще до Кирилла и Меѳодія, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ частей богослуженія на славянскомъ языкѣ, когда другія его части, вѣроятно совершались на греческомъ языкѣ, особенно если припомнить, что христіанизация сла-

¹⁹⁾ Полн. С. Л. I, 50.

²⁰⁾ См. чтенія въ Общ. Люб. Дух. Пресвѣщ. 1863, II, Паннонскія житія, стр. 24 и др. Изъ списка М. Д. Ак. XV в.

²¹⁾ См. примѣч. выше съ мнѣніемъ преосвящ. Порфирія. Тотъ же авторъ, имѣя въ виду „слово Кирилла словенца солунскаго философа болгарскаго“ и др. соображенія, думаетъ, что болгаръ научилъ славянскую грамотѣ, взявъ греко-іонійскій алфавитъ, Кириллъ, грекъ изъ Каппадокіи, учившійся въ Дамаскѣ и бывший въ египетской Александріи, по внушенію свыше посланный дать вѣру, законъ и грамоту въ Солунь къ болгарамъ, которые воевали въ это время съ греками солунскими. Онъ просвѣщаль князя Моравскаго Десимира и Прѣславскаго Радикоя (Радивоя), крестилъ многихъ и выучилъ вѣрѣ и написалъ 35 буквъ. Это было при митрополитѣ Солунскомъ Іоаннѣ, а таковой былъ на VI вселен. соборѣ (680 г.) „Втор. путеш.“ стр. 101—106. Тотъ же авторъ думаетъ, что въ патриаршество Фотія (ок. 866—7 гг.) и въ царствованіе Василія Македонянина Кириллъ, вполнѣдствіи еп. Катарскій, вмѣстѣ съ Аванасіемъ и нѣкимъ епископомъ былъ посланъ крестить Россю и крестилъ ихъ, избрѣвши имъ, вмѣсто прежнихъ, эллинскихъ 24 буквъ, 35 буквъ: азъ, буки (и проч.); въ Іерусалимѣ преосв. Порфирій встрѣтилъ греческую рукопись, гдѣ написано: Кириллъ епископъ Катарскій крестилъ Россю. Свѣдѣнія же о крещеніи Россю, заимствовано имъ у Бандурія „Animadversiones ad Constantinum, t. II, Imperium orientale, p. 112—114, — Изв. Визант. Ист. III, 6—19; Карам. Ист. I. р. I, примѣч. 447. Макарій „Ист. христіан. въ Россіи до равн. кн. Владиміра“, СПб. Т. 68, стр. 232—236.

Срезневскій говоритъ, что письмо древнѣйшихъ славянскихъ рукописей напоминаетъ собою греческое письмо VII—VIII в.в. „Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ“. II. 1865, стр. 2.

Бодянский также соглашается признать христіанство и письменность у славянъ съ VII в. См. „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“. М. 1855, стр. 191, 235.

вянь началась еще при Иракліи (ок. 650 г.) и продолжалась частично вплоть до апостольских трудов Кирилла и Меѳодія. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что славянскія службы являются впервые лишь въ отдаленной отъ Византіи Моравіи, гдѣ греческое вліяніе было довольно слабо, и греческій языкъ непонятенъ, а не въ ближайшихъ къ Византіи славянскихъ областяхъ—Македоніи, Эпирѣ, Фессаліи, гдѣ славяне были смѣшаны съ греческимъ населеніемъ, вѣроятно знали греческій обыденный языкъ и могли понимать греческое богослуженіе, не терпя большой нужды въ богослуженіи славянскомъ, а частію, вѣроятно, пользовались и славянскимъ богослуженіемъ, что допустимо на основаніи предположенія о раннѣйшемъ изобрѣтеніи славянской грамоты. Но что славянскій языкъ могъ проникать въ греческое богослуженіе славянъ, можно предполагать изъ того, что, по словамъ императ. Михаила III, „Солуняне вси чисто словѣнскы бесѣдуютъ“. Если солунскіе греки могли понимать и чисто говорить по славянски, то ничто не могло препятствовать проникновенію славянскаго языка и въ славянское богослуженіе, въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ чтеніе евангелія, апостола, проповѣдь и т. п. Около 20 лѣтъ спустя послѣ изобрѣтенія Кирилломъ и Меѳодіемъ славянской грамоты и перевода богослуженія съ греческаго языка на славянскій (слѣд. ок. 882 г.), когда архіеп. морав. Меѳодій былъ вызванъ въ Константинополь, императоръ и патріархъ, принявъ Меѳодія съ честію, „оудръжаша отъ ученикъ его попа и діакона съ кнѣгами“²²⁾, безъ сомнѣнія, для совершенія службъ на славянскомъ языкѣ для славянъ столицы и, конечно, для знавшихъ славянскій языкъ грековъ. Изъ Константинополя славянское богослуженіе могло уже открыто распространиться въ другія мѣстности обширной Византійской имперіи и за предѣлы ея. Славянское богослуженіе продолжалось въ Моравіи до конца жизни Меѳодія (885 г.). По смерти Меѳодія, его ученикъ и преемникъ по кафедрѣ моравининъ, Гораздъ и другіе ученики, какъ пресвитеръ Климентъ, Наумъ, Савва (по жит. Климента-Лаврентій) и Ангеларій, по проискамъ нѣмецкихъ епископовъ, были изгнаны изъ Моравіи и удалились въ другія славянскія области, а главнымъ образомъ въ Болгарію²³⁾. Ок. 899 г. папа Іоаннъ IX воз-

²²⁾ См. Чт. въ Общ. Люб. Дух. Пров. 1865, I. Житіе Меѳод. по списку Успенск. соб., стр. 10, и др. списки.

²³⁾ По житію Климента, въ Болгаріи собственно подвизались только Климентъ, Наумъ и Ангеларій; о Гораздѣ и Саввѣ (Лаврентій) не упоминается. Принимая во вниманіе повѣствованіе житія, что „они принуждены

становили моравскую архіепископію съ славянскимъ богослуженіемъ, но уже въ началѣ X в. Моравія пала подъ ударами Угровъ, и славянское богослуженіе тамъ скоро исчезаетъ, оставаясь только въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Въ Чехіи славянское богослуженіе существовало при кн. Людмилѣ и внука ея Вячеславѣ († 936), причисленныхъ въ русскія церкви къ лику святыхъ; въ Сазавскомъ монастырѣ, при св. Прокопіи, оно сохранялось до XI в., когда вслѣдствіе козней нѣмецко-латинскаго духовенства и здѣсь прекратило существованіе, а богослужебныя книги были истреблены. Въ Далмаціи славянское (глаголическое) богослуженіе было два раза запрещаемо латинскимъ духовенствомъ на соборахъ въ Сплетѣ въ 924 г. и 1059 г., но упорно отстаиваемое мѣстами продолжало существовать до XVII и XVIII в., впрочемъ лишь благодаря присвоенному наименованію богослуженія „св. Іеронима“, почитаемаго на западѣ изобрѣтателемъ глаголицы.

Главнымъ же мѣстомъ распространенія славянскаго богослуженія послѣ Моравіи стала Болгарія и прилегающія на сѣверъ и востокъ славянскія земли. Время паденія Моравіи и бѣдствій моравской церкви подъ ударами нѣмцевъ и угровъ совпадаетъ со временемъ цвѣтущаго состоянія христіанскаго просвѣщенія и церковной жизни въ Болгаріи, въ вѣкъ Симеона, ставшей преемницею просвѣтительныхъ идей славянскихъ апостоловъ. Славянское богослуженіе (ок. 863 г.) братьевъ-апостоловъ, вѣроятно проникшее въ Болгарію еще въ первые годы ея крещенія (ок. 864 г.), какъ можно заключать изъ житія Климента, къ времени перенесенія туда дѣятельности учениковъ Кирилла и Меѳодія было тамъ уже вполне установившимся. Изъ житія Климента²⁴⁾

были отъ страха разлучиться другъ отъ друга (послѣ изгнанія изъ Моравіи) и разошлись въ разныя стороны, по Божію изволенію, чтобы также и большее число странъ озарить свѣтомъ Евангелія, а Климентъ, взявшій съ собою Наума и Ангеларія, пошелъ по направленію къ Истру“ и проч., отсюда можно полагать, что Гораздъ и Савва направились въ сосѣднюю Сербію. Не это ли учительство Саввы въ Сербіи сдѣлало любимымъ и употребительнымъ это имя (Савва) между сербскими іерархами и благочестивыми мужами? Причина же, почему Климентъ во всемъ подражавшій (Житіе) Меѳодію, отправился въ Болгарію, могла заключаться въ томъ, что Меѳодій (по житію Кл.) былъ просвѣтителемъ Бориса, который, благоговѣя къ памяти своего учителя, могъ принять и принять ученика Меѳодія съ радостію и благорасположеніемъ. Срав. по этому вопросу разсужденія г. Туницкаго въ „Обзорѣ источниковъ для исторіи, жизни и дѣятельности св. Климента словенскаго“. Богослов. Вѣстн. 1911, X, 148—152.

²⁴⁾ Время написанія житія довольно ясно опредѣляется изъ заключенія (гл. 29), гдѣ упоминается о вкравшейся злой ереси и о скинскомъ мечѣ,

узнаемъ, что онъ въ послѣдніе годы своей жизни († 916) перевелъ на славянскій яз. только Цвѣтную Трїодъ, слѣдовательно, всѣ остальные службы годичнаго круга были уже въ Болгаріи переведенными.

Изъ буллы папы Іоанна XIII (967 г.), въ хроникѣ Козьмы Пражскаго, видно, что славянское богослуженіе было въ это время и у болгаръ и у русскихъ. По поводу выбора епископа на Пражскую епископію въ буллѣ говорится: *verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae, aut sclavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica* ²⁵⁾.

Такимъ образомъ славянское богослуженіе, начавъ существовать трудами просвѣтителей славянъ со 2-й полов. IX в., въ началѣ X в. въ полномъ своемъ составѣ было переведено на славянскій языкъ и стало обычнымъ, какъ въ наиболѣе просвѣщенной изъ славянскихъ областей Болгаріи, такъ и въ смежныхъ съ нею славянскихъ земляхъ. Переведенныя на языкъ македонскихъ славянъ ²⁶⁾, сравнительно болѣе развитый, обработанный, общепотребительный и вмѣстѣ литературный ²⁷⁾, богослужебныя и другія славянскія книги изъ Панноніи, центра просвѣтительной дѣятельности просвѣтителей славянъ, распространились, частію на сѣверъ, къ Моравамъ, Словакамъ, Чехамъ, Ляхамъ, частію на югъ, къ Хорватамъ, Сербамъ и Болгарамъ и, наконецъ, черезъ Болгарію и, можетъ быть ранѣе того изъ Дакии и Панноніи, на

упившемся въ болгарской крови. Здѣсь, очевидно, разумѣется ересь богумильская, противъ которой ратовалъ во 2 полов. X в. Козьма, пресвитеръ болгарскій, и одинъ изъ походовъ на Болгарію Святослава (967 г. или 971 г.). Вѣрнѣе—первый, такъ какъ второй былъ связанъ съ потерей политической самостоятельности восточной половины Болгаріи и подчиненіемъ власти Византіи, на что, однакоже, нѣтъ никакихъ намековъ въ житіи. Впрочемъ изъ современныхъ изслѣдователей житій Климента Тушинскій подъ злой ересью разумѣетъ распространеніе у Болгаръ латинскаго Filioque. Богосл. Вѣст. 1911, X, 164.

²⁵⁾ Регель „О хроникѣ Козьмы Пражскаго“. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1890 г., IX, 126.

²⁶⁾ См. Вудиловичъ „О Греко-славянск. характ. дѣят. Кир. и Мее. Мееодіевскій юбилейный сборн.“. Варш. 1885 г., стр. 72, 74.

²⁷⁾ К. Гротъ говоритъ: „мы можемъ сказать уже а priori“ (что нарѣчіе) „македонское, бывшее какъ бы своимъ для переводчиковъ (Кирилла и Мееодіи), должно было лечь въ основаніе этого языка первоначальнаго перевода греческихъ книгъ“. „Взглядъ на подвигъ славянскихъ учителей“ стр. 11 въ „Мееод. юбил. сборникѣ“. Также Первольфъ „Словенскій языкъ“ стр. 5, 30, и Вудиловичъ „О греко-славянск. характ. дѣят. Кир. и Мее.“ стр. 72. *ibid.*

Русь, къ Полянамъ. „Бѣ единъ языкъ словѣнскъ“ говоритъ русскій лѣтописецъ, „словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, иже пріяша Угри и Морава, Чеси и Ляхове и Поляне, яже нынѣ зомовая Русь. Симъ бо перво преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота словѣнская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ дунайскихъ ²⁸⁾. „Словѣнскій языкъ“, говоритъ извѣстный славяновѣдъ Первольфъ, „сдѣлавшись у православныхъ славянъ, у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ литературнымъ и церковнымъ, соединялъ ихъ какъ членовъ одной семьи, не смотря на то, что это соединяющее звено не сохранилось въ первоначальной чистотѣ, а подъ вліяніемъ мѣстныхъ языковъ измѣнялъ свой видъ. Всѣ эти три славянскихъ народа находились въ постоянныхъ религіозно-культурныхъ сношеніяхъ. Славянскія рукописи переходили изъ Болгаріи въ Сербію и на Русь, изъ Сербіи въ Болгарію и на Русь и потомъ изъ Руси въ юго-славянскія страны ²⁹⁾. „Рукописей IX в.“, говоритъ профессоръ Первольфъ, „прямыхъ свидѣтелей дѣятельности Константина и Мееодіи и ихъ непосредственныхъ учениковъ времени царя Симеона—не сохранилось, и древнѣйшія сохранившіяся рукописи — уже списки, вторые и третьи, XI вѣка“ ³⁰⁾.

Но древнѣйшіе списки обыкновенно составляли точныя копии первоначальнаго оригинала старославянскаго (македонскаго) и поэтому почти замѣняли собою оригиналъ. По мнѣнію славяновѣдовъ и того же проф. Первольфа, современныя, но весьма раздѣленные между собой по мѣсту своего написанія евангелія, Новгородское Остромирово, (Кирилловское), южно-болгарское Зографское (глаголическое) и сербское Маріинское (глаголическое) существенно не различаются между собою по языку и могутъ представлять собою „первоначальный языкъ славянскаго подлинника X вѣка“. Весьма вѣроятно, что оригинальный Кирилло-Мееодіевскій текстъ священныхъ книгъ просуществовалъ не долго и исчезъ въ цѣломъ первоначальномъ своемъ видѣ безслѣдно. На смѣну ему явились копии съ разными измѣненіями въ текстѣ, вариантами, замѣной однихъ словъ другими, выпущеніями, дополненіями, изъ византійскихъ источниковъ, перестановками словъ, разными буквосочетаніями, смотря по тому, писались-ли копии болгаринномъ, сербомъ, хорватомъ, чехомъ, русскимъ или

²⁸⁾ Полн. С. Л. I, 11.

²⁹⁾ „Славянскій яз. и его судьбы. Мееод. юбилейн. сборн.“. Варшава, 1885, стр. 49.

³⁰⁾ *Ibid.* стр. 29.

еще какимъ-либо славяниномъ, — слѣдствіемъ чего явилось нѣсколько *изводовъ* священныхъ славянскихъ книгъ, изъ коихъ болѣе характерными и устойчивыми явились изводы: болгарскій, сербскій, русскій. Русскій изводъ въ свою очередь, въ зависимости отъ мѣста письма и мѣстныхъ говоровъ, раздробился на нѣсколько отдѣльныхъ видовъ *письма*: *письмо* кіевское, галицко-волинское, новгородское, московское и др.

Богослужебныя славянскія книги распространились на Руси главнымъ образомъ черезъ Болгарію и преимущественно въ болгарскомъ изводѣ. Русскій изводъ образовался частью подъ влияніемъ югославянскихъ оригиналовъ, частью подъ влияніемъ рукописей болгарскаго (и сербскаго) извода. Къ старославянскимъ памятникамъ письма обыкновенно относятся Зографское или Аѳонское (Григоровичево) евангеліе (глаголическое X—XI в.) Императ. пуб. б-ки, Ассеманово или Ватиканское евангеліе апракосъ (глаголическое X в.) Саввина книга, отрывки апракоснаго евангелія (Кирилловскаго XI в.) М. Син. тип., Маріинское или Аѳонское (Григоровичево) евангеліе (глаголическое XI в.) Моск. Публ. Румянц. Музея, листки (2) Ундольскаго апракоснаго евангелія (кирилловскаго XI в.) М. Рум. П. Музея, Остромирово апракосное евангеліе (кирилловское XI в. 1056—57, И. Пуб. б-ки, Синайская псалтирь южно-македонскаго кирилловскаго письма (X—XI в.) Синайск. Екатерининск. м-ря, Синайскій требникъ (евхологій) глаголическій конца X в. (по Гейтлеру) Син. Екатер. м-ря³¹). Вотъ немногіе и неполные свидѣтели славянскаго богослуженія на старославянскомъ языкѣ X—XI в., представляющіе собою, можно сказать, списки первой серіи или редакціи по отношенію къ своимъ старославянскимъ Кирилло-Меодіевскимъ оригиналамъ.

Къ спискамъ второй серіи или редакціи русскаго извода богослужебныхъ книгъ принадлежатъ — Архангельское XI в. (1092 г.) М. Пуб. Рум. Муз., евангаліе Туровское XI в. Виленск. пуб. б-ки, еванг. Мстиславово XII в. (начала) Моск. Синод. б-ки, еванг. Юрьевское XII в. (1119—20 г.) Моск. Синод. б-ки, еванг. Галицкое XII в. (1144) М. Син. б-ки, еванг. Добрилово XII в. (1164) М. Пуб. Рум. Муз., еванг. Московск. Типографск. б-ки XII в., евангел. Реймское (кирилло-глаголическое (XI—XII в.)), Милятино евангел. XIII в. (1215 г.), Псалтырь толковая Евгеніев-

³¹) Изъ апостоловъ принадлежащими къ юго-славянской редакціи признаются апп. Охридскій, Слѣпченскій, Христинополитанскій, Толковый, но изъ нихъ первые три XII в., и послѣдній начала XIII в. (1220).

ская XI в. И. П. б-ки, Толстовская XII в., Чудовская XII в. М. Син. Типогр. б-ки, *Минеи* богослужебныя за *Сентябрь* XI в., (1095 г.), за *Октябрь* XI в. (1096 г.), за *Ноябрь* XI в. (1097 г.), М. Син. Типогр. б-ки, за *Май* (Путятина) XI в., *семь миней* Типографск. б-ки, XI в. (*Янв., Февр., Февр., Апр., Июль, Авг., Ноябрь*), *Триодъ цвѣтная* XI в. Типограф. б-ки, *Служебной миней* 2 книги (*Февраль* и *Июль*) XII в. Типогр. б-ки, Чиновникъ Ярославскаго архіерейскаго дома, *Минеи* Новгород. Соф. собора (*Апрѣль, Май, Июнь, Сентябрь, Октябрь*), Служебникъ Варлаама хутынскаго XI в. М. Син. б-ки, Уставъ Студійскій XII в. М. Синод. б-ки, Уставъ Новгородск. Софійскаго собора XII в. Новгор. Соф. б-ки, (Пет. Д. Акад.), *Минея* (*Апрѣль*) М. Типографской б-ки, *Минея* б-ки общ. Ист. и Др. Рос., *Триодъ постная* и *цвѣтная* XII в. (конца) М. Типогр. б-ки, (Моисея Кіянина), *Паремійникъ* М. Типогр. б-ки, *Триодъ Саввина* Новг. Соф. собора XIII в. (до 1226 г.) б-ки Пет. Д. Ак., Апостольскія посланія Синодал. б-ки 1120 г., Четвероевангеліе М. Типогр. б-ки, ок. 1232 г., Пантелеимоново евангеліе, евангелійскія чтенія Румянц. Муз., М. Архангельск. собора, М. Типограф. б-ки, И. Публ. б-ки, Ярославск. архіерейскаго дома, Чтенія Апостольскія И. Пуб. б-ки, Псалтири Новг. Соф. б. и И. Пуб. б-ки, Апокалипсисъ б. Невоструева, Служебникъ Антоніевъ Синод. б. и другой Новг. Соф. б., *Октоихъ* Новг. Соф. б., *Минеи* (*Октябрь* и *Декабрь*) Синод. б., (*за Февраль*) Савваитова, (*Май*) Софійск. б., *Трефологій* М. Типогр. б., *Ирмологій* Новг. Соф. б., *Ирмологій* (Погодина) И. П. б., *Стихирарь* (Шафарика) Чешскаго музея.

Изъ этого перечня богослужебныхъ книгъ мы видимъ, что клиросныхъ, собственно, пѣвческихъ книгъ сохранилось въ домонгольскомъ періодѣ около 33-хъ наименованій, считая при этомъ миней помѣсячно, что не такъ много, какъ можно было бы ожидать³²).

Всѣ эти рукописи русскаго извода или второй серіи по письму своему принадлежатъ частью области кіевской, частью новгородской, частью галицко-волинской, тѣмъ географическимъ пунктамъ или областямъ древней Руси, куда раньше всего въ своей постепенной послѣдовательности проникла христіанская вѣра

³²) О древнѣйшихъ русскихъ книгахъ см. академ. А. И. Соболевскаго „Лекціи по исторіи русскаго языка“. Москва, 4 изд. 1907, стр. 12—15 и дальн., а также Срезневскаго „Древніе памятники русскаго письма и языка“ изд. 2, СПб. 1882.

и церковная письменность вмѣстѣ съ православнымъ богослуженіемъ. Изъ всѣхъ поименованныхъ рукописей, по времени своего происхожденія принадлежащихъ къ домонгольской христіанской Руси (990—1224) менѣе всего принадлежатъ по мнѣнію ученыхъ (Ягичъ, Соболевскій и др.) области галицко-волинской (ев. галиц., еванг. реймское); гораздо болѣе принадлежитъ области кievской (евв. Арх., Тур., Мстисл. Юрьев., Добр., Типогр., Псалт. Евгеньев., Толст., Чудов., Уст. студ., Тріодъ постная и цвѣтная), а остальные рукописи почти всѣ принадлежатъ новгородской области, за исключеніемъ немногихъ, которыя могутъ одинаково принадлежать и области кievской. Во всякомъ случаѣ исходнымъ пунктомъ и центромъ древней русской церковной письменности былъ Кіевъ, и поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что новгородскія рукописи, бывъ списываемы въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ рукописей юго-славянской редакціи, въ иныхъ немалыхъ случаяхъ списывались съ рукописей русской редакціи кievскаго письма, что, при употреблявшемся нѣрѣдко въ старину способѣ диктованія списываемыхъ книгъ одному писцу, или многимъ сразу, порождало то, что рукопись одного письма, напримѣръ кievскаго и съ говоромъ кievскимъ, изъ устъ диктовавшаго и изъ рукъ писца выходила съ мѣстнымъ ихъ говоромъ и письмомъ, напримѣръ, новгородскимъ, и т. п.³³⁾ Поэтому легче предположить, что въ періодъ времени домонгольскій наибольшая часть рукописей изъ области церковной письменности обязаны своимъ происхожденіемъ Кіеву, съ паденіемъ уже котораго подъ ударами монголовъ главные средоточные пункты письменности утверждаются на сѣверѣ, сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ, а главнымъ образомъ въ Новгородѣ и Псковѣ, Владимірѣ и Суздальѣ и, наконецъ, въ Москвѣ.

Татарскій погромъ былъ несомнѣнно одною изъ главнѣйшихъ причинъ исчезновенія рукописей кievскихъ, а обособленность и счастливое положеніе Новгорода въ сторонѣ отъ главнаго театра татарскаго погрома доставило возможность рукописямъ новгородскимъ сохраниться въ значительномъ сравнительно и большемъ количествѣ противъ кievскихъ. Другою причиною исчезновенія кievскихъ рукописей были многіе и большіе разрушительные пожары церквей и монастырей съ ихъ рукописями богослужб-

³³⁾ Академикъ А. И. Соболевскій говоритъ, что разночтенія въ кирилло-мееодійскихъ текстахъ, вѣроятно, происходили именно подобнымъ путемъ. „Церковно-славянскіе тексты моранскаго происхожденія“. Варшава, 1900, стр. 28—29.

ными, частію отъ неосторожности при деревянныхъ въ большинствѣ случаяхъ постройкахъ, частію отъ набѣговъ дикихъ ордъ половцевъ, печенѣговъ и др. Въ 1124 г. сгорѣлъ почти весь Кіевъ и 670 церквей (приходскихъ и монастырскихъ); въ 1163 г. половцы сдѣлали нападеніе на Кіевъ и захватили многія рукописи; въ Новгородѣ въ домонгольскій періодъ лѣтопись отмѣчаетъ пожаръ 1134 г., когда сгорѣло 10 церквей, а во Владимірѣ Ростовскомъ пожаръ 1185 г., когда сгорѣло 32 церкви.

Изъ всѣхъ сохранившихся отъ домонгольскаго періода Руси рукописей наибольшая часть книги богослужбныя. Это и понятно. „Первою заботою научившихся писать русскихъ духовныхъ пастырей, справедливо говоритъ проф. Волковъ, было удовлетворить самой настоятельной потребности только что народившейся церкви и потому прежде всего распространились списки книгъ, необходимымъ при богослуженіи, а именно книги священнаго писанія и церковныхъ пѣснопѣній и службъ, а также книги, устанавливавшія порядокъ богослуженія³⁴⁾. Надъ списываніемъ и переписываніемъ богослужбныхъ рукописей болѣе всего трудились сами же пастыри юной русской церкви и ихъ клирики подъ ихъ непосредственнымъ наблюденіемъ и иноки монастырей, хотя по свидѣтельству лѣтописи, уже Ярославъ, „книгамъ прилежа и почитая я часто въ нощи и во дни“, завелъ особыхъ переписчиковъ книгъ „и собра писецъ многы и прекладше отъ грекъ на словенское письмо и писаша книги многы“³⁵⁾. Въ подписяхъ древнихъ рукописей сохранились имена писцовъ, какъ попъ Упиръ Лихый, писатель пророческихъ книгъ первой половины XI в., диаконъ Григорій—Остромирова евангелія (1057 г.), диакъ Іоаннъ—Изборника Святославова (1073 г.), инокъ Яковъ (мірски—Домка) миней (1095, 96, 97), иноки Матеей и Лаврентій миней XI в., инокъ Іоаннъ — Тріоди постной XI в., инокъ Бестрой—Тріоди цвѣтной XI в., Алекса сынъ прозвутера Лазаря—Мстиславова евангелія, въ началѣ XII в., инокъ Феодоръ Угринецъ—Юрьевскаго евангелія, въ началѣ XII в., попъ (бывшій) Ілія—Трефологія XII в., дьякъ Константинъ (мірски—Добрило) Добриловскаго евангелія, XII в., пономарь Яковъ (мірски—Творимиръ)—Стихираря XI—XII в., Моисей Кіяннинъ—Тріоди постной

³⁴⁾ Н. В. Волковъ. „Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI—XIV вѣковъ и ихъ указатель“. Изд. О. Л. Д. II. 1897 г. Стр. 40.

³⁵⁾ П. С. Р. Л. I, 65.

и цвѣтной XI—XII в., Михаилъ — Устава съ кондакаремъ XI—XII в., Лаврентій — минеи XI—XII в., попь Домка—Милятина евангелія XIII в. (1215 г.) попь Савва (мірски—Грецинь) Тріоди постной и цвѣтной XIII в. (до 1226 г.).³⁶⁾ Въ патерикѣ печерскомъ говорится объ одномъ инокѣ-писцѣ: „Чернецъ Иларіонъ бяше и книгами хытръ п'сати, ту по вся дни и ноци писааше книги въ келии у блаженнаго Феодосія“. Обычная скромность и христіанское смиреніе не позволяли древнимъ сочинителямъ, а тѣмъ болѣе незамѣтнымъ переписчикамъ выставлять свои имена на рукописяхъ и поэтому, судя по значительному количеству именъ писповъ въ сохранившихся рукописяхъ, можно думать, что число безыменныхъ рукописей, частію дошедшихъ до насъ, болѣею же частію исчезнувшихъ безслѣдно, должно быть очень велико въ періодъ Руси домонгольской, особенно, если принять во вниманіе громадное количество церквей, существовавшихъ на Руси за этотъ періодъ времени и, вѣроятно, имѣвшихъ, хотя бы по одному экземпляру круга богослужебныхъ книгъ. О князѣ новгородскомъ Всеволодѣ Мстиславичѣ извѣстно, что онъ устроилъ церковь Іоанна Предтечи въ Опокахъ и украсилъ ее иконами и евангеліемъ цѣнными „и всѣми книгами исполнь“³⁷⁾. Все это вѣроятное громадное количество богослужебныхъ книгъ должно было изготовлять и изготовляло съ самыхъ первыхъ временъ и въ послѣдующее время духовенство и иноки.

Но это бѣлое и черное духовенство, чтобы быть на высотѣ своего книгописательнаго дѣла церковной и богослужебной письменности, должно было быть совершенно подготовленнымъ къ этому дѣлу, какъ по своему образованію — грамотности, такъ и по своему языку—славяно-русскому, такъ и по своему происхожденію—изъ славяно-русскихъ. Такимъ духовенствомъ, понимавшимъ свои обязанности и церковно-славянскую службу и способнымъ передать смыслъ и значеніе православной вѣры, ученія и богослуженія съ таинствами, своей славяно-русской мало просвѣщенной паствѣ могло быть только славяно-русское духовенство, въ частности, болгарское и преемственное ему, чисто русское, но не греческое—византійское.

Высшіе іерархи русской церкви, которыми первоначально, за немногими исключеніями были почти одни греки,—митрополиты

и епископы, нерѣдко не знали славяно-русского языка и объяснялись съ паствой черезъ переводчика, въ чемъ сознавался, напримѣръ, митрополитъ Никифоръ въ своемъ словѣ въ недѣлю Сыропустную: „Не данъ мнѣ даръ языкомъ... отъ того стою я посреди васъ безгласенъ и безмолвенъ“³⁸⁾. Учителями вѣры и грамотности славяно-русской, совершителями православнаго славяно-русского богослуженія, писателями и распространителями богослужебныхъ книгъ и славяно-русской церковной письменности было у насъ въ домонгольскій періодъ одно славяно-русское духовенство, первоначально болгарское, а потомъ собственно русское. Изъ богослужебныхъ книгъ домонгольскаго періода сохранился одинъ кондакаръ Благовѣщенскій И. П. Б-ки конца XII в. съ слѣдами греческаго языка въ богослужебномъ текстѣ, въ видѣ отрывочныхъ словъ и выраженій въ перемежку съ текстомъ славянскимъ, изображенныхъ притомъ славянскими буквами и, повидимому, предназначавшихся для совершителей богослуженія славянъ, а не грековъ, какъ „ти икумени“ (*τῆ εἰκουμένη*), „докса си о Θεосъ“ (*δόξα σοι ὁ Θεός*), въ предначинательномъ псалмѣ, „куріе елеисонъ“ (*Κύριε ἐλέησον*), „аллелуиа“, (*ἀλληλούια*) и проч., а одна стихира изложена параллельно и славянскимъ и греческимъ текстомъ³⁹⁾. Такое явленіе можетъ быть истолковано въ томъ лишь смыслѣ, что въ періодъ домонгольскій у насъ могли быть духовныя лица, игумены и епископы, любители греческихъ выраженій и языка и по подражанію греческому богослуженію, — которое иногда, по желанію и приказу высшей іерархіи греческаго происхожденія, могло исполняться, или сполна, или частію, когда пѣли на одномъ клиросѣ по гречески, на другомъ по славянски, — вводили излюбленные молитвословія въ славянское богослуженіе на греческомъ языкѣ. Такія излюбленные молитвословія на греческомъ языкѣ могли распространяться и въ народѣ, такъ напримѣръ, при перенесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба (1072 г.) народъ пѣлъ „куріе елеисонъ“ также пѣли и звенигородцы (1146 г.), освободившись отъ враговъ и войны русскіе, найдя раненаго князя своего Изяслава (1151 г.)⁴⁰⁾. Подобныя свидѣтельства однако же слишкомъ слабы для того,

³⁸⁾ Макарій, „И. Р. Ц.“ т. II, стр. 161.

³⁹⁾ Благовѣщенскій кондакаръ нач. XII в. бывшій нижегородскаго Благовѣщ. м.—ря, нынѣ Имп. Пуб. Б—ки. Qu. n. I, № 32. Лл. 114, 116, 118, 121 и др. См. Макарій „Ист. р. ц.“. Т. II, изд. 2, стр. 247—250, 254.

⁴⁰⁾ По Лаврентьевской лѣт. П. С. Л. I, 78. народу повелѣно взывати „Господи помилуй“, а также II, 22, 64, 46.

³⁶⁾ Ср. Срезневскій. „Древніе памятники русск. письма и яз.“.

³⁷⁾ Дополн. къ Акт. историч. I, 3. Макарій „Ист. р. ц.“. т. II, изд. 2, стр. 246.

чтобы убѣдить въ большой распространенности или даже значительной употребительности у насъ въ началѣ христіанства на Руси богослуженія на греческомъ языкѣ и существованія греческихъ богослужебныхъ книгъ, а съ ними и греческаго низшаго духовенства. Напротивъ, всѣ данныя историческія и соображенія логическія неопровержимо убѣдительно говорятъ за то, что во весь домонгольскій періодъ русской церкви существовало повсюду обычно славянское богослуженіе, совершаемое славяно-русскимъ духовенствомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ лицъ изъ высшей іерархіи—епископовъ и митрополитовъ, и по славянскимъ богослужебнымъ книгамъ, ибо предназначалось для паствы изъ славяно-русскихъ. „Въ нашу Русь книги священнаго писанія въ славянскомъ переводѣ перешли, говоритъ проф. Воскресенскій, несомнѣнно изъ Болгаріи, можетъ быть еще до равноапостольнаго Владиміра, при самомъ началѣ христіанства на Руси, при Аскольдѣ и Дирѣ, или же при Владимірѣ“. „Должно принять за несомнѣнное, продолжаетъ тотъ же ученый, что по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ тогдашнихъ пастырей нашихъ были славяне, пришедшіе изъ Болгаріи: безспорно, богослуженіе введено было у насъ съ самаго начала на языкѣ старо-славянскомъ, и кто могъ ввести его, кромѣ однихъ славянъ?⁴¹⁾

Сохранившіяся доселѣ отъ монгольскаго періода славянскія богослужебныя книги суть неоспоримые свидѣтели изначальнаго существованія славянскаго богослуженія на православной Руси. вмѣстѣ съ общепослужебными книгами проникли къ намъ отъ нашихъ просвѣтителей, южныхъ славянъ, моравовъ, сербовъ и главнымъ образомъ болгаръ, и книги пѣвческія, кондакари, стихирари, ирмологи, тріоди, минеи и притомъ въ двухъ видахъ, или съ однимъ только текстомъ, или же съ текстомъ и нотными надъ ними знаками. Въ числѣ упомянутыхъ выше богослужебныхъ книгъ, оставшихся отъ домонгольскаго періода, были поименованы однѣ только пѣвческія книги текстовыя. Какъ совершалось по нимъ пѣніе, не видно ни изъ самыхъ этихъ книгъ, ни изъ уставовъ, устанавливающихъ порядокъ богослуженія. Но если принять во вниманіе, что такихъ пѣвческихъ текстовыхъ книгъ сохранилось очень много по сравненію съ пѣвческими книгами нотными, то должно допустить, какъ рѣшительный выводъ, что пѣніе встарину было совершаемо большею частію по

⁴¹⁾ Древній славянскій переводъ апостола, и его судьба до XV в. М. 1879, стр. 10.

наслышкѣ, изустно и на память; немногіе же экземпляры нотныхъ пѣвческихъ книгъ служили только мнемоническими регуляторами напѣвовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда напѣвы невольно забывались, или искажались, или приходили вообще въ упадокъ. Такіе пѣвческіе кодексы регламентировали церковныя напѣвы въ продолженіе не одного столѣтія и были связующимъ звеномъ для нововведеній позднѣйшихъ по отношенію къ почтеннымъ древнимъ традиціямъ и исторически выработанною схемою, уравновѣшивающею крайности тѣхъ и другихъ, совершая незамѣтно и свое постепенное историческое развитіе, освобождаясь отъ элементовъ и формъ устарѣвшихъ въ пользу болѣе свѣжихъ теченій и живыхъ пріемовъ и формъ, что ясно выражалось и на нѣкоторыхъ измѣненіяхъ по времени въ начертаніяхъ и количествѣ нотныхъ знаковъ пѣвческихъ рукописей.

Отъ XI-го вѣка не сохранилось, по мнѣнію ученыхъ (Срезневскій, Волковъ и др.), ни одной нотной пѣвческой богослужебной книги, или, какъ принято думать, потому, что онѣ погибли во время пожаровъ и набѣговъ въ Кіевѣ, или же, скорѣе всего, потому, что за этотъ вѣкъ существовало у насъ одно только пѣніе по наслышкѣ, изустное и на память, а не по нотнымъ книгамъ, которыя стали появляться потомъ, быть можетъ, потому, что изустныя напѣвы стали забываться и искажаться, вслѣдствіе чего и являлась неизбѣжная необходимость закрѣпить употребительныя напѣвы нотными знаками.

Изъ нотныхъ богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ отъ домонгольскаго періода Руси сохранилось около тридцати трехъ рукописей, считая минеи (10) Синодальной библіотеки въ раздѣльности. Принимая во вниманіе, что нѣкоторые мѣсяцы минеи вошли вмѣстѣ подъ одинъ счетъ, какъ составлявшія одну рукопись, а нѣкоторые не приняты въ расчетъ, какъ Канонникъ Соф. 6-ки и Ирмологъ купца Самсонова,—мы должны заключить, что нотныхъ пѣвческихъ книгъ сохранилось все-таки не больше, чѣмъ книгъ пѣвческихъ, только текстовыхъ.

Нотныя пѣвческія книги, будучи одинаковыми съ пѣвческими книгами не нотными того же времени по своему тексту и, конечно, происхожденію изъ южно-славянскихъ областей, различаются между собою тѣмъ, что однѣ изъ нихъ (какъ кондакари лаврскій, нижегородскій, успенскій и уставный) имѣютъ вычурное нотное письмо, приближающееся по своему начертанію къ греческому, византійскому, другія же, наибольшая часть, имѣютъ всѣмъ известное упрощенное, отличное отъ византійскаго. Эти данныя, съ своей стороны, наводятъ на мысль, что наши нотныя богослужеб-

ныя книги возникли и распространились на Руси въ періодъ времени домонгольской, подъ преимущественнымъ вліяніемъ славянскимъ и при незначительномъ вліяніи византійскомъ и, слѣдовательно, наше богослужбное пѣніе, древніе церковные напѣвы утверждаются, какъ на своемъ родномъ корнѣ, на пѣніи церковномъ юго-славянскомъ и только чрезъ его посредство на греческомъ, византійскомъ, бывшемъ несомнѣнно основою богослужбнаго пѣнія юго славянскаго, какъ и самая греческая вѣра, богослуженіе и церковная письменность были въ основѣ вѣры, богослуженія и церковной письменности большей части міра юго-славянскаго, раздѣляя эту честь не въ значительной степени лишь съ Римомъ, въ отношеніи западныхъ славянъ. Получивъ славянское богослуженіе, первыхъ его совершителей, священниковъ, клириковъ и пѣвцовъ, славянскую церковную письменность, богослужбныя уставныя, пѣвческія нотныя и ненотныя книги отъ южныхъ славянъ, и самые церковные напѣвы мы могли получить, конечно, не изъ другого источника, какъ отъ тѣхъ же первыхъ просвѣтителей, учителей и руководителей нашихъ южныхъ славянъ. Славянинъ кievскій легче могъ понять соплеменнаго славянина, чѣмъ чуждаго грека, его ухо легче улавливало и музыкальное чувство воспринимало, а вкусъ находилъ пѣвческія музыкальныя красоты въ сродныхъ ему напѣвахъ, ритмахъ и мелодіяхъ общеславянскихъ, чѣмъ въ непривычныхъ и своеобразныхъ чуждыхъ ему греческихъ. Что существовало отдѣльное славянское, въ частности болгарское пѣніе, отличное отъ греческаго, византійскаго, видно изъ того, что на Аѳонѣ изрѣдка встрѣчаются нотныя богослужбныя книги какъ-бы славяно-болгарскія съ нотными знаками, не вполне похожими на греческія, такова на примѣръ, указываемая преосвященнымъ Порфиріемъ, нотная богослужбная минея первой половины XIII в., писанная нѣкимъ Драганомъ, найденная въ Зографскомъ монастырѣ, въ коей, по выраженію обозрѣвателя „надписаны болгарскія ноты, не похожія на греческія“⁴²⁾. На томъ же Аѳонѣ, въ библиотекѣ Есфигменскаго монастыря, тотъ же обозрѣватель нашелъ ирмологъ XI в. № 54 съ греческимъ текстомъ и съ нотами отличающимися отъ обычныхъ греко-византійскихъ, но схожими, добавимъ, съ нотными знаками славяно-русскими. „Эта церковная книга весьма замѣчательна, говоритъ преосвященный Порфирій, и по старинѣ и по рѣдкости своей и по особенностямъ пѣвческихъ знаменій, нимаю не походя-

⁴²⁾ „Второе путешествіе“. М. 1881 г. стр. 154.

щихъ на нынѣшнія ноты грековъ“⁴³⁾. Открытая ученымъ Ѡ. И. Успенскимъ въ Болгаріи Триодъ X—XI вв, писана совершенно подобными же пѣвческими знаками. Нотами совершенно схожими съ таковыми въ Есфигменскомъ ирмологѣ и Триоди писанъ такъ же греческій Синайскій стихирарь 999 г., снимки коего сдѣланы были преосвященнымъ Порфиріемъ, снимки у Герберта во II т. De sancti tab. VI, VII и др. ркп. и фрагменты, найденные въ послѣднее время А. Пападопуло-Керамевсомъ, Ж. Тибо, Смоленскимъ и др.⁴⁴⁾.

Всѣ эти довольно внушительныя данныя наводятъ на мысль, что русское нотное письмо и пѣніе получили свое начало отъ южныхъ славянъ, въ частности, отъ болгаръ,—но съ тѣмъ ограниченіемъ, что пѣніе по слышкѣ было принято въ русское богослуженіе тотчасъ же по крещеніи, нотное же письмо переходило

⁴³⁾ „Первое путешествіе“. Кіевъ 1887, стр. 381, 382.

⁴⁴⁾ Ibid. 383. Въ Импер. Публ. б-кѣ въ Порфиріевскомъ собр. № 362. Аббатъ Тибо въ соч. „Origine byzantine de la Notation neumatique“, Paris, 1907, р. 40,—отмѣчаетъ еще рукописи (14) съ такой же снмиографіей: №№ 220, 242(2), 260 Национальной Парижской б-ки (Коаленя), 54 и 59 Ватиканской б-ки (cod. Reg. gr.), Е. VII, А. V1, VIII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, б-ки м-ря Гротаферрата отмѣчаемыя Гаисеромъ въ соч. Les eirmoi de Raques dans office-grecque, 1905, фрагменты Шартрской б-ки и два листа изъ ркп. X—XI у профессора доктора Понева (въ Софіи) и монаха Августинскаго Теопиаста. По указанію Пападопуло-Керамевса въ статьѣ „Происхожденіе нотнаго музыкальнаго письма у сѣверныхъ и южныхъ славянъ, по памятникамъ древности, преимущественно византійскимъ“, Вѣстн. Археологій и Исторіи, 1906, XVII, въ Порфиріевскомъ собраніи Импер. Пуб. б-ки отмѣчаются листы съ такимъ же письмомъ № 372-й, 1350 г., № 351, XI,—357, XI,—358, XII,—361, X,—363, X,—372 ок. 1350 г. палимпсестъ, — 352, XI, — заглѣтъ 16 листовъ не порфиріевск. собр. № 557, IX—X.—Сюда могутъ быть присоединены открытыя А. Пападопуло-Керамевсомъ 2 ирмолога на Аѳонѣ и 1 — въ Іерусалимѣ въ монаст. Саввы, X, и 6 листовъ Постной Триоди Синод. б-ки, XII, № 217. Сюда же относятся снимки и Герберта во II т. „De sancti“, tab. VI и VII, X—XII вв., и образцы такого же письма изъ ркп. Вѣнской б-ки № 136 и Ватопедской Афонск. м-ря б-ки № 893, въ статьѣ Преображенскаго „О сходствѣ русскаго музыкальнаго письма съ греческимъ въ пѣвческихъ рукописяхъ XI—XII вв. 1909. Наконецъ въ статьѣ „Изъ дорожныхъ впечатлѣній“. 1906. СПб., Смоленскій отмѣчаетъ кромѣ вышеупомянутыхъ ркпш. Вѣнской № 139 и Ватопедской № 893, 217 (у Преображенскаго), еще рукописи Аѳонскихъ б-кѣ: Есфигменскій ирмологъ № 54, 140 л., Аѳанасіевской лавры—ирмологій № 32, 312 л., № 9, 89 л., Триодъ № 12, 83 л.—67, 162 л.—72, 92 л.—28, 214 л., стихирарь № 74, 116 л., — Андреевскаго скита — Стихирарь № 18, 218 л.,—Кутлумушкаго м-ря стихирарь № 398, 170 л.,—Иверскаго-Ирмологій № 470, 150 л.,—а заглѣтъ въ б-кѣ Христовуловскаго м-ря на Патмосѣ, ирмологъ № 4 и 5 и Стихирари №№ 218 — 227 и въ Вѣнской б-кѣ ркпш. №№ 33 и 204.

не сразу, а постепенно, въ продолженіе не менѣе вѣка, такъ что только въ XII-й в. мы встрѣчаемъ славяно-русскія нотныя богослужебныя рукописи. У славянъ и въ частности болгаръ богослужебное пѣніе существовало уже въ X, IX и, можетъ быть въ въ VIII вѣкѣ. Это пѣніе вмѣстѣ съ болѣе позднимъ письмомъ шло главнымъ образомъ отъ восточныхъ грековъ, въ томъ видѣ, какъ оно представляется въ Есфигменскомъ ирмологѣ XI в., въ Синайскомъ стихирарѣ X в. и Трїоди X—XI вв., частію же отъ грековъ—византіяцевъ⁴⁵⁾. Но болгарскіе христіане VII и VIII вв. и славяне западные, сербы, хорваты, чехи были въ епархіальной зависимости отъ римскаго первосвященника. По сказанію Анастасія бібліотекаря⁴⁶⁾ и Константина Порфирогенета, папа Іоаннъ IV (640—642), послѣ того, какъ сербы, хорваты и западные славяне Босніи, Далмаціи и Захолміи (Герцеговины) были крещены въ правленіе императора Ираклія, коимъ и поселены были на ихъ мѣстахъ, посылалъ имъ особаго епископа, св. Мартина, для утвержденія вѣры, послѣ чего эти славяне были подчинены, или этому римскому епископу, или сосѣднему ближайшему Діоклейскому, или Диррахійскому.

Безъ сомнѣнія богослуженіе на первыхъ порахъ у нихъ совершаемо было на латинскомъ яз., но нѣкоторыя его части могли совершаться и совершались на славянскомъ яз. Папа Іоаннъ VIII писалъ: (ок. 882 г.) *Iubemus ut in omnibus ecclesiis terrae vestrae*

⁴⁵⁾ С. В. Смоленскій въ своемъ сочиненіи „О древне-русскихъ нотціяхъ“ изд. О. Л. Р. П. СПб. 1907 г., стр. 14, 20, 21, 22, 25, 26 не безъ вліянія на него въ данномъ случаѣ преосв. Порфирія, высказывалъ мнѣніе, отъ котораго въ рецензїи на настоящее сочиненіе отказался, гдѣ совершенно безосновательно предполагалъ, что Есфигменскій ирмологъ представляетъ собой рѣдкій образецъ заимствования у русскихъ крюкового пѣнія греками. Такая мысль могла явиться, когда этотъ ирмологъ былъ единственнымъ представителемъ существованія такого крюкового письма, но въ послѣднее время рукописей съ такимъ письмомъ и греческимъ текстомъ найдено уже достаточное количество, которое краснорѣчиво можетъ говорить о себѣ, между тѣмъ исторія совершенно не знаетъ такого момента, когда бы могъ быть такой сильный отливъ крюкового пѣнія изъ Руси въ Византію и на Аѳонъ, напротивъ, множество указаній на обратное теченіе пѣвческихъ знаній и письма. Одновременно съ первымъ изданіемъ этой книги въ 1906 г. напечатана статья К. Пападопуло-Керамевса „Происхожденіе нотнаго музыкальнаго письма у сѣверныхъ и южныхъ славянъ“, Вѣстникъ Археологїи и Исторїи. 1906, XVII, гдѣ авторъ рѣшительно утверждаетъ греческое происхожденіе письма Есфигменскаго ирмолога. Наше мнѣніе въ деталяхъ отличается тѣмъ, что по нему этотъ ирмологъ не византіяскій, а греко-сирійскій симіографіи.

⁴⁶⁾ Бодянский. „О времени происхожденія письменъ“. М. 1855 года, стр. 25.

*propter majorem honorificentiam evangelium latine legatur et post modum slavonica lingua translatum in auribus populi (etc)*⁴⁷⁾. Такъ было до 886 г., когда при Василии Македонянинѣ болгары, хорваты и сербы перешли въ вѣдѣніе византіяской церкви. Но и перешедши подъ власть Константинопольскаго патріарха, эти славяне не освободились отъ слѣдовъ вліянія западной церкви. Такъ въ глаголической литургїи славяно-сербскаго хиландарскаго м-ря, относимой преосвященнымъ Порфиріемъ, на основаніи палеографическихъ признаковъ, ко 2-й половинѣ X-го вѣка, (напр., послѣ каждаго слова точка), во всемъ сходной съ общеславянской, однако-же упоминается во входной молитвѣ первоверховный апостоль Петръ⁴⁸⁾. Въ евангелїи Ярославовомъ XII в. славяно-сербскаго Хиландарскаго монастыря тотъ же авторъ встрѣтилъ такія слова, какъ Филать (Пилать), Іованъ Батиста, а въ календарѣ—Антимъ, Тимотей, Теологъ, Евстатій, Текла и др.; въ евангелїи Аѳоноруссика XIV в. слова—катадневно, католическій, къ корентіомъ, да и сложная форма глаголовъ любилъ быхъ, даль еси, всѣ придатки вспомогательнаго глагола есмь, быхъ, бысть—суть послѣдствія вліянія въ западно-славянской священной письменности латинской конструкціи рѣчи⁴⁹⁾. Что всего характернѣе въ отношеніи слѣдовъ зависимости отъ римскаго вліянія въ богослуженіи славянъ, такъ это найденный преосвященнымъ Порфиріемъ въ Костамонитскомъ монастырѣ Изборъ—палимпсестъ, писанный въ XI в. на стертой пемзою латинской нотной рукописи, съ красными коммами и крестиками, вмѣсто точекъ, причѣмъ мѣстами сохранились нотныя строчки въ 4 красныхъ линейки и латинскія слова: *due olive et duo candelabra lucencia ante dominum... duae... rosae... non... vobis autem... non est nisi... ut pater et filius et spiritus sanctus. Marie magdalene luce vernans specie... turmas... tuere precibus, ut cum illa et laudare possimus. Laudete justi... lux perpetua. Iusti autem sancti tui domine florebut sicut... et sicut odor balsami erunt ante te. Alleluia. Priusque te formarem in utero, novi te, et*⁵⁰⁾.

Эти данныя наводятъ на мысль, что богослуженіе юго-западныхъ славянъ и въ частности богослужебное пѣніе между славянами (VII—VII вв.) до XI—XII в. были въ значительной зависимости отъ римскаго, почему и естественно предположить, что и западные латинскіе богослужебные напѣвы, параллельно съ гре-

⁴⁷⁾ Порфирій. „Перв. путеш.“ 2 ч. стр. 94. „Вт. путеш.“ стр. 203.

⁴⁸⁾ „Первое путеш.“ 2 ч. отд. I, стр. 119. „Втор. пут.“ стр. 204.

⁴⁹⁾ Ibid стр. 34—36. Втор. пут. 204—206. Втор. пут. стр. 262.

⁵⁰⁾ Втор. путеш. стр. 262.

ческими, проникали къ новопросвященнымъ славянамъ, усвоились и утверждались и въ тогдашней просвѣщеннѣйшей области славянъ, Болгаріи, культивировались, и переработанные въ національномъ духѣ, становились ихъ достояніемъ, а равно переходили въ наслѣдіе и къ славянамъ восточнымъ и сѣверо-восточнымъ вмѣстѣ съ вѣрою, церковною письменностью и богослуженіемъ, особенно, если принять во вниманіе еще не обострившіяся отношенія между Востокомъ и Западомъ, давнишнее братское общеніе, взаимный обмѣнъ и подражаніе въ вопросахъ церковно-богослужебной практики и устава, преимущественно же въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторыя племена славянскія переходили часто отъ одной іерархической зависимости къ другой и наоборотъ.

Такимъ образомъ представляется возможнымъ принять, что при началѣ христіанства у насъ на Руси, чрезъ посредство славянскихъ племенъ, главнымъ образомъ, болгаръ, проникало къ намъ, вмѣстѣ съ богослуженіемъ и церковною письменностью, западное латинское пѣніе, но не нотное письмо, греческое византійское пѣніе и отчасти письмо (какъ древнее кондакарное) и восточно-греческое пѣніе и письмо—главнымъ образомъ, но то и другое и третье—не въ ихъ чистомъ видѣ, но переработанное и, вѣроятно, дополненное и націонализированное въ духѣ славянскомъ, въ теченіе двухъ, или трехъ вѣковъ (VIII—IX—X) усиліями наиболѣе даровитыхъ и просвѣщенныхъ тогдашнихъ славянскихъ племенъ, сербовъ и болгаръ. Вотъ та точка отправленія, которая самымъ естественнымъ образомъ напрашивается при обслѣдованіи данной области.

Самъ собою слѣдуетъ затѣмъ вопросъ: чѣмъ было богослужебное пѣніе а) юго-славянское (болгарское), б) пѣніе латинское, в) пѣніе греческое (византійское) и г) пѣніе восточно-греческое (сирійско-египетское) въ періодъ крещенія Руси и что каждое изъ нихъ могло внести въ область богослужебнаго пѣнія православно-русскаго, или какое могло оказать на него вліяніе?

Глава II.

Богослуженіе и богослужебное пѣніе восточныхъ и западныхъ славянъ въ зависимости отъ вліянія церковей византійской и римской. Состояніе латинскаго богослужебнаго пѣнія въ эпоху просвѣщенія славянъ и русскихъ. Вопросъ о григорианскомъ пѣніи, невмахъ и хирономіи.

О болгарскомъ и вообще юго-славянскомъ пѣніи IX и X в. исторія не сохранила никакихъ свидѣтельствъ. Болгарская ми-

нея Драгана XIII в., въ сообщеніи еп. Порфирія, съ нотами (если вѣрить этому) болгарскими, есть памятникъ, кажется единственный и сравнительно позднѣйшій. Въ томъ же XIII или XIV в., при Синодикѣ царя болгарскаго Бориса, найденномъ и изданномъ директоромъ Константинопольскаго археологическаго Института Ѡ. И. Успенскимъ, есть стихиры изъ болгарской службы, но съ нотными знаками (не греческими, византійскими⁵¹⁾). Имѣли ли болгары богослужебныя нотныя книги, за отсутствіемъ соотвѣствующихъ свидѣтельствъ, рѣшить трудно въ положительномъ смыслѣ. Если они имѣли нотныя книги, то не совѣмъ вѣроятно, чтобы онѣ всѣ погибли и доселѣ не сохранилось ни одной. Это могутъ рѣшить только будущіе археологи, изслѣдователи болгарскихъ и другихъ юго-славянскихъ рукописныхъ тайнохранилищъ. Но если таковыя нотныя рукописи не сохранились только потому, что ихъ не было, то спрашивается, какъ же болгары совершали свое богослужебное пѣніе въ продолженіе IX и X вѣка? Можно предположить, что если не сохранилось болгарскихъ богослужебныхъ книгъ съ болгарскими нотными знаками, то могли бы сохраниться такія книги съ нотными знаками греческими, допустивъ мысль, что болгарскихъ знаковъ и совѣмъ не было. Отвѣтъ на это можетъ быть только тотъ, что болгарскихъ нотныхъ богослужебныхъ книгъ XI и X в.в. съ греческими нотными знаками исторія не знаетъ ни одной. Является поэтому почти принудительнымъ для насъ предположеніе, что болгары въ IX и X в.в. не пользовались при своемъ богослужебномъ пѣніи ни своими нотными знаками за неимѣніемъ ихъ, ни чужими греческими—византійскими.

Болгары не имѣли ни повода, ни необходимости, ни определенной цѣли къ тому, чтобы изобрѣтать собственную свою болгарскую пѣвческую симіографію, отдѣльное нотное письмо. Просвѣщенные и наученные въ вѣрѣ почти ославянившимися въ средѣ славянскихъ племенъ Византійской имперіи македонскими и солунскими греками, нерѣдко свободно говорившими на славянскомъ языкѣ и хорошо понимавшими славянскую рѣчь, болгары, при самомъ же началѣ введенія у нихъ славянскаго богослуженія, могли быть отлично изустно научены богослужебному пѣнію въ греческихъ напѣвахъ, первоначально по осмогласію. И самые эти напѣвы не могли быть для южныхъ славянъ чѣмъ-либо чуждымъ, новымъ неслыханнымъ. Живя и часто вращаясь между

⁵¹⁾ Синодикъ царя Бориса ркп. Софійской національной б-ки № 83.

греками, славяне съ давнихъ временъ, быть можетъ, еще до все-народнаго крещенія своего, могли имѣть понятіе о греческомъ пѣніи богослужебномъ, вслушиваться въ греческіе напѣвы и усвоить ихъ. Довольно вспомнить воиновъ, славянъ, въ большомъ количествѣ служившихъ въ греческихъ войскахъ и невольно знакомившихся съ греческою вѣрою, обычаями, образованностью, знаменитыхъ славянъ, дядю и племянника Юстина и Юстиніана (Управду), счастливо поднявшихся до императорскаго византійскаго трона, основателя македонской династіи въ Византіи Василя Македонянина, болгарскаго царя Бориса, любившаго греческую образованность, его сестру Елену, въ греческомъ плѣну крестившуюся (858 г.) и получившую греческую образованность, его сына, царя Симеона, получившаго греческое образованіе въ Византіи⁵²⁾, царя Петра, любившаго греческое образованіе и женатаго на греческой царевнѣ Маріи, патріарха Игнатія (766—780), довольно этихъ примѣровъ для того, чтобы сдѣлать твердое заключеніе, что греческій міръ во всѣхъ его лучшихъ проявленіяхъ былъ близокъ, вѣдомъ смежнымъ Византіи славянскимъ племенамъ.

Съ одной стороны, славянинъ, свыкшійся съ напѣвами греческими, съ другой — грекъ, свободно владѣющій славянскимъ языкомъ—вотъ два участника въ устроеніи первоначальнаго богослужебнаго пѣнія славянскаго. Знакомый съ славянскимъ языкомъ грекъ не требовалъ отъ славянина греческаго языка при богослуженіи, онъ снисходилъ къ немощному брату въ пользу его родного языка, славянскаго, въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ молитва, служеніе Богу въ духѣ истины, — хотя, нерѣдко и славянину не чуждъ былъ языкъ греческій, — но могъ ли въ такомъ случаѣ, судя по совѣсти, требовать тотъ же грекъ, чтобы славянинъ, учась греческимъ осмогласнымъ богослужебнымъ напѣвамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо усвоилъ и сложную трудную для самаго грека его пѣвческую симіографію? Для новопросвѣщеннаго славянина это было и трудно и не необходимо и безцѣльно. Усвоивъ напѣвы на слухъ, вращаясь постоянно между греками, славянинъ-пѣвецъ не имѣлъ нужды ни провѣрять свое пѣніе по первоисточникамъ, ни увѣковѣчивать эти напѣвы для будущаго, такъ какъ и среди смежныхъ греческихъ пѣвцовъ, въ живой традиціи, онъ всегда имѣлъ на лицо достаточный необходимый критерій и ручательство относительно будущей сохранности напѣвовъ. Однако же въ этихъ данныхъ, обусловливавшихъ собою отсутствіе и ненадоб-

ность у славянъ симіографіи, какъ своей, такъ и чужой греческой, а вмѣстѣ съ тѣмъ, прочность и вѣрность греческой традиціи, оригиналу, въ области славянскихъ богослужебныхъ напѣвовъ, тайлось зерно новыхъ наслоеній и начало обособленности славянскаго богослужебнаго пѣнія.

Если южныя, ближайшія, пограничныя съ Византіей славянскія племена и поселенія, въ силу естественной культурной зависимости отъ Византіи, частыхъ сношеній и близости болѣе прочно придерживались греческихъ традицій въ пѣніи и были вѣрны ихъ гласовымъ напѣвамъ, то болѣе отдаленныя сѣверныя и западныя области и племена, въ силу обратныхъ причинъ, меньше тянули къ Византіи и ея пѣвческимъ традиціямъ и напѣвамъ и, или подпали вліянію другихъ культурныхъ народовъ, напримѣръ: латинякъ, какъ славяне западные, или, — имѣя въ сосѣдствѣ такія же племена славянскія, не культурныя, напримѣръ: полянъ, тиверичей, угличей, какъ сѣверные болгары и сербы, слѣдовательно предоставленные сами себѣ, своему естественному, свободному національному развитію, въ ощутительной дали отъ своихъ первоучителей, грековъ, — забывали оригинальные напѣвы греческіе и греческія пѣвческія традиціи, варіировали напѣвы по своему, на свой ладъ и слухъ, сближая ихъ съ своей народной пѣсней и своими ритмами, перерабатывая ихъ во всѣхъ частяхъ въ духѣ національномъ, въ характерѣ народномъ, оставляя неизмѣннымъ лишь тотъ акустическій природный музыкальный элементъ, который, по самой природѣ звука и слуха человѣческаго, свойственъ и обязателенъ всѣмъ племенамъ и народамъ безъ исключенія и есть то общее, что дѣлаетъ, въ большей или меньшей степени, понятною всѣмъ всякую музыку, безъ различія національностей. Такъ изъ греческихъ пѣвческихъ основъ, на основаніи греческихъ осмогласныхъ напѣвовъ, могъ выработаться у славянъ, особенно при отсутствіи въ практикѣ нотной записи, славянской или греческой, при изустномъ обученіи пѣнію и напѣвамъ, свой особый родъ богослужебнаго пѣнія, свое своеобразное осмогласіе, свои особые славянскіе богослужебные напѣвы, хотя и сродные по началу съ греческими, но въ частности и отдѣльныхъ вариантахъ видоизмѣненные на славянскій ладъ, согласно славянскимъ приемамъ пѣнія, подобно тому, какъ и у насъ на Руси изъ старыхъ распѣвовъ—знаменнаго, греческаго и кіевскаго—образовался русскій обычный, а изъ древняго напѣва греко-славянскаго и малаго знаменнаго XI—XIV в. образовался съ XV-го вѣка распѣвъ великорусскій, большой знаменный, который совершенно не совпадаетъ съ древнимъ въ однихъ и тѣхъ же пѣснопѣніяхъ. Поэтому,

⁵²⁾ Водянскій, стр. 235.

въ концѣ X-го вѣка, черезъ два столѣтія, или даже болѣе того, послѣ введенія у южныхъ славянъ греческихъ напѣвовъ и богослуженія, богослуженное пѣніе смежныхъ съ Русью славянъ, болгаръ и сербовъ, должно быть представляемо въ значительной степени переработаннымъ въ народномъ духѣ славянъ, въ своеобразномъ видѣ, въ характерѣ національномъ, по сравненію съ греческими оригиналами. Кіевскіе поляне, получая въ концѣ X в. богослуженіе, богослуженныя книги, низшую іерархію, клириковъ и пѣвцовъ отъ болгаръ, и богослуженныя напѣвы могли получить не иные, какъ тѣ, какими они были у южныхъ славянъ и, въ частности, у болгаръ въ концѣ X в. Говоря проще, русскіе получили отъ южныхъ славянъ греческое пѣніе, но въ теченіе не менѣе двухъ столѣтій переработанное славянами въ духѣ народномъ, съ мелодическими и ритмическими особенностями, съ своеобразной фразировкой текста, отлившееся въ типы національно славянскіе, совершенно сродные и близкіе слуху и музыкальному чувству поляне кіевскіе, и въ этомъ видѣ богослуженное пѣніе славянское стало богатымъ и многоплоднымъ наслѣдіемъ славянъ русскіихъ. Слѣдовательно, съ полнымъ правомъ можно сказать, что наше древнее церковное русское пѣніе домонгольскаго періода — это пѣніе греко-славянское, съ нѣкоторыми незначительными чертами русскими⁵³⁾.

⁵³⁾ Въ послѣднее время К. Пападопуло-Керамевъ и А. И. Преображенскій полагаютъ немало усилій къ тому, чтобы доказать, что русское церковное пѣніе домонгольскаго періода есть буквально и въ симіографіи и въ напѣвахъ заимствованное отъ грековъ пѣніе, къ каковому заключенію приводятъ ихъ сличеніе однихъ и тѣхъ же пѣснопѣній въ русской и греческой симіографіи, причемъ наблюдается, по мнѣнію Преображенскаго, незначительная разность въ пѣвческихъ знакахъ и текстовыхъ совпаденіяхъ по размѣру напѣвныхъ частей (попѣвокъ), подобны же выдержаны сравнительно хорошо. См. цитов. выше статьи этихъ авторовъ. Здѣсь не можетъ быть, конечно, спора о принципиальной сторонѣ вопроса, о зависимости русскаго церковнаго пѣнія отъ греческаго—это ясно само собою, но различіе сужденій можетъ быть только въ томъ, чистые-ли греческіе напѣвы перенесены на Русь, или славянизованные, и затѣмъ, въ русскіихъ рукописяхъ XI и XIV вв. имѣемъ-ли мы чистые греческіе напѣвы, или не только славянизованные, но и обрусѣвшіе уже въ значительной степени. Не вдаваясь въ гадательное чтеніе греческой и русской симіографіи XII—XIII вв., на тѣхъ же текстахъ пѣснопѣній можно находить разность въ пѣвческихъ знакахъ, происходящую уже отъ различія количества слоговъ, длины текста и удареній слоговыхъ, но кромѣ того, эта разность знаковъ наблюдается и въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, когда предыдущіе и послѣдующіе имъ знаки совпадаютъ, и притомъ бываетъ нерѣдко такъ, что эти знаки, повидимому, противоположнаго значенія. Такъ греч. стрѣла свѣтлая, русск. — простая, статья за-

Но въ болгарскомъ и вообще славянскомъ богослуженномъ пѣніи греческое пѣніе, греческіе напѣвы были не единственнымъ существеннымъ элементомъ, на ряду съ элементами чисто славянскими. Туда должны были входить и элементы латинскаго пѣнія, западнаго, съ одной стороны, и элементы восточнаго греко-сирийскаго и коптскаго—съ другой. Хиландарская рукопись глаголической литургіи, по Порфирію X в., указаніемъ на первоверховнаго апостола Петра, ясно даетъ понятіе свою западную латинскую редакцію литургіи, въ другихъ отношеніяхъ сходной съ общеславянскою. Найденная въ Зографскомъ монастырѣ Аѳона епископомъ Порфириемъ, такъ называемая литургія Петра, хотя и не въ раннемъ списокѣ, но по происхожденію относимая имъ къ VII и VIII вѣкамъ, времени іерархической независимости славянъ отъ римскихъ папъ,—содержитъ въ себѣ несомнѣнные признаки латинской редакціи литургіи славянъ,—такъ въ ней нѣтъ призыванія Духа Святаго на дары, перечисляются въ святыхъ римскіе папы: Линъ, Климентъ, Корнилій и святые западной церкви, какъ Киприанъ Карфагенскій, Амвросій Медиоланскій, Григорій Великій, св. Венедиктъ и святые жены западной церкви, какъ Перпетуя, Агнія и др.⁵⁴⁾ Извѣстны въ исторіи отдѣльныя распоряженія папъ по отношенію къ западнымъ славянамъ о служеніи литургіи и службъ на латинскомъ языкѣ. Папа Стефанъ VI писалъ князю

крытая, — статья простая, голубчикъ — палка, стрѣла громосвѣтлая — два въ челну, крюкъ — статья закрытая, скамейца съ палкой — параклитъ, запятая — голубчикъ борзый, скамейца — сложиться, запятая съ стоицей — голубчикъ борзый, стрѣла громная — статья съ подтверткой, крюкъ простой — крюкъ свѣтлый, крюкъ мрачный — крюкъ свѣтлый, стрѣла съ облачкомъ — статья свѣтлая, стрѣла громомрачная — статья закрытая, стрѣла поводная — стоица, статья простая — змійца со статьей, статья простая — хамила, двѣ запятыхъ — крюкъ и проч.—Здѣсь, при несовпаденіи текста, мыслимы значительныя версіи греческаго и русскаго напѣвовъ, которыя въ состояніи создать совершенно своеобразіе того и другого до ощутительнаго мелодическаго и ритмическаго различія, даже при одинаковомъ способѣ интонированія. Но что же будетъ представлять это пѣніе, если допустить различіе интонированія грековъ и русскіихъ? Съ другой стороны, совершенно неосновательна и другая крайность, не безъ вліянія пр. Д. В. Рааумовскаго, допущенная С. В. Смоленскимъ въ сужденіяхъ о происхожденіи знаменнаго пѣнія и письма, какъ гениальныхъ изобрѣтеній русскаго ума въ ст. „О древнѣйшихъ пѣвческихъ нотацияхъ“, стр. 25—26, ибо такое предположеніе совершенно не имѣетъ за себя никакихъ научныхъ данныхъ, хотя, повидимому, и льститъ русскому самолюбію, что и создаетъ этой мечтѣ кажущуюся ей пріемлемую. Русское творчество на греко-славянской почвѣ начинается только уже гораздо позднѣе, не раньше XV в., и довольно въ скромныхъ размѣрахъ.

⁵⁴⁾ Второе путеш., стр. 179—184.

моравскому Святополку (885—6 г.г.) противъ употребленія славянскаго языка при богослуженіи въ пользу латинскаго; папа Іоаннъ XIII въ томъ же смыслѣ писалъ (ок. 972 г.) чешскому князю Болеславу II-му. Папа Іоаннъ X пишетъ Далматинскимъ епископамъ (ок. 924 г.) „in sclavinorum terra secundum mores sanctae romanae ecclesiae ministerium sacrificii peragant in latina scilicet lingua non autem extranea. Et quia sclavini specialissimi filii sanctae romanae ecclesiae sunt in doctrina matris permanere debent“. Тотъ же папа утвердилъ постановленія Сплетскаго собора о запрещеніи хорватамъ и долматинцамъ славянскаго богослуженія (924 г.). Папа Григорій XII писалъ чешскому королю Вратиславу (1080 г.) „Quia vero nobilitas tua postulavit, quo secundum slavorum linguam apud vos divinum celebrari annueremus officium, scias nos huic petitioni tuae nequaquam posse favere“⁵⁶⁾. Но богослуженіе на латинскомъ языкѣ было тѣсно связано съ латинскими богослужебными книгами и соотвѣтствующими имъ напѣвами латинскаго характера и происхожденія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ христіанства у западныхъ славянъ. Латинское духовенство, обращавшее отдѣльные племена западныхъ славянъ въ XII—XIII вв. въ христіанство, не могло ничего иного предложить новопроевѣщеннымъ членамъ своей церкви, какъ свои услуги по совершенію богослуженія, свой языкъ и свой чинъ богослуженія, который въ то время еще не могъ значительно отступать отъ восточнаго, свои богослужебныя книги и наконецъ свои западныя напѣвы. Впослѣдствіи, когда значительная часть славянъ, частью отъ своихъ восточныхъ собратьевъ, частью отъ самихъ грековъ, въ періодъ временной зависимости отъ византійской церкви, усвоила себѣ восточныя богослужебныя чины и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ, возможно было проникновеніе къ западнымъ славянамъ и напѣвовъ греческихъ и греко-славянскихъ; но тѣмъ не менѣе не можетъ быть оспариваема мысль, что западныя славяне въ значительной степени усвоили себѣ латинское пѣніе, латинскіе напѣвы, первоначально имъ чуждые, но впослѣдствіи переработанные въ духъ народномъ, славянскомъ, въ характерѣ національномъ, уже въ силу неустранимыхъ этнографическихъ условій и особенностей. Эта мысль не можетъ быть ослаблена тѣмъ обстоятельствомъ, что исторія не сохранила памятниковъ латинскаго пѣнія у западныхъ славянъ, нотныхъ богослужебныхъ книгъ и

⁵⁶⁾ Первольфъ „Славянскій языкъ и его судьбы“ въ Мееодіевскомъ сборникѣ, стр. 15—18.

другихъ постороннихъ о томъ свидѣтельствѣ⁵⁶⁾. Въ дѣйствительности такое богослужебное пѣніе должно быть представляемо изучаемымъ не по нотнымъ богослужебнымъ книгамъ, а изустно, по памяти, по традиціи.

Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и въ самой латинской церкви, на пространствѣ всего запада еще не найдено доселѣ латинскихъ богослужебныхъ нотныхъ книгъ ранѣе IX вѣка, или по тому, что ихъ не сохранилось въ историческомъ водоворотѣ и буряхъ, или, вѣрнѣе, также по тому, что дотолѣ практиковалось у церковныхъ западныхъ пѣвцовъ только изустное богослужебное пѣніе. Одинъ изъ ученѣйшихъ современныхъ изслѣдователей богослужебнаго латинскаго пѣнія Ф. А. Гевартъ говоритъ, что „латинское пѣніе усвоило себѣ графическую систему знаковъ—невмъ, имѣя въ виду, если не закрѣпить въ точности мелодію, то по крайней мѣрѣ обозначить ея характеристическіе контуры для пѣвца, знающаго наизусть весь антифонарій. Знаки невматическіе служатъ не къ тому, чтобы *познать* (*connaitre*), но *узнать* (*reconnaitre*) напѣвъ (*cantilene*). Никакого оригинальнаго документа, никакого внѣшняго свидѣтельства объ этомъ родѣ музыкальнаго письма не встрѣчается ранѣе середины IX вѣка; поэтому естественно предположить, что

⁵⁶⁾ А. Н. Веселовскій, разсуждая о пѣніи чеховъ, говоритъ: „Со введеніемъ христіанскаго богослуженія, церковныя пѣснопѣнія амвросійской школы и впослѣдствіи Григорія Великаго, своимъ мелодическимъ плавнымъ теченіемъ, таинственно прелестно возвышенныхъ звуковъ сильно повліяли на народную пѣсню, такъ что характеръ ея мало по малу начинаетъ измѣняться, и въ беззаботные, наивные звуки вкрадывается струнка задумчивости и серьезности, а заботливость, какую искони прилагало въ Чехіи католическое духовенство къ развитію церковной музыки, падая на такую благодарную почву, какъ чешскій народъ, повела за собой необыкновенную популяризацию литургическихъ напѣвовъ. Взаимодѣйствіе церковнаго гимна и народныхъ мелодій характеризуетъ этотъ ранній періодъ, когда самъ народъ слагалъ религиозныя гимны, часто мѣняя лишь текстъ своихъ воинственныхъ языческихъ пѣсней на готовый богослужебный и воспѣваетъ эти гимны не только въ храмѣ, но и въ иныхъ важныхъ минуты своей жизни, при торжествахъ на полѣ бивы. Древнѣйшимъ памятникомъ этого церковнонароднаго искусства служить гимнъ св. Войтеха (Адальберта) „Gospodine pomilujnu“, относимый иными ко времени Кирилла и Мееодія. Въ 992 г. гимнъ этотъ былъ уже одобренъ къ употребленію въ богослуженіи папой Іоанномъ XV; до насъ дошелъ онъ въ спискахъ конца XIV столѣтія. Нѣсколько позднѣйшимъ, но вполне родственнымъ ему памятникомъ той же эпохи служить гимнъ св. Вацлаву, вѣроятно, XI или XII столѣтія, уцѣлѣвшій также въ позднѣйшихъ спискахъ и затѣмъ цѣлый рядъ церковныхъ пѣсней отъ XIII до XIV столѣтія, недавно открытыхъ Звонаржемъ въ старыхъ канціоналахъ“. Русск. Вѣстн. 1866, IV, 422.

это письмо утвердилось въ Римѣ въ періодъ греческаго вліянія въ средѣ папъ; а это было въ промежутокъ времени отъ 680 до 750 года⁵⁷⁾. Самая древнѣйшая извѣстная на Западѣ, нотная (невматическая) рукопись—это Сенъ-Галльскій антифонарій (cantatorium) первой половины IX вѣка, какъ думаетъ специальный изслѣдователь этой рукописи патеръ Лямбильотъ⁵⁸⁾, а съ нимъ и другіе западные ученые, но не всѣ съ одинаковою увѣренностію⁵⁹⁾. Съ большою увѣренностію ученые относятъ къ IX в. другой антифонарій, найденный въ Монпелье, въ южной части Франціи, ученымъ Данжу и написанный невмами и буквами (латинскими)⁶⁰⁾. Патеръ Лямбильотъ⁶¹⁾, съ цѣлью изученія древнѣйшихъ нотныхъ (невматическихъ) богослужебныхъ рукописей пересмотрѣвший и обслѣдовавший всѣ лучшія книгохранилища и библиотеки Западной Европы, специалистъ дѣла, заслуживающій полного довѣрія, указываетъ нѣсколько рукописей искомаго періода времени (IX и X вѣка).

Въ каѳедральной библиотекѣ г. Вероны Missalis на весь годъ, IX в. (№ 98. С. V), въ Венеціанской библиотекѣ св. Марка, IX в. (Clas. III, Cod. С. XXIV), въ аббатствѣ мурбахскомъ (г. Кольмаръ во Франціи) антифонарій и Gradualis X в., Gradualis X в. Ланской (Laon) библиотеки, Сенъ-Галльской библиотеки (Suisse) Gradualis X в. (№ 338), Gradualis X в. (№ 339) Gradualis X в. (№ 340), антифо-

⁵⁷⁾ Fr. Aug. Gevaert „La Molopée antique dans le chant de l'église latine. Gand. 1895. P. 182. „Telle est en effet l'unique utilité de cette écriture musicale: elle peut évoquer dans l'esprit le souvenir d'une mélodie connue, mais non pas donner la connaissance d'une cantilène nouvelle“ говоритъ Гевартъ въ другомъ сочиненіи „Les origines du chant liturgique latine. Gand. 1890. P. 42.

⁵⁸⁾ Antiphonaire de St. Gall, Bruxelles. 1872, въ Peleographie musicale. 1891. II, 2.

⁵⁹⁾ Нѣкоторые ученые, какъ знаменитый историкъ музыки Амбросъ (Geschichte d. Musik 1891. B. II, s. 80) и новѣйшій ученый изслѣдователь невмъ Оскаръ Флейшеръ (Neumen—Studien 1895. Theil I. s. 17) на основаніи письма склонны, однако, относить эту рукопись (№ 359) даже въ XI в. Оскаръ Флейшеръ относитъ къ X или XI в. и другой антифонарій сенъ-галльскій (№ 349), изданный аббатствомъ солемскимъ и Paleographie musicale, обычно также относимый къ IX в. (ученымъ Потье). Къ X-му вѣку относятъ эту рукопись и Фетисъ въ своей Histoire generale de la musique, t. IV, Paris, 1874, P. 150, а аббатъ Шубигеръ (ibid.) къ XI-му вѣку.

⁶⁰⁾ Schubieger, Specielegien, s. 42. Osc. Fleischer, Neumeu-Studien, s. 19. Лямбильотъ относитъ къ X в. Peter Wagner, Einführung in die gregorianischen Melodien, 1895, s. 117—къ XI в.

⁶¹⁾ P. L. Lambillotte. Esthétique théorie et pratique du chante grégorien. Paris. 1855. Pp. 32—62.

нарій X в. (№ 390), антифонарій X в. (№ 391), антифонарій X в. (№ 376), Gradualis библиотеки г. Монцы X в. (С. 12), другой Gradualis X в. (С. 13). Вотъ всѣ извѣстныя выдающіяся богослужебныя нотныя рукописи латинскаго Запада разсматриваемаго періода времени. Къ нимъ еще можетъ быть присоединенъ Tonarius, теоретическое сочиненіе съ изложеніемъ невмами нѣкоторыхъ антифоновъ, приписываемое аббату Режинону изъ Прюма, IX в. Такое незначительное количество нотныхъ (невматическихъ) богослужебныхъ рукописей для всего латинскаго Запада на протяжении двухъ вѣковъ (IX и X), хотя и можетъ быть объяснено въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ пожары, военные погромы, но, однакоже, совершенная непропорціональность отношеній этихъ двухъ данныхъ между собою очевидна, по сравненію съ степенью сохранности нотныхъ богослужебныхъ рукописей даже многострадальной Руси въ домонгольскій періодъ. Само собою напрашивается то болѣе вѣроятное и естественное предположеніе, что небольшая численность нотныхъ рукописей была въ зависимости отъ незначительнаго спроса на нихъ, вмѣстѣ съ дороговизною матеріала (пергамена), трудностью письма и отсутствіемъ опытныхъ писцовъ. Незначительность спроса на нихъ въ свою очередь была въ зависимости отъ того обстоятельства, что богослужебное пѣніе совершалось въ западной христіанской православной церкви, отъ начала христіанства и по VIII-й вѣкъ включительно, изустно, по наслышкѣ, по традиціи, а не по нотнымъ книгамъ.

О нотномъ письмѣ этихъ богослужебныхъ книгъ ученый музыкантъ Гевартъ говоритъ: „единственное значеніе этого музыкальнаго письма таково, что оно вызываетъ въ умѣ воспоминаніе какой-либо извѣстной мелодіи, но не въ состояніи дать познанія (connaissance) мелодіи новой“⁶²⁾. „Невматическое письмо, говоритъ знаменитый историкъ музыки Амбросъ, должно представлять не какъ нѣчто разъ однажды изобрѣтенное, но какъ возникающее изъ незначительныхъ неумовимыхъ началъ до разнообразнѣйшихъ формъ и безчисленныхъ вариантовъ. Оно, затѣмъ, первоначально не имѣло своимъ назначеніемъ быть нотнымъ письмомъ, но мнемоническимъ средствомъ для пѣвцовъ, знавшихъ изустно мелодію, а не читавшихъ ее впервые только въ невматическихъ знакахъ“⁶³⁾. „Невмы, говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей исторіи тотъ-

⁶²⁾ Gevaert. Les origines chant liturgique de l'église latine. Gand. 1890. P. 42. См. примѣчаніе выше.

⁶³⁾ Ambros. Geschichte der Musik. Band. Leipzig. 1891. s. 83. Die Neumenschrift hat man sich nicht als ein Erfundenes, sondern, als ein aus unbedeutenden

же авторъ, хотя и представляли собою нотное письмо, однакоже оставались простыми мнемоническими знаками того, что приобрятается только чрезъ упражненіе, причемъ руководство учителя необходимо⁶⁴). Авторъ одного сочиненія *Musica enchiriadis* (Псевдо—Гукбальдъ), X-го вѣка, такъ отзывается о невматическомъ письмѣ: „*Нае (notae—невмы) autem ad hanc utilitatem sunt repertae, ut sicut per litteras voces et distinctiones verborum recognoscuntur in scripto, ut nullum legentem dubio fallant iudicio, sic per has omne melum annotatum etiam sine docente, postquam semel cognitae fuerint, voleat decantari... Hae autem consuetudinariae notae non omnino habentur non necessariae: quippe cum et tarditatem cantilenae et ubi tremulam sonus contineat vocem vel qualiter ipsi toni iungantur in unum, vel distinguantur ab invicem, ubi quoque claudantur inferius vel superius pro ratione quarundam litterarum, quorum nihil omnino hae artificiales notae valent ostendere, admodum censentur perficuae*“. Прочитовавъ это мѣсто съ нѣкоторыми пояснительными при этомъ примѣрами, ученый Флейшеръ говоритъ: „здѣсь ясно сказано, что невмы не въ состояніи выразить ступени мелодіи въ отношеніи повышенія или пониженія. Въ общемъ онѣ хорошо устанавливаютъ направленіе голоса и его движенія вверхъ или внизъ и позволяютъ заключать, при какихъ условіяхъ выраженія и послѣдовательности времени мелодія должна быть пропѣта; однако пропѣтъ по невмамъ доселѣ неизвѣстную мелодію невозможно, такъ какъ отношенія отдѣльных невматическихъ тоновъ, другъ къ другу въ самихъ знакахъ не даны“⁶⁵). При такомъ условномъ значеніи невмъ, выполненіе напѣвовъ зависѣло исключительно отъ памяти учениковъ и отъ умѣлыхъ учителей; но при забывчивости учениковъ, съ одной стороны, и при своеобразномъ пониманіи невмъ учителями, съ другой, оказывалось, что тамъ, гдѣ одинъ пѣлъ мелодію въ однихъ интервалахъ, другой пѣлъ въ другихъ, какъ повѣствуетъ Іоаннъ Коттоній въ первой половинѣ XI в.

flüchtigen Anfängen bis zur mannigfaltigen Gestaltung und hunderterlei Varietäten Entstandenes zu denken. Sie machte ferner ursprünglich gar nicht den Anspruch eine Tonschrift zu sein, sondern eine Gedächtnisshilfe für den Sänger der die Melodie auswendig wusste und sie nicht erst aus dem Neumengeschnörkel herausfinden sollte“.

⁶⁴) Ibid. p. 92. Die neumen blieben also, ob sie gleich eine Tonschrift vorstellen sollten, doch nur eine blosse Gedächtnisshilfe etwas, das nur durch Uebung (usus) zu erlernen und wozudie Unterweisung des Lehrers unentbehrlich war“.

⁶⁵) Dr. O. Fleischer. Neumen-Studien. Leipzig. 1895. S. 3—5.

„Отсюда происходитъ, говоритъ онъ, что каждый таковыя невмы по своему произволу поетъ въ большихъ или меньшихъ интервалахъ и такъ, что, гдѣ одинъ поетъ большую терцію, или кварту, другой тамъ поетъ малую терцію, или квинту, и, если еще третій присоединится къ нимъ, то разногласитъ съ обоими. Одинъ говоритъ: меня училъ учитель Трудъ; другой ссылается: а я учился у учителя Альбино; третій: учитель Соломонъ совсѣмъ иначе это поетъ. Кратко сказать не утомля излишне: рѣдко трое даже согласны въ пѣніи, не говоримъ о тысячѣ, потому что каждый рѣшительно ссылается на своего учителя, поэтому и является столько вариантовъ въ пѣніи, сколько учителей“⁶⁶). Іоаннъ де-Мурисъ, ученый музыкантъ XIV в. выражаетъ ту же мысль въ словахъ: а знаки эти (невмы) мало помогаютъ познать напѣвы и каждый въ отдѣльности не въ состояніи научиться имъ самостоятельно, но требуется, чтобы онъ гдѣ-нибудь слушалъ и долго на опытѣ учился, почему это пѣніе и именуется опытнымъ (*usus—обычнымъ*)⁶⁷). Приведенныя свидѣтельства средневѣковыхъ писателей и сужденія такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ Амбросъ, Гевартъ и Флейшеръ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что невмы не выражали во всей точности напѣвовъ и служили только мнемоническимъ средствомъ для возстановленія въ памяти заученныхъ раньше наслухъ, обыкновенно при помощи посторонняго руководителя, изустныхъ мелодій, отчего и самое пѣніе именовалось (*usus* обычай, практика, опытъ) обычное.

⁶⁶) Gerbert. *Scriptores*. II. 258. У Флейшера „*Neumen-Studien*“ p. 7. „unde fit, ut unusquisque tales neumas pro libitu suo exaltet aut deprimat et ubi tu semiditonum vel diatessaron sonas, alius ibidem ditonum vel diapente faciat; et si adhuc tertius adsit, ab utrisque disconveniat. Dicit namque unus hoc modo: magister Trudo me docuit; subiungit alius: ego autem sic a magistro Albino didici; ad hoc tertius: certe magister Salomon longe aliter cantat. Et ne te longis morer ambagibus, raro tres in uno cantu concordant, ne dum mille, quia nimirum dum quisque suum praefert magistrum, tot fiunt divisiones canendi, quot sunt in mundo magistri“. Это совершенно аналогично тому, какъ у насъ по сказанію инока Евфросина, въ XVII в. пѣвцы разногласили между собой, говоря: „азъ есмь Шайдуровъ ученикъ, а инъ хвалитъ Лукошково ученіе, инъ же Васкаковъ переводъ, а инъ Дудкино пѣніе, а инъ Усольскій переводъ, а инъ Христіанниковъ, а прочіи прочихъ“. Евфросинъ „Сказаніе о различныхъ ересѣхъ и хуленіихъ на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, содержимыхъ отъ невѣднія въ знаменныхъ книгахъ“. Ркп. 6-ки Синод. Уч. № 73, датиров. 1669 г.

⁶⁷) У Флейшера *ibid.* p. 7. „Sed cantus adhuc per haes signa minus perfecte cognoscitur nec per se quisquam eum potest addiscere, sed oportet ut aliunde audiatur et longo usu discatur, et propter hoc huius cantus nomen usus accipit“.

Такимъ образомъ и способъ письма, знаки (невмы), которые могли только приблизительно выражать мелодію, напѣвъ, обыкновенно въ подробности и точности заучиваемый изустно, на память,—и незначительное количество нотныхъ (невматическихъ) рукописей за два вѣка (IX и X), не объясняемое вполнѣ одними причинами, малой сохранностію и дороговизною матеріала вмѣстѣ съ трудностію письма,—а затѣмъ, и главнымъ образомъ, совершенное отсутствіе нотныхъ рукописей въ церковно-пѣвческой практикѣ VIII, VII, VI и раннѣйшихъ вѣковъ христіанства на Западѣ, съ очевидной убѣдительностію доказываютъ, что богослужбное пѣніе издавна совершалось въ христіанской церкви Запада изустно, на память, по наслышкѣ и традиціи.

Естественно возникаетъ затѣмъ вопросъ, откуда же это нотное письмо, и что за напѣвы оно подъ собою скрываетъ. Въ рѣшеніи этого вопроса мы наталкиваемся на любопытное мнѣніе ученаго Флейшера, утверждающаго, что нотное (невматическое) письмо образовалось изъ такъ называемой *хиროноміи* и *хирономическихкихъ знаковъ*. Хиरोномія (отъ греческихъ словъ *χείρ* и *νόμος* или *χείρ* и *νέμειν*) у византійскихъ грековъ обозначало искусство посредствомъ движеній руки и пальцевъ руководить пѣвцами въ пѣніи и указывать имъ мелодическія и ритмическія движенія ⁶⁸). Иоанну Кукузелю (XIII) приписываются сочиненія „*Τέχνη ψαλτικὴ καὶ σημάδια ψαλτικά μετὰ πάσης χειρονομίας καὶ συνθέσεως*“ и „*Ἀρχὴ τῶν Θεῶν τῶν σημάδιων τῆς ψαλτικῆς τέχνης... καὶ πάσης χειρονομίας*“. О хиροноміи писали въ XIV в. Иоаннъ Лампадарій, протопсалтъ Иоаннъ Гликисъ и др. Хиροномія у Кассиодора († 577), писавшаго о музыкѣ, извѣстна какъ „*musica muta*“, съ какимъ названіемъ оставалась и впослѣдствіи на Западѣ. По этому взгляду невмы суть не болѣе, какъ записанныя на писчемъ матеріалѣ воздушныя черты движенія руки и пальцевъ, линіи, углы, круги, полукруги, зигзаги и т. п., обозначавшія тѣ, или другія мелодическія движенія голоса поющаго ⁶⁹). Всего яснѣе это усматривается

⁶⁸) Neumen-Studien. I Th. Leipz. 1895. Ss. 25—40 ff. Вальсамонъ въ толкованіи 15 прав. Лаодикійскаго собора говорить о женскихъ хорахъ, поющихъ по условнымъ знакамъ: „*Ἐψαλλον δὲ καὶ τίνα παραλλαγμένα, καὶ ἀσυνήθη, ὅσα εἰσι τα σήμερον ψαλλόμενα παρὰ τῶν γυναικῶν τῶν ἐπομένων τοῖς ἀγνοις*“. *Συντάγμα Βάλλη καὶ Πότλη*, 1853, σ. 185.

⁶⁹) Goar „*Ευχολογιον*“ ed. II, 1730, p. 352, такъ опредѣляетъ хиροномію: „*Vox porro χειρονομεῖν non est simpliciter elata, depressaque ad numerum manus modulandi moram normamque praescribere: sed Graecis ad pulpita cantatoris minime convenire solitis est, post κόμματα τροπαρίων* a canonarcha e libro suggesta, can-

изъ сближенія понятія хирономіи съ филологическимъ значеніемъ слова невма. Невма (греческ. *νεῦμα*) отъ греческаго *νεύειν* (латинскаго *nuere*) колебать — движеніе, колебаніе, что средневѣковые писатели измѣнили въ рпеиша, равнозначущее греческому *πνεῦμα*—духъ, дуновение, дыханіе, и своеобразно толковали въ томъ смыслѣ, что пѣніе по невмамъ требовало искуснаго владѣнія дыханіемъ, такъ какъ часто приходилось на одинъ невматическій знакъ пропѣть за одинъ разъ нѣсколько нотъ, не переводя дыханія.

Это послѣднее толкованіе довольно искусственное, должно уступить мѣсто первому, по которому невма есть знакъ, отмѣчающій пѣвческое движеніе руки въ хирономіи и движенія голоса, затѣмъ, въ пѣніи, или же способъ хирономическаго письма въ пѣніи. По этой теоріи оказывается, что хотя нотныхъ рукописей и нѣтъ ранѣе (IX) в., но невмы, какъ вообще знаки пѣвческіе, существовали и раньше, въ VIII, VII, VI вѣкахъ и, вѣроятно, ранѣе того, въ пѣвческой хирономіи, хотя бы и не записанными, и что пѣніе по нотнымъ знакамъ существовало и ранѣе нотныхъ невматическихъ рукописей, въ хирономіи. Такая теорія весьма правдоподобна, хотя, по отсутствію документальныхъ и историческихъ данныхъ, и не можетъ быть названа вполнѣ убѣдительною, такъ какъ не даетъ знать, почему запись хирономическихъ знаковъ произошла только въ IX в., а не ранѣе, если сама хирономія, какъ искусство, существовала уже нѣсколько вѣковъ. Приемлемость этой теоріи однако облегчается, если мы примемъ во вниманіе взглядъ на это дѣло ученаго Куссмакера ⁷⁰), который скло-

tus moderatorem in omnium conspecta, variis manus dextrae motibus et gestibus, erectis nimirum, depressis, extensis, contractis aut combinatis digitis, diversas cantus figuras et vocum inflexiones characterum musicorum vice designare: atque ita hunc cantus duces reliqui attenta respicientes velut totius modulationis regulam sequuntur“. Иоаннъ пресвитеръ, писатель XI в., такъ описываетъ пѣніе по хирономіи: „*Unus magister in medio stat sacris vestibus indutus, qui dicitur chironomica, sinistra manu baculum episcopi vel abbati tenens, quasi potestate ab eo accepta dextra manu sursum tenens, ut omnes ibi aspiciant et ille per studium artis neumarum casibus demonstrat, ita ut diximus, serena voce ostendens per quinque neumas in quinque cordis ascendit vel descendit per gradibus cordarum tonando: ita illa neuma, qui per quinque gradibus cordarum tonando ascendit vel descendit serenimpha vocatur*“. Gerbert. De cantu, II, 320. — Флейшеръ Neumen-Studien. S. 36, Anmerkung.—W. Christ et M. Paranikas „*Anthologia graeca carminum Christianorum*“, Lipsiae, MDCCLXXI, Lib. IV, p. CXIV.

⁷⁰) Coussemaker. Histoire de l'harmonie au moyen âge. Paris. 1852. pp. 154—166. „*Les neumes, suivant nous, ont leur origine dans les accents. L'accent aigu ou l'arsis, l'accent grave ou la thesis et l'accent circonflexe, forme de la combinaison de l'arsis et de la thesis, sont les signes fondamentaux de tous les neumes*“. P. 158.

ненъ видѣть въ невматическомъ письмѣ усовершенствованный способъ акцентуаціи или просодійныхъ знаковъ, который первоначально былъ примѣненъ къ псалмодическому чтенію (на распѣвѣ) священнаго писанія, евангелія, апостола, псалтири, а затѣмъ въ болѣе развитомъ мелодически видѣ, къ гимнамъ и церковнымъ пѣснопѣніямъ. Квинтиліанъ (I в.) упоминаетъ о „*Tenores vel accentus, quas Graeci *προσφθίας* vocant*“. Бѣда Вѣнерабиліс (VIII в.) говоритъ: „*Accentus autem est quasi adcantus, dictus quod ad cantilenam vocis nos facit cognoscere syllabas*“. Ученый Алкуинъ (IX в.) говоритъ: „*Accentus est certa lex et regula ad levandam et comprimendam syllabam*“. Авторъ „*Musica enchiridiadis* (X в.) говоритъ: „*Sic itaque numerose est canere longis brevibusque sonis ratas morulas metiri, nec per loca protrahere vel contrahere magis quam oportet, sed infra scandendi legem vocem continere, ut possit melum ea finiri mora qua coepit*“⁷¹⁾. Примѣръ такого псалмодирования въ акцентахъ на слова: gloria Patri et Filio et Spiritui Sancto оставилъ монахъ Авреліанъ изъ Реоме (Reomensis) IX в. въ сочиненіи „*Musica disciplina*“, (у Герберта въ *Scriptores*, I, p. 55⁷²⁾). Древнѣйшая рукопись съ просодійными знаками, акцентами, на Западѣ—Codex Amiatinus, относимый Бандини, а за нимъ Гейзе и Тишендорфомъ къ VI-му вѣку, но съ нѣкоторою неувѣренностью. Съ полной увѣренностью кодексъ можетъ быть относимъ ко времени не позже VII в. Просодійными знаками отмѣчены здѣсь „Плачь Іереміи“ и „Пѣснь трехъ отроковъ“, но сами знаки однакоже, признаются не современными кодексу, а позднѣйшими, не ранѣе VIII вѣка. Знаки почти тѣ же семь, что и въ греческой просодіи, но они представляютъ собою уже переходъ къ невмамъ, по выраженію Флей-

⁷¹⁾ Флейшеръ. „*Neumen-Studien*“. Ss. 77—78.

⁷²⁾ Hugo Riemann, „*Studien zur Geschichte der Notenschrift*“. Leipzig. 1878. Ss. 113—114. „*Mediocriter prima initiabitur syllaba id est „Glo“, secunda acuto enunciabitur videlicet „ri“ ea tamen ratione si dactylus fuerit vel quaelibet correpta syllaba; sin autem producta fuerit, tunc circumflexione gaudebit. Tertia vero scilicet „a“ suspensa tenebitur voce. Quarta posthaec, hoc est „Pa“ si producta fuerit veluti haec eadem syllaba quae positione producitur, in ea acutus attendatur vocis accentus. Quinta autem, sexta et septima, videlicet „tri“ et „Fi“ gravi tenebuntur tenore. Octava vero, hoc est „li“ circumflectetur. Nona acuetur id est „o“. Decima et undecima scilicet hae „et spi“ graviter pronuntiabuntur, at duodecima hoc est „ri“ circumvolvetur. Tertia autem decima atque quarta decima, id est „tu“ et „i“ in imis deponentur. Quinta decima vero videlicet „sanc“ terna gratulabitur vocis percussione. Sane sexta decima syllaba scilicet „to“ sive, prima fuerit secundave seu tertia, definitio juxta normam superius insitam*“. „*Hier haben wir in der That alle Elemente der Neumennotirung bei einander, sogar die Repercussio*“ добавляетъ къ этому Г. Римаъ.

шера, „*Diese sieben Zeichen bilden das Mittelglied zwischen den alten Prosodien und den späteren Neumen*“⁷³⁾. Подобные же знаки имѣетъ неаполитанскій кодексъ IX вѣка. Слѣдовательно дѣло представляется въ такомъ видѣ. Латинскіе писатели, Авлъ Гелій, (II в.) Діомедъ, Квинтиліанъ (ок. 80 г.), Исидоръ Севильскій († 636). Бѣда (VIII), Алкуинъ (IX), имѣютъ точное представленіе о просодіи или акцентуаціи съ ея семью основными просодійными знаками, акцентами. Но тѣ же самые знаки, помимо грамматики, теоріи и риторики, около VI—VIII вв. употребляются уже и при чтеніи священнаго писанія и въ псалмопѣніи, для обозначенія псалмодіи—чтенія на распѣвѣ. Такой способъ псалмодирования посредствомъ акцентовъ идетъ вплоть до XII—XIII вв., когда акценты начинаютъ быть вытѣсняемы нотными знаками на линейной системѣ. Одновременно съ псалмодированіемъ, просодійные знаки стали еще употребляться пѣвцами и для пѣнія, но такимъ образомъ, что эти знаки не записывались или не надписывались надъ пѣснопѣніями, которыя обыкновенно пѣлись на подобенъ, по осмогласію, на память и изустно, а предлагались пѣвцамъ наглядно, въ соответствующихъ этимъ знакамъ движеніяхъ руки и пальцевъ, въ хирономіи.

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности. Въ то время, какъ грамматическая и риторическая просодія или акцентуація существуетъ одновременно съ христіанствомъ и ранѣе его, исполненіе псалмовъ на распѣвѣ, псалмодія, появляется въ христіанскомъ богослуженіи только при началѣ его. Ученики Христа послѣ тайной вечери, воспѣвше (псаломъ Гилдела), изыдоша въ гору Елеонскую. Древнѣйшее свидѣтельство Плинія Младшаго (Ер. X, 93) сохраненное Тертуллианомъ (Апол. 2) и Евсевіемъ Кесарійскимъ (церк. ист. III, 33), въ письмѣ его къ Траяну отмѣчаетъ обычай христіанъ начала II в. по утрамъ собираться для переменнаго пѣнія гимновъ, въ честь Христа, какъ Бога. Они имѣли обыкновеніе, по Плинію, „*stato die ante lucem convenire carmenque Christo quasi deo dicere secum invicem*“. По Сократу (церк. ист. VI, 8) св. Игнатій Богоносецъ, по указанію свыше, установилъ въ Антіохіи обычай пѣнія антифоннаго, а впоследствии, по Теодориту (церк. ист. II, 24) Фіодоръ и Флавіанъ, пресвитеры антиохійскіе, возобновили этотъ обычай въ IV в. Недавно открытый Раһмані литургическій памятникъ конца III или начала IV в. „*Testamentum Domini nostri Jesu Christi*“ по содержанію своему непосредственно примыкающій

⁷³⁾ Флейшеръ, *Neumen-Studien*, 2 Th. S. 7.

къ сказанію Плинія въ отношеніи богослужебныхъ собраній христіанъ въ концѣ I и въ началѣ II в., свидѣтельствуешь, что на вечернемъ богослужебномъ собраніи мальчики пѣли псалмы, а народъ подпѣвалъ аллилуія ⁷⁴). Во II-мъ вѣкѣ Тертуліанъ повѣствуетъ о собраніяхъ христіанъ: Post aquam manualem et lumina ut quisque de scripturis sanctis vel de proprio ingenio potest provocatur in medio Deum canere (Apol. 39). Василій Великій писалъ (CVII) неокесарійцамъ: „обычаи хранимые нынѣ во всѣхъ церквахъ одинаковы и согласны. Народъ у насъ ночью собирается въ домъ молитвы и въ трудѣ, и скорби и въ непрестанныхъ слезахъ исповѣдуясь Богу, отъ молитвъ переходитъ къ псалмопѣнію. И тутъ, раздѣлившись на двѣ стороны, попеременно между собой стихословятъ, усиливая тѣмъ размышленіе о словахъ Божіихъ, а вмѣстѣ поддерживая вниманіе и отчуждая сердце отъ постороннихъ предметовъ. Потомъ, дозволивъ одному начинать пѣніе, прочіе подпѣваютъ и такимъ образомъ въ разнообразіи псалмопѣнія, въ перемѣнныхъ молитвахъ проводя ночь, при разсвѣтѣ дня, всѣ вообще, какъ-бы едиными устами и единымъ сердцемъ воспѣваютъ Господу псаломъ покаянія,—это найдете у насъ, у египтянъ, ливійцевъ, егивянъ, палестинянъ, аравитянъ, финикиянъ, сиріянъ и жителей Евфрата и вообще у всѣхъ, гдѣ сохраняются бдѣнія и молитвы и общія псалмопѣнія“ ⁷⁵). Историкъ Созоменъ (V, 19), говоритъ о пѣніи псалмовъ народомъ при перенесеніи мощей мученика Вавилы (III в.)—„предназначали пѣніе тѣ, которые знали псалмы лучше другихъ, потомъ за ними единогласно пѣлъ уже весь народъ“ ⁷⁶). Сирская Дидаскалія III в. (открыт. Де-Лагарде), соответствующая первымъ 6 книгамъ Апост. постанов., говоритъ о перикопахъ, гимнахъ и псалмахъ, исполняемыхъ для оглашенныхъ въ храмѣ ⁷⁷). Св. Афанасій Александрійскій (IV) въ посланіи къ Маркеллину пишетъ, что Господь установилъ „επιμελῶς τὰς ὀδὰς ψάλλεσθαι καὶ τοὺς ψαλλοὺς μετ' ὀδοῦ ἀνασυνάβουσαι (Πρὸς Μαρκελλ. ἐπιμνηεῖα κη)“ ⁷⁸). Апостольскія постановленія (III—IV вв.) пред-

⁷⁴) См. Христ. Чт. 1904 г. IV, стр. 481 въ ст. Петровскаго „Литургія по новооткрытому памятнику“ „Testamentum Domini nostri Jesu Christi“.

⁷⁵) Migne, Cursus completus, gr. s., t. XXXII, p. 764. „Собирались въ древности всѣ и пѣли вообще, что мы дѣлаемъ и донынѣ“, говоритъ I. Златоустъ въ 36-й бес. на 1-е посл. къ Коринѣ. Migne, Curs. compl. part. t. LXI, p. 313.

⁷⁶) Созоменъ, Исторія Церкви, русскій переводъ, книга V. гл. 19, стр. 361.

⁷⁷) Funk. Didascalia et Constitutiones Apostolorum. Paderb. 1906, II, p. 129.

⁷⁸) Migne, Patrologiae cursus compl. graeca series, t. XXVII, 1857. p. 40.

писывали: ἀνὰ δύο δὲ γενομένων ἀναγνώματων, ἕτερός τις τοὺς τοῦ Δαβὶδ ψάλλετω ὕμνους καὶ ὁ λαὸς τὰ ἀκροστίχια ὑποψάλλετω. Григорій Богословъ (Orat. 20) говоритъ, что когда императоръ Валентъ вошелъ въ храмъ, гдѣ совершалъ богослуженіе Василій великій, „стройное пѣніе псалмовъ, подобно волнамъ грома раздавалось въ храмѣ“. Иоаннъ Златоустъ (Бес. на псал. 41) обращается къ слушателямъ: „Возгласимъ, какъ нынѣ подпѣвали мы, хвали душе моя Господа“,— въ другой разъ (Бес. 11 на ев. Мѣ.)—„Если подпоете двумъ или тремъ псалмамъ и совершите, какъ случится, обыкновенныя молитвы, то и думаете, что этого довольно для вашего спасенія“. Блаженный Августинъ (IV в.) говоритъ объ Амвросіи Медиоланскомъ, что онъ установилъ „Tunc hymni et psalmi ut canerentur secundum morem orientalium partium (Confess. l. IX c. XII ⁷⁹). Онъ же говоритъ: „Cantavimus psalmum, exhortantes nos invicem (Sermo in psal. X. CIV). Объ Афанасіи Александрійскомъ онъ же говоритъ то, что слышалъ отъ другихъ, „qui tam modico flexu vocis faciebat sonare lectorem psalmi, ut pronuncianti vicinior esset quam canenti“ (Confes. l. X. c. XXXIII) ⁸⁰). Въ недавно (1887 г.) открытомъ литургическомъ памятникѣ IV в. „S. Sylviae Aquitanae peregrinatio ad loca sancta“ повѣствуется, что на утреннемъ богослуженіи въ іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія пѣли гимны, псалмы съ припѣвами (ипофоны) и антифоны, а на вечернемъ, кромѣ того дѣти пѣли, kyrie eleyson ⁸¹). Иоаннъ Кассіанъ (V в.) повѣствуетъ: „Cumque sedentibus et in psallentis verba omni cordis intentione defixis, undecim psalmos orationum interiectione distinctos contiguus versibus parili pronunciatione cantasset, duodecimum sub alleluia responsione consumans (De coenob. institutis, lib. II, c. 5).

За первые пять вѣковъ мы имѣемъ только историческія указанія на знаки псалмодіи, кромѣ глухихъ свѣдѣній (у Кассіодора), что Іеронимъ († 419) ввелъ въ священный текстъ запятые и точки, а діаконъ александрійскій Евфалій (V) ввелъ стихометрическій способъ дѣленія текста (перикопы), хотя о нихъ еще раньше, въ III в., упоминаетъ Оригенъ во 2 бес. на 1 Цар. и Сирская Дидаскалія, и поставилъ надъ текстомъ Дѣяній апостольскихъ и Соборныхъ посланій просодійные знаки: оксии, варіи, врахія и вфены. Единственный древнѣйшій памятникъ палимпсестъ съ немногими просодійными знаками—это codex Ephreми Syri Rescriptus Париж-

⁷⁹) Migne, Patrol. curs. compl. s. I, t. XXXII.

⁸⁰) Ibid. Русск. перев. М. 1788, стр. 375.

⁸¹) Красносельцевъ. Богослуженіе іерусалимской церкви въ концѣ IV вѣка. Православн.-Собесѣдн. 1888, III.

ской б — ки, относимый однакоже Монфокономъ (Palaeographia graeca, p. 214) къ VII-му вѣку⁸²). Слѣдовательно только съ VII вѣка появляются рукописи и кодексы священнаго текста съ просодійными псалмодическими знаками и существуютъ затѣмъ до XII—XIII вв. включительно. Ранѣе же того, псалмодія, выдѣлившись при началѣ христіанства изъ просодіи, сначала выполняется при чтеніи священнаго писанія изустно по традиціи и по наслышкѣ, а затѣмъ съ V вѣка, по примѣру Евфалія, по просодійнымъ знакамъ надъ текстомъ. Исторія не сохранила кодексовъ V—VI вв. съ Евфаліевскими знаками, но имѣетъ въ своемъ распоряженіи кодексы, по крайней мѣрѣ, съ VII в. по XIII-й.

Псалмодія въ свою очередь выдѣлила изъ себя особый способъ исполненія псалмовъ, главнымъ образомъ, антифонно, что представляло собою болѣе пѣніе, чѣмъ чтеніе, хотя св. Аѳанасій Александрійскій, придерживаясь древнихъ обычаевъ, еще заботился о томъ, чтобы исполненіе псалмовъ было болѣе похоже на чтеніе, чѣмъ на пѣніе. Но уже самый способъ антифонирования псалмовъ, издавна утвердившійся въ христіанской церкви, требовалъ не однообразнаго чтенія, что могъ бы исполнить одинъ чтець, а перемѣннаго въ разныхъ голосахъ и его модуляціяхъ. Отсюда выработался способъ *ὕλαχοῦεν, ὑποάλλεν, ἀχοτελεῦεν, ὑπῆχεν*, *synéne*, и самое антифонное пѣніе принимало форму или антифоннаго въ собственномъ значеніи, когда псалмы пѣлись послѣдовательно по стихамъ, или ипофоническаго, когда повторялась послѣдняя часть процѣтаго стиха, или отдѣла, — или эпифоническаго когда припѣвалось къ каждому стиху, или отдѣлу, какое-либо молитвенное слово, какъ „аллилуія“, „Слава Отцу и Сыну и святому Духу“ и пр.⁸³). Послѣдній способъ и послужилъ основаніемъ пѣнія стихиръ

⁸²) Снимокъ л. 128-го съ фкл., находящейся въ Национальной Парижской б-ки подъ № 9, можно видѣть у Ж. Тибо въ соч. „Origine byzantine de la Notation pneumatique. Paris, 1907, p. 103, pl. № 1.

⁸³) Апостольск. постановл. кн. II, гл. 57, — S. Sylviae peregrinatio, *ibid.* „Сѣвши на обычное мѣсто, я велѣлъ діакону произносить псаломъ, а народу подпѣвать „яко во вѣкъ милость Его“ говоритъ св. Аѳанасій Александрійскій въ своей Апологіи (II), русск. пр., ч. 2. М. 1852, стр. 67. Василій Великій въ письмѣ къ неокессар. говоритъ: дозволивъ одному начинать дѣніе, прочіе подпѣвають“. Migne, *sur.* compl. t. XXVII, 764. Златоустъ въ бес. 36-й на 1-е посл. къ Коринте. говоритъ: „одинъ начинаетъ пѣть псаломъ, а всѣ подпѣвають“. Migne. Paris. t. LXI, p. 315. „Отцы установили, говоритъ тотъ же святитель въ бесѣдѣ на 117-й псаломъ, чтобы народъ подпѣвалъ сильный стихъ, заключающій въ себѣ великій догматъ“. Migne, *Patrol.* t. LV, p. 328, — Русск. перев. т. II, 1860, стр. 109. Объ антифонномъ, эпифоническомъ и ипо-

съ предварительными стихами изъ псалмовъ, запѣвами, тогда какъ первый удержался въ антифонахъ вечерни и утрени, а второй — въ припѣваніи послѣднихъ частей тропарей на париміяхъ, папр., навечерій праздн. Рождества Хр. и Богоявленія, по подобію западныхъ респонсорій (*responsoria*). Такое исполненіе псалмопѣнія въ первоначальной христіанской церкви могло совершаться только изустно, по наслышкѣ, по традиціи. Когда въ V-мъ вѣкѣ Евфаліемъ введены были для чтенія священнаго писанія просодійные знаки, о псалмопѣніи по особымъ знакамъ нѣтъ еще въ исторіи никакого упоминанія. Но это-то обстоятельство и заставляетъ предположить, что, если для чтенія, не требовавшего особенно большого искусства повышенія и пониженія интонаціи и разнообразной модуляціи голоса, понадобились условные знаки, известная ихъ система и группировка, то тѣмъ болѣе это должно было оказываться необходимымъ въ псалмопѣніи, гдѣ легко было породиться произволу, безчинію, неустройству и злоупотребленіямъ, какъ указывалъ на это еще св. Іоаннъ Златоустъ (Бес. I. на VI гл. Исаи). „Изъ присутствующихъ здѣсь, говоритъ онъ, есть люди, которые, не почитая Бога и считая изреченія Духа обыкновенными, издаютъ нестройные звуки и ведутъ себя нисколько не лучше бѣснующихся, колеблясь и двигаясь всѣмъ тѣломъ и показывая нравы, чуждые духовному бдѣнію. Жалкій и несчастный! тебѣ надлежало съ благоговѣйнымъ трепетомъ возглашать ангельское славословіе, а ты переносишь сюда обычаи шутовъ и плясунновъ, неприличнымъ образомъ *подъемяя руки, притопывая ногами и повертываясь всѣмъ тѣломъ*. Какъ ты не боишься и не трепещешь? Развѣ не знаешь, что здѣсь невидимо присутствуетъ Самъ Господь измѣряя движенія каждаго?... Но ты не разумѣешь этого, потому что слышанное и видѣнное тобою на зрѣлищахъ помрачаетъ твой умъ и потому совершаемое тамъ ты вносишь въ церковные обряды, обнаруживая безсмысленными криками беспорядочность души твоей. Помогутъ-ли сколько-нибудь молитвъ *руки, движимыя безпорядочно*, и сильный крикъ, производимый напри-

фоническомъ пѣніи у Гоара *Ἐὐχολόγιον sive rituale graecorum*, ed. secunda, Venetiis, 1730, p. 446. Филонъ, іуд. пис. I в., говоритъ (*De vita contemplativa*) „христіане во время бдѣній своихъ, всѣ возставъ, раздѣлялись на два лика посреди храма, мужи съ мужами, жены съ женами, и на обоихъ ликахъ былъ свой искусный запѣватель; потомъ они пѣли Богу пѣсни, состоящія изъ разныхъ стиховъ, то поодионокѣ, то попеременно, съ приличными припѣвами. Bingham, *Origines sive antiquitates ecclesiasticae*, Halaе, 1707, V, X, p. 126. Гербертъ, *De cantu*, 1774, p. 20.

женнымъ дуновеніемъ воздуха, но не имѣющей смысла? Какъ ты не устыдишься изреченія, которое произносишь: „Работайте Господеви со страхомъ и радуйтесь ему съ трепетомъ?“ Развѣ „работать со страхомъ“ значить дѣйствовать необузданно, съ напряженіемъ и безъ понятія о томъ, о чемъ говоришь беспорядочными звуками голоса?... Но скажешь, пророкъ заповѣдалъ совершать славословіе съ восклицаніемъ: „воскликните, говоритъ, Господеви вся земля?“ И мы запрещаемъ не такое восклицаніе, а безмысленный вопль, не голосъ хвалы, а голосъ безчинства, усиленные крики другъ передъ другомъ, *напрасное и тщетное поднятіе рукъ на воздухъ, топанье ногами*, безобразные и непристойные обычаи“⁸⁴). Подобное высказываетъ блаженный Иеронимъ: „Не должно, по примѣру трагиковъ, нѣжить сладкогласіемъ гортань и уста, чтобы не были слышны въ церкви театральныя голосоизмѣненія и пѣсни, но должно пѣть со страхомъ и умиленіемъ“ (Comm. in epist. ad Ephes. c. V)⁸⁵).

Чтобы прототвратить подобный произволъ въ пѣніи и неприличныя движенія руками въ храмѣ при богослуженіи, обычаи, приносимые изъ театра и мірскихъ зрѣлищъ, объединить внѣшніе приемы и способы пѣнія и установить самый характеръ напѣвовъ, въ соотвѣтствіи со святостью и высокимъ назначеніемъ храма и совершаемаго въ немъ богослуженія, должны были явиться у церковныхъ пѣвцовъ опыты упорядоченія пѣнія съ внѣшней и внутренней стороны, сообразно съ существующими традиціями. Такимъ упорядочивающимъ богослуженіе средствомъ и могла быть *хирономія* или болѣе развитый и усовершенствованный способъ просодійныхъ знаковъ, но выполняемый не на твердомъ матеріалѣ, а въ воздухѣ, и не чернилами и перомъ, а *движеніями руки и пальцевъ*, представляя собою какъ бы живое наглядное письмо для пѣвцовъ, со стороны ихъ головщика—протопсалта.

Является вопросъ, почему эти знаки не писались надъ псалмами и пѣснопѣніями, какъ это происходило съ Евеаліевыми знаками, а обозначались движеніями руки и пальцевъ,—и могли эти движенія руки и пальцевъ и выразить разнообразное движеніе напѣвовъ? Первоначальное псалмопѣніе до IV-го вѣка включительно; когда трудами св. Василія Великаго, Иоанна Златоустаго и др. окончательно сложился чинъ литургіи, былъ близокъ почти къ завершенію и чинъ вечерняго и утренняго бого-

⁸⁴) Migne, Patrologiae cursus completus, graeca series, t. LVI, 1859, p. 99—100,—русск. пер. СПб. 1861, т. I. 191—196.

⁸⁵) Migne, Patrologiae cursus completus, latina series, t. XXVI, 1845, p. 528.

служенія, было, безъ сомнѣнія, просто по напѣвамъ и совершалось по осмогласію на установившіеся опредѣленные образцы или подобны, которыхъ не могло быть много. Оно не могло быть сложнымъ и труднымъ уже потому, что, какъ извѣстно, въ древней христіанской церкви богослуженіе пѣніе выполнялось самимъ народомъ, присутствовавшимъ при богослуженіи, причемъ напѣвы естественно должны быть просты, общеизвѣстны и вполне доступны всѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, большинству молящихся.⁸⁶) Это продолжалось до IV вѣка включительно, и только во второй половинѣ IV в. (ок. 367 г.). Лаодикійскій соборъ нацѣль нужнымъ выдѣлить для богослуженнаго пѣнія хоръ отдѣльныхъ пѣвцовъ⁸⁷). Въ концѣ IV-го вѣка пѣніе асматиковъ и гласовыхъ пѣснопѣній было еще совершенно неизвѣстно въ монастыряхъ египетскихъ, довольствовавшихся, очевидно, однимъ псалмопѣніемъ, какъ это видно изъ житія аввы Памвы († 390), упрекавшего своего ученика, бывшаго случайно въ церкви св. Марка въ Александріи и впервые услышавшаго тамъ новое пѣніе (*ἀσματα χαὶ ἦχους*) и увлекавшагося имъ. „Монахи не для того вышли въ пустыню, говоритъ авва Памва своему ученику, чтобы пѣть мелодическія пѣсни, измѣрять голосъ по такту, *потрясать руками и топтать ногами*“ (*μελοδοῦσιν ἀσματα καὶ ρυθμίζουσιν ἦχους καὶ σείουσι χεῖρας καὶ μεταβαίνουσι πόδας*)⁸⁸). Точно также и авва Павелъ, въ началѣ V вѣка, встрѣтилъ въ Нитрійской пустынѣ монаховъ, не исполнявшихъ ни тропарей, ни каноновъ, ни гласовъ, хотя это уже обычно стало въ міру, и указывалъ на это игумену, на что тотъ отвѣчалъ, что „*καὶ τὸ τροπάρια καὶ κανόνας ψάλλειν καὶ ἦχους μελλίξειν τοῖς κατὰ κόσμον ἱερεῦσὶ τε καὶ λοιποῖς ἀρμόζον*“⁸⁹). Равнымъ образомъ и преп. Ниль Синайскій († 450) не допускалъ тропарей въ богослуженіе, говоря, что они не суть иноческая, но мірскихъ чловѣкъ и украшеніе и слава соборныя церкви,

⁸⁶) Плиніи младшій писалъ Трояну о христіанахъ Воненіи, quod essent soliti stato die ante lucem convenire carmenque Christo quasi Deo dicere secum invicem“. L, X, epist. 93. Ср. Ambros „Geschichte d. Musik“, B. I, 3. Ср. Евсевій „Церковная исторія“. 1848, СПб. Кн. III, гл. 23, стр. 170. О еерапевтахъ Евсев. кн. II, 17, стр. 89, 92, 93, на основаніи Филона изъ Vita contemplativa.

⁸⁷) Лаодикійскаго соб. прав. 15: „*Περὶ τοῦ μὴ δεῖν πλὴν τῶν κανονικῶν ψαλλτῶν των ἐπὶ τὸν ἀμβωνα ἀναβαινόντων καὶ ἀπὸ διφθέρας ψαλλόντων ἑτέρον τινας ψάλλειν ἐν ἐκκλησίᾳ*“. *Σύνταγμα Ραλλη καὶ Ποτλη*, 1853, σ. 185.

⁸⁸) Прологъ на 16 ноября. Gerbertus, De cantu et m. s. t. I, p. 201, Pitra Hymnographie de l'eglise grecque. Rome. 1867. P. 42. W. Christ, Anthologia carm. christ. XXX. Никонъ Черногорець. Пандекты, гл. 29. М. 1889, 208.

⁸⁹) Gerbertus, op. cit. p. 207—208, Pitra, op. cit. p. 44.

пѣнія бо ради и людіе въ церквахъ собираются⁹⁰⁾. Гласовое пѣніе, стихиры, каноны и асматикки входятъ въ богослужебную практику, такимъ образомъ, не ранѣе конца IV-го и начала V-го вѣка. Въ этомъ случаѣ отдѣльные пѣвцы при богослуженіи дѣйствительно были на мѣстѣ. Когда (ок. 606 г.) преп. Іоаннъ Москъ и Софроній, впослѣдствіи патріархъ іерусалимскій, посѣтили авву синайскаго Нила и спросили его, почему у него не поютъ ни „Господи воззвахъ“, ни „Богъ Господь“ и тропари, ни „всякое дыханіе“ и проч., то авва отвѣтилъ, что все это „дѣло чтеца и пѣвца, иподіакона и пресвитера“ и что для того и поставляютъ пѣвца, „чтобы пѣть и начинать съ пѣніемъ и гласомъ и пѣснью“, предназначить запѣвы, аллилуіа, антифоны, сѣдальны. Все это дѣло, по аввѣ, чтецовъ, пѣвцовъ и иподіаконовъ⁹¹⁾. Гласовое пѣніе, какъ и нынѣ, такъ и особенно на первыхъ порахъ, въ IV и V в.в., не могло быть труднымъ и сложнымъ; оно, какъ это обычно, утверждалось на нѣсколькихъ, типичныхъ для каждаго гласа мелодическихъ фигурахъ, пѣвчихъ строкахъ, попѣвкахъ, составлявшихъ пѣвческую структуру, схему первой стихиры каждаго гласа, самогласной (*στιχῆρα αὐτόμελα, ἰδιομέλα*), какъ это впослѣдствіи было въ октоихѣ Іоанна Дамаскина, — по образцу и подобію которой пѣлись и всѣ другія стихиры и пѣснопѣнія того же голоса (*στιχῆρα πρὸ βόμοια*). Если отказаться отъ общепринятаго неосновательнаго мнѣнія, что „стихиры восточны“ въ нашемъ октоихѣ принадлежатъ Анатолю, патріарху Константинопольскому (449—458), а это мнѣніе держится только на созвучіи „восточны“ — „анатолиевы“ (*στιχῆρα ἀνατολική*)⁹²⁾, то придется сознаться, что стихирь отъ V и VI вѣка мы въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ не знаемъ, кромѣ кондаковъ и икосовъ Романа Сладкопѣвца (V в.) и нѣкоторыхъ пѣснопѣній Софронія Іерусалимскаго (VI—VII†674). Это обстоятельство утверждаетъ не въ той мысли, что такихъ стихирь, ирмосовъ и пѣснопѣній въ IV, V и VI вѣкахъ не было, — изъ житій аввъ Памвы и Павла очевидно, что уже въ IV и V в.в. они были, — уже „чинъ ночи св. пятка съ его главными пѣснопѣніями, не безъ основаній, преданіе приписываетъ св. Кириллу Іерусалимскому (†386), — Кедренъ говоритъ объ Анѳимѣ и Тимоклѣ (ок. 446 г.),

⁹⁰⁾ Пандекты Никона Черногорца, гл. 29. М. 1839, 208.

⁹¹⁾ Пандекты, *ibid.*

⁹²⁾ Christ et Paranikas. *Anthologia graeca carmin. christianor. Proleg. XLII.*

какъ составителяхъ тропарей⁹³⁾, Θεοδὸρὸς Τητὴς (VI в.) говоритъ объ Анѳимѣ, а жизнеописатель преп. Авксентія († ок. 470 г.) говоритъ объ Авксентіи и его современникѣ Анѳимѣ же, какъ о составителяхъ тропарей и стихирь⁹⁴⁾, но это свидѣтельствуеетъ о томъ, что ихъ было очень немного, и что имена ихъ авторовъ затерялись въ неизвѣстности, хотя, быть можетъ, самыя произведенія еще живутъ въ богослужебной практикѣ, наподобіе того, какъ гимнологическія вдохновенныя рѣчи Григорія Богослова († 391), произнесенныя предъ паствою въ дни Пасхи и Рождества Христова дали пищу и самую форму выражений для вдохновенныхъ пѣсней творцовъ VIII в. Іоанна Дамаскина и Космы Маюмскаго⁹⁵⁾. Немногочисленность гласовыхъ пѣснопѣній облегчала пѣвцамъ трудъ исполненія богослужебнаго пѣнія, по крайней мѣрѣ въ распредѣленіи текста по типичнымъ гласовымъ оборотамъ — попѣвкамъ. Но уже VII-й вѣкъ выдвигаетъ двухъ выдающихся пѣснотворцевъ, анатолийцевъ по рожденію, современниковъ, Георгія Писиду и Θεοδὸρα Σικεῶτα († 622), подвизавшихся въ пѣснотворествѣ въ царствованіе Ираклія (610 — 640), которыми, какъ склоненъ думать пресвященный Порфирій, можетъ быть, и принадлежатъ стихиры „анатолиевы—восточны“ въ октоихѣ. Стихиры и ирмосы этихъ пѣснотворцевъ найдены пресвященнымъ Порфиріемъ въ Есфигменскомъ ирмологѣ XI в.⁹⁶⁾ Седьмому же вѣку принадлежатъ пѣснопѣнія Георгія Сицилій-

⁹³⁾ W. Christ et M. Paranikas „*Anthologia carminum christianorum*“, Prolegomena. Lib. I, p. XXXII.

⁹⁴⁾ Migne, *Patrol. gr. s. t.* CXIV, col. 1380. Скабаллановичъ „Толковый Типиконъ“. Кіевъ, 1910, стр. 260, 365.

⁹⁵⁾ Изъ словъ аввы Дорофея (VI в.) видно, что слова, произнесенныя св. отцами нерѣдко служили матеріаломъ для составленія пѣснопѣній. Текстъ пѣснопѣній I, Дамаскина „Воскресенія день, просвѣтимся торжествомъ, другъ друга объедемъ, рцемъ братіе“. „Вчера спогробохъ тебѣ Христе, совозстаю днесъ“, „О пасха велия и священнѣйшая Христе, О мудросте и силѣ“ — извлеченъ изъ словъ св. Григорія Богослова на св. Пасху, а текстъ пѣснопѣній „Христось рождается, славите, Христось съ небесъ, срящите; Христось на земли, возноситея, пойте Господени, вся земля, — извлеченъ св. Космою Маюмскимъ изъ слова того же Богослова на Рождество Христова. Также стихиры св. Пятидесятницы заимствованы изъ слова св. Богослова на этотъ праздникъ. См. Филарета Чернигов. „Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой церкви“. СПб. 1860. Стр. 95—96.

⁹⁶⁾ Первое путеш. 2-я ч. стр. 384—385, 415. Къ тому же мнѣнію склоняется и W. Christ et M. Paranikas, *Anthologia c. chr.*, Prolegomena, T. p. I. XLII.

скаго († 660), Андрея Слѣпца, Иакова, епископа Эдесскаго. Восьмой вѣкъ весьма плодотворенъ по количеству и качеству пѣснотворенія,—здѣсь славны имена Иоанна Дамаскина, Косьмы Маюмскаго, Андрея Критскаго, Стефана Савваита, Германа, Икассии. Этотъ бѣглый обзоръ состоянія богослужебнаго пѣнія въ христіанской церкви убѣждаетъ въ томъ, что съ I-го по IV-й вѣкъ, когда еще народъ принималъ участіе въ пѣніи и когда еще богослужебный чинъ не сложился вполне и окончательно, пѣніе было просто и по напѣвамъ и по тексту, которымъ былъ текстъ псалмовъ, ветхозавѣтныхъ пѣсней, новозавѣтныхъ гимновъ и молитвъ и нѣкоторыхъ вновь сложенныхъ пѣснопѣній, какъ „Свѣте тихій“, „Сподоби Господи“, „Слава Отцу“ и др.⁹⁷⁾ Но онъ, однакоже, вскорѣ началъ осложняться какъ въ гласовыхъ, такъ и въ негласовыхъ пѣснопѣніяхъ. Съ IV-го вѣка, когда сложился чинъ литургій, службы вечернія и утреннія, введены въ практику хоры пѣвцовъ, когда въ V-мъ вѣкѣ начали пѣть стихиры и каноны на гласы, въ литургіи явились новыя прибавленія, какъ „Трисвятое“ (ок. 439 г.), когда въ VI-мъ вѣкѣ прибавили къ литургіи „Символъ вѣры“ (при константиноп. патріархѣ Тимоѳеѣ, 510 — 517), „Единородный Сыне“ (ок. 536 г.), „Херувимскую пѣснь“ (при патріархѣ константиноп. Иоаннѣ Схоластикѣ, 565—578), какъ объ этомъ упоминаетъ въ своемъ словѣ на св. Пасху Евтихій (552 — 582), патріархъ Константинопольскій, бывший на каѳедрѣ дважды — до и послѣ I. Схоластика,—когда появились вѣроятныя наращенія и въ чинахъ вечерни и утрени,—богослужебное пѣніе, несомнѣнно, въ значительной степени, осложнилось, не выходя однако же изъ предѣловъ преобладающаго господства въ церковно-пѣвческой практикѣ обычнаго осмогласія. Седьмой вѣкъ далъ новыя наращенія въ чинѣ литургіи, какъ „Да исправится молитва“, „Нынѣ силы небесныя“ — въ преждеосвященной литургіи (при патріархѣ константиноп. Сергіи,

⁹⁷⁾ Филонъ, пис. луд. I в., (*De vita contemplativa*) говоритъ о ееранетахъ, о которыхъ историкъ Евсевій замѣчаетъ, что это были христіане,— „Они не только занимаются созерцаніемъ, но и составляютъ пѣсни и гимны во славу Божію въ разныхъ размѣрахъ и напѣвахъ непремѣнно приспособляя къ тому приличный ритмъ“. Евсев. Церковн. истор. СПб. 1848, II, 17, стр. 90—91. Евсевій говоритъ: „А сколько въ древности написано вѣрующими братьями псалмовъ и пѣснопѣній, которые нарицаютъ Христа Словомъ Божіимъ и прославляютъ его Божество.“ *ibid.* V, 28, стр. 315. Тертуліанъ въ Апологіи (29) говоритъ: *Post aquam manualet lumina ut quisque de scripturis sanctis vel de proprio ingenio potest provocatur in medio Deum canere.* Mart. Gerbertus, *De cantu et musica sacra*, t. I, p. 29.

ок. 612 г.) и „Да исполнятся уста“—и новыя стихиры и каноны для вечерни и утрени. Въ вѣка VIII-й и IX-й христіанское богослуженіе почти окончательно завершило свое образованіе и устройство.

Можно заключить съ полною увѣренностью, что до IV в., когда пѣль только одинъ народъ, пѣніе было общедоступное, псалмодическое, съ незначительными повышеніями и пониженіями тоновъ и ритмическими удолженіями; но съ конца IV-го и начала V-го вѣка, когда введено было осмогласіе стихиръ и каноновъ и когда къ пѣнію привлечены были особые пѣвцы, учившіеся у болѣе опытныхъ людей, по наслышкѣ и изуство,— и самое пѣніе совершалось не малое время, по крайней мѣрѣ до VI-го вѣка, также по наслышкѣ и изуство. Съ VI-го в., главнымъ образомъ, по почину Константинопольской церкви, помимо гласового пѣнія, являются въ службахъ пѣснопѣнія негласовыя, какъ „Херувимская пѣснь“, „Единородный Сыне“ и др., и постепенно прибываютъ до VIII-го вѣка включительно.

Для такихъ негласовыхъ пѣснопѣній пѣвцамъ естественно было пріобрѣсти особые напѣвы, а чтобы закрѣпить эти напѣвы въ памяти другихъ, было естественно пѣвцамъ-сочинителямъ обратиться къ условнымъ знакамъ ихъ закрѣпленія. Въ студійскихъ уставахъ (напр. Синод. б.) мы и дѣйствительно находимъ предписаніе исполненія по хирономіи особыхъ нарочитыхъ пѣснопѣній, какъ „Славословіе“, „ипакои“, „катавасію“, въ то время какъ гласовыя пѣснопѣнія предписывается пѣть во гласъ обычный. Такіе знаки однако же оказывались уже готовыми между знаками просодійными, которыми въ VI-мъ вѣкѣ начали записывать чтеніе псалмодическое въ кодексахъ Ефрема Сирина. Впослѣдствіи, по мѣрѣ надобности, просодійные знаки дополнялись, осложнялись, видоизмѣнялись, пока не создали собою особую систему знаковъ пѣвческихъ, псалмодическихъ, составившихъ собою тотъ матеріалъ, изъ котораго возникло потомъ отдѣльное пѣвческое искусство и знаніе—хирономія⁹⁸⁾. Уже въ приведен-

⁹⁸⁾ Mousereau „*Paleographie musicale*“ акцентуацію считаетъ выраженіемъ ораторской жестикюляціи, свойственной древности, а Combarieu „*Theorie du rythme—essai sur l'archeologie musicale*“ etc. полагаетъ, что акцентуація и хирономія явленія параллельныя въ выраженіи движеній голосовыхъ, равновременныя, а не состоящія во временной послѣдовательности: „le geste est un phénomène parallèle a l'accent et le geste étant l'un et l'autre des faits dérivés dont le principe est dans la nature de la voix elle-même“.

J. Thibaut „*Origine byzantine de la notation neumatique*“. Paris, 1907, s. 14, 15.

ных ранѣе словахъ аввы Памвы о *потрясаніи руками и топаніи ногами* (*σειόνσι χεῖρας καὶ μεταβαίνοσι πόδας*), а также отчасти и Иоанна Златоуста, можно видѣть указанія, на существованіе въ пѣвческой практикѣ нѣкоторыхъ тѣлесныхъ движеній, какъ основныхъ элементовъ хирономіи, въ концѣ еще IV-го вѣка. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ недавно найденномъ въ Метохѣ Святогробскомъ въ Фанарѣ ученымъ аббатомъ Ж. Тибо греческомъ манускриптѣ (№ 84), въ двухъ разныхъ трактатахъ авторами ихъ поддерживается мнѣніе, на основаніи древняго преданія (*ὡς μαρτυροῦμεν, παρὰ τῶν ἀρχαίων*), что изобрѣтателемъ хирономіи былъ греческій ученый музыкантъ Птоломей, современникъ Марка Аврелія (161—180)⁹⁹. Гласовое пѣніе, содержа въ себѣ исполненіе многихъ пѣснопѣній — стихирь по подобію стихирь гласа образцовой—самогласной, и вращаясь въ области немногихъ мелодическихъ оборотовъ — попѣвокъ гласа, не трудно было для исполненія на память, какъ и теперь практикуется у насъ, и не требовало записи на бумагѣ и пергаменѣ, что и не легко исполнимо было для всѣхъ пѣснопѣній осмогласныхъ, при трудности письма и дороговизнѣ матеріала; пѣснопѣній же неосмогласныхъ было, съ VI-го по VII-й вѣкъ включительно, сравнительно очень немного, и они могли быть исполняемы въ напѣвахъ простыхъ неизысканныхъ, доступныхъ пѣнію изустному, при нѣкоторыхъ руководящихъ указаніяхъ протопсалта (*μεσόχορος, χορὸθεος, πεδύλος, ποδύφορος*). Эти условія естественнымъ образомъ и повліяли на то, что пѣвцы не стали записывать условные, просодійно-псалмодическіе пѣвческіе знаки на какомъ-либо писчемъ матеріалѣ, а выражали ихъ движеніями руки и пальцевъ. При этомъ могло имѣть мѣсто и то практическое соображеніе у пѣвцовъ, по сравненію съ читающимъ, что чтець священнаго текста по псалмодическимъ знакамъ, стоя передъ книгою, не стѣсненъ никѣмъ въ псалмодированіи, между тѣмъ какъ пѣвцы, при значительномъ количествѣ (напримѣръ 25 человекъ, какъ было въ Софії, при Юстиніанѣ)¹⁰⁰ не въ состояніи всѣ тщательно слѣдить по

⁹⁹ J. Thibaut. Origine byzantine de la notation neumatique“. Paris. 1907 p. 46, 47.

¹⁰⁰ Justin. nov. III. „Θεσπίζομεν... εἶναι... ψάλτας εἶχουσι πέντε“ etc. Tzetzes, „Ueber die altgriechische Musik in der griechischen Kirche“. München. 1874. S. 102. Славянскій текстъ новеллы въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ“ т. 65, стр. 107, прилож. къ изслѣдов. И. И. Срезневскаго „Обоарѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги“.

книгѣ за пѣвческими знаками, особенно, если они, какъ это обычно въ древнихъ рукописяхъ, мелки, между тѣмъ, какъ выполненіе этихъ знаковъ движеніями руки и пальцевъ управляющаго хоромъ предъ глазами всѣхъ пѣвцовъ, для нихъ всѣхъ очевидно и доступно. Отсюда понятно, почему у пѣвцовъ утвердилась хирономія, когда у чтецовъ, почти одновременно, или даже нѣсколько раньше, возникло чтеніе по писаннымъ при текстѣ псалмодическимъ знакамъ.

Въ вопросѣ о происхожденіи пѣвческихъ знаковъ выдѣляется своеобразное мнѣніе ученаго аббата Тибо, что пѣвческіе знаки византійскіе, а за ними и латинскіе возникли непосредственно изъ знаковъ псалмодическихъ, или, какъ, слѣдуя Тцетцесу, называетъ ихъ онъ, — экфонетическихъ, помимо и вѣдѣ какого-либо вліянія хирономіи и знаковъ хирономическихъ, вопреки указанному мнѣнію Флейшера, и вопреки Кусмакеру (изъ просодіи) Пападопуло (изъ алфавита), а также Хрисанфу епископу Диррахійскому и Криту (изъ хирономіи)¹⁰¹. Тибо говоритъ: „A notre avis, ni l'une ni l'autre de ces opinions (Пападопуло и Крита) n'est dans la vrai. La notation damascenienne ne provient en aucune façon des lettres d'alphabet grands ou petits, encore moins de la cheironomie, car c'est bien plutôt celle-la qui est dérivée des caracteres semeiographiques. L'écriture musicale dite de st. Damascen lire son origine direct de la notation ekphonetique: une simple comparaison des signes particuliers à ceux deux notations en sera la meilleure preuve“. Въ доказательство этой мысли приводится сравненіе музыкальныхъ знаковъ и экфонетическихъ (по нашей терминологіи—псалмодическихъ). Но-compraison n'est pas raison. Въ соотвѣтствіи съ этимъ почтенный авторъ, по всей справедливости въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи „Origine byzantine de la notation neumatique“ (1907 г.), склонился къ той мысли, что, такъ называемая, дамаскинская симіографія или святоградская, въ от-

¹⁰¹ Пападопулоз, *Συμβολαί*, σ. 169, *Χρυσανθος*, *Θεορητικὸν μέγα*, σ. 91 Christ, *Anthologia*, p. CXIV, *Beiträge*, s. 61. His manuum motibus, quod altitudinem, depressionem, fletus vocis significant notae musicae, multo post illos quidem inventae, nomine *χειρονομίας* comprehendebantur. Thibaut. *Etude de mus. Byzant.*, „La notation de st. Damascen“, въ „Извѣст. рус. арх. Института въ К—лѣ“. III. Соф. 1898, стр. 138—179. Tzetzes въ *Παρισσοῦς* 1885, *Ἐπιπόησις τῆς παρασημαντικῆς*, 413—493, 29, говоритъ о чтеніи іерееми и діаконами писаній на распѣвъ. „Ὅπερ πρὸς διάκρισιν ὀνομάζομεν ἐκφωνητικὸν, ἐκφώνως δὲ ἀναγιγνώσκοντο καὶ ψάλμοι καὶ εὐχαί“. Ueber die altgriech. Musik, s. 130—131. Первоначальную, пѣвческую нотацию Тцетцесъ считаетъ алфавитной. *Παρισσοῦς*, 1885, σ. 414, *Ἡ ἐπιπόησις τῆς παρασημαντικῆς*“.

ношении древности и близости къ экфонетическимъ знакамъ, должна уступить, такъ называемой, по его терминологіи, константинопольской, а по нашему, — греко-сирійской, что исторически болѣе справедливо ¹⁰²). Но все же въ такомъ сужденіи о дѣлѣ оказывается значительный пробѣлъ: чѣмъ же наполнить промежутокъ съ VI—VII в., времени образования экфонетическихъ знаковъ, до X в., когда впервые становятся извѣстными потныя пѣвческія рукописи. Безъ сомнѣнія псалмодическіе знаки, возникшіе изъ просодійныхъ, легли въ основу древнихъ знаковъ музыкальныхъ, но не непосредственно и прямо, а чрезъ промежуточную стадію, черезъ посредство пѣвческой хирономіи, утвердившейся предварительно на основѣ знаковъ просодійно-псалмодическихъ, такъ какъ знаки псалмодическіе (или экфонетическіе) слишкомъ просты и немногочисленны, чтобы изъ нихъ сразу какимъ-то чудомъ могла образоваться довольно сложная греческая симіографія,—рукописей же промежуточныхъ, періода средняго, посредствующаго между ними, музыкальная археологія доселѣ еще не знаетъ. Въ области музыкально-пѣвческихъ знаковъ древности мы находимъ, кромѣ того, сверхъ элементовъ знаковъ псалмодическихъ (или экфонетическихъ), такіе элементы и группы знаковъ особаго рода, которыхъ совершенно нѣтъ въ псалмодіи, но которые несомнѣнно принадлежатъ системѣ хирономіи. Слѣдовательно, хирономія и является тѣмъ посредствующимъ звеномъ, которое соединяетъ псалмодію съ симіографіей и восполняетъ собой тотъ перерывъ, который такъ бросается въ глаза и который иначе непонятенъ и пока иначе необъяснимъ. Здѣсь сама собою очевидна необходимость существованія хирономіи, какъ исторической связи и цемента между псалмодіей и симіографіей. Такимъ образомъ родословіе пѣвческаго письма (симіографіи) естественно должно быть представляемо въ видѣ такого родословнаго дерева: просодія, псалмодія, хирономія и, наконецъ, симіографія, съ ея развѣтвленіями, греко-сирійской, византійской, латинской, славяно-русской и другими.

Хирономія держалась до тѣхъ только поръ, пока напѣвы не осложнились еще болѣе и стали затруднительными въ передачѣ по хирономіи для пѣвцовъ и особенно для управляющихъ хорами и для памяти. Въ VIII вѣкѣ количество пѣснопѣній зна-

¹⁰²) Въ самомъ позднѣйшемъ сочиненіи „La Notation Musicale, son origine, son evolution—Petersbourg. 1912, p. 10, ученый аббатъ склонился уже къ нашему пониманію и называетъ ее уже не константинопольской, а святоградской, что служить къ его высокой ученой честности.

чительно возрасло, и напѣвы и мелодіи неосмогласныхъ пѣсней умножилось; многіе сочинители текстовъ пѣснопѣній сочиняли вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя для нихъ мелодіи; явились новыя празднества и новыя службы; послѣ торжества православія и умиротворенія Церкви открылись частныя сношенія и братское общеніе отдѣльныхъ разномѣстныхъ и разноплеменныхъ нерѣдко отдаленныхъ церквей между собою и съ метрополіей, повлекшія заимствованія напѣвовъ и приемовъ пѣнія, обогащеніе его содержанія. Это и были ближайшія причины того, что хирономія, въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ воздушное пѣвческое письмо, оказывалась недостаточною и требовала закрѣпленія ея пѣвческихъ знаковъ, значительно притомъ умноженныхъ и осложнившихся,—на писчемъ матеріалѣ, пергаменѣ. Такъ какъ псалмодическіе знаки указывали только разныя степени повышенія и пониженія голоса, причемъ ритмъ и метръ зависѣлъ часто отъ текста, частью отъ чувства мѣры самого декламирующаго, то хирономія, выражавшая собой главнымъ образомъ ритмическую и экспрессивную сторону пѣвческаго искусства, слившись съ псалмодіей, составила совмѣстно съ ея знаками и съ записанными на писчемъ матеріалѣ своими собственными знаками особое письмо симіографическое. Такъ въ музыкальныхъ теоретическихъ сочиненіяхъ греческихъ XII—XIV вв. точно различаются знаки звуковые (*φωνητικὰ*, *ἔμφωνα σημάδια*) и знаки беззвучные, хирономические (*ἄφωνα σημάδια*), причемъ первые обозначали ступени высоты, а вторые длительность и экспрессию или ритмику и динамику, почему тѣ и другіе знаки обыкновенно соединялись вмѣстѣ для полноты пѣвческаго выраженія мелодіи. И вотъ общее преданіе, державшееся даже на Западѣ до XVI в. (въ сочиненіи ученаго музыканта Парлино, 1519—1590) ¹⁰³), на Востокѣ же повсюду извѣстное, приписываетъ, не безъ основанія, Іоанну Дамаскину (†776), въ VIII в., не только составленіе текста священныхъ пѣснопѣній, но и введеніе въ практику пѣвческаго нотнаго письма, взамѣнъ хирономіи. Западныя археологи и музыканты указываютъ даже книги съ нотными знаками съ надписаніями авторства Іоанна Дамаскина. Такъ историкъ музыки Фетисъ ¹⁰⁴)

¹⁰³) Мартинъ Гербертъ повторяетъ это мнѣніе въ соч. „De cantu et musica sacra“ 1774, t. II, p. 5, — Ioannes Damascenus s. Gregorii studiosissimus, novum facilioremque cantandi modum per notas musicas, loco graecorum characterum onus seu chordam indicantium, substituisse, feratur. Также Fétis, Biographie universelle, t. IV, p. 433.

¹⁰⁴) Fétis, Histoire générale de la musique, t. IV, p. 17. Biographie universelle, t. IV, p. 433—434.

упоминаетъ октоихъ и другія пѣвческія книги въ Туринской библиотекѣ (подъ № 353), палеографъ Монфокопъ ¹⁰⁵⁾ отмѣчаетъ такія рукописи въ Миланской библиотекѣ, современный ученый Флейшеръ ¹⁰⁶⁾ имѣлъ въ рукахъ рукопись „*Γραμματικὴ μουσικὴ*“ съ именемъ Иоанна Дамаскина, содержащую краткія объясненія знаковъ хирономіи, принадлежащую Университетской Мессинской библиотекѣ (№ 154), на бумагахъ XV в., поступившую ранѣе изъ Санъ-Сальвадорскаго монастыря, близъ Мессины. Есть-ли отмѣченныя Фетисомъ и Монфокономъ книги съ именемъ І. Дамаскина манускрипты VIII в.,—или болѣе позднія копии, или же сочиненія неизвѣстныхъ авторовъ позднѣйшія, съ именами древнихъ авторитетовъ, учеными, однакоже, точно еще не установлено, но фактъ существованія подобныхъ рукописей, по крайней мѣрѣ, подтверждаетъ труды Иоанна Дамаскина по введенію и упорядоченію нотнаго пѣвческаго письма—хирономіи, даже и въ томъ крайнемъ случаѣ, если авторство въ этихъ манускриптахъ и не принадлежитъ самому Иоанну Дамаскину. Пресвященному Порфирію удалось найти свидѣтельство одного византійскаго писателя-музыканта, Мануила Хризафы Лампадарія (ок. XIII в.), что по почину св. Іоанна Златоуста, свв. Іоаннъ Дамаскинъ и Косьма Маюмскій разработали и усовершенствовали и просодію и хирономію и симадійное пѣвческое письмо. *Ἐποίησαν (οἱ ἅγιοι) τόνους καὶ σημάδια πρὸς ἀνάμνησιν καὶ δόξαν Θεοῦ καὶ ἐκκλησιασμον. Καὶ φθεγγόμενοι μέλους, ἤχουν τοῦ ὄργάνου τρίπλοκον κατασκευάσαντες προσφθίαν πρῶτον μὲν τὴν τοῦ νόου μελουργίαν, δεύτερον δὲ τὴν τοῦ σημείωσιν γνωρίζουσαν τοῖς μαθητευομένοις, καθεῖναι ἀκολουθεῖν καὶ φθέγγεσθαι, τρίτον δὲ τὴν χειρονομίαν προσέθετο καλλιουργεῖν* ¹⁰⁷⁾. Хотя это свидѣтельство и не имѣетъ безусловной рѣ-

¹⁰⁵⁾ Monfaucon, „Bibl. bibl.“ p. 66, 73, 258. У Филар. Черниг. Истор. обоз. стр. 209.

¹⁰⁶⁾ Fleischer, Neume-Studien, Th. I, 33, 70, 84. Th. III, 18. Съ именемъ Иоанна Дамаскина встрѣчается ркп. *Ἐρωταπόκρισις τῆς παλαδικῆς τέχνης περὶ σημάτων καὶ τόνων καὶ φθῶν καὶ πνευμάτων καὶ κρασιμάτων καὶ παραλλαγῶν καὶ ὅσα ἐν παλαδικῇ τέχνῃ διαλαμβάνονται* въ 6-кѣ Святогробской Іерусалимской, указываемая преосв. Порфиріемъ, прилож. 2, стр. 86, Пападопуло-Керамевсомъ въ 6-кѣ Кутлумушскаго м-ря, № 461 и въ библиотекѣ національной Афонской № 965. Byzantin. Zeitschr. VIII, III—121, и Тибо въ 6-кѣ Святогробскаго Метеха, въ Фанарѣ, № 811, Origine, 1907, стр. 44.

¹⁰⁷⁾ Перв. путеш. 2 ч. II, отд. I, стр. 373. Заимствовано изъ рукописнаго сборника № 332 Святогробской Іерусалимской 6-ки, изъ статьи *Μανουὴλ τοῦ Λαμπαδαρίου περὶ τῶν ἐνθεωρουμένων τῆ ψαλτικῆς τέχνης*. Такая же статья находится въ Сборникѣ Метеха святогробскаго въ Фанарѣ, № 811, указываемомъ

шительности, однакоже твердо поддерживаетъ общее распространенное преданіе объ участіи св. Иоанна Дамаскина въ разработкѣ пѣвческихъ знаковъ, хирономіи и псалмодіи. Въ рукописи № 811 Метеха Святогробскаго въ Фанарѣ, впервые изслѣдованной аббатомъ Ж. Тибо, анонимный авторъ трактата говоритъ: *Χειρονομία ἐστὶ νόμος, παραδεδομένος τῶν ἁγίων πατέρων τοῦ τε ἁγίου Κοσμῆ τοῦ ποιητοῦ καὶ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Λαμασκίνοῦ, ἥρῃκα γὰρ ἐξερχεται ἡ φωνὴ τοῦ μέλλοντος ψάλλον τί παραύτιχα καὶ ἡ χειρονομία, ὡς ἴνα παραλεικνύη ἡ χειρονομία τὸ μέλος* ¹⁰⁸⁾.

Здѣсь отвѣтъ на вопросъ, почему на западѣ нотныя пѣвческія невматическія книги появляются не ранѣе IX вѣка, ибо и самые хирономическіе знаки, породившіе невматическое письмо, могли быть занесенными на пергамень и бумагу не ранѣе IX вѣка и прежде всего на востокѣ у грековъ сирійскихъ, а затѣмъ и въ Византіи и на западѣ, въ Римѣ. Разъ занесенныя на бумагу и пергамень, хирономическіе знаки положили собою основаніе особаго пѣвческаго нотнаго письма невматическаго (*νευμα*—пеуша) на западѣ и симадійнаго (*σημάδια*) на востокѣ, составившихъ собою два совершенно различныхъ развѣтленія общаго имъ воздушнаго письма хирономическаго. Но оставаясь своеобразнымъ, то и другое письмо, симадійное и невматическое, сохраняли, особенно на первыхъ порахъ, много общаго между собою, какъ много общаго имѣло между собою на первыхъ же порахъ и пѣніе латинское, западное, съ пѣніемъ греко-восточнымъ.

На западѣ держится издавна сложившееся убѣжденіе, что латинское западное пѣніе и нотное пѣвческое письмо обязаны своимъ происхожденіемъ папѣ Григорію Великому I (591—604), почему и называется григоріанскимъ, а пѣвческое его письмо называется „nota romana“. Ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса, въ которомъ особенно заявили себя современные ученые, Флей-

абб. Тибо въ соч. „Origine Byzantine“, 1907, p. 45, 46, — и въ 6-кѣ Петербургской Императорской, № 239, *Ἐρωταπόκρισις περὶ τοῦ τί ἐστὶ χειρονομία*, на л. 10 отвѣтъ, что хирономія введена І. Дамаскинымъ и Косьмою Маюмскимъ, *ἴνα, παραδεικνύη ἡ χειρονομία τὸ μέλος*“. По объясненію іеромонаха Гавріила, автора пѣвческой статьи того же манускрипта № 811, *Πρὸς γὰρ τῶν τοῦ δεμωστίου χεῖρα ἅπαντες ἀποβλέποντες συμφωνοῦμεν καὶ διὰ τὰντα χρησιμώτατη ἐστὶν ἡνὶν ἡ χειρονομία*. J. Thibaut, *ibid.*

¹⁰⁸⁾ Тибо *ibid.*, а также см. Etude de musique byzantine. La notation Koukouzélès. Извѣстія русскаго археологическаго Института въ Константинополѣ. 1901, VI, 2—3.

шерь ¹⁰⁹⁾ и особенно Гевартъ ¹¹⁰⁾, приводить, однакоже, къ совершенно инымъ заключеніямъ.

Терминъ „григоріанскій“ (gregorialis), впервые встѣчается на западѣ у повѣствователя Амаларія (815—835) (De ecclesiasticis officiis), діакона изъ Метца, современника Людовика Благочестиваго ¹¹¹⁾. Валаффридъ Страбонъ, времени Людовика-же Благочестиваго (De rebus ecclesiasticis c. 25) говоритъ опредѣленно: „Ordinem [cantilenae diurnis seu nocturnis horis dicendae B. Gregorius plenaria creditur ordinatione distribuisse, sicut et supra de sacramentorum diximus libro ¹¹²⁾. Но монахъ Іоаннъ діаконъ, составившій жизнеописаніе папы Григорія Великаго, прямо приписываетъ ему составленіе антифонарія и учрежденіе школы пѣвцовъ и говоритъ, что до его времени сохранялись, какъ дорогіе памятники, автентическій антифонарій, кровать, лежа на которой училъ этотъ папа пѣвцовъ, и плетка, которую онъ употреблялъ для вразумленія лѣнливыхъ ¹¹³⁾. Повѣствованіе Іоанна діакона совершенно одиноко, и самъ онъ, какъ историкъ не всегда заслуживаетъ довѣрія. Замѣчательно, что о трудахъ папы Григорія Великаго не упоминаетъ ни Liber pontificalis, публикуемая абб. Дюпенемъ, хотя и говоритъ о менѣе важномъ введеніи антифонной псалмодіи папой Целестиномъ (422—432), ни кто-либо изъ древнихъ

¹⁰⁹⁾ Fleischer, Neum.-Stud. Th. I, s.s. 18 — 19. „Nirgends also ersehen wir einen Hinweis darauf, dass Gregor eine Notenschrift erfunden oder auch nur eingeführt habe. Die Zeitgenossen Gregors, die sein Leben und seine Thätigkeit besprochen haben, wie Gregorius Turonensis im 6, Isidorus Hispalensis im 6 — 7, auch Bede Venerabilis und Paulus Diaconus im 8. Amalarius und Agobardus im 10 Jahrhundert, erwähnen sogar nicht einmal, dass Gregor die lithurgischen Bücher geordnet habe. Erst Jahrhunderte nach seinem Tode beginnt die Verehrung Gregors als musikalischen Reformators, sodass sich einige Forscher veranlasst sahen auf Gregor I Stelle vielmehr Gregor II (oder III) zu setzen“.

¹¹⁰⁾ Gevaert. Les origines etc. Gand. 1890. P.p. 16—21, 35—43, 77—84. „La melopée“ etc. Gand. 1895. P.p. XII—XXVII.

¹¹¹⁾ Письмо папы Адриана къ Карлу Великому „Auctor Missalis qui vocatur gregorialis et antiphonarii nos tangit ut recolamus nativitatem Domini celebratam per tres ordines librorum“. De eccl. off. C. 40 p. 1000. У Геварта „Les origines“ p. 16—17.

¹¹²⁾ Ibid. p. 17.

¹¹³⁾ Ibid. 17. „Antiphonarium centonem cantorum studiosissimus nimis utiliter compilavit; scholam quoque cantorum, quae hactenus iisdem institutionibus in sancta romana ecclesia modulatur, constituit: eique cum nonnullis praediis duo habitacula, scilicet alterum sub gradibus basilicae B. Petri apostoli, alterum vero sub lateranensis patriarchii domibus fabricavit: ubi usque hodie lectus eius, in quo recubans modulabatur et flagellum ipsius quo pueris minabatur veneratione congrua cum authentico antiphonario reservatur“. Vita Gregorii Magni. II, c. 6, Mabillon.

біографовъ и панегиристовъ его, ни современникъ его Исидоръ Севильскій (De viris illustribus), ни жившій въ слѣдующемъ вѣкѣ (VII) Беда Достопочтенный (Historia ecclesiastica gentis anglorum), ни діаконъ Павелъ Варнефридъ, современникъ Карла, (Vita S. Gregorii papae), ни другіе писатели. Ни въ одномъ изъ многочисленныхъ сочиненій папы Григорія Великаго, ни въ одномъ изъ его писемъ, которыхъ около 700, нѣтъ никакого упоминанія о пѣннѣ, не обнаруживается никакого интереса къ нему съ его стороны, или заботъ, нигдѣ не видны его знанія и труды въ этой области. Напротивъ, есть декретъ собора, бывшаго въ Римѣ 5-го іюля 595 г., при папѣ Григоріи, гдѣ осуждается изысканность пѣннѣ и модуляцій голоса діаконъ, и препоручается имъ только чтеніе евангелія, а пѣннѣ возлагается на иподіаконъ и низшихъ клириковъ ¹¹⁴⁾. Въ этомъ замѣчается не забота объ улучшеніи пѣннѣ, а желаніе отодвинуть эту принадлежность богослуженія на второй планъ. У Іоанна діакона уже кардиналъ Бароній (въ XVI в.) находилъ историческія ошибки.

Гевартъ, разсуждая объ авторствѣ Григорія Великаго въ отношеніи богослужебнаго пѣннѣ римской церкви и приписываемаго ему антифонарія, указываетъ слѣдующія, между прочимъ, историческія несообразности Іоанна діакона. Онъ повѣствуетъ, что нѣкто Іоаннъ, римскій пѣвецъ, вмѣстѣ съ Феодоромъ, римскимъ урожденцемъ, епископомъ Іорскимъ, былъ посланъ папою Виталиемъ въ Галлію, а оттуда въ Британію для устроенія тамъ римскаго пѣннѣ; между тѣмъ, какъ всегда точный въ изложеніи, Беда въ своей церковной исторіи передаетъ, что Іоаннъ, начальникъ пѣвцовъ церкви св. Петра и аббатъ м. Сенъ-Мартина, былъ посланъ папою Агаеонъ (678—682) (а не Виталиемъ 657—672) и имѣлъ спутникомъ епископа Бенедикта, аббата Вирмутскаго (Wearmouth)

¹¹⁴⁾ Гевартъ, ibid. 47. S. Gregorii opera omnia. Paris. Rigaud. t. II, p. 1288. „Gregorius papa coram sanctissimo beati Petri corpore cum episcopis omnibus ac Romanae ecclesiae presbyteris residens, adstantibus diaconibus et cuncto clero dixit: in sancta romana ecclesia, cui divina dispensatio praeesse me voluit, dudum consuetudo est valde reprehensibilis exorta, ut quidam ad sacri altaris ministerium cantores eligantur et in diaconatus ordine constituti, modulationi vocis inserviant, quos ad praedicationis officium eleemosynarumque studium vacare congruebat. Unde fit plerumque, ut ad sacrum ministerium dum blanda vox quaeritur, quaeri congrua vita negligatur et, cantor minister Deum moribus stimulet, cum populum vocibus delectat. Qua in re praesenti decreto constituo, ut in hac sede sacri altaris ministri cantare non debeant, solumque evangelicae lectionis officium inter missarum solemniam exsolvant. Psalmos vero ac reliquas lectiones censeo per subdiaconos, vel si necessitas fuerit, per minores ordines exhiberi“.

(а не Теодора, а Теодоръ дѣйствительно путешествовалъ во время папства Виталія, но съ аббатомъ Адрианомъ); Теодора епископа Йоркского никогда не было, но былъ Теодоръ, архіепископъ Кэнтербѣрійскій и онъ былъ не римскій уроженецъ, но сиріецъ-грекъ¹¹⁵). Наконецъ, соображеніе литургическаго свойства: въ VII и въ началѣ VIII вѣка въ четверги недѣли никогда не полагалось мессы, развѣ только эти дни совпадали съ праздниками. Это потому, что въ средѣ новопросвѣщенныхъ язычниковъ этотъ день почитался какъ день Юпитера (*dies Jovis*). Такой обычай осуждался еще на Нарбоннскомъ соборѣ 589 г. Папа Григорій II (715—731) установилъ совершать службы во всѣ четверги поста, какъ повѣствуетъ *Liber pontificalis*, и вотъ, между тѣмъ какъ Сакраментарій геласіанскій, конца VII (по Дюшеню „*Origines du culte chretien* p. 119) еще не знаетъ ни одной мессы въ четверги поста, Сакраментарій и Антифонарій григоріанскіе указываютъ эти мессы уже на всѣ четверги и содержать пѣснопѣнія, которыхъ еще нѣтъ въ геласіанской редакціи¹¹⁶).

Всѣ эти соображенія и аргументы приводятъ къ мысли, что Григорій Великій, которому обычно усваивается установленіе григоріанскаго пѣнія и редакція григоріанскаго антифонарія¹¹⁷, не принималъ ни въ томъ, ни въ другомъ ни прямого, ни косвеннаго участія, и всѣ рассказы, сюда относящіеся, въ родѣ повѣствованія Іоанна діакона, суть не болѣе, какъ позднѣйшія благочестивыя легенды, въ уваженіи и удивленіи къ обширной и разносторонней церковно-просвѣтительной дѣятельности папы Григорія I и въ излишнемъ рвеніи въ этомъ направленіи, приписывающія ему такія заслуги, которыхъ онъ не имѣлъ и не могъ имѣть. Говоря о западныхъ церковныхъ ладахъ Флейшеръ такъ отзывался между прочимъ, о мнимой церковно-музыкальной дѣятельности Григорія: „ihre (ладовъ-гласовъ) Einführung durch Gregor I sich als eben solche Fabel erweist wie die vielen anderen Legenden über die Einzelheiten seiner musikalischen Thätigkeit“¹¹⁸).

Къ отрицательному сужденію о музыкально-пѣвческой дѣятельности папы Григорія I склоняются и другіе изслѣдователи нашего времени, какъ Ж. Б. Тибо, ученый французскій аббатъ, авторъ многихъ серьезныхъ работъ въ области греческой и ла-

¹¹⁵) Гевартъ, *Les origines*, p. 86.

¹¹⁶) Гевартъ. *Ibid.* 21.

¹¹⁷) Книга, содержащая пѣснопѣнія изъ мессы (*graduales*) аллилуйя и тропари.

¹¹⁸) *Neumen-Studien*. S. 114.

тинской церковной музыки, а также Л. А. Саккетти въ послѣднемъ изданіи своего очерка исторіи музыки.

Тогда откуда же григоріанское пѣніе и григоріанскій антифонарій? Гевартъ дѣлаетъ остроумную и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно правдоподобную догадку, что виновниками григоріанскаго пѣнія были папы-эллинисты, въ періодъ времени съ 678-го по 752-й годъ, особенно греко-сирійцы, которые послѣ нашествія мусульманъ (ок. 638 г.), въ значительномъ числѣ, въ виду опасности, бѣжали съ Востока въ Италію. Эти папы—Агаеонъ грекъ (678—681), Левъ II сиріецъ, (682—683), Сергій сиріецъ (687—701), Григорій II (715—731), Григорій III сиріецъ (731—741). О папѣ Агаеонѣ изъ исторіи Беды (L. IV. с. 18) извѣстно, что онъ посылалъ въ Британію опытнаго пѣвца, чтобы ввести службу часовъ, по образцу римской церкви; слѣдовательно, есть основаніе предполагать, что устраивая эти службы въ другихъ единовѣрныхъ церквяхъ, этотъ папа прилагалъ свои старанія и къ редактированію антифонарія, гдѣ эти службы содержатся. *Liber pontificalis* (t. I, p. 359) о Львѣ II говоритъ: „*Vir eloquentissimus... graeca latinaque lingua eruditus cantilena ac psalmodia praecipuus*“. О Сергій *Liber pontificalis* (t. I, p. 371) повѣствуетъ: „*studiosus erat et carax in officio cantilenaе, priori cantorum pro doctrina est traditus*“. Ему преимущественно должно быть приписано редактированіе *Gradualis* съ пѣснопѣніями изъ мессы и вообще основательная первоначальная организація латинскаго пѣнія. Объ этомъ папѣ ученый Гевартъ говоритъ: „*aucun des papes n'a des titres aussi speciaux que Serge I, pour être considéré comme l'organisateur du chant de l'église latine*“¹¹⁹). Геварта въ его остроумныхъ догадкахъ поддерживалъ Флейшеръ, который, разсуждая о Григоріи Великомъ, какъ церковно-музыкальномъ реформаторѣ, выражается такъ: „*Erst Jahrhunderte nach seinem (Григорія) Tode beginnt die Verehrung Gregors als musikalischen Reformators, sodass sich einige Forscher veranlasst sahen an Gregors I Stelle vielmehrs Gregor II (oder III) zu setzen*“¹²⁰). Въ позднѣйшее время ученый аббатъ Ж. Б. Тибо, въ своемъ капитальномъ трудѣ „*Monuments de la Notation ekphonetique et neumatique de l'église latine*“, объ антифонаріи григоріанскомъ, принадлежащемъ, по общему признанію къ IX в., иногда относимомъ даже и позже, осторожно отзывался: „*Cette composition, véritable point de départ de la tradi-*

¹¹⁹) Gevaert „*La Melopee antique dans le chant de l'église latine*“. Gand. 1895. P. XX.

¹²⁰) Fleischer, *Neumen-Studien*, Th. I, S. 19.

tion dite *Gregorienne*, n'aurait—elle pas plutôt pour objet l'éloge de l'infatigable „Restaurateur des antiques monuments de Rome“: *Saint Gregoire III le Magnifique?*¹²¹⁾.

Зависимость западной церковной музыки от грековосточной выражается весьма наглядно в пѣвческой терминологии писателей и пѣвцовъ IX—XII в.в. Здѣсь постоянно встрѣчаются греческіе музыкальные термины: *archoos*, *protos*, *deuteros*, *tritos*, *tetrardos* въ названіи гласовъ, *Noeane*, *Nonannoneane*, *Noioeane*, *Noeane*, *Noeagis*—гласовыя погѣвки, какъ у Авреліана изъ Реоме, въ IX вѣкѣ, *Dasia* (*δασεια*)—особый видъ нотации греческими буквами у неизвѣстнаго автора *Musica enchiridiadis* IX в., заимствованный, очевидно, авторомъ изъ греческой акцентуаціи, изъ системы просодійныхъ знаковъ¹²²⁾, названія интерваловъ *diapente*, *diatessaron*, *diesis*, *diaphonia*, *ditonos*, *tonos* и почти вся греческая музыкальная терминологія, какъ у Ремигія изъ Оксерра, IX вѣка, затѣмъ полная греческая музыкальная теорія у Гукбальда (X вѣка), Регино изъ Прюма (X вѣка), Оддо Ключійскаго (X вѣка), Гвидо Аретинскаго (XI вѣка), Берно изъ Рейхенау (XI вѣка), Иоанна Коттонія (XII вѣка), Бернарда Клервоскаго (XII в.). У писателей этого времени обычны наименованія невь, какъ *Strophicus climacus* (*κλίμαξ*), *Pentatonus*, *Gnomo* (*γνόμων*), *Cefalicus* (*κεφαλί*), *Quilisma* (*κύλισμα*), *Tetradius*, *Pentadicon*, *Trigonus*, *Vpodicus*, *Atticus*, *Tragicon*, *Diatmus*, *Exon*, *Centon* (*κέντημα*), *Proslambanomen* (*προσλαμβάνόμενος*), *Apostropha* (*ἀπόστροφο;*), *Bistropha*, *Tristropha*, *Eriphonus*, *Ertaphonus*; затѣмъ названіе пѣснопѣній—*tropus*, *trisagion*, *Kyrie eleison*, *Doxologia*, *antiphona*¹²³⁾ и проч. О послѣднихъ Авреліанъ изъ Реоме (IX в.) говоритъ (Гербертъ, *Scriptores*, I, 60): „*Repertae autem sunt (antiphonae) primum a Graecis, a quibus et nomina sumpserunt. Apud*

¹²¹⁾ J. V. Thibaut. *Monuments*. S.-Petersbourg. 1912, p. 42.

¹²²⁾ Fleischer, *Neumen-Studien*, Th. I, S.s. 90, 108, 113. Флейшеръ полагаетъ, что и латинскія невь въ большой зависимости отъ греческихъ просодическихъ знаковъ, греч. *προσφδια δασεια* равнозначуще *accentus pressus* (*densus*), который былъ однимъ изъ употребительныхъ знаковъ латинскихъ невь.

¹²³⁾ Lambillotte „*Esthétique theorie et pratique du chant gregorien*“ Paris. Pp. 71—272.—Otto Kornmüller. „*Die alten Musiktheoretiker*“ — *Kirchen-musikalischen Jahrbuch*. 1888. Redigirt von F. X. Haberl. — Oscar Fleischer. „*Neumen-Studien*“. Th. I, S.s. 4. 37. 113. Th. II, 58—60. 82. 111. 115. 119—121. 133—134.—Gevaert „*La melopée antique dans le chant de l'église latine*. Gand. 1895. Pp. 104—111.—Gerbertus „*De cantu et musica sacra*“. T. II, tab. X, № 2.—Ambros „*Geschichte der Musik*“ B. II, Leipzig. 1891, ss. 85—86. 109.—Coussemaker „*Histoire de l'harmonie au moyen âge*. Paris. 1852. P. 23.—Fetis „*Histoire generale de la musique t. IV*. Paris. 1874. Pp. 198—213.

*latinos autem auctor earum beatissimus existit Ambrosianus Mediolanensis antistes, a quo hunc morem suscepit omnis occidentalis ecclesia*¹²⁴⁾. Еще ранѣе его Исидоръ Севильскій говоритъ о томъ же слѣдующее (*De off. ecclesiast. lib. I, c. 7*): *Antiphonas Graeci primum composuerunt, duobus choris alternatim concinentibus, quasi duo seraphim*“. Въ виду столь многихъ и очевидныхъ признаковъ вліянія греческой музыки на западную церковную, ученый Флейшеръ совершенно справедливо замѣчаетъ: „*Die Musiktheorie des Abendlandes wird mit dem 10 Jahrhundert ganz nach griechischen Muster gestaltet es bereitet sich eine wahre Renaissance der griechischen Musiktheorie vor*¹²⁵⁾“.

Изъ предыдущихъ соображеній становится очевиднымъ, что западное латинское церковное пѣніе и музыка были совершенно греческаго происхожденія и характера и самое потное невматическое письмо сходно съ греческимъ симадійнымъ и имѣетъ своимъ общимъ источникомъ развившуюся между греческими пѣвцами хирономію, пользовавшуюся общими съ псалмодіей знаками, заимствованными отъ знаковъ грамматическихъ и риторическихъ, просодійныхъ. Организаторами латинскаго пѣнія на западѣ были римскіе папы—эллинисты VII и VIII вѣковъ, которые около VIII вѣка, по примѣру Иоанна Дамаскина, могли ввести въ практику и невматическое письмо, до того же времени (VII и VI вѣка) пользуясь только знаками хирономическими, которыхъ возникновеніе изъ просодійныхъ знаковъ можетъ быть отнесено, на основаніи выраженій аввы Памвы и св. Иоанна Златоуста, по крайней мѣрѣ, къ V вѣку. Равнымъ образомъ устраняется при этомъ и общепринятое мнѣніе объ организаціи латинскаго церковнаго пѣнія на западѣ папою Григоріемъ I-мъ въ VI-мъ в. и о заслугахъ его въ этомъ родѣ.

Но что же такое „*nota gomala*“, о которой впервые говорить жизнеописатель Карла Великаго „монахъ Ангулемскій“¹²⁶⁾, а за нимъ и другіе авторы X—XI вѣковъ, приписывая это потное письмо Григорію Великому? Первоначально здѣсь видѣли буквенную нотацию Боеція († 524) изъ 15 буквъ латинскаго алфавита (a—o) введенную Боеціемъ взамѣнъ греческаго буквеннаго обозначенія тоновъ; но такъ какъ это буквенное письмо обыкновенно встрѣчается совмѣстно съ невьми въ однѣхъ и тѣхъ же рукописяхъ и параллельно, какъ въ антифонаріи изъ Монпелье, XI вѣка, и въ

¹²⁴⁾ Hugo Riemann, *Studien zur Geschichte der Notenschrift*. Leipz. 1878, s. 112.

¹²⁵⁾ Fleischer, *Neumen-Studien*, Th. I, s. 113.

¹²⁶⁾ Fetis, „*Histoire generale de la musique*“ t. IV, p. 177 et ss.

службъ Туриава XI вѣка и только въ единственномъ случаѣ, въ рукописи Жумьжскаго аббатства, X—XI вѣка, и притомъ въ вѣка сравнительно далекіе отъ вѣка Григорія I, позднѣйшіе,—одно, то нѣкоторые (Кизеветтеръ и др.) склонны подѣ „nota romana“ видѣть невматическое письмо, извѣстное, однакоже, также не раньше IX вѣка и потому приписываемое Григорію съ большими натяжками¹²⁷⁾. Имѣя же въ виду изложенныя выше соображенія и изысканія Геварта и Флейшера, должно отказать Григорію и въ этомъ авторствѣ. Взамѣнъ того,—чтобы согласить преданіе съ фактами дѣйствительности—Флейшеръ находитъ возможнымъ приписать Григорію введеніе 7 знаковъ просодійныхъ, но не для пѣнія, а для псалмодіи, по примѣру перквей греческихъ, восточныхъ. „Diese sieben Zeichen, говоритъ Флейшеръ, deren Herleitung, von den altgriechischen Prosodien also keinerlei Zweifel unterliegen kann, sind nun genau dieselben, deren sich die ältesten Neumationen bedienen. Es sind jene sieben Zeichen, welche einer späteren Zeit den Anlass gegeben haben in einer dunkeln Erinnerung an ihren ursprünglichen Gebrauch dem Papste Gregor I die Erfindung einer Tonschrift mit sieben Zeichen zu zuschreiben¹²⁸⁾. Да и, кромѣ того, по свидѣтельству Мартина Герберта (*Scriptores eccles. de mus. sacra. I, 230*) о пѣвческихъ нотныхъ книгахъ на Западѣ впервые упоминаетъ только Режинонь де-Прюмъ († 915) въ письмѣ къ архіепископу Rathbod¹²⁹⁾.

Итакъ предыдущія соображенія даютъ право на заключеніе, что латинское григоріанское пѣніе было организовано въ VII—VIII вѣкахъ папами-эллинистами, между коими не послѣднее мѣсто занимали два Григорія, II и III, и по примѣру и образцу и основаніямъ греческаго восточнаго пѣнія. Письмо нотное невматическое, извѣстное въ рукописяхъ не ранѣе IX вѣка, сходное съ восточнымъ, симадійнымъ, развилось, какъ и это послѣднее, изъ хирономическихъ знаковъ, введенныхъ въ пѣвческую практику не позже V вѣка и господствовавшихъ въ теченіе VI, VII, VIII вѣковъ,

¹²⁷⁾ Dom Joseph Pothier „Les melodies gregoriennes d'apres la tradition“. Desclée, 1881, p. 83.—подѣ nota Romana разумѣть указательные знаки, приписываемые пѣвцу Роману, который вмѣстѣ съ Петромъ былъ посланъ папою къ Франкамъ и, заболѣвъ на пути, остался въ Сень-Галлѣ, а Петръ ушелъ въ Метцъ. Эти значки обозначали то, что у насъ киноарныя указательныя помѣты: *a, l, s*—повышеніе, *d, i*—тоже, *e*—равно, *f, k*—сильно, *g*—горловой, *h*—вдыханіе, *o*—особенное чувство, *c*—скоро, *t, p*—задержать, *x*—пауза. Они ставились при невмахъ.

¹²⁸⁾ Fleischer. Neumen-Studien, Th. I, p. 81.

¹²⁹⁾ См. J. B. Thibaut. Monuments de la Notation ekphonetique et neumatique de l'eglise latine. S.-Petersbourg. MXXII, p. 29, annot. 2.

какъ письмо воздушное, по характеру своему однородныхъ съ знаками псалмодическими, впервые извѣстными въ рукописи VI—VII вѣковъ. Тѣ и другіе знаки, псалмодическіе—письменные и хирономическіе-воздушные, имѣютъ своимъ общимъ источникомъ знаки просодійные, которые стали употребляться (обыкновенно въ количествѣ 7) въ псалмодіи не позже IV вѣка, съ учрежденіемъ отдѣльнаго чина чтецовъ и пѣвцовъ.

Отсюда можетъ быть принято, какъ совершенно установившееся, то научное положеніе, что начало просодіи, псалмодіи, хирономіи, письма симадійнаго и невматическаго и основанія богослужебнаго христіанскаго пѣнія принадлежать почти исключительно міру грековосточному, а оттуда, затѣмъ, распространились и были усвоены и другими христіанскими народами, между коими ближайшими преемниками богослужебно-пѣвческаго чина и искусства были христіане западной церкви римской. Возвращаясь къ высказанной выше мысли о зависимости богослуженія и богослужебнаго пѣнія западныхъ славянъ, а черезъ нихъ косвенно и другихъ славянскихъ племенъ, отъ латинскаго, мы должны заключить, что славяне могли заимствовать отъ латинянъ только напѣвы, а не пѣвческія книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны признать, что эта зависимость въ напѣвахъ не можетъ представлять собою что-либо необычайное, чуждое и несродное характеру богослуженія и богослужебнаго пѣнія славянскаго, вполнѣ придаточное, но, по сродству древнѣйшей первоначальной латинской западной церковной музыки съ современной ей музыкой восточной греческой, въ ихъ первоначальныхъ основахъ, происхожденіи, характерѣ и симіографіи должна быть рассматриваема не менѣе естественною и плодотворною для славянской церкви первыхъ ея вѣковъ, какъ и непосредственная и ближайшая зависимость ихъ отъ богослуженія и богослужебнаго пѣнія греческаго, съ его системою симіографіи и его исторіею происхожденія.

Глава III.

Состояніе богослужебнаго пѣнія византійскаго въ эпоху просвѣщенія славянъ и русскихъ.

Что же намъ извѣстно о греческомъ (византійскомъ) пѣніи первыхъ вѣковъ славянской церкви и времени раннѣйшаго? Обозрѣвая церковную музыку латинскую, мы уже имѣли случай коснуться нѣкоторыхъ сторонъ музыки греческой, общихъ у нея

съ музыкой латинской, какъ осмогласіе, музыкальная теорія и терминологія, пѣвческое (симіографическое) письмо, утверждающееся на хирономіи и псалмодіи, псалмодія и псалмодическое письмо, утверждающееся на просодіи.

Ближайшее ознакомленіе съ данными греческой (византійской) церковной музыки, откроетъ для нашего предмета болѣе широкіе выводы. Есть при этомъ одно печальное обстоятельство, что литература по византійской церковной музыкѣ довольно бѣдна по сравненію съ литературой церковной латинской разсматриваемаго періода времени. Извѣстно, что, какъ на западѣ въ школахъ, музыка входила, какъ обязательный предметъ обученія, въ число пресловутыхъ *trivium et quadrivium*, такъ и въ византійскихъ школахъ IX, X и XI вѣковъ, она входила въ отдѣлъ *μαθηματα*, наравнѣ съ ариеметикой, геометрией, астрономіей и физикой.

Цвѣтущее время школьнаго образованія въ Византіи падаетъ на столѣтіе, слѣдовавшее за вступленіемъ на императорскій престолъ Ираклія (610—641). Академія, существовавшая со времени Θεодосія II (425) въ Халкопратіяхъ, при царской цистернѣ, была закрыта при Львѣ Исаврѣ — иконоборцѣ, не видѣвшемъ въ ней сочувствія своимъ мыслямъ, и не функционировала вплоть до Михаила III и кесаря Варды, вновь открывшаго ее при магнаврскомъ дворцѣ, во главѣ со Львомъ математикомъ. Ей потомъ особенно покровительствовалъ образованнѣйшій изъ византійскихъ императоровъ, Константинъ Багрянородный, бывшій и послѣднимъ покровителемъ наукъ на византійскомъ престолѣ. Послѣдующіе императоры — Никифоръ Фока, Иоаннъ Цимисхій, Василій Болгаробойца, были люди войны и дѣла, обладали скуднымъ образованіемъ и не заботились объ его успѣхахъ. Такъ было до Константина Мономаха, (ок. 1045—6 г.) возстановившаго Академію, въ коей были извѣстны, какъ учителя, Михаилъ Пселлъ, Иоаннъ Ксифилинъ, Никита, Иоаннъ Мавроподъ Евхаетскій. „Въ старое время, говоритъ Пселлъ, въ нашемъ городѣ были училища и преподаватели наукъ и искусство, существовали знаменитыя каедры не только піитики, но риторики и философіи, о юриспруденціи у многихъ заботы было меньше. Но времена и обстоятельства измѣнились къ худшему, а свѣточи наукъ почти погасли. Общественныя зрѣлища процвѣтають, судья игръ предсѣдательствуетъ на нихъ, искусные существуютъ борцы; а арены наукъ не оправдываютъ своего названія и лишь въ тиши нѣкоторые нашептываютъ науки. Водящихъ хороводы много, но нѣтъ запѣвалы (*χορευταὶς*) хора, толпа поетъ все не въ тактъ, безъ ритма, не умѣетъ хорошо

составить строфу и стройно пропѣть эподъ“¹³⁰). Такова печальная характеристика у Пселла современнаго ему состоянія византійскаго образованія, наукъ и искусствъ. Если краски нѣсколько сгущены, то всетаки же тонъ разочарованія въ современномъ образованіи, по сравненію съ славнымъ его прошлымъ, сквозитъ въ словахъ Пселла совершенно ясно и не безъ должнаго, конечно, основанія: цвѣтущее время образованности подъ покровительствомъ Варды было еще свѣжо въ памяти любителей ея, между тѣмъ какъ грубость и невѣжество воинственнаго правленія Фоки, Цимисхія и Болгаробойцы чувствовались людьми образованія и науки на каждомъ шагѣ, такъ что и пальма первенства греческой образованности грозила за это время быть неожиданно взятою народомъ варварскимъ для грековъ — славянами цвѣтущаго періода болгарскаго царства. Если свѣтская музыка, по словамъ Пселла, была въ жалкомъ состояніи, то и музыка церковная, по словамъ Зонары, была не въ лучшемъ видѣ. О церковно-богослужебномъ пѣніи XI в. Зонара говоритъ: „правило запрещаетъ не только насильственное напряженіе голоса, но и все несообразное со святостью церкви, каково, напримѣръ, изломанное пѣніе и едва внятное гудѣніе, гдѣ излишняя искусственность простирается до театральныхъ пѣсней и пѣнія сладострастнаго, о чемъ особенно стараются нынѣ при пѣніи“¹³¹). И въ десятомъ вѣкѣ дѣло церковнопѣвческое, кажется, было не лучше. Историкъ Кедренъ упрекаетъ современнаго Константину Порфирогенету (X в.) патріарха Теофилакта, сына императора Романа, въ томъ, что тогда введены были въ церковь мірскія пѣсни съ нечистотными обрядами¹³²). Георгій Скилица (XI в.) говоритъ о томъ же Теофилактѣ, что онъ поставилъ пѣвцамъ domestikomъ церковнымъ нѣкоего Евфимія Касни — „и они научились сатанинскимъ оргіямъ, нечестивымъ воплямъ, пѣснямъ земнымъ“¹³³). Эти мимолетныя замѣчанія современниковъ свидѣтельствуютъ, что въ X и XI вв. церковное

¹³⁰) Psell, apud Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. IV, 433. См. Скабаллановичъ „Византійская наука и школы въ XI в. Христ. Чт. 1884 г. ч. I, стр. 345 и др. Объ училищѣ Студійскаго монастыря говорится въ Житіи преподобн. Θεодора Студита, составленномъ, какъ полагаютъ, Михаиломъ Студитомъ ок. X в. Лебедевъ „Очерки“, стр. 175.

¹³¹) Толков. на 75 прав. Трульск. соб. См. „Правила св. вселенскихъ соборовъ“ изд. О. Л. Д. П. М. 1900, стр. 284 и Филарет. Черниговск. Историч. обзоръ пѣснопѣв. и пѣсноп. греческ. ц. 1860. Стр. 318.

¹³²) Ibid. 291.

¹³³) Ibid. 324.

пѣніе въ Византіи приняло искусственное, мірское, не церковное направление, выражавшееся въ вычурности, кудреватости мелодіи, въ ея свѣтскомъ, пѣсенномъ, театральномъ характерѣ и ритмѣ и въ изысканности исполненія, то громкаго, то едва слышнаго и страстнаго.

Византійская древность небогата богослужебными нотными пѣвческими рукописями, единственными свидѣтелями византійскаго церковнаго пѣнія, и количество этихъ рукописей прогрессивно уменьшается, при постепенномъ восхожденіи отъ вѣка паденія византійской имперіи (XV) въ глубь предшествующихъ вѣковъ. Четырнадцатый и тринадцатый вѣка, время Кукузелей—Иоанна (Пападопуло), Григорія, Иосафата (младшаго), и соученика Иоанна Кукузеля у общаго учителя — Иоанна Гликиса, Ксеноса Корони, Иоанна Клады Лампадарія,—наиболѣе замѣчательный въ церковно-пѣвческомъ отношеніи, по мнѣнію ученыхъ обозрѣвателей греческихъ богослужебныхъ рукописей, разбросанныхъ во многихъ библіотекахъ христіанскаго Запада и Востока коими занимались Алляцій, Лямбецій, Фабрицій, Монфоконь, кардиналъ Борроветъ, епископъ Мартинъ Гербертъ, преосвященный Порфирій (Успенскій) ¹³⁴⁾. Лямбецій, Монфоконь, Гербертъ указываютъ въ Вѣнскаго библіотекѣ рукопись Иоанна Кукузеля, безъ указанія, одна-коже, ея вѣка, съ заглавіемъ: „Βιβλίον σὺν Θεῷ ἁγίῳ περιέχον τὴν ἄβασαν ἀκολουθίαν τῆς ἐκκλησιαστικῆς τάξεως συνταχθεῖσαν παρὰ τοῦ μαίστωρος κύρου Ἰωάννου τοῦ Κουκουζέλη“. Гербертъ приводитъ другое названіе той же рукописи, или, можетъ быть, разумѣеть рукопись другую, съ заглавіемъ: „ἀκολουθία συντεθέμενη παρὰ μαίστωρος κύρου Ἰωάννου τοῦ Κουκουζέλη ἀπ' ἀρχῆς τοῦ μεγάλου ἐσπερίνου μέχρι καὶ τῆς συμπληρώσεως τῆς θείας λειτουργίας“. Та и другая рукопись содержитъ полный чинъ службы, вечерни, утрени и литургии. Въ Московской Синодальной библіотекѣ (cod. 349 — 336) находятся „Τροπάρια ψαλλόμενα εἰς τὴν Θεώτοκον, ποίημα κύρου Μανού ηλ τῶν Ραββάτου, τὸ δε μέλος τῶν Κουκουζέλη“. ¹³⁵⁾ Преосвященный

¹³⁴⁾ Въ Императорской публичной б-кѣ, по указанію Пападопуло-Керамевса въ вышеупомянут. статьѣ, находятся греческія пѣвческія ркп. византійскаго письма: № 360, 1177 г., № 439, 1236 г., 364, 1242 г., 368, 1299 г., 121, 1301 г., 371, 1309 г., 366, 1321 г., 441, 1333 г., 440, 1374 г., 436, 1376 г., 442, 1434 г., 126, 1489 г., 443, 1575 г., 499, 1674 г., 500, 1689 г., 135, 1699 г., 139, 1752 г., 501, 1754 г., 444, 1780 г., затѣмъ XII-го в.: № 227, 229, 230, 254, 256; XIII в.: 365, 367, 369, 427; XIV в.: 494, 425; XV в.: 40 (?), 493, 126, 497, 435; XVI в.: 496, 136; XVII в.: 193, 498, 137, 188; XVIII в.: 132, 133, 130, 203, 134, 239.

¹³⁵⁾ Описан. греч. ркп. архим. Владиміра № 431, Сборникъ XV—XVI в. *Δρασίον τῶν Βατοπαίδιον*.

Порфирій имѣлъ въ рукахъ „Εἰρημολόγιον περιέχον ἄβασαν ἀκολουθίαν. Μέλος Ἰωάννου μονάχου τοῦ Δαμασκηνοῦ“, съ подписью въ концѣ „ἡεῖρ Ἰω Παπαδόλα τοῦ Κουκουζέλη“, оконченныхъ въ 1309 г. рукою Ирины, дочери каллиграфа Теодора ¹³⁶⁾. Тотъ же ученый археологъ указываетъ кратиматы Иоанна Кукузеля Ватопедскаго монастыря, въ позднѣйшемъ спискѣ 1434 года, стихирарь Синайскаго—Джувантійскаго монастыря, писанный въ правленіе Иоанна Палеолога (1425—48), въ библіотекѣ Константинопольскаго археологическаго Института находится греческая рукопись Давида Редестина 1433 г., принадлежавшая, по сообщенію епископа Порфирія, Аѳонской Пантократорской библіотекѣ ¹³⁷⁾. Болѣе позднія розысканія въ области пѣвческихъ рукописей увѣнчались значительнымъ успѣхомъ: найдены — Стихирарь XII в. № 81 б—ки Бачково, въ Болгаріи на пергаментѣ, и Стихирарь 1281 г. на бомбицинѣ, Минея за Сентябрь и Октябрь Метеха Иерусалимскаго 1343 г. № 648, Стихирарь б-ки Константинопольскаго патріарха 1393 г., Синодикъ ц. Бориса XIV в. Софійской б—ки № 83, Стихирарь XIV в. б-ки Бачково, въ Болгаріи, № 4, Ирмологъ XIV в. № 79, Ирмологъ того же в. № 80, Стихирарь (или *δοξαστάριον*) б—ки Метеха Иерусалимскаго XII в. № 270 ¹³⁸⁾. Въ рукописяхъ синайскихъ и аѳонскихъ позднихъ годовъ (XV—XVI и XVII вв.), по словамъ преосвященнаго Порфирія, встрѣчаются многія стихиры кратиматы, анаграматисмы, терентисмы, асматикки, акаѳисты, то съ именемъ Иоанна Кукузеля, то болѣе всего, съ именемъ Корони, то, меньше другихъ, съ именемъ Иоанна Лампадарія. Въ XIII в. болѣе другихъ извѣстны, какъ сочинители мелодій Иоаннъ Гликисъ, Мануиль Хризафа, писавшій аллилуаріи, Михайлъ Анеоть, писавшій кондакари (ркп. Мюнхенской библіот.), сочиненія которыхъ извѣстны въ позднихъ спискахъ. Преосвященный Порфирій указываетъ стихирари XIII в. и декабрьскую минею (на бомбицинѣ) XIII в. въ Аѳонскомъ Симонопетрскомъ монастырѣ ¹³⁹⁾ и 2 стихираря

¹³⁶⁾ Порфирій, приложенія ко 2 части Перваго путешествія М. 1881, стр. 72.

¹³⁷⁾ Ibid. Стр. 73—77. См. также Тибо (Thibaut) „La musique byzantine et le chant des modernes“ въ „Echo d'Orient“, II, 1898.—а также того же автора „Etude sur la musique byzantine. La notation de St. Jean Damascene ou Hagiopolite“ въ „Извѣстіяхъ археологическаго Института въ Константинополѣ“, III, Софія. 1898.

¹³⁸⁾ Свѣдѣнія о рукописяхъ этихъ у Тибо (Thibaut), въ статьѣ Etude de musique byzantine. La notation de St. Jean. Demascene ou Hagiopolite, pp. 140—141, помѣщены въ „Извѣстіяхъ русскаго археологическаго Института въ Константинополѣ“. III. Софія. 1898.

¹³⁹⁾ Первое путеш. ч. I, отд. 2, стр. 144.

Аеонскаго Ватопедскаго монастыря, одинъ 1292 г., другой 1299 г., писанный монахомъ Даниломъ Ахрадомъ¹⁴⁰⁾. Въ Синодальной Московской б-кѣ находится пѣвческая Трїодь XII—XIII в. № 282—17—ССVIII и церковный уставъ съ нотными стихирами, на бомбицинѣ, датированный 1297-мъ годомъ. Въ б-кѣ Синодальнаго училища замѣчательнъ стихирарь, на пергаменѣ, XII—XIII в., вывезенный изъ Палестины архимандритомъ Антониномъ № 119. Къ XII-му вѣку относится указываемая Монфокономъ въ Парижской библиотекѣ Ноябрьская миней, писанная монахомъ Предтечева монастыря, близъ Аэтіева водоема, (студійскаго), Θεοκτιστομъ, по порученію настоятеля Максима, въ 1127 г.¹⁴¹⁾ и, указывая Лямбеціемъ въ Вѣнской библиотекѣ, апрѣльская миней Θεοκτισта¹⁴²⁾. Преосвященный Порфирій отмѣчаетъ двѣ миней за Сентябрь и за Мартъ, XII в. въ Симонопетрскомъ монастырѣ Аеонскомъ¹⁴³⁾ и двѣ трїоди, постную и цвѣтную XII-го в., въ Аеонскомъ Ватопедскомъ монастырѣ¹⁴⁴⁾. О всѣхъ этихъ рукописяхъ должно полагать, что онѣ византійскаго письма, а не восточнаго греко-сирійскаго¹⁴⁵⁾.

Къ XI-му вѣку нашъ усерднѣйшій розыскатель нотнопѣвческихъ рукописей въ книгохранилищахъ Аеона и Синая, преосвященный Порфирій относитъ, извѣстную ему, только одну рукопись—Ирмологъ Есфигменскаго Аеонскаго монастыря, о которомъ онъ выразительно замѣчаетъ: „Эта церковная книга весьма замѣчательна, и по старинѣ, и по рѣдкости своей, и по особенностямъ пѣвческихъ знаменій, нимало не походящихъ на нынѣшнія ноты грековъ, и по указанію именъ сочинителей ирмосовъ“¹⁴⁶⁾.

¹⁴⁰⁾ Первое путеш. ч. II, отд. 2, стр. 86—88.

¹⁴¹⁾ Montfaucon, Palaeographia graeca, Parisiis, 1708, pp. 93. 304—305.

¹⁴²⁾ Филар. Черниг. Обзоръ, стр. 314—318.

¹⁴³⁾ Порф. Перв. путеш. ч. I, отд. 2, стр. 143—144.

¹⁴⁴⁾ Порф. Перв. путеш. ч. II, отд. 2, стр. 85.

¹⁴⁵⁾ Здѣсь кстати отмѣтить, что принятое у Тибо и повторяемое К. Пападопуло-Керамевсомъ наименованіе этого рода симіографіи дамаскинскою (или іерусалимскою-агиополита) не соответствуетъ дѣйствительности, такъ какъ эта симіографія исключительно византійскаго происхожденія и принадлежитъ византійскимъ рукописямъ, а не русскимъ и греко-восточнымъ, и если въ ркп. Парижской б-ки „Святоградецъ“ (*Ἁγιοπολίτης*) эта симіографія соединяется съ именемъ І. Дамаскина и Космы Мьюмскаго, то вѣдь, надо помнить, что сама-то ркп. писана въ XIV в., когда именемъ І. Д. можно было санкціонировать и весь чинъ богослужбенаго пѣнія восточной церкви, да и уставъ дѣйствовалъ уже іерусалимскій, вытѣснивъ собой прежній студійскій, поддерживавшій пѣніе византійское.

¹⁴⁶⁾ Порф. Перв. путеш. ч. II, отд. 1, стр. 381. Прилож. къ 2 отд. III ч. стр. 36.

Къ X-му же вѣку тотъ же ученый относитъ также одну рукопись—Синайскій стихирарь, писанный domestикомъ Стефаномъ монахомъ Предтечева монастыря, въ 999 г.¹⁴⁷⁾. Однакоже позднѣйшій изыскатель въ области древнѣйшихъ греческихъ пѣвческихъ рукописей X—XI вв. А. Пападопуло-Керамевсъ относитъ къ этому времени еще 3 рукописи, не указывая, какія¹⁴⁸⁾. Къ X—XI вв. относятъ греческую пѣвческую Трїодь, найденную въ Болгаріи, въ церкви св. Климента, въ Охридѣ, извѣстнымъ археологомъ Θ. И. Успенскимъ и находящуюся въ библиотекѣ Константинопольскаго археологическаго Института¹⁴⁹⁾. Но всѣ эти рукописи X—XI вв., какъ отмѣченныя въ перечнѣ Смоленскаго, Тибо и К. Пападопуло-Керамевса—письма невизантійскаго, а греко-сирійскаго¹⁵⁰⁾.

Рукописей греческихъ нотнопѣвческихъ IX в. ученые библиографы и археологи не указываютъ, почему этому вѣку пришлось бы отказать въ появленіи такихъ рукописей, если не согласиться отнести къ этому именно вѣку вышеупомянутыя рукописи Миланской и Туринской библиотеки, приписываемыя самому Іоанну Дамаскину († 776), и пѣвческій Октоихъ IX или X в. Халкинской б-ки № 9, о которомъ однако нѣкоторые (А. Пападопуло-Керамевсъ) думаютъ, что онъ скорѣе конца XII или даже начала XIII в.¹⁵¹⁾.

¹⁴⁷⁾ Порф. Перв. путеш. ч. II, отд. 1, стр. 382, прилож. въ 2 отд., II ч. стр. 36. Гербертъ указываетъ двѣ греческихъ нотныхъ рукописи въ Вѣнской библ. и относитъ одну къ X-му, другую къ XI-му вѣку.

¹⁴⁸⁾ Въ статьѣ „*Byzantinische ecclesiastische musikalische Schriftstücke*“ (Byzantinische Zeitschrift, 1899, VIII, I, σ. 112), онъ говоритъ объ ирмологіяхъ „*ἐν ὑμῶν μεταξὺ πολλῶν χιλιάδων κώδικων τρία καὶ μὴνα ἕδρον ἄχρι τοῦδε καὶ ταῦτα τῆς 10 — ἡς ἐκατομταστηρίδος*“.

¹⁴⁹⁾ Тибо (Thibaut) „*Etude de musique byzantine. La notation de St. J. Damascene*“ въ Извѣстіяхъ русскаго археологическаго Института въ Константинополь. III. Софія. 1898. Снимокъ 4-й.

¹⁵⁰⁾ Это письмо абб. Ж. Тибо называетъ византійскимъ, повидимому, только потому, что, кромѣ грековъ, оно находится и у русскихъ, а русскіе приняли—де богослужбное пѣніе изъ Византіи. Но всѣ наши предыдущія и послѣдующія разсужденія по этому вопросу не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта симіографія не византійская, а греко-восточная, напр. греко-сирійская, совершенно не употребительная въ Византіи, и какъ таковая, очевидно, ведетъ свое начало съ греческаго востока и, косвенно, отъ І. Дамаскина, почему и ближе всего имѣетъ право именоваться дамаскинскою.

¹⁵¹⁾ Конст. Пападопуло-Керамевсъ. „Происхожденіе нотнаго музыкальнаго письма у сѣверныхъ и южныхъ славянъ по памятникамъ древности, преимущественно византійскимъ“. Вѣстникъ Археологіи и Исторіи. 1906, вып. XVII, с. 151. прим.

Такимъ образомъ вѣка, современные началу славянской церкви и богослуженія, IX-й и X-й, должны быть отмѣчены, какъ самые бѣднѣйшіе въ церковно-пѣвческой письменности византійской, по сравненію съ вѣками послѣдующими, XI-мъ и XII-мъ и особенно XIII-мъ и XIV-мъ.

Здѣсь снова навязчиво возстаетъ вопросъ, однѣ-ли внѣшнія историческія причины, пожары, погромы, дорогой матеріаль, недостатокъ переписчиковъ и т. п., были причиною малой сохранности доннынѣ древнихъ пѣвческихъ богослужебныхъ рукописей греческихъ, и не было-ли, напротивъ, болѣе причинъ внутренняго свойства и характера.

Естественнѣе всего здѣсь сдѣлать тоже заключеніе, какъ и при сужденіи о первоначальномъ богослужебномъ пѣніи славянскихъ церквей и современныхъ латинскихъ церквей на Западѣ,— что до IX-го вѣка въ византійской церкви богослужебное пѣніе совершалось не по нотнымъ пѣвческимъ книгамъ, а изустно, по наслышкѣ и по традиціи, и, въ частности, по пѣвческимъ хирономическимъ знакамъ, возникновеніе которыхъ изъ псалмодическихъ просодійныхъ знаковъ и введеніе въ пѣвческую практику, какъ видѣли, должно быть относимо ко времени не позже V-го вѣка. Въ виду особаго характера хирономического, воздушнаго письма, совершенно независимаго отъ писчаго матеріала, нѣтъ возможности прослѣдить развитіе, измѣненія, сокращенія и осложненія хирономическихъ знаковъ съ того момента, когда псалмодическіе просодійные знаки были впервые приняты, какъ знаки хирономіи, и до той поры, когда эти знаки впервые были записаны на писчемъ матеріалѣ, какъ напр.: въ кондакаряхъ и рукописяхъ византійскаго письма и руководствахъ, подъ именемъ великихъ знаменій, какъ особый способъ симіографіи, породившій на христіанскомъ Востокѣ симадійное и на Западѣ невматическое письмо. Представляется лишь возможнымъ, пропустивъ четырехвѣковой періодъ времени существованія и развитія хирономіи (V—VIII) въ пѣвческой традиціи и практикѣ, остановить вниманіе на предѣльныхъ моментахъ ея существованія, въ началѣ и въ концѣ, съ одной стороны на предшествующей ей псалмодіи и просодіи, съ другой — на пѣвческой симіографіи и здѣсь, если угодно, искать связи и соотношенія между ними, при желаніи установить правильную точку зрѣнія на пѣвческое письмо, его исторію и значеніе для богослужебныхъ напѣвовъ ¹⁵²⁾.

¹⁵²⁾ Въ концѣ нашего изслѣдованія, при помощи новѣйшихъ данныхъ мы попытаемся, однакоже, нѣсколько уяснить вопросъ о сущности и харак-

Глава VI.

Вопросъ о просодіи и псалмодіи въ связи съ вопросомъ о хирономіи и пѣвческой симіографіи.

Что же именно представляла собою псалмодія и просодія, легшія въ основаніе пѣвческаго симіографическаго письма, симадійнаго и невматическаго? Просодія (*προσῳδία*, *accentus—adcan-tus*) собственно значитъ припѣваніе, въ отличіе отъ чтенія монотоннаго, сплошнаго, рецитируемаго на одной высотѣ, однимъ тономъ. По смыслу слова, просодія значитъ повышеніе и пониженіе голоса и тоновъ по сравненію съ монотоннымъ произношеніемъ словъ на одной высотѣ и въ этомъ смыслѣ есть припѣваніе къ чтенію, речитативу, и знаки просодіи, поэтому, суть знаки припѣванія въ чтеніи. Припѣваніе, по самой природѣ своей можетъ быть, или какъ повышеніе, обостреніе голоса (*προσῳδία οξεῖα*) противъ средняго тона (*μέση χορδα*), или какъ пониженіе, углубленіе голоса (*προσῳδία βαρεῖα*), или какъ повышеніе и пониженіе вмѣстѣ (*προσῳδία περιπλομένη*). Еще Аристотель (IV в. до Р. X.) объяснялъ: *προσῳδία ἐστὶ ὁ τόνος πρὸς ἂν ἔδομεν καὶ τοὺς λόγους ποιοῦμεθα*; Квинтиліанъ (ок. 80 г.), подъ вліяніемъ его, выражался: *Accentus proprie est cantus seu tonus, secundum quem aliquid canitur seu vox inflectitur, idem quod Graeci προσῳδίαν vocant*. Діонисій Θракіійскій опредѣляетъ это припѣваніе, просодію или тонъ слѣдующимъ образомъ: *Τόνος ἐστὶ φωνῆς ἀπλήρησις ἐναρμονίον ἢ κατὰ ἀνάστασιν ἐν τῇ ὀξείᾳ ἢ κατὰ βασιλοῦν ἐν τῇ βαρεῖᾳ ἢ κατὰ περίκλασιν ἐν τῇ περιπλομένη* ¹⁵³⁾. Эти знаки назывались *σώματα* въ отличіе отъ *πνεύματα* (придыханія), которыя различались, какъ *προσῳδία δασεῖα* (густое) и *προσῳδία ψηλή* (тонкое), сообщавшія тону, повышенію или пониженію, гортанный, густой, или небный, мягкій характеръ. Какъ *σώματα* выражали собою положеніе тона (*θέσις*), такъ *πνεύματα* отмѣчали его силу (*δύναμις*). Существовали, кромѣ того, еще знаки, указывавшіе продолжительность (*χρόνος*) тона, повышенія и пониженія, это — *προσῳδία μακρά* (долгій слогъ) и *προσῳδία βραχεῖα* (короткій слогъ). Эти семь основныхъ элементовъ тона (*τόνος*) и составили собою семь основныхъ элементовъ просодіи, выражае-

терѣ хирономическихъ знаковъ, опираясь, главнымъ образомъ, на изысканія Флейшера и аббата Тибо.

¹⁵³⁾ „Griechische Paleographie“ von V. Gardthauten. Leipz. 1899. S. 282.

мыхъ посредствомъ извѣстныхъ семи знаковъ: $\delta\acute{\xi}\epsilon\iota\alpha$ / , $\beta\alpha\rho\epsilon\iota\alpha$ \ , περισπωμένη ~ , $\delta\alpha\sigma\epsilon\iota\alpha$ | и \subset , $\psi\eta\lambda\acute{\eta}$ ⊣ и \cup , $\mu\alpha\kappa\rho\acute{\alpha}$ — , $\beta\rho\alpha\chi\epsilon\iota\alpha$ U .¹⁵⁴) . Впослѣдствіи къ нимъ присоединены были еще три знака для обозначенія выразительности ($\lambda\acute{\alpha}\theta\eta$)— $\acute{\alpha}\lambda\omicron\sigma\tau\rho\omicron\phi\omicron\varsigma$ ∩ , для сокращенія словъ, $\acute{\upsilon}\phi\acute{\epsilon}\nu$ U , для слиянія, и ($\acute{\upsilon}\lambda\omicron$) $\delta\iota\alpha\sigma\tau\omicron\lambda\acute{\eta}$ ∩ , для раздѣленія. Епифаній (IV в. въ сочиненіи *περὶ μετρῶν καὶ σταθμῶν*) говоритъ: *ἐπειδὴ δὲ τινες κατὰ προσφθίαν ἐστιζαν τὰς γραφὰς καὶ περὶ τῶν προσφθίων τότε ὀξεῖα / , δασεῖα | , βαρεῖα \ , ψηλὴ ⊣ , περισπωμένη ~ , ἀλόστροφος ∩ , μακρὰ — , ὑφέν U , βραχεῖα U , ὑποδιαστολὴ ∩*¹⁵⁵) . Сходные знаки по начертанію различались между собою по положенію въ текстѣ, апострофъ писался вверху послѣ слова, диастоли—внизу послѣ слова, псили—вверху въ началѣ слова; врахія—вверху слова, ифенъ—внизу¹⁵⁶) . Таковою просодія была у грамматиковъ съ древнѣйшихъ временъ до VII-го вѣка, когда впервые встрѣчаемся съ нею въ манускриптахъ, содержащихъ псалмодическое чтеніе текста священнаго писанія въ этихъ знакахъ, и ранѣе другихъ въ манускриптѣ Codex Ephremi Syri Rescriptus, Парижской библиотеки № 9-й, относимомъ съ увѣренностію ко времени не позже VII-го вѣка¹⁵⁷) , а затѣмъ къ VIII, IX и X вв., но нѣсколько въ измѣненномъ уже видѣ, и по начертанію, и по наименованію, и по своему значенію, такъ какъ знаки эти занимаютъ уже мѣста въ текстѣ иныя, чѣмъ это было въ просодіи и нерѣдко наряду съ просодійными знаками. Монфоконь, ссылаясь на кодексы Reginus и Colbertinus (VII в.), утверждаетъ, какъ несомнѣнное — scriptumque septimo circiter saeculo, quo accentus et spiritus annotari coeptum

¹⁵⁴) Гардтгаузенъ, *op. cit.*, говоритъ, что ⊣ и его видоизмѣненіе ⊣ , употребляются еще въ датированныхъ манускриптахъ 1057 и 1066 г.г., но отъ начала XII в. господствуютъ теперешнія круглыя формы $\delta\alpha\sigma\epsilon\iota\alpha$ и $\psi\eta\lambda\acute{\eta}$, *Op. cit.* s. 281, 286. О томъ же см. „Handbook of greek and latin Palaeographie by Edward Maunde Thompson, sec. ed. London, 1894, p. p. 71—72.

¹⁵⁵) Gardthausen, „Griechische Palaeographie“ Leipzig, 1889, s. 282. Эти *δέκα προσφθίαι* приписываются обыкновенно Аристофану Византійцу, какъ изобрѣтателю ихъ. Thompson, *op. cit.* p. 71; Gardthausen, *op. cit.*, s. 274.

¹⁵⁶) Порфирій. Первое путешествіе, ч. II, отд. 1-е, стр. 371. Fleischer Neumen-Studien, Th. I, s. 62. Gardthausen, *ibid.* S. 282.

¹⁵⁷) О немъ Omont, Inventaire sommaire de la Bibl. Nationale, p. 2, Tischendorf, Codex Ephremi Syri Rescriptus, 1845.

est¹⁵⁸) . Знаки для чтенія—просодійные палеографы, Монфоконь и Гардтгаузенъ встрѣчали только въ рукописяхъ не ранѣе IX-го вѣка¹⁵⁹) . Ваттенбахъ въ своей Палеографіи даетъ снимки съ знаками чтенія только съ рукописей не ранѣе X-го вѣка¹⁶⁰) . Въ послѣднее время аббатъ Тибо далъ снимки съ четырехъ ркп. еванг. не ранѣе IX и X вв.¹⁶¹) . Синодальная библиотека располагаетъ рукописями этого рода не ранѣе X-го вѣка, Въ греческой синайской рукописи евангелія X-го вѣка, бывшей въ рукахъ преосвященнаго Порфирія, просодійные, точнѣе, специально псалмодическіе знаки исчисляются въ количествѣ, наименованіяхъ и начертаніяхъ слѣдующихъ: $\delta\alpha\sigma\epsilon\iota\alpha$ | , ($\acute{\upsilon}$) $\psi\eta\lambda\acute{\eta}$ ⊣ , $\mu\alpha\kappa\rho\acute{\alpha}$ — , $\beta\rho\alpha\chi\epsilon\iota\alpha$ U . , $\delta\acute{\xi}\epsilon\iota\alpha$ / , $\delta\acute{\xi}\epsilon\iota\alpha$ *διπλή* // , $\beta\alpha\rho\epsilon\iota\alpha$ \ , $\beta\alpha\rho\epsilon\iota$ *διπλή* ≡ , *συρματικὴ* (просодійная *περισπωμένη*) ~ , $\acute{\alpha}\lambda\omicron\sigma\tau\rho\omicron\phi\omicron\varsigma$ ∩ , $\acute{\alpha}\lambda\omicron\sigma\tau\rho\omicron\phi\omicron\varsigma$ *δίπλος* ∩∩ , *συναίμβα* (просодійный *ὑφέν*) U ($\acute{\upsilon}\lambda\omicron$) $\delta\iota\alpha\sigma\tau\omicron\lambda\acute{\eta}$ ∩ , *κεντήματα* (въ значеніи *μακρὰ*), . . . , *ὑπόκρισις* (въ значеніи $\acute{\alpha}\lambda\omicron\sigma\tau\rho\omicron\phi\omicron\varsigma$) ≡ или ≡≡ , *κρεμαστή* ∩ , *καθιστή* ∩ , $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\omicron\omega$ ρ , $\xi\acute{\xi}\omega$ ∩ , *παρακλιτικὴ* M , *τελεία* + .¹⁶²) . Окончаніе

¹⁵⁸) Montfaucon, „Palaeographia graeca“. Parisiis, MDCCIII, p. p. 215. 216. 220. 229.

¹⁵⁹) Гардтгаузенъ говоритъ, *op. cit.*, s. 291. „Es ist schwer zu sagen, wann sich dieses System ausgebildet hat die ersten sicheren Spuren in einer datirten Handschrift von 835 und ebenso in Uncialhandschriften des zehnten Jahrhunderts bei Montfaucon Pal. gr. p. 234, II und 260 und in cod. Harl. 5589 vom Jahre 995. Sabas gibt zwei Proben von 1055 und 1116“. Монфоконь даетъ образцы изъ рукоп. VIII—IX в. на стр. 234 и изъ рукоп. IX—X в. на стр. 260. „О послѣдней замѣчаетъ, что она имѣетъ русскія помѣтки и была въ рукахъ русскихъ. Dom Antonio Staerk, издатель „des Manuscrits latines du V au XIII siecle conservés a la bibliotheque imperiale de Saint — Petersbourg“, MCMX, отмѣчаетъ Codex aureus purpureus Q. V. I. № 11, который онъ относитъ къ VI—VII вв., а палеографы Dom Toustain и Dom Tassain еще раньше, ко времени Хлодвига I (+ 481) и Codex Q. V. I. № 2, относимый къ V-му вѣку и ретушированный въ VII или VIII в. съ знаками, приписанными въ послѣднемъ манускриптѣ въ VII в., а въ первомъ, повидимому, современными самому манускрипту.

¹⁶⁰) Wilhelm Wattenbach „Schrifttafeln zur Geschichte der griechischen Schrift und zur Studium der griechischen Palaeographie“. Berlin. 1876. См. I Abtheilung, Tafel VIII, a Tafel XIV скорѣе всего XI-го вѣка.

¹⁶¹) Извѣстія русск. археолог. Инстит. въ К-лѣ. III. Софія 1898, въ статьѣ „Etude de la musique bysantine“, 4 снимка въ концѣ, изъ коихъ древнѣйшій по оригиналу съ код. № 62 6-ки Пантелеимоновск. Аѳонск. м-ря, затѣмъ код. Тубини и 6-ки Фанары № 649 и 272.

¹⁶²) Порфирій. Первое путешествіе, ч. II, отд. 1, стр. 366—367. Fleischer, Neumen—Studien, Th. I, S. 72. 75. Порфирій. II-й ч., 1-го отд. приложение 1-е.

наименований большей части этих знаков на η и α въ значеніи прилагательныхъ заставляють подразумѣвать здѣсь за ними существительное, которымъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть иное, какъ *προσφῶδια*. Эти знаки равномерно употребляются какъ въ манускриптѣ VII вѣка Ephremi Syri¹⁶³), такъ и въ Изборѣ евангельскомъ (по Порфирію) VIII в. (манускриптъ будто писанный Θεοδοσίῳ III, 714—15 г.), такъ и въ кодексѣ Мессинской библиотеки IX в. (по Флейшеру)¹⁶⁴), такъ и въ Синайскомъ евангельскомъ Изборѣ X-го в. (по Порфирію 967 г.¹⁶⁵), такъ равно и въ Профитологѣ X-го в. Солунскаго монастыря, именуемаго Влантіонъ-Чаушъ¹⁶⁶), а также въ открытой недавно Пападопуло-Керамевсомъ ркп. Лесбосской б-ки, X — XI в., ркп. Пантелеймоновскаго Аѳонскаго м-ря, VIII—IX в. и въ ркп. Тубини X в.¹⁶⁷). Что эти просодійные знаки, составившіе собою въ дополненномъ и усовершенствованномъ видѣ псалмодійное письмо для чтенія священнаго текста на распѣвъ, — они именно послужили для хирономіи, пѣвческаго вещественнаго нотнаго, симадійнаго и невматическаго письма, ясно слѣдуетъ изъ того, что въ византійскомъ нотномъ письмѣ средневѣковомъ и даже современномъ удержались тѣ же знаки, съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями, частію въ начертаніяхъ, частію въ названіяхъ. Тамъ есть *ὀξεῖα*, *βαρεῖα* и *ἀπόστροφος* съ тѣми же начертаніями и названіями, *συρατικῆ* при томъ начертаніи именуется *ἐλαφρόν*, *μακρὰ—ὀλίγον*, *βραχεῖα—πετασθῆ*, *διαστολή—τξάμιση*, *δαεῖα* и *ὑψηλή* — съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ начертаніи, *γοργόν* и *ἀργόν*, *τελεῖα* именуется при томъ же начертаніи *σταῦρος*, *κεντήματα*, при томъ же названіи имѣетъ другое начертаніе \parallel , *παρακλιτικῆ*—при томъ же начертаніи и наименованіи, и другіе сходные по начертанію знаки. Родство и сходство псалмодическихъ знаковъ времени съ VII-го по X-й вѣкъ несравненно ближе съ пѣвческими византійскими нотными знаками ближайшихъ къ нимъ вѣковъ, XI, XII, XIII, чѣмъ съ таковыми же позднѣйшихъ вѣковъ,

¹⁶³) Порфирій, Первое путешествие, ч. II, отд. 1, стр. 378. Ambros, Geschichte der Musik, Band. II, S. 100. Thibaut, Origine Byzantine de la notation neumatique, Paris, 1907, tab. I.

¹⁶⁴) Fleischer, Neumen-Studien, Th. I, S. 70.

¹⁶⁵) Порфирій, *ibid.* стр. 375. 377.

¹⁶⁶) Порфирій, *ibid.* стр. 377.

¹⁶⁷) У Тибо, Byzantinische Zeitschrift, 1899, VIII и Origine Byzantine de la notation neumatique, Paris, 1907, Tab. II и III, а также цитов. выше „Извѣст. р. арх. Инст.“ 1898, III.

особенно со времени преобразования греческой симіографіи Петромъ Пелопонезскимъ, Лампадаріемъ (около 1770 года) и Хрисанѳомъ Мадитомъ, еп. Диррахійскимъ (Прусомъ, около 1814 года) въ томъ ея видѣ, какъ она излагается въ лучшихъ руководствахъ греческихъ, какъ у Фокаевса въ „*Μουσικὸν ἐγκόλλιον*“ 1879 г.)¹⁶⁸). Уже Кукузелевская симіографія (начала XIV в.) въ приписываемомъ ему сочиненіи Вѣнской библиотеки „*Τέχνη ψαλτικῆ καὶ σημάδια ψαλτικὰ μετὰ πάσης χειρονομίας*“, какъ видно изъ снимковъ Мартина Герберта (De cantu et musica sacra t. II, tabb. VI, VII, VIII, IX, X) представляетъ собою значительныя отклоненія отъ первоначальныхъ типовъ просодійныхъ псалмодическихъ знаковъ, значительныя ихъ видоизмѣненія и осложненія, а также и введеніе многихъ знаковъ новыхъ, что вѣроятно требовалось, и развитіемъ и осложненіемъ самага византійскаго церковнаго пѣнія того времени, и стремленіемъ пѣвцовъ къ изысканности и искусственности исполненія и сочиненія пѣсноупѣній. Дальнѣйшее видоизмѣненіе византійской симіографіи было результатомъ вполнѣ естественнаго ея развитія до позднѣйшихъ временъ и обусловливалось требованіями пѣвческой практики и условіями времени¹⁶⁹).

Предшествующія соображенія достаточно выясняютъ родство и сходство псалмодическихъ знаковъ съ пѣвческими симадійными, а тѣхъ и другихъ съ раннѣйшими ихъ по времени знаками просодійными. Обозрѣвъ пѣвческіе симадійные знаки по разнымъ старымъ теоріямъ и руководствамъ рукописнымъ, преосвященный Порфирій говоритъ: „Замѣчательно, что въ этихъ теоріяхъ нѣтъ названій пѣвческихъ знаковъ — *μεῖα*, *καυστῆ*, *ιποκρισισ*, *κρε-*

¹⁶⁸) Ученый грекъ Dr. Johannes Tzetzes (Ueber die altgriech. Musik. M. 1874, S. 8) говоритъ, что коммиссія 1814 г. недостаточно компетентная избрала изъ 64 знаковъ старой семантики 20, но, по его мнѣнію „Dieses System ist jedoch von dem älteren grundverschieden und hat mit jenem absolut nichts Gemeinschaftliches. Denn die ausgewählten und von dem ältern System entlehnten Zeichen haben in diesem ausgebildeten noch heute in der griechischen Kirche gebräuchlichen Notirungssystem eine ganz andere Bedeutung“. Эти 64 старыхъ знака, по автору, имѣли преимущественно хирономическое значеніе. „Vier und sechszig Zeichen, deren sie sich zur Notirung bedient gegen nicht nur bestimmte Intervalle, sondern auch die *χειρονομία* und *ἀκολουθία* Rhythmus und Begleitung (S. 10). Съ послѣднимъ толкованіемъ этихъ двухъ словъ съ авторомъ согласиться однакоже нельзя, такъ какъ *χειρονομία* имѣетъ опредѣленное совершенно установившееся значеніе воздушнаго пѣвческаго письма.

¹⁶⁹) Полное изложеніе современной греческой симіографіи Фокаевса, „*Μουσικὸν ἐγκόλλιον*“, 1879, а также Bourgault-Ducoudray „*Etudes sur la musique ecclesiastique grecque*“. Paris. 1877.

мастѣ, апесо, ексс. Откуда же они взяты для надписыванія на Профитологахъ и Изборахъ? Откуда взяты всѣ знаки греческаго пѣнія, то есть, изъ грамматики и просодіи¹⁷⁰⁾. Обозрѣвъ, затѣмъ, псалмодическіе знаки, тотъ же изслѣдователь замѣчаетъ о нихъ: „Итакъ явно, что всѣ эти знаки взяты изъ грамматики и просодіи. Они же самыя видятся и въ пѣвческихъ книгахъ грековъ, какъ то: въ октоихахъ, ирмологахъ, мөөиматоріяхъ и проч., но съ тою разницею, что въ Профитологахъ и Изборахъ, читаемыхъ на распѣвъ, они просты по виду своему и разнообразны, а въ оныхъ книгахъ многосложны и разнообразны такъ, что одинъ знакъ читальный удвоенъ, утроенъ, два—три знака читальные соединены въ одинъ знакъ пѣвческій. Въ нотныхъ книгахъ греческихъ усматривается и *телли*, *кавистѣ*, *ипокрисисъ*, *кремастѣ*, *апесо*, *ексо*, но только названы иначе, не знаю, почему“¹⁷¹⁾. Ученый аббатъ Тибо приводитъ наименованія и начертанія псалмодическихъ знаковъ по рукописи, найденной Паладопуло-Керамевсомъ въ Лесбосской б-кѣ (№ 38), въ статьѣ „Etude de musique byzantine. Le chant ekphonétique“: *Οξεία προς οξείαν, βαρίαί βαρίαί, καθιστά καθιστά, ουρατική ε τελεία, παρακλητική ε τελεία, ύπόκρισις ύπόκρισις, κρεμαστά κρεμαστά, άλέσω έξω, οξεία και τελεία, κεντήματα κεντήματα, άπόστροφος άπόστροφος, συνέμβα και τελεία, οξεία διπλαί, διπλαί βαρίαί, κεντήματα και άπόστροφος*¹⁷²⁾. Приведя эти знаки и сличивъ ихъ съ знаками просодіи, Тибо, привлекая въ союзники Варрона, съ его изреченіемъ „Musica, cuius imago prosodia“, высказываетъ полное убѣжденіе, что музыкальные знаки возникли единственно изъ знаковъ экфонетическихъ, по нашему изъ псалмодическихъ, изъ коихъ образовались затѣмъ и всѣ пѣвческія симіографіи. „En principe, les signes musicaux du chant ekphonétique empruntent leur forme semeiographique et parfois leur nom même aux anciens signes de prosodie“, говоритъ Тибо. Заключая статью онъ высказывается: „En dernière analyse, nous sommes amenes á conclure que la notation du chant ekphonétique des Byzantins fut la base et le fondement de tous les autres notations neumatiques dont se servirent les différentes confessions chrétiennes pour exprimer la mélodie de leurs

poesies religieuses et de leurs priers liturgiques“¹⁷³⁾. Насколько вѣскости въ этомъ сужденіи, мы уже отчасти видѣли въ предыдущихъ разсужденіяхъ о хирономіи. Но въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи: „Origine byzantine de la notation neumatique de l'Eglise latine“ (1907 г.), абб. Ж. Тибо, какъ основной тезисъ изслѣдованія, ставитъ такую формулу: „la notation neumatique de l'Eglise latine, comme celle de toutes les confessions chrétiennes primitives, tiré inderecètement son origine de la semeiographie ekphonétique des Byzantines,—elle n'est en soi qu'une simple modification de la notatione constantinopolitaine“,¹⁷⁴⁾ гдѣ утверждается, что всѣ христіанскія симіографіи берутъ начало свое изъ византійскихъ знаковъ экфонетическихъ, но не прямо. Въ этомъ есть уже значительныя уступки со стороны автора, который становится ближе къ истинѣ, не отстраняя хирономіи совершенно, но понимая ее вмѣстѣ съ Комбарье, какъ параллельную съ псалмодіей систему начертанія пѣвческихъ знаковъ, въ зависимости отъ голосовыхъ движеній напѣва¹⁷⁵⁾.

Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ исторіи просодіи и псалмодіи. О давности чтенія на распѣвъ (псалмодически) свидѣтельствуеетъ блаженный Августинъ († 430), который говоритъ въ бесѣдѣ на 138-й псаломъ: „Psalmum nobis brevem paraveramus, quem mandaveramus cantari a lectore, sed ad horam quantum videtur perturbatus alterum pro altero legit“. Въ менології X в. читается подъ 23 Декабря замѣчаніе: „εις την λειτουργίαν εὐαγγέλιον ᾄδεται καὶ ἀναγινώσκεται“¹⁷⁶⁾. Эти два свидѣтельства уполномочиваютъ къ заключенію, что псалмодія, какъ чтеніе на распѣвъ священнаго писанія, существовала не позже, какъ съ IV-го вѣка, особенно, если принять во вниманіе показаніе блаженнаго Августина объ Аѳанасіи Александрійскомъ, который заставлялъ пѣвца такъ исполнять псаломъ, ит pronuncianti viciniore esset, quam canenti—но и въ X-мъ вѣкѣ она была весьма распространеннымъ способомъ произношенія священнаго писанія въ греческой церкви, какъ это видно изъ кодекса Ефремова, Избора Θεодосіева, Избора Синайскаго, Профитолога Солунскаго. Гардтраузенъ (Griechische Palaeographie, s. 291) гово-

¹⁷⁰⁾ Порфирій, Первое путешествіе, ч. II, отд. 1, стр. 367. Ср. Филаретъ Черниговскій, „Историческій Обзоръ“, СПб. 1860, стр. 209.

¹⁷¹⁾ Порфирій, Первое путешествіе, ч. II, отд. 1, стр. 367, 368.

¹⁷²⁾ Точно также названы и обозначены эти знаки и въ евангелии синайскомъ X в., см. въ примѣчаніи I къ Первому путешествію преосвященнаго Порфирія, ч. II, отд. 1, стр. 506.

¹⁷³⁾ Byzantinische Zeitschrift. 1899. VIII. H. I. p. p. 122 — 147, v. p. p. 126. 128. 146.

¹⁷⁴⁾ Op. cit. Paris, 1907, p. p. 16—17.

¹⁷⁵⁾ Op. cit. p. 15. Combarieu „Essai sur l'archéologie musicale au XIX siècle“.

¹⁷⁶⁾ Филаретъ Черниговскій, Историч. обзоръ, стр. 209, примѣч. Scholz. De menologiis.

речь: „трудно сказать, когда эта система образовалась, но первые ее слѣды есть уже въ датированной рукописи 835 г. и въ унциальных отрывках X-го вѣка у Монфокона Pal gr. p. 234, II и 260 и въ код. Harl. 5389, 995 г.“. Въ палеографическихъ снимкахъ Саввы и въ самихъ датированныхъ греческихъ рукописяхъ, четвероевангелии—апракосъ 1055 г. (Синод. б-ки 15—43—XLIV и въ Паремійникѣ 1116 г. (Син. б-ки 8—485 — t. II, XXXI), времени Алексія Комнена, находимъ ясное и неопровержимое доказательство употребленія псалмодическаго чтенія священнаго текста Писанія по особой системѣ знаковъ псалмодіи и несомнѣнно тѣхъ же, которые были въ практикѣ и ранѣе, т. е. въ X, IX и VIII в.в., какъ это видимъ изъ снимковъ еп. Порфирія съ греческихъ Изборовъ, а также и въ VII в., какъ очевидно изъ снимковъ Ефремовскаго кодекса. Рукописи Синод. б-ки (10. 226 — t. II, XII, по указ. VIII в.), четвероевангелие, вѣроятно, ок. X—XI в., четвероевангелие (11. 42—XLIII, по указ. VIII в.), весьма сходное съ датированнымъ евангелистаріемъ 980 г. (у Гардтгаузена G. Palaeogr., s. 159), тоже ок. X в., четвероевангелие (12. 225 — t. II, XI, по указ. X в.), сходное съ Паремійникомъ, и вѣроятно X—XI в., содержать въ себѣ того же рода псалмодическіе знаки. Омонъ (Facsimiles d. m. gr. 1891) указываетъ лекціонарій 1055 г. (tab. XXII, p. 202), другой 1066 г. (t. XXXII, p. 147), третій 1133 г. (t. XLVI, p. 207—8, кардинала Мазарини) и четвертый 1204 г. (t. LI, p. 197, Кольберг.). Ваттенбахъ (Schriftafeln, 1876) указываетъ Берлинскій фрагментъ евангелистарія ок. X в. и Берлинскій минускульный евангелистарій ок. XI в., Тибо даетъ снимки съ греческихъ рукописей IX, X, XI в.в. Лесбосской, Пантелеимоновской и Константинопольской (Тубини) (Origine byzant. de la notat. neumatique, tabb. II, III, и извѣст. рус. археол. инстит. III). Знаки псалмодическіе во всѣхъ этихъ рукописяхъ одинаковы и по числу и по начертанію. Такой способъ рецитациі священнаго писанія, распространившись на греческомъ востокѣ и латинскомъ западѣ, преемственно перешелъ и къ славянскимъ церквамъ. Извѣстный доселѣ документъ этого рода—пергаменный листъ Купріяновскій изъ славянскаго юсоваго евангелія XI в., хранящійся въ Императорской публичной библиотекѣ, съ знаками:

+ , 3, 3, 3, w, 3, ..., 3, 3, 3, 3

совершенно тѣми же, что и въ греческихъ рукописяхъ IX и X вѣковъ¹⁷⁷⁾. К. Пападопуло-Керамевсъ въ томъ же фрагментѣ на-

¹⁷⁷⁾ Бычковъ. Записки Имп. Археологич. О-ва, т. V. Порфирій, Первое путешествие, ч. II, отд. 1, стр. 376 и приложение 2-е. О псалмодическихъ зна-

шелъ и другіе недостающіе въ этомъ перечнѣ знаки, какъ оксія, двойная оксія и сирматики, о которыхъ преосв. Порфирій не упомянулъ¹⁷⁸⁾.

Изъ предыдущихъ соображеній достаточно ясно, что псалмодическое письмо и пѣвческое хирономическое (симадійное и невматическое) суть только два отдѣльныхъ вида развитой графически, преобразованной и усовершенствованной въ соответствующихъ цѣляхъ просодіи, причемъ пѣвческое письмо, сообразно съ многообразными нуждами богослужебнаго пѣнія, развило изъ себя сложную довольно обширную, прихотливую и не легко усвояемую систему симіографіи, псалмодическое же письмо, сообразно съ скромными требованіями произношенія священнаго текста, заключалось въ небольшомъ количествѣ (около 20) знаковъ просодійныхъ.

Происхожденіе самой просодіи, положившей начало псалмодіи и хирономіи, довольно древнее. Введеніе просодіи въ греческую грамматику и письмо болѣе основательно приписывается александрійцу, современнику Птолемея Епифана, Аристофану Византіяцу († 180 до Р. X.), ученику Зенодота, чѣмъ Исократу (436—338 до Р. X.), который по свидѣтельству Цицерона („verbis solutis numeros primus adiunxit“), занимался разработкою ритма рѣчи, а не акцентовъ (просодіи) ея. Дальнѣйшая обработка ея принадлежитъ ученику Аристофана Аристарху и затѣмъ ученику послѣдняго Діонисію Фракіяцу и наконецъ обстоятельное изложеніе ученія о просодіи Сергію въ его Explanatio in Donatum¹⁷⁹⁾. Тщательно разрабатываемое вполнѣдствіи александрійскими греческими грамматиками ученіе о просодіи и въ христіанствѣ нашло себѣ практическое приложеніе, насколько извѣстно, прежде всего въ церкви

какъ греческихъ рукописей XII и XIII в.в. Монфонъ говоритъ: Quodque a duodecimo et decimo tertio saeculo frequentissime in multis exemplaribus occurrit, spiritus et accentus uno ductu scribuntur, nempe lenis spiritus cum acuto sic

densus cum acuto sic ; lenis cum circumflexo sic ; densus cum circum-

flexo sic ; interdum vero spiritus supini sic scribuntur. Palaeographia graeca. Par. MDCCVIII p. 299. Ягичъ печатаетъ Болонскую славянскую псалтирь съ псалмодическими знаками, нѣсколько отличными отъ этихъ; а Смоленскому въ маѣ 1906 г. удалось найти въ Софійской б-кѣ, въ Болгаріи, ркп. Тріоди № 47 съ пришитыми къ ней тремя листами, содержащими староболгарскій текстъ съ псалмодическими знаками. См. брош. „Изъ дорожныхъ воспоминаній“. СПб. 1906, стр. 40.

¹⁷⁸⁾ Op. cit.

¹⁷⁹⁾ См. Fleischer, Neumen-Studien. Th. I, S. 56—57, ff.

Александрийской, у св. Афанасія Александрийскаго. При объясненіи 28-го псалма (*Πρὸς Μαρκέλλ.*) св. Афанасій говоритъ: „ὁ κύριος τετέλοκεν ἐμμελῶς τὰς φθὰς ψάλλεσθαι καὶ τοὺς ψαλμοὺς μετ' ᾠδῆς ἀναγγυνώσκεισθαι, что и дѣлалъ въ средѣ своей паствы самъ святитель, по свидѣтельству блаженнаго Августина. Мѣрное чтеніе псалтири у св. Афанасія было, очевидно, по знакамъ просодійнымъ. Кодексъ Ефрема Сирина (rescriptus) доказываетъ, что не позже VII в. псалмодическое чтеніе священнаго писанія по просодійнымъ знакамъ распространилось уже въ близкой къ Египту христіанской Сиріи и было здѣсь тщательно обработано, а въ X-мъ вѣкѣ рукописями съ подобнымъ письмомъ, какъ видѣли, владѣли и Синайскіе монастыри. Аѳонскій монастырь Кастамонитскій, по словамъ преосвященнаго Порфирія, доселѣ владѣеть рукописью евангельскихъ чтеній съ красными псалмодическими знаками, *ἐκλογὴ* XI в. (1033 г.)¹⁸⁰).

Этими данными самъ собою намѣчается тотъ путь, которымъ шло и распространялось просодійное письмо изъ своей прародины, египетской Александріи, чрезъ Сирію и Синай въ Византію и Римъ и къ народамъ славянскимъ, преобразованное около V-го вѣка, съ одной стороны, въ псалмодическое письмо, съ другой—въ хирономическое. Въ то время, какъ псалмодическое письмо, какъ видѣли, однообразно, какъ въ сирійско-египетскихъ рукописяхъ, такъ и въ византійскихъ, такъ наконецъ, даже и въ славянскихъ, хирономическое воздушное письмо развилось своеобразно въ восточно-греческомъ, сирійско-египетскомъ мѣрѣ, своеобразно и въ западно-греческомъ, византійскомъ мѣрѣ и, наконецъ, вполнѣ своеобразно въ западномъ, латинскомъ мѣрѣ, гдѣ также оно получило нѣсколько развѣтлений, какъ итальянское, галльское и нѣмецкое (готическое).

Глава V.

О происхожденіи русской пѣвческой симіографіи и церковнаго звукограда, какъ своеобразной музыкальной системы.

Откуда славянское или, собственно, русское пѣвческое письмо, древнѣйшіе образцы котораго принадлежать, какъ извѣстно, XI-му вѣку? Оно, или, черезъ славянъ, изъ Византіи, или, чрезъ тѣхъ же славянъ, изъ Египта и Сиріи. Симіографія древнѣйшихъ русскихъ пѣвческихъ рукописей замѣчательнымъ образомъ сход-

¹⁸⁰) Порфирій, Второе путешествіе, стр. 261.

ствууетъ съ симадійными пѣвческими знаками синайскаго стихираря X в., есфигменскаго ирмолога XI в.¹⁸¹). Триоди X—XI в.¹⁸²) и греческой вѣнскаго рукописи XI в.¹⁸³), съ симадійнымъ же письмомъ чисто византійскимъ, особенно же болѣе поздняго времени, XII, XIII в.в. и времени Кукузелей она имѣетъ сходство весьма не близкое. Здѣсь видится ясный слѣдъ того движенія пѣвческаго искусства и симадійнаго письма съ Востока и Юго-Востока, изъ Египта, Синая и Сиріи на Западъ, въ Европу, которое рѣшительнымъ и очевиднымъ образомъ обозначилось съ мусульманскаго нашествія (638 г.), достигло ближайшей Византіи, проникло въ отдаленныя—Калабрію, Сицилію и Римъ, захватило собою и славянскіе народы и черезъ нихъ перешло въ Русь. Латинское григоріанское пѣніе и невматическое письмо возрасло и развилось подъ вліяніемъ греко-сирійскаго¹⁸⁴).

Греческое богослужбное пѣніе и богослужбный строй сложились и усовершенствовались подѣ исключительнымъ и обширнымъ вліяніемъ церковно-пѣвческой дѣятельности сирійца Іоанна Дамаскина (VIII в.), и только Византія, въ тѣсномъ смыслѣ, успѣла сохранить свою литургическую и церковно-пѣвческую обособленность и симадійное письмо, образовавшее самостоятельную отдѣльную вѣтвь общаго корня. Русское богослужбное пѣніе и пѣвческая симіографія заимствованы не непосредственно отъ византійцевъ, а чрезъ посредство восточныхъ славянъ; характеръ же этой симіографіи болѣе сродень греко-сирійскому симадійному письму, чѣмъ византійскому. Поэтому и славянское богослужбное пѣніе и пѣвческое письмо, если-бы такое существовало, должны быть представляемы въ зависимости отъ сильнаго вліянія восточнаго, греко-сирійскаго. Профессору Э. Елеонскому удалось замѣчательное наблюденіе, что изъ древнѣйшихъ славянскихъ богослужбныхъ книгъ нѣкоторыя были въ значительной зависимости отъ еврейскаго оригинала, а не отъ греческаго перевода 70-ти, а извѣстный древнѣйшій паремійникъ Григоровича въ не меньшей зависимости отъ сирскаго Пешито¹⁸⁵). Преосвященный Порфирій,

¹⁸¹) Снимки у Порфирія, Первое путешествіе, ч. II, отд. 1, стр. 383.

¹⁸²) Снимокъ у Тибо въ „Извѣст. русск. археолог. Инстит. въ К-лѣ, III, 1898. Табл. II.

¹⁸³) Снимокъ у Герберта „De cantu et musica sacra“, t. II, Tab. VI.

¹⁸⁴) Обзорѣніе западныхъ нотаций см. Fetis, Histoire générale de la musique, T. IV, Paris, 1874, p.p. 175—270.

¹⁸⁵) Елеонскій, статьи въ Христіанск. Чт. 1905 г. I. 26—38, II, 173—193, IV, 486—499, X, 411—426, XI, 573—580.

дѣлая догадку, что кое-что изъ принадлежностей русскаго богослуженія, заимствовано отъ коптовъ, напримѣръ, восьмиконечный крестъ, обычай ставить дароносицу на престолъ, а не въ ризницѣ, какъ у грековъ, равносторонность престоловъ, а не удлиненіе ихъ противъ ширины, какъ у грековъ и въ Кіевѣ, крестообразное кажденіе, остроумно предполагаетъ о нашемъ церковномъ пѣніи: „Да и столповое пѣніе у насъ похоже на пѣніе коптовъ“¹⁸⁶). Однако ни коптскихъ, ни сирийскихъ пѣвческихъ нотныхъ рукописей доселѣ неизвѣстно, можетъ быть ихъ и не было. Псалмодическое письмо сирийское впервые появляется въ Ефремовскомъ кодексѣ (VII в.), а пѣвческое симадійное въ приписываемыхъ Іоанну Дамаскину рукописяхъ Миланской и Туринской библиотекъ (VIII—IX в.в.); но это письмо въ томъ и другомъ случаѣ не арабо-сирийское, а греко-сирийское. Историкъ музыки Фетисъ говоритъ по поводу сирийской музыки: „les manuscrits syriaques de lithurgie n'ayant pas de notation de musique“¹⁸⁷), и о коптской: „Ainsi que les Syriens les Coptes n'ont pas de notation pour leurs chants“¹⁸⁸). Греко-сирийское вліяніе на славянское богослуженное пѣніе въ виду изложенныхъ выше соображеній едва ли подлежитъ сомнѣнію.

Если и не придавать степени достовѣрности сказанію о просвѣщеніи грамотностью восточныхъ славянъ Кирилломъ Каппадокійско-Солунскимъ (ок. 680 г.), учившимся въ Дамаскѣ и бывшимъ потомъ въ Александріи, въ Египтѣ, то нельзя также не придавать значенія неоднократнымъ переселеніямъ славянъ въ Малую Азію въ VII, VIII и IX вѣкахъ и взаимнымъ сношеніямъ славянъ европейскихъ съ малоазійскими¹⁸⁹). Профессоръ Ламанскій¹⁹⁰) убѣжденно отстаиваетъ мнѣніе объ этихъ переселеніяхъ, ссылаясь на византійскихъ историковъ, напримѣръ, Теофана, отмѣчающаго подѣ 664 г. фактъ, что малоазійскіе славяне въ числѣ 5 тысячъ перешли на сторону арабовъ и поселились въ Сиріи, въ Апамейской области. Въ 687 г. Юстиніаномъ II-мъ переселено было въ оксинійскую тему такое множество славянъ македонскихъ и солунскихъ, что изъ нихъ былъ образованъ отрядъ въ 30 тысячъ,

¹⁸⁶) Второе путешествіе, Москва, 1900, стр. 309.

¹⁸⁷) Feris, Histoire general de la musique, t. VI, p. 62.

¹⁸⁸) Ibid, p. 100.

¹⁸⁹) Срав. проф. Будиловича „О греко-слав. характ. дѣят. К. и М. стр. 8—9.

¹⁹⁰) „О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи“. СПб. 1859. См. Срезневскаго. О славянахъ въ М. А. (Ламанскаго), 29-е присуж. нагр. Демид. 1860. Сборн. ст. отд. русск. яз. т. VII.

часть котораго впоследствии передалась къ арабамъ. Подѣ 702 г. Анастасій отмѣчаетъ эмиграцію болгарскихъ славянъ въ числѣ 208,000 человекъ¹⁹¹). Изъ житія св. Димитрія Солунскаго видно, что славяне македонскіе, ессалійскіе и вообще приморскіе дѣлали набѣги на области Малой Азіи и поддерживали съ тамошними славянами сношенія¹⁹²). Преподобный Феодоръ Студитъ († 826) въ одномъ изъ словъ (оглашеній) вспоминаетъ о 14 болгарскихъ плѣнникахъ, умерщвленныхъ за свою твердость въ соблюденіи постовъ¹⁹³). Наніанскій апостолъ XI—XII содержитъ память 14 болгарскихъ мучениковъ, пострадавшихъ именно въ Сиріи изъ-за поста въ царствованіе Михаила и Феодоры¹⁹⁴).

Не малое значеніе въ отношеніи греко-сирийскаго вліянія на славянъ имѣлъ Аѳонъ, издавна бывший мѣстомъ, куда стекались изъ разныхъ странъ и племенъ искатели благочестія и богопознанія, житейскихъ правилъ и церковныхъ уставовъ. Основываясь на Болландистахъ и Менологіи царя Василія, гдѣ говорится о свв. мученикахъ города Аполлоніи, который съ этимъ именемъ извѣстенъ только одинъ, находившійся на Аѳонскомъ перешейкѣ, а въ мученикахъ упомянуть діакона Исаврѣ (въ IV в.), преосвященный Порфирій предполагаетъ, что въ концѣ или въ началѣ IV-го в. христіанство на Аѳонѣ уже было¹⁹⁵). Историкъ Евсевій („Жизнь Константина) говоритъ, что послѣ построенія храма Воскресенія на мѣстѣ обрѣтенія животворящаго Креста Господня, устремились въ Іерусалимъ весьма многіе поклонники изъ Македоніи, Панноніи, Мизіи, Фракіи, Сиріи, Месопотаміи, Аравіи, Египта. Іерусалимъ сталъ завѣтною мечтой христіанъ и образцомъ подражанія въ отношеніи идеала христіанства, формъ и способовъ его осуществленія: строились сіонскіе храмы, вводился чинъ іерусалимскаго служенія, и самую вѣру хотѣли основать на іерусалимскомъ символѣ. По преданію, туземцы Аѳона, часто служившіе въ греческомъ флотѣ, пожелали принять крещеніе отъ Іерусалимскаго епископа, каковымъ и былъ присланный къ нимъ изъ Іерусалима Климентъ. Аѳонъ былъ въ епархіальной зависимости отъ Солуны, и Солунцы ок. 329 г. въ предѣ-

¹⁹¹) Порфирій, Історія Аѳона, ч. II, стр. 96—97. Кіевъ. 1877.

¹⁹²) Ibid. стр. 97—106, 95.

¹⁹³) Мансветовъ „Церковный Уставъ“, М. 1885, стр. 101.

¹⁹⁴) Mingarelli. Codices Naniani, (3) p. 381. Мансветовъ ibid. стр. 101, примѣч. 2-е Арх. Сергій „Полный мѣсяцесловъ Востока“, изд. 2-е, Владиміръ, 1901, т. II, стр. 46, 655. Т. I, стр. 110.

¹⁹⁵) Порфирій, Історія Аѳона, ч. III, стр. 1—155.

лахъ епископіи Климента, строили храмъ во имя св. великому-ченика Димитрія. Такимъ именно образомъ „христіанство, говорить преосвященный Порфирій, появилось на этой горѣ изъ Солуня и Іерусалима“. Въ VI-мъ вѣкѣ славяне, по сказанію Менаандра, неоднократно были у Солуня и у Аеона и жили по долгу. Въ началѣ VII вѣка когда халифомъ Омаромъ былъ взятъ и разрушенъ (637 г.) Іерусалимъ, завоевана антиохійская (639 г.) и александрійская (640 г.) область, мусульманское движеніе погнало монаховъ, клириковъ и многихъ мірянъ изъ Сиріи, Египта и Палестины въ Грецію, Константинополь и Аеонъ, а болгарское (678 г.) движеніе съ сѣвера придвинуло славянъ къ Солуню и Аеону. Въ теченіе VIII вѣка на Аеонѣ были крещены монахами большія семейства Влаховъ¹⁹⁶⁾ (влекущихъ—пахарей-славянъ). Въ IX вѣкѣ Аеону покровительствовавшая царь Василій Македонянинъ (славянинъ). Въ X вѣкѣ близъ Ериссо (древняя Аполлонія) и обители Іоанна Колову поселены были болгары, а въ концѣ того же вѣка, между другими славянами, жившими близъ монастыря Иверскаго (бывш. Іоанна Колову, отданнаго царемъ Василіемъ въ 980 г. Грузину Иверу), упоминаются въ бумагахъ пресвитеры (3) и монахъ. Первымъ извѣстнымъ монахомъ подвижникомъ и молчальникомъ (*ἡσυχαστής*) Аеона, ставшимъ образцомъ послѣдующаго Аеонскаго монашества, былъ Петръ, прибывшій на Аеонъ около 681 г., гдѣ и скончался въ 734 г. Ранѣе того съ 676-го года онъ былъ въ плѣну въ Сиріи около 10 лѣтъ, по освобожденіи изъ коего отправился въ Римъ и тамъ принялъ монашество отъ папы Агаѳона (греко-сирійца), извѣстнаго организаціей латинскаго церковнаго пѣнія на греческій образецъ, пробывъ въ Римѣ около 4 лѣтъ¹⁹⁷⁾. Общежительное монашество, по образцу восточнаго сирійско-египетскаго, установилъ на Аеонѣ около 965 г. Аенасій, родомъ изъ Малой Азіи (Трапезунда), обучавшійся въ Константинополѣ и пользовавшійся покровительствомъ византійскихъ царей, авторъ

¹⁹⁶⁾ Такъ полагаетъ преосв. Порфирій. Высокопроевщ. Макарій въ соч. „Исторія Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго Владиміра“. СПб. 1868, стр. 25, на основаніи данныхъ, собранныхъ Венелинымъ, полагаетъ, что Влахи представляютъ собой смѣсь славянъ съ римскими переселенцами, что они говорили, писали грамоты и совершали богослуженіе на смѣшанномъ славяно-римскомъ языкѣ, а византійцы часто называли влахами и болгаръ и всѣхъ вообще славянъ сосѣдней Тессаліи.

¹⁹⁷⁾ Хрисанфъ Лопаревъ полагаетъ, что Петръ Аеонскій жилъ въ IX в. Того же предположенія держатся и издатели Аеонскаго Патерика въ 8-мъ изд. Но здѣсь скорѣе предполагать другого Петра.

сочиненій: *Тѣлхон* и *Латѣлосис*, составленныхъ имъ для организаціи общежительной монастырской жизни и упорядоченія богослужебнаго чина, кромѣ того, нерѣдко и самъ занимавшійся переписываньемъ священныхъ книгъ. При такихъ благоприятныхъ условіяхъ было естественно славянскому міру встрѣтиться съ греко-сирійскимъ на посредствующемъ для обоихъ пунктѣ-Аеонѣ, причемъ, неоспоримо, преобладающее духовное вліяніе должно было оказаться на сторонѣ послѣдняго, какъ болѣе развитаго и подготовленнаго къ благотворному просвѣтительному воздѣйствію на славянскіе народы, еще не тронутые культурой, слабо проникнутые вначалѣ духомъ истиннаго христіанства и церковной жизни. Такимъ образомъ Аеонъ, въ средѣ своихъ иноковъ имѣвшій довольно насельниковъ изъ Греческой Сиріи и малоазійскаго Востока былъ расадникомъ, какъ для самой Византіи, такъ и особенно для юныхъ славянскихъ восточныхъ церквей, и греко-сирійскаго чина богослуженія, и уставовъ монашескихъ.

Въ тоже время богослужебное пѣніе, разрабатываемое трудами Іоанна Дамаскина, Космы Маюмскаго и др. теоретически и практически, по осмогласію и симіографіи, на основаніи греко-сирійскихъ началъ музыки, благодаря авторитету восточныхъ церквей и знаменитыхъ церковнопѣвческихъ дѣятелей, въ новой и совершенной обработкѣ быстро и широко распространялось и на малоазійскомъ Востокѣ, и по Византіи, и въ средѣ новопросвѣщенныхъ народовъ славянскихъ. Свидѣтелями этой плодотворной литургической дѣятельности греко-сирійскихъ отцовъ доселѣ остаются симіографическія пѣвческія рукописи Миланской и Туринской бібліотекъ и музыкально-теоретическое руководство „*Грамматикѣ мовсикѣ*“, приписываемая знаменитому изъ всѣхъ Іоанну Дамаскину, и рукописи особенной своеобразной симіографіи, отличной отъ обще-византійской, очевидно восточнаго греко-сирійскаго происхожденія, какъ синайскій стихирарь X вѣка, есфигменскій ирмологъ XI вѣка, рукопись Вѣнской бібліотеки XI вѣка (по Герберту) и греческая Тріодь X—XI вѣковъ, открытая въ Болгаріи ученымъ Ѳ. И. Успенскимъ. Симіографія же этихъ рукописей почти также, что и рукописей славяно-русскихъ XI и XII вѣковъ,—ясное указаніе зависимости и происхожденія первоначальнаго богослужебнаго русскаго пѣнія и его симіографіи отъ восточнаго греко-сирійскаго, конечно, чрезъ посредство восточныхъ славянъ, — латинянъ, также бывшихъ въ церковнопѣвческомъ отношеніи подъ вліяніемъ греко-сирійскимъ.

Есть еще данное въ доказательство зависимости славяно-русской церковной музыки отъ восточной греко-сирійской. Строй

русского церковно-пѣвческаго звукоряда, какъ онъ изложенъ въ нотныхъ книгахъ перваго изданія Святѣйшаго Синода (1772 г.) синодальными пѣвчими, на основаніи старинныхъ пѣвческихъ традицій, проходящихъ чрезъ всю криволинейную симіографію, утверждающихся частію на свойствахъ кинематическихъ помѣтъ (триестествогласіи), за періодъ времени съ XVI вѣка, — частію на древнемъ пѣвческомъ преданіи XV, XIV, XIII, XII и XI вѣковъ, — этотъ строй поразительнымъ образомъ совпадаетъ съ греко-сирійскимъ или, точнѣе, арабо-сирійскимъ строемъ музыки, а не съ византійскимъ, полное изложеніе котораго представляетъ собой греческая теоретическая рукопись „Святоградецъ“ (*Βιβλίον ἀριολογίης*) XIV-го в. ¹⁹⁸). Въ то время какъ греческій, точнѣе, византійскій строй музыки (образцовая неизмѣняемая система) состоитъ изъ ряда соединенныхъ и раздѣленныхъ тетраордовъ, а построенные на немъ лады состоятъ также частію изъ соединенныхъ, частію изъ раздѣленныхъ тетраордовъ, строй (звукорядъ) какъ русской церковной музыки, такъ и греко- (арабо)- сирійской одинаково состоитъ изъ ряда однихъ соединенныхъ тетраордовъ, а также и построенные на немъ лады состоятъ изъ однихъ соединенныхъ тетраордовъ. ¹⁹⁹). Греко- (арабо)- сирійская музыка, со времени завоеванія арабами Персіи (VII в.), кромѣ существовавшихъ въ ней равнѣ греческихъ элементовъ, приняла и элементы персидской музыки и осложнилась хроматическими музыкальными построениями, а со временемъ, подъ вліяніемъ азиатскихъ ордъ, монгольскихъ и турецкихъ, приобрѣла чисто восточный характеръ, съ многочисленными мелизмами и трелями и мельчайшими интервалами въ треть и четверть тона; но первоначальный характеръ ея былъ болѣе простъ.

Главные и древнѣйшіе два лада (*макаматъ*) этой музыки, изъ 4-хъ, *ошакъ* (или *ишакъ*) и *наова* (или *нэва*) ²⁰⁰), совершенно совпа-

¹⁹⁸) Рукопись Парижской Национальной б-ки № 360, точный списокъ которой находится въ П. Импер. Публ. б-кѣ. Въ соч. *Ἀριολογία ἀριολογία*, изд. съ коммент. проф. Г. А. Ивановымъ. Москва, 1895, говорится: *Τὴν δὲ ἐστὶ συντήματα δύο, ὅν τὸ μὲν ἑλατταρ, τὸ δὲ μεῖζον*, стр. 28. Аристоксенъ въ изд. Рюэля, Paris, 1871, р. 8. Гавденцій въ томъ же изд. Paris, 1895, р. 65—66. Fétis, Histoire generale de la musique. Paris. 1872, t. III, p. 60. Ambros, Geschichte der Musik, Leipz. 1887. B. I, s. s. 178—179.

¹⁹⁹) Эта система соединенныхъ тетраордовъ — малая считается самою древнѣйшею и приписывается греческому музыкальному Терпандеру, жившему ок. 34 олимпіады или ок. 645 г. до Р. X. См. Ambros, Geschichte der Musik, B. I, Leipz. 1886, ss. 173—174. 179—180.

²⁰⁰) Объ арабской музыкѣ см. Fétis, Histoire generale de la musique, t. II, p. p. 1—182. Paris 1869.

даютъ съ двумя главными октахордами церковнаго звукоряда *соль-соль* (или *до-до*) и *ля-ля* (или *ре-ре*); третій изъ главныхъ ладовъ—*абуселикъ*, соотвѣтствуетъ неполному октахорду (гептахорду) *си-ля* (или *ми-ре*) церковнаго звукоряда, и только четвертый—*расть*—не диатоническаго, а энгармоническаго характера, съ интервалами менѣе полутона, и въ церковномъ звукорядѣ, какъ чисто диатоническомъ, не находитъ себѣ мѣста ²⁰¹). Затѣмъ, каждый ладъ (*макаматъ*) составляется изъ двухъ соединенныхъ тетраордовъ (*табака*) и тона добавочнаго вверху, какъ это бываетъ отчасти въ музыкѣ греческой и обычно въ октахордахъ русскаго церковнаго звукоряда. Утвержденіе ученаго ассириолога Ассемани, что сирійскіе гласы тѣже, что и греческіе, можетъ быть принимаемо только съ предложеннымъ ограниченіемъ, касающимся существеннаго отличія осмогласія сирійскаго и греческаго въ отношеніи основнаго строя гласоваго звукоряда и построенныхъ на немъ характерныхъ гласовыхъ тетраордовъ и ладовъ ²⁰²).

Такимъ образомъ мы видимъ, что съ одной стороны, византійская теорія не соотвѣтствуетъ свойствамъ русскаго церковнаго звукоряда, — съ другой, что музыкальная теорія греко- (арабо)- сирійская, въ древнѣйшихъ и главнѣйшихъ своихъ частяхъ, совершенно совпадаетъ съ музыкальными особенностями этого звукоряда. Здѣсь, слѣдовательно, нельзя не видѣть новаго доказательства греко-сирійскаго вліянія на славяно-русское богослужбное гѣніе, его симіографію и музыкальный строй. Это вліяніе тѣмъ болѣе понятно, что Іоаннъ Дамаскинъ главный организаторъ богослужбнаго гѣнія Восточной Церкви, какъ въ отношеніи осмогласія, такъ въ отношеніи симіографіи, такъ, наконецъ, и въ отношеніи музыкальной теоріи, самъ сиріецъ — по происхожденію и воспитанію, и грекъ — по образованію, подъ руководствомъ Калабрійскаго ученаго монаха, грека же, долженъ былъ немалое время служить при дворѣ арабскаго Дамасскаго Калифа, послѣдняго изъ династіи Омайядовъ, Мервана II (754) и былъ, безъ сомнѣнія, ознакомленъ съ арабскою образованностью и музыкою, которыя тогда процвѣтали при дворѣ Омайядовъ въ лицѣ поэта и музыканта араба Халиля († 786), которому приписывается сочиненіе о

²⁰¹) Греческій музыкантъ Аристоксенъ считаетъ диатоническій звукорядъ самымъ древнимъ, а за нимъ уже по времени хроматическій и, наконецъ, энгармоническій, въ соч. „Элементы гармоническіе“ въ изд. Emile Ruelle, Collection des auteurs grecs relatifs à la musique, Paris, 1871, p. 27. Тоже Плутархъ „Περὶ μουσικῆς“ въ изд. Вестфалы, Breslau, 1866, ss. 9. 14—15.

²⁰²) Ассемани, „Bibliotheca orientalis“, t. V, p. p. 166. 487.

версификаціи и о ладахъ (гласахъ) арабской музыки, и плѣннаго перса Эбіо Сулеймана († 775), также писавшаго о музыкальныхъ ладахъ²⁰³).

Наконецъ характеръ славяно-русской симіографіи, выражающей отдѣльными знаками не только единичныя ноты, какъ въ византійской и латинской симіографіи, но и преимущественно даже цѣлыя группы нотъ, какъ это обычно въ симіографіи восточной, ясно свидѣтельствуетъ о ея восточномъ происхожденіи или, по меньшей мѣрѣ, о сильномъ на нее вліяніи восточномъ. Восточное вліяніе на славяно-русскую симіографію довольно замѣтно выражается, кромѣ того, и въ томъ, что нѣкоторые знаки ея весьма сходны съ нотными знаками-буквами арабскаго письма, другіе же знаки совпадаютъ съ знаками египетскаго демотическаго письма²⁰⁴), оставившаго, между прочимъ, слѣды своего вліянія, какъ на псалмодическихъ просодійныхъ знакахъ, такъ и на пѣвческихъ симадійныхъ знакахъ ранняго (IX—XIV в.в.) византійскаго письма. Въ этихъ остаткахъ вліянія демотическихъ знаковъ, часто встрѣчающихся въ знакахъ псалмодическихъ просодійныхъ, на пѣвческую симіографію, какъ греко-сирійскую, такъ и византійскую, отчасти также и латинскую, нельзя не видѣть новаго доказательства того, высказаннаго раньше положенія, что греко-латинское пѣвческое письмо возникло и развилось изъ просодій египетскихъ александрійскихъ грамматиковъ, которая первоначально выдѣлила изъ себя два параллельно существовавшихъ письма: 1) матеріальное-псалмодическое, существовавшее до XII—XIII вѣка и 2) воздушное-хирономическое, существовавшее до IX вѣка, а затѣмъ разившееся, какъ нотное-пѣвческое, въ трехъ направленіяхъ, какъ а) греко-сирійское (симадійное) б) византійское (симадійное) и в) латинское (невматическое).

Подъ преобладающимъ вліяніемъ письма греко-сирійскаго и подъ косвеннымъ-византійскаго, при возможномъ соприкосновеніи письма латинскаго, возникло и развилось пѣвческое симіографическое письмо славяно-русское. Симадійное греко-сирійское письмо содержало въ себѣ, безъ сомнѣнія, греко-сирійское пѣніе, напѣвы и мелодіи, греко-сирійское осмогласіе, поэтому и славяно-русское богослуженіе, принимая въ свою практику греко-

²⁰³) Fetis, Histoire generale de la musique, t. II, p.р. 10, 14.

²⁰⁴) О демотическихъ знакахъ египетскихъ въ параллель съ византійскими см. Fetis, Histoire général de la musique, t. I, p.р. 301, 308—309. Отчасти у преосвященнаго Порфирія въ приложеніи къ „Первому путешествію“, ч. II, отд. 2-му, стр. 89.

сирійскую симіографію, принимало въ составъ своего чина пѣвческаго не иные напѣвы и не иное осмогласіе, какъ греко-сирійскіе, которые въ соотвѣтствующій періодъ времени (VIII, IX и X вѣковъ) по господствующему положенію греко-сирійской церковной музыки, подъ обаяніемъ имени Іоанна Дамаскина во всей восточной церкви, оказывали несомнѣнное вліяніе и на церковное пѣніе византійское. Поэтому славяно-русское церковное пѣніе, находясь подъ господствующимъ вліяніемъ греко-сирійской церковной музыки, встрѣчаясь и соприкасаясь съ византійскою церковною музыкою, воспринимало отъ нея въ существенномъ элементъ не чуждые греко-сирійской музыки, но родственные и близкіе ей, отстраняя отъ себя лишь тѣ черты и особенности, которыя носили на себѣ чисто мѣстный византійскій характеръ, который вырабатывала себѣ византійская музыка въ узкихъ границахъ придворной жизни, въ средѣ придворныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ и въ обиходѣ своеобразнаго служенія патриаршаго и соборнаго въ Софїи и другихъ выдающихся храмахъ Константинополя.

Въ какой мѣрѣ византійское духовное пѣніе было искусственно, изыскано, напыщенно и театрально, приспособлено къ утонченнымъ вкусамъ придворной аристократіи и интеллигентныхъ гражданъ столицы, было почти полусвѣтскимъ, съ напѣвами „органными, царскими“, „сладкими“, „военными“, „персидскими“ и т. п.,²⁰⁵) съ „териремами“, „анеанами“, „трелями“ и исполнялось нерѣдко въ придворныхъ празднествахъ и при торжественныхъ пиршествахъ; въ той же мѣрѣ греко-сирійское церковное пѣніе должно быть представляемо простымъ, строгимъ, народнымъ, аскетическимъ, исходившимъ изъ монастырскихъ стѣнъ отъ архіерейскихъ кафедръ, какъ вдохновенное творчество въ духѣ народномъ глубоко-религіозныхъ подвижниковъ и святителей, съ единственнымъ назначеніемъ для употребленія богослужебнаго. Въ то время какъ во главѣ церковнаго пѣнія греко-восточнаго стояли такіе дѣятели, какъ Аѳанасій Александрійскій, Василиій Кесарійскій, Іоаннъ Златоустъ—Антіохіецъ, Ефремъ Сиринъ, Романъ Сладкопѣвецъ, Іаковъ Эдесскій, Косьма Маюмскій, Іоаннъ Дамаскинъ и др.,—византійское пѣніе вѣдали придворные протопсалты, доместики, лампадаріи, магистры, хорегіи и др. лица придворнаго званія и положенія²⁰⁶).

²⁰⁵) Преосвященный Порфирій отмѣчаетъ нотную рукопись начала XIV в. съ мелодіями Іоанна Кукузеля, которыя снабжены подобными вычурными названіями. Прилож. Перв. пут. ч. II, отд. 2. стр. 73—75.

²⁰⁶) О нихъ Филар. Черниг. „Ист. Обзоръ пѣноп. и пѣноп. гр. ц.“, Krumbacher „Geschichte d. byzantinischen Litteratur“ München. 1891, §§ 150—164;

Естественно, что юная славянская и славяно-русская церковь примкнула въ вопросѣ церковно-пѣвческомъ къ той сторонѣ, которая давала болѣе пищи сердцу и пониманію и отвѣчала требованіямъ религіознаго чувства, которая имѣла напѣвы и мелодіи, ритмы и музыкальный строй, доступные простому музыкальному вкусу, чувству и потребностямъ невзыскательнаго, — но отъ природы музыкальнаго славянина. На этой основѣ простыхъ и прочныхъ музыкальныхъ элементовъ, даровитый славянинъ, руководясь своимъ природнымъ творчествомъ, самостоятельно и широко насадилъ и развилъ узоры своихъ вдохновенныхъ, народныхъ церковныхъ пѣсней, своеобразныхъ, сильныхъ, трогательныхъ, полныхъ жизни и чувства и религіознаго одушевленія, по характеру отличныхъ какъ отъ пѣнія византійскаго, такъ и тѣмъ болѣе отъ пѣнія латинскаго, такъ даже и отъ родственнаго ему восточнаго греко-сирійскаго.

Въ пользу принятаго положенія о вліяніи греко-сирійской музыки на славянскую и славяно-русскую церковную музыку могутъ быть привлечены данныя и со стороны, — это былина и духовный стихъ.

Въ первую пору христіанства на Руси, подъ свѣжими впечатлѣніями новой благодатной вѣры и жизни, при живомъ горячемъ увлеченіи идеаломъ христіанства, образовался особый міръ поклонниковъ и почитателей священныхъ мѣстъ и памятниковъ христіанства на Востокѣ, въ Палестинѣ и въ частности въ Іерусалимѣ, паломниковъ, странниковъ, каликъ переходящихъ, начитанныхъ въ священныхъ и благочестивыхъ писаніяхъ, вдумчивыхъ, религіозно- и поэтически настроенныхъ, вмѣстѣ съ старыми письменами интересовавшихся и древними усгными преданіями, старавшимися осмыслить весь приобрѣтенный этого рода матеріалъ и придать ему ту или другую религіозно-эпическую форму въ духѣ народа и его любимцевъ-героевъ, въ формахъ народной поэзіи и языка. Такъ возникли былины и духовные стихи. Игуменъ печерскій Варлаамъ, по сказанію его житія ходилъ въ Іерусалимъ въ 1062 г. ²⁰⁷⁾. Около 1106—1108 гг. ²⁰⁸⁾, въ

W. Christ et. M. Paraniakas „Anthologia graeca carminum christianorum“. Lipsiae, MDCCCLXX, Prolegomena libri I—III. Порфирій „Востокъ Христіанскій“, перв. и втор. путеш. въ Аѳонскіе м-ри, и приложенія, — соч. неоднократно цитованныя.

²⁰⁷⁾ Кіевопечерскій Патерикъ, въ русск. перев. М. 1897. стр. 201—202.

²⁰⁸⁾ См. соображенія проф. Голубинскаго въ „Исторіи русской церкви“ т. I. 1-я половина, изд. 2-е, М. 1901, стр. 332.

правленіе Іерусалимскою областью Балдуина ходилъ въ Палестину игуменъ Даниилъ, родомъ изъ Черниговской области, повѣсившій надъ Гробомъ Господнимъ лампаду и выдавшій тамъ и другихъ поклонниковъ русскихъ, новгородцевъ и киевлянъ. Въ Никоновской лѣтоп. и Степенной книгѣ повѣствуется, что Владиміръ посылалъ въ Іерусалимъ, Египетъ и другія страны христіанскаго Востока людей съ религіозными цѣлями. Въ житіи Θεодосія содержится извѣстіе, что приходили на Русь странники съ Востока, изъ Іерусалима, вѣроятно вслѣдствіе гоненій на христіанъ въ Палестинѣ, Египтѣ и Сирии, и что эти странники хотѣли увести съ собой и отрока Θεодосія ²⁰⁹⁾. Около 1163—1168 гг. ходили въ Святую землю новгородскіе калики, какъ видно изъ записей 1163 и 1329 гг. въ Сборникѣ XVI—XVII вв. Имп. Пуб. б-ки ²¹⁰⁾. Въ былинѣ о Васильѣ Буслаевичѣ говорится, что онъ подъ старость, желая душу спасти, ходилъ со всею дружиной своей въ Іерусалимъ:

„Съ молоду бито много граблено,
Подъ старость надо душа спасти“.

Въ былинѣ о посѣщеніи Іерусалима Буслаевымъ говорится:

„Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
„Со своею дружиною хораброю,
„Въ Іерусалимъ градъ;
„Пришоль во церковь соборную,
„Служилъ обѣдни за здравіе матушки
„И за себя Василья Буслаевича,
„И обѣдню съ панихидою служилъ
„По родимомъ своемъ батюшкѣ
„И по всему роду своему;
„На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
„Про удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
„Что съ молоду бито много, граблено.
„И ко святой святинѣ приложился онъ
„И въ Ерданѣ-рѣкѣ искупался“.

Посѣщая Палестину и Іерусалимъ, поклонники посѣщали и тамошніе храмы и службы, прислушивались къ тамошнимъ цер-

²⁰⁹⁾ Макарій, Исторія русской церкви. Т. I. СПб. 1868, стр. 230.

²¹⁰⁾ Сообщенія Императорскаго Палестинскаго Общества. 1897, стр. 449—502.

ковнымъ напѣвамъ и присматривались къ мѣстному обряду и богослуженію и, подѣ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго тамъ, подѣ общимъ впечатлѣніемъ Священнаго Востока, естественно старались направить и свою жизнь и дѣятельность и опредѣлить свое вліяніе на окружающую среду и церковный чинъ съ его обстановкой и на своей родинѣ. Игуменъ Даніилъ, проживъ около 16 мѣсяцевъ въ Палестинѣ, въ обители св. Саввы Освященнаго, интересовался какъ церковнымъ пѣніемъ латинскимъ, которое онъ называетъ „верещаніемъ“, такъ и мѣстнымъ греко-сирійскимъ и общенароднымъ исполненіемъ „киріе елейсонъ“ при Святомъ Гробѣ Господнемъ и отпѣлъ тамъ 90 обѣдней за русскихъ князей и бояръ.

Въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ ²¹¹⁾ говорится:

„Въ томъ терему стучить и гремитъ,
„Пѣсни поетъ и въ гусли играетъ
„Младъ Соловей сынъ Будимировичъ,
„Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
„Тонцы по голосу налаживаетъ;
„Тонцы онъ ведетъ отъ Новагорода,
„А другіе ведетъ отъ Иеросолима,
„А всѣ малые припѣвки изъ-за Синя-моря,
„Изъ-за Синяго моря Хвалынскаго“ ²¹²⁾.

Въ этихъ стихахъ былины довольно прозрачно видятся историческіе пути движенія восточной музыки на Русь отъ Иерусалима и изъ-за моря Хвалынскаго—Каспійскаго.

Въ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ отмѣчается подобный же географическій путь музыкальнаго движенія:

„Выигрывалъ онъ въ гуселушка яровчаты,
„Выигрывалъ хорошехонько изъ Царя-града,
„А изъ Царя-града до Иеросолима,
„А изъ Иеросолима до той земли Сорочинской“.

²¹¹⁾ Наибольше скептической изъ слѣдователей древности происхожденія былинъ, Всеволодъ Миллеръ („Очерки русской народной словесности“, М. 1897, стр. 218) относитъ окончательную редакцію созданія былинъ о Соловьѣ Будимировичѣ не позже XV в., но зерно былинъ относится, несомнѣнно, къ первымъ временамъ христіанства на Руси, какъ и въ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ.

²¹²⁾ Заимствовано изъ рѣчи Н. В. Маклакова на I-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ 1869 г. „Труды Археологическаго съѣзда“ 1871 г., стр. 7.

Въ другомъ вариантѣ говорится:

„Какъ началъ онъ гуселокъ налаживать,
„Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
„Другу отъ Царя-града,
„И третью отъ Иеросолима.
„Тонцы онъ—то повелъ великіе,
„Припѣвки—то онъ припѣвалъ изъ-за Синя моря,
„Тутъ всѣ на пиру поразслушались“ ²¹³⁾.

Этапы движенія восточной музыки на Русь здѣсь нѣсколько другіе—земля Сарацынская, Иерусалимъ и Царьградъ, какъ посредствующее звено между Востокомъ и славянскимъ міромъ. Такимъ образомъ, по указанію былинъ, и непосредственно русско-славянскими паломниками, и чрезъ посредство Царя-града, восточная музыка проникала въ славяно-русскій міръ, культивируемая русскими бардами, частію народными героями и пѣвцами, частію благочестивыми странниками и пѣвцами, распространяясь въ предѣлахъ Кіева, Новгорода и по всей землѣ Русской, въ видѣ двоякой струи, то какъ музыка религіозная церковная, то какъ музыка пѣсенная народная, нерѣдко тѣсно соприкасаясь между собою и взаимно вліяя другъ на друга.

Изъ духовныхъ стиховъ наиболѣе характеренъ для нашей цѣли стихъ о Егоріи Храбромъ, доселѣ распѣваемый странниками и нищими—слѣпцами, каліками переходчиками. По мнѣнію ученыхъ—Буслаева ²¹⁴⁾, О. Миллера ²¹⁵⁾, Кирпичникова ²¹⁶⁾ и Веселовскаго ²¹⁷⁾ этотъ стихъ восточнаго происхожденія. Его происхожденіе на мѣстѣ изъ житія св. великомученика Георгія и древнихъ легендъ—вариантовъ учеными признается совершенно не подлежащимъ сомнѣнію. Эту мысль особенно обстоятельно поддерживаетъ академикъ Веселовскій въ своихъ „Розысканіяхъ въ области русскихъ духовныхъ стиховъ“. Въ качествѣ разносторонне обсужденнаго, основательно доказаннаго тезиса, Веселовскій высказываетъ положеніе, что русскій духовный стихъ о Егоріи Хра-

²¹³⁾ Ibid. стр. 6, 7.

²¹⁴⁾ „Русскіе духовные стихи“, „Русская рѣчь“ 1861. № 23.

²¹⁵⁾ „Опытъ обзорѣнія русской словесности“, ч. I. СПб. 1865. стр. 315, 321.

²¹⁶⁾ „Св. Георгій и Егорій Храбрый. Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія 1878—1879 г.г.

²¹⁷⁾ „Розысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ“. Приложение къ XXXVII т. записокъ Ак. Наукъ, № 3, стр. 1—160. 1891 г.

бромъ возникъ изъ апокрифовъ восточнаго происхожденія, которые сами въ основѣ имѣли житіе св. великомученика Георгія, въ нѣсколькихъ редакціяхъ, единогласно устанавливающихъ мѣстомъ его родины греко-сирійскій востокъ, всего же болѣе — Каппадокію. Ученые (Тихонравовъ, Буслаевъ, О. Миллеръ, Веселовскій и др.), согласно признаютъ глубокую древность духовнаго стиха о Егоріи, не позднѣе, по крайней мѣрѣ, начала христіанства на Руси. Безсоновъ²¹⁸⁾ склоненъ относить его происхожденіе къ времени Ярослава. Что же касается до происхожденія апокрифовъ, бывшихъ въ основѣ этого духовнаго стиха, то уже „въ началѣ девятаго вѣка (806—815) Константинопольскому патріарху Никифору Омологу извѣстны были два апокрифическихкихъ мученія св. Георгія“, говоритъ академикъ Веселовскій въ своихъ „Розысканіяхъ“²¹⁹⁾. Храмы въ честь св. великомученика Георгія существовали уже при Константѣ В. и его преемникахъ, какъ въ Солунѣ и южной Сиріи, при Юстиніанѣ (527—566) въ Галатіи, у Сикеона, въ Бизаняхъ, въ Каппадокіи или Малой Арменіи. Академикъ Веселовскій говоритъ, что культъ св. Георгія съ древнѣйшихъ временъ особенно распространенъ среди кавказскихъ племенъ, Лазовъ, Мингрельцевъ, Гурийцевъ, Грузинъ, Кахетовъ, Имеретинъ, Ингилойцевъ, Сванетовъ, Хевсуровъ, Абхазовъ и Осетинъ²²⁰⁾. Отсюда память о св. Георгіи, захвативши, частію проложный, житійный, историческій элементъ, частію апокрифическій, легендарный и героическій, распространялась на Западъ, въ Византію и славянскій міръ, раскрашиваемая чертами и штрихами чисто національнаго характера, облекшись, затѣмъ въ славяно-русскомъ мірѣ въ поэтически—народную форму духовнаго стиха, обнявшаго собою и христіанскую идею мученика, и народнаго героя, посетителя свѣта, силы и правды.

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что тѣже странники и паломники, тѣже калики переходящіе, которые распѣвали, странствуя во Святую Землю и обратно, духовные стихи, были болѣею частію и импровизаторами, или, по крайней мѣрѣ, послѣдними редакторами этихъ стиховъ и ихъ напѣвовъ, въ томъ случаѣ, если первыя композиціи тѣхъ и другихъ не принадлежали имъ, а были происхожденія мѣстнаго, восточнаго, греко-сирійскаго. Нѣтъ ничего, поэтому, невозможнаго въ томъ, что воспѣ-

²¹⁸⁾ „Калики переходящіе“, „Пѣсни Рыбникова“ II ч., стр. 59—87.

²¹⁹⁾ Ibid. стр. 47.

²²⁰⁾ „Розысканія“ стр. 51. 51—70.

вая въ стихахъ восточнаго мученика героя, странникъ — поэтъ бралъ и мотивы своихъ напѣвовъ *тоници* и *припѣвки*, съ Востока же, изъ-за *синя моря*, *Хвалынскаго*, изъ *Иеросолима*, изъ земли *Сарацынскаго*. Духовный стихъ, переходя изъ поколѣній въ поколѣнія, былъ такимъ образомъ естественнымъ и неизмѣннымъ носителемъ древняго восточнаго напѣва, греко-сирійскаго, хотя и подвергавшагося неизбѣжному національному славяно-русскому вліянію, но всетаки сохранявшему основной древній характеръ. Напѣвы духовныхъ стиховъ, даже въ позднѣйшей записи, носятъ совершенно особый музыкальный характеръ, объясняемый тѣмъ, что мелодіи этихъ напѣвовъ построены на восточной, арабо-греко-сирійской гаммѣ, по соединеннымъ тетра хордамъ, свойственнымъ и нашему русскому церковному звукоряду обиходному²²¹⁾. Духовные стихи, слагаясь, подобно стиху о Егоріи Храбромъ, подъ восточнымъ вліяніемъ, при участіи каликъ переходящихъ, паломниковъ, духовныхъ людей — грамотниковъ, были, поэтому, и естественными и вѣрными проводниками изъ Палестины на Русь и восточныхъ греко-сирійскихъ духовныхъ и церковныхъ напѣвовъ. Могла, конечно, въ этомъ отношеніи вліять на Русь и Византію, но и она, какъ и славянскій міръ и, въ частности, православная Русь находилась въ началѣ христіанства славяно-рускаго міра подъ такимъ же восточнымъ музыкальнымъ вліяніемъ, сильный толчекъ которому данъ былъ трудами Іоанна Дамаскина и его преемниковъ. Поэтому, если Византія и вліяла на славяно-

²²¹⁾ Даже въ записи извѣстнаго Т. И. Филиппова, въ № 3 „Сборника“ русскихъ народныхъ пѣсней, редактированныхъ Римскимъ-Корсаковымъ, — записи сравнительно позднѣйшей, мелодія стиха о Егоріи звучитъ, какъ бы она была написана не въ гаммѣ *ля бем.*, а въ гаммѣ *ми бем.* съ пониженной (*ре бем.*), малой септимою, т. е. въ церковномъ обиходномъ звукорядѣ. Транспонируя въ предѣлы этого звукоряда обиходнаго, получимъ: (разм. $\frac{3}{4}$) *фа, соль | ля, соль | ля, соль, фа | соль, ми, | фа || ля, ля, суб., до, суб., ля, соль, фа, ми, ре | фа, ре, ми, фа, ре, ре*. Въ основѣ мелодіи лежитъ октавортъ: *до, ре, ми, фа, соль, ля, суб., до*; мелодія начинается съ кварты его — *фа*, которая и есть его настоящая *меза* (или дѣйствительная тоника), и кончается на ступень выше номинальной тоники — *до*, въ *ре*, терціей ниже *мезы*, что вполне свойственно знаменному распѣву. Подробнѣе объ устройствѣ церковнаго звукоряда, см. „Строгий стиль гармоніи“ стр. 71—86. „Въ томъ же музыкальномъ стрѣ звучатъ и другія стихи „Сборника“ „О Лазарѣ“—№ 2 и „О Голубиной книгѣ“—№ 4. О греческой „меза“ или индійской „анза“ и о значеніи ихъ см. Фаминцына „Древняя индо — китайская гамма“ СПб. 1889, стр. 87—88. Ср. Сокольскаго „Русская народная музыка“ Харьковъ. 1888. Стр. 97—110 и дал. и, затѣмъ, дальнѣйшія соображенія о „согласіяхъ“ знамен. расп.

русскій міръ въ музыкальномъ отношеніи черезъ духовные стихи, то это вліяніе было въ началѣ христіанства у славяно-русовъ преимущественно восточнаго греко-сирійскаго характера, а не чисто византійскаго, которое могло проявить себя только впоследствии, когда музыка византійская (въ XII, XIII, XV вв.) приняла исключительное одностороннее и своеобразное направление, искусственное, свѣтски-изысканное, мірское, съ чертами драматизма и театральности.

Глава VI.

Факторы, обусловившіе происхождение русскаго богослужбнаго пѣнія и его симіографіи.

Обобщая вышеизложенныя историческія данныя, доводы и соображенія логическаго характера, какъ предпосылки вопроса о происхожденіи православнаго русскаго богослужбнаго пѣнія, мы въ состояніи будемъ войти затѣмъ въ ближайшее разсмотрѣніе нашего предмета.

Официальное принятіе христіанства русскими произошло при Владимірѣ непосредственно изъ Византіи, послѣ чего юная русская церковь стала въ каноническую зависимость отъ Константинопольскаго патріархата, видимымъ знакомъ чего служило поставленіе епископовъ для русской церкви въ Константинополѣ, отъ патріарха. Зависимость эта была еще крѣпче и чувствовалась еще сильнѣе въ виду того, что обычай установилъ такой порядокъ постановленія высшей іерархіи въ домонгольской Руси, при которомъ и самое избраніе происходило также въ Константинополѣ, и избираемые высшіе іерархи были почти всегда греки. Но заботясь о сохраненіи и закрѣпленіи своей канонической и даже сверхканонической власти надъ русскою церковью, Константинопольскіе патріархи нисколько не были заинтересованы въ томъ, чтобы и низшее, подчиненное ихъ ставленникамъ, грекамъ-іерархамъ русской церкви, вполнѣ зависимое отъ послѣднихъ, духовенство и клиръ были также изъ грековъ, тѣмъ болѣе, что и въ самой Византіи не чувствовался избытокъ образованнаго подготовленнаго къ христіанской миссіи низшаго духовенства. Напротивъ, самымъ ходомъ дѣла христіанской миссіи на Руси и сопутствующихъ обстоятельствъ требовалось, чтобы низшее духовенство, ближайшіе проводники христіанства, его основныхъ идей, понятій и требованій, первые непосредственные наставники

и руководители въ основныхъ правилахъ христіанской вѣры и жизни русскаго народа были соплеменники его, родственные ему по обычаямъ, условіямъ жизни, понятіямъ, чувствамъ, языку, и пользовались его довѣріемъ. Нѣтъ нужды доказывать, что грекъ всегда пользовался у русскаго худою славою за свой скрытный характеръ, лесть, хитрость, коварство, лицемеріе и алчность къ наживѣ, о чемъ въ нашихъ лѣтописяхъ разсѣяно довольно много свидѣтельствъ²²²). Нѣтъ основаній отказывать Византіи въ правильномъ пониманіи высокаго дѣла христіанской миссіи, для котораго самое важное говорить понятнымъ, доступнымъ всѣмъ языкомъ, съ братскою любовью и беззавѣтною преданностью самому дѣлу, при безусловномъ довѣрїи со стороны просвѣщаемыхъ, что и доказала Византія въ дѣлѣ славянской миссіи Кирилла и Меѳодія, и было бы удивительно и непонятно, почему въ дѣлѣ миссіи русской она должна была поступить иначе, поручивъ ее греческому духовенству, когда уже очевиднымъ образомъ доказана была безусловная плодотворность славянской миссіи апостоловъ славянъ на ихъ родномъ языкѣ и при помощи славянскихъ письменъ. И самимъ русскимъ было удобнѣе и легче возможно ближе сойтись съ славянскимъ духовенствомъ въ дѣлѣ познанія христіанской вѣры, правилъ жизни и чина богослуженія, чѣмъ съ чуждымъ ему по духу, характеру и языку духовенствомъ греческимъ. Но не должно при этомъ упускать изъ вниманія того, что официальному принятію христіанства русскими отъ грековъ-византійцевъ предшествовало частичное крещеніе русскихъ и даже самого Владиміра отъ славянъ, скорѣе всего отъ болгаръ, и это—минимумъ—на протяженіи столѣтій назадъ. Поэтому, когда наступилъ историческій моментъ крещенія Руси отъ Византіи, какъ актъ официального и гражданскаго характера, христіанскую миссію просвѣщенія русскаго народа были готовы уже совершить, частію духовенство русское, равнѣ бывшее и вновь восполняемое въ своемъ количествѣ и составѣ, частію славянское, болѣе всего болгарское. Греческое низшее духовенство, безъ сомнѣнія, отсутствовало, когда и высшее, послѣ немалыхъ годовъ пребыванія на Руси, предъ паствою всетаки безмолвствовало и сообщалось съ нею черезъ переводчика.

²²²) Говоря о намѣреніи грековъ обмануть Святослава, лѣтописецъ замѣчаетъ: „Суть бо греци льстивы и до сегодни“; говоря о вѣроломствѣ одного епископа-грека, лѣтописецъ замѣчаетъ: „бѣша бо родомъ гречинъ“. См. „Ист. р. ц.“ Голубинскаго, т. I, 1-я полов. изд. 2-е, М. 1901, стр. 316—317, въ примѣч.

Вопросъ о низшемъ греческомъ духовенствѣ стоитъ во взаимной неразрывной связи съ вопросомъ о греческомъ богослуженіи на Руси. Если не было въ началѣ христіанства на Руси греческаго низшаго духовенства, то не было и греческаго богослуженія. Допустимо предположеніе, что многіе изъ болѣе образованныхъ славянъ солунскихъ, македонскихъ, еракійскихъ и др., часто обращаясь съ греками, въ нѣкоторыхъ случаяхъ понимали греческую рѣчь и греческое богослуженіе и, въ качествѣ исполнителей предначертаній высшей греческой іерархіи, сами состоя въ низшей іерархіи, могли быть проводниками на Руси греческаго богослуженія. Но это предположеніе устраняется въ виду того, что существовало уже въ полномъ составѣ славянское богослуженіе, которое съ большою охотою должно было распространять и утверждать славянское низшее духовенство и легче могло принять и усвоить новопросвѣщенное свѣтомъ христіанства русское общество.

Однако же исторія не подтверждаетъ существованія на Руси греческаго богослуженія и сохраняетъ только нѣкоторые слѣды наслоенія греческихъ словъ и выраженій въ отдѣльныхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, что легко объясняется, какъ явленіе, въ отношеніи къ началу христіанства на Руси, позднее, болѣе, чѣмъ на столѣтіе, и происшедшее, очевидно, по вліянію высшей іерархіи греческой и въ отдѣльныхъ только случаяхъ, или же, какъ своеобразный обычай нѣкоторыхъ монастырей, гдѣ такое вліяніе исходило отъ отдѣльныхъ лицъ, поклонниковъ греческаго языка въ богослуженіи. Слѣды греческаго языка въ славянскомъ богослуженіи—это не остатки прежняго обычая, а позднѣйшій компромиссъ между низшею славянскою и высшею греческою іерархіею, уступка славянскаго клира безпомощной, не свѣдущей въ славянской рѣчи греческой іерархіи. Но эти случаи единичны и крайне рѣдки. Современныхъ имъ свидѣтелей господствующаго и обычнаго въ практикѣ чисто славянскаго богослуженія подавляющее большинство. Поэтому, совершенно логиченъ выводъ, а *contrario*, что, такъ какъ доселѣ не сохранилось ни одной богослужебной и пѣвческой греческой книги съ русской симіографіей и нѣтъ стороннихъ свидѣтельствъ объ употребленіи при богослуженіи русскомъ подобныхъ греческихъ книгъ и самаго греческаго богослуженія, напротивъ, всѣ данныя за то, что богослужебныя и пѣвческія книги и самое богослуженіе были всегда славянскія,—то совершителями богослуженія у первыхъ русскихъ христіанъ и ихъ непосредственными учителями и руководителями, въ смыслѣ низшаго духовенства, были славяне или славяно-русы. Первые

русскіе христіане могли понять, принять и усвоить только славянское богослуженіе и наставленіе въ истинахъ христіанской вѣры и жизни на славянскомъ языкѣ. Духовнымъ нуждамъ массы новопросвѣщенныхъ русскихъ могли удовлетворять только единоплеменные пастыри, которыхъ въ достаточномъ количествѣ можно было имѣть лишь среди славяно-русскихъ; греки исполнить это трудное, обширное и отвѣтственное дѣло были не въ состояніи. Ясно, духовное руководство, совершеніе таинства и богослуженія выпало на долю славянской низшей іерархіи и на славянскомъ языкѣ. Совершая славянское богослуженіе, славянская іерархія могла дать русскимъ и не иные богослужебныя напѣвы и весь чинъ пѣнія, какъ тоже славянскіе, хотя и заимствованные ранѣе отъ грековъ, но переработанные, славянизированные.

Существовало-ли отдѣльное славянское богослужебное пѣніе и славянскіе напѣвы, этотъ вопросъ, за отсутствіемъ историческихъ данныхъ, можетъ быть рѣшаемъ только путемъ логическихъ соображеній. Исторически твердая точка отправленія въ этомъ вопросѣ та, что славянскихъ богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ IX, X, XI и XII в.в. съ греческими, частіе, византійскими симадійными пѣвческими знаками доселѣ неизвѣстно ни одной, а наибольшая вѣроятность въ томъ, что ихъ совсѣмъ не было. Нѣтъ также таковыхъ рукописей и съ славянскими пѣвческими знаками и потому именно, что такихъ пѣвческихъ знаковъ совсѣмъ не существовало у славянъ. Какъ же и что именно пѣли славяне при богослуженіи? Очевидно, что, по примѣру всѣхъ первыхъ христіанъ, они первые вѣка своего христіанства (VIII, IX, X) совершали богослуженіе и исполняли богослужебное пѣніе безъ помощи пѣвческихъ симіографическихъ знаковъ, на память, изустно, по наслышкѣ, по традиціи и практикѣ и, вѣроятно, пользуясь хирономіей. Въ славянскихъ спискахъ XI—XII в.в. (напр. Синод. 6—ки № 380—330) студійскаго устава по редакціи патріарха Константинопольскаго Алексія († 1043 г.) мы стрѣчаемъ отдѣльныя на нѣсколько случаевъ предписанія устава исполнять то или другое пѣснопѣніе пѣвчески, „по хирономіи“ — откуда видно, что хирономія до XI в. еще процвѣтала въ Византіи и около того же времени и ранѣе извѣстна была и въ славянскихъ земляхъ, откуда и перешла и на Русь²²³).

²²³) Ркп. Устава Синод. 6-ки № 380—330 л. 174 на об. На день Петра и П. катавасія „пѣвчески по хирономіи“ л. 93 на д. Теодора Студ. ипакои „по хирономіи“. Опис. Горскаго и Невоструева отд. 3, ч. I, стр. 252. Мансвет. „Церковный Уставъ“. М. 1885, стр. 153, 140.

На вопрос, что могли быть первоначально новопросвещенные славянские христиане при своем богослужении, может быть данъ только одинъ отвѣтъ: греческіе богослужебные напѣвы, первоначально съ текстомъ богослужебнымъ греческимъ, или же смѣшаннымъ греко-славянскимъ, а затѣмъ, со времени Кирилла и Меѳодія (ок. 864 г.) съ однимъ текстомъ славянскимъ. Для рѣшенія дальнѣйшей стади вопроса, сохранились-ли неизмѣнно въ славянскомъ богослуженіи греческіе напѣвы отъ начала его (VIII в.) до времени крещенія Руси (X в.) въ продолженіе около трехъ вѣковъ, мы можемъ обратиться только къ соображеніямъ общаго характера, что греческіе напѣвы въ то время были еще въ процессѣ образованія, неустановившимися окончательно и незаписанными въ симіографическихъ пѣвческихъ знакахъ, которые появляются въ письмени только въ IX—X вѣкахъ, дотолѣ существуя только въ хирономической пѣвческой практикѣ, въ системѣ подвижной, измѣнчивой, неустойчивой,—и, слѣдовательно, въ самой пѣвческой практикѣ пѣвцовъ греческихъ эти напѣвы не могли оставаться неизмѣнными въ теченіе двухъ-трехъ вѣковъ.

Южнославянскія племена, какъ и вся славянская раса, по общему и единогласному убѣжденію изслѣдователей, особенно одарены музыкальностью, способны къ сильному и быстрому развитію въ музыкальномъ отношеніи и расположены къ обширному, глубокому и разнообразному творчеству. Такая живая, богатая творческой фантазіей, увлекающаяся, склонная къ тонкой чувствительности, свѣжая, способная къ широкому всестороннему прогрессу, раса, какъ славянская, не могла въ продолженіе около трехъ вѣковъ стоять неподвижно рабски—зависимо, подражательно на тѣхъ же мотивахъ и напѣвахъ богослужебныхъ пѣвческихъ, какіе первоначально сообщены были имъ греками. Чувство художественное, сила творческая и національныя стремленія славянъ должны были неизбѣжно и характерно отразиться на этихъ напѣвахъ въ такой сравнительно большой періодъ времени, данъ музыкально-пѣвческому ихъ прогрессу должна была неизгладимо напечатлѣться въ этой области творчества національнаго духа славянскаго тѣмъ очевидно, что и греческое музыкальное искусство и развитіе напѣвовъ за это время совершили весьма значительное движеніе впередъ въ направленіи къ тому ихъ крайнему типу, который отмѣчаютъ византійскіе писатели X и XI вѣковъ. Слѣдовательно, воспринятое въ VIII—IX в.в. греческое богослужебное пѣніе, греческіе напѣвы, ритмы и мелодіи новопросвещенными славянами, въ періодъ принятія христіанства русскими, мы должны представлять значительно измѣнившимися подъ влия-

ніемъ своеобразнаго художественнаго творчества и національнаго характера славянъ. Въ этомъ уже переработанномъ видѣ национализированномъ на славянскій ладъ, измѣненномъ въ мелодіи и ритмѣ, греческое пѣніе было воспринято русскими: съ X-го по XI-й вѣкъ включительно, русскіе пѣли исключительно только изустно, по наслышкѣ, можетъ быть, по хирономіи, такъ какъ ни русскихъ, ни славянскихъ симіографическихъ рукописей этого времени совсѣмъ нѣтъ, да и греческія появляются изрѣдка только съ X вѣка,—и пѣли, несомнѣнно, переданное имъ славянами, ихъ просвѣтителями и подъ ихъ руководствомъ. Вѣковой періодъ времени, съ своей стороны не могъ не наложить печати русскаго влияния на эти греческіе, уже славянизированные напѣвы и не придать имъ новыхъ чисто русскихъ чертъ и особенностей мелодическихъ и ритмическихъ, такъ какъ безспорно, что отдѣльныя славянскія племена въ музыкальномъ отношеніи, помимо общеславянскихъ чертъ, склонны выработать и развивать еще мѣстныя туземныя, чисто этнографическія особенности, почему мотивъ сербскій часто отличенъ отъ болгарскаго, который въ свою очередь различается отъ русскаго, чешскаго и др., при общемъ, однако, колоритѣ музыкальномъ во всѣхъ этихъ случаяхъ²²⁴). Слѣдовательно, въ симіографическихъ пѣвческихъ богослужебныхъ рукописяхъ русскихъ XI—XII в.в., первыхъ по времени извѣстности, мы имѣемъ, хотя и греческое пѣніе, но прошедшее не менѣе, какъ двухвѣковую славянскую и вѣковую русскую обработку, разнообразную критику и редакцію, въ общемъ предста-

²²⁴) А. В. Преображенскій въ рефератѣ „О сходствѣ русскаго музыкальнаго письма съ греческимъ въ греческихъ рукописяхъ XI—XII в.в. 1906 г. въ концѣ дѣлаетъ четыре вывода изъ своихъ наблюденій: 1) „что знаменная нотация древнихъ славянскихъ пѣвческихъ книгъ есть нотация греческая, съ совершенно незначительными измѣненіями приспособленная для распѣванія славянскаго текста, 2) что греческая нотация заимствована для записи греческихъ же церковныхъ напѣвовъ, а не какихъ либо самостоятельныхъ оригинальныхъ мелодій, 3) что греческіе напѣвы, рассчитанные на греческіе же тексты, не могли быть примѣнены къ славянскимъ текстамъ безъ нарушенія нѣкоторыхъ мелодическихъ и ритмическихъ свойствъ напѣвовъ, равно и правильности самого текста, но при этомъ совершенно не потерпѣли въ славянскомъ изложеніи существенныхъ измѣненій и 4) по однимъ изъ слѣдствій подчиненія славянскаго текста чужому напѣву, не рассчитанному на ритмическое строеніе текстовыхъ строкъ, явилось несовпаденіе ритмическихъ удареній напѣва съ таковыми же удареніями текста, позднѣйшимъ результатомъ чего въ известной степени была гомонія“. Эти положенія могутъ быть приняты только съ ограниченіями, касающимися отмѣченнаго нами курсивомъ, которое совершенно неприемлемо въ рѣшеніи нашего вопроса.

вляющія трехвѣковой періодъ развитія первоначальныхъ греческихъ напѣвовъ при новыхъ историческихъ условіяхъ, этнографическихъ данныхъ и особенностяхъ національнаго характера славяно-руссовъ.

Что подобнаго рода эволюція первоначальныхъ греческихъ напѣвовъ, въ предѣлахъ земель славянскихъ и русскихъ, къ XI—XII в.в. была значительна, можно допустить уже, а priori; но мы имѣемъ, кромѣ того, хотя и неполныя историческія указанія на то, что на протяженіи одного и того же XI в., въ то время, какъ въ Византіи процвѣтаетъ придворное и патриаршее пѣніе, о которомъ современники, даже сами византійцы, говорятъ, что оно изысканно, искусственно, замысловато, свѣтски-пѣсенно и театрално,—наши лѣтописцы о русскомъ пѣніи сообщаютъ, что оно было настолько просто и доступно всѣмъ, что при перенесеніи мощей мучч. Бориса и Глѣба въ 1072 г. и 1115 г. весь народъ согласно пѣлъ *кирие елейсонъ*, несомнѣнно, напѣвомъ церковнымъ, богослужебнымъ; также пѣли Звенигородцы въ 1146 г., (*възваши кюрие елисонъ*) освободившись отъ враговъ, и войны кн. Изяслава въ 1151 г., (*възваши киртлесонъ*) найдя его между ранеными ²²⁵). Наконецъ лѣтописи даютъ знать, что при Ярославѣ (ок. 1051—53 г.) ²²⁶ „придоша богоподвизаеміи триє пѣвцы гречестіи съ роды своими, отъ нихже начатъ быти въ русской земли ангелоподобное пѣніе, изрядное осмогласіе, наипаче и трисоставное сладкогласованіе, и самое красное демественное пѣніе въ похвалу и славу Богу“ ²²⁷). Если „Степенная книга“ и не можетъ

²²⁵) П. С. Л. II, стрр. 22, 46, 64; I, 78.

²²⁶) По Никоновской лѣтоп. ок. 1051 г. I, 142; по „П. Собр. Р. Лѣт.“ III, 213, V, 133, ок. 1052 г.; по „Степенной книгѣ“ и Татищеву, II, 114 — ок. 1053 г.

²²⁷) Эту тираду, сообразно съ ея грамматическимъ смысломъ и логическимъ значеніемъ, намъ кажется, слѣдуетъ понимать такъ, что съ грековъ-пѣвцовъ „начатъ быти въ русской земли ангелоподобное пѣніе“—это общее положеніе, обнимающее дальнѣйшія частности, виды этого пѣнія, т. е. (во первыхъ) „изрядное осмогласіе“ и особенно („наипаче же“) „трисоставное сладкогласованіе“, въ смыслѣ: упорядоченное осмогласіе, особенно по тремъ составамъ (или системамъ музыкальнымъ, напр. трихордамъ, такъ какъ *составъ* есть дословный переводъ греческ. *συστήμα*) „и, (во вторыхъ) самое красное демественное пѣніе“, въ нашемъ смыслѣ, развившееся изъ кондакарнаго, а въ пониманіи пѣвцовъ—само кондакарное. Всѣ другія толкованія кажутся намъ натянутыми, не исключая и того, что трисоставность есть тройное нотное обозначеніе—знаками большими, малыми и мартіріями, въ пѣніи кондакарномъ. С. В. Смоленскій, всегда склонный къ увлеченіямъ, гдѣ могъ быть, хотя какой нибудь намекъ на открытіе, находилъ въ словахъ Степен-

имѣть для насъ значенія первокласснаго лѣтописнаго источника, хотя и составляема была, какъ полагаютъ, такими видными русскими іерархами, какъ Петръ, Кипріанъ, Фотій и Макарій, съ сотрудниками послѣдняго протопопами Сильвестромъ и Василиемъ (Роговымъ) въ иночествѣ Варлаамомъ, впоследствии (ок. 1589 г.) митрополитомъ Ростовскимъ ²²⁸), то все-таки же фактъ прибытія на Русь пѣвцовъ греческихъ съ своимъ пѣніемъ при Ярославѣ не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Анализируя этотъ историческій фактъ въ его основныхъ моментахъ, какъ „изрядное осмогласіе“, „трисоставное сладкогласованіе“ и „самое красное демественное пѣніе“, мы должны признать за несомнѣнный предваряющій фактъ то, что осмогласное пѣніе—„осмогласіе“ у насъ на Руси до того времени уже существовало, безъ чего немислимъ и полный составъ чина нашего первоначальнаго русскаго богослуженія. Слѣдовательно „изрядное осмогласіе“, принесенное при Ярославѣ греческими пѣвцами, было на Руси уже не новостью,—это было обычно употребляемое простое гласовое пѣніе, не сложное по ритму и мотивамъ, гласовымъ попѣвкамъ, общедоступное, легко усвояемое и понятное всѣмъ пѣніе, которое начало существовать на Руси вмѣстѣ съ богослуженіемъ славянскимъ, что тоже, одновременно съ крещеніемъ Руси и, можетъ быть, въ хирономическомъ исполненіи примитивнаго характера.

Что касается до „трисоставнаго сладкогласованія“,—то разумѣть здѣсь пѣніе партесное, трехголосное или вообще хорвое—это весьма грубая ошибка, часто повторяемая (Сахаровъ, Одоевскій, Безсоновъ, Арнольдъ и др.). Всѣ лучшіе историки и специалисты изслѣдователи греческаго византійскаго пѣнія, какъ Фридрихъ Беллерманъ ²²⁹), Венсанъ ²³⁰), Куссмакеръ ²³¹), Форт-

ной книги не два рода пѣнія, осмогласное и неосмогласное — демественное, а четыре: пѣніе на подобенъ, крюковое—знаменное, неизвѣстное—трисоставное, (трехголосное?) и красное—демественное, а затѣмъ дополняли этотъ перечень еще двумя: кондакарное и старое греческое пѣніе. Но всѣ эти предположенія совершенно неосновательны и утверждаются на произвольномъ толкованіи Степенной книги и воображеніи. См. „О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ“, стр. 23—27.

²²⁸) Державинъ, рефератъ на XII археологич. съѣздѣ „Степенная книга, какъ литературный памятникъ“, составленный на основаніи изслѣдованія Шахматова „Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV в.в.“, Ж. М. Н. Просв. 1900—1901.

²²⁹) Friedrich Bellerman, „Die Tonleitern und Musiknoten der Griechen“. Berlin. 1847.

²³⁰) Vincent, „De la musique des anciens Grecs“. Arras. 1854.

²³¹) Coussemaker, „Histoire de l'harmonie au moyen âge“. Paris. 1852.

ляге²³²), Оскаръ Пауль²³³), Вейтцманъ²³⁴), Форкель²³⁵), Фетисъ²³⁶), Амбросъ²³⁷), Науманъ²³⁸), Гевартъ²³⁹) и др., какъ Вестфаль, Рюэль, Рейнакъ, Янъ, Римапъ, Флейшеръ—всѣ единогласно убѣждены, что античная греческая музыка, а за нею и преемница ея—византийская музыка, не знали гармоническаго хороваго пѣнія и, на основаніи греческой теории музыки, считавшей терціи и сексты, существенные интервалы гармоніи—за диссонансы, и не могли имѣть его²⁴⁰). Но греки, конечно, не могли передать того и славяно-руссамъ, чего сами не имѣли, и, значить „трисоставное сладкогласованіе“—не хоровое и партесное, напримѣръ, трехголосное пѣніе, а нѣчто совсѣмъ иное.

Что это за „трисоставное сладкогласованіе“,—вопросъ спорный, рѣшаемый специалистами различно²⁴¹). Во всякомъ случаѣ, опираясь на существующій фактъ нынѣшняго дѣленія церковнаго пѣнія, на два главнѣйшихъ вида, на пѣніе—осмогласное, строго церковное, и на неосмогласное, партесное, свѣтски-изысканное,—легче всего видѣть въ этомъ „трисоставномъ сладкогласованіи“

²³²) Fortlage, „Das musicalische System der Griechen“. Leipzig. 1847.

²³³) Oscar Paul, „Die absolute Harmonik der Griechen“. Leipzig. 1866.

²³⁴) Weitzmann, „Geschichte der griechischen Musik“. Berlin. 1884.

²³⁵) Forkel, „Allgemeine Geschichte der Musik“. T. I.

²³⁶) Fetis, „Histoire generale de la musique“, t. III. Paris. 1872.

²³⁷) Ambros, „Geschichte der Musik“. B. I. Leipzig. 1887.

²³⁸) Naumann, „Illustrierte Geschichte der Musik. B. I.

²³⁹) Gevaert, „Histoire et theorie de la musique de l'antiquité“. Gand. 1875.

²⁴⁰) Въ недавнее время Ю. Арнольдъ съ большимъ усердіемъ и съ неменьшею самоувѣренностью предложилъ свои теоретическія и акустическія предположенія не столько на основаніи фактовъ и документовъ, сколько *ex suo ventre*, коимъ совершенно перевернулъ старое греческое ученіе о ладахъ—гласахъ и даже рискнулъ утверждать, что гармонія вполнѣ свойственна греческимъ ладамъ и музыкальной теоріи, въ доказательство чего сочинилъ особую теорію гармонизаціи, даже четырехголосной, въ греческихъ ладахъ не только готовыхъ, въ знаменномъ распѣвѣ, но и вновь сочиняемыхъ въ демествѣ. Такое отношеніе къ греческой музыкѣ совершенно не заслуживаетъ названія научнаго и добросовѣстнаго и тѣмъ менѣе можетъ найти себѣ практическое приложеніе.

²⁴¹) „Трисоставный“ есть, очевидно, буквальный переводъ съ греческаго (состав—*σύνστημα*) и можетъ перефразировано какъ „трехсистемный“. Употребительнѣйшая основная система въ греческой музыкѣ—тетракордь, и поэтому, терминъ „трехсистемный“ можетъ быть замѣненъ какъ „состоящей изъ трехъ тетракордъ диатоническихъ (дорійскаго, фригійскаго и лидійскаго)“. Но есть и другая древнѣйшая система—трикорда, котораго также три вида, по различному расположенію интервалловъ тона и полутона въ его трехъ ступеняхъ. Слѣдовательно, „трисоставный“ будетъ тоже, что трикордный. См. ниже о согласіяхъ.

изрядное осмогласіе нынѣшняго знаменнаго пѣнія по тремъ составамъ-системамъ (тетраходамъ, или трикордамъ) въ противовѣсъ прежнему осмогласію, неизрядному, неустроенному систематически и въ крюковой симіографіи, пѣнію обычному, на память и по хирономическимъ пѣвческимъ знакамъ. Тогда второй видъ пѣнія—„самое красное демественное пѣніе“ будетъ соответствовать прежнему—кондакарному, византийскому, а нынѣшнему—не подлинно церковному, полусвѣтскому и полуперковному, партесному пѣнію или свободнымъ композиціямъ на церковные тексты, съ тѣмъ лишь существеннымъ различіемъ, что пѣніе партесное—всегда хоровое, многословное, демественное же пѣніе разсматриваемаго времени (Ярослава) было исключительно мелодическимъ, одноголоснымъ, но свободно сочиняемымъ на церковные тексты. Это „самое красное демественное пѣніе“, излагаемое въ кондакаряхъ большими знаками—хирономическими, параллельно съ малыми и византийскими мартиріями²⁴²), и было, должно думать, именно тѣмъ пѣніемъ, о которомъ византийскіе историки X—IX в. (Кедренъ, Скилица, Зонара) говорятъ, что въ немъ „искусственность простирается до театральнаго пѣсеней и пѣнія сладострастнаго“, что оно подобно „нечестивымъ воплямъ, пѣснямъ земнымъ“, что такое „изломанное пѣніе“ и „едва внятное гудѣніе“ не сообразно съ святостью церкви и о которомъ говоритъ Вальсамонъ „по отношенію къ мірянамъ, составляющимъ особый хоръ при распѣваніи кондаковъ и доместикующихъ какъ въ перквахъ, такъ и на рынкахъ, „что совершенно запрещены безчинные вопли пѣвцовъ и театральные напѣвы“²⁴³). Въ этомъ самомъ красномъ демественномъ пѣніи мы вынуждаемся видѣть самые первые, исторически засвидѣтельствованные, несомнѣнные слѣды влияния своеобразнаго византийскаго пѣнія, понимаемаго въ этомъ тѣсномъ его значеніи, какъ пѣнія изысканнаго, свободнаго, полусвѣтскаго, полутеатраль-

²⁴²) Исслѣдованіе о мартиріяхъ у Римана Hugo Riemann, Abhandlung „Ueber die *Μαρτυρία* der byzantinischen liturgischen Notation“, in den Sitzungsberichten der königl. baier. Akademie der Wissenschaften phil.—historisch. Klasse. 1882. S. 38 ff. Больше основательно вопросъ разсмотрѣнъ у Флейпера Neumen-Studien, Th. III, Berlin, 1884, s.s. 38—39—у Гаиссера въ статьѣ „De system musicale de l'eglise grecque“ въ „Revue benedictine“, 1889, XII, 1900, II и у Тибо въ „Византийскомъ временникѣ“ 1899 г. „Мартирія“, стр. 4.

²⁴³) Въ толкованіи на 15-е правило Лаодикійскаго собора „*Σημείωσαι ταῦτα διὰ τὸν μοναχὸν τὸν μὴ δεξαμένον ἐπισκοπικὴν ἐπικουρίδα καὶ ἀτακτὸν ἐπὶ ἄμβωνος ἀναγιγνώσκοντα καὶ διὰ τὸν λαϊκὸν τοῦ χοροστάτου τῶν κοντακίων τοῦ ἐκκλησίας καὶ ἐν ταῖς ἀγοαῖς доместικέοντας. Ὡσαύτως σημείωσαι ὅτι καὶ τὰ τῶν ψαλτῶν μινυρίσματα καὶ τὰ θεμελικὰ μελωδήματα πάντη κεκάλονται. Σύνταγμα Ράλλη καὶ Πότλη, 1853, σ. 185.*

наго, страстнаго, нецерковнаго, домашняго, слѣды котораго оставались до позднѣйшаго времени въ русскомъ церковномъ пѣніи въ аенайкахъ, хивуахъ, ненеахъ, и тому подобныхъ изысканныхъ и напыщенныхъ украшеніяхъ, такъ возмущавшихъ въ XVI—XVII в.в. ревнителей богослужебнаго благолѣпія и благочинія²⁴⁴). Отсюда уже довольно ясно, какаѣ доля участія принадлежала Византіи въ дѣлѣ насажденія богослужебнаго православнаго пѣнія въ новопросвѣщенной Руси.

Если гласовое пѣніе, несомнѣнно, существовало на Руси отъ момента крещенія ея, то „изрядное осмогласіе“ „Степенной книги“, принесенное греческими пѣвцами при Ярославѣ (въ XI в.), или нынѣшнее знаменное, не составляло новости, извѣстной одной только Византіи и ей одной принадлежащей; напротивъ, оно было общераспространеннымъ въ христіанскихъ церквахъ того времени. Его специфическая особенность могла быть только та, что оно было тщательно, научно-музыкально, обработано по ладамъ и музыкальнымъ тремъ системамъ, оно было „трисоставное“ и „изрядное“, устроенное, приведенное въ опредѣленный порядокъ внѣшній, теоретическій и можетъ быть изложено въ крюковыхъ знакахъ, тогда какъ прежде существовало на Руси только практически въ напѣвахъ и гласовыхъ попѣвкахъ. Слѣдовательно „изрядное осмогласіе“ грековъ-пѣвцовъ въ содержаніе издавна существовавшаго на Руси осмогласія, въ его мелодіи, напѣвы и попѣвки ничего новаго не вносило. „Трисоставное сладкогласованіе“ или трехсистемное, мелодическое пѣніе, изрядное осмогласіе—симіографическое, совершенно неизвѣстно на Руси до Ярослава (XI в.). Объ его раннѣйшемъ существованіи нѣтъ данныхъ заключить и логическимъ, апріорнымъ путемъ, на основаніи соображеній

²⁴⁴ Неизвѣстный авторъ ркп. 6-ки М. Д. Акад. (Горскаго) „Музикія“, съ датой 1671 г., приведа примѣръ демественнаго пѣнія на слова псалма „На рѣкахъ вавилонскихъ“ „Евавило ине тайна айни анейне ане ине тайна“, говорить: „виждь еини пененине наине аллилуіа ине тайно и прочее все демественное пѣніе таково на тѣхъ хабувахъ и ахатѣхъ и въ ненеикахъ, ршы бо ми, любимиче, есть ли здѣ уму внушеніе, есть ли словесный разумъ, есть ли внимательный сихъ пѣній послушатель?“ Приведа другой примѣръ „чашу спа хабивен се хехебуви нія аино хабубува епріму имя Господне при охо бубува“..., восклицаетъ: се ли есть благодареніе, о неразумію и простотѣ? Се есть хуленіе!“ Инокъ Евфросинъ въ своемъ сочиненіи „Сказаніе о различныхъ ересѣхъ и хуленіяхъ на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, содержимыхъ отъ невѣдѣнія въ Знаменныхъ книгахъ“, съ датой 1663 г.; говорить о жидовствующихъ и певѣжественныхъ пѣвцахъ и переписчикахъ: „на-сѣлаша нѣкія хульные рѣчи въ знаменномъ пѣніи, якоже айнани, тайнани и прочія таковыя смѣхотворныя глаголы“. Ркп. 6-ки Синод. учил. № 74.

общаго характера, тѣсно связанныхъ съ состояніемъ тогдашняго русскаго богослуженія, ни одна изъ сторонъ котораго не предполагаетъ необходимаго существованія этого рода пѣнія тогда на Руси, равно и съ состояніемъ тогдашняго пѣвческаго дѣла и познаніями и опытностью тогдашнихъ пѣвцовъ, большею частью новичковъ въ этомъ дѣлѣ, для которыхъ и пѣвческая симіографическая, и музыкальная теоретическая системы, должны были представляться областью непонятною, недоступною, по общей неподготовленности, особенно, если принять во вниманіе, что съ большимъ трудомъ доставалась эта наука даже и въ византійскихъ школахъ, гдѣ не каждый изъ учащихся былъ въ состояніи осилить всѣ семь свободныхъ искусствъ и наукъ (средневѣковыя *trivium quadrivium*), нерѣдко не въ состояніи будучи добратъся до ступеней высшихъ (*quadrivium*), къ которымъ принадлежала и музыка, какъ отдѣлъ математики. Наши же древнія школы учили только грамотности, а не свободнымъ классическимъ наукамъ академій Византіи, или даже элементарнымъ наукамъ гимназій Греціи, и только клирики церквей, книжники, переписчики рукописей, да дѣти клириковъ, подъ руководствомъ старшата духовенства и книжныхъ монаховъ, могли быть вовлечены въ изученіе или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторое знакомство съ такой новой мудреной наукой, какъ музыкальная система греческая и нотнопѣвческая симіографія, чтеніе и пониманіе которой требовало основательной и специальной подготовки, каковой на первыхъ порахъ взять было негдѣ. Притомъ школьное дѣло и переписка книгъ были болѣе или менѣе основательно поставлены только при Ярославѣ; ранѣе же того не было и этихъ, благопріятныхъ дѣлу усвоенія основъ греческой музыки и симіографіи, побочныхъ условий. „Къ X-му вѣку, въ концѣ котораго началась русская письменность, говоритъ Волковъ, нельзя отнести ни одной изъ сохранившихся рукописей, да едва ли возможно основательно утверждать, что въ X вѣкѣ русскіе успѣли написать хоть одну книгу²⁴⁵). Отсюда ясно, что знакомство русскихъ пѣвцовъ съ „трисоставнымъ сладкогласованіемъ“, или основами греческой музыки и нотнопѣвческой симіографіей до Ярослава отсутствовало и едва ли могло быть при тогдашнихъ условіяхъ умственнаго развитія и предварительной подготовки даже передовыхъ людей русскихъ, при слабой, сравнительно съ Византіей, постановкѣ школьнаго и образовательнаго дѣла и безспорномъ недостаткѣ учителей славянъ и

²⁴⁵ „Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ XI—XIV вѣковъ и ихъ указатель“. СПб. 1897. Стр. 24.

грековъ. Ясно, затѣмъ, и то, что греческая музыкальная система, въ тетрахордахъ и ладахъ и нотно-пѣвческя кондакарная система, или византійская симіографія, занесены на Русь, въ Кіевъ, при Ярославѣ (около 1051—1053 г.) тѣми же греческими пѣвцами, чѣмъ и положено было первое начало нотнаго — крюкового пѣнія на Руси, въ дополненіе къ существовавшему прежде осмогласному, общеславянскому, изустному. Это совершенно согласно съ тѣмъ, обстоятельствомъ, что крюковыя богослужебныя русскія книги не восходятъ раньше XI в. и, повятно, ихъ раньше и не было на Руси. Выше, однакоже, было замѣчено, что всё сохранившіяся у насъ отъ древности крюковыя рукописи, за незначительными исключеніями отдѣльныхъ словъ и выражений и нѣкоторыхъ пѣснопѣній, имѣютъ текстъ славянской. Допустимо предположеніе, что греческіе пѣвцы принесли съ собою богослужебныя пѣвческія книги кондакарнаго знамени съ греческимъ текстомъ и только здѣсь, въ Кіевѣ, перевели ихъ при помощи славянъ и русскихъ на языкъ славяно-русскій, точнѣе, болгарскій; но возможно и то, что они принесли книги кондакарныя уже переведенныя на славянской языкъ, такъ какъ въ Византіи, уже со времени пребыванія Меѳодія въ Константинополѣ (ок. 882 г.), стало извѣстно славянское богослуженіе, и императоръ удержалъ при себѣ послѣ Меѳодія „попа и діакона съ книгами“; а также извѣстно было славянское богослуженіе и на Аѳонѣ. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ той мысли, которой склонны мы держаться, что пѣвческія книги писаны самими пѣвцами, или подъ ихъ руководствомъ, пѣвцами славяно-русскими, или же ихъ ближайшими учениками уже въ самомъ Кіевѣ. Такъ, или иначе, нотныя—симіографическія книги съ „изряднымъ осмогласіемъ“ — „трисоставнымъ сладкогласованіемъ“ и кондакарнымъ знаменемъ появляются на Руси во второй половинѣ XI в., вѣроятно, только благодаря пришедшимъ въ Кіевъ, упоминаемымъ въ „Степенной книгѣ“, тремъ пѣвцамъ греческимъ,—такъ какъ ранѣе XI в. у насъ не имѣется никакихъ крюковыхъ пѣвческихъ книгъ и нѣтъ даже стороннихъ о нихъ извѣстій у современниковъ. Очевидно, такихъ богослужебныхъ нотныхъ книгъ со славянскимъ текстомъ у насъ ранѣе и не было, какъ не было ихъ и съ текстомъ греческимъ, что доказываетъ отсутствіе и стороннихъ свидѣтельствъ и указаній современниковъ о нихъ²⁴⁶).

²⁴⁶) С. В. Смоленскій въ „Краткомъ описаніи древняго (XII—XIII в.) знаменнаго ирмолога“ Воскресенскаго монастыря. Казань, 1887 г., стр. 12, 13, 14, высказываетъ предположеніе, что русское знаменное письмо непосредственно возникло изъ кондакарнаго, какъ древнѣйшаго и первоначальнаго

Какую систему музыкальную принесли съ собою эти три грека остается неизвѣстнымъ, но можно предполагать, что, если они были византійцы, то конечно принесли музыкальную византійскую „систему великую совершенную“ (*σύστημα τέλειον μέγα*), состоящую изъ смѣшанныхъ, раздѣленныхъ и соединенныхъ тетрахордовъ. Между тѣмъ у насъ доселѣ сохранилась въ древнѣйшихъ расцѣвахъ система музыкальная „малая совершенная“ (*σύστημα τέλειον μικρόν*), состоящая изъ однихъ только соединенныхъ тетрахордовъ, система въ греческой музыкѣ первоначальная и древнѣйшая. Это ведетъ къ тому, что наши древніе напѣвы, переведенные съ древнихъ крюковыхъ пѣвческихъ рукописей, удерживающіе „малую совершенную“ систему, не византійскаго происхожденія, какъ и сами эти рукописи и ихъ пѣвческя симіографія, а сами пѣвцы—не византійцы. Византійская „великая совершенная“ система должна была однако же оставить свои слѣды въ церковномъ пѣніи русскаго клироса и въ соотвѣтствующей крюковой симіографіи. Остатками этого византійскаго пѣнія и его вліянія на русское пѣніе мы должны признать не иное что, какъ пѣніе кондакарное съ принадлежащей ему, совершенно своеобразной, симіографіей, мало похожей на русскую, точнѣе греко-сирійскую, XI—XII в., но весьма сходную съ византійской симіографіей того же времени. Подкрѣпленіемъ этого предположенія, кромѣ общаго сходства кондакарной и византійской симіографіи, служить еще наличность въ кондакарномъ знамени одного признака, составляющаго обычную, всегдашнюю и неотъемлемую принадлежность византійскаго знамени, — *мартирія*²⁴⁷), употребляемыхъ только при пѣніи по „великой совершенной“ системѣ византійской. Крюковое пѣніе русское, некондакарное, по своей симіографіи совершенно отлично отъ византійскаго, удерживая только нѣкоторыя черты сходства, обусловленные общимъ происхожденіемъ изъ одного

по отношенію къ знаменному и что будто Воскресенскій ирмологъ съ своимъ знаменемъ представляетъ собой всеобщее забвеніе кондакарнаго знамени“ и „прямо указываетъ на сильнѣйшую русскую реакцію“ противъ греческаго пѣнія, наиболее сильно выраженаго въ кондакарномъ знамени. Но изъ предыдущихъ соображеній нельзя не видѣть, что кондакарное знамя не предшествовало крюковому, а появилось подъ вліяніемъ трехъ греческихъ пѣвцовъ одновременно съ нимъ, какъ одновременно стало оно извѣстнымъ и по древнѣйшей крюковой рукописи, Типографскому Уставу, конца XI-го в.; въ извѣстныхъ же донныхъ кондакарныхъ, Благовѣщенскомъ, Синодальномъ Успенскомъ и Лаврскомъ оно и вовсе позднѣе, конца XII-го и даже начала XIII в., какъ въ датированномъ кондакарѣ 1207 г.

²⁴⁷) О мартиріяхъ и относящейся до нихъ литературы см. ниже.

греко-сирийскаго источника—хирономіи, псалмодіи и просодіи, и никогда не употребляетъ византійскихъ мартирій, что ясно указываетъ на его не византійское происхождение. Напротивъ же, сходство русской крюковой симіографіи съ симіографіей синайскаго стихираря (999 г.), есфигменскаго ирмологія XI в., Тріоди X—XI в.в. съ псалмодическими знаками Ефремовскаго кодекса (VII в.), съ знаками греко-сирийско-египетской просодіи, наконецъ, сходство отдѣльныхъ знаковъ этой симіографіи съ демотическими египетскими знаками²⁴⁸⁾ и съ потными знаками арабскими, заимствованными изъ арабскаго алфавита²⁴⁹⁾—все это указываетъ на восточное происхождение этой симіографіи, ближе всего, на греко-сирийское.

Что такое было принесенное греческими пѣвцами „самое красное демественное пѣніе“, объ этомъ ничего нельзя сказать, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было вещественныхъ указаній, въ видѣ рукописей, отрывковъ ихъ, а также за неимѣніемъ и внѣшнихъ историческихъ свидѣтельствъ объ его исполненіи, характерѣ и пѣвческихъ знакахъ, если только не хотимъ признать, что это пѣніе не иное какое, какъ наше кондакарное. Вѣрнѣе всего думать, что это пѣніе, хотя оно и исполнялось въ предѣлахъ ладовъ—гласовъ, но было свободною композиціею, несвязанною гласовыми попѣвками, какъ пѣніе на исонъ, нерѣдко употребляемое у грековъ и донынѣ, и не имѣло точно опредѣленныхъ мелодическихъ фигуръ—повѣвокъ. Это пѣніе и доселѣ извѣстно между старообрядцами, какъ пѣніе, которое „гласа не обозначаетъ“ (по замѣчанію прот. Андрея Іоаннова)²⁵⁰⁾, и, слѣдовательно, не свя-

²⁴⁸⁾ Fetis, „Histoire générale de la musique“, t. I, p.p. 301, 308—309.

²⁴⁹⁾ Fetis, „Histoire générale de la musique“, t. II, p.p. 168, 171, 172 etc.

²⁵⁰⁾ „Историческое извѣстіе о раскольникахъ. СПб. 1794. Кондакарное-демественное пѣніе въ 1-мъ изд. было названо „свободною импровизаціею“ въ томъ смыслѣ, что это было свободное пѣснотворчество, несвязанное гласовыми попѣвками, но фиксированное въ знакахъ. С. В. Смоленскій, рецензировавшій настоящую книгу въ 1-мъ ея изд. по порученію Академіи Наукъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ, непонявъ нашей мысли, нашелъ высказанное сужденіе невѣрнымъ и несоотвѣтствующимъ его личнымъ наблюденіямъ. Но въ нашей книгѣ совсѣмъ не утверждалось, что пѣніе на исонъ и пѣніе кондакарное-демественное есть импровизація во время самого исполненія пѣвческаго, почему и всѣ опроверженія и увѣренія Смоленскаго ненужны, равно и неоспариваемо нами и то, что есть кондаки — подобны, которые поются одинаково и изложены сходнымъ знаменемъ. Затѣмъ не должно смѣшивать то, что пѣніе кондакарное, прежде равное демественному прежняго времени, породило съ XIII—XIV демественное въ собственномъ смыслѣ, уже позднѣйшее, и, если въ кондакарномъ пѣніи можно находить гласовую

зано какими-либо опредѣленными мелодіями, строками и попѣвками, образуя мелодію, ея характеръ, ритмъ, направленіе и движеніе совершенно по произволу, вкусу и желанію сочинителя. Такое пѣніе, безъ сомнѣнія встрѣчалось въ практикѣ изстари, передаваясь изуство, изъ поколѣнія въ поколѣніе пѣвцовъ; оно было извѣстно даже въ XV в., такъ какъ лѣтопись сохранила намъ извѣстіе о пѣніи демественномъ предъ смертію князя Дмитрія Краснаго (1440 г.), но въ потныхъ пѣвческихъ знакахъ, крюкахъ, оно извѣстно не ранѣе XVI в., и эти знаки уже чисто русскаго происхожденія.

Было бы весьма важно для дѣла рѣшить, кто были эти три грека-пѣвца, пришедшіе въ Кіевъ съ роды своими,—были ли они византійцы, или греко-сирийцы. Съ нѣкоторою вѣроятностію можно только предположить, что они были не прямо изъ Византіи или Сиріи, а скорѣе всего съ Аѳона, какъ посредствующаго между Кіевомъ и Царьградомъ, пункта²⁵¹⁾. Послѣ митрополита — грека Теоцемпта († ок. 1047—49 г.) кафедрѣ митрополичья въ Кіевѣ оставалась свободною до 1051 г., когда былъ избранъ митрополитомъ, вопреки установившемуся обычаю, не грекъ, а русскій—Иларіонъ. Въ этомъ видится отголосокъ того недовольства Кіева Византійей, которое вызвано было войною русскихъ съ греками около трехъ лѣтъ ранѣе того (ок. 1047—48 г.), во время которой 800 русскихъ плѣнныхъ съ воеводой Вышатою были предательски ослѣплены²⁵²⁾. Весьма возможно, что, хотя политическій миръ Кіева съ Византійей въ это время уже состоялся, но церковныя отношенія, особенно со времени избранія митрополитомъ Иларіона, были натянутыми съ обѣихъ сторонъ. Если митрополитъ вступилъ на кафедру не изъ Византіи, то неизвѣстно, почему три пѣвца-грека въ одно и тоже время пойдутъ въ Кіевъ изъ Византіи и притомъ не къ митрополиту-греку, а къ природному русскому, и тѣмъ

и ритмическую упорядоченность, то нельзя того же наблюдать въ позднѣйшемъ демественномъ, которое ритмически довольно беспорядочно и, какъ говорятъ, „гласа не имать“, почему имъ всегда и исполнялись не гласовыя пѣснопѣнія, какъ херувимскія, на рѣдѣ вавилонстѣй, взбранной воеводѣ, многолѣтны, достойно есть, причастные стихи и проч. Демествомъ же называлось и строчное хоровое пѣніе негласовое.

²⁵¹⁾ Не должно при этомъ смущать замѣчаніе Степенной книги, что „придома отъ Царяграда, богоподвизаеміи тріе пѣвцы греческіи“ (Ст. кн. М. 1775, ч. I, стр. 224), потому что это общее указаніе, равносильно „отъ грекъ“, а затѣмъ оно указываетъ лишь маршрутъ этихъ пѣвцовъ, но не то, что они пѣвцы царьградскіе.

²⁵²⁾ Никоновск. лѣт. I, 139.

болѣе, при вѣроятныхъ натянутыхъ отношеніяхъ Византіи и Кіева. Но приходъ этихъ трехъ грековъ съ Аѳона въ это время (ок. 1051—1053 г.г.) не представится невѣроятнымъ, если вспомнимъ, что около 1051 г. съ Аѳона пришелъ въ Кіевъ преподобный Антоній съ цѣлью насажденія общежительнаго монашества аѳонскаго, по примѣру и уставу преподобнаго Аѳанасія аѳонскаго, память о которомъ еще была свѣжа († ок. 1000 г. 80 лѣтъ)²⁵³.

Около 830 г. флотъ греческій въ царствованіе Теофила былъ истребленъ арабами близъ острова Фаса, противъ Аѳона, и Аѳонъ, отъ частыхъ набѣговъ арабовъ, запустѣлъ до семидесятихъ годовъ IX-го вѣка, и только въ концѣ этого вѣка и въ началѣ X-го началось снова населеніе его²⁵⁴. Уже въ концѣ IX в., на Аѳонѣ явились, кромѣ грековъ и грузинъ, обычныхъ насельниковъ стараго Аѳона, латиняне, армяне, сирійцы, славяне, даже съ семействами и стали заниматься скотоводствомъ²⁵⁵. Около 1046 г. Константинъ Мономахъ, по жалобѣ болѣе благочестивыхъ аѳонцевъ, хрисовуломъ удалилъ мірянъ съ семействами съ Аѳона и далъ уставъ горѣ Аѳонской, предупреждавшій нестроенія и начертывавшій желательный образъ жизни монашеской²⁵⁶. Стѣспительныя условія жизни на Аѳонѣ и рѣшительныя предписанія Константина Мономаха объ очищеніи Аѳона отъ всѣхъ семейныхъ мірянъ, могли естественно побудить вмѣстѣ съ другими мірянами и грековъ пѣвцовъ „съ роды своими“ послѣдовать по стопамъ русскаго паломника на Аѳонѣ—преподобнаго Антонія, въ Кіевъ. Такъ аѳонское пѣніе, которое было по преимуществу, какъ видѣли, греко-сирійскимъ, черезъ пѣвцовъ греческихъ „съ роды ихъ“, могло перейти съ Аѳона, изъ Аѳонской лавры греческой, въ новый Аѳонъ, русскую лавру Кіево-Печерскую, къ преемникамъ Аѳанасія Аѳонскаго, Антонію и Θεодосію Печерскимъ, и распространиться по важнѣйшимъ церквамъ г. Кіева и его области, а затѣмъ и по Руси. Самъ Антоній, по преданію²⁵⁷, былъ постриженъ въ Есфигменскомъ монастырѣ, гдѣ и началъ впервые подвизаться въ монашествѣ, и, возможное дѣло, былъ первымъ изъ тѣхъ, кто перенесъ и пересадилъ Аѳонское пѣніе, съ его восточ-

²⁵³ Порфирій, „Исторія Аѳона“, ч. III, стр. 153.

²⁵⁴ Ibid. стр. 24, 127.

²⁵⁵ Ibid. стр. 129, 156.

²⁵⁶ Ibid. стр. 169, 184.

²⁵⁷ Муравьевъ, „Письма съ Востока“, ч. I, стр. 208—14. СПб. 1851. Григоровичъ „Очерки путешествія, по Европейской Турціи“. Каз. 1848. Стр. 57.

нымъ, греко-сирійскимъ характеромъ, въ Кіевъ, въ его церкви и монастыри, гдѣ это пѣніе, съ его симіографіей, твердо хранилось во все время, съ XI-го по XIII-й вѣкъ, захватывая даже значительную часть XIV вѣка. Были-ли три пѣвца-грека византійцы, или же греко-сирійцы, во всякомъ случаѣ, идя съ Аѳона по стопамъ преподобнаго Антонія, въ Кіевъ, они приносили съ собой на Русь съ одной стороны „самое красное демественное пѣніе“, исполняемое преимущественно въ импровизаціи, безъ записи, по знакамъ хирономическимъ, пѣніе полу-церковное, домашнее, придворно-византійское, вполне обусловливаемое настроеніемъ, талантомъ, вдохновеніемъ и вкусомъ пѣвца и сочинителя въ одно время — съ другой — „трисоставное сладкогласованіе“ — изрядное осмогласіе, пѣніе строго церковное, употребляемое лишь при богослуженіи, исполняемое также по хирономіи, но въ опредѣленныхъ точно установленныхъ попѣвкахъ и совершаемое по тремъ музыкальнымъ системамъ — тетраордамъ діатоническимъ (дорійскому, фригійскому и лидійскому) или же трихордамъ — соглашениямъ. Въ отличіе отъ сложной и многозначной симіографіи византійской кондакарной, древнѣйшая русская симіографія, наиболѣе простая и малозначная, наиболѣе и способна служить для выраженія простѣйшихъ осмогласныхъ мелодій и напѣвовъ. Но эта симіографія, какъ сказано, восточнаго, греко-сирійскаго происхожденія, повтому и осмогласіе, въ ней содержащееся, хотя и прошедшее можетъ быть черезъ Аѳонъ, а оттуда уже занесенное тремя пѣвцами-греками, можетъ быть, кромѣ того, и преподобнымъ Антоніемъ, — всетаки же восточнаго, греко-сирійскаго происхожденія, какъ несомнѣнно, и первоначальное осмогласіе византійское, которое впервые учреждено въ Константинопольской церкви въ IV в. трудами антиохійца св. Іоанна Златоустаго, конечно, по образцу восточныхъ малоазійскихъ и египетскихъ церквей²⁵⁸.

²⁵⁸ На Востокъ въ Іерусалимѣ уже паломница Сильвія аквитанская (IV в.), упоминаетъ общество монаховъ пѣвцовъ—спудеевъ, а Кирилль скиеопольскій говоритъ (въ житіи преп. Саввы) о построеніи для нихъ отдѣльнаго монастыря (V—VI в.в.). Такое же пѣвческое общество появляется въ V в. и въ Константинополѣ, гдѣ въ VII—VIII вв. былъ также построенъ для нихъ монастырь. Petrides S. Le monastère des Spodaei a Ierusalem et les Spoudaei de Constantinople. Echos d'Orient, 1901, 4, 225. Скабаллановичъ. „Толковный Типиконъ“. Кіевъ, 1910, стр. 250, 251, 260, 261. Дмитріевскій „Древнѣйшіе патріаршіе типиконы“, Кіевъ, 1907, стр. 86. Да и уставы Константинопольскій и Студійскій были въ большой зависимости отъ Іерусалимскаго особенно въ пѣвческой части, о чемъ у Дмитріевскаго ibid. стр. 141, 144, 147, 148, 152, 187 — 190, 193, 203, 208, 298 и др.

Но существованіе византійскаго кондакарнаго пѣнія на Руси всетаки непродолжительно. Въ то время какъ греко-сирійское пѣніе съ его симіографіей положило прочное начало русскому крюковому пѣнію, существованіе котораго идетъ непрерывно до позднѣйшихъ временъ, византійское—кондакарное пѣніе исчезаетъ уже въ началѣ XIV вѣка и совершенно забывается и въ напѣвахъ и въ симіографіи. Аѳонъ былъ посредствующимъ пунктомъ, съ одной стороны, между греко-сирійскимъ Востокомъ и Кіевомъ, съ другой—между Византіей и Кіевомъ, и чрезъ посредство поклонниковъ, въ видѣ преподобнаго Антонія, или переселенцевъ пѣвцовъ-грековъ, простиралъ свое многостороннее просвѣтительное и дисциплинирующее въ духѣ строго христіанскомъ влияніе на ближайшія племена славянскія и на русскій народъ. „Аѳонъ, говоритъ прот. Николаевскій, былъ главнымъ центромъ монашества на Востокѣ и, находясь на рубежѣ двухъ міровъ греческаго и славянскаго, сталъ главнымъ проводникомъ христіанскаго просвѣщенія въ земляхъ славянскихъ; въ XI вѣкѣ на немъ было два славянскихъ монастыря, изъ которыхъ одинъ (Ксилургу) былъ переполненъ русскими людьми. Много святогорскихъ иноковъ странствовало по землямъ славянскимъ, между прочимъ и въ Россіи“²⁵⁹).

²⁵⁹) Николаевскій. Кіевопечерскій монастырь въ древней Россіи. Хри-Инока аѳонскаго, родомъ болгарина, изъ монастыря святого Минны встрѣчаемъ въ средѣ печерской братіи около преп. Антонія, въ его игуменство, при жизни въ первой пещерѣ (приблизительно ок. 1056—57 г.г.), о чемъ дважды упоминаетъ Кіевопечерскій патерикъ²⁶⁰). Но непосредственныя сношенія паломнической Руси съ Византіей и Востокомъ, влияніе *тонцевъ Царяграда и Иерусалима* на русскій пѣвческій музыкальный складъ ясно отмѣчены уже русскими былинами. Въ средѣ иноковъ Кіевопечерской братіи, мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемъ восточныхъ людей—армянина и сирійца²⁶¹), а въ средѣ пѣвцовъ Кіева—трехъ греческихъ пѣвцовъ. За неимѣніемъ точныхъ опредѣленныхъ историческихъ данныхъ, это восточное влияніе не можетъ быть представлено наи-

Скабаллановичъ *ibid.* стр. 374, 395 и др., что ясно доказываетъ, что первоначальное пѣвческое движеніе въ напѣвахъ церковныхъ и нотномъ письмѣ (хирономія, псалмодія и симіографія) вмѣстѣ съ уставомъшло съ Востока, изъ Иерусалима и Палестины, какъ прародины всего христіанскаго первоначальнаго богослуженія.

стіанское Чтеніе, 1876 г. Мартъ—Апрѣль, стр. 305.

²⁶⁰) Кіевоп. пат. рус. пер., стр. 93, 192, 45.

²⁶¹) *Ibid.* 348, 349, 225.

болѣе реальнымъ образомъ; но признаки этого вліянія, хотя и не непосредственныя и нерѣдко довольно отдаленныя, усматриваются однакоже со многихъ сторонъ въ историческомъ ходѣ, характерѣ и особенностяхъ русскаго церковно-пѣвческаго искусства и симіографіи.

Племенное родство, этнографическая близость, сношенія частныя, торговыя, военныя, общность музыкальныхъ вкусовъ, естественно сближали русскихъ въ періодъ принятія христіанства съ славянами и невольно вели русскихъ, какъ юнѣйшее по просвѣщенію и культурѣ, славянское племя къ заимствованію всего лучшаго и въ отношеніи нуждъ христіанскаго богослуженія и храмоваго пѣнія у племенъ славянскихъ старѣйшихъ, болѣе сильныхъ и развитыхъ, духовно, съ развитымъ, установившимся христіанскимъ культомъ, и богослуженіемъ на народномъ языкѣ, съ пѣніемъ сродными, знакомыми въ общемъ, понятными, доступными славянскому слуху мотивами и напѣвами, близкими сердцу, говорящими религіозному чувству, какъ родной языкъ. Такъ русскіе должны были воспринять въ свой культъ и богослуженіе вмѣстѣ съ славянскимъ языкомъ и славянскіе церковныя напѣвы. Славянскіе церковныя напѣвы, вслѣдствіе географической близости славянскихъ племенъ къ Византіи, частыхъ торговыхъ и военныхъ съ нею сношеній и, конечно, вслѣдствіе принятія христіанства отъ грековъ и вмѣстѣ съ этимъ, въ свою очередь, коренились, какъ въ своей основѣ, въ византійскихъ церковныхъ напѣвахъ, но со временемъ истолкованныхъ и обработанныхъ своеобразно, въ духѣ національности. Но это не единственный ихъ источникъ. Сношенія славянскихъ племенъ, переселенческія, торговыя, военныя, съ малоазійскими, греко-сирійскимъ Востокомъ, были не менѣе часты, чѣмъ и съ Византіей. Это открывало не менѣе широкій и вѣрный путь вліянія восточнаго христіанства и особенностей его культа и на христіанское богослуженіе и культъ новопросвѣщенныхъ славянъ и на его богослуженіе и напѣвы, особенно въ періодъ притѣсненія греко-сирійцевъ христіанъ отъ племенъ арабскихъ, когда просвѣщенные греко-сирійцы искали мира на христіанскомъ западѣ и были невольными миссіонерами своего культа и когда дѣятельность восточныхъ отцовъ-законодателей богослуженнаго устройства (Софроній, Іоаннъ Дамаскинъ, Косьма Маюмскій, Теодоръ и Теофанъ, Сергій и др.) была особенно напряженна и плодотворна для христіанской церкви. Сношенія съ Востокомъ преемницы славянскаго богослуженія, христіанской Руси не прекратились и рельефно выразились въ частыхъ паломничествахъ на святой Востокъ и въ Палестину, почему и притокъ наиболѣе по-

учительнаго въ области богослужебнаго культа вмѣстѣ съ греко-сирійскими нагѣвами и ихъ симіографіей также не прекращался²⁶²). Сходство русской древней крюковой симіографіи съ симіографіей греко-сирійской, сходство знаковъ русской симіографіи съ знаками псалмодическими сирійскаго Ефремова кодекса, наибольшее сходство знаковъ русской симіографіи съ знаками просодическими, разработанными прежде всего въ Египтѣ и Сиріи, по сравненію съ симіографіями византійской и латинской, наконецъ, сходство устройства церковнаго русскаго звукоряда съ музыкальными системами-ладами греко-арабо-сирійскими и совершенное отличіе его отъ ладовъ византійскихъ и византійской неизмѣняемой системы,—все это убѣдительно образно указываетъ на происхожденіе и зависимость нашего древняго русскаго церковнаго пѣнія и его симіографіи отъ восточнаго греко-сирійскаго, съ его симіографіей, какъ черезъ посредство славянскихъ земель, Аѳона и Византіи, такъ и въ непосредственныхъ сношеніяхъ русскихъ съ Востокомъ.

Таковыя общія историческія, географическія и этнографическія условія, при которыхъ богослужебное пѣніе, вмѣстѣ съ христіанствомъ, возникало и насаждалось на Руси, и таковы историческія и историко-литературныя указанія и соображенія теоретическаго и логическаго характера, на основаніи которыхъ мы въ состояніи установить, какъ общее основное положеніе,—1) греко-восточный характеръ нашего знаменнаго пѣнія и его симіографіи и византійскій характеръ пѣнія кондакарнаго съ его знаменемъ, и 2) заимствованіе знаменнаго пѣнія отъ славянъ, при совмѣстномъ вліяніи Аѳона, Византіи и греко-сирійскаго Востока, пѣнія же кондакарнаго—изъ Византіи, при посредствѣ Аѳона.

Ближайшее разсмотрѣніе пѣнія знаменнаго и кондакарнаго ясяѣе обрисуетъ эти основные пункты принятой нами точки зрѣ-

нія и вмѣстѣ дастъ намъ матеріаль и необходимыя черты и существенныя признаки для сужденія о состояніи и развитіи нашего богослужебнаго пѣнія въ домонгольскій періодъ существованія русской церкви. При этомъ для полноты и обстоятельности изслѣдованія домонгольскаго богослужебнаго пѣнія, при относительной скудости свѣдѣній изъ этого періода, является необходимостью привлечь матеріалы и указанія частью изъ греческихъ источниковъ, современныхъ періоду домонгольскому, частью изъ русскихъ, но позднѣйшаго, послѣмонгольскаго времени, — но всеже центр тяжести для изслѣдованія и сужденія о богослужебномъ русскомъ пѣніи домонгольскаго періода составляетъ пѣвческій матеріаль (болѣе двадцати) крюковыхъ рукописей этого времени, частью знаменныхъ, частью — кондакарныхъ, которыя и даютъ наиболѣе полный отвѣтъ на нашъ вопросъ.

²⁶² По Иоакимовской лѣтописи (у Татищева II; 93, 79, 89), первый епископъ при Владимірѣ (или митрополитъ) былъ болгаринъ Михаилъ; по Никоновой же лѣтописи и Степенной книгѣ, онъ былъ „родомъ Сиринъ“ (Ник. л. I, 92, 104—112, 135. Степ. кн. I, 135, 166, 223). Въ каталогѣ Лекеня (Le Quien Oriens Christian I, 1261—1281, Paris. 1740) онъ также названъ сиринкомъ. Въ житіи св. благов. князя Святоши—Николая (Кіевопечерск. патер. въ русск. перев. М. 1897 г. стр. 349 — 248 повѣствуется о врачѣ-сирійцѣ, Петрѣ, ставшемъ потомъ инокомъ печерскаго монастыря. Въ томъ же монастырѣ былъ инокомъ посмерти св. безмезднаго врача Агапита († ок. 1095 г.) врачъ армянинъ, также восточный пришелецъ. Кіевопеч. пат. стр. 255. Изъ житія препод. Феодосія мы знаемъ, что онъ въ свое игуменство, „испытывъ во всѣхъ службахъ, постригалъ и облачалъ въ мантию“. Кіевопеч. пат. стр. 97.

Часть II.

Русское церковное пѣніе въ домон-
гольскій періодъ.

Глава VII.

Историческія свидѣтельства о первоначальномъ русскомъ церковномъ пѣніи и пѣвцахъ.

Историкъ Татищевъ тенденціозный, во многихъ отношеніяхъ недостоверный, утверждающійся якобы на лѣтописи Іоакима корсунянина, архіепископа Новгородскаго, неимѣющейся однакоже въ спискахъ, учеными трактуемый весьма невысоко, сообщаетъ все-таки свѣдѣніе, повидимому лишенное тенденціи и невымышленное, по крайнѣй мѣрѣ, незаключающее въ себѣ внутренняго противорѣчія, что изъ Греціи царь и патріархъ Владиміру „прислаша митрополита Михаила, мужа вельми ученаго, болгарина суца, и съ ними четыре епископа и многи іереи, діаконъ и демественники отъ славянъ“¹⁾. Если это извѣстіе можетъ быть подъ сомнѣніемъ въ отношеніи митрополита Михаила и четырехъ епископовъ, то ничто не препятствуетъ принять ту его часть, которая говоритъ о прибытіи на Русь многихъ іереевъ, діаконъ и пѣвцовъ (демественниковъ) отъ славянъ. Это не только правдоподобно, но, какъ видѣли, и логически и исторически необходимо: славянское богослуженіе на Руси и богослужебное пѣніе могло быть принято и устроено въ русской церкви только славянскимъ клиромъ, хотя бы и подъ высшимъ оффиціальнымъ, точнѣе номинальнымъ руководствомъ греческихъ іерарховъ, византійскихъ. Но и здѣсь есть ограничивающее обстоятельство въ томъ, что, если однимъ изъ первыхъ епископовъ на Руси былъ Михаилъ, по однимъ—болгаринъ, по другимъ—сиріецъ, то это служитъ не въ пользу преобладанія первоначальнаго вліянія византійскаго въ русскомъ богослужебномъ пѣніи, а болѣе въ пользу славянскаго и восточнаго греко-сирійскаго.

¹⁾ Татищевъ, „Ист. рос.“ I, 38. О Татищевѣ: Голубинскій „Исторія русской церкви“. Т. I, 1-я полов. изд. 2-е. М. 1901. стр. 871—880. Объ Іоакимовской лѣтописи“ Прибавленія къ твореніямъ свв. отцевъ 1881, кн. IV, стр. 602—640.

Лѣтопись Густинская сообщаетъ, что Владиміръ привелъ съ собою изъ Корсуна перваго митрополита Михаила и иныхъ епископовъ, іереевъ и пѣвцовъ ²⁾). Сопоставляя это извѣстіе въ послѣднихъ его словахъ съ извѣстіемъ лѣтописи Иоакимовской, не можемъ не замѣтить, что „демественники отъ славянъ“ лѣтописи Иоакимовской тоже, что „пѣвцы“ лѣтописи Густинской. Откуда уже видно, что „демественникъ“ не то же, что и „доместикъ“. Терминъ „демество“ по словамъ прот. Разумовскаго, „самымъ непрочнымъ образомъ опирается на греческое слово „*δομῆστικός*“. имѣющее свой опредѣленный смыслъ въ номенклатурѣ пѣвцовъ греческой церкви“ ³⁾). Въ другомъ случаѣ тотъ же авторъ „демество“ производитъ отъ греческаго слова *δημιωσι* что значитъ пѣніе народное домашнее. „Судя по тому, говоритъ онъ, что лѣтописи большею частью почти буквально передаютъ греческія слова, должно полагать, что слова—*доместикъ* и *демественникъ* или *демественникъ* употребляются лѣтописцами не въ одинаковомъ смыслѣ“ ⁴⁾). Профессоръ Голубинскій, рассуждая по поводу Иоакимовской лѣтописи, говоритъ: „Деместикъ, т. е. доместикъ, греческ. *δομῆστικός*, значитъ вовсе не пѣвчій, а регентъ надъ пѣвчими, головщикъ клироса, и, если наши позднѣйшіе писатели, не зная значенія слова и зная, что было демественное пѣніе, могли титуловать пѣвчихъ деместиками, то вовсе не могъ назвать ихъ этимъ именемъ епископъ Иоакимъ, какъ никто изъ русскихъ не назоветъ пѣвчихъ регентами, и вмѣсто того, чтобы сказать: посланы пѣвчіе, не скажетъ: посланы регенты“ ⁵⁾). Вся эта тирада совершенно убѣдительна въ томъ лишь только случаѣ, если вѣрна ея главная посылка: „деместикъ, т. е. доместикъ“. Прот. Разумовскій, не безъ основанія, усумнился въ тождествѣ этихъ словъ и ихъ значеній, намекая, что слово „доместикъ“ имѣетъ свое опредѣленное значеніе въ номенклатурѣ греческихъ пѣвцовъ. Слово „доместикъ“ имѣетъ у византійцевъ довольно широкій кругъ употребленія, въ смыслѣ старшаго начальника въ разныхъ сферахъ дѣятельности ⁶⁾).

²⁾ Густ. лѣт. т. II, стр. 256, изд. Археогр. Комм. СПб. 1843.

³⁾ Разумовскій „Церковное русское пѣніе“, рефератъ читанный на Московскомъ Археологическомъ съѣздѣ 1869 г., стр. 14.

⁴⁾ Разумовскій „Церковное пѣніе въ Россіи“. М. 1867, отд. II, стр. 179.

⁵⁾ Голубинскій „О такъ называемой Иоакимовской лѣтописи Татищева“. Прибавленія къ твореніямъ свв. отцд. 1881 г. кн. IV, стр. 620.

⁶⁾ Patrologia Migne, graeca s., „*Ἐκθεσις τοῦ Βασιλείου τάξεως* — De ceremoniis aulae byzantinae, lib. II, 423, гдѣ перечисляются *προτοππαθῆριος* και *δομῆστικός τῶν σχολῶν*, — *τ. ἱκανῶν*, *τ. νομῆρων*, *τ. οπτιμάτων*, а въ праздничи предпи-

Въ средѣ пѣвцовъ „доместикъ“ былъ ихъ начальникомъ, какъ напр., извѣстный Евфимій Касни, о которомъ Скилица говоритъ, что Теофилактъ поставилъ его пѣвцамъ „доместикомъ церковнымъ“. Дѣло „доместика, по объясненію Иоанна еп. Китр-скаго, (у Дюканжа) руководитъ пѣвцами, устанавливаетъ музыкальную мѣру и уставный порядокъ пѣнія. Въ отвѣтѣ Кавасилѣ (Resp. ad Cabasilam, p. 330) Иоаннъ Китрскій называетъ доместика „*Ἐπιστάτης τῶν μελωδίων τε καὶ τῶν μελωδῶν*, а также *ἀρχιδος*“. Дюканжъ говоритъ: *domesticus, qui curat ut recte canatur, cantum imponet seu inchoat. Доместикъ, по нему, cantui praeerat et cantus ecclesiasticos incipiebat. Bini erant, unus in dextro choro, alter in sinistro* ⁷⁾). По уставу Великой Церкви, доместикъ, по входѣ на воскресной вечернѣ и утренѣ, или лаосинактѣ, стоя на амвонѣ, долженъ былъ пѣть прокимень, съ участіемъ пѣвцовъ, а въ иныхъ случаяхъ доместики были и на правомъ и на лѣвомъ хорѣ, почему въ уставѣ (напр. Дрезденскомъ) отмѣчалось: *ὁ δομῆστικός τῆς ἀ.—ὁ δομῆστικός τῆς δευτέρας* ⁸⁾). Слѣдовательно, доместикъ былъ и руководитель и начинатель пѣнія, но онъ же и составлялъ или полагалъ на напѣвъ пѣснопѣнія. Точно такую же осталась обязанность доместика и у насъ на Руси со введеніемъ студійскаго устава въ Кіево-печерскомъ монастырѣ, одновременно съ игуменствомъ преподобнаго Θεодосія (ок. 1062 г.). Изъ Кіевского патерика мы узнаемъ, что въ игуменство преп. Θεодосія Стефанъ „былъ избранъ (братіей его) „доместикомъ“—или „распорядителемъ церковнаго устава“ и былъ въ этой должности до смерти преп. Θεодосія (1074), когда самъ избранъ былъ игуменомъ († 1094). „И начаша, говоритъ лѣтопись, братья Стефана доместика суща тогда ученика Θεодосьева“ ⁹⁾). Въ одномъ изъ пяти поученій къ инокамъ, приписываемыхъ учеными единогласно преподобному Θεодосію и находящихся въ спискахъ XV в.,—озаглавливаемомъ: „Въ пятокъ третей недѣли поста св. Θεодосія поученіе о терпѣннѣ и о сми-

сывалось къ царскому столу *εἰσαγεῖν πρὸς χειρονομίαν τῶν ἀνακειμένων καὶ ψαλλόντων πατέρων τοὺς δύο μεγάλους τῆς ἐκκλησίας δομῆστικούς καὶ ἰστᾶν αὐτοὺς ἔνθεν κακῆθεν τῶν περιβλεπτοῦ τρικλίνου πρὸς τὸ ποιεῖσθαι ὡς ἔιρηται τὴν χειρονομίαν ἐπὶ τὴν ψαλμοδίαν τῶν ἀνακειμένων πατέρων*“, *ibid.* II, 433.

⁷⁾ Du Cange „Glossarium graecitatis“ 1891, p. p. 321—322,—*latinitatis*, 1884, p. 161, W. Christ et. M. Paronikas полагаютъ, что правымъ клиросомъ завѣдывалъ протопсалтъ, а лѣвымъ — лампадарій, надъ обѣими же начальствовалъ доместикъ. „*Anthologia graeca carminum christianorum*“, Lib. IV, p. CXIII.

⁸⁾ Дмитриевскій. Опис. литург. рукопис. Т. I, *Τυπικά*, I, стр. 165. Древн. патр. типиконы, стр. 331.

⁹⁾ П. С. Л. I, 80.

реніи“,—авторъ поучаетъ, между прочимъ, тому, что „при пѣніи псалмовъ неприлично инокамъ перегонять другъ друга и производить безпорядокъ, но надобно смотрѣть на старѣйшаго (доместика) и начинать пѣніе по его указанію“¹⁰⁾. Отсюда ясно видно, что должность и званіе доместика у насъ на Руси были тѣже, что и въ Греціи—завѣдывать богослужебнымъ пѣніемъ и уставомъ въ церкви.

Преосвященный Макарій въ своей „Исторіи русской церкви“ колеблется въ правильномъ и единообразномъ употребленіи слова „доместикъ“. Объясняя должности въ печерскомъ монастырѣ въ игуменство Феодосія, онъ говоритъ: „доместикъ или уставщикъ распоряжался и управлялъ чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви“¹¹⁾. Но въ другомъ мѣстѣ того же тома „Исторіи“, на основаніи „Степенной книги“ передаетъ извѣстіе о грекахъ—пѣвцахъ, что они принесли *демественное пѣніе*—(поясняя) „получившее свое имя отъ такъ называвшихся *доместиковъ* (учителей), уставщиковъ пѣніи въ церкви, по нынѣшнему регентовъ“¹²⁾. Нѣсколько дальше тотъ же авторъ на основаніи лѣтописца, говоритъ, что „въ Кіевѣ къ концу XI и въ началѣ XII в. извѣстенъ былъ дворъ доместиковъ за Десятинною церковію, гдѣ, должно быть, доместики жили и обучали русскихъ церковному пѣнію“¹³⁾. Однакоже лѣтописецъ буквально говоритъ такъ: „идѣже есть дворъ доместиковъ за святою Богородицею надъ горою“¹⁴⁾. Отсюда правильный выводъ можетъ быть такой. Ученые согласны, что у грековъ и у насъ, въ кіево-печерскомъ монастырѣ времени игуменства преп. Феодосія, званіе и должность „доместика“ были неизмѣнно тѣже—завѣдывать церковнымъ пѣніемъ и пѣвцами въ храмѣ и руководить порядкомъ уставнымъ при богослуженіи, что почти равнозначаетъ нынѣшнему регенту, но съ бѣльшими полномочіями въ отношеніи церковнаго устава. Но слова „деместикъ“, „деместникъ“, „демественникъ“ и однородныя съ ними „демество“, „демественный“—

¹⁰⁾ Сборн. Румян. Муз. № 406. Восток. Опис. стр. 615. Макарій „Ист. ц.“ т. II, стр. 128, изд. 2-е, СПб. 1868. Николаевскій, Кіевопечерскій монастырь въ древней Россіи“. Хр. Чт. 1876. Мартъ — Апрель стр. 317. Памятн. древнерусск. учительн. литерат. 1894, I, 41.

¹¹⁾ „Исторія русской церкви“, т. II, изд. 2, стр. 64.

¹²⁾ „Ист. р. ц.“ т. II, изд. 2, стр. 252.

¹³⁾ „Ист. р. ц.“ т. II, изд. 2, стр. 253.

¹⁴⁾ П. С. Р. Л. I, 23. „Ист. р. ц.“ стр. 253, въ примѣчаніи. Въ лѣтописи Лаврентьевской буквально „и бѣ внѣ града дворъ другый, идеже есть дворъ деместиковъ, за святою Богородицею“, въ другихъ спискахъ „дворъ деместниковъ“.

не тоже, что „доместикъ“, не одного съ нимъ значенія и корня, и въ данномъ случаѣ неосновательно видѣть простую замѣну одной гласной другой, какъ это нерѣдко случается съ словами иностранными. Напротивъ, какъ замѣчено Разумовскимъ, лѣтописи вообще довольно тщательныя въ передачѣ на славянскій языкъ греческихъ словъ, различаютъ точно оба слова—„доместикъ“, и „деместикъ“ и употребляютъ ихъ въ разныхъ, соотвѣтствующихъ каждому значеніяхъ. Было бы несообразно сказать: дворъ „доместиковъ“—дворъ регентовъ, потому что надобно было бы предположить нѣсколько хоровъ въ Кіевѣ, регента которыхъ почему-то должны были жить въ одномъ мѣстѣ Кіева, на одномъ дворѣ, за Десятинной церковью, когда они могли не имѣть никакого отношенія къ этому двору и Десятинной церкви, къ которой онъ, очевидно прилегалъ. Напротивъ вполне сообразно сказать лѣтописцу: дворъ „деместниковъ“ или пѣвцовъ, очевидно состоявшихъ при Десятинной церкви и жившихъ на ея дворѣ, въ церковномъ помѣщеніи, какъ это и теперь бываетъ на Руси при нѣкоторыхъ соборахъ, чаще кафедральныхъ. Съ этой точки зрѣнія совершенно понятно и выраженіе Іоакимовской лѣтописи (у Татищева), что къ намъ на русь пришли „демественники отъ славянъ“, т. е. славяне пѣвцы, а не славяне—регенты (доместики), которымъ, конечно, негѣмъ было регентовать на Руси.

Такимъ образомъ, контекстъ лѣтописныхъ выраженій очевиднымъ образомъ увѣряетъ, что „доместики“ не тоже, что „деместики“, и, если первые суть регенты, то послѣдніе—несомнѣнно пѣвцы. Если же отождествлять „доместикъ“ и „деместикъ“, то ни прилагательное „демественный“, ни существительное „демество“, при производствѣ отъ „доместикъ“, не будутъ имѣть смысла того, который обычно съ ними соединяется, т. е. какъ особаго рода пѣніе, пѣвческій, но потребуетъ разумѣть здѣсь: регенство, регентскій. Логическая несообразность такого значенія этихъ словъ при отождествленіи „доместикъ“ и „деместикъ“ совершенно ясна. Если обратимся затѣмъ къ словопроизводству этихъ двухъ греческихъ терминовъ, то увидимъ, что они утверждаются на совершенно различныхъ корняхъ. Доместикъ—*δομέστικός* утверждается, очевидно на словѣ *δῶμος*—домъ, храмъ, дворецъ, деместикъ—*δημόστικός* имѣетъ въ корнѣ слово—*δῆμος*—народъ толпа, міръ; *δομέστικός (ψάλλτης)* будетъ означать пѣвца привилегированнаго, полномочнаго въ храмѣ, придворнаго; *δημόστικός (ψάλλτης)*—пѣвца обыкновеннаго, мірскаго, простонароднаго. Первый обыкновенно состоялъ при дворѣ, въ чинѣ придворномъ, какъ въ Византіи, а при храмѣ и монастырѣ въ чинѣ иноческомъ и свя-

ценномъ санѣ, какъ у насъ на Руси, а второй былъ народнымъ пѣвцомъ и членомъ какого-либо „дима“, т. е. пѣвческаго общества или собранія, которое обыкновенно съ пѣніемъ хвалебныхъ пѣсно-пѣній (наподобіе блаженнѣ) сопровождало императоровъ въ ихъ торжественныхъ выходахъ вплоть до св. Софіи и вступленія въ храмъ, гдѣ начинали пѣть уже придворные пѣвцы¹⁵). При статьѣ „Ученіе, имже вѣдати челоуѣку числа всѣхъ лѣтъ“ есть подпись: „писахъ же въ Великомъ Новгородѣ азъ грѣшный и худый калугерь Антоновскій Кирикъ діаконь, domestикъ церкви святаго Богородицы“ (1136)¹⁶, что ясно свидѣтельствуеетъ, что Кирикъ, domestикъ при монастырской Новгородской церкви, былъ и монахомъ (калугерь) и діакономъ. Въ уставѣ великой церкви Константинопольской (въ типиконѣ Дрезденскомъ, и въ Евхологіи Коаленевскомъ) domestикъ часто именуется *ὁ δομestικός τῶν διακόνων*—діаконскій domestикъ, старшій изъ діаконовъ¹⁷). О domestикѣ печерскаго монастыря Стефанѣ должно предполагать, что онъ былъ не простымъ инокомъ, а въ санѣ священника, потому что, по словамъ житія его, „когда самъ игумень преп. Θεодосίη поучалъ братію въ церкви духовными словами, достойно училъ ее и онъ“ (Стефанѣ); онъ же былъ и непосредственнымъ преемникомъ игуменства Θεодосіа. Лѣтопись Ипатьевская упоминаетъ ок. 1174 г. о Владимірскомъ „демествяникѣ Луцѣ“ при соб. Св. Богородицы¹⁸).

Различіе domestиковъ (регентовъ) и простыхъ пѣвцовъ (демestиковъ) при дворѣ византийскомъ весьма ясно выступаетъ въ описаніи Константиномъ Профирогенетомъ (912—959) праздничныхъ столовъ для духовенства при дворѣ византийскихъ императоровъ. Въ концѣ обѣда въ собраніе вводились два domestика съ хоромъ пѣвчихъ, одѣтыхъ въ стихари и фелони (*καμία και φελώνια*) и, раздѣлившись на двѣ половины, по благословенію патріарха, пѣли попеременно церковныя пѣсни. При Львѣ Мудромъ, (886—911) вмѣсто двухъ domestиковъ, было четыре, и пѣли

¹⁵ Вѣляевъ. Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византийскимъ древностямъ, II, 74—87, 187—189, 256; III, 121—126, 171. Migne. Patrol. curs. compl., t. CXII, 243—298.

¹⁶ Труды Общ. ист. и древн. росс. ч. IV, 121—129. Срезневскій „Древніе памятники русскаго письма и языка“, изд. 2, СПб. 1882, стр. 55—56. Голубинскій „Ист. р. ц.“ т. I, 1-я полов., изд. 2-е. М. 1902, стр. 793. Макарій „Ист. р. ц.“ т. II, изд. 2^е стр. 252.

¹⁷ Дмитріевскій. Древнѣйшіе патріаршіе типиконы. К. 1907, стр. 248, 284. Описаніе литургич. рукоп. Т. II. *Εὐχολόγια*, К. 191, стр. 1009.

¹⁸ По другимъ спискамъ „демestникѣ“. П. С. Л. II.

духовныя пѣсни его собственнаго сочиненія по правиламъ пѣвческаго искусства, съ жестикюляціями или приемами пѣвческой хирономіи (*κατὰ χειρονομίαν*¹⁹). Въ уставѣ студійской редакціи XII в. Московской Синодальной б-ки сохранилось описаніе подобнаго церемоніала праздничнаго стола у монаховъ, съ участіемъ пѣвцовъ и domestиковъ, стоящихъ у трапезы и поющихъ тропари²⁰). Эта статья славянскаго Устава есть несомнѣнно пересажженная изъ византийскаго церемоніала и вполне греческаго происхожденія. Она ясно указываетъ на византийское происхожденіе, какъ самого устава, такъ и должности и званія domestика, пѣвца привилегированнаго, придворнаго, уставщика, распорядителя въ пѣніи, рядомъ съ которымъ несутъ свои обязанности пѣвцы обыкновенные, рядовые, низшіе, которые въ монастыряхъ состояли изъ простыхъ монаховъ, въ церквахъ мірскихъ, особенно въ соборахъ, или изъ клириковъ (крылось), или изъ мірянъ (демestвеники). Званіе domestика сохраняется въ чинахъ и уставахъ славяно-русскихъ до XIV в. включительно, когда на смѣну ему выступаютъ постепенно другіе лица — уставщикъ — канонархъ²¹) и старшій пѣвецъ—большой пѣвчій, головщикъ. Лѣто-

¹⁹ De ceremoniis aulae byzantinae. Patrol. c. compl. graeca series, „*Εκθεσις τῆς βασιλίου τάξεως*, t. CXII, lib. II, 437, — послѣ того, какъ замѣчено что къ столу приглашалось, сверхъ старшихъ властей, 12 пресвитеровъ, 36, діаконовъ и 36 иподіаконовъ, 24 чтеца и 24 пѣвца, предписывалось „*καὶ σὺν τῇ τοῦτων εἰσόδῳ συνεισάγειν τοὺς δύο Μεγάλης Ἐκκλησίας λαμπροὺς δομestίκους σὺν τῶν ψαλτῶν τε καὶ ὄρχων ἀπάντων τοῦ σφραγίου λευχημονούντας καὶ περιβεβλημένους τὰ οἴκια φελώνια διαρεῖν δε αὐτοὺς ἔνθεν κακείθεν πρὸς τῆς εἰσόδου αὐτῶν ὁύτως τῷ μὲν ἐνὶ αὐτῶν δομestίκῳ ἅμα τῶν ψαλτῶν ἀπάντων στιχίζειν ἐπὶ τῆς δεξιᾶς θέσεως τῶν τερπνῶν ἀκουβίτων, τῷ δευτέρῳ δομestίκῳ αὐτῶν σὺν ὄρχων ἀπάντων καὶ αὐτὸν ἐπὶ τοῦ τρανίμου κατὰ πρόσωπον θέσεως οὔσης τῶν ἀκουβίτων στιχίζειν εἰσάγειν δε αὐτοὺς ἐφ' ἑκατέρων τῶν μεριῶν ἄμφω σὺν τῇ εὐλογίᾳ τοῦ πατριάρχου χοροστάτειν ἅπαντας πρὸς ἀντίφωνον μελωδίαν καὶ ἤνικα τῶν γ' ἀντιφώνων ἢ ἐκφώνησις λήξει ἐξαγειν αὐτοὺς ἐκτίθειν ἅμα ὄθεν καὶ ἐληλυθασαν.“ Хирономія именуется здѣсь „*πολύτεχνος τῆς χειρονομίας κίνησις*“. Прежнее же правило (ibid. 433) предписывало: „*ἐν τοῦτῳ τῷ καιρῷ εἰσάγειν πρὸς χειρονομίαν τῶν ἀνακειμένων καὶ ψαλλόντων πατέρων τοὺς δύο μεγάλους τῆς ἐκκλησίας δομestίκους καὶ ἰστᾶν αὐτοὺς ἔνθεν κακείθεν τοῦ περιβλεπτοῦ τρικλίον πρὸς τὸ ποιῆσθαι ὡς εἴρηται τὴν χειρονομίαν ἐπὶ τὴν ψαλμοδίαν τῶν ἀνακειμένων πατέρων*“. Мансветовъ „О пѣсенномъ послѣдованіи“ (*ἀομιτικὴ ἀκολουθία*). Приб. къ твор. св. о.о. 1880, кн. III, стр. 795.*

²⁰ Рукоп. Син. б-ки № 330—380, л. 211—212. Мансв. ibid. стр. 796.

²¹ Въ уставѣ св. Саввы, завѣщанномъ имъ предъ смертью († 532) своему преемнику Мелиту, уже упоминается среди должностныхъ лицъ и канонархъ, который, между прочимъ, долженъ былъ ударять къ службамъ, и вѣдалъ съ экономомъ хозяйство. Дмитріевскій. „Преподобный Савва освя-

писи упоминают о доместикахъ подъ 1074, 1134, 1175 и 1241 г., слѣдовательно, съ XI-го по XIII-й в. включительно ²²⁾. Въ псалтири, писанной митрополитомъ Киприаномъ († 1406 г.), библиотеки Московской Д. Академіи, во второй части „часословѣцъ“, въ числѣ исполнителей службы именуются: „установникъ“ или „канонархъ“, а затѣмъ отдѣльно—„доместикъ“, который начинаетъ на гласъ библейскія пѣсни въ канонѣ ²³⁾. Уже въ уставѣ XII в., упомянутомъ выше, гдѣ доместикъ отличается отъ пѣвца въ церемониальнѣ праздничнаго стола,—въ особой статьѣ „о служебницѣхъ“, редакціи, повидимому, славяно-русской, а не греческой, говорится: „сложебникъ же въ монастырѣхъ хожемъ: иконома, коутника, иже старѣй на обою сторону церкви, пономаря, соудохранильника, житницы ключаря, иже о больныхъ стоитъ, иже въспоминае деместика прквѣнаго“ и т. д. „и симъ всѣмъ по единому имѣти съ собою“ (т. е. помощниковъ,) слѣдов. и у деместика или у его замѣстителя, въ качествѣ такового—рядоваго пѣвца ²⁴⁾. „Деместикъ“ здѣсь употреблено въ смыслѣ „доместикъ“, какъ имѣющій подчиненнаго помощника—пѣвца, причѣмъ произошла простая замѣна гласной о—е, и „деместикъ“ называется „церковнымъ“, въ отличіе отъ „деместика—рядоваго пѣвца, мірскаго. Здѣсь характерно то, что званіе „доместика“, повидимому, забывается, онъ называется „деместикомъ“ и не въ собственномъ смыслѣ,—указывается только должность, его напоминающая ²⁵⁾.

щенный и его духовное завѣщаніе монахамъ лавры“. Руковод. для сельск. пастырей. 1890, № 35. „Опис. литург. рук., хранящ. въ библиот. прав. востока“. Кіевъ. 1895, 222 — 224. Скабаллановичъ. „Толковый типиконъ“. К. 1910, 320. 324.

²²⁾ Полн. С. Л. I, 23, 80. II, 115, 180. Карамзинъ, Ист. V, прим. 121.

²³⁾ Псалтирь м. Кипріяна, ркп. 6-ки Москов. Д. Академіи. Мансвет. „О трудахъ митрополита Кипріяна по части богослуженія“. Приб. къ твор. свв. о. о. 1882, кн. II, стр. 442. Должность же канонарха въ XVII в. совсѣмъ исчезаетъ. Въ уставѣ 1682 г., правленомъ при патриархѣ Іоакимѣ, подъ его личнымъ наблюденіемъ, въ оригиналѣ его, глава 14-я, о канонархѣ, совершенно зачеркнута и на поляхъ замѣтка: „сей чинъ нынѣ не совершается и весьма отъ нерадѣнія упразднися“. Мансветовъ „Какъ у насъ правились церковныя книги“. Прибавл. къ твор. св. о. о. 1883 г., кн. IV, стр. 355.

²⁴⁾ Ркп. Синод. 6-ки № 380—330, л. 224 на об. 262. Опис. III, I, стр. 265.

²⁵⁾ Голубинскій читаетъ это мѣсто Устава о доместикѣ такъ „иже воспоминае (будильника, ἀφύπνιστή?), деместика церковнаго“ и объясняетъ въ примѣчаніи, что, хотя и не имѣлось указанія греческаго подлинника на это и что хотя, въ Опис. Синодд. ркп. здѣсь нѣтъ раздѣлительной точки, но, говоритъ онъ: „мы принимаемъ, что и между ними (должностями) должна быть поставлена точка“. Единственное основаніе у автора къ такому чтенію то, что пропущена должность будильника, но самъ же онъ говоритъ: „Со

Въ Уставѣ Погодинскаго собранія И. П. Б. (№ 48) въ чинѣ умовенія Вел. Четв. есть выраженіе „демественикъ иже оу подьяцѣхъ“ или доместикъ у подьяковъ ²⁶⁾. Въ Синодальномъ же Уставѣ есть такое выраженіе: „поимаетъ старѣйшина на обою сторону доместика и пѣвця и шедше поклоняться игумену“ ²⁷⁾. Здѣсь ясно обозначается различіе рядоваго пѣвца (деместика) отъ пѣвца старшаго—доместика.

Всѣ эти данныя приводятъ къ заключенію, что должность деместика, это должность старшаго уставщика и пѣвца—регента, перенесенная къ намъ изъ Византіи ²⁸⁾ вмѣстѣ съ студійскимъ уставомъ, утвердившимся ранѣе всего въ Кіево-печерскомъ монастырѣ при преп. Феодосіи. Къ концу XII-го и началу XIII в., это званіе начинаетъ забываться, а въ XIV в., подъ влияніемъ устава Іерусалимскаго, хронологической датой введенія коего въ русскую богослуженія можно считать 1401-й годъ (Афанасій Высотскій) ²⁹⁾ и совсѣмъ вытѣсняется, самая же должность переходитъ къ канонархамъ и головщикамъ. Между тѣмъ слова „деместикъ“, „демественикъ“ или „демественникъ“, „демество“ „демественный“ продолжаютъ неизмѣнно существовать и употребляются въ практикѣ отъ древнѣйшихъ временъ и до позднѣйшихъ. Такъ по Уставу Новгородскаго Софійскаго собора XVII в., различается точно пѣніе Новгородское, Московское и демественное: „обѣдню поють на правомъ клиросѣ демественную, а на лѣвомъ, строчную

всею вѣроятностью слѣдуетъ думать, что это перечисленіе чиновниковъ не совершенно полно“. Мы не знаемъ, насколько важна была и необходима должность будильника и съ какою должностью легче всего могла быть соединяема, пономаря или другого кого-либо, но способъ выраженія „иже старѣй на обою сторону церкви, иже о больныхъ стоитъ, иже воспоминае деместика церковнаго“ заставляетъ соединять эти двѣ половины рѣчи, а не раздѣлять, да и отдѣльное выраженіе „иже воспоминае“ совершенно неопредѣленно, кому, о какой обязанности, долгѣ, и не равнозначаще слову именно „пробуждать“;—почему и все толкованіе автора довольно натянута. „Ист. р. ц.“ т. I, пол. 2, изд. 2. М. 1904, стр. 692—693.

²⁶⁾ Прот. Лисицынъ „Первонач. славяно-русс. Типиконъ“. СПб. 1911, стр. 140.

²⁷⁾ Ркп. Уст. Синод. 6-ки № 330—380, л. 77, 273. Мансветовъ, „Уставъ“, стр. 797. Уст. Син. 6. № 333, л. 6 об., Уст. тип. 6. № 144, л. 32.

²⁸⁾ Должно замѣтить, что преосвященный Порфирій въ Синайскомъ м-рѣ св. І. Предтечи видѣлъ и изслѣдовалъ греческій нотный стихирарь 999 г., писанный, какъ отмѣчено въ немъ, „доместикомъ Стефаномъ“,—между тѣмъ какъ этотъ стихирарь, по нашему мнѣнію, греко-сирійскаго происхожденія,—слѣд., званіе деместика было распространено и помѣно Византіи, въ Малоазійской Греціи и др. „Перв. путеш.“ приб. II, стр. 36.

²⁹⁾ Мансвет. Церк. Уст., стр. 274, 276 (въ примѣч. 1).

(т.-е. въ партитурѣ, въ строкахъ голосовыхъ, хоровую) Новгородскую, а подъяки поютъ все амбонное демественное³⁰⁾, или въ другомъ мѣстѣ: „обѣдню поютъ пѣвцы на оба лика демественную, а подъяки амбонное все поютъ демественное“³¹⁾, и еще: „на обѣдню поютъ все амбонное демественное, а пѣвцы поютъ на оба лика строчное (т.-е. хоровое, партесное) Московское“³²⁾.

О Василии Роговѣ, въ послѣдствіи (1589—1603) митрополитѣ Ростовскомъ, современный писатель XVI в., говоритъ, что онъ „зѣло пѣти былъ гораздъ знаменному и троестрочному и демественному пѣнію“³³⁾. О пѣніи демествомъ въ XV в., лѣтопись сохранила извѣстіе, повѣствуя о Новгородскомъ князѣ Димитріи Красномъ, что онъ передъ смертію (1440 г.) „нача пѣти демествомъ: „Господа пойте и превозносите Его во вѣки“, „аллилуіа“, и стихъ богородичный „Жилище свое имый въ вышнихъ“ „и иные богородичны“³⁴⁾. Въ XIV в. (1387 г.) лѣтопись Новгородская упоминаетъ о демественникѣ Новгородскаго Софійскаго собора³⁵⁾. Тринадцатый вѣкъ, самый бѣднѣйшій въ исторіи свидѣльствами и документами, оставилъ память о „словутномъ пѣвцѣ Митусѣ“, при епископѣ перемышльскомъ (ок. 1241 г.)³⁶⁾, подвизавшемся, вѣроятно, въ области демественнаго пѣнія, всегда по характеру изысканнаго, свободнаго по ритму и мелодіи, сроднаго свѣтскому и народному пѣнію, какъ это было и въ Византіи. „Демественное пѣніе было всегда мелодическимъ“, какъ справедливо говоритъ прот. Разумовскій. „Мелодія демественнаго пѣнія отдѣлана до

³⁰⁾ Ркп. М. Синод. 6-ки № 399—695, л. 58. Описание стр. 375.

³¹⁾ Ibid. л. 121. Опис. ibid.

³²⁾ Ibid. л. 125. Опис. ibid.

³³⁾ Изъ предисл. къ стихирарю библ. кн. Оболенскаго. См. у Ундольскаго „Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи“. М. 1846, стр. 7, 22. Также въ „Москвитининѣ“ 1846, стр. 173—174.

³⁴⁾ Полн. Собр. Лѣт. VIII, 100. Макарій „Ист. р. ц.“ т. IV, стр. 296. Разумовскаго „Церк. п. въ Россіи“ М. 1867, стр. 181.

³⁵⁾ П. Собр. Л. IV, 95. Мак. „Ист. р. ц.“ т. IV, стр. 296. Разум. „Ц. п. въ Р.“, 181. Пресвященный Макарій, сославшись на лѣтопись, говорящую о демественномъ пѣніи, ошибочно, затѣмъ, говоритъ: „Отсюда можно догадываться, что у насъ, вѣроятно, поддерживалось тогда по мѣстамъ демественное или гармоническое пѣніе, введенное еще со временъ великаго князя Ярослава, и что, по крайней мѣрѣ, при каеэдрахъ архіереевъ продолжали существовать хоры пѣвчихъ подъ управленіемъ деместиковъ“. Стр. 297. Гармоническаго пѣнія, какъ доказано наукой, ни у грековъ, ни у русскихъ въ то время не могло быть, хотя и существовали хоры, но для пѣнія одноголоснаго, пѣвшіе, очевидно, унисонно.

³⁶⁾ Вольнская лѣтоп. подъ 6749 годомъ П. С. Л. II, 120. Срезневскій „Древніе памятники русскаго письма и языка“. 2 изд. СПб. 1882. Стр. 114. Мак. т. IV, стр. 296. Голубинскій „Ист. р. ц.“ т. II, 1-я полов. М. 1900.

изящества“³⁷⁾, потому что она несвязана ни гласомъ, ни ритмомъ, ни даже текстомъ, а свободна, текуча и своеобразна, какъ и всякая импровизація; движенія ея независимы отъ текста, подавляютъ его собой, перѣдко прекращаются среди словъ, находящихся въ грамматической связи“³⁸⁾. Демественное пѣніе было полуцерковное-полусвѣтское, насколько можно о немъ судить по тому, какимъ оно было на Руси въ XVII в. Имъ исполнялись въ храмѣ въ большіе праздники величанія, славники, многолѣтія, а въ домашнемъ быту, на царскихъ обѣдахъ, торжествахъ и собраніяхъ—стихиры, духовные стихи, „драгія вещи“, псалмы и многолѣтія. Въ 1647 г., по случаю бракосочетанія царя Алексѣя Михайловича съ Маріей Ильиничною повелѣно пѣть „государевымъ пѣвчимъ дьякамъ, всѣмъ станицамъ, перемѣняясь, строчные и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и изъ тріудей драгія вещи, со всякимъ благочиніемъ“³⁹⁾.

„Демественники отъ славянъ“ Иоакимовской лѣтописи—это были, очевидно, мірскіе пѣвцы, приспособленные къ церковному пѣнію, а не принадлежащіе къ клиру чтецы и пѣвцы,—точнѣе, пѣвцы вольнонаемные, протонародные, а не дьячки и пономари, отдѣльное существованіе которыхъ тѣмъ, конечно, не отрицается. Таковыми вольными „демественниками“ были также потомъ и греки „съ роды своими“, пришедшіе въ Кіевъ при Ярославѣ, мірскіе пѣвцы, служившіе по вольному найму, партіями, ходившіе по мѣстамъ вмѣстѣ съ своими семействами, подобно византійскимъ мірскимъ пѣвцамъ, распѣвавшимъ кондаки и доместиковавшимъ, какъ въ церквахъ, такъ и на площадяхъ, о чемъ свидѣльствуетъ Вальсамонъ, какъ объ обычномъ современному ему явленіи XII-го в.

Что такіе пѣвцы въ церквахъ изъ мірянъ были на Руси въ домонгольскій періодъ, на эту мысль наводитъ постановленіе Владимірскаго собора 1274 г., которое говоритъ, что на клиросахъ могутъ пѣть только особые пѣвцы и не иначе, какъ въ малыхъ бѣлыхъ ризцахъ, чѣмъ предполагается вошедшая въ обычай прежняя практика пѣнія на клиросахъ церковныхъ пѣвцовъ изъ мірянъ въ одеждахъ обычныхъ⁴⁰⁾.

³⁷⁾ Разумовскій „Церк. п. въ Россіи“ стр. 182.

³⁸⁾ Разумовскій ibid. стр. 183.

³⁹⁾ Забѣлинъ „Домашній бытъ русскихъ царей и царигъ“, т. II, 1869, стр. 442.

⁴⁰⁾ Разумовскій „Патріаршіе пѣвчіе“ изд. 2, 1895, стр. 85. См. Русск. Историч. 6-ка изд. Археогр. комисс. т. VI, СПб, 1880, отд. VI, прав. 6, стр. 98.

Въ отличіе отъ этихъ вольнонаемныхъ пѣвцовъ, древнія свидѣтельства историческія увѣряютъ насъ въ существованіи на Руси отъ начала христіанства пѣвцовъ, такъ сказать, присяжныхъ, которые въ соборахъ, большихъ церквахъ и монастыряхъ образуютъ собою „крылось“. По Никоновой лѣтописи и Степенной книгѣ, митрополитъ Михаилъ, отправившись изъ Кіева въ землю Ростовскую, „крести людей безчисленное множество и многія перкви воздвиже и пресвитеры и діаконы постави, крылось устроивъ и уставы благочестія предложи“⁴¹⁾. Въ древнемъ житіи Св. Бориса и Глѣба говорится: „архіеписконъ же, оставъ, постави попы и діаконы и повелѣ имъ пѣти въ церкви святою вечернюю и заутреню и святою литургію по вся дни служити и постави имъ старѣйшину“. Нѣсколько раньше, въ томъ же житіи замѣчено: „вскорѣ събратися повелѣ (архіеп. Іоаннъ) всему крылосу церковному. И во оутрии день съ кресты изыдоша поюща“ (въ градѣ, гдѣ лежали тѣла св. страстотерпцевъ)⁴²⁾. Въ числѣ обычныхъ обязанностей инока преподобный Θεодосій называетъ и церковное пѣніе: „бодру быти на пѣніе церковное“ внушаетъ онъ монахамъ въ поученіи, сохраненномъ лѣтописью⁴³⁾. По возрѣнію пр. Θεодосія, каждый монахъ долженъ быть готовъ къ пѣнію церковному, богослужебному, не только въ смыслѣ посвѣщенія службъ церковныхъ, которыя обычно разумѣются въ словѣ „пѣніе“, но и въ смыслѣ дѣятельнаго участія въ этомъ „пѣніи“, въ качествѣ исполнителя пѣнія. Въ монастыряхъ, слѣдовательно, не должно было существовать строгаго различія между монахомъ пѣвцомъ и монахомъ, стоящимъ въ храмѣ на молитвѣ; здѣсь, за рѣдкими исключеніями, всѣ должны были принимать дѣятельное участіе въ пѣніи, всѣ быть пѣвцами⁴⁴⁾. Въ мірскихъ храмахъ

⁴¹⁾ Никон. л. I, 103; Степ. кн. I, 146. Макарій „Истр. р. ц.“ т. I, изд. 2 стр. 14.

⁴²⁾ Нестора „Житіе Бориса и Глѣба“ въ изд. Срезневскаго, СПб. 1860, стр. 29 и 25. Макарій „Истр. р. ц.“ т. I, изд. 2, стр. 94.

⁴³⁾ П. С. Р. Л. I, 79. Макарій „Истр. р. ц.“ т. II, 2 изд., стр. 118. О литературномъ значеніи поученія преп. Θεодосія см. Антонія, архіеп. Финляндскаго, „Изъ исторіи христіанской проповѣди“, изд. 2-е, СПб. 1895, стр. 275—280.

⁴⁴⁾ Въ старыхъ славянскихъ уставахъ часто встрѣчаются указанія на то, что тропари и сѣдальны поются, цѣликомъ или частью, сначала пѣвцомъ, а затѣмъ людьми, какъ бы антифонно. Рукоп. Устава Синод. б. № 330, л. 9, 107. Уст. Типогр. б. № 142, л. 51 и 51 об., Триод. Цвѣт. Новоіерус. б. № 27, лл. 4, 13, 62, 69, 162; Триод. Синод. б. № 319, л. 99, 166 и др., Типогр. Уст. № 144, л. 45.

обязанность пѣнія лежала на священникахъ, діаконахъ и дьякахъ. Сопоставляя два извѣстія, изъ житія Бор. и Гл., по которому архіепископъ поставилъ поповъ и діаконовъ „и повелѣ имъ пѣти“, и изъ Степ. кн., что митрополитъ Михаилъ „многія церкви воздвиже, и пресвитеры и діаконы постави, крылось устроивъ“, — не трудно вывести заключеніе, что обязанность пѣнія при приходскихъ церквахъ лежала прежде всего на пресвитерахъ и діаконахъ и что они-то, какъ первые исполнители богослужебнаго пѣнія, и составляли собою „крылось“ или, что тоже, пѣвческій клиръ. Новгородская лѣтопись подъ 1156 г. говоритъ о знамени отъ грома, бывшемъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, причемъ „вечерню поючимъ, единъ отъ дьякъ зараженъ бысть отъ грома, а клиросъ весь съ людьми падоша ницы“⁴⁵⁾. Это извѣстіе даетъ знать, что при Софійскомъ Новгородскомъ соборѣ былъ не одинъ дьякъ, а нѣсколько, и что эти дьяки составляли часть клироса, потому что выраженіе— „а клиросъ весь“, когда былъ пораженъ, „одинъ отъ дьякъ“ можетъ быть понимаемо только въ смыслѣ— „а остальной клиросъ“, т. е. попы, діаконы и остальные дьяки, „съ людьми падоша ницы“. Отсюда ясно, что пѣвчій клиросъ составляли не только попы и діаконы, но и дьяки, которыхъ было или нѣсколько, какъ въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ, или по одному, какъ, вѣроятно, въ церквахъ приходскихъ. Самое слово „дьякъ“ есть уменьшительное отъ „діаконъ“, что указывало на общность ихъ обязанностей въ отношеніи къ богослужебному пѣнію, и, если діаконъ входилъ въ составъ пѣвческаго клироса, то тотъ же трудъ по клиросу раздѣлялъ съ нимъ и дьякъ, который въ отличіе отъ дьякона, называемаго въ старину „дьякъ урарный“ или „уральный“, именовался просто „дьякъ“⁴⁶⁾. Такіе пѣвческіе клиросы и клирошане изъ пресвитеровъ, діаконовъ и дьяковъ, болѣе многолюдные, въ періодъ домонгольской, были при епископскихъ кааедрахъ и соборахъ, какъ напр., при Кіево-Софійскомъ⁴⁷⁾, Новгородо-Софійскомъ⁴⁸⁾,

⁴⁵⁾ П. С. Р. Л. III, 4. Макарій „Истр. р. ц.“ т. II, изд. 2, стр. 253.

⁴⁶⁾ Такъ въ старыхъ переводахъ Хроники Амартала и Узаконеній Константина (въ Достоп. II, 182). Голуб. „Истр. р. ц.“ стр. 463.

⁴⁷⁾ О клиросѣ Кіево-Софійскомъ говорится въ житіи пр. Θεодосія, русск. перев. Кіево-Печерск. пат. М. 1897, стр. 136 и въ похвальномъ словѣ св. Клименту. См. „Истр. р. ц.“ Макарія, т. III, изд. 2, стр. 217, у Голуб. „Истр. р. ц.“ т. I, изд. 2, стр. 377.

⁴⁸⁾ Новг. Лѣт. подъ 1156 г. П. Р. Л. III, 4, у Мак. т. II, 2 изд., 253; у Голуб. *ibid.* 377. Грам. кн. Всеволода Новг.-Софійск. соб. Мак. т. II, изд. 2, стр. 382.

Владимиро-Кляземскомъ ⁴⁹⁾, Смоленскомъ ⁵⁰⁾, Ростовскомъ ⁵¹⁾, Владимир-Волыньскомъ ⁵²⁾, при монастыряхъ, какъ Боголюбовъ ⁵³⁾, и, конечно, менѣе многочисленны—при приходскихъ церквахъ, какъ у Ивана Предтечи на Опокахъ ⁵⁴⁾.

Что всѣ эти клиросы по своему значенію и роду дѣятельности были одно и тоже, это не можетъ подлежать сомнѣнію ⁵⁵⁾. О значеніи же этихъ клиросовъ и ихъ дѣятельности мы можемъ сдѣлать ясное представленіе изъ лѣтописнаго извѣстія о клиросахъ. Объ обстоятельствахъ смерти и погребенія Андрея Боголюбскаго Лаврентьевская лѣтопись подъ 1175 г. говоритъ, между прочимъ: „клирошане Баголюбскыи внесоша и въ божицю, пѣвше надъ нимъ внесоша и въ гробъ“. Здѣсь совершенно ясно выступаетъ пѣвческая функція клироса ⁵⁶⁾. О Новгородо-Софійскомъ: „вечерню поючимъ, единъ отъ дьякъ зараженъ бысть отъ грома, а клиросъ весь съ людьми падоша ницы“, т. е. когда клирошане пѣли вечерню, одинъ изъ дьяковъ былъ пораженъ громомъ, а другіе дьяки въ составѣ всего остальнаго клироса (діаконы, іереи), съ людьми, пали ниць. Здѣсь ясно видно пѣвческое назначеніе и пѣвческая дѣятельность соборнаго клироса, въ составѣ іереевъ, діаконѣвъ и дьяковъ, вѣроятно во главѣ со старѣйшиной, какъ видно изъ житія св. Бориса и Глѣба, въ которомъ говорится, что „архіепископъ постави попы и діаконы и повелѣ имъ пѣти и постави имъ старѣйшину“ ⁵⁷⁾,—или въ житіи препод. Авраамія Смоленскаго, гдѣ говорится, что епископъ Смоленскій „призва

⁴⁹⁾ Лавр. лѣт. подъ 1230 г. П. С. Л. I, 192, II, 115. Голуб. *ibid.*

⁵⁰⁾ Дарств. грам. кн. Ростисл. Смол. въ Допол. къ Акт. Ист. т. I, № 34, подъ 1150 г.; Голуб. *ibid.* Житіе Авраамія Смоленск. въ Прав. Собес. 1858 г. ч. III: „Призва (епископъ) единого отъ своего честнаго крылоса перваго отъ старѣйшихъ—протопопа“. Авр. житъ въ нач. XIII и въ концѣ XII в.

⁵¹⁾ Лавр. лѣт. П. С. Л. 192—194, подъ 1230 и 1231 г.г.; Голуб. *ibid.*, въ житіи царев. Петра (Беркы), см. у Макарія, т. IV, стр. 297, 340.

⁵²⁾ Ипат. Лѣт. подъ 1223 г. П. С. Л. II, 163; въ дѣяніяхъ Влад. соб. 1274 г. Русск. Ист. 6-ка т. VI, 6, стр. 98. Голуб. *ibid.*

⁵³⁾ Лавр. Лѣт. подъ 1175 г. П. С. Л. I, 157 г. Голуб. „Ист. р. ц.“ т. I, изд. 2, стр. 378.

⁵⁴⁾ Русск. Достопамят. I, 7. Голуб. т. II, изд. 2, стр. 363; Мак. т. II, изд. 2, стр. 382.

⁵⁵⁾ См. ниже—гл. VIII—ю, по поводу Студійскаго устава Синод. 6-ки, въ коемъ отмѣчается, когда къ хорамъ пѣвцовъ присоединялись въ греческомъ богослуженіи попы и діаконы.

⁵⁶⁾ П. С. Л. I, 157.

⁵⁷⁾ Несторово житіе свв. Бориса и Глѣба въ изд. Срезневск. СПб. 1860, стр. 20.

единого отъ своего честнаго крылоса, перваго отъ старѣйшихъ—протопопа именемъ Георгія“ ⁵⁸⁾.

Что во главѣ пѣвческаго клироса ставился старѣйшина (управитель) протопопъ, не должно казаться удивительнымъ въ виду того, что и до позднѣйшихъ временъ такія явленія были нерѣдки въ пѣвческой практикѣ. Въ греческомъ кодексѣ пѣвческаго Родестина 1433 г., 6-ки Константинопольскаго Археологическаго Института, есть помѣтка (нал. 144), что нѣкто Фардибуки, протопопъ ц. свв. Апостоловъ, былъ domestикомъ лѣваго хора ⁵⁹⁾, а у насъ на Руси, въ главѣ Московскаго Чудовскаго хора въ 1800 г. былъ поставленъ преосвященнымъ Августиномъ членъ Консistorіи и благочинный, протоіерей Казанскаго, а впослѣдствіи Покровскаго собора, Платоновъ - Шумилинъ; а во главѣ Синодальныхъ (патріаршихъ) пѣвчихъ былъ или ризничій, или протопресвитеръ Успенскаго собора. Присвоилась-ли пѣвческому соборному клиросу какая-либо особая функція дѣятельности, напр., судебная, какъ то можно думать на основаніи единственнаго извѣстія (посланія неизвѣстнаго епископа къ неизвѣстному князю, сыну Александра Невскаго) о судебныхъ поплинахъ въ пользу клирошанъ ⁶⁰⁾, опредѣленнаго ничего нельзя сказать, хотя нѣтъ ничего въ томъ невѣроятнаго, такъ какъ извѣстно, что Синодальные (и патріаршіе) пѣвчіе по указу патріарха Іосифа 1635 г. 10 Декабря ⁶¹⁾, пользовались поплинами ставленническими, которыя, потомъ, перешли къ пѣвчимъ Чудовскимъ (ок. 1751 г.) ⁶²⁾; а затѣмъ извѣстно, что Виленскій соборъ 1509 г. постановилъ, въ случаѣ безчинства священника: „намъ (епископомъ) соборнѣ съ нашимъ крылосомъ—съ священно—иноки и попы таковому безчиннику не велѣти священствовати“ ⁶³⁾. Но эти постановленія

⁵⁸⁾ Правосл. Собес. 1858 г. ч. III, стр. 385.

⁵⁹⁾ *Φαρδιβούκη ἐκείνος καὶ πρωτοπλάς τῶν ἁγίων Ἀποστόλων ὁ domestikos ἦτοι ὁ πρωτοπλάς ἀπέξω.* См. Thibaut. „Etude de musique byzantine. La notation de St. Jean Damascene ou Hagiorpolit“. Извѣстія русскаго археологическаго Института въ Константинополѣ. Софія, III, 1898. P. 145. Annotat.

⁶⁰⁾ Голубинскій „Ист. р. ц.“ т. I, изд. 2, стр. 379.

⁶¹⁾ Рукоп. Син. 6-ки № 424, л. 25 об. Чтен. въ Об. Люб. Д. Просв. 1869, VIII.

⁶²⁾ См. брошюру автора „Синодальные, бывшіе патріаршіе пѣвчіе“. СПб. 1898 г., стр. 6.

⁶³⁾ Голубинскій „Ист. р. ц.“ т. I, изд. 2, стр. 380. Акты истор. т. I, № 280. Професс. Голубинскій особенно усиленно, но едва ли успѣшно, старается убѣдить въ томъ, что крылосъ есть высшій судный соборъ при епископскихъ кафедрахъ, на подобіе нашихъ консistorій, и слѣдовательно, соборъ высшаго епархіальнаго духовенства, протопоповъ, пресвитеровъ, утвер-

и обычай уже позднѣйшей и притомъ мѣстной (юго-западной) церковной практики и дисциплины, не ранѣе XVI в., о раннѣйшемъ же ихъ существованіи исторія совершенно умалчиваетъ, оставляя изслѣдователя въ области догадокъ.

Что клиросъ издавна имѣлъ свою естественную функцію исправлять пѣвческое дѣло при богослуженіи, съ подраздѣленіемъ на правый и лѣвый, тому совершенно определенное свидѣтельство находимъ въ житіи царевича Петра Ордынскаго, въ XIII в. (ок. 1253 г.). По сказанію автора житія, царевичъ, придя въ Ростовъ, видѣлъ тамъ украшенную золотомъ, жемчугомъ и камнями церковь Богородицы и слышалъ „пѣнія доброгласныя: бѣ бо тогда въ церкви святыхъ Богородицы лѣвый клиросъ гречески пояху, а правый руски“. О внука царевича Петра, Юриі тамъ же говорится, что онъ „навыче у родителей своихъ честь творити святѣй Господѣ Богородицѣ въ Ростовѣ и гривны златыя на ню возлагати и пированія владыкамъ и всему клиросу и собору церковному и праздникомъ святыхъ апостолъ Петра и Павла и памяти творити родителей и прародитель“. При правнукѣ Петра Игнатѣ, епископъ ростовскій Прохоръ вышелъ на встрѣчу ордынскому послу Ахмылу „со всѣмъ клиросомъ поиде, въ ризахъ, и вземъ кресты и хоругви“. Ахмылъ затѣмъ наградилъ владыку 40 литрами серебра, а „клиросу“ далъ 30 литръ. Клиросъ этотъ, какъ видно по ходу рѣчи, состоялъ и изъ пѣвцовъ—дьяковъ и изъ сановитаго духовенства—діаконовъ, поповъ и протоповъ, но все же былъ клиросомъ пѣвческимъ. Въ сужденіи о судебномъ значеніи пѣвческаго клироса можетъ быть сдѣлана только такого рода уступка. Пѣвческій клиросъ, состоявшій первоначально и до XIII в. изъ пресвитеровъ, діаконовъ и дьяковъ, по своей близости къ епархіальному епископу и по своей большей книжности и уставности, по сравненію съ прочимъ духовенствомъ, могъ впоследствии выдѣлится изъ среды своей болѣе образованныхъ и вліятельныхъ пресвитеровъ, которые составили собой судный соборъ при каедрѣ, не покидая однакоже самого клироса. Ипатьевская лѣтопись подъ 1223 г. говоритъ: „поставленъ бысть Иванъ пискушъ княземъ Дани-

ждаея при этомъ на словахъ Лавр. Лѣт. (подъ 1230 и 1231 г.г.) — „игумени и попове и святыхъ соборныхъ церкви клиросъ“, и еще: „игумени и попове и чернцы и пресвѣтлый клиросъ соборныхъ церкви святыхъ Богородица“. Но эти оба мѣста могутъ быть истолкованы совершенно иначе. О западно-русскомъ крылосѣ изслѣдованіе Ситкевича „Западно-русскій крылосъ и его судьба въ униатской церкви до половины XVIII в.“ 1903. По поводу того же автора статья въ Христ. Чт.“ 1904. IX.

ломъ отъ клироса великое церкви святые Богородицы Владимерской“. Слѣдовательно пѣвческій клиросъ, по своей относительной образованности, могъ давать изъ среды своей даже ставленниковъ и во епископскую степень ⁶⁴).

Но съ другой стороны есть основанія допустить, что съ XIII в. пѣвческій клиросъ совершенно теряетъ изъ среды своей поповъ и діаконовъ, состоя изъ однихъ только дьяковъ. Лаврентьевская лѣтопись подъ 1230 г. говоритъ: „игумени и попове и святыхъ соборныхъ церкви клиросъ“ ⁶⁵), подъ 1231 г.: „игумени и попове и чернцы и пресвѣтлый клиросъ соборныхъ церкви святыхъ Богородица“ ⁶⁶). Если соборный пресвѣтлый клиросъ, какъ думаетъ пр. Голубинскій, принимая во вниманіе особые „эпитеты“, — есть дѣйствительно судный соборъ, „корпорациі епархіальныхъ начальниковъ“, прототипъ нашихъ консисторій, то почему же этотъ высшій духовный судебный институтъ лѣтописецъ перечисляетъ со всѣмъ не на первомъ мѣстѣ и не въ первомъ рангѣ, а послѣ игуменовъ и поповъ, въ одномъ мѣстѣ, а затѣмъ—послѣ игуменовъ, и поповъ, и даже простыхъ чернецовъ—въ другомъ? Между тѣмъ въ отношеніи перечисляемыхъ другихъ лицъ онъ выдерживаетъ строгій іерархическій ранговый порядокъ: ставить впереди игуменовъ, затѣмъ уже бѣльцовъ поповъ, а въ другомъ мѣстѣ—игуменовъ, бѣльцовъ поповъ, а затѣмъ рядовыхъ чернецовъ, а потомъ уже, въ концѣ всѣхъ, соборный пресвѣтлый клиросъ. Не есть-ли это твердое указаніе на то, что соборный пресвѣтлый клиросъ есть не иное что, какъ пѣвчіе дьяки, которымъ дѣйствительно подобающее по рангу мѣсто—послѣ игуменовъ, поповъ и чернецовъ? Эпитеты же „свѣтлый“ и „пресвѣтлый“ на пѣвческомъ языкѣ древности русской имѣютъ чисто прозаическое значеніе—звонкій, громкій, высокій въ пѣвческомъ значеніи, отчего выраженія: „согласіе свѣтлое“ (высокая голосовая пѣвческая область), „стрѣла свѣтлая“, „стрѣла громосвѣтлая“ (крюковые пѣвческіе знаки, исполняемые въ высококомъ пѣвческомъ регистрѣ), „крюкъ тресвѣтлый“, „стрѣла тресвѣтлая“, „громотресвѣтлая“, „крюкъ тресвѣтлый“, и проч. под.; почему и „пресвѣтлый клиросъ“ значитъ не иное что, какъ клиросъ (хоръ) голосистый, славный, знаменитый. Въ томъ обстоятельствѣ, что лѣтописецъ перечисляетъ поповъ, входившихъ прежде въ составъ клироса вмѣстѣ съ діаконами и дьяками, отдѣльно отъ клироса, должно видѣть

⁶⁴) Полн. С. Л. Арх. Комм. II, 163.

⁶⁵) П. С. Л. Арх. Комм. I, 192.

⁶⁶) П. С. Л. I, 194.

указание на то, что в началѣ XIII в. клиросъ пѣвческій состоялъ или изъ діаконовъ и дяковъ, или изъ однихъ только дяковъ. Уставъ св. Владимира, извѣстный по древнѣйшему списку въ Новгородо-Софійской Кормчей конца XIII в. (нынѣ Синод. б-ки) перечисляетъ церковныхъ людей въ такомъ порядкѣ: „а се суть церковные люди: игумень, попь, діаконь и кто въ клиросѣ“⁶⁷⁾. Клиросъ здѣсь поставляется въ отдѣльности не только отъ игуменовъ и поповъ, но и отъ дяконовъ и поставляется ниже всѣхъ этихъ степеней въ постепенномъ нисходящемъ порядкѣ и, слѣдовательно, разумѣется состоящимъ изъ низшихъ степеней церковныхъ—дяковъ. Ясное дѣло, что этотъ клиросъ не „корпорация начальниковъ“ или соборный духовный высшій судъ при кафедральномъ архіереѣ, а собраніе пѣвцовъ, исполнителей богослужебнаго пѣнія, и состоящее притомъ не изъ игуменовъ и поповъ, которые еще могли быть правоспособными судьями, но изъ однихъ только низшихъ клириковъ—дяковъ, даже безъ участія діаконовъ.

Итакъ клиросъ Устава Владимірова и Кормчей XIII в. и, слѣдовательно, Новгородскаго Софійскаго собора конца XIII в., есть клиросъ пѣвческій, состоявшій изъ однихъ низшихъ клириковъ—дяковъ, къ которымъ въ пѣвческой практикѣ, но не по рангу духовныхъ чиновъ и степеней, могли присоединяться, по надобности, и діаконы, и попы съ игуменами. Клиросъ Боголюбова монастыря, упомянутый выше, былъ такимъ же пѣвческимъ клиросомъ для монастырскаго храма, какъ и соборный для кафедральнаго собора, а церкви Иоанна Предтечи на Опокахъ—для церкви приходской. Всѣ высказанныя соображенія о „клиросѣ“ утверждаютъ въ той мысли, что доселѣ извѣстныя историческія свидѣтельства, съ XI-го по XIII-й вѣкъ включительно, говорятъ только о „пѣвческомъ клиросѣ“, за исключеніемъ одного темнаго указанія на судебныя пошлины, которыя выдавались (нѣкоторымъ) клирошанамъ, но неизвѣстно, за что.

Пѣвческій клиросъ, основанный при самомъ началѣ христіанскаго богослуженія на Руси, первоначально, до XIII в. состоялъ изъ пресвитеровъ, діаконовъ и дяковъ, со старѣйшиною въ главѣ.

⁶⁷⁾ Текстъ Устава у Макарія „Ист. р. ц.“ т. I, изд. 2, стр. 284, 282, 285. Голубинскій „Ист. р. ц.“ т. I, изд. 2, стр. 626. Также въ граматѣ кн. Всеволода Новгородско-Софійскому собору и церкви Иоанна Предтечи на Опокахъ, у Мак. т. II, изд. 2, стр. 382. Приводится здѣсь текстъ средней редакціи (по Макарію). Въ краткой редакціи слово крылось не употреблено, но за то перечислены въ числѣ другихъ церковныхъ людей „дякъ и вси причетники церковни“. Мак. ibid: стр. 282.

Въ началѣ XIII в., по Лаврентьевской лѣтописи, онъ отдѣляется отъ игуменовъ и поповъ, какъ особое собраніе пѣвцовъ, дяконовъ и дяковъ; въ концѣ же XIII в. онъ обособляется уже и отъ дяконовъ, состоя изъ однихъ дяковъ, къ которымъ, только по мѣрѣ надобности и случайно, вѣроятно, присоединялись для пѣнія и діаконы съ попами, которые, должно думать, и были главными завѣдующими и распорядительными лицами по отношенію къ клиросу⁶⁸⁾.

Такимъ образомъ, первоначальное русское церковное пѣніе, при самомъ началѣ жизни русской православной церкви, сосредоточилось въ двоякихъ рукахъ: пѣніе демественное, торжественное, полуцерковное—полумірское, пѣніе искусственное и импровизированное по композиціи народныхъ пѣвцовъ—демественниковъ, подъ управленіемъ регентов—доместиковъ, причемъ эти демественники естественно не чуждались и пѣнія богослужебнаго, строгоцерковнаго; съ другой, пѣніе истовероцерковное, богослужебное и осмогласное, обыденное и праздничное, сосредоточилось преимущественно въ рукахъ пѣвческаго клироса, церковныхъ клириковъ—дяковъ, съ діаконами и попами, подъ управленіемъ старѣйшинъ изъ протопоповъ, или пресвитеровъ, причемъ этотъ пѣвческій хоръ не чуждался и пѣнія демественнаго. Какъ демественники были преимущественно проводниками и хранителями традицій пѣнія демественнаго, утверждавшагося на пѣнии византійскомъ и выразившемся у насъ на Руси въ пѣнии кондакарномъ и послѣдующемъ русскомъ демествѣ⁶⁹⁾, такъ клирошане были главнымъ

⁶⁸⁾ Утвержденіе проф. Голубинскаго (Ист. р. ц. т. I, изд. 2, стр. 377), что „эти клиросы не были при епископахъ только штатами ихъ соборныхъ священниковъ, а вмѣстѣ были при нихъ штатами изъ епархіальныхъ чиновниковъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію“,—по меньшей мѣрѣ, подлежитъ крайнему сомнѣнію, съ указанной точки зрѣнія.

⁶⁹⁾ Для доказательства этого положенія весьма характерно выше упомянутое свидѣтельство Вальсамона при толкованіи 15-го правила Лаодикійскаго собора, въ примѣненіи къ современной ему византійской богослужебнопѣвческой практикѣ: „Замѣть это... и по отношенію къ мірянамъ, составляющимъ особый хоръ при распѣваніи кондаковъ и деместикующихъ какъ въ церквахъ, такъ и на рынкахъ“. Отсюда видно, что міряне, составляя хоръ, распѣвали и въ церквахъ и на рынкахъ кондаки, какъ нѣчто полуцерковное и полусвѣтское, и при исполненіи деместиковали, очевидно, посредствомъ хиромоміи, слѣдовательно, выполняли искусное пѣніе, какимъ могло быть только демественное, народное, мірское, а не строго-церковное, богослужебное, почему и возможно кондакарное пѣніе сравнять съ демественнымъ того

образомъ проводниками и хранителями традицій пѣнія богослужбнаго осмогласнаго, славяно-русскаго, утверждавшагося на пѣніи греко-сирійскомъ и выразившемся въ пѣніи знаменномъ въ расцѣвахъ маломъ и большомъ, съ его своеобразною греко-сирійско-русскою симіографіею.

Глава VIII.

Данныя для сужденія о первоначальномъ русскомъ церковномъ пѣніи въ области древнѣйшихъ богослужбныхъ уставовъ и пѣвческихъ книгъ.

Со времени возвращенія съ Аѳона преподобнаго Антонія (ок. 1051 г.) богослужбный чинъ и уставъ сосредоточился въ своемъ развитіи и примѣненіи къ условіямъ русской жизни около Киевопечерскаго монастыря и отсюда, какъ изъ главнаго центра и расадника богослужбнаго благоустройства, благочинія и благочестія, распространяется по всѣмъ краямъ православной земли русской ⁷⁰⁾. Говоря о знаменной крюковой симіографіи, извѣстный ученый пѣвецъ и справщикъ крюкового пѣнія при Алексѣѣ Михайловичѣ (ок. 1668 г.), старецъ монахъ Александръ Мезенець (Стремоуховъ) († 1676 г. 30 янв.) такъ говоритъ о началѣ православнаго русскаго церковнаго пѣнія въ своемъ „Извѣщеніи о согласнѣйшихъ помѣтахъ“: „Первіи же убо бѣша, въ началѣ, сего знамени творцы и церковніи пѣснорачители во столичномъ російскія державы Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ. По нѣколикыхъ же лѣтѣхъ отъ Кіева сіе пѣніе и знамя пѣкими люборачители принесли до великаго Нова града. Отъ великаго же Нова града распростресея и умножися толикимъ долговременствомъ сего пѣнія ученіе во вся грады и монастыри великоросійскія епархіи и во вся предѣлы ихъ“ ⁷¹⁾. Здѣсь ясно слышится отголосокъ того исто-

времени, а наше демественное производитъ отъ кондакарнаго, какъ самаго краснаго демественнаго пѣнія древности. Здѣсь и безъ чтенія кондакарей очевидна самая тѣсная логическая связь и единство.

⁷⁰⁾ См. объ этомъ ниже.

⁷¹⁾ Александръ Мезенець „Извѣщеніе о согласнѣйшихъ помѣтахъ“, по изданію С. Смоленскаго. Каз. 1888, л. 6. Ркп. 6-ки Синодальнаго Училища № 727 и № 219. П. А. Безсоновъ. Знаменательные годы и знаменитѣйшіе представители послѣдующихъ двухъ вѣковъ въ исторіи церковнаго русскаго пѣснопѣнія. „Православн. Обзоріе“. 1872, I—II, стр. 290, гдѣ указано, что м. Павелъ Сарск. и Подон. † 1675 г. 9 сент., а А. Мезенець † 1676 г. 30 января.

рическаго движенія и того историческаго пути, какимъ церковное русское пѣніе, разработанное впервые въ Кіевѣ, шло затѣмъ въ Новгородъ и другіе города, монастыри и предѣлы великой Руси, все болѣе распространяясь, умножаясь и совершенствуясь. Тотъ же Мезенець, говоря о происхожденіи крюковой симіографіи знаменной, говоритъ, что „сіе же убо таинственное, сирѣчь скрытое и сократительное знамя учинено и снискано и сими имены прозвано прежними славяноросійскими церковными пѣснорачители и знаменотворцы до настоящаго сего времени (т. е. 1668 г.) за четьреста лѣтъ и вяще, понеже во многихъ харатейныхъ ирмологіяхъ и прочаго церковнаго пѣнія съ симъ знаменемъ книгахъ обрѣтохомъ лѣтописныя подписанія, кто которую знаменнаго пѣнія книгу писалъ и яже въ ней писанная люботрудствовалъ, и въ коемъ градѣ, или монастырѣ, и въ которое время, и при какомъ-либо случай“ ⁷²⁾. Это изъ древности идущее преданіе увѣряетъ, что наше крюковое знаменное пѣніе, имѣя своимъ центромъ и исходнымъ пунктомъ Кіевъ, въ существенныхъ чертахъ разработано въ напѣвахъ и симіографіи русскими пѣвцами, по крайней мѣрѣ, не позже XII вѣка, въ чемъ удостовѣряютъ подписи авторовъ разныхъ городовъ и монастырей, видѣнныя Ал. Мезенцемъ при своихъ работахъ по исправленію пѣвческихъ крюковыхъ книгъ. Этими первыми пѣснорачителями и знаменотворцами русскими въ XII в. и позже были русскіе „демественники“ и „клирошане“ церквей и монастырей. Работа ихъ не могла быть на первыхъ порахъ творческою, но, несомнѣнно, имѣла характеръ приспособленія воспринятаго чрезъ славянъ греко-сирійскаго богослужбнаго пѣнія съ его симіографіею, примѣнительно къ музыкальному вкусу и умственному развитію пѣвцовъ русскихъ, къ ихъ относительной духовной зрѣлости, которая не могла еще быть большою.

Киевопечерскій монастырь, начавшій свою духовную многоплодную историческую жизнь съ 1062 г., со времени игуменства преподобнаго Θεодосія, ученика и послѣдователя и проводника монашескихъ предначертаній преп. Антонія и идеи христіанизации русскаго народа, въ отношеніи къ церковному пѣнію приобрѣлъ на первыхъ порахъ не меньшее значеніе, чѣмъ въ отношеніи къ другимъ сторонамъ русской церковной жизни того времени. Озабочиваясь лучшимъ устройствомъ чина богослужбнаго, строя монашеской жизни и дисциплины, преподобный Θεодосій

⁷²⁾ Ibid.

обратили внимание на уставъ студійскій, съ которымъ познакомилъ его въ словесной бесѣдѣ одинъ студійскій монахъ Михайль, прибывшій въ Кіевъ изъ Греціи вмѣстѣ съ митрополитомъ Георгіемъ и давшій ему краткій списокъ этого устава. Заинтересовавшись этимъ уставомъ, препод. Θεодосій (ок. 1065 г.) поручилъ, отъ имени препод. Антонія, сдѣлать полный списокъ студійскаго устава монаху печерскаго монастыря Ефрему, странствовавшему тогда по святымъ мѣстамъ, на Аѳонъ и къ святынямъ Греціи и Константинополя. Ефремъ, какъ человѣкъ образованный и какъ очевидецъ монастырской жизни и порядка, списалъ „въ порядкѣ весь уставъ студійскаго монастыря“, — „какъ воспѣвають пѣснопѣнія и читаютъ чтенія и кладутъ поклоны, какъ стоятъ въ церкви и сидятъ въ трапезѣ и какая въ какіе дни пища“⁷³⁾. Ефремъ могъ принести изъ Константинополя только уставъ ктиторскій патріарха Алексія (1025—1043), данный (около 1034 г.) основанному имъ самимъ, близъ Константинополя, монастырю Успенія Богоматери, такъ какъ сохранившіеся отъ XII в. донныя шесть славянскихъ уставовъ принадлежатъ только этой именно редакціи патріарха Алексія⁷⁴⁾, имѣющей только основу студійскую, Краткаго Начертанія (*Υποτύπωσις*)⁷⁵⁾.

Само по себѣ Краткое начертаніе (*Υποτύπωσις*) не представляетъ собою неизмѣнную редакцію, но въ разныхъ спискахъ и существуетъ нынѣ⁷⁶⁾ и существовало на первыхъ же порахъ

⁷³⁾ Житіе преподобнаго Θεодосія, изд. Бодянк., въ Чтен. Общ. истор. и древн. російск. 1858 г., стр. 10. Печерскій патерикъ въ рус. пер. М. 1897. Стр. 37, 96—97, 205. П. С. Л. I. 69, 156. Срезневскій „Древніе памятники русскаго письма и языка“, изд. 2. СПб. 1882, стр. 24—25. Макарій. „Ист. р. ц.“ т. II, изд. 2, стр. 61. Голубинскій „Ист. р. ц.“ т. I, 2 полов., стр. 323. Архіеп. Сергій „Полный мѣсяцесловъ Востока“ т. I, изд. 2, стр. 152—153.

⁷⁴⁾ Мансветовъ „Церковный уставъ“, М. 1885, стр. 122—123. Профес. Дмитріевскій, въ рецензіи на это соч. „Христ. чт.“ 1888, ч. II, стр. 502—503. Архіеп. Сергій „Полный мѣсяцесловъ Востока“, т. I, изд. 2, 1901, стр. 150—153. Въ 1911 г. появилось изслѣдованіе прот. М. Лисицына „Первоначальный славяно-русскій типиконъ“, гдѣ обстоятельно доказывается, вмѣстѣ съ главною мыслью сочиненія о господствѣ въ древнемъ русскомъ богослуженіи устава Великой Церкви (св. Софіи въ К-лѣ), что древній уставъ богослужебный на Руси ктиторскій—Алексѣевскій, на что нами указано было еще въ первомъ изданіи нашего сочиненія 1906—1908 г.г. на основаніи изслѣдованій этого вопроса професс. Дмитріевскимъ.

⁷⁵⁾ „Сравненіе устава патріарха Алексія съ начертаніемъ студійскимъ (*ὑποτύπωσις*) показало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквальное сходство означеннаго устава съ начертаніемъ“, говоритъ архіеп. Сергій въ „Полн. мѣсяц. В.“ т. I, изд. 2, стр. 153.

⁷⁶⁾ Мансветовъ, *ibid.*, стр. 118—119. Дмитр. *ibid.* 492—493.

его появленія, по Никону Черногорцу (XI в.), съ значительными вариантами и разностями, которыя уже весьма выпукло выступаютъ въ своеобразной обработкѣ Начертанія аѳонской, сдѣланной для своего общегитія препод. Аѳанасіемъ († 980) (*Διατύπωσις*)⁷⁷⁾. Кромѣ студійскихъ церковныхъ порядковъ и обычаевъ, писанныхъ и устныхъ, патріархъ Алексій принималъ въ свой уставъ и обычаи Великой церкви, на которые иногда ссылается, и, вѣроятно, лучшіе обычаи и порядки и другихъ монастырей, напр., аѳонскихъ и палестинскихъ, такъ какъ церковное взаимообщеніе въ отношеніи къ богослужебному чину и монастырской жизни между Византіей, Аѳономъ и Палестиной было въ это время весьма замѣтнымъ, такъ что особенности службы уставовъ іерусалимскихъ усвоились уставами студійскими, и наоборотъ, а Аѳонъ въ этомъ отношеніи былъ посредствующимъ пунктомъ взаимнаго ихъ обмѣна⁷⁸⁾. Такимъ образомъ, говоритъ Мансветовъ, уставъ Алексія имѣлъ сборный, компилятивный характеръ, гдѣ, рядомъ съ заимствованіями изъ разныхъ источниковъ, идетъ личная работа составителя и примѣненіе существующихъ порядковъ къ быту и условіямъ монастыря Успенскаго⁷⁹⁾. Слѣдовательно въ уставѣ патріарха Алексія, принесенномъ Ефремомъ изъ Константинополя въ Кіевъ, первые русскіе монастыри и церкви могли имѣть, совмѣстно съ преобладающими чинами богослужебными и порядками студійскими, чины и порядки іерусалимскіе, аѳонскіе и константинопольскіе⁸⁰⁾.

⁷⁷⁾ Мансв. *ibid.* стр. 107—111. Дмитр. *ibid.* 490—496.

⁷⁸⁾ Мансв. *ibid.* стр. 126—127. 130—132.

⁷⁹⁾ Мансв. *ibid.* стр. 120.

⁸⁰⁾ Прот. Лисицынъ въ своемъ соч. „Первоначальный славяно-русскій Типиконъ“, СПб. 1910, защищаетъ положеніе, что въ русскомъ богослуженіи до Θεодосіевскаго устава (ок. 1065 г.) дѣйствовали уставъ Великой Церкви (пѣсенное послѣдованіе), а съ этого времени дѣйствовали два устава: Константинопольскій (съ пѣсн. послѣд.) и Алексѣевско-Студійскій до тѣхъ поръ, пока оба не уступили (ок. XV в.) дѣйствующему нынѣ іерусалимскому. Это положеніе оспариваетъ проф. Скабаллановичъ въ своемъ соч. „Толковый Типиконъ“, Кіевъ, 1910, на основаніи литургическихъ данныхъ, добытыхъ изслѣдованіями проф. Дмитріевскаго (Опис. литург. рукоп. Т. I, 164 и „Древнѣйш. патріарш. типиконы“, 144, 147, 203, 208, 298), изъ коихъ слѣдуетъ, что уставъ св. Софіи находится въ генетической зависимости отъ Святоградскаго IX—X в. и указываетъ на то, что пѣсенное послѣдованіе, развившееся въ К-лѣ у монаховъ спудеевъ (въ VIII в. при Львѣ Исаврѣ), перенявшихъ этотъ способъ пѣснопѣнія у спудеевъ іерусалимскихъ, имѣвшихъ свой монастырь близъ Іерусалима (въ V—VI в.в.), о которыхъ однакоже упоминается въ „Паломничествѣ“ Сильвіи аквитанской (IV в.), первоначально возникаетъ на Востокѣ. Однако, по Скабаллановичу, если пѣсенное послѣдованіе и было въ начальномъ русскомъ богослуженіи, то все же господ-

Уставъ патриарха Алексія не сохранился на Руси въ первоначальной редакціи. Самые ранніе славянскіе списки его на Руси не восходятъ ранѣе конца XI в. и устанавливаютъ собой промежутокъ между первой редакціей патр.—Алексія († 1043) и ранѣйшими редакціями русскими около полустолѣтія. Этого времени достаточно для появленія въ уставѣ новыхъ добавленій и измѣненій мѣстнаго славяно-русскаго происхожденія. Въ самомъ раннемъ славянскомъ спискѣ Синод. б—ки, конца XI в., есть уже русская запись памяти „святою мученику новоявленною, Бориса и Глѣба“ (1072), но нѣтъ еще русскаго празднованія перенесенія мощей св. Николая въ Варъ градъ (1087), что говоритъ за происхожденіе этого славянскаго списка не позже конца XI в.⁸¹⁾ А что онъ писанъ въ своемъ греческомъ оригиналѣ не ранѣе второй половины XI в., слѣдуетъ изъ того, что въ наставленіи монахамъ поминать основателя монастыря, предлагается заупокойная эктенія о патр. Алексіи (1043 г.)⁸²⁾ Въ отношеніи богослужебнаго чина и пѣнія этотъ уставъ содержитъ только порядки студійскіе, которые одинаково были господствующими и на Аѳонѣ и въ Константинополѣ, однакоже рядомъ съ обычаями тамошними мѣстными, служеніями чрезвычайными, какъ патриаршія и нарочитыхъ праздниковъ „Великой церкви“, но въ иныхъ, случаяхъ онъ усваиваетъ обычаи „Великой церкви“, какъ напр.: пѣніе тропаря при воздвиженіи креста, „иже въ велицѣй церкви обычимъ поется“, или же исполненіе „Преблагословенна еси“ въ Великую субботу, „якоже и великая церкви поеть“, а по окончаніи же „Слава въ вышнихъ

ствовало оно не всецѣло и безусловно, а только отчасти, такъ какъ суточный строй богослуженія былъ исключительно студійско-іерусалимскій, какъ совершенно сходный и въ Студійскомъ и Іерусалимскомъ уставахъ и слѣдой на долю устава св. Софіи съ его пѣсеннымъ послѣдованіемъ оставалось только довольно рѣдкое торжественное богослуженіе каѳедральныхъ церквей и большихъ монастырей. Скабалиновичъ „Толковый Типиконъ“, Киевъ, 1910: стр. 250, 260—261, 372—374, 395 и др. Съ этими соображеніями нельзя не согласиться и нельзя не видѣть преувеличенность распространенія въ древнемъ русскомъ богослуженіи пѣсенныхъ службъ.

⁸¹⁾ Память свв. Бориса и Глѣба и ркп. № 330—380 л. 181 на об.—Опис. Горск. и Певостр. отд. III, ч. I, стр. 252; Мансчетовъ „Церк. уставъ“ стр. 122. На оборотѣ послѣдняго листа четыре приписки поздней руки: 1170 г. архіепископъ Ілія и братъ его Гавріилъ поставили монастырь Благовѣщенія, 1179 г. поставили каменную церковь, 1186 г. преставился Ілія, арх. Новгородскій, 1193 г. преставился братъ его Гавріилъ, арх. Новгородскій. Ркп. л. 281 на об.—Описаніе, стр. 270. Срезневскій „Древніе памятники“, стр. 79. Что рука—поздняя, утверждаютъ авторы Описанія, стр. 270.

⁸²⁾ Ркп. Устава Синод. б—ки № 330 — 389 и 270 — 272. Мансв. *ibid.* стр. 122.

Богу пѣвчески“, да и вообще, по словамъ устава, „по ряду, якоже въ велицѣй церкви бжѣственнымъ оцмъ Ѳеодоромъ оуставлено бысть“⁸³⁾, хотя въ томъ же Уставѣ говорится опредѣленнѣе: „оуставленъ бо не по писанію въ монастыри студійстѣмъ преподобнымъ отцемъ нашимъ исповѣдникомъ Ѳеодоромъ бывшимъ въ немъ игуменомъ, преданъ же писаніемъ отъ Алексія св. и вселенск. патриарха“⁸⁴⁾. Предисловіе къ уставу увѣряетъ, что въ его записяхъ достаточно говорено было въ разныхъ мѣстахъ о духовной пищѣ пѣніи („сице бо слово священное пѣніе нарицаеть“) ⁸⁵⁾. Дѣйствительно, уставъ довольно тщательно отмѣчаетъ, кѣмъ, когда и какъ что поется въ извѣстныхъ службахъ и дняхъ, чего въ позднѣйшихъ уставахъ уже не встрѣчается. Особенно должны быть отмѣчены способы исполненія хорами пѣвчихъ, то попеременно, то соединившись вмѣстѣ, стихирь на вечерни „на Господи воззвахъ“ и „на Хвалитѣхъ“, пѣвческое исполненіе шестопсалмія, аллилуаріевъ, славословія, каѳизмъ, павечерницы и въ нѣкоторыхъ случаяхъ пѣніе по „хирономіи“, что вѣроятнѣе всего заимствовано изъ обычаевъ Великой церкви. Разсматриваемый уставъ предписываетъ на вечерни въ субботу Ваий, послѣ „Блаженъ мужъ“, перемѣниться хорамъ правому и лѣвому и начинать „Господи воззвахъ“ лѣвому, послѣ чего на „яко утвердися милость“ оба хора соединяются ⁸⁶⁾. Павечерницу должны были исполнять, если въ церкви два хора, съ начальникомъ хора по срединѣ между ними, а когда въ притворѣ, то попы съ діаконами впереди съ правой и съ лѣвой стороны, а за ними—остальная братія ⁸⁷⁾. На утрени шестопсалміе отъ Пасхи до Воздвиженія поется попеременно сторонами, не громко и не торопливо, вслѣдъ за канонархомъ, стоящимъ въ срединѣ между ними ⁸⁸⁾. На каѳизмахъ полагалось пѣніе аллилуаріевъ, (72), установленныхъ Ѳеодоромъ Студітомъ, по 9 аллилуаріевъ на каждый гласъ; „Хвалите имя Господне“ полагалось исполнять въ очередь гласовъ, съ 1 по 4-й—на 4-й гласъ, съ 5 по 8-й—на 6-й гласъ ⁸⁹⁾. Хвалитные псалмы

⁸³⁾ Мансв. *ibid.* стр. 120. Ркп. уст. Синод. б—ки № 330 — 380 л. 262 на об., 34, 247. Уст. Типогр. б. № 142, л. 8 об.

⁸⁴⁾ Уст. Син. б. № 330, л. 196 об.

⁸⁵⁾ Ркп. Уст. Син. б. № 330 л. 196 об. Опис. Г. и Нев. стр. 257. Мансв. *ibid.* стр. 121.

⁸⁶⁾ Ркп. Син. б. № 330—380 л. 20. Уст. Типогр. б. № 142, л. 3 об. Мансв. „Церк. у.“ стр. 144, 164. Голуб. „И. р. ц.“ т. I, 2 полов., 2 изд. стр. 495.

⁸⁷⁾ Ркп. Син. б. № 330 — 380 л.л. 264 об. и 265. Мансв. *ibid.* стр. 166.

⁸⁸⁾ Ркп. л. 248 и 248 об. Мансв. *ibid.* стр. 163.

⁸⁹⁾ Ркп. л. 257, 258. Опис. III, I, стр. 268. Мансв. *ibid.* стр. 165.

исполнялись съ пригѣвами (напр. 150-й псал.) „Сыне Божій, помилуй насъ“, „слава Тебѣ подавшему намъ свѣтъ“, „Тебѣ слава подобаеть, Господи“; а стихиры хвалитныя хоры исполняютъ, соединившись вмѣстѣ, причемъ къ нимъ присоединяются попы и діаконы. Послѣ Богородична всѣ становятся на свои мѣста и стоятъ „дондеже утрення пѣснь, сирѣчь слава въ вышнихъ Богу пѣто будетъ“⁹⁰). Юня 29-го полагается пѣть катавасію пѣвчески по хирономіи, а въ день памяти Θεодора Студійскаго, 11 ноября, по второй каѳизмѣ, ипакои поется по хирономіи⁹¹). Въ утреню Великой субботы славословіе полагалось исполнять пѣвчески⁹²). Пѣніе шестопсалмія, каѳизмъ, славословія, павечерницы суть несомнѣнно обычаи великой церкви и остатки ея пѣсеннаго послѣдованія (*ἀσπαστικὴ ἀκολουθία*), о которомъ Симеонъ Солунскій († 1429) говоритъ: „Всѣ соборныя церкви во вселенной издревле совершали это послѣдованіе пѣвчески (*μελωδικῶς*) и не произносили ничего безъ пѣнія, кромѣ молитвъ священника и прошеній діакона“⁹³). Равнымъ образомъ оттуда, несомнѣнно, перешелъ и обычай перемѣщать хоры, соединять ихъ и попеременно исполнять стихиры, равно и приѣмъ пѣнія по хирономіи въ особо торжественныхъ случаяхъ, какъ это исполнялось при византійскомъ дворѣ въ дни большихъ праздниковъ по распоряженію Льва Философа и по византійскому придворному церемониалу⁹⁴). Въ греческомъ Уставѣ Евергетидскаго монастыря, близъ Константинополя данномъ братіи игуменомъ Тимоеемъ (ок. 1055 г. или нѣсколько позже) объ ипакои въ нед. праот. говорится: *ψάλλεται ὄντως ὁ ψάλλτης, ἐπειτα ὁ λαὸς μετὰ χειρονομίας*, т. е. поетъ сначала пѣвецъ, а потомъ народъ по хирономіи⁹⁵).

Исполнялись-ли эти пѣвческіе обычаи и у насъ на Руси

⁹⁰) Ркп. С. б. № 330—380, л. 260 и 260 на об. Манев. іqid. стр. 165—166. Также Уст. Погодин; собр. И. П. Б. № 48, у прот. Лисиц. іbid. стр. 149.

⁹¹) Ркп. С. б. № 330—380 л. 91 и 174 на об. Опис. III, I, стр. 252. Манев. іbid. стр. 153. Въ Уставѣ VIII в. Сян. б. № 333 въ нед. прежде св. о.о. указано пѣніе „ипакои пѣвчески“, а въ Уст. Типогр. б. № 144 на той же службѣ ирм. „Вѣрою прадѣды“ пѣвчески поются.

⁹²) Ркп. л. 34. Опис. III, I, стр. 243. Голуб. „И. р. ц.“ т. I, 2 полов. изд. 2, стр. 498.

⁹³) Migne Patrologiae curs. complet. t. 155, p. 624. Манев. „О пѣсенномъ послѣдованіи“. Приб. къ твор. свв. о.о.“ 1880, кн. III, стр. 773. „Церк. уст.“ стр. 233—234 и др. Голубинскій „И. р. ц.“ т. I, 2 полов., 2 изд. М. 1904, стр. 482.

⁹⁴) См. выше „De ceremoniis aulae byzantinae“. Migne Patr. c. compl. g. s. t. CXII, „*Ἐκθεσις τοῦ βασιλείου τάξεως*“.

⁹⁵) Дмитриевскій. Опис. литург. рук. Т. I, *Тυπικὰ*. Стр. 315.

послѣ принятія алексіевскаго студійскаго устава и согласно его предписаніямъ, никакихъ указаній на это нѣтъ; но, если Ефрему поручено было списать „весь уставъ студійскаго монастыря“ и прежде всего, „какъ воспѣваютъ пѣснопѣнія“,—то должно думать, что усердія иноковъ печерскихъ стало и на то, чтобы исполнить и указанныя пѣвческія предписанія и обычаи. Въ уставѣ XIV в. іерусалимской уже редакціи еще сохраняются обычаи соединяться хорамъ „на яко утвердися милость“⁹⁶), исполнять каѳизмы въ настоящій гласъ⁹⁷), великое славословіе—6-й гласъ⁹⁸), по 9-й пѣсни „Достойно“—соединенными хорами⁹⁹), Богъ Господь полагалось исполнять такъ: сначала поетъ одинъ монахъ и затѣмъ говоритъ стихи, а ему каждый разъ отвѣчаетъ пѣніемъ другой монахъ: „благословенъ грядый во имя Господне“, а затѣмъ уже поютъ попеременно правый и лѣвый лики¹⁰⁰). По хирономіи окончательно уже исчезаетъ и замѣняется пѣвческой нотописью, крюковой симіографіей, какъ это видимъ въ студійскомъ уставѣ Типографской б-ки № 1206-й, да и самое пѣвческое искусство приходитъ въ замѣтный упадокъ, что видно изъ двукратной замѣтки уставовъ Синод. б-ки XIV в. №№ 383 и 385-й о современномъ имъ недостаткѣ искусныхъ пѣвцовъ¹⁰¹).

Итакъ, приблизительно съ 1065 года, Киевопечерскій монастырь имѣлъ въ практикѣ богослужебной и въ монашескомъ обиходѣ студійскій уставъ алексіевской редакціи, который, слѣдуя преданіямъ и обычаямъ студійской обители, а отчасти особеннымъ обычаямъ Великой церкви, Константинопольской, регулировалъ богослужебное пѣніе Киевопечерской обители, какъ со стороны литургической, уставной, такъ и со стороны церковно-пѣвческой, практической. Въ литургическомъ, уставномъ отношеніи, студійскія правила устанавливали должности и лицъ, которымъ принадлежало исполненіе богослужебнаго пѣнія, съ одной стороны, клиросъ, состоявшій первоначально изъ поповъ, діаконовъ и дьяковъ, а затѣмъ и изъ однихъ дьяковъ, во главѣ со старѣйшими—съ другой—хоры пѣвцовъ, правый и лѣвый, состоявшій или изъ иноковъ, въ монастыряхъ, или, изъ народныхъ пѣвцовъ, демест-

⁹⁶) Уставъ Севастьяновскаго собранія № 1458 въ Румянцевскомъ музее л. 17 на об. Уставъ Синод. б-ки № 383. Мансветовъ „Ц. у.“, стр. 426, 433.

⁹⁷) Ркп. устава № 383 л. 6 об. Опис. III, I, стр. 291. Манев. іbid. 434.

⁹⁸) Ркп. уст. № 383 л. 7. Манев. іbid. стр. 435.

⁹⁹) Ркп. уст. іbid. Манев. іbid.

¹⁰⁰) Ркп. уст. л. 6. Манев. іbid. стр. 434.

¹⁰¹) Ркп. № 383, л. 4 на об., ркп. № 385, л. 17. Опис. III, I, стр. 272—283. Манев. іbid. стр. 274, 434.

венниковъ, въ церквахъ мірскихъ, особенно, соборныхъ, во главѣ съ domestikомъ, котораго впоследствии, въ монастыряхъ, смѣняетъ канонархъ-установщикъ, а въ церквахъ мірскихъ—головщикъ. Составъ исполнителей богослужебнаго древне-русскаго пѣнія, по уставамъ, тотъ же, что и по свидѣтельству лѣтописей и другихъ современныхъ извѣстій, что ясно говоритъ за то, что правила уставовъ не оставались на Руси мертвою буквою, а находили себѣ неотложное примѣненіе къ дѣлу, какъ въ чинѣ богослужебномъ, такъ и въ области церковно-пѣвческой жизни.

Въ частности правила эти указывали, когда хоры поютъ попеременно, когда, соединившись вмѣстѣ всѣ, когда они пѣли, перемѣняясь, за domestikомъ, или кононархомъ, когда канонархъ пѣлъ одинъ, или же, перемѣняясь съ пѣвцомъ изъ монаховъ, въ монастырѣ, или поющими изъ братіи, стоящей въ храмѣ,—хотя эти обычаи, какъ заимствованные изъ Византіи, мало прививавшіеся на Руси, со временемъ, какъ несвойственные простотѣ первоначальнаго православно-русскаго богослуженія и скромности русскихъ іерарховъ, стали исчезать, по крайней мѣрѣ, въ церквахъ мірскихъ, соборныхъ, изрѣдка ютятся въ старыхъ и видныхъ монастыряхъ, пока, наконецъ объ нихъ осталось одно только неясное воспоминаніе, безъ опредѣленнаго, однакоже, сознанія подлиннаго значенія этихъ обычаевъ, нужды и цѣлей, которымъ они служили и которыми были вызваны, если не согласиться, что таковыми въ Византіи могли быть единственно стремленія къ перемоніальности и пышности богослужебныхъ чиновъ и обстановки, въ подражаніе этикету и церемоніаламъ придворнымъ. Въ церковно-пѣвческомъ отношеніи правила студійскія, съ одной стороны, устанавливали чинъ, размѣры и порядокъ осмогласнаго пѣнія, съ точнымъ указаніемъ, что, когда и какъ должно исполняться при богослуженіи по осмогласію и такимъ образомъ вводили въ русскую богослужебную пѣвческую практику опредѣленную стройную и законченную систему церковнаго осмогласія, „осмогласіе изрядное“,—съ другой давали мѣсто пѣвческому исполненію пѣснопѣній не по осмогласію, а музыкально-художественнымъ способомъ, по законамъ и приемамъ музыкально-пѣвческаго искусства, по знакамъ воздушно-пѣвческой симіографіи, по хирономіи.

Разсматриваемый уставъ, такимъ образомъ, увѣряетъ насъ, что въ періодъ его редактированія крайними предѣлами котораго могутъ быть приняты, съ одной стороны, годъ смерти патріарха Алексія (1043), съ другой—перенесеніе мощей св. Николая Чудотворца (1087)—что въ этотъ періодъ времени въ Византіи и,

въ частности, въ монастыряхъ, господствовало еще пѣніе по хирономіи и мало распространено было, преимущественно господствовавшее въ Софійскомъ соборѣ и при патріаршихъ служеніяхъ, особенно въ присутствіи Двора, пѣніе по симіографическимъ, симадійнымъ пѣвческимъ знакамъ—и что, затѣмъ, на Руси въ Кіевѣ вмѣстѣ съ этимъ уставомъ окрѣпло и утвердилось окончательно богослужебное пѣніе, во первыхъ, осмогласное, общеупотребительное или обычное, простое, передаваемое на слухъ, изузнуто, по традиціи, такое, которое уже издавна было извѣстно и практиковалось въ русскомъ богослуженіи,—во вторыхъ, пѣніе по хирономіи, воздушнымъ пѣвческимъ знакамъ, искусство, вѣроятно, знакомое русскимъ не ранѣе прибытія въ Кіевъ трехъ пѣвцовъ греческихъ (1051—1053 г.г.), которые, также, вѣроятно, положили вмѣстѣ съ хирономіей и начало пѣнію по пѣвческимъ знакамъ симіографическимъ, греко-сирійскимъ и византійскимъ (кондакарнымъ).

Другой древнѣйшій славянскій уставъ студійскій алексіевской редакціи—это уставъ 6-ки Синодальной Типографіи № 1206—142. „Этотъ уставъ говоритъ проф. Мансветовъ, къ сожалѣнію не вполне сохранившійся, если не старше, то во всякомъ случаѣ ровесникъ древнѣйшему синодальному и, будучи одной съ нимъ отрасли, отличается отъ него по составу и незначительными особенностями въ изложеніи“¹⁰²⁾. Архіепископъ Сергій о томъ же уставѣ говоритъ: „Судя по тому, что въ типографскомъ спискѣ есть довольно прибавленій, естественно полагать, что редакція синодальнаго списка по происхожденію древнѣе типографскаго. Типографскій списокъ болѣе сходствуетъ съ уставомъ Великой Константинопольской церкви, особенно въ тріодной части“¹⁰³⁾. Принимая во вниманіе, что въ Уставѣ 1-го Октября нѣтъ праздника Покрова Пресв. Богородицы, установленнаго не позже XII в.¹⁰⁴⁾ и нѣтъ русскаго праздника перенесенія мощей святаго Николая изъ Муръ Ликійскихъ въ Баръ градъ (1087 г.)¹⁰⁵⁾, но есть память свв. мучениковъ Бориса и Глѣба (1072 г.)¹⁰⁶⁾ можно относить составленіе славянскаго списка этого Устава, или, въ одно время съ синодальнымъ спискомъ, къ концу XI-го вѣка, или нѣсколько позже, къ началу XII-го вѣка. Есть болѣе убѣди-

¹⁰²⁾ Мансв. „Церковный уставъ“, М. 1835, стр. 380.

¹⁰³⁾ Архiep. Сергій. „Полный мѣсяцесловъ Востока“, т. I, изд. 2, стр. 156.

¹⁰⁴⁾ „Полн. мѣс. В.“ т. II, изд. 2, ч. I, стр. 304, ч. 2, стр. 406.

¹⁰⁵⁾ Ibid. ч. I, стр. 136—137, ч. 2, стр. 171.

¹⁰⁶⁾ Ibid. ч. I, стр. 222.

тельные доводы въ пользу большей древности Синод. Устава въ сравненіи съ Типографскимъ, по редакціи. Въ то время, какъ Синодальный Уставъ говоритъ только о хирономіи, воздушномъ пѣвческомъ письмѣ, которое несомнѣнно предшествовало письму симіографическому и ничего не говоритъ о послѣднемъ, Уставъ Типографскій, наоборотъ, ничуть не упоминаетъ о хирономіи, какъ бы о способѣ пѣнія оставленномъ, и напротивъ, даетъ довольно много пѣснопѣній, какъ кондаки, аллилуаріи, степенны и подобны, изложенныхъ въ симіографическомъ письмѣ двухъ родовъ, кондакарномъ и некондакарномъ. Судя, затѣмъ, по тому, что текстъ пѣснопѣній написанъ въ двухъ видахъ, письмомъ обыкновеннымъ и, затѣмъ, письмомъ растяжнымъ, приравленнымъ къ пѣвческимъ знакамъ, должно думать, что славянскій переводчикъ греческаго текста устава, имѣлъ въ оригиналѣ только обычный текстъ пѣснопѣній, безъ пѣвческихъ знаковъ, и потомъ уже писалъ этотъ текстъ вторично растяжнымъ письмомъ, приравливая его къ пѣвческимъ знакамъ, которые онъ заимствовалъ изъ хирономіи и тутъ же и выставлялъ въ списокѣ. Слѣдовательно, пѣвческіе знаки внесены въ Уставъ надъ повтореннымъ растяжнымъ текстомъ уже славянскимъ переписчикомъ устава, или другимъ лицомъ, сотрудничавшимъ ему въ письмѣ пѣвческихъ знаковъ, но не стояли они въ оригиналѣ греческомъ. Эти пѣвческіе знаки и не могли стоять въ оригиналѣ греческомъ, потому что по характеру и начертанію своему они совсѣмъ не греческаго византійскаго письма, которое въ это время было совершенно своеобразнымъ, вполне отличнымъ отъ современныхъ ей симіографій, латинской, греко-сирійской и др. Все, что напоминало собою отчасти византійское греческое письмо, исчерпывается въ Типографскомъ Уставѣ кондакарнымъ знаменемъ, дѣйствительно сходнымъ съ современнымъ ему византійскимъ и получившимъ начало въ византійской симіографіи, но своеобразно разработаннымъ впоследствии и приобрѣвшимъ свои мѣстныя особенности и отличія. Но эти особенности и отличія могли быть приобрѣтены никакъ не на Руси, гдѣ знамя кондакарное вмѣстѣ съ Уставомъ только впервые становится извѣстнымъ, прежде замѣняемое хирономіей,—и не въ самой Византіи, гдѣ доселѣ неизвѣстно никакихъ признаковъ существованія этого именно знамени. Гдѣ же знамя кондакарное могло быть выработано?

Здѣсь возможно только единственное и весьма вѣроятное предположеніе, что наше кондакарное знамя разработано на Аѳонѣ пѣвцами, стекавшимися туда отовсюду, а болѣе всего изъ Византіи, Сиріи, Арменіи, Египта, а отчасти изъ латинскихъ и славян-

скихъ земель, и разработано на почвѣ или на основѣ византійской симіографіи, но подъ преимущественнымъ сильнымъ вліяніемъ Востока, а особенно Сиріи. Наше кондакарное знамя, имѣя много элементовъ византійской симіографіи, заключаетъ въ себѣ не менѣе элементовъ и греко-сирійской симіографіи, а также не мало знаковъ и начертаній симіографіи армянской и остатковъ древнихъ демотическихъ египетскихъ знаковъ—оно представляетъ собою сплавъ нѣсколькихъ симіографій, подъ главенствомъ византійской, сплавъ случайно возникшій въ такомъ центральномъ сборномъ пунктѣ пѣвцовъ и благочестивыхъ поклонниковъ изъ разныхъ національностей, и потому нигдѣ въ Европѣ нѣтъ этого знамени, кромѣ Руси, исторически ставшей къ Аѳону, какъ въ началѣ своего христіанскаго просвѣщенія, такъ и въ послѣдующее время, въ самыя близкія духовно родственныя отношенія, какъ къ высочайшему образцу истинной вѣры и благочестія.

Памятники такой симіографіи могли бы быть находимы еще только на самомъ Аѳонѣ, если бы онъ за свое многовѣковое существованіе не пережилъ столько бѣдъ, разрушеній и переворотовъ, сколько досталось на его долю. Наиболѣе вѣроятнымъ остается такимъ образомъ предположеніе, что кондакарное знамя разработано подъ разными сторонними вліяніями на основѣ византійской симіографіи на Аѳонѣ и оттуда уже заимствовано русскими, которые впервые узнали о немъ въ письмени изъ славянскаго списка Устава нынѣ Типографской бібліотеки. Не вѣроятно здѣсь и то предположеніе, что это знамя писано въ Уставѣ, если не самими тремя пѣвцами греками, то подъ ихъ руководствомъ, ближайшими ихъ учениками изъ славяно-русовъ. Отсюда, далѣе, не вѣроятно, что и самый Уставъ могъ быть полученъ въ греческой редакціи съ того же Аѳона, откуда заимствована русскими пѣвцами и кондакарная симіографія. Вѣроятность перенесенія кондакарнаго знамени Типографскаго Устава съ Аѳона еще болѣе увеличится, если мы примемъ во вниманіе, что знамя крюковое, которымъ изложены въ Уставѣ аллилуаріи, степенны и подобны, представляетъ собою ту самую систему крюковыхъ знаковъ, которыми писаны всѣ богослужебныя пѣвческія русскія книги періода домонгольскаго и позже, которая съ незначительными вариантами и дополненіями существуетъ и доселѣ, и во вторыхъ, что это знамя, крюковая симіографія, при незначительномъ сходствѣ, отлично отъ византійскаго и представляетъ собою пѣвческую симіографію особаго рода, и наконецъ, въ третьихъ, это знамя сходно съ пѣвческими знаками Есфигменскаго ирмолога XI в., Охридской тріоди X—XI в. и Синайскаго стихираря X в. (999 г.)

и слѣдовательно, оно такого же восточнаго греко-сирійскаго происхожденія, какъ и эти рукописи, какъ равно и пѣвческая греческая рукопись XI в. Вѣнской библіотеки, снимки съ которой находятся у Герберта въ его „De cantu et musica sacra“ (Т. II, tab. VI).

Крюковая симіографія Типографскаго Устава, какъ и наша русская древняя симіографія домонгольская, съ которою она вполнѣ сходна, совершенно восточнаго, греко-сирійскаго происхожденія, и могла быть заимствована русскими пѣвцами и переводчиками славянскаго списка Устава все съ того же, ближайшаго славяно-руссамъ и родного имъ по многимъ внутреннимъ и вѣшнимъ связямъ, международнаго сборнаго паломническаго пункта, какимъ былъ Аѳонъ, и гдѣ греко-сирійское вліяніе въ церковно-пѣвческомъ отношеніи имѣло массу поводовъ привиться и обнаружиться, какъ на самомъ Аѳонѣ, такъ и на прикосновенныхъ съ нимъ христіанскихъ областяхъ ближайшихъ, а прежде и болѣе всего на славяно-русскихъ. Преподобный Антоній, вникая въ жизнь, уставы и богослужебный чинъ Аѳона не могъ не обратить вниманія и на богослужебное пѣніе и на тѣ средства, которыми оно поддерживалось и упрочивалось, въ числѣ коихъ была и пѣвческая хиромія и симіографія. Поэтому и прибытіе на Русь трехъ греческихъ пѣвцовъ, почти совпавшее съ возвращеніемъ Антонія съ Аѳона, быть можетъ съ нимъ тѣсно связанное и направленное, вѣроятно, съ того же Аѳона, совершенно отвѣчало нуждамъ русскаго богослужебно-пѣвческаго дѣла и было началомъ его организаціи не только практической, но и теоретической, систематической, въ отношеніи хироміи, кондакарнаго знамени и греко-сирійской симіографіи. Къ тому же времени (ок. 1062 г.) относится путешествіе въ Палестину и Іерусалимъ игумена Варлаама, дорожившаго благоустройствомъ монастырскимъ и богослужебнымъ и едва оставшагося безучастнымъ къ церковно-пѣвческому строю, характеру и особенностямъ восточнаго палестинскаго богослуженія. Къ этому же времени относится пребываніе въ Печерской обители иноковъ — армянина, сирійца и инока аѳонскаго болгарина, которые могли быть проводниками въ церковномъ пѣніи кіевопечерскомъ вліянія, съ одной стороны — восточнаго, армянскаго и сирійскаго, съ другой — аѳонскаго и болгарскаго, въ частности, и которые, такъ, или иначе, могли ознакомить русскихъ иноковъ съ своими мѣстными характерными особенностями богослужебнаго и церковно-пѣвческаго устройства, имѣя въ виду, что по наставленію преп. Θεодосія, иноки должны были быть бодры къ пѣнію церковному и внимательны, очевидно, чтобы стоять на

высотѣ его пониманія. Исканіе преподобнымъ Θεодосіемъ „правила чѣрнечскаго“, „какъ пѣти пѣнья монастырская“ и „весь родъ церковный“¹⁰⁷), было, конечно, сопряжено съ разспросами подробностей того, или друго чина, устава и обычая, какъ они исполнялись въ Палестинѣ, на Аѳонѣ, въ Константинополѣ, этихъ главнѣйшихъ центрахъ тогдашняго греко-восточнаго христіанства, и давало запасъ свѣдѣній, соображеній и заключеній къ разностороннему обсужденію достоинствъ того, или другого церковно-пѣвческаго строя, его сравнительнаго преимущества, удобства и приложимости къ условіямъ мѣстной церковной жизни и народному характеру. Простота чина аѳонскаго богослуженія и пѣнія, бывшаго подъ вліяніемъ греко-восточнаго, по сравненію съ пышностью, церемонностью чина богослуженія византійскаго и его искусственнаго замысловатаго полуцерковнаго — полусвѣтскаго пѣнія, безъ сомнѣнія, болѣе соответствовали идеалу русскаго религіознаго чловѣка того времени и были болѣе сродны его неизбалованному музыкально-пѣвческому вкусу, и, безъ сомнѣнія, могли найти болѣе предпочтенія со стороны первыхъ устроителей нашего богослужебнаго чина и монашества.

Предполагая внесеніе въ славянскій списокъ разсматриваемаго Типографскаго Устава пѣвческихъ знаковъ кондакарныхъ и крюковыхъ отъ руки славянскаго писца и, скорѣе всего, писца русскаго, одного или нѣсколькихъ, изъ числа русскихъ клирошанъ, быть можетъ учениковъ трехъ извѣстныхъ грековъ, — въ оправданіе этого, кромѣ сказаннаго выше, мы можемъ сослаться еще и на то, что, еслибы эти пѣвческіе знаки были подписаны въ греческомъ оригиналѣ, напр.: на Аѳонѣ, откуда могъ выйти этотъ Уставъ, то кондакъ Θεодору Студиту 11-го ноября былъ бы написанъ съ пѣвческими знаками, такъ какъ на этотъ день во всѣхъ студійскихъ уставахъ полагается особо торжественная служба, а въ Синодальномъ Уставѣ предписывается пѣніе инокамъ по хироміи; между тѣмъ ничего подобнаго въ Типографскомъ Уставѣ на этотъ день не полагается¹⁰⁸). Но такъ какъ пѣвческихъ знаковъ не поставлено, кромѣ того, и подъ кондакомъ единственно

¹⁰⁷) Печерскій патер. въ рус. перев. М. 1897. Стр. 37, 96—97, 205. Лѣтоп. подъ 1051 г. П. С. Л. I, 69. Срезневскій „Древніе памятники русск. письма и языка“ изд. 2, стр. 24—25. Макарій „Ист. р. ц.“ т. II, стр. 61. Голуб. „Ист. р. ц.“ т. I, 2-я полов., 323. Архіеписк. Сергій „П. мѣсяц. В.“ т. I, изд. 2, стр. 152—153.

¹⁰⁸) Ркп. „Типографскаго Устава“ № 1206 — 142 — 285, л. 36 об. Мансв. „Церк. уст.“ стр. 389.

имѣющихся въ уставѣ русскихъ свв. Бориса и Глѣба, то это ведетъ къ заключенію, что русскій писецъ глѣбскихъ знаковъ писалъ и подписывалъ при помощи ихъ мелодіи уже извѣстныя, бывшія въ ходу и практикѣ, для кондака же свв. Борису и Глѣбу, какъ, вѣроятно недавно составленнаго, хотя и вскорѣ послѣ ихъ мученической кончины, писецъ еще не имѣлъ въ своемъ распоряженіи готоваго напѣва, почему этотъ кондакъ вмѣстѣ съ икосомъ и предписывается уставомъ пѣть „на подобенъ“¹⁰⁹⁾. Такъ какъ перенесеніе мощей свв. мучениковъ Бориса и Глѣба и, такъ сказать, всенародная ихъ канонизація падаетъ на 1072-й годъ, прославленіе же ихъ и чествованіе началось еще при кн. Ярославѣ (1019—1054) и митрополитѣ Иоаннѣ, слѣдовательно до 1039 г., когда впервые упоминается митрополитъ Теофемптъ,—то вскорѣ же за тѣмъ¹¹⁰⁾, была составлена служба и кондакъ съ икосомъ¹¹¹⁾, почему и внесеніе въ уставъ глѣбскихъ знаковъ кондакарныхъ и крюковыхъ, а слѣдовательно, и возникновеніе славянскаго списка этого Устава должно относиться не раньше конца XI в., но и не позже начала XII в.¹¹²⁾.

¹⁰⁹⁾ Ркп. устава л. 36 об. Мансв. *ibid.* 389—390.

¹¹⁰⁾ Лѣтописи Лавр. П. С. Л. I, 95, подъ 1093 г. называетъ праздникъ въ честь свв. Бориса и Глѣба „праздникъ новый русьскія земля“. Голубинскій „И. р. ц.“ т. I, полов. 2, изд. 2, стр. 386. Другія лѣтописи констатируютъ установленіе праздника 2 мая, подъ 1072 г. говоря „отголѣ утвердися таковой праздникъ“, Софійск. въ П. С. Л. V, 147, Воскресенск. VII, 341.

¹¹¹⁾ Срезневскій полагаетъ написаніе этого устава до 1200 г. См. „Древніе памятники русск. письма и языка“, изд. 2. СПб. 1882, стр. 76. Волковъ въ „Статистич. свѣдѣн. о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ XI—XIV в.в. и ихъ указателѣ“ (СПб. 1897 г. стр. 43) говоритъ объ этомъ уставѣ: „Списокъ церковнаго устава, принадлежащій Московской Типографской библиотекѣ, № 285, слѣдуетъ признать одною изъ древнѣйшихъ рукописей XI вѣка, или начала XII-го“. Однакоже нельзя согласиться съ тѣмъ, что этотъ списокъ и по редакціи старше списка Синод. б-ки № 330—380, о чемъ сказано выше.

¹¹²⁾ М. Макарій склоненъ считать составителемъ службы свв. мученикамъ Борису и Глѣбу митрополита Иоанна II-го, или же извѣстнаго творца каноновъ—препод. Григорія. „Ист. р. ц.“ т. I, изд. 2, стр. 102—103, т. II, изд. 2, стр. 251. Профес. Голубинскій полагаетъ, что эта служба составлена митрополитомъ Иоанномъ I-мъ, современникомъ мученической кончины свв. князей. „Ист. р. ц.“ т. I, 1-я полов., изд. 2, стр. 839, полов. 2, изд. 2, стр. 386—387. Архіепископъ Сергій считаетъ составителемъ службы митрополита Иоанна II-го (1077—1088). „Полн. мѣсяцесл. Вост.“, т. I, изд. 2, стр. 222. Также думаетъ и Волковъ въ „Статист. свѣд.“ стр. 28, указывая, что по лѣтописи „бысть Иоаннъ мужъ хытръ и книгамъ и ученью“. Если же, по нѣкоторымъ соображеніямъ (см. Мак. т. I. 102—103) не легко признать м. Иоанна I этимъ авторомъ, то таковымъ подъ его официальнымъ руководствомъ могъ быть кто либо другой.

Были ли эти два устава въ практикѣ Киевопечерскаго монастыря, указаній на это нѣтъ никакихъ; но одно безспорно, что эти уставы, Синодальный и Типографскій, суть древнѣйшіе въ студійской редакціи и славянскихъ спискахъ, и, если признать за положительное то мнѣніе, что до поисковъ преп. Θεодосія, у насъ на Руси не было писанныхъ полныхъ уставовъ, а были только частныя указанія отдѣльныхъ богослужебныхъ книгъ-миней, псалтырей, тріодей, октоиховъ, служебниковъ и традиціонные обычаи и порядки въ области богослуженія и что съ добытаго преп. Θεодосіемъ алексіевскаго студійскаго устава у насъ начинается собственно господство богослужебнаго систематическаго устава,—то эти два устава суть, если не первые, то, по крайней мѣрѣ, самые ближайшіе къ первымъ славянскіе списки, причемъ старѣйшинство по всей справедливости принадлежитъ списку синодальному. Последнее для нашей пѣли не столько важно, сколько то, что, какъ Синодальный Уставъ представляетъ дѣло богослужебнаго пѣнія въ его переходномъ состояніи между греческимъ и собственно русскимъ, отмѣчая обычаи и приемы исполненія—по хорно, соединенными хорами, съ доместикомъ—канонархомъ и самый способъ исполненія церковнаго пѣнія—хирономію, свойственные преимущественно греческому клиросу,—такъ Уставъ Типографскій въ глѣбскихъ крюкового и кондакарнаго письма полагаетъ начало, самые первые моменты всей послѣдующей исторіи православнаго богослужебнаго русскаго пѣнія, съ его симіографіей. Это начало хронологически совпадаетъ со временемъ первой редакціи славянскаго списка Типографскаго Устава, будетъ ли она падать на конецъ XI-го вѣка, или на начало XII-го вѣка.

Если богослуженіе въ первоначальной русской церкви регулировалось до введенія устава богослужебными книгами, какъ замѣчено выше¹¹³⁾, то не могли-ли тѣ же самыя книги регулировать и наше первоначальное богослужебное пѣніе? Правда, это совершенно естественно въ отношеніи уставной части богослужебнаго пѣнія и въ отношеніи осмогласія пѣнія обычнаго, каковой родъ богослужебнаго пѣнія переданъ устно на память русскимъ глѣбцамъ славянскими клириками вмѣстѣ съ кругомъ богослужебныхъ книгъ, октоиховъ, миней, ирмологовъ и тріодей; но что касается

¹¹³⁾ Разсуждая по поводу глаголическаго Евхологія, изданнаго ученымъ Гейтлеромъ, профес. Мансветовъ говоритъ: „уже въ XI в. у славянъ были полные переводы трібника, сколько можно судить по сравненію глаголическаго евхологія съ древнѣйшими греческими“. См. „Прибавл. къ твор. свв. о.о. 1883, кн. III, стр. 384.

до пѣнія нотнаго, точнѣе, симіографическаго, крюковаго и кондакарнаго, съ ихъ симіографіями, то ранѣе введенія на Руси нашихъ двухъ студійскихъ уставовъ, существованіе такого пѣнія мы не имѣемъ твердыхъ данныхъ допустить. Болѣе обстоятельное разсмотрѣніе этой стороны вопроса достаточно убѣдить насъ въ справедливости высказаннаго положенія.

Къ наиболѣе древнимъ богослужебнымъ пѣвческимъ крюковымъ книгамъ обыкновенно и довольно неосновательно причисляютъ Нижегородскій Благовѣщенскій кондакаръ Имп. Пуб. Б-ки (XI—XII в.), Минею праздничную Имп. Пуб. б-ки (XI—XII в.) со службами святымъ за Сентябрь, Октябрь и Ноябрь и Тріодъ поственную Новгородской Софійской, нынѣ б-ки Петербургской Духовной Академіи (XI—XII вѣка)¹¹⁴). Есть признаки довольно убѣдительные въ пользу большой древности Нижегородскаго Благовѣщенскаго кондакаря. Прежде всего это то, что Кондакаръ писанъ пѣвческими знаками древнѣйшими—кондакарными, сродными византійской симіографіи, византійскаго происхожденія. Затѣмъ, одна ипакои, именно на Воздвиженіе, писана съ пѣвческими кондакарными знаками, сначала по гречески, а потомъ, съ тѣми же точно знаками, по славянски¹¹⁵), что указываетъ на то, что писецъ этого славянскаго списка Кондакаря списывалъ не съ славянскаго же списка рукописи, а непосредственно съ греческаго оригинала и, слѣдовательно, этотъ списокъ долженъ быть относимъ къ тѣмъ древнѣйшимъ славянскимъ рукописнымъ памятникамъ, которые принадлежатъ къ самымъ древнѣйшимъ переводнымъ съ греческаго языка рукописямъ славянскимъ, а это можетъ относиться ко времени не позже того, когда Ярославъ (между 1015 и 1037 г.), по сказанію лѣтописи (подъ 1037 г.) „собра писцѣ многи и прекладаше отъ Грекъ на словѣнское письмо. И списаша книги многи“¹¹⁶).

¹¹⁴) Лавровскій „Обозрѣніе семи рукоп. И. П. Б.“ „Чт. М. Истор. Общ.“ 1858, IV, 33—35. Срезневскій „Изв. Акад. Наукъ“ X, 34. Макаріи „Ист. р. ц.“ т. II, изд. 2, стр. 247—251. Срезневскій „Древніе памятники русскаго письма и языка“, изд. 2, СПб. 1882, стр. 41, 77, 79. Макаріи „Записки Археолог. Общ.“ X, стр. 184—207.

¹¹⁵) Ркп. И. П. Б. ч. I, № 32, л.л. 84 и 84 об.—Греческій текстъ по славянскимъ литерамъ можетъ быть восстановленъ въ слѣдующемъ видѣ: *Σήμερον τὸ προφητικὸν πεπλήρωται λόγον ἡδοῦ γὰρ προσκυνούμεν εἰς τόπον οὗ ἔστησαν πόδες σου Κύριε ξύλον αὐτήριον ἀπασσόμενοι τῶν ἑξ ἁμαρτίας παθῶν ἐλευθερίας ἐπιτιχομεν πρὸς εὐχάς τῆς θεοτόκου μόνη φιλόφρονε.* Въ греческихъ печатахъ издав. этого текста совсѣмъ нѣтъ.

¹¹⁶) Соображенія Срезневскаго въ „Древн. памятн. русск. письма и яз.“, изд. 2, стр. 13—14.

Существованіе въ кондакарѣ асматиковъ или избранныхъ псалмовъ на 8 гласовъ, съ припѣвами „аллилуія“ и „Слава Тебѣ, Боже“, и затѣмъ, полчелея также на 8 гласовъ, указываетъ на близость греческаго оригинала этого перваго славянскаго списка ко времени господства въ практикѣ Великой церкви, такъ называемаго, пѣсеннаго послѣдованія (*ἀσματικὴ ἀκολουθία* IX—XII в.в.), которое наблюдалъ ок. 1200 г. въ Константинопольскомъ Софійскомъ соборѣ Новгородскій полемникъ Антоній¹¹⁷) и которое изложено впоследствии, какъ историческая и литургическая достопримѣчательность, оставленная и почти забытая въ періодъ разгрома Царьграда крестоносцами (1204—1262), но счастливо сохранившаяся въ Солунѣ,—архіепископомъ Симеономъ Солунскимъ († 1429)¹¹⁸), но признаки существованія котораго уже несомнѣнны въ соч. „*Ἐκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως*“ (De ceremoniis aulae byzantinae) Константина Порфирогенета (912—959). Въ этомъ отношеніи—зависимости кондакаря отъ византійскаго пѣсеннаго по-

¹¹⁷) Палестинскій сборн. т. XVII, вып. 3, стр. 17, 50.

¹¹⁸) Migne, Patrolog. curs. compl. gr. s. t. 155, pp. 636—649. Писанія свв. о.о. учч. церкви, относящ. къ истоку правосл. богослуженія. Т. II, 485—499. Поповъ „Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталога книгъ церковной печати б-ки А. И. Хлудова“, М. 1875, стр. 11—18, даетъ отрывокъ „Устава великаго церкви святыя Софія, списаннаго боголюбивымъ архіепископомъ новгородскимъ Климентомъ († 1249) на первые тридцать дней сентября, съ пѣсеннымъ послѣдованіемъ. По мнѣнію Голубцова, Богосл. Вѣстн. 1905, VII, торжественные выходы на вечерняхъ и утренихъ, отмѣчаемые старыми русскими обиходниками, суть остатки торжественныхъ церемоній пѣсеннаго послѣдованія византійскаго, а по мнѣнію Дмитриевскаго, оно вошло значительную часть и въ такъ называемый, чинъ Пещнаго дѣйства (см. соответств. брош. СПб. 1895 г.). Срав. брошюру автора „О пещномъ дѣйствѣ“. М. 1907, стр. 118, 123—150, а также „Чинovníкъ Новгородскаго Софійскаго собора“ и „Чинovníкъ Холмогорскаго Преображенскаго собора“. О пѣсенномъ послѣдованіи вечерни по требнику XIV—XV в. въ опис. Горск. и Невост. III, вып. I, 81—91, 100, 138—140, 143. О пѣсенномъ послѣдованіи вечерни и утрени у Одинцова „Порядокъ общецерковнаго и частнаго богослуженія въ древней Руси до XII в.“ II, 1381, 109—112. Специальное изслѣдованіе „О пѣсенномъ послѣдованіи“ проф. Мансегова въ „Приб. къ твор. свв. о.о.“ 1880, ч. XXVI, стр. 752—797 и 972—1069 и „Первоначальный славяно-русскій типиконъ“ прот. Лисицына, СПб. 1910. Основныя положенія пѣсеннаго послѣдованія изложены въ капитальныхъ работахъ Дмитриевскаго („Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока“). Т. I, *типика*. Кіевъ, 1895 и „Древнѣйшіе патріарше Типиконы Святробоскій, Іерусалимскій и Великой Константинопольской церкви“. Кіевъ, 1907, а также ст. „Богослуженіе страстной и пасхальной седмицы“ въ св. Іерусалимѣ. Казань, 1894.

слѣдованія, эта рукопись можетъ быть сближаема по времени происхожденія съ кондакаремъ Типографскаго Устава, гдѣ *ἀσματικὴ ἀκολουθία* ясно отражается въ пѣннѣ аллилуаріевъ на каѳизмахъ по гласамъ. Въ кондакарѣ, въ пѣннѣ асматика на восемь гласовъ остались греческія слова на ряду съ славянскими: „раби Господа, аллилуія; по всей земли, алелуія; ти икоумени (*τῆ οἰκουμένη*) аллилуія, повторенное на протяжении всего асматика около 18 разъ, и по одному разу: о Θεοσ̄ моу (*ο Θεός̄ μῶν*) алелуія; слава тебѣ Боже, алелуія; ен оли καρдіа моу (*ἐν ὅλῃ καρδίᾳ μου*), алелуія,—въ гласѣ 3-мъ „исповѣмся тебе, Господи, алелуія; по всей земли, алелуія; докса си о Θεοσ̄ (*δόξα σὶ ὁ Θεός̄*) слава Тебѣ, Боже, алелуія“,—въ гласѣ, 4-мъ—„и святому Духу, алелуія; ке агіо то пневмати (*καὶ ἀγίῳ τῷ πνεύματι*), алелуія“,—въ гласѣ 8-мъ „епи си Куріе ильписа (*ἐπί σοι κύριε ἤλιψα*) алелуія“¹¹⁹. Подобныя же добавленія къ антифоннымъ псалмамъ утрени и вечерни (*ὄψαλμα*), въ особенности же пригѣвны *τὴν οἰκουμένην, ἀλληλοῦγια, δόξα σοι ὁ Θεός̄* и др. были употребительны и въ пѣсенномъ послѣдованіи утрени и вечерни Великой церкви, какъ объ этомъ въ общихъ чертахъ повѣствуетъ Симеонъ Солунскій. Въ пѣсенной утрени, по Симеону Солунскому, послѣ первой ѳктеніи перваго антифона псалтъ произносилъ пѣвчески, *μετ’ ᾠδῆς*, — *τὴν οἰκουμένην ἀλληλοῦγια*¹²⁰.

Употребленіе въ кондакарѣ греческихъ византійскихъ пѣвческихъ терминовъ, *неагие, неанте, нанагиа, ананагиа, анеанте, неагиа, анантанте, анаагиа* и др.¹²¹ указываетъ на близкую и непосредственную зависимость этой славянской рукописи-списка и ея оригинала греческаго отъ пѣвческихъ византійскихъ книгъ IX, X, XI в.в., гдѣ подобныя выраженія нерѣдки, какъ содержащія извѣстныя типическія мелодическія фигуры или попѣвки того или другаго гласа. Въ этомъ своемъ значеніи эти попѣвки перешли и на Западъ въ латинское богослужебное пѣніе и въ качества техническихъ гласовыхъ терминовъ-попѣвокъ нерѣдко употреблялись западными пѣвцами и музыкантами этихъ же вѣковъ. Монахъ Авреліанъ изъ Реоме (IX в.) въ своемъ сочиненіи (*De musica disciplina*) сообщенномъ М. Гербертомъ (XVII в. *Scriptores*

¹¹⁹) Ркп. Имп. П. Б. О. п. I, № 32, л.л. 114, 116, 118, 121 и др. Срав. Макар. „Ист. р. ц.“ т. II, изд. 2, стр. 247—250, 259.

¹²⁰) Migne, *Patrologiae curs. compl. t. 155, p. 625, 628, 637, 641.* Мансвет. „О пѣсенн. послѣдов.“ Приб. къ тв. свв. оо. 1880, III, 779—784, IV, 975—978, 996—1000.

¹²¹) Ркп. И. П. Б. л. 107 и др.

ecclesiastici de musica) говорить о томъ, что пѣвцы Карла Великаго заимствовали отъ современныхъ грековъ пѣвческія формулы *απαιτο, ποεαπε, ποαππεαπε*¹²²). Регинонъ изъ Прюма (IX в.) въ сочиненіи своемъ (*De institutione harmonica*—(у Герберта въ *Scriptores, t. I*) употребляетъ греческія пѣвческія формулы гласовъ, подобныя позднѣйшимъ латинскимъ *euouae*¹²³), для 1-го гласа: *ποαποεαπε* или *ποαππεοαπε*, для 3-го—*αιαπεοαπε* или *ποιεαπε*, для 5-го—*ποεοεαπε*, для 7-го—*ποίηαπε* или *ποεοαγис* или *ποεαгис*¹²⁴). Незвѣстный авторъ „*Musica enchiridis*“ (X в.—у Герберта *Scriptor. t. I*) употребляетъ формулы *ποπεποεαπε* или *ποαппεοαπε*—для гласовъ автентическихъ и *ποεοαгис*—для гласовъ плагальныхъ¹²⁵).

Въ Благовѣщенскомъ кондакарѣ мы встрѣчаемъ такія надписи въ причастныхъ стихахъ: На крыщен. гласъ Г *анеаанеае*, на Оуерѣтеніе гл. Г *нана*, гласъ Д *нанааагиаа* (Радуйтесь праведн.), Нед. Вербьбна гл. Д *нанаааагиааанес* (Благосл. гряд.), въ Велик. суб. гл. Г *нанаааагиаанана* (Воста яко съпя Г.), на Велик. днь гл. Д *анеапе* (Тѣло Хр.), на Въздвигъ крста гл. Д *нанаааагиаанана* (Знаменася), Стхъ аплг гл. Г *анеаанеае* (Въ всю з.), гласъ ѿ *анеаанеае* (Рад. прав.), гласъ ѿ *неаанес* (Рад. прав.), за мъртвыя гл. ѿ *неааа неес* (Блаж.), гласъ ѿ *анеанана* (Рад. пр.), на Ржство Х-во гл. ѿ *анес нан* (Избавл. посла Г.), гласъ И *неагие* (Рад. пр.), на прѣполовл. гл. И *анаантаннаааа* (Яд. м. плть), на Възнес. гл. И *неаггггааа иа* (Възиде Б.), на Пянтикостью гл. И *неагге* (Духъ тв. бл.)¹²⁶). Ученый грекъ Tzetzes въ своемъ сочиненіи „*Ueber die altgriechische Musik in der griechischen Kirche*“, говорить, что еще до избрѣтенія сольмизаціи (XI в.) у грековъ былъ особый способъ распознавать старыя гласы посредствомъ энехемъ (*ἐνήχημα*), и эпехемъ (*ἐπιχημα*), особыхъ гласовыхъ мелодическихъ фигуръ, обозначаемыхъ обыкновенно *νεναῶ, νανά, ἀνα, ἀνεσ, νεανεσ, ναὶ ἀγис, ναὶ λέγс, ναῶ ἀγис, ἀναναίανес, ναὶ λέγс ναῶ* и др.¹²⁷). Виллото у позднѣйшихъ грековъ

¹²²) Otto Kornmüller „*Kirchen musikalischen Jahrbuch. 1886. Redig. von Haberl. „Die alten Musiktheoretiker“.* Fetis „*Histoire générale de la musique*“ t. IV, p. 212. Въ примѣчаніи выдержка изъ Герберта (*Script. c. X*), in primo tono *Lonaneane* et in secundo *Noeane*“ etc.

¹²³) Euouae—сокращеніе выраженія *seculorum amen*, которымъ заканчивались пѣсенопѣнія и мелодія котораго служила характеристикой гласа. См. объ этомъ: Fleischer *Neum.-Stud. I, 109, 115, II, 49, 52, 56 ff.*

¹²⁴) Fetis, *ibid.* Въ соч. Tonarius Регинонъ говорить: „*primum quaerite noane*“ etc. Kornmüller, *ibid.*

¹²⁵) Oskar Fleischer „*Neumen-Studien*“ B. I, S. 4, B. II, S. 59. Fetis, *ibid.* p. 213.

¹²⁶) Ркп. кондак. л.л. 95—103.

¹²⁷) „*Ueber die altgriechische Musik in der griechischen Kirche*“, von dr. Johannes Tzetzes. München. 1874. S. 134. „*Was die Solmisation betrifft so wende-*

отмѣчаетъ гласовыя формулы: 1 г. *ἀνάρες*, 2 гл. *νάρες*, 3 гл. *νανά*, 4 гл. *ἀνα*, 5 гл. *ἀνάρες*, 6 гл. *ναρες*, 7 гл. *ἀνες*, 8 гл. *ρεθύε*¹²⁸). Всѣ отмѣченныя доселѣ особенности Благовѣщенскаго Кондакаря сближаютъ оригиналь этой рукописи съ пѣвческими византійскими рукописями не ранѣе X вѣка и не позже XIV вѣка, когда попѣвки, подобныя употребляемымъ въ немъ, въ греческомъ византійскомъ и въ зависимомъ отъ этого послѣдняго, латинскомъ пѣннѣ, начинаютъ исчезать изъ теоріи и практики осмогласнаго пѣннѣ. Вставки слоговъ—*να*, *να*, *να*, встрѣчаются уже въ IX—в.в. въ стихирахъ, хотя и не положенныхъ на пѣвческіе знаки, какъ это видно изъ описанія іерусалимскаго богослуженія IX—X в.в. проф. А. Дмитріевскаго¹²⁹). Болѣе длинныя вставки принадлежатъ исключительно пѣвческимъ потнымъ книгамъ.

Что Благовѣщенскій кондакаръ не ранѣе XI-го вѣка, основанія для такого сужденія заключаются въ томъ, что въ рукописи есть уже съ пѣвческими знаками кондаки свв. Борису и Глѣбу и преподобному Θεодосію Печерскому, причтенному къ лику святыхъ въ началѣ XII вѣ (1108 г.)¹³⁰), хотя и нѣтъ еще праздника Всемиловитаго Спаса, 1-го Августа установленнаго кн. Андреемъ Боголюбскимъ ок. 1167—1169 г.г.¹³¹), встрѣчающагося, однакоже, въ Лаврскомъ Кондакарѣ XII в.¹³²). На основаніи предыдущихъ

ten die Byzantiner die Vocale der griechischen Alphabets theils mit dem Buchstabe *v*, theils *z* verbunden wie *ναναω*, *νανά*, wo die Vocalen *α*, *ο* und *ω* die ganze Tone, die *ε* und *ι* die Halböne zeigen. Aus diesem sind *ἐνηχηματα* und *ἐπιχηματα* jeder Tonart entstanden wie *ἀνα*, *ἀνες*, *ναί*, *ἀνες*, *νανά ἀνα*, *ανὰ ναί ἀνες*, *ναί ἀνα*, *νάρες*, *ναναω*, *νε τε ανες*, *λέγε*, *ναί λέγε*, *νανά*, *ανές* u. s. w. auf deren ausführliche Besprechung hier nicht eingehen können so diess, wie viel anderes wichtiges und interessantes, was zum Verständniss der Theorie der altgriechischen Musik beitragen könnte, vollständig von der Kenntniss der Semantik abhängt, der Veröffentlichung eine unserer Ausgaben in Zukunft sein wird.

¹²⁸) Description de l'Égyste, t. XIV, p. 438. Объ этихъ попѣвкахъ въ византійской музыкѣ XIV—XV в.в. см. дальше.

¹²⁹) А. Дмитр., „Богослуженіе въ Іерусалимѣ по уставу IX—X в.в.“ „Правосл. Собес. 1892, VI—VII, стр. 317.

¹³⁰) По житію его (рус. перев. стр. 145) причисленъ къ лику святыхъ по почину игумена печерскаго Θεоктиста при м. Никифорѣ въ годъ перенесенія мощей (1091 г. 14 авг.) и при вел. кн. Святополкѣ Ізяславичѣ, при чемъ тогда же было дано повелѣніе епископамъ вписать имя Θεодосія въ число святыхъ; соборное же прославленіе было въ 1108 г. П. С. Л. I, 89—90. Мак. „И. р. ц.“ т. II, 236—237. Арх. Сергіѣ „П. М. В.“ т. II, 129.

¹³¹) Сергіѣ „П. М. В.“ т. II, ч. I, 232, ч. 2, 296—298. Макарь „И. р. ц.“ т. III, изд. 3, 114, примѣч. См. ниже.

¹³²) О кондакарѣ Ундольскій „Замѣч. для истор. церк. пѣннѣ“. М. 1846, стр. 2—3, прил. II. См. ниже.

данныхъ Благовѣщенскій Кондакаръ по времени своего происхожденія въ русской редакціи можетъ быть отнесенъ не ранѣе первой половины XII в., но и не позже середины его, такъ какъ стихирарь Соф. б. П. А. ок. 1163 г. уже имѣетъ стихиру преп. Θεодосію съ пѣвческими знаками, хотя и писанную рукою другого писца, чѣмъ предыдущая часть рукописи, но несомнѣнно подчеркомъ того же XII вѣка.

Къ древнимъ рукописямъ относятъ Тріодъ Постную (Софійской) б-ки Петербургской Д. Академіи № 96-й, полагая происхожденіе ея вообще въ XI—XII в.¹³³). Палеографическія особенности начертанія наиболѣе характерныхъ буквъ въ рукописи относятся безъ сомнѣнія къ этому времени; есть слова старыя, какъ „благодѣть“, „на яздилѣ“, „беахоу“, Христосовъ (Христовъ) и др. Крюковая симіографія Тріоди содержитъ въ себѣ не мало знаковъ архаическихъ, въ XIII—XIV в. вышедшихъ изъ употребленія, но, съ другой стороны, замѣтно нѣкоторое обиліе и довольно частое употребленіе ѣтъ, что составляетъ характеристическую особенность конца XII в. и времени дальнѣйшаго. Въ чинѣ ноци св. пятка замѣтно вліяніе пѣсеннаго послѣдованія, подобно Благовѣщенскому Кондакарю. Симіографія Тріоди болѣе обширна по количеству употребляемыхъ пѣвческихъ знаковъ и болѣе развита, въ сравненіи съ таковою же Типографскаго Устава и Благовѣщенскаго Кондакаря, особенно въ отношеніи ѣтъ. Это приводитъ къ мысли, что Тріодъ была написана не ранѣе середины XII в. и не позже конца его. Стихиры Тріоди еще не всѣ положены на пѣвческіе знаки, но около 45 стихиръ разныхъ службъ, между которыми 6 съ подписаніемъ „а си кромѣ устава“¹³⁴), представляютъ собою только текстъ, безъ пѣвческихъ знаковъ, съ надписаніемъ въ началѣ—пѣтъ на подобенъ. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ въ пользу значительной древности написанія рукописи, когда еще не всѣ тексты были распѣты на пѣвческіе знаки, а многіе пѣлись еще на подобенъ, что можетъ быть относимо только къ началному періоду формировація русской крюковой симіографіи.

Такимъ образомъ, сопоставляя разсмотрѣнныя крюковыя рукописи въ хронологическомъ порядкѣ ихъ происхожденія, мы въ состояніи сдѣлать наблюденіе, что Благовѣщенскій кондакаръ и

¹³³) Срезневскій время происхожденія этой рукописи считаетъ около 1100 г. „Древн. пам. рус. пис. и яз.“ изд. 2, стр. 41. Митрополитъ Макаріѣ относитъ ее къ XI в.

¹³⁴) Такое подписаніе есть и надъ стихирою Субботы первой недѣли, утро, съ знаками пѣвческими, „Подвижнымъ мужествомъ“.

Триодъ постная моложе по крюковой симіографіи Типографскаго Устава, и что Типографскій Уставъ есть древнѣйшая славянская богослужебная книга съ пѣвческою симіографіей, предварившая собою всѣ доселѣ извѣстныя славянскія богослужебныя пѣвческія книги съ крюковыми знаками. Волковъ (въ „Статистическихъ свѣдѣніяхъ“) путемъ изученія славянскихъ манускриптовъ пришедшій къ убѣжденію въ значительной сохранности пѣвческихъ богослужебныхъ книгъ, какъ наиболѣе рѣдкихъ по письму и цѣнныхъ по матеріалу и работѣ и наиболѣе необходимыхъ въ богослуженіи, не безъ основанія утверждаетъ, что изъ 22-хъ книгъ уцѣлѣвшихъ отъ XI-го вѣка, изъ числа коихъ 14 книгъ богослужебнаго содержанія, не уцѣлѣло однакоже ни одной нотной—пѣвческой¹³⁵⁾. Это заключеніе, какъ мы видимъ, можетъ быть принято лишь съ тѣмъ ограниченіемъ, которое предложено выше, что нѣкоторые рукописи, а наиболѣе всего Типографскій Уставъ, принадлежность котораго къ XI-му вѣку допускаетъ однакоже и г. Волковъ, могутъ смѣло принадлежать XI-му вѣку, по крайней мѣрѣ концу этого вѣка.

Глава IX.

Кіевъ и Кіевопечерскій монастырь, какъ колыбель русскаго церковнаго пѣнія. Типографскій Уставъ, какъ древнѣйшій памятникъ русскаго церковнаго пѣнія и его симіографіи.

Если же Типографскій Уставъ дѣйствительно представляетъ собою древнѣйшій документъ—манускриптъ славяно-русскаго симіографическаго письма и богослужебнаго пѣнія конца XI-го вѣка, то происхожденіе его всего вѣрнѣе относить къ Кіеву и ближе всего—къ Печерскому монастырю, первому разсаднику русскаго церковной и книжной письменности. Наши ученые, въ числѣ коихъ и г. Волковъ¹³⁶⁾, очень склонны отказывать нашимъ древнѣйшимъ славянскимъ рукописямъ въ кіевскомъ происхожденіи, приписывая имъ обычно происхожденіе новгородское. Этой участи не избѣжалъ и Типографскій Уставъ, который также относятъ (Волковъ и др.) къ новгородскимъ рукописямъ, оставляя на долю Кіева изъ домонгольскаго періода только два Изборника Святослава, евангелія—Юрьевское, Мстиславово, Добрилово, Остромирово, оригиналь Рязанской Кормчей и нѣкоторые другія богослужебныя

¹³⁵⁾ Волковъ, цитов. соч., стр. 19, 24.

¹³⁶⁾ Ibid., стр. 28.

книги (напр.: Триодъ Моисея кіевлянина XII—XIII в.)—количество рукописей слишкомъ незначительное и слишкомъ однообразнаго характера по содержанію для новопросвѣщеннаго, книжнаго и просвѣтительнаго въ отношеніи остальной Руси Кіева. При этомъ бросается въ глаза то, что самыя необходимыя на первыхъ же порахъ книги богослужебныя, кромѣ помянутыхъ евангелій, страннымъ образомъ совершенно отсутствуютъ. Между тѣмъ совершенно справедливо замѣчаніе г. Волкова, что „вообще нотныя книги сохранились относительно хорошо, по всей вѣроятности, потому, что ими больше дорожили, какъ болѣе цѣнными, требовавшими отъ писца особаго искусства при письмѣ текста съ нотными знаками“¹³⁷⁾. Если же сохранность богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ въ сравненіи съ остальною древнею церковною письменностью отъ древности весьма значительна, то кажется весьма удивительнымъ, почему же за весь почти трехвѣковый домонгольскій періодъ не сохранилось донынѣ ни одной богослужебной пѣвческой рукописи кіевскаго извода, когда тамъ, въ Кіевѣ, несомнѣнно, было положено начало организаци русскаго церковнаго пѣнія, установленія осмогласія и основныхъ напѣвовъ, выработки соотвѣтствующей пѣвческой симіографіи собственно русскаго, когда оттуда, единственно, изъ Кіева, пошли пѣвческая теорія, симіографія и практика, пѣвческая церковная письменность, пѣвческія богослужебныя книги, въ оригиналахъ и копіяхъ, и по всей тогдашней грамотной христіанской Руси, откуда могъ воспринять церковную книжность и письменность, знанія и опытъ, и преемникъ кіевской грамотности, богослужебнаго строя, чиновъ и порядковъ, второй за Кіевомъ книжный городъ—Новгородъ. Позволимъ себѣ привести здѣсь слова помянутаго выше автора (Волкова): „Наша письменность въ первые вѣка своего существованія далеко неравномѣрно принялась въ тогдашней Россіи и неодинаково развивалась въ ея областяхъ. Есть основаніе полагать, что первоначально она сосредоточивалась лишь въ одномъ Кіевѣ, въ его Печерскомъ монастырѣ, чрезвычайно дѣятельномъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія и учредителѣ другихъ монастырей. Письменные труды его первыхъ подвижниковъ: епископа Иларіона, называемаго лѣтописью „книжнымъ“ человекѣмъ, игумена Феодосія, переписавшаго монастырскій уставъ, составившаго нѣсколько поученій и молитвъ и побуждавшаго иноковъ къ „книжному почитанію“, инока Иларіона, списывавшаго книги по указанію Феодосія, старца Никона, его

¹³⁷⁾ Волковъ, ibid. стр. 19.

же сотрудника, Иакова черноризца, составившаго житіе Бориса и Глѣба, житіе святаго Владимира и посланіе князю Изяславу, Нестора лѣтописца, написавшаго тоже житія Θεодосія и Бориса и Глѣба, и Григорія черноризца, которому приписывается составленіе канонѡвъ святому Владимиру и преподѡбному Θεодосію,—ихъ труды вмѣстѣ съ трудами другихъ иноковъ, имена которыхъ остались намъ неизвѣстны, не шли только на удовлетвореніе духовныхъ потребностей одного Кіева, но, безъ сомнѣнія, отсылались въ другія русскія мѣстности, гдѣ святителями того же монастыря или церквей Кіева распространялась христіанская вѣра, строились церкви и учреждались монастыри“¹³⁸⁾.

Типографскій Уставъ, обычно относимый по своему происхожденію къ Новгородской области (Волковъ и др.), въ дѣйствительности содержитъ въ себѣ довольно ничтожныя, спорныя и неустойчивыя признаки, которые наводятъ на мысль о новгородскомъ его происхожденіи. Изъ словъ новгородскаго говора встрѣчается только „опѣщеніе“ и притомъ не каждый разъ, но наравнѣ и со словомъ „очищеніе“. Но это могло быть простымъ отголоскомъ частыхъ сношеній новгородцевъ съ кіевлянами, имѣвшихъ въ Кіевѣ даже свою особую церковь и подворье¹³⁹⁾. Соплемея въ данномъ случаѣ на слова того же г. Волкова, относящаго происхожденіе устава къ области новгородской. „Требуется, говоритъ авторъ, весьма тщательное изученіе рукописи, чтобы по особенностямъ ея письма, правописанія и языка безошибочно судить о мѣстности ея происхожденія. Къ тому же видоизмѣненія начертаній буквъ и почерка по мѣстностямъ почти не установлены, и не всѣ древніе говоры точно опредѣлены, а изъ открытыхъ особенностей не всѣ считаются безспорными“¹⁴⁰⁾. При столь ясно выраженной мысли о неустойчивости мѣстныхъ признаковъ языка, письма и говора древнѣйшихъ нашихъ славянскихъ рукописей, особенно же богослужебныхъ, по самому своему назначенію склонныхъ болѣе къ объединенію текста, а не къ обособленію его, получаютъ явно и рѣшительно преобладающее значеніе другіе признаки, а въ нашемъ вопросѣ—симиографическое пѣвческое письмо. А это письмо говоритъ, что оно и по начертанію, и по составу, и

¹³⁸⁾ Волковъ, *ibid.* стр. 29.

¹³⁹⁾ Лѣтопись подъ 1147 г. Лаврентьевская, П. С. Л. I, 138 и Ипатьевская П. С. Л. II, 34 говоритъ, что въ Кіевѣ была церковь св. Михаила „Новгородская божница“. Голубинскій „Ист. р. ц.“ т. I, полов. 2, изд. 2, стр. 302.

¹⁴⁰⁾ Волковъ, *ibid.* стр. 26.

по характеру древнѣ письма считаемыхъ старѣйшими нашихъ крюковыхъ рукописей, и весьма близко сходствуетъ въ отдѣлѣ русской, некогдакарной симіографіи, съ пѣвческимъ письмомъ Есфигменскаго Ирмолога (XI в.), Охридской Трїоди (X—XI в.) и Синайскаго Стихираря (X в.). Какъ старѣйшее, это письмо всего вѣроятнѣе, принадлежитъ Кіеву и, можетъ быть, Печерскому монастырю. Кромѣ того, какъ раньше мы видѣли, изъ двухъ древнѣйшихъ уставовъ, Синодальнаго и нашего Типографскаго, первый, какъ болѣе древній, представляетъ дѣло пѣвческое въ его переходномъ состояніи отъ греческаго къ русскому, точнѣе, славяно-русскому, въ періодъ господства хирономіи, не упоминая совсѣмъ о пѣвческой симіографіи, уставъ Типографскій, по редакціи съ нимъ близко сходный, представляетъ однакоже пѣвческое дѣло въ періодъ начала развитія пѣвческой симіографіи, не упоминая уже о хирономіи, и, слѣдовательно, является собою пѣвческой славяно-русской памятникъ, со знаками однакоже и греческаго пѣвческаго письма, самый древнѣйшій, одинъ изъ первыхъ, или даже, можетъ быть, самый первый. Но такой памятникъ, очевидно, можетъ принадлежать только Кіеву. А такъ какъ, затѣмъ, пѣвческой отдѣлъ необычнымъ образомъ присоединенъ къ богослужебному уставу, чего обыкновенно въ уставахъ совсѣмъ не бываетъ, то тѣмъ предполагается такой историческій моментъ церковной русской жизни, когда была надобность одновременнаго и разносторонняго, съ существенныхъ пока сторонъ, не детальнаго, урегулированія богослужебнаго чина и церковной жизни, какъ выполнять „правила чернечскія“, „какъ пѣть пѣнія монастырскія“ и „весь рядъ церковный“, или по другому, изыскать, „какъ воспѣвають пѣснопѣнія и читають чтенія и кладуть поклоны, какъ стоятъ въ церкви и сидятъ въ трапезѣ и какая въ какіе дни пища,“— т. е. къ тому моменту, когда только еще складывалась впервые по студійскому уставу монастырская жизнь и богослужебный чинъ, строй и порядковъ юнаго еще Кіевопечерскаго монастыря, перваго образцоваго монастыря для всей древнѣйшей Руси. Почему и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что мѣстомъ возникновенія и первоначальнаго употребленія нашего Типографскаго Устава, въ его славянской редакціи, былъ Кіевопечерскій монастырь. Этимъ происхожденіемъ и назначеніемъ Типографскаго Устава объять существенныя стороны первоначальнаго русскаго богослужебнаго чина, быть краткимъ, необходимымъ, устойчивымъ руководствомъ въ совершеніи богослуженія, объясняется и то, почему въ уставной части содержатся лишь краткія, сжатые указанія, въ какое время и какъ совершаются богослужебныя чины, подразумѣвая

подробности ихъ въ другихъ богослужебныхъ книгахъ, — а въ пѣвческой части изложены симіографически главнѣйшіе праздничные воскресные кондаки, обычные монастырскимъ службамъ антифоны, тѣ и другіе, какъ имѣющіе свои особыя напѣвы, и наконецъ стихиры подобны восьми гласовъ, долженствовавшія служить образцами для всѣхъ другихъ стихиръ осмогласныхъ, между тѣмъ какъ ирмосы и пѣснопѣнія, исполняемыя не на подобенъ, разумѣлись въ соответствующихъ имъ другихъ богослужебныхъ книгахъ, ирмолагахъ, минеяхъ. Что могло побудить составителя соединить въ одной книгѣ элементы пѣвческой и уставной, обычно никогда не соединяемые, и имѣющіе между собой чисто внѣшнее соотношеніе, какъ не особыя чрезвычайныя обстоятельства первоначальнаго устройства богослужебнаго порядка и желаніе означала дать на все послѣдующее время общія необходимыя формы, какъ чина и порядка богослуженія, такъ и богослужебнаго осмогласнаго пѣнія, попытка въ немногихъ руководственныхъ правилахъ и указаціяхъ объять существенныя черты только еще формирующейся церковно-богослужебной жизни и порядковъ? А это могло имѣть мѣсто лишь въ первое время существованія и всесторонней организации богослужебнаго строя и иноческой жизни на православной Руси, что прежде всего выпало на долю выдающагося важнѣйшаго изъ всѣхъ Кіевопечерскаго монастыря.

Нѣтъ надобности много говорить о значеніи Кіевопечерскаго монастыря въ исторіи первоначальной русской церкви — оно совершенно очевидно, какъ очевидно и значеніе его для послѣдующей исторіи православнаго русскаго церковнаго пѣнія. Въ принятыхъ для монастыря уставѣ предписывалось монахамъ удаляться пустыхъ разговоровъ и употреблять свободное отъ послушаній время на чтеніе душеполезныхъ книгъ: „лучше бесѣдовать съ книгами: чтеніе божественныхъ книгъ соблюдетъ инока отъ многихъ соблазновъ“. Поэтому еще при жизни Θεодосія составилъ кружокъ лицъ, интересовавшихся книгами, образованіемъ книжнымъ, чтеніемъ и списываніемъ книгъ. Около преподобнаго Θεодосія сгруппировались такіе ревностные „книжники“, какъ священноинокъ Никонъ, Иларіонъ, день и ночь переписывавшій книги, искусный писецъ, Несторъ лѣтописецъ, князь Никола Святоша, пожертвовавшій монастырю все свое собраніе книгъ, Поликарпъ, Симонъ, составившіе житія первыхъ подвижниковъ печерскихъ и первую исторію монастыря печерскаго, пресвитеръ Даміанъ, прилежно читавшій книги по ночамъ, Никита затворникъ, изучившій наизусть Ветхій Заветъ, черноризецъ Іаковъ, составившій „Память и похвалу Владимиру“ и „Сказаніе и похвалу свв. Во-

рису и Глѣбу“, инокъ Григорій, у котораго воры не нашли въ кельѣ ничего, кромѣ книгъ, и др. Въ томъ же Кіевопечерскомъ монастырѣ трудились „книжники“ — Григорій, творецъ каноновъ, Кириллъ Туровскій и Серапіонъ Владимірскій, впоследствии извѣстные іерархи проповѣдники. Сами обитатели монастыря ясно сознавали всю великую пользу „книжнаго почитанія“. Преподобный Несторъ писалъ: „велика бываетъ польза отъ ученія, потому что книгами мы учимся покаянію, книги учатъ мудрости и воздержанію; это рѣки, напоющія вселенную, это источники мудрости; въ книгахъ неисчетная глубина, мы ими утѣшаемся въ печали, онѣ узда воздержанію; если прилежно поищешь въ книгахъ мудрости, то найдешь великую пользу для души своей“¹⁴¹⁾. При такомъ отношеніи къ книжному образованію, Кіевопечерскій монастырь, по замѣчанію пр. Николаевскаго, „сталъ первою и главною школою, образовавшею многихъ извѣстныхъ духовныхъ писателей и учителей древнерусской церкви“¹⁴²⁾. Отсюда началось миссіонерское просвѣтительное движеніе въ языческую Русь: преп. Кукша крестилъ вятчей, свв. Леонтій, Исаія и Ефремъ просвѣтители языческіе края Ростова и Суздаля. „Кіевопечерскій монастырь вскорѣ сдѣлался архимандріею всей русской земли и сталъ оказывать вліяніе на управленіе церковными дѣлами въ Россіи; изъ него стали брать лицъ на различныя административныя должности въ русской церкви. Изъ него, какъ изъ образца по устройству монастыря, стали брать иноковъ для устройства другихъ монастырей русскихъ; изъ него, какъ изъ главнаго содержанія старцевъ, умудренныхъ опытомъ нравственно-подвижнической жизни и проникнутыхъ истиннымъ духомъ христіанскаго просвѣщенія, стали брать лицъ и на открывавшіяся епископскія каѳедры въ Россіи“¹⁴³⁾, Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій въ своемъ посланіи къ черноризцу Поликарпу указываетъ число епископовъ, вышедшихъ изъ Кіевопечерскаго монастыря до него около 50¹⁴⁴⁾. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что „избраніе и поставленіе епископовъ изъ Кіевопечерскаго монастыря на высшія церковныя должности имѣло важное значеніе въ дѣлахъ русской церкви: съ одной стороны, оно ослабляло вліяніе греческой власти въ управленіи русскими церковными дѣлами, которая какъ

141) Пр. Николаевскій. Кіевопечерскій монастырь въ древней Россіи, Христіанск. Чт. 1876, мартъ—апрѣль. Стр. 327.

142) Прот. Николаевскій *ibid.* стр. 327—328.

143) Прот. Николаевскій, *ibid.* стр. 383.

144) Кіевопечерскій патерикъ, русск. перев. М. 1897. Стр. 372.

чужеземная власть, не могла вполне понимать и близко принимать къ сердцу нужды новопросвѣщеннаго христіанствомъ русскаго общества; съ другой стороны оно содѣйствовало оживленію и быстрому распространенію между русскими того просвѣдательнаго и плодотворнаго духа, которымъ проникнута была вообще дѣятельность Кіевопечерскаго монастыря“¹⁴⁵⁾. Не невѣроятно предположеніе, что св. Леонтій составилъ въ Ростовѣ тайно отъ родителей школу для просвѣщаемыхъ христіанскою вѣрою дѣтей язычниковъ¹⁴⁶⁾.

Вліяніе Кіевопечерскаго монастыря на другіе края Руси выражалось даже и въ томъ, что церковное строительство и украшеніе храмовъ на первыхъ порахъ часто велось по образцу Кіевопечерской церкви, почитавшейся наилучшимъ оригиналомъ для подражанія и точныхъ копій. Епископъ Владимірскій и Суздальскій Симонъ въ повѣствованіи объ иконѣ Печерской Божіей Матери сообщаетъ, что Владиміръ Мономахъ, „взявъ мѣру“ печерской церкви, создалъ въ Ростовѣ церковь „подобную вышиною, шириною и длиною“ и украсилъ иконами, записавъ себѣ „на хартію, гдѣ изображенъ каждый праздникъ въ этой святой церкви и по этой записи устроилъ все въ своей церкви“¹⁴⁷⁾, а сынъ Мономаха Юрій Долгорукій „создалъ церковь въ ту же мѣру въ своемъ княжествѣ, въ городѣ Суздалѣ“¹⁴⁸⁾. Всего же замѣчательнѣе для нашей цѣли то, сложившееся у всѣхъ современниковъ первоначальной жизни Печерскаго монастыря мнѣніе, выразителемъ котораго служить авторъ житія преп. Θεодосія, который, сказавъ о введеніи студійскаго устава въ Печерскомъ монастырѣ, прибавляетъ: „Потомъ отъ Печерскаго монастыря всѣ русскіе монастыри приняли тотъ же преданный преп. Θεодосіемъ уставъ. И такъ начали содержать совершенный иноческій уставъ, какого прежде не было въ Россіи, и во всемъ смотрѣли на примѣръ Печерскаго монастыря и чтили его за верховный монастырь“¹⁴⁹⁾. Такое историческое положеніе монастыря Кіевопечерскаго въ предѣлахъ древней Руси,

¹⁴⁵⁾ Пр. Николаевскій, *ibid.* стр. 334.

¹⁴⁶⁾ Смирновъ, С. И. „Значеніе печерскаго монастыря въ начальной исторіи русской церкви и общества“. „Богословск. Вѣст.“ 1896. Окт., стр. 8.

¹⁴⁷⁾ Кіевопечерскій патерикъ, рус. пер. М. 1897, стр. 173.

¹⁴⁸⁾ *Ibid.* стр. 173.

¹⁴⁹⁾ *Ibid.* стр. 97. Та же мысль выражена и въ житіи преп. Антонія *ibid.* стр. 37. „Мы не сомнѣваемся, говоритъ арх. Сергій въ своемъ „Мѣсяцесловѣ“, что преподобнымъ Θεодосіемъ принятъ въ свой монастырь, а изъ него разошелся по всей Россіи уставъ студійскій въ редакціи патріарха Алексія“. „П. М. В.“ т. I, изд. 2, стр. 152.

при условіяхъ котораго онъ являлся и рассадникомъ „книжности“, совмѣстно съ „книжнымъ образованіемъ“, и совершеннѣйшимъ примѣромъ и образцомъ для подражанія въ отношеніяхъ всѣхъ существенныхъ сторонъ церковно-иноческой жизни и порядковъ, не могло не отразиться въ полной силѣ и въ церковно-пѣвческомъ дѣлѣ первыхъ временъ его существованія.

Принимая за несомнѣнное, что первый студійскій славяно-русскій уставъ явился въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, предполагая, что первая древнѣйшая церковно-пѣвческая славяно-русская книга, современная началу устройства Кіевопечерскаго монастыря—Типографскій Студійскій Уставъ,—имѣя, затѣмъ, въ виду общее регулирующее назначеніе того или другого устава, какъ въ области порядковъ богослуженія, такъ и въ области церковнаго пѣнія, нельзя не придти къ той вѣроятной мысли, что Типографскій Уставъ представляетъ собою, если не первую редакцію Θεодосіева студійскаго устава, то, по крайней мѣрѣ, ближайшій съ него списокъ, вѣрнѣе всего, Кіевопечерскаго происхожденія.

Если Типографскій Уставъ безъ колебанія можно признать Кіевопечерскимъ, то Благовѣщенскій Кондакаръ и Трїодъ Постную мы, безъ сомнѣнія, должны признать новгородскими. Употребленіе словъ Еуга (но Параскевга), Еупатій (но Евстафій), повидиму, наводило бы на предположеніе о его принадлежности Смоленской области, но однакоже значительное количество словъ новгородскаго говора заставляетъ отнести эту рукопись къ песомнѣнно новгородскимъ, а употребленіе означенныхъ словъ отнести за счетъ знакомства новгородскаго писца съ говоромъ смоленскимъ и нѣкоторой отъ него зависимости. Изъ словъ новгородскихъ встрѣчается: „цадо (и чадо), оцѣсти, рачѣ, коньцны, истоцникъ, роуцнымъ, пълчи, тоципи, оуцивься, вѣнчѣмъ“ и др. Изъ старыхъ словъ встрѣчаемъ: „благодѣтъ, по Христосѣ; изъ провинціализмовъ: „ныня, Климѣ, акоже“ и др.; изъ примѣровъ полногласія находимъ: „свѣтелая, подаже“. Изъ особенно выдающихся по своей дѣятельности въ устройствѣ своей епархіи, возведеніи и украшеніи церквей, епископовъ Новгорода въ первой половинѣ XII вѣка извѣстенъ Нифонтъ, поставленный (1129 г.) на эту кафедру изъ монаховъ Печерскаго монастыря, убѣжденный приверженецъ Константинопольской церкви и іерархіи и греческихъ митрополитовъ на Руси, человекъ, можно сказать, грекофильствовавшій въ то время и рѣзко выдѣлявшійся этимъ изъ среды другихъ русскихъ іерарховъ. Нѣтъ ничего удивительнаго и невѣроятнаго въ томъ, что такая необычайная въ ряду всѣхъ другихъ богослужебныхъ рукописей книга, какъ Благовѣщенскій Кондакаръ, со многими

слѣдами вліянія богослужебнаго византійскаго пѣнія, явилась въ отдаленномъ отъ Византіи Новгородѣ, именно въ епископство грекофильствовавшаго Нифонта (1130—1156 г.г.) и, вѣроятно же всего, подъ его настойчивымъ вліяніемъ.

Триодъ Постная имѣетъ также достаточно особенностей новгородскаго говора, чтобы отнести происхождение ея съ несомнѣнностью къ области новгородской, таковы слова: „опѣсти (и очисти), оцистимся (и очистимъ), съконьцае, вѣнцаетъ, разбойницъ, очьта, овьцате, възвелицьшаго, въ моуцѣницѣхъ, багряничею (и багрянлицю) и др., есть своеобразныя формы, какъ „постилахоуть“, находится и полногласіе, какъ въ словѣ „жеребяти“.

Всѣхъ отмѣченныхъ признаковъ достаточно для того, чтобы сказать, что эта рукопись новгородскаго происхожденія, не раньше середины и не позже конца XII-го вѣка.

Наконецъ, ближайшее разсмотрѣніе Типографскаго Устава еще больше убѣдитъ насъ въ томъ, что это древнѣйшая пѣвческая русская книга, вѣроятно, конца XI-го вѣка. Дата на первомъ листѣ ркп. **СХД** (1096) въ сопоставленіи съ глаголическою подписью „Михаилъ псалъ Микуле“ очень сближаетъ эту рукопись по времени письма съ рукописью Минеи Типографской б-ки за Ноябрь съ датой (171 л.) „въ лѣто **СХС** (1097)“ и съ записью (л. 35) „Господи помози рабу своему Михаилу“, а въ другомъ мѣстѣ (л. 89) „Михаилъ, а мірски бѣ Д.“¹⁵⁰), писанныхъ однимъ почеркомъ съ самой рукописью. Текстъ рукописи обличаетъ собою древній кievскій говоръ, весьма близкій къ старославянскому, болгарскому, съ неясными лишь, неустойчивыми и весьма сомнительными намеками на говоръ новгородскій, какъ въ изрѣдка употребленныхъ выраженіяхъ: „опѣщеніе“ и „очищеніе“, „мученице“ (Григоріе, Пантелеимоне) и „мученице“ (Варваро), но „учениче“ „заступниче“, во всѣхъ же другихъ случаяхъ звуки „ц“ и „ч“ выдержаны весьма строго¹⁵¹). Выраженія „Споуридонъ“, „Троуфонъ“, „Филиппъ“, „Октомвря“, „Ноевнря“, „Декемвря“, „Генваря“, „Февраря“, „по Христосѣ“, „аллелуѣ“, „алелуѣ“ указываютъ на тѣсную близость рукописи къ оригиналамъ греческимъ

¹⁵⁰) Домка, какъ писецъ Октябрьской Минеи, датированной 1096-мъ годомъ рукою писца рукописи, упоминается въ приписи на об. л. 127 ркп.: „Святая Богородице, помогай рабу своему Домкѣ на многа лѣта“.

¹⁵¹) „Опѣщеніе“ и „очищеніе“,—по Соболевскому, совершенно правильные старинные общеславянскіе говоры, такъ какъ *ц* явилось изъ *ч* подъ вліяніемъ *т*, а *ч* — подъ вліяніемъ *и*. См. „Лекціи по исторіи русскаго языка“. СПб. 2 изд. 1891, стр. 129.

и старославянскимъ¹⁵²), но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаютъ и борьбу новаго говора кievскаго за свои права, въ пользу своего отдѣльнаго существованія и самостоятельности. Замѣчательно, что въ то время какъ въ Кондакарѣ Благовѣщенскомъ на память с. Феодора Студита сказано „въ 41 с. Феодора Студска“,—въ Типографскомъ Уставѣ: „въ стѣ днь с. Феодора Стоудійскаго“, чѣмъ отмѣчается особое уваженіе къ памяти преподобнаго, что могло быть только въ раннѣйшее время на Руси и болѣе всего въ Кіевѣ и Кіевопечерскомъ монастырѣ; а такъ какъ кондакъ въ Уставѣ положено пѣть на подобенъ и безъ пѣвческихъ знаковъ, тогда какъ въ Кондакарѣ уже стоятъ надъ словами этого кондака кондакарныя пѣвческіе знаки, то въ періодъ редакціи устава, вмѣстѣ со введеніемъ пѣвческихъ крюковыхъ знаковъ, несомнѣнно предполагается еще существовавшее раньше пѣніе по хирономіи, которое и отмѣчено въ старѣйшемъ по времени Студійскомъ Уставѣ Синод. б-ки¹⁵³).

Въ то время какъ въ Благовѣщенскомъ Кондакарѣ кондаки Борису и Глѣбу (24 Юля), и преп. Феодосію Печерскому (3 Мая) существуютъ и въ текстѣ и въ пѣвческихъ кондакарныхъ знакахъ, въ Типографскомъ Уставѣ есть только текстъ кондака свв. князьямъ мученикамъ († 1015) безъ знаковъ пѣнія, а текста кондака преподобнаго († 1074) и самой памяти, какъ болѣе поздней, и совсѣмъ не находится, что ясно указываетъ на Кіевское и Кіевопечерское происхожденіе, редакцію Устава.

Что Типографскій Уставъ древнѣе Благовѣщенскаго Кондакаря по своей редакціи, что онъ принадлежитъ самому раннѣйшему періоду формированія нашего древняго богослужебнаго русскаго пѣнія, на это указываетъ то обстоятельство, что изъ 132-хъ кондаковъ устава на пѣвческіе знаки положены только 42 кондака, между тѣмъ какъ почти тѣже 133 кондака Благовѣщенскаго Кондакаря всѣ даже изложены въ пѣвческихъ знакахъ. При этомъ наблюдается, что въ Уставѣ, за исключеніемъ кондаковъ самогласныхъ Рождества Христова и преп. Захаріи (3-го Сентября), не имѣющихъ пѣвческихъ знаковъ и вѣроятно исполняемыхъ по хирономіи, положены на пѣвческіе знаки только одни кондаки самогласные; всѣ же подобны, за исключеніемъ одного, въ нед. блуднаго („объятія отча“), изложеннаго въ кандакарномъ знамени, никакихъ пѣвческихъ знаковъ не имѣютъ; между тѣмъ какъ въ Кондакарѣ и кондаки самогласные и подобны всѣ изложены въ пѣвческихъ кондакарныхъ знакахъ—что все говоритъ за позднѣй-

¹⁵²) Соболевскій, цит. соч., стр. 127.

¹⁵³) См. выше. Голубинскій „Ист. р. ц.“. т. I, пол. 2, изд. 2, стр. 386.

шую редакцію кондакаря въ сравненіи съ Уставомъ, за позднѣйшее дополненіе книги кондаковъ, въ видѣ приведенія всѣхъ крюковыхъ подобновъ въ пѣвческой крюковой составъ, за позднѣйшее снабженіе ихъ пѣвческими крюковыми знаками. Это обстоятельство, свидѣтельствуя о большой древности происхожденія Устава въ сравненіи съ Кондакаремъ, вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ и за то, что Уставъ служитъ представителемъ самой ранней и, вѣроятно же всего, первой эпохи народненія и образованія русскаго симіографическаго крюковаго пѣнія, явившагося на смѣну дотолѣ бывшей въ практикѣ пѣвцовъ хирономіи или пѣвческаго письма воздушнаго. При этомъ должно имѣть въ виду лишь то необходимое ограниченіе, что вмѣстѣ съ началомъ, первыми опытами русскаго пѣвческой симіографіи, проявленными редакторомъ Устава въ аллилуаріяхъ, антифонахъ и стихирахъ самогласныхъ (подобныхъ), въ Уставѣ оставила значительные слѣды и симіографія греческая византійская — кондакарное знамя, какъ переработка элементовъ собственно византійской и предшествовавшей ей и сильно вліявшей на эту послѣднюю, древнѣйшей симіографіи восточной, греко-сирійской. Въ Уставѣ есть данное, которое устанавливаетъ редакцію его не раньше X-го вѣка. На 2-е Іюля помѣщена память патріарха Никифора, скончавшагося въ 828 г., но нѣтъ перенесенія мощей, отмѣченнаго 13-го Марта и случившагося въ 848 г. Память эта встрѣчается въ мартирологахъ (Іерусалимскомъ, Константинопольскомъ, Римскомъ) не раньше X-го вѣка¹⁵⁴). Не раньше того же времени эта память могла быть помѣщена и въ нашемъ Уставѣ. Но такъ какъ, затѣмъ, кондакъ с. Никифору положено пѣть несамогласно, а на подобенъ, и онъ не имѣетъ отдѣльныхъ пѣвческихъ знаковъ и отдѣльнаго напѣва, то это наводитъ на мысль о позднѣйшемъ внесеніи этого кондака въ богослужбную пѣвческую практику русскаго церкви и клироса и о позднѣйшей, въ отношеніи X-го вѣка, редакціи Устава, а также о значительномъ греческомъ вліяніи на его внѣшній составъ, въ отношеніи службъ и мѣсяцеслова.

Благовѣщенскій Кондакаръ, нося на себѣ ясныя слѣды греческаго византійскаго вліянія, являетъ, однакоже на себѣ значительную долю вліянія и славянскаго, замѣчаемаго, между прочимъ, и въ томъ, что въ то время, какъ въ греческихъ, синайскихъ и римскихъ мартирологахъ память св. Пятницы (Параскевы) 28 Октября (Иконійской) въ періодъ времени около XII в. отсут-

¹⁵⁴) Арх. Сергій. „П. М. В.“, изд. 2, т. II, ч. 1, стр. 72, 165, ч. 2, стр. 105 и 205.

ствуетъ и встрѣчается только память Параскевы 28 Іюля (Римской-Сипилійской), а въ Типографскомъ Уставѣ эта память и совсѣмъ не встрѣчается, въ Кондакарѣ мы находимъ память св. Пятницы (Иконійской) подъ 28 Октября, встрѣчаемой обычно не раньше XI—XII в. только въ славянскихъ мартирологахъ и минеяхъ¹⁵⁵). Есть еще одно не менѣе характерное обстоятельство въ отношеніи рассматриваемыхъ нами рукописей,—это то, что память св. Стефана Новаго († 767 г.), родомъ цареградца, обычно встрѣчаемая въ мартирологахъ іерусалимскихъ, синайскихъ, византійскихъ съ IX по XII-й в., находится въ Уставѣ подъ 28-мъ Ноября, въ Кондакарѣ же этой памяти нѣтъ совсѣмъ. Это, повидимому, вмѣстѣ съ указаннымъ выше, свидѣтельствуя о большей близости Устава къ греко-восточнымъ источникамъ, по сравненію съ Кондакаремъ, отражающимъ на себѣ, вмѣстѣ съ греческимъ и вліяніе славянскихъ и, въ частности, болѣе позднее русское, въ памятяхъ и кондакахъ русскихъ святыхъ (Вориса и Глѣба, преп. Феодосія Печерск.). Но обѣ рукописи согласны между собой въ томъ, что ни въ той, ни въ другой нѣтъ русскаго перенесенія мощей Святителя Николая Чудотворца изъ Муръ ликійскихъ въ Варъ-градъ (1087 г.), установленной, какъ праздникъ чисто русскаго, вскорѣ же послѣ самаго событія, но въ русскихъ мѣсяцесловахъ встрѣчающейся не раньше XIII-го вѣка¹⁵⁶).

Общимъ выводомъ изъ всѣхъ предыдущихъ данныхъ по отношенію къ Типографскому Уставу должно быть то, что эта славянская крюковая рукопись древнѣйшая изъ всѣхъ и, какъ таковая, она кіевскаго происхожденія и, вѣроятно, Кіевопечерскаго монастыря¹⁵⁷).

Глава X.

Обзоръніе богослужбныхъ пѣвческихъ книгъ XII-го и XIII-го в.в., какъ матеріалъ для сужденія о состояніи русскаго церковнаго пѣнія въ домонгольскій періодъ.

Однакоже, если принять, что Типографскій Уставъ древнѣе всѣхъ другихъ крюковыхъ рукописей и что онъ происхожденія

¹⁵⁵) Арх. Сергій „П. М. В.“ изд. 2, т. II, ч. 2, стр. 285—286. Арх. Сергій говоритъ, что служба этого дня встрѣчается только въ одной славянской минеѣ XI—XII в.в. Императ. Публ. б-ки и затѣмъ уже только въ іерусалимскихъ славянскихъ минеяхъ съ XVI в. См. „П. М. В.“ изд. 2, т. I, стр. 203.

¹⁵⁶) Арх. Сергій „П. М. В.“, изд. 2, т. II, ч. 2, стр. 174.

¹⁵⁷) Служба на пришествіе поганыхъ въ Типографск. Уст. (л. 29) можетъ быть и русскою, составленною на первыхъ порахъ подъ вліяніемъ и при участіи іерарховъ болгаръ или грековъ, но можетъ быть заимствованною изъ Византіи вмѣстѣ съ переводомъ Устава на славянск. яз.

кіевскаго, то слѣдуетъ-ли признать, что это единственная кіевская рукопись и что у насъ нѣтъ болѣе древнихъ кіевскихъ пѣвческихъ рукописей, равно нѣтъ древнихъ рукописей другихъ областей, близкихъ къ Кіеву, и наша первоначальная пѣвческая симіографія и напѣвы, едва развернувшись въ Кіевѣ въ самостоятельную пѣвческую отрасль, здѣсь совершенно погубили, и начали новое существованіе, при иныхъ уже условіяхъ, въ новой русской области, новгородской.

Уже раньше нами усиленно выдвигается была мысль, въ противуположность установившемуся взгляду, что невѣроятно, чтобы отъ Кіева не осталось ни одной богослужбной пѣвческой книги, какъ центра и колыбели христіанскаго просвѣщенія, откуда по всей Руси пошла религіозная вѣра, церковная жизнь и богослужбные порядки и самое просвѣщеніе книжное. Призваніе Типографскаго Устава единственною книгою кіевскою было бы слѣшкомъ недостаточнымъ съ этой точки зрѣнія. Поэтому, вопреки суровому ригоризму нашихъ славяновѣдцовъ, признающихъ исключительно новгородское происхожденіе нашихъ пѣвческихъ богослужбныхъ рукописей, мы склонны видѣть достаточныя данныя къ тому, чтобы нѣкоторыя изъ таковыхъ рукописей признать кіевскими по происхожденію, не только въ отношеніи редакціи, но и въ отношеніи письма. Единственный признакъ въ Типографскомъ Уставѣ, который могъ бы указывать на новгородскій говоръ его и письмо, это слово „ощѣненіе“, изрѣдка встрѣчающееся въ его текстѣ и смѣшеніе въ звательномъ падежѣ „ц“ и „ч“. Однако этотъ признакъ теряетъ свою доказательную силу уже потому, что не меньшее количество разъ употребляется въ рукописи и слово „очищеніе“ и правильное употребленіе „ц“ и „ч“. Но такъ какъ другіе признаки, указанные выше, рѣшительно убѣждаютъ насъ, что Типографскій Уставъ—кіевской редакціи и письма, то мы вынуждаемся согласиться, что словоупотребленіе „ощѣненіе“ и „очищеніе“ равномерно принадлежитъ кіевскому періоду книжности, и быть можетъ представляетъ собою незначительный и случайный результатъ давняго вліянія новгородскаго говора на кіевскій, въ періодъ начала торговыхъ сношеній древняго Новгорода съ Кіевомъ и со всѣмъ югомъ Руси¹⁵⁸). Въ Кіевѣ, по сказанію лѣтописи существовала около 1147 г. церковь св. Михаила, именуемая „Новгородская божница“, вѣроятно составлявшая приходскую церковь

¹⁵⁸) См. выше свидѣтельство лѣтописи о „новгородской божницѣ“. См. о говорахъ и, въ частности, о словѣ „ощѣненіе“ Соболевскаго „Лекціи по русскому языку“, изд. 2, СПб. 1891, стр. 129.

для жившихъ въ Кіевѣ новгородцевъ и наѣзжавшихъ туда по дѣламъ и новгородцами же построена. Такая церковь могла имѣть и богослужбныя книги и писцовъ ихъ съ свойственнымъ имъ новгородскимъ говоромъ, что могло оказывать свое вліяніе и на кіевскія богослужбныя книги и на ихъ писцовъ¹⁵⁹).

Изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ древнихъ крюковыхъ рукописей (около 20), относимыхъ обыкновенно ко времени не позже XII вѣка, довольно близка къ Типографскому Уставу по языку, письму и пѣвческой симіографіи—рукопись стихирарь Синодальной бібліотеки № 279 (XII, 1/4 л. 168 л. л.), содержащій стихиры съ Сентября по Декабрьъ и съ Іюня по Августъ, а въ концѣ 11 евангельскихъ стихирь. Языкъ рукописи представляетъ собою смѣшанное употребленіе говоровъ; „ощѣненіе и очищеніе“, отче и отце, вѣнчаеть и вѣнчаеть, багряница и багряничю, Творца и Творча“, старославянскія — „Христоса (и Христа), благодѣть, неизреченно, зижитель, бѣаше“, наравнѣ съ нѣкоторыми провинціализмами, какъ „неизреченно, Хрѣстителъ, Ермолы, Аньны, вм. Кресте—Христе (Христе Христовъ), Исусъ и (Иисусъ), зямля Фаворьспѣ (и Фаворьспѣй). Но этими идиотизмами собственно и исчерпываются особенности языка и говора рукописи, во всемъ остальномъ языкъ рукописи тотъ же, что и въ другихъ рукописяхъ XI и XII вѣковъ. Такое ограниченное (около 5 словъ) и притомъ смѣшанное употребленіе однихъ и тѣхъ же словъ, произносимыхъ, то съ ѣ, то съ ч, при полномъ отсутствіи другихъ признаковъ въ пользу новгородскаго говора, наводитъ на мысль, что эта рукопись—не новгородскаго происхожденія и письма. Палеографическія особенности письма буквъ заставляютъ относить эту рукопись къ древнѣйшимъ. Въ рукописи есть праздникъ Убрусу 16 августа, установленный ок. 944 г.¹⁶⁰) и русскій праздникъ св. Бориса и Глѣба, установленный между 1015 и 1036 г.г. при Ярославѣ и извѣстный уже какъ всенародный въ 1093 г., но за недостаткомъ въ ркп. мая, нельзя сказать, была въ ней служба Феодосію, или нѣтъ. Праздникъ Убрусу со службой встрѣчается чаще всего въ богослужбныхъ книгахъ и мѣсяцесловахъ восточнаго, іерусалимскаго характера и происхожденія, какъ греческія минеи четвѣ X—XI в., описанныя П.—Керамевсомъ¹⁶¹), греческія богослужбныя минеи XII в. Синодальной бібліотеки (напр. Авг.

¹⁵⁹) Голубинскій „И. р. ц.“ I. т. 2 полов., изд. 2, стр. 302.

¹⁶⁰) См. Арх. Сергіѣй „П. М. В.“, т. I, изд. 2, стр. 220—211.

¹⁶¹) П. Керамевсъ „*Ιεροσολυμιτική βιβλιοθήκη*“, изд. П. О. 1891, т. I.

№ 450), приобретённый съ Аэона (Авг.—изъ Филофеева м-ря¹⁶²), греческія минеи XII (Порфирия) студійскаго характера съ замѣтнымъ вліяніемъ западнымъ (калабрійскимъ)¹⁶³. Встрѣчается этотъ праздникъ со службой и въ минеяхъ славянскихъ XI—XII в. студійскаго характера, 6-къ Типографской и Синодальной¹⁶⁴), въ уставѣ студійскомъ XII в. Синодальной 6-ки № 330¹⁶⁵). Наличие въ стихирарѣ праздника Убрусу, больше всего встрѣчающагося въ богослужебныхъ книгахъ X—XI и XII в.в. восточнаго происхожденія и характера, частію іерусалимскаго, частію сирійскаго (черезъ Калабрію), указываетъ на тяготѣніе этой рукописи къ богослужебнымъ книгамъ восточнымъ, греко-сирійскимъ, и къ Аэону, посреднику между греческимъ Востокомъ и Западомъ. Восточную окраску нашего стихираря можно видѣть и въ томъ еще, что въ немъ есть рѣдкая особенность, свойственная только нѣкоторымъ восточнымъ, сирійскимъ рукописямъ, это память обновленія церкви 12 Сентября (Антиохійской) при одновременномъ отсутствіи памяти обновленія храма Воскресенія 13 Сентября, свойственной всѣмъ исключительно іерусалимскимъ памятникамъ¹⁶⁶). Авторъ „Полнаго Мѣсяцеслова Востока“¹⁶⁷) совершенно ошибочно ссылается на нашъ стихирарь, при перечисленіи памятниковъ съ праздникомъ обновленія храма Воскресенія 13 Сентября; въ стихирарѣ нѣтъ праздника 13 Сентября, на каковое число падаетъ только память Корнилія сотника, а есть праздникъ 12 Сентября, именуемый „обновленія церкви“, что не одно и то же съ праздникомъ 13 сентября, такъ какъ здѣсь, очевидно, разумѣется „церковь“ Антиохійская. Въ сирофиникійскихъ минеяхъ, описанныхъ проф. Болотовымъ¹⁶⁸), изъ коихъ одна IX в., другая X в., эти два праздника точно различаются между собой, и тотъ и другой помѣчены раздѣльно съ своими особыми названіями и въ соотвѣтствующихъ имъ числахъ мѣсяца. Почтенный авторъ „Мѣ-

¹⁶²) Арх. Сергій „П. М. В.“ т. I, изд. 2, стр. 175.

¹⁶³) Ibid. стр. 207, 493.

¹⁶⁴) Ibid. 208, 211, 212, 493.

¹⁶⁵) Ibid. 455. Ркп. Уст. № 380 — 330 л. 190 об. См. также „Опис.“ III, I, 253.

¹⁶⁶) Праздникъ обновленія храма Воскресенія упоминается уже въ концѣ IV в., какъ видно изъ недавно открытаго (1887 г.) и изданнаго итальянцемъ Гаруччини литургическаго памятника. S. Sylviae Aquitanae peregrinatio ad loca sancta. Красносельцевъ. „Прав. Соб.“ III, 378—379. Соборъ ἐν ἑρχαίναις 349 г. въ Антиохіи.

¹⁶⁷) „П. М. В.“ т. II, изд. 2, стр. 281. Т. I, изд. 2, 230.

¹⁶⁸) Христ. Чт. 1893, I, 185 и дал. „П. М. В.“ т. I, изд. 2, стр. 202.

сяцеслова“ говоритъ также: „стихирарь № 279 XII в. въ Синодальной библиотекѣ имѣетъ 13 сентября стихиры на обновленіе храма Воскресенія“¹⁶⁹); на самомъ же дѣлѣ на 13 сентября нѣтъ ни одной стихиры даже и Корнилію сотнику, единственная память котораго здѣсь есть въ это число, а 12 сентября на „обновленіе церкви“ изложена только одна стихира 6 гласа¹⁷⁰). Всѣ эти данныя и представленныя выше соображенія приводятъ къ мысли, что наша рукопись подъ сильнымъ вліяніемъ восточнымъ, греко-сирійскимъ и въ частности сирофиникійскимъ¹⁷¹) и есть въ своемъ родѣ единственный и рѣдкій экземпляръ.

Стихирь праздника св. Бориса и Глѣба нашъ стихирарь имѣетъ восемь: три 2-го гласа, подобны „Кыми похвальными вѣнцы“, именно: „Кыми похвальными вѣнцы, кыми пѣсньными добротами, кыми духовными словеса, — и четыре 6 гл. подобны „Все оупованіе“, именно: „Все горе возложыша, Чини ангельстїи, Не токмо ангели, Придѣте въсхвалимъ“. Наконецъ, съ поздними поправками въ текстѣ, изложена стихира 8 гл. „Придѣте новокрещеніи русьстїи събори“. Эти стихиры частію, или цѣликомъ, находятся и въ другихъ сохранившихся до нынѣ стихираряхъ крюковыхъ, какъ №№ 145, 151, Тип. 6-ки, №№ 572, 589, Синод. 6-ки, № 384, Софійской 6-ки П. Д. А., № 74 б. Академіи наукъ; но изъ нихъ только первыя двѣ стихиры изложены въ минеѣ XII в. Тип. 6-ки № 235 — 1259, содержащей полную службу свв. мученикамъ со стихирами на 9 и канонъ „твореніе Іоанна митрополита русьскаго“ (1076—1088)¹⁷²). Стихирарь № 572 имѣетъ шесть стихирь, первыя три и послѣднія двѣ нашего стихираря, причемъ самая послѣдняя читается „Придѣте новосвященіи русьстїи събори“ и, наконецъ, свою особую „Плотскую богатяще“—№ 589—три—первую, третью нашего стихираря и третью свою — „Плотскую богатяще“ 6 гл.; № 145—шесть, изъ коихъ три—первыя три и седьмая и восьмая нашего стихираря, а одна своя 8 гл. „Брата прекрасная“; № 151 имѣетъ первую стихиру и оканчивается на словахъ „заповѣди божьствыня просла“ второй стихиры. Стихи-

¹⁶⁹) Ibid. т. I. стр. 230.

¹⁷⁰) См. ркп. Синод. 6-ки № 279, л. 14.

¹⁷¹) Проф. Болотовъ считаетъ эти минеи за сирофиникійскія. Минея IX в. была дана монофизитскимъ митрополитомъ Дамаска Іоанномъ маръ-Якирѣ, который въ свою очередь въ 932 г. пожертвовалъ эту минею игумену скитскому Моисею Низибійскому. „Христ. Чт.“ 1893, I, 185.

¹⁷²) Голубинскій „И. Р. Ц.“ Т. I, 2-я полов. изд. 2, стр. 508—512. Арх. Сергій „П. М. В.“ Т. II, изд. 2, стр. 222.

рарь № 384-й имѣетъ 9 стихирь и стихирарь № 74-й—11 стихирь. Уже эта разность въ количествѣ и содержаніи стихирь помянутыхъ стихирарей ясно указываетъ, что всѣ они принадлежатъ одному періоду времени, ближайшему ко времени установленія праздника свв. мученикамъ Борису и Глѣбу, когда еще только слагался составъ и содержаніе службы имъ, дѣлались различныя попытки выразить религіозный подъемъ чувствъ, благоговѣйную настроенность къ новоявленнымъ святымъ, пока только еще въ составленіи стихирь разнаго количества и содержанія. Но то обстоятельство, что стихирарь № 279 имѣетъ большее другихъ количество стихирь (8), свидѣтельствуетъ въ пользу той мысли, что подобная широта священно-поэтического и церковно-пѣвческаго творчества могла скорѣе всего принадлежать не первымъ временамъ почитанія свв. мучениковъ, а послѣдующимъ, когда наростаніе пѣснопѣній подходило къ извѣстному предѣлу, не болѣе требуемаго богослужебнымъ чиномъ. На 71 л. рукописи приписъ: „Ги спаси и помилуй раба Бѣа Іоа подъяка стго Іоа Богослова, псалъ Іоанъ Демидовъ“. Если признать приписъ по содержанію современною написанію рукописи и выражающей мысли самого писца, къ чему нѣтъ препятствій, то слѣдуетъ полагать, что эта рукопись была—или кѣвская, или смоленская, такъ какъ въ вѣкъ рукописи (ок. XII) извѣстны только двѣ церкви св. Іоанна Богослова на Руси, въ Кіевѣ и Смоленскѣ. Въ Кіевѣ, по свидѣтельству лѣтописи (Ипат.) была заложена въ 1121 г. церковь „святаго Івана“ вѣроятно Богослова „великимъ княземъ“ (вѣроятно Владиміромъ Мономахомъ), о существованіи которой впоследствии ничего неизвѣстно¹⁷³⁾. По сказанію той же лѣтописи въ 1180 г. князь Романъ Ростиславовичъ выстроилъ въ Смоленскѣ церковь св. Іоанна Богослова и, „украши ю всякимъ строеніемъ церковнымъ и иконы, златомъ и финишомъ украшены¹⁷⁴⁾. Хотя наша рукопись не имѣетъ еще праздниковъ и службъ¹⁷⁵⁾ Всемилогиваго Спаса (1167—1169) и Покрова Пресвятой Богородицы (не позже XII в.), однако это не препятствуетъ отнести происхожденіе ея ко второй половинѣ XII в. и въ частности къ послѣдней четверти столѣтія, по времени, и къ г. Смоленску, по мѣсту. Къ такому заключенію въ пользу Смоленска предъ Кіевомъ располагаетъ и то, что подобный смѣшанный говоръ на новгородскій ладь, какъ въ нашсмъ стихирарѣ, естественнѣе могъ имѣть мѣсто

¹⁷³⁾ См. Голубинскій „И. Р. Ц.“ т. I, пол. 2, изд. 2, стр. 300.

¹⁷⁴⁾ Ibid. стр. 308.

¹⁷⁵⁾ Арх. Сергіи „П. М. В.“ т. II, изд. 2, ч. I, стр. 232, 304.

въ Смоленскѣ и смоленской области¹⁷⁶⁾, къ которой въ древности примыкала часть Псковской губерніи нынѣшній (Торопецкій уѣздъ), гдѣ говоръ былъ сроденъ новгородскому — чѣмъ въ Кіевѣ, гдѣ подобное смѣшеніе можетъ быть незначительно и весьма случайно, какъ замѣчено выше, вслѣдствіе торговыхъ сношеній киевлянъ съ новгородцами¹⁷⁷⁾. Въ Смоленскѣ не малое время (съ 1137 г. и позже 1168 г.) былъ епископомъ Мануиль грекъ „пѣвецъ гораздый“, пришедшій изъ Греціи „самъ третей“, тамъ же ранѣе другихъ областей построена была (ок. 1145 г.) вблизи города отцомъ упомянутаго князя, Ростиславомъ Мстиславичемъ, церковь въ память св. Бориса и Глѣба, уступая во времени лишь Переяславской на Альтѣ (ок. 1117 г.). Это было вполне достаточною причиною, почему служба свв. мученикамъ въ нашсмъ стихирарѣ превзошла службы другихъ стихирарей, какъ количествомъ стихирь, такъ и разнообразіемъ ихъ содержанія. Самое построеніе церкви могло быть достаточною къ тому поводомъ, чтобы составить особья стихиры свв. мученикамъ, независимо отъ составленныхъ уже ранѣе митрополитомъ Іоанномъ, по поводу построенія церкви тѣмъ же святымъ ранѣе (1019—1036), тѣчаніемъ кн. Ярослава. Епископъ Мануиль „пѣвецъ гораздый“ имѣлъ всѣ данныя къ составленію новыхъ стихирь. Эти стихиры и вошли потомъ въ нашъ стихирарь церкви св. Іоанна Богослова въ Смоленскѣ. Поэтому съ немалою увѣренностію можно думать, что наша рукопись по происхожденію и письму принадлежитъ г. Смоленску времени второй половины XII-го вѣка и находится, какъ выше замѣчено, подъ значительнымъ восточнымъ греко-сирійскимъ (или же сирофиникійскимъ) влияніемъ, отражая на себѣ отчасти и слѣды влиянія Аѳона. Что стихирарь нашъ относится къ древнѣйшимъ пѣвческимъ рукописямъ, и симіографія его къ первымъ временамъ образованія и развитія русской пѣвческой симіографіи, усматривается изъ того, что въ стихирарѣ наполовину не полнымъ (безъ пяти мѣсяцевъ) есть до шестидесяти стихирь, еще не положенныхъ на пѣвческіе крюковые знаки, и есть стихиры, такъ ска-

¹⁷⁶⁾ О говорѣ Смоленско-Полоцкомъ ср. Соболевскаго, цит. соч. стр. 39.

¹⁷⁷⁾ Незначительные случаи смѣшенія *e* и *y*, какъ въ словѣ „нинеугитъ“, свойственные смоленскому говору, не могутъ рѣшительно говорить противъ принятой мысли, такъ какъ рукопись принадлежитъ времени, когда говоры еще не установились въ своей рѣшительной обособленности, да и писцомъ могъ быть въ Смоленскѣ не смоленецъ, а, напр. киевлянинъ, или новгородецъ.

¹⁷⁸⁾ Полн. С. Л. II, 14.

зять, застывшія въ процессѣ изложенія ихъ крюками, наполовину въ крюкахъ, наполовину же безъ нихъ, какъ 16 Ноября на память св. ап. и еванг. Матѳея „Въсплещемъ пѣсньми“, или 21 Ноября стихира „Да веселиться“, наконецъ пѣвческіе знаки стихираря нисколько не позднѣе такихъ же знаковъ Благовѣщенскаго кондакаря, если взять за terminus comparationis, хотя бы евангельскія стихиры, имѣющіяся въ крюкахъ въ той и въ другой рукописи, въ концѣ, — равно мало чѣмъ отличается симіографія этого стихираря и отъ симіографіи знаменной Типографскаго Устава, Постной тріоды, Стихираря Синод. б-ки 1157 г. (№ 589) и Стихираря Софійской б-ки 1158—1163 г.г. Такимъ образомъ по всѣмъ признакамъ разсматриваемый стихирарь можетъ быть отнесенъ по времени письма не позже послѣдней четверти XII в., а по мѣсту его—къ Смоленску.

Къ несомнѣнно кievскимъ рукописямъ долженъ быть отнесенъ стихирарь Типографской б-ки № 96 (1/4 л. 55 л.), содержащій въ себѣ стихиры съ 1-го по 7-е Декабря. Единственное слово, напоминающее новгородскій говоръ — „оцѣстимся“, но слова въ новгородскомъ говорѣ употребляемая съ ч, здѣсь повсюду встрѣчаются съ ц и наоборотъ, таковы здѣсь: „трѣсьльньчѣне, отъче, процвѣте, съльньце, цсарь, ицѣленіе“ — въ особенности по сравненію этой рукописи съ несомнѣнно новгородскою, стихираремъ Синод. б-ки № 589 (1157); между тѣмъ слово „нинеугить“ принадлежитъ къ особенностямъ выговора смоленскаго. Наравнѣ съ старыми словами — „благодѣть, Христосомъ, зижителя, рвьности“ рукопись имѣетъ и провинціализмы, какъ „Амвакоумъ“ и др. О древности рукописи свидѣтельствуютъ встрѣчающіеся въ словахъ — „умъ, словуцїа, утвержаючи, Амвакумъ“, большой юсь и юсь малый. Въ числѣ пѣвческихъ знаковъ рукопись имѣетъ довольно знаковъ архаическихъ; сами знаки просты, не развиты и не многочисленны, съ немногими еитами; письмо рукописи въ текстѣ и пѣвческихъ знакахъ хорошее. Рукопись относится, по всей вѣроятности, ко времени не раньше начала XII в. и не позже первой его половины.

Къ старымъ южнымъ рукописямъ мы должны отнести „Стихрарь мѣсячный“ Синод. б-ки № 572 (1/8 л. 216 л.л.), содержащій стихиры святымъ съ Сентября по Августъ. Единственное слово, напоминающее новгородскій говоръ, встрѣчается здѣсь „оцѣщеніе“, но употребляемое наравнѣ съ словомъ „очищеніе“, равно какъ „оцѣщающаго“ наравнѣ съ „очищшааго“. Изъ старыхъ словъ есть „Христоса, Иисоусе“, изъ провинціализмовъ „ныня“. Стихирарь имѣетъ изъ службы свв. Борису и Глѣбу (24

Юля) шесть стихиръ, указанныхъ выше. Изъ службы преп. Θεодосію (2-го Мая) находится только одна стихира 2 гл. „Придѣте стещемъся вси“ та, которая стоитъ четвертою по порядку стихиръ на „Господи воззвахъ“ въ службѣ преподобному изъ Типографской Минеи XIII—XIV в. (№ 226—1258)¹⁷⁹⁾, но безъ пѣвческихъ знаковъ. Имѣя въ виду, что на ряду съ простыми пѣвческими знаками есть и сложные и нѣсколько еитъ (около 12), а затѣмъ и то, что стихирарь считаетъ праздникомъ память преп. Θεодосіа, канонизованнаго въ 1108 г., съ своею особою стихирою, но еще безъ пѣвческихъ знаковъ, тогда какъ стихирарь ок. 1163 г. имѣетъ ее уже съ знаками, нужно отнести написаніе стихираря къ первой половинѣ XII в. и скорѣе всего, ко второй его четверти. Здѣсь не можетъ служить противовѣсомъ или terminus negationis то, что стихирарь Синод. б-ки № 589, не имѣющій еще памяти стихиры преподобному Θεодосію, относится по письму къ этому же приблизительно времени (1157 г.), такъ какъ нашъ стихирарь № 572), по происхожденію своему южный и, слѣдовательно, не могъ не имѣть этой памяти, стихирарь же 1157 г. несомнѣнно новгородскій и потому вполне естественно могъ не имѣть этой памяти и стихиры. Да, кромѣ того, за древность нашего стихираря говоритъ совершенно убѣдительно и то еще обстоятельство, что въ стихирарѣ б-ки Петербургской Академіи (Софійской), писанномъ, по указанію приписки, въ періодъ времени между 1156—1163 г.г., эта стихира Θεодосію съ пѣвческими знаками уже есть, хотя и послѣ даты и другой руки, а этотъ стихирарь долженъ быть несомнѣнно отнесенъ къ новгородскимъ, какъ увидимъ дальше; между тѣмъ какъ въ нашемъ стихирарѣ, хотя онъ южный, эта стихира еще безъ пѣвческихъ знаковъ, съ однимъ только текстомъ, что доказываетъ, что эта стихира появилась незадолго предъ написаніемъ стихираря и еще не успѣла получить пѣвческой обработки въ знакахъ пѣвческихъ. Почтенный авторъ „Мѣсяцеслова“, обозначая память преподобнаго Θεодосіа 3-мъ Мая, въ подтвержденіе ссылается, въ числѣ другихъ документовъ, и на стихирарь Синод. б-ки № 572¹⁸⁰⁾. На самомъ же дѣлѣ память преп. Θεодосіа значится въ этомъ стихирарѣ подъ 2-мъ Мая. Но въ стихирарѣ № 151 Типографской б-ки, о которомъ можно думать, что онъ новгородскаго происхожденія, есть своя особенность: тамъ память преподобнаго значится подъ 4-мъ Мая. Въ житіи преподобнаго

¹⁷⁹⁾ Голубинскій „И. Р. Ц.“ т. I, 2 полов., 2 изд., стр. 513.

¹⁸⁰⁾ „И. М. В.“ т. II, ч. 1, изд. 2, стр. 129.

добнаго говорится, что онъ скончался „мѣсяца Мая, въ 3-й день, въ субботу“, „послѣ солнечнаго восхода“¹⁸¹⁾. Кончина препод. Θεодосія въ ночь на 3-е Мая, вѣроятно, подала поводъ отнести день его смерти къ 2-му Мая. Но такое смѣшеніе въ этихъ стихираряхъ дня кончины преподобнаго могло обнаружиться, гдѣ угодно, но только не въ самомъ Кіевѣ, гдѣ это могло быть предметомъ самаго точнаго знанія и обсуждения; для другихъ же мѣстъ и городовъ этотъ вопросъ могъ быть очень неустойчивымъ. Почему въ стихирарѣ № 151 память преп. Θεодосія падаетъ на 4-е Мая, совершенно непонятно, если это не описка или ошибка, то это, однакоже служить доказательствомъ, что стихирарь совершенно не кіевскаго происхожденія, а иногородняго, въ данномъ случаѣ— новгородскаго. Помѣтка же въ нашемъ стихирарѣ дня кончины преподобнаго 2-мъ Мая, что могло быть слѣдствіемъ, неточнаго знанія часовъ дѣйствительной кончины, могла произойти лишь въ мѣстности близкой къ Кіеву. Такою мѣстностью намъ представляется вѣроятнымъ считать смежную съ кіевскою—перемыславльскую. Соображенія за это слѣдующія. Что стихирарь этотъ не кіевскій, хотя и имѣетъ говоръ близкій къ кіевскому, видно изъ того, что изъ стихиръ службы, составленной „митрополитомъ русскимъ“ Іоанномъ (Минея XII в. Типогр. 6-ки № 235—1259) или м. кіевскимъ, стихирарь нашъ имѣетъ только 2 стихиръ „Кыми похвальными вѣнцы“ и „Кыми прѣснными добротами“, остальные же 4 его стихиръ совершенно иныя: „Кыми духовными словесы“, „Придѣте восхвалимъ“, „Плотскую богатяще“, „Придѣте новосвященни роусьти собори“. Откуда эти новыя стихиръ и по какому случаю онѣ могли возникнуть, когда въ Кіевѣ была уже полная служба святымъ Борису и Глѣбу? Если авторъ службы Іоаннъ „митрополитъ роусьскій“ есть тоже лицо, что и митрополитъ Іоаннъ I-й, въ чемъ едва ли можетъ быть достаточно мотивированное сомнѣніе¹⁸²⁾, то мы должны согласиться, что лучшимъ поводомъ къ составленію службы святымъ могло быть не иное что, какъ построение кн. Ярославомъ, вѣроятно, по убѣжденію того же м. Іоанна, первой за все это время церкви въ честь свв. мучениковъ въ Вышгородѣ. А это построение случилось въ промежутокъ времени между 1019-мъ и 1036-мъ годами, — слѣдовательно, и сти-

хиръ со всей службой появились въ это же время въ Кіевѣ. Говоря о стихирарѣ № 279-й и о вѣроятномъ его смоленскомъ происхожденіи, мы отмѣтили въ немъ нѣкоторое обиліе стихиръ свв. мученикамъ Борису и Глѣбу (8) и отличие отъ содержащихся въ Іоанновой кіевской службѣ 6-ти стихиръ, составленіе которыхъ, вѣроятно вызвано было построениемъ храма свв. мученикамъ въ 1145 г. въ епископство „гораздаго пѣвца“ Мануила Смоленскаго. Сравнивая стихиръ нашего Стихираря со стихарами Стихираря смоленскаго, мы находимъ, что только 5 стихиръ совпадаютъ у нихъ; въ остальномъ же оба стихираря разнятся между собою: явный признакъ, что оба стихираря имѣютъ свое отдѣльное помѣстное и повременное происхожденіе и, притомъ—оба въ отдѣльности и лишь въ нѣкоторой незначительной зависимости отъ кіевской службы. Признавая близость говора нашего Стихираря къ кіевскому, значительное сходство въ стихирахъ свв. мученикамъ русскимъ съ Стихираремъ смоленскимъ, соглашаясь, что поводомъ къ составленію особыхъ стихиръ въ Кіевѣ и Смоленскѣ было построение первыхъ переквей въ честь свв. мучениковъ, въ первомъ случаѣ для покоя мощей свв. Бориса и Глѣба, во второмъ, на мѣстѣ убіенія кн. Глѣба на Смядыни, — мы въ правѣ предположить, что нашъ Стихирарь явился близъ Кіева и что поводомъ къ составленію его стихиръ въ честь свв. Бориса и Глѣба было аналогичное обстоятельство, т. е. построение же храма въ честь мучениковъ въ мѣстности смежной къ Кіеву и увѣковѣченной мученической кончиной другого князя-мученика, св. Бориса. Такое построение храма, предпринятое княземъ Владиміромъ Мономахомъ въ 1117 г. и оконченное имъ при жизни своей († 1125 г.), въ честь свв. Бориса и Глѣба и имѣло мѣсто на Альтѣ, въ перемыславльской области, близъ Перемысла и недалеко отъ Кіева (ок. 80 верстъ) и его области. Желая увѣковѣчить память свв. мучениковъ князей, Владиміръ Мономахъ ставитъ храмъ на мѣстѣ кончины старшаго изъ братьевъ мучениковъ, помимо храма Кіевскаго, Вышгородскаго, поставленнаго надъ мощами ихъ, а мѣстный епископъ составляетъ особыя стихиръ, въ отличие отъ стихиръ службы кіевской, какъ вполнѣдствіи въ Смоленскѣ князь Ростиславъ Мстиславичъ на мѣстѣ убіенія младшаго изъ братьевъ мучениковъ, соревнуя съ Мономахомъ, ставитъ особый храмъ, а мѣстный епископъ составляетъ по этому поводу особыя стихиръ, въ отличие отъ кіевскихъ и перемыславльскихъ. Епископомъ перемыславльскимъ въ періодъ построенія храма на Альтѣ былъ епископъ Сильвестръ (1118—1123 г.г.), вѣроятный авторъ приписи лѣтописной (подъ 1110 г.) и лѣтопи-

¹⁸¹⁾ „Кіевопеч. патер.“ русск. пер. М. 1897, стр. 134. По расчету времени около 4-хъ часовъ утра.

¹⁸²⁾ См. выше и у Голубинскаго „И. Р. Ц.“ гл. I, пол. 1, стр. 839; т. I, пол. 2, стр. 386—387.

сець, бывшій игумень Михайловскаго монастыря¹⁸³⁾, человекъ для своего времени вполне образованный и имѣвшій все данныя быть авторомъ вновь составленныхъ стихиръ въ отличіе отъ кievскихъ, изъ которыхъ удержалъ онъ только двѣ. Эти стихиры (6) все, кромѣ одной „Плотскую богатяще“, вошли затѣмъ въ составъ стихиръ (8) стихираря смоленскаго, прибавившаго къ 5 стихирамъ нашего стихираря новыхъ три—„Все горѣ возложше“, „Чини ангельстїи“ и „Не тѣкъмо ангели“.

Къ рукописямъ древнимъ долженъ быть отнесенъ стихирарь Типографской б-ки № 152 (1/8 л. 91 л.), содержащій стихиры съ 14 Сентября по 2 Февраля. Изъ новгородскихъ особенностей говора встрѣчается только „отъце“. Стихирарь писанъ почеркомъ нетщательнымъ и нѣсколько небрежно. Довольно сложныхъ цѣвческихъ знаковъ и ѣтъ. По характеру письма цѣвческихъ знаковъ, по ихъ почерку, составу и количеству Стихирарь можетъ быть отнесенъ ко второй половинѣ XII в. и даже къ послѣдней его четверти. Если не ошибаемся, то это тотъ Трефологій, о которомъ Срезневскій въ „Древнихъ памятникахъ русскаго письма и языка“ говоритъ, что онъ состоитъ изъ 149 лл. въ 1/8 л., причемъ на 138 л. стояла надпись „Илія псалъ бывшій попинъ церкви святаго Вознесенія у братїи“. Срезневскій дѣлаетъ догадку, не та ли это церковь Вознесенія, которая сгорѣла въ Новгородѣ въ 1175 г., и относитъ самую рукопись къ началу XII в.¹⁸⁴⁾ По рукописи скорѣе можетъ быть отнесена къ концу XII в., а церковь Вознесенія, современная рукописи, можетъ быть подразумѣваема, какъ единственная извѣстная на Руси за это время, „Спаса Вознесенія съ монастыремъ“, построенная, по свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи, во Владимірѣ Андреемъ Боголюбскимъ и заложная имъ въ 1164 году¹⁸⁵⁾. Тогда будетъ понятно и выраженіе „бывшїи попинъ церкви святаго Вознесенія у братїи“, т. е. церкви Вознесенія монастырской, при монастырѣ, или съ монастыремъ, а таковою и извѣстна въ домонгольскій періодъ только одна—ц. Вознесенія во Владимірѣ. Такимъ образомъ наша рукопись можетъ быть, вѣроятно же всего, Владимірскою, времени второй половины XII вѣка.

Стихирари Типографской б-ки № 145 и № 151, и Синодальной б-ки № 589, несомнѣнно новгородскаго происхожденія. Сти-

хирарь № 145 „Стихирарь мѣтный“ (1/8 л. 79 л.) довольно ветхій, съ Сентября по Августъ, имѣетъ службу свв. Борису и Глѣбу съ шестью стихирами, указанными выше, но не содержитъ еще памяти и службы преподобному Феодосію и другихъ русскихъ праздниковъ. Особенности говора: „цѣленіе (и цѣленія), владыцствіе (и владыцствіе), коньпаніе (и коньчанію), моученице (Пантел. и моучениче), цесариче, цѣстнѣна, поцьрпающе, отяжьчаахоуся, проважгаахоу, Троицю“; изъ провинціализмовъ: „Пянтелеймоне, таче, Хрѣститель“; слова — „Иисусъ, Христосъ“ употребляются правильно. Въ стихирарѣ довольно архаическихъ цѣвческихъ знаковъ и сравнительно немного ѣтъ; письмо не тщательное. По всемъ признакамъ — стихирарь первой половины XII в. и не моложе стихираря 1157 г. Срезневскій прочиталъ весьма неразборчивую приписъ на первомъ листѣ рукописи такого содержанія: „Се стихирарь есть стго Власія, да кто въ нь поетъ боуде емоу многа лѣтъ, а псалъ грамотицю сью члвкъ, имя емоу крстьное Яковъ, а мирьскы Творимиръ, пономаръ стго Николы, да хотя и не оумѣя напсалъ кондакаръ, похваливъ же, аминь, аминь“¹⁸⁶⁾. Изъ церквей св. Николая въ домонгольскій періодъ извѣстно только двѣ и обѣ въ Новгородѣ,—одна Дворищенская, построенная на Ярославовомъ князьемъ дворѣ, на торговой сторонѣ, кн. Мстиславомъ Владиміровичемъ, заложная въ 1113 г., другая на Яковлѣ улицѣ, съ монастыремъ, построенная Ироженномъ ок. 1135 г.¹⁸⁷⁾ Для какой церкви Власія былъ писанъ стихирарь—кондакаръ, неизвѣстно, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній. Но въ Новгородѣ изъ древности извѣстна церковь св. Власія на Волосовой улицѣ, упоминаемая лѣтописью подъ 1163 г., деревянная; а въ 1184 г., по лѣтописи, вновь срублена церковь св. Власія на томъ же мѣстѣ, вѣроятно, по причинѣ пожара¹⁸⁸⁾. Писецъ принадлежитъ еще тому отдаленному періоду времени на Руси, когда вмѣстѣ съ крестильнымъ именемъ носилось и имя мірское. Такъ-какъ писецъ-пономаръ, каковая степень болѣе всего, если не исключительно, существовала при многочисленномъ составѣ причта, наприм., въ соборахъ, то легче допустить, что писецъ нашего стихираря принадлежалъ Николо-Дворищенской церкви, бывшей соборомъ, а не Николо-Яковлевской, при которой монастырь былъ построенъ только впоследствии. Это наблюдение вполне подтверждаетъ высказанное предположеніе, что рукопись наша

¹⁸³⁾ Ibid. т. I, п. 1-я, 687, 781. Срав. Ключевского „Курсъ Русской Исторїи“ ч. I. Москва 1904 г. стр. 97.

¹⁸⁴⁾ Срезневскій. „Д. п. р. п. и яз.“, изд. 2, стр. 60.

¹⁸⁵⁾ Голубинскій „И. Р. Ц.“ т. I, пол. 2, изд. 2, стр. 320.

¹⁸⁶⁾ „Др. п. р. п. и яз.“, изд. 2, стр. 78.

¹⁸⁷⁾ Голубинскій „И. Р. Ц.“ т. I, 2 пол. изд. 2, стр. 312, 318.

¹⁸⁸⁾ Новгород. лѣт. Волковъ „Статистич. свѣд.“, стр. 17.

новгородскаго происхожденія по мѣсту и первой половины XII в. по времени.

Наиболѣе характернымъ и типичнымъ представителемъ новгородскаго письма, можно сказать, преимущественно является стихирарь Синодальной б-ки № 589 (1157 г.). „Стихирарь мѣсяцный съ Богомъ починаемъ по уставу св. Θεодора Студійскаго“ (1/4 л. 190 лл.) съ записью „писано лѣта **СХХѢ**“¹⁸⁹⁾. Изъ древнихъ русскихъ службъ стихирарь имѣетъ только службу свв. мученикамъ Борису и Глѣбу изъ трехъ стихиръ, указанныхъ выше и по малочисленности стихиръ этимъ святымъ стоитъ на первомъ мѣстѣ среди другихъ стихирарей, что можетъ быть объясняемо отдаленностью мѣста происхожденія стихираря отъ мѣста кончины свв. князей мучениковъ и мѣста особеннаго ихъ почитанія, области кievской и сосѣднихъ съ нею, какъ переяславль-ская, смоленская и др. Стихирарь изобилуетъ особенностями новгородскаго говора, какъ: „оцѣщеніе (и очищеніе), отъце (и отъче), чъркъви (и църковы), чѣлитель (и цѣлитель), наслѣднице (Никол. и наслѣднице), чловѣцску (и чловѣчскій), Богоотроковича, страсотърпича, моученича (и моученица), вѣцъныхъ (и вѣчныи), Троици (и Троицы), роучѣ, рѣчѣ ичѣленія (и ичѣленія), велицаощь, Лоучѣ, вѣцънааго (и вѣчноую), рьчемъ, прочвьте, агнича, чѣлованіе, цѣстнѣйша (и чѣстно), багрянича (багряницею), оучителя, чвѣты, сьльнча (сьльнца), сьрдьча, молцати, чьсаря, язъчи, старьце, цѣвничью, зьрчало, неиздрепеньную, прѣвѣ, теценіе, мьлцаніе, паце, сьцетаніе, облицилъ, испътемъ, хьтрьча“. Есть провинциализмы; „ижнего, хрьщенію, мосѣвео, ищрева“, и старыя слова: „грѣзнъ, ратая, Евга, Наугинъ, Иисоусъ, Христоса“. Въ пѣвческихъ знакахъ стихираря есть и знаки архаическіе, но и довольное количество еитъ. Въ одномъ и при томъ единственномъ мѣстѣ стихираря, на словахъ стихиръ свв. Борису и Глѣбу „Плотскую богатыще“, слѣдующихъ: „нъ о конноохооу“ стоятъ восемь кондакарныхъ знаковъ малыхъ, а надъ ними одинъ большой, впереди же ихъ и вслѣдъ за ними размѣщены пѣвческіе знаки русскіе, обычныя, свойственные русской крюковой симіографіи знаменнаго распѣва. Такое частичное вторженіе строки пѣвческихъ знаковъ византійскихъ, кондакарныхъ, въ систему русскихъ пѣвческихъ крюковъ указываетъ на то, что наша первоначально греко-сирійская симіографія, а впослѣдствіи обработанная на русскій ладъ, иногда обращалась и къ визан-

тійской симіографіи кондакарной, и что пѣвцы наши, полагавшіе новые тексты стихиръ, какъ въ данномъ случаѣ, пользовались иногда и своеобразной непопулярной среди нихъ симіографіей византійской, вѣроятно, для выраженія частей напѣва особенно торжественныхъ, съ удержаніемъ и греческихъ текстовыхъ попѣвокъ-аненаекъ, нененъ, неанесъ, подобно данному случаю. Эта черта нашего Стихираря сближаетъ его съ Благовѣщенскимъ кондакаремъ въ той его части, которая представляетъ некондакарную, а обычную симіографію, но съ употребленіемъ греческихъ попѣвокъ-нененъ, какъ въ поліелеѣ, асматикѣ (предначин. псал.), причастныхъ стихахъ и проч. По всѣмъ признакамъ—нашъ стихирарь оправдываетъ ту дату, которая поставлена въ началѣ его, а по мѣсту письма несомнѣнно принадлежитъ новгородскому краю.

Стихирарь Типографской б-ки № 151 (1/4 л. 166 л.), хорошаго письма, несомнѣнно новгородскаго происхожденія; имѣетъ изъ службы свв. Борису и Глѣбу одну стихирю и часть другой, на которой и прерывается стихирарь. Изъ русскихъ службъ и памяти Стихирарь имѣетъ еще только праздникъ преподобному Θεодосію, съ одною стихирою „Приидите степемъся вьси“, но страннымъ образомъ помѣченный 4-мъ Мая. Изъ особенностей говора въ Стихирарѣ встрѣчаются: „оцѣщеніе, (и очищъшааго), прочвьтъши (и процвьте), первомоученице (Стеф.) предътъпа, чловѣцскаго, чьсарю, проричаніемъ“; изъ гречизмовъ „Иисусъ“; изъ старыхъ словъ: „Христоса (и Христа), на возилѣ“; изъ провинциализмовъ: „въ ужасти, Еноуарь, Елены (и Оленою), Христителю“. Подобно предыдущему Стихирарю, № 589, этотъ Стихирарь имѣетъ кондакарные знаки, но уже на словахъ стихиръ преп. Θεодосію: „бывъ тъ тъ тъ тъ тхъ. хъ. хъ. тъ тъ. тъ. тъ. тъ. тъ“, содержащихъ, очевидно растянутую украшенную мелодію или попѣвку византійскую, которой однако предшествуютъ и послѣдуютъ обычныя русскіе крюковые пѣвческіе знаки. Такихъ кондакарныхъ знаковъ здѣсь до 20 малыхъ и одинъ надъ ними, большой. Присутствіе въ Стихирарѣ византійскихъ кондакарныхъ знаковъ сближаетъ этотъ Стихирарь съ предыдущимъ (№ 589) и съ Благовѣщенскимъ кондакаремъ. Въ Стихирарѣ до 10 стихиръ безъ нотъ, и есть старыя пѣвческіе знаки, что, повидимому, придаетъ ему древность происхожденія, но наличность стихиръ праздника преподобному Θεодосію, при этомъ съ пѣвческими знаками, и нѣкоторое обиліе еитъ, не позволяють относить происхожденіе этой рукописи ранѣе Стихираря 1157 г. (№ 589), еще не имѣющаго памяти преп. Θεодосія, или вообще

¹⁸⁹⁾ О стихирарѣ Буслаевъ „Матеріалы для исторіи письменъ“. М. 1855. X.

ранѣе второй половины XII в., хотя мы знаемъ, что Стихирарь (Софійской) 6-ки Петерб. д. Академіи (№ 384), написанный по указанію приписи писца, въ періодъ времени между 1158 и 1163 г.г. (въ епископство Аркадія) уже имѣетъ эту стихиру и съ пѣвческими знаками, но, какъ слѣдуетъ думать, написанную уже послѣ 1163 г. и другой рукой.

Къ древнѣйшимъ стихирарямъ относятъ Стихирарь Императорской Публичной бібліотеки (Толст. отд. Q. п. I, 15), именно къ XII-му вѣку. Что этотъ Стихирарь принадлежитъ XII вѣку и, весьма вѣроятно первой его половинѣ, видно изъ того, что въ немъ нѣтъ еще ни одной памяти и стихиръ русскимъ святымъ, какъ преп. Θεодосій, свв. Борисъ и Глѣбъ, и нѣтъ русскихъ праздниковъ — Перенесенія мощей св. Николая Чудотворца въ Баръ-градъ, Покрова Пресвятыя Богородицы, Всемиловитаго Спаса, наиболѣе древнихъ на Руси. Это обстоятельство давало бы право нашему Стихирарю, въ отношеніи древности редакціи и происхожденія, занять мѣсто на ряду съ Уставомъ Типографскимъ, въ пѣвческой его части, если бы возможно было открыть, кромѣ этого, еще болѣе рѣшительные признаки. Въ Стихирарѣ, несмотря на значительное число листовъ потерянныхъ, выпавшихъ, изъ всѣхъ наличныхъ приблизительно 380 стихиръ, однакоже, около 125 стихиръ, или $\frac{1}{3}$ не имѣютъ пѣвческихъ знаковъ, и стихиры 2—3 имѣютъ эти знаки только надъ частію текста. Это указываетъ на то, что Стихирарь относится къ раннѣйшему, можетъ быть, къ начальному періоду образованія русской церковной пѣвческой симіографіи, когда стихиры, пока еще не всѣ, но болѣе важныя и нужныя, полагались на пѣвческіе знаки, большинство же другихъ исполнялось изустно, понаслышкѣ, на память, напѣвомъ обычнымъ, краткимъ, наподобенъ, а не праздничнымъ, болѣе широкимъ и мелодически развитымъ и украшеннымъ, въ виду же его сложности и трудности исполненія на память, обыкновенно закрѣпляемымъ въ пѣвческихъ крюковыхъ знакахъ. Лавровскій, отмѣчая особенности нашего Стихираря, говоритъ: „сохранилось правильное употребленіе и достигательнаго вида, удвоеніе окончаній прилагательныхъ опредѣленныхъ, отличеніе переходящаго отъ аориста и т. п.“. „Склоненіе и спряженіе сохранилось вполне древнее“¹⁹⁰). Въ текстѣ Стихираря весьма часто у и ю изображаются юсами, вмѣстѣ съ употребительными оу и ю, равно какъ нерѣдко употребляется и ютиро-

вонныя я и е, нерѣдко съ обычнымъ е. Греческія слова—„Елена, Пантелеимонъ, Климентъ, Анна, Иисусе“, лат. „Наталія“ употребляются правильно и только нѣкоторыя измѣнены, какъ „Константинъ, Николы, Ноямбрия, Октомбрия, Декембрия, Февраля“. Изъ старыхъ словъ встрѣчаются: „Христосу, питѣвви, зижителя (и зиждителя); изъ провинціализмовъ: „ныня, (и нынѣ), ищерева, вѣрѣно, хрьстителю, Хрьсте, Хрьстовъ, трыпезѣ, дньесь“; на новгородскій говоръ встрѣчается только „опѣщающа (и очищати), отъча (и отъда). По особенностямъ словоупотребленія Стихирарь совершенно сходствуетъ съ Типографскимъ Уставомъ, и по имѣющимся на лицо даннымъ долженъ быть причисленъ по времени къ первой половинѣ XII в., а по мѣсту—къ Кіеву и его области. Подспорьемъ этой мысли служить то, что пѣвческіе знаки Стихираря много проще, чѣмъ во всѣхъ доселѣ разсмотрѣнныхъ пѣвческихъ книгахъ, кромѣ Типографскаго Устава, незначительное количество оитъ, и внѣшній, наконецъ, видъ рукописи, въ которой не малое количество страницъ съ совершенно выцвѣтшими пѣвческими знаками и словами текста. Что рукопись близка къ греческому влиянію, которое сильнѣе всего было, конечно, на первыхъ порахъ христіанства на Руси и въ Кіевѣ, усматривается изъ того, что одна изъ стихиръ имѣетъ надписаніе гласа такое—„гласъ тяжкъ (ἦχος βαρὺς), какъ у однихъ только грековъ обозначался седьмой гласъ; въ русскихъ же богослужбныхъ пѣвческихъ книгахъ всѣ гласы всегда обозначаются буквами славянскаго алфавита, числительными, съ титломъ надъ ними. Кромѣ того, на нижнемъ полѣ оборотной страницы листа 51-го ркп. находимъ рисунокъ—кисти руки, пальцы которой сложены такъ, какъ это употреблялось условно греческими пѣвцами въ хирономическомъ искусствѣ пѣнія и управленія хоромъ¹⁹¹). Это свидѣтельствуетъ, какъ о греческомъ влияніи на эту рукопись, такъ и о томъ, что память хирономическаго искусства, непосредственно предшествовавшаго пѣвческой симіографіи, смѣнившей его, была еще свѣжа у нашихъ русскихъ пѣвцовъ, а сама рукопись была, очевидно, въ ближайшемъ соприкосновеніи съ этимъ отживавшимъ тогда искусствомъ,

¹⁹⁰) См. чертежи, найденные преосвящ. Порфиріемъ въ нотномъ Анѳологонѣ греческомъ Кутлумушскаго Аѳонскаго монастыря, XIV в., напечатанные въ „Перв. путеш. въ Аѳ. м-ри и скиты“ ч. II, отд. 1, стр. 24 п. „Приложенія“, стр. 12, — гдѣ изображены съ подобными хирономическими знаками знаменитые греческіе пѣвцы Гликисъ, Корони и Иоаннъ Кукузель, а также приложеніе и палеографическій атласъ въ наш. соч. „Русская симіографія“.

¹⁹⁰) „Опис. семи ркп.“, стр. 34.

смѣняемымъ крѣковой симіографіей. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что нашъ Стихирарь имѣетъ свое происхождение, если не въ началѣ XII-го вѣка, то никакъ не позже первой его половины, и, если, не можетъ быть ровесникомъ Типографскаго Устава, то, почти навѣрное, непосредственно примыкаетъ къ нему и въ семьѣ другихъ извѣстныхъ стихирарей есть, очевидно, старѣйшій по происхожденію, а какъ таковой, онъ, очевидно, принадлежитъ Кіеву; гдѣ зародилась, формировалась и первоначально разрабатывалась русская пѣвческая крѣковая симіографія, впервые вступившая на смѣну прежде господствовавшей въ богослужебномъ пѣніи греческой хирономіи. Признаки полногласія въ стихирарѣ—„ищерева, вѣрѣно“, совершенно незначительными и совершенно въ томъ же родѣ, какъ въ Пустой Трїоди „жеребяти“, почему это обстоятельство не можетъ говорить о позднемъ происхожденіи рукописи, напр., въ концѣ XII вѣка. Нашъ Стихирарь отличается тѣмъ, что не имѣетъ праздника Убрусу и тѣмъ какъ бы заявляетъ о своей неприкосновенности вліянію Востока, но съ другой стороны не видно въ немъ и вліянія византійской кондакарной симіографіи, какъ въ другихъ нашихъ рукописяхъ. Неопредѣленность восточнаго вліянія на нашъ Стихирарь выражается и въ томъ, что въ ркп. есть память „обновленія воскресенію“, повидимому, храма Иерусалимскаго, но падаетъ она на число 12-е Сентября, — то, на которое должна падать память обновленія церкви Софійской, антиохійской, какъ въ другихъ рукописяхъ. При этомъ особенность этой памяти та, что въ стихирарѣ изложены для нея двѣ стихиры, одна общая съ предыдущими на гл. 6-й „обновленіе чести“, другая, принадлежащая только этому стихирарю на гл. 5-й „Иже въ ядрѣхъ отъчъскихъ опочивая слове доухъ твой святыи обнови въ церкѣви, яже во имя Твое поставлена бысть“. Содержаніе этой стихиры, обращеніемъ къ слову Бога Отца, повидимому, болѣе приличествуетъ обновленію храма Воскресенія Христова. Напротивъ, содержаніе второй стихиры, общей другимъ стихирарямъ,—„Обновленія да почъстятся, ветхый законъ и добръ имѣя; паче же новая да почъстятся обновленіемъ, обновляются острови къ Богу, якоже глагола Исаія, ихъ же мнѣять, еже отъ языкъ церкѣви съставляемы и утврженіе прїмающа степенно Богови, тѣмъ и мы сущая обновленія духовно тѣржествуимъ“—указаніемъ на обновленіе ветхозавѣтной церкви чрезъ обращеніе къ Богу острововъ, по слову Исаіи, или церкви языческой, ясно подчеркиваетъ обновленіе храма Антиохіи, пришедшей ко Христу именно отъ язычества. Слѣдовательно, какъ та стихира относится къ торжеству

обновленія храма Воскресенія Христова, такъ эта, кромѣ разсматриваемаго Стихираря, встрѣчаемая еще въ Стихирарѣ Академіи Наукъ (№ 74) и въ Стихирарѣ Синод. б—ки (№ 279), относится, очевидно, къ обновленію Софійскаго храма антиохійскаго, совершоннаго во время антиохійскаго собора 349, именуемаго „*év évκαταστάσις*“, Нашъ стихирарь, какъ видимъ, смѣшалъ эти два праздника и соединилъ разныя ихъ стихиры вмѣстѣ, отмѣтивъ число (12) праздника обновленія церкви антиохійской, а самый праздникъ наименовавъ обновленіемъ „церкви Воскресенія“, обычно извѣстный подъ другимъ числомъ (13). Этимъ Стихирарь довольно прозрачно указываетъ на отраженное на немъ восточное греко-сирійское (или г.-финикійское) вліяніе, а не одно только греческое, ясно усматриваемое изъ указанныхъ выше признаковъ („гласъ тяжкъ“ и „хирономическій знакъ руки“).

Нашему разсмотрѣнію подлежитъ еще стихирарь несомнѣнно XII в. и несомнѣнно новгородскаго происхожденія. Это Стихирарь (Софійской) б—ки С.-Петербургской Д. Академіи № 384 (въ больш. $\frac{1}{4}$ л., 113 л.л.). Внизу 101-го листа почеркомъ писца рукописи подписано: „кончѣшася книги сия мѣся сентября въ 11 днь на канон въздвиженія отъ мѣся іюня при епискоупѣ Аркадіи и при тиунѣ Тоупочелѣ“, а съ 101-го об. до конца писано уже другой рукой. Аркадій былъ, какъ извѣстно, новгородскимъ епископомъ (или архіепископомъ) съ 1158 года по 1163-й годъ¹⁹²), слѣдовательно и Стихирарь этотъ былъ написанъ въ одинъ изъ этихъ годовъ епископства Аркадія и въ срокъ—три съ половиною мѣсяца, съ іюня до половины сентября. За новгородское происхожденіе Стихираря говорятъ такія особенности языка и говора, какъ „отъце (и отъче), оцѣщенія, оцищающа (и очищеніе и очѣщающаго); Троицю, рочѣ, опи (и очи), вѣнчаецъ (и вѣнчаимъ), моуценикольбѣци (и моученицьскы), цюдо (и чюдо), чевъницю, седьмеричею, пророчѣхъ, самовидѣчѣмъ, чловѣколюбце, прочвъль, одъжгивый, сладпѣйше, проричаніе, ницимъже“. Одновременно со старыми словами, какъ „Иисоусъ, Христоса, на возилѣ, съ Еленою, Климента, Пантелеимона“ употребляются провинціализмы, какъ „Константина, Моиси, ижнего, ижнея, непостыжимааго, хѣровимъ“,—есть и полногласіе, напр.,

¹⁹² Голубинскій „И. Р. Ц.“, т. I, полов., изд. 2, стр. 674. Аркадій съ 1156 г. по 1158 г. правилъ новгородскою епархією, будучи еще не посвященъ въ санъ епископа и потому точнѣе считать время его епископства съ 1158 г. по 1163 г., († 18 сентября 1163 г.) Новгородскія лѣтоп. подъ 6671 г. „Представися епископъ новгородскій Аркадій, бысть во епископїи 8 лѣтъ“. П. С. Л. III, 215.

въ словѣ „храбора, соупроуго“, изрѣдка попадаются юсы и старая буква Еи не мало палеографическихъ особенностей русскихъ рукописей XII в. Стихирарь обнимаетъ службы съ 12 Декабря по 31 Августа, затѣмъ стихире преп. Θεодосію, 7 стихирь на Успеніе Б. М., 5 стихирь на обновленіе церкви, 3 стихире свв. Борису и Глѣбу 1 стих. великомуч. Георгію, канонъ свв. Борису и Гл., 3 стихире „на хвалитѣхъ“ имѣ же, въ крюкахъ, и канонъ свв. Петру и Павлу (безъ пѣвческихъ знаковъ). Изъ числа около 408 стихирь всего Стихираря только 8 стихирь безъ пѣвческихъ знаковъ, что показываетъ, что рукопись подверглась значительной и тщательной пѣвческой разработкѣ. Въ Стихирарѣ есть служба „Образа Господа нашего Иисуса Христа“ съ 4-мя стихирами; есть 5 стихирь „На освященіе и на поновленіе церкви“, безъ помѣтки числомъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы склонны видѣть стихире изъ службы дѣйствительно на освященіе новаго храма и на поновленіе храма стараго, т. е. стихире изъ особаго чина освященія храма, а не изъ памяти „освященія церкви“, отмѣчаемой 12 или 13 Сентября, хотя одна изъ этихъ 5 стихирь „Иже въ ядрѣхъ отъчьскихъ“ также, что и помѣщаемая подѣ 13 Сентября на обновленіе храма Воскресенія; но стихира 12 Сентября на освященіе церкви антиохійской „Обновленіе да почтѣтся“ здѣсь отсутствуетъ¹⁹³). Что стихира преподобному Θεодосію писана въ концѣ, послѣ памяти 31 Августа, указываетъ на то, что писецъ, писавшій стихирарь, не находилъ этой стихире паряду (въ Маѣ) въ томъ оригиналѣ, съ котораго онъ списывалъ, но, или заимствовалъ изъ другой рукописи, или же записалъ ее въ текстѣ и

¹⁹³) Такой чинъ обновленія храма въ видѣ торжественной литіи по Константинопольскому уставу совершался обыкновенно въ дни освященія храмовъ, каковыя дни нерѣдко не совпадали съ днями храмовыхъ праздниковъ. Такой чинъ можно находить въ Евхологіи Коаленевскомъ (Дмитріевскій „Описаніе литургич. рукоп.“ т. II. *Εὐχολόγια*. Стр. 1011—1012) въ греческомъ изложеніи и въ Требникахъ Новгор. Софійской 6-ки Пет. Д. Акад. № 1056, л.л. 80—88, и Московской Синод. 6-ки № 372, л.л. 63—65 въ славянскомъ текстѣ. Въ греческомъ уставѣ Патмосск. 6-ки (Дмитріевскій Опис. литург. рук. т. I, *Τυλική*) отмѣчены „обновленія“ подѣ 24, 25 и 27 числами апрѣля и подѣ 23 и 30 декабря, а въ славянскомъ мѣсяцесловѣ указана память обновленія храма св. Вмч. Георгія, на 26 ноября. Этотъ же чинъ вошелъ частію и въ употребительный нынѣ чинъ освященія новаго храма. Въ Типографскомъ Уставѣ (л. 92) на 20 декабря помѣщенъ кондакъ и икосъ на освященіе церкви, что можетъ быть, имѣло отношеніе къ *ἐγκαίνια* Великой Софійской церкви, которое падало на 23 декабря по уставу Великой Церкви. См. прот. Лисицына „Первоначальный славяно-русскій Типиконъ“ СПб. 1910, стр. 106—110, 199.

пѣвческихъ знакахъ изъ устнаго источника, на память, со слуха. Подобное наблюдается и въ отношеніи стихирь свв. Борису и Глѣбу (24 іюля). На ряду подѣ числомъ записаны почеркомъ писца только шесть стихирь: „Кыми похвальными вѣнцы, Кыми пѣсньными добротами, Кыми доуховными словеса, Все горѣ возложыша, Придѣте въсхвалимъ, Плотьскую богатяше“; а остальныя три—„Вогомъ избранніи людіе, Брата прѣкрасная и Придѣте новокръщеніи роуьстии събори“ записаны въ концѣ и другою рукою и, слѣдовательно, также заимствованы не изъ первоначальнаго оригинала, положеннаго въ основаніе Стихираря, а изъ другихъ болѣе позднихъ источниковъ— Помѣщаемый также въ концѣ рукописи, писанный также рукою другого писца канонъ свв. Борису и Глѣбу съ ирмосомъ „Воду прошедь“ и съ 32-мя тропарями, болшею частію сходенъ въ текстѣ съ помѣщеннымъ въ Миней XII в. 6-ки Синодальной Типографіи № 235—1259, но въ 8-ми тропаряхъ, по одному отъ каждой пѣсни, совершенно различенъ, равно и 3 стихире „на хвалитѣхъ“ въ нашемъ Стихирарѣ совсѣмъ не тѣ, что въ Миней. Этотъ канонъ и 3 хвалитныхъ стихире также, очевидно, не находились въ оригиналѣ нашего Стихираря и заимствованы также изъ болѣе поздняго по отношенію къ оригиналу источника, но и не изъ указанной Минеи. При относительной простотѣ пѣвческихъ знаковъ, симіографія Стихираря имѣетъ довольно знаковъ сложныхъ и еить, а также и византійскіе пѣвческіе знаки, напр., на словахъ стихире преп. Θεодосію „бывъ въвъвъвъвъвъвъвъвъвъвъ“ до 20 таковыхъ знаковъ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ рукописей, болшинство коихъ стихирари, къ XII-му вѣку относятся три тріоди и два ирмолога. Болѣе древнею изъ нихъ представляется Тріодъ Постная Типографской 6-ки № 148 (207 л. въ 1/4) именуемая „Стихирарь постный“, но содержащая и нѣсколько стихирь тріоди пѣвтной, оканчивающаяся стихирой Пятидесятницы „Нынѣшнюоумоутьрьжьствоу степемъся вѣрнии“. Изъ признаковъ относительной древности можно отмѣтить употребленіе юса, слова: „Христосовъ, на яздилѣ, благодѣтъ, на вѣрбъниці“; „Иисоусъ“, употребляется наравнѣ съ „Исоусъ“, простонародное „Моси“, палеографическіе признаки письма буквъ. Есть въ рукописи слова, указывающія на новгородское ея происхожденіе, какъ „оцѣщеніе (и очипщеніе) отъче (и отъче), разбойницъ, чловѣкколюбъча, отъчьствоу), коньцавшѣ“ и др. Пѣвческіе знаки сравнительно не сложны и обычны для рукописей XII вѣка. Рукопись—новгородскаго происхожденія и середины XII вѣка.

Тріодъ Синодальной 6-ки № 423 (315 л.л. въ 1/4 л.) начинаю-

шаяся службою въ недѣлю мытаря и фарисея и оканчивающаяся четвертою пѣсню канона Лазаревой субботы, изъ старыхъ словъ имѣеть въ текстѣ „благодѣть, Иисоусе (но и Исоусе), добрыми дѣтелями“ изъ провинціализмовъ „ныня“ (и нынѣ), аще, преплоу, щеславія“; изъ словъ новгородскаго говора „оцѣсти (и очистимъ), коньпина, вѣсплацѣмъ, чьсаря (и цьсарь), мець (и мечьмъ) зьрчала, разбойницъ, нарецена, вѣнъцающься, чловѣцъсти, пригвожьгень“ и др.—изъ словъ смоленскаго говора—„Еуга, леугить¹⁹⁴), палеографическія особенности письма и пѣвческіе знаки, свойственные вообще рукописямъ XII вѣка. Нѣкоторое изящество и тщательность письма, свойственные вообще и болѣе всего пѣвчскимъ рукописямъ конца XII в., заставляютъ относить эту рукопись съ наибольшимъ правомъ, именно, къ концу XII вѣка. Кондаки, сѣдальны, икосы, нѣкоторыя стихиры и весь акаѣистъ Божіей Матери изложены безъ пѣвческихъ знаковъ; стихиры „Видящи Тя тварь“, „Дньсь непристоупный соуществомъ“ и нѣкоторыя другія изложены, какъ въ этой Тріоди такъ и въ предшествующей, со многими сложными пѣвческими знаками и ѣитами.

Тріодъ Синодальной б-ки № 278 (82 лл. въ ¼ л.) по времени, мѣсту своего происхожденія и даже почерку и характеру письма вполнѣ примыкаетъ къ предыдущей—она конца XII в. и новгородскаго тщательнаго письма. Есть въ ней слова—„Иисоусъ (и Исоусъ), Христосовъ, Евга, оцѣсти (и очищеніе), оцъта, зълчи, чьрвьльничею (и чьрвленицю), цетверодньевьнааго (и четверодн.), отьцъскааго, цюдесь (и чюдесь), наричати, отьричаю, пригвожьгше“, стихиры—„Видящи Тя тварь и Дньсь непристоупный“, съ сложными пѣвческими знаками и ѣитами, равно и нѣкоторыя другія стихиры; какъ въ предыдущей тріоди. Палеографическіе признаки письма и пѣвческіе знаки рукописи несомнѣнно XII в. и, именно, конца его.

Къ XII-му вѣку изъ ирмологовъ могутъ быть съ увѣренностію отнесены только 2 ирмолога Типографской б-ки, № 149 и № 150-й. Ирмологъ № 149, довольно ветхій, (34 л. въ мал. ¼), съ палеографическими признаками письма и пѣвческими знаками XII в., имѣеть много словъ новгородскаго говора и, очевидно, новгородскаго происхожденія. Изъ особенностей этого говора встрѣчаются слова: „Прецистая (и чистая), истоци, отьцъскій, чловѣколюбъча, отьчь (нашихъ), равночисльнія, велицьствія, хьтрьчу; есть провинціализмы, въ родѣ „ищьртога, сьмѣренье,

¹⁹⁴) Эти два слова, повидимому, напоминаютъ смоленскій говоръ, но все же преобладаніе новгородскаго рѣшительное.

Амвакоумъ“; изъ старыхъ словъ встрѣчаются „църкы, църкьви, зижитель, питѣвый, Издраиль“ и др., растянутыя окончанія глаголовъ и прилагательныхъ. Нѣсколько тропарей, какъ напр., въ 7 гл. на 8-й пѣсни „Радоуися невѣсто свѣта“. „Мати безмоужьная“, „Вышеобычная матеръ“, „Препѣтая“, „Безоѣменьна рожьства“, „Мати Богу Дѣва“,—въ 8 гл. середина пѣсни „Видите“, на словахъ „сквозѣ черьмное море проведь и съпасый питѣвый“—все изложено однимъ текстомъ, безъ пѣвческихъ знаковъ. Этотъ признакъ свидѣтельствуетъ въ пользу значительной древности нашего Ирмолога, когда еще не всѣ части ирмолога были распѣты въ пѣвческихъ знакахъ.

Ирмологъ № 150-й (40 лл. въ мал. ¼ еще болѣе ветхъ и подержанъ, чѣмъ предыдущій, съ почернѣвшими и пожелтѣвшими листами пергамента, обладаетъ несомнѣнными палеографическими признаками текстоваго и пѣвческаго письма XII в. и особенностями новгородскаго говора, какъ „паце (и паче), отьчѣмъ (и отьцемъ), отрочи, оцѣщеніе“ и др. Ирмологъ не полонъ, оканчивается только 7-ю пѣсню 3-го гласа „Якоже древле благочестивыя три отроки прокла“... почему и не заключаетъ въ себѣ много данныхъ для сужденія по вопросамъ церковно-пѣвческимъ. Во всякомъ случаѣ, оба ирмолога могутъ быть отнесены не позже, какъ къ концу XII вѣка и не къ иной мѣстности, какъ только къ новгородской.

Десять книгъ Минеи Синодальной б-ки (безъ Марта и Іюля), №№ 159—168, представляютъ собой самыя полныя пѣвческіе экземпляры минеи домонгольскаго періода. Число памятей въ нихъ гораздо больше и по нѣскольку на одинъ день, въ сравненіи съ другими минеями, а число стихиръ не менѣе четырехъ для каждой памяти и до двадцати четырехъ, въ большіе праздники, нерѣдко съ двумя канонами, по четыре тропаря на каждую пѣснь. Все это, исключая сѣдальныхъ, икосовъ и пѣсней ирмосовъ, изложено въ пѣвческихъ знакахъ, такъ что весь этотъ пѣвческій матеріалъ въ одной сентябрьской минеѣ едва умѣщается на 260 листахъ; другія минеи, кромѣ минеи весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ, не меньшаго же объема. „По всей вѣроятности, говоритъ Волковъ, этотъ цѣнный экземпляръ минеи былъ написанъ для новгородскаго Софійскаго собора¹⁹⁵). Судя по говору, книги могли быть написаны, или въ области новгородской, или въ одной изъ сѣверныхъ, суздальской, или владимірской. Встрѣчаются слова:

¹⁹⁵) Статист. свѣд. стр. 43.

„очищеніе (и очищаеши), цистѣ (и чистоу), моуценикъ (и моучениче), чловѣцтво, ражгъгъ, пригвожгійся, пригвождьное, лицихъ, паличами, владычиче, въ раче, отъце (и отъче), Христосоу (и Христоу), благодѣтью, съвоузоу, ищрева, ижнего, Исоусе (и Исоусъ), кръсте кръстовъ, хръстьяномъ, Еуга, Наугинъ, Еоустафіе, сълньче (и сълньце), неиздреченно (и неизреченно)“. Пѣвческіе знаки свойственны второй половинѣ XII-го вѣка, что, вмѣстѣ съ особенностями говора и словоупотребленія, даетъ право относить весь комплектъ миней, по его происхожденію, къ концу XII-го вѣка и, вѣроятно, къ области новгородской, или къ одной изъ сѣверныхъ. Майская минея еще не имѣетъ памяти препод. Феодосія Печерскаго, что и даетъ право, совмѣстно съ другими праздниками, относить ихъ происхожденіе не позже конца XII-го вѣка и, во всякомъ случаѣ, не къ области кievской и смежнымъ съ нею областямъ. Знаковъ кондакарныхъ миней нигдѣ не имѣютъ. Какъ текстъ, такъ и пѣвческіе знаки писаны тщательно, что обычно въ концѣ XII вѣка.

Не ранѣе, какъ къ концу XII в. и не позже, какъ къ началу XIII в. долженъ быть отнесенъ Ирмологъ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря № 28 (195 л.л. въ 1/8 л.) Ирмологъ не полонъ, въ немъ недостаетъ, въ концѣ, ирмосовъ 9-й пѣсни и части ирмосовъ 8-й пѣсни 8-го гласа. Есть нѣсколько особенностей новгородскаго говора, которыя заставляютъ относить происхожденіе этой рукописи къ новгородской области. Встрѣчаются выраженія: „опѣщаеть, опѣщпшися, отъчемъ, (и отъцомъ, отъцѣмъ), седмицпный, сълньче (и сълньце), дожгъ, одъжги, пригвожгена, одъжгена“; есть слова старья, „какъ благодѣтью, питѣвый, Исоусѣ (но и Исоусъ), въ черемнѣмъ, (и въ чермнѣмъ), църкы, цъсарь (и цесарь)“, растянутыя окончанія прилагательныхъ и глаголовъ, обычныя измѣненія при сочетаніяхъ—зр, жд., какъ „Израиль, дажь“ и проч. Есть въ рукописи провинциализмы, какъ „ищазаеть, вьсоу, часты (вм. чащи), немокрами, ищрева, Мосѣови (но и Моиси), явлійся, Амвакоумъ“. Но вмѣстѣ съ древними формами и выраженіями рукопись имѣетъ и очевидные признаки начала полногласія, какъ въ словахъ „человѣколюбьць, цезарь, ново (вм. новъ), благословлено и прославлено (вм. бл—нъ и пр—нъ), соухо (вм. соухъ), да благословите (вм. да бл—тъ). Пѣвческая симіографія рукописи таже, что и рукописей XII в., при наличности знаковъ архаическихъ и при незначительномъ количествѣ еить. На рукописи собственноручная подпись патріарха Никона, съ отмѣткою, что книга положена въ храмѣ Воскресенія въ 1656 году. Содержаніе надписи заставляеть предполагать, что пат-

ріархъ Никонъ придавалъ огромное значеніе и высокую цѣнность рукописи въ отношеніи древности; а то обстоятельство, что эта рукопись передана п. Никономъ въ Воскресенскій храмъ, какъ наиболѣе надежное и любимое имъ мѣсто рѣдкостей, только въ 1656 г., причемъ не указывается, откуда именно она взята, заставляеть предполагать, что это одна изъ книгъ, привезенныхъ въ предшествовавшемъ году изъ специальной командировки за древними рукописями, главнымъ образомъ греческими, Арсенія Суханова, привезшаго съ собою въ 1656 г. однакоже преимущественно книги южнорусскія и славянскія, преимущественно кievскія и аеонскія. Если бы не нѣкоторыя, незначительныя впрочемъ, особенности новгородскаго говора, то наша рукопись могла бы быть одною изъ тѣхъ, которыя Сухановъ привезъ изъ области кievской, тѣмъ болѣе, что эти особенности могутъ быть объяснены случайнымъ вліяніемъ писца новгородца, работавшаго однакоже въ предѣлахъ кievскихъ и копировавшаго кievскій оригиналъ. Но возможно и другое мнѣніе, что эта рукопись привезена п. Никономъ изъ Новгорода, гдѣ онъ раньше былъ митрополитомъ, и передана въ Воскресенскій храмъ въ 1656 г., какъ одна изъ важныхъ богослужебныхъ рѣдкостей, лично имъ приобретенная для себя.

Современную ирмологу Воскресенскому можно считать и Тріодъ того же Воскресенскаго монастыря № 27 (въ больш. 1/4 л. 206 л.л.), несомнѣнно новгородскаго происхожденія. Тріодъ содержитъ въ себѣ пѣснопѣнія съ недѣли цвѣтной, кончая недѣлею всѣхъ святыхъ, стихиры и ирмосы съ тропарями, и представляетъ собою очень полный сборникъ службъ, по сравненію съ другими извѣстными тріодями пѣвчими этого періода времени. Здѣсь изъ новгородскаго говора встрѣчаются слова: „опѣсти, опистихъ (и очищеніе), съконьцаеши, вѣнъдати, владыцнъ, отъце, (и отъче), наричать, печатѣмъ, на овьци (и на овьчи), слѣпчю, оци, цистѣмъ, оуценикомъ, очта, сердьцнма, вьскличаніемъ, пророчи, Троицю (и Троицю), пригважгаема (и пригвожденіе, пригвоздися), вт чъсарьствіи (и въ цъсарьствіи)“. Изъ старыхъ словъ употребляется „Исоусъ (и Исоусъ), питѣвый, благодѣтью, Христосѣмъ (и Христово), на яздилъ (и на ѣздилъ)“; изъ провинциализмовъ: „ижнея, ищъртога, шетаніе, зълчи, херовимъспѣ, тряпезѣ“. Пѣвческая симіографія обычна, какъ и въ рукописяхъ XII вѣка, съ остатками знаковъ архаическихъ, и съ значительнымъ количествомъ еить. Рукопись писана каллиграфически, красиво и тщательно, въ періодъ времени не ранѣе конца XII вѣка и не позже начала XIII вѣка. Признаковъ полногласія въ рукописи незамѣтно.

Праздничная Минея, за Сентябрь, Октябрь и Ноябрь, Импера-

торской публичной библиотеки Отд. I Q. п. № 12 (1/4 л. 169 л. л.) въ отношеніи времени своего происхожденія служить предметомъ разногласій. Востоковъ¹⁹⁶⁾ и Лавровскій¹⁹⁷⁾ относятъ эту рукопись къ концу XI-го вѣка; Срезневскій¹⁹⁸⁾—къ началу XII-го вѣка; авторъ „Исторіи Русской Церкви, м. Макарій¹⁹⁹⁾, относитъ, то къ XI—XII вѣкамъ, то къ началу XIII-го вѣка; авторъ „Статистическихъ свѣдѣній“ о древнихъ русскихъ книгахъ, Н. Волковъ²⁰⁰⁾ рѣшительно относитъ рукопись къ началу XIII-го вѣка. Это послѣднее мнѣніе кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Хотя въ Миней нѣтъ еще праздника Покрова Пресвятой Богородицы, который, по словамъ епископа Сергія, установленъ въ Россіи не позднѣе XII вѣка²⁰¹⁾, однако и палеографическія особенности письма текста и употребленіе титлъ, какъ въ словахъ: „лѣ гне, прквъ, Владчце, Дво, Ха, Ба, Вцю, Хсоу, Бомтръ, Бжство, млтвами, Трцею, Спсе, чтоюу, чльчское, чтъная“ и др. преимущественное употребленіе слова „Исоусъ“, указываютъ на сравнительно позднее написаніе рукописи. Наконецъ наличность въ рукописи начала полногласія, какъ въ словахъ: „довоице, есме“, хотя и въ тѣхъ же скромныхъ размѣрахъ, какъ и въ рукописяхъ XII в.—Благовѣщенскомъ Кондакарѣ: „свѣтелая, подаже“, Тріоди Постной: жеребяти“, Толстовскаго Стихиряря: „ишерева, вѣрѣно“, Софійскаго Стихиряря б-ки Д. А. ок. 1158—1163 г.г. „храбора“, тѣмъ не менѣе указываетъ ей мѣсто не ранѣе конца XII вѣка, но и не позже начала XIII-го вѣка. Рукопись имѣетъ очевидные признаки новгородскаго происхожденія въ словахъ: „оцѣсти, учився, рачѣ, рупьнымъ, тоцити, трьсьльньцьнымъ, непорьцьное, вѣньчемъ, пълчи, одожгяеть, яжгеніе“. Изъ 169-ти листовъ рукописи только немногіе имѣютъ пѣвческіе знаки (л. л. 1—3, 18—19, 21—25, 45; 109 об.—110, 167 об.—168), большая же часть одинъ текстъ, что, совмѣстно съ наличностью крюковъ надъ титлованными словами, указываетъ на то, что знаки писались послѣ нанесенія текста и притомъ предназначаемаго, повидимому, не для крюковаго пѣнія, а для пѣнія по слуху и на подобенъ, причемъ въ крюкахъ изложены преимущественно пѣснопѣнія большихъ праздниковъ, какъ

Рождество Богородицы, Воздвиженіе Креста Господня, Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы и др. Крюковая симіографія въ рукописи сравнительно проста и обща пѣвческимъ рукописямъ XII-го вѣка.

Стихирарь Академіи Наукъ № 74 (въ больш. 1/4 л. 203 л. л.) „Стихирарь мѣсячный“, полный, съ Сентября по Августъ, представляетъ собою выдающійся рукописный крюковой памятникъ, очень хорошаго письма. Рукопись имѣетъ немного слѣдовъ новгородскаго говора, какъ въ словахъ: „жизнодавѣце, свѣдителя, мьножицеу, страсотърпьемъ, страсотърпѣе, Творьча (и Творпа)“. То обстоятельство, что Стихирарь имѣетъ наибольшее количество стихиръ свв. Борису и Глѣбу, по сравненію со всѣми предыдущими стихирарями, одиннадцать²⁰²⁾,—что изъ стихиръ Кіевской Миней начала XII в. онъ имѣетъ только первые двѣ, что онъ собралъ въ одно разныя стихиры извѣстныхъ намъ стихирарей,—указываетъ на то, что Стихирарь, по времени происхожденія, далеко отстоитъ отъ Кіевской Миней начала XII в. и что онъ находится подъ влияніемъ предыдущихъ позднѣйшихъ стихирарей второй половины XII в. и можетъ быть относимъ не ранѣе, какъ къ концу XII-го вѣка, но и не позже начала XIII-го вѣка, какъ требуютъ того палеографическія особенности письма. Изъ старыхъ словъ и оборотовъ въ рукописи встрѣчаются: „Иисоусъ, Христоса (и Христа), Христосовъ (и Христовъ), благодѣтъ (и благодать), пьрки“, большой и малый юсы, напр. въ словахъ: „благоухнеши, Климянта“,—старыя названія мѣсяцевъ, какъ „Просинець (Янв.), Сѣчьнь (Февр.), Врѣзьнь (Апр.), Травнь, (Май), Заревъ, Авг.) Есть провинциализмы, какъ „Константина и Олены, Олисей, Аньны, ижнея, неизрѣченно, Николы“, и значительная склонность къ полногласію, какъ „довоице, Евогою, череплемъ (чрѣплемъ), вѣсьмъ, безбоженыихъ, Богословецемъ, пожиди, страхомъ, Богомъ, матере (вм. матеръ), млекомъ“ и др. Въ то время, какъ въ Воскресенскомъ ирмологѣ мы встрѣчаемъ грамматическія формы „Богородица ради, отъ тья“ здѣсь обычно употребленіе „отъ Дѣвиць, отроковиць ради“. Подобныя осо-

¹⁹⁶⁾ Во „Введеніи“ къ грамматикѣ Остромирова евангелія.

¹⁹⁷⁾ „Описаніе семи рукописей Императ. Публ. Библ.“ въ Чт. О. И. „Д. Р.“ М. 1858, IV, 33—35.

¹⁹⁸⁾ „Древн. нам. рус. п. и яз.“, изд. 2, стр. 77.

¹⁹⁹⁾ „Ист. р. ц.“ т. II, изд. 2, стр. 250; т. III, изд. 2, стр. 116.

²⁰⁰⁾ „Статист. свѣд.“ СПб. 1897, стр. 43.

²⁰¹⁾ „П. М. В.“ т. II, изд. 2, ч. 1, стр. 304, 348; ч. 2, стр. 406.

²⁰²⁾ Гл. 2, „Кыми похвальными вѣньць“, „Кыми пѣсньными добротами“, „Кыми доуховьными словеса“, гл. 6, „Въсе горѣ возложьше“, „Чини ангельсти“, „Не тькъмо ангели“, „Придѣте въсхвалимъ“, гл. 8, „Придѣте новокръщеніи людіе“, „Плотьскоую богатяще“, „Брата прекрасная“, „Богомъ избранни людіе и новопросвѣщенни“. Текстъ всѣхъ этихъ стихиръ помѣченъ въ первомъ томѣ перваго изданія „Исторіи русской церкви“ м. Макарія, въ Приложеніи.

бенности вмѣстѣ съ незначительностью признаковъ новгородскаго говора въ нашей рукописи, побуждаютъ думать, что насколько очевидно новгородское происхождение, напр., Воскресенскаго ирмолога и другихъ подобныхъ рукописей, настолько сомнительно новгородское происхождение настоящаго Стихираря. Но то, что зависимость Стихираря въ стихирахъ свв. Борису и Глѣбу отъ Кіевской Минеи весьма незначительна, также въ свою очередь побуждаетъ думать, что рукопись и не кіевскаго происхожденія. По мнѣнію Лавровскаго, преимущественное употребленіе слова „довоице“ принадлежитъ вообще областямъ сѣвернымъ²⁰³), но не южнымъ,—и въ этомъ нельзя не видѣть указанія, что Стихирарь не кіевскаго происхожденія, а скорѣе сѣвернаго. Незначительность особенностей новгородскаго говора, а также и то обстоятельство, что въ Стихирарѣ есть память Убрусу съ одной стихирой и память обновленія церкви 12 Сентября (очевидно антиохійской), также съ одной стихирой, 13-го же—св. Корнилія, безъ стихирь,—все это сближаетъ нашъ Стихирарь по содержанію и характеру со Стихираремъ № 279-й, по нашему предположенію, смоленскимъ. Нѣтъ данныхъ къ тому, чтобы полагать, что и этотъ Стихирарь смоленскаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе разсмотрѣнные признаки приводятъ къ мысли о происхожденіи рукописи, можетъ быть, суздальскомъ, или владимірскомъ, въ томъ вѣроятіи, что въ началѣ XIII в., когда могъ явиться этотъ стихирарь, центръ религіозной жизни и богослужебнаго строя и церковнаго управленія перемѣщался уже изъ Кіева на сѣверъ и сѣверо-востокъ Руси. Пѣвческіе знаки Стихираря довольно обычны въ XII вѣкѣ и содержатъ довольно элементовъ архаическихъ, при немногихъ, сравнительно, ентахъ. Въ одной изъ стихирь свв. Борису и Глѣбу „Плотскую богатыяще“, на словахъ (Христос) „ъ тьъъъ хъ ъъ ѵ“ десять знаковъ (византійскихъ) кондакарныхъ малыхъ и одинъ большой, равно, какъ и на попѣвкѣ „выи ни хи и и ѵ и“ шесть кондакарныхъ знаковъ малыхъ, а на попѣвкѣ „нъ о хо ино о о хо о ѵ о“ десять знаковъ кондакарныхъ малыхъ и одинъ большой. Въ этомъ отношеніи рассматриваемый Стихирарь сближается съ Стихираремъ синодальнымъ 1157 г. и Стихираремъ Софійскимъ 1158—1163 г.г., гдѣ подобные знаки находятся въ той же стихирѣ и на тѣхъ же словахъ,—но, все же остается къ этимъ стихирарямъ въ отношеніи зависимости и подчиненности, а не наоборотъ. Особенность Стихираря, которая при-

²⁰³) „Опис. семи ркп.“ въ „Чт. О. И. и Д. Р.“ 1858, IV, 39.

даетъ ему и нѣкоторую древность происхожденія, та, что около ста стихирь не положены въ немъ на пѣвческіе знаки, а до пяти стихирь изложены въ крюкахъ только частію, что наводитъ на мысль, что онъ списанъ со стараго оригинала. Вообще же должно сказать, что Стихирарь по мѣсту происхожденія принадлежитъ сѣверной области Руси, а по времени концу XII-го, или началу XIII-го вѣка.

Еслибы намъ предстояло рѣшить вопросъ, какія изъ всѣхъ четырехъ рукописей XII—XIII в. легче было бы отнести къ тому, или другому вѣку, то намъ казалось бы болѣе вѣроятнымъ отнести Тріодъ Воскресенскую и Воскресенскій Ирмологъ къ концу XII в., а Праздничную Минею и Академическій Стихирарь къ началу XIII-го вѣка.

Къ началу же XIII в. должно относить и Стихирарь библиотеки Успенскаго собора, нынѣ Синодальный б-ки, № 8, (въ большую $\frac{1}{4}$ л. на 223 листахъ) довольно крупнаго и четкаго письма, съ составомъ Тріоди Постной, съ прибавленіемъ пасхальныхъ пѣснопѣній. Текстъ выдерживаетъ еще особенности стараго истиннорѣчія, безъ всякихъ признаковъ новгородскаго говора, какъ „неиздречѣнно, очистиѣние, вопесарьство, съраспѣнѣмся, оученики Евгоу, егюптяны, въходимъ, житейскыхъ, съвъставить, на кръсть, кѣде, господень кръсть, съпасе“,—причемъ въ нѣкоторыхъ словахъ замѣчается наклонность къ полногласію, раздѣльнорѣчію и новымъ звукосочетаніямъ. Пѣвческіе знаки обычны и совершенно выдерживаютъ типъ знаковъ рукописей XII в.

Совершенно особнякомъ въ ряду разсмотрѣнныхъ рукописей стоитъ Лаврскій Кондакаръ, который, по сравненію съ Благовѣщенскимъ, отличается тѣмъ, что имѣетъ исключительно только кондакарную симіографію, совершенно не имѣя знаменной крюковой, когда Типографскій и Благовѣщенскій кондакари имѣютъ знаки той и другой. Настоящая рукопись Лаврской б—ки № 23 ($\frac{1}{4}$ л. 115 л.л.) „Кондакаръ съ Бмъ починаемъ“, содержитъ въ себѣ кондаки на весь годъ, ипакои, катавасію, или тоже ипакои нед. свв. о.о. г. 6 „Въ росу отрокомъ“ и катавасію (или ипакои) Рождества Христова г. 6 „Начатокъ“, Богоявленія г. 5 „Егда явленіе“, нед. Цвѣтной, „Со вѣтьми“, Пасхи „Вариша“, апп. Петра и Павла 4 г. „Кая тьмьница“, Успенія г. 8 „Влажимъ тя“, тропари на Воздвиженіе гл. 6 „Дньсь пророческое“, „Тькъмо“, 7 г. „Църкы“, 6 г. „Кръстоу Твоему“, стих. Р. Хр. гл. 6 „Тая родися, Въсія Христѣ“, Богоявленія гл. 3 „Явиси въ міръ“ 6 г. „Грѣшникомъ“, катавасію (стихиры) на соб. арх. Михаила г. 6 „Люди вѣроу“. Съ 25 Марта по 25 Мая листовъ не достааетъ. Палеогра-

фическіе признаки письма отводятъ мѣсто рукописи въ XII вѣкѣ, а надпись на 47-мъ листѣ киноварью, но безъ дальнѣйшихъ стихирь, отмѣчающая память 1 августа: „святыхъ Маккавеевъ и стго Га и Спа Всемилостиваго“ удостовѣряетъ, что Кондакаръ писанъ не раньше конца XII-го вѣка, такъ какъ праздникъ этотъ, какъ извѣстно, установленъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ ок. 1167—1169 гг. 204). Что Кондакаръ писанъ не позже конца XII в., на это указываетъ отсутствіе при этой памяти стихирь, или не составленныхъ еще во время написанія Кондакаря, или не вошедшихъ еще въ употребленіе, а это время можетъ быть только самымъ ближайшимъ къ установленію праздника. Въ качествѣ признаковъ относительной древности, въ Кондакарѣ встрѣчаются большой и малый юсы, слова: „нѣ, по Христосѣ, Христов“—съ окончаніемъ на греческіе омикронъ-ипсилонъ; но нѣтъ никакихъ признаковъ полногласія и провинциализмовъ.

Успенскій Кондакаръ имѣетъ ту особенность, что содержитъ въ себѣ кондакъ преподобному Θεодосію Печерскому на 3-е Мая, читаемый такъ: „Звѣзду дньсь русьскую почтѣмъ отъ востока на западъ пришьдѣша всю страну сію чудеса и добротою обогащѣшу вься ны съдѣваніемъ благодатию мнѣишскаго устава ти божьствнаго Θεодосія“ съ соответственными кондакарными знаками и кондаки свв. Борису и Глѣбу на 24 іюля «Вьсія днь» и „Мученика Христова“. Изъ катавасій на Р. Х., кромѣ ипакои 8 гл. „Начаткъ“, имѣется еще гл. 8 „Сопль пастырскихъ“ и стихи „Господь въцсарися“, „Въздвигоша рѣкы“, „Дивны высоты“, тропарь Богоявленія и стихи „Боже ущедрі ны“, „Исповѣдяться тебѣ“, трепарь г. 6 „Грѣшникомъ“, катав. Богоявленія „Егда явленіе“, кат. Срѣтенія „Яко възведеса“, катав. великой недѣли г. 4 „Варипа рано“, кат. Петра и Павла гл. 5 „Кая тьмница“, кат. Успенія г. 8 „Блажимъ Тя“, трепарь Воздвиженія г. 6 „Дньсь пророческая“, другой гл. 6 „Тькъмо“, третій 7 г. „Църкы въпѣтъ“, и затѣмъ ипакои воскресны „Дньсь спасеніе“ и „Въскрьсь изъ гроба“, трепарь „Придѣте поклонимся ему и припадемъ, спаси ны Сыне Божій въскрьсь измртвыхъ поюще ти аллилуіа, аллилуіа“, г. 6 „Кръсту твоему“, г. 8 „Елико во Христа“, причастны стихи на восемь гласовъ на два текста „Радуйтеса“ и „Хвалите“, съ греческими гласовыми обозначеніями, гл. 1—Ананеане, 2—Нееанес, 3—Анееане, 4—Нанаагаіа, 5—Анее-

ане, 6—Нееане, 7—Аане, 8—Неагіе. Затѣмъ помѣщены причастны стихи праздниковъ—„Благослови вѣнецъ“, „Чашу спасенія“, „Творяй ангелы“, „Знаменася на насъ“, „Приведутся“ (на святая святыхъ), „Избавленіе посла“, „Господи возлюбихъ“, „Въ память вѣчную“, „Явися благодать“, „Изра Господь“, „Изъ устъ младенецъ“, „Благословенъ грядый“, „Вечери твоя“, „Вста Господь“, „Тѣло Христово“, „Похвали Іерусалиме“, „Ядый мою плоть“, „Взыде Богъ“, „Духъ Твой благий“, „Во всю землю“, „Во свѣтъ лица“, „Вкусите и видите“, „Блажени яже избралъ“. Кондакаръ Успенскій (№ 9, 1/2 л. 204 л.л.) обнимаетъ ок. 143 кондаковъ на весь годъ частью самогласныхъ, частью подобныхъ, на послѣднемъ листѣ дата SVGI (6715—1207 г.).

Кондакаръ Синодальной 6—ки № 777 (1/2 л. 112 л.л.) содержитъ въ себѣ ок. 99 кондаковъ, между коими есть свв. Борису и на 2-е Мая и на 24 Іюля, г. 8 „Со святыми упокой“ въ суб. мясоп., Богородицѣ „Заступница христіанъ неопосрамная“, „Златая статогія“, „кондакъ за болящія“, тропари—Р. Х. г. 6 „Тая родися“, волхв. „Вьсія Христе“, Крещ. „Явися въ мірѣ“, треп. „Грѣшникомъ, и мытаремъ“, „Придите поклонимся“, киноники—„Вечери твоя“, „Тѣло Христово“, „Творяй Ангелы“, „Духъ твой благий“, „Блажени“, „Вкусите“, „Ядый мою плоть“, „Во всю землю“, „Чашу спасенія“, „Знаменася“, „Избавленіе посла“, „Явися благодать“, „Взыде Богъ“, „Въ память вѣчную“, „Господи во свѣтъ“, „Благослови Господи“. Кондакаръ, по сравненію съ предыдущими, менѣе тщателенъ въ письмѣ и редакціи, — начинается, вопреки церковному году, вмѣсто сентября, съ января и кончается декабремъ, затѣмъ далѣе снова содержитъ кондаки февраля, мая, августа. Четырехдсятницы и Пятидесятницы. Кондакаръ принято относить ко времени не ранѣе первой половины или даже начала XIII-го вѣка. Зависимость его отъ предыдущихъ кондакарей по составу своему, редакціи и распредѣленію пѣвческаго матеріала довольно замѣтна, а палеографическія особенности письма и замѣтное полногласіе въ раскрытіи звукоподъемности ъ и ѵ подтверждаютъ эту мысль. Въ отношеніи изученія знаменной русской крюковой симіографіи Лаврскій Кондакаръ, какъ и другіе (Успенскій и Синодальный), однакоже, не представляютъ непосредственнаго интереса и важности и лишь подтверждаютъ собою наличность существованія у насъ на Руси въ первые вѣка византійской крюковой симіографіи и византійскаго пѣнія, наравнѣ и параллельно съ другимъ восточнымъ греко-сирійскимъ и затѣмъ славяно-русскимъ, а равно и нѣкоторое влияніе византійской музыки на церковно-русскую, выраженное, напр.: въ Благовѣщен-

204) См. Арх. Сергіи „П. М. В.“ т. II, изд. 2, ч. I, 232, ч. 2, 296—298. Мак. „И. Р. Ц.“ т. III, изд. 114, въ примѣч. О кондакарѣ см. Ундольскаго „Замѣчанія для исг. русск. ц. пѣнія“ 1846, 2—3, прилож. 2.

скомъ Кондакарѣ изложеніемъ предназначительнаго псалма, полелея, аллилуаріевъ и пѣнія на хвалитѣхъ, изложеніемъ кондаковъ и части стихиръ русскимъ святымъ, напр.: преп. Θεодосію и свв. Борису и Глѣбу, въ другихъ извѣстныхъ намъ стихирахъ, а также стихиръ и тропарей и катавасій или ипакои въ Кондакарѣ Лаврскомъ и Успенскомъ (1207 г.).

Глава XI.

Классификація пѣвческихъ рукописей по мѣсту и времени ихъ происхожденія въ цѣляхъ уясненія путей распростра-ненія и моментовъ развитія русскаго церковнаго пѣнія. Пѣніе кондакарное.

Всѣ доселѣ разсмотрѣнные пѣвческіе документы домонгольскаго періода, крюковыя рукописи, мы можемъ распредѣлить по времени ихъ происхожденія въ слѣдующемъ порядкѣ. Древнѣйшая рукопись, конца XI-го или начала XII-го вѣка, Типографскій Уставъ,—которая вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, есть и первая крюковая пѣвческая книга славяно-русская, первый древнѣйшій памятникъ нотнаго крюковаго пѣвческаго письма, выступившаго на смѣну дотолѣ бывшей въ церковно-пѣвческой практикѣ хирономіи—воздушнаго пѣвческаго письма. Остальныя рукописи XII-го вѣка легко распредѣляются на три категоріи: однѣ первой половины столѣтія, другія—средины его, третьи—второй его половины, причемъ нѣкоторыя изъ послѣдней категоріи могутъ быть отнесены, точнѣе, къ концу столѣтія.

Къ первой половинѣ XII-го вѣка должны быть отнесены 4 рукописи: **А)** Стихирарь Типографской б-ки № 96-й; **Б)** Стихирарь Императорской Публичной б-ки (Толстов.) № 15-й; **В)** Стихирарь Синодальной б-ки № 572-й и **Г)** Стихирарь Типографской б-ки № 145-й. Къ срединѣ XII-го вѣка могутъ быть отнесены 4 рукописи: **Д)** Благовѣщенскій Кондакаръ Императорской Публичной б-ки № 32-й, **С)** Триодъ Постная б-ки Петербургской Д. Академіи (Софійской) № 96-й, **Ж)** Стихирарь Синодальной б-ки (1157 г.) № 589-й и **З)** Триодъ Постная Типографской б-ки № 148-й. Ко второй половинѣ XII-го вѣка должны быть отнесены 12 рукописей: **З)** Стихирарь б-ки Петербургской Д. Академіи (Софійской, около 1158—1163 г.г.) № 384-й, **И)** Триодъ Постная Синодальной б-ки 423-й²⁰⁵, **И)** Стихирарь Типографской б-ки № 151-й, **К)** Сти-

хирарь Типографской б-ки № 152-й, **Л)** Стихирарь Синодальной б-ки № 279-й, **М)** Триодъ Постная Синодальной б-ки № 278-й, **Н)** Лаврскій Кондакаръ № 23-й, **О)** Ирмологъ Типографской б-ки № 149-й, **П)** Ирмологъ Типографской б-ки № 150-й, **Р)** 10 Миней (безъ Марта и Іюля) Синодальной б-ки №№ 159—168-й, **С)** Триодъ Цвѣтная б-ки Воскресенскаго монастыря № 27-й, **Т)** Ирмологъ б-ки Воскресенскаго м-ря № 28-й. Изъ этой послѣдней категоріи рукописи подъ буквами **Р**, **С** и **Т**, вѣрнѣе всего, должны быть отнесены къ концу XII-го вѣка.

По мѣсту своего происхожденія разсмотрѣнныя рукописи распредѣляются такъ, что наиболѣе древнія падаютъ на Кіевъ и ближайшія къ нему области, какъ переяславская и частію на Новгородъ, хотя и отдаленный, но за то значительнѣйшій политическій, торговый и культурный пунктъ тогдашней Руси; рукописи средней древности падаютъ исключительно на область новгородскую и Новгородъ, ставшій въ это время весьма выдающимся и преобладающимъ центромъ гражданственности, книжной грамотности и религіознаго просвѣщенія, въ противовѣсъ Кіеву,—и, наконецъ, рукописи позднѣйшія принадлежатъ, главнымъ образомъ, области новгородской, а затѣмъ суздальской, смоленской, владимірской, вообще сѣверу тогдашней Руси, куда и перемѣщалась тогда вся русская гражданственность, книжность и церковность. За древнѣйшею рукописью кіевскою—Типографскимъ Уставомъ,—изъ рукописей первой категоріи, первой половины XII в., стихирари **А** и **Б** происхожденія кіевскаго, стихирарь **В**—переяславскій и стихирарь **Г**—новгородскій. Изъ стихирарей второй категоріи, середины XII в., всѣ четыре стихираря, **Д**, **С**, **Ж**, **З**, новгородскаго происхожденія. Изъ третьей категоріи, второй половины XII в., стихирари **З**, **И**, **И**, **О**, **П**, **С**, **Т**—новгородскіе, стихирарь **К**—владимірскій, стихирарь **Л**—смоленскій, Кондакаръ **Н** и Миней **Р**—сѣверныхъ областей, но не новгородскіе.

Наконецъ, въ нашемъ распоряженіи пять рукописей начала XIII-го вѣка: **У)** Миней Праздничная Императорской Публичной б-ки № 12, **Ф)** Стихирарь Академіи Наукъ № 74, **Х)** Стихирарь Успенскаго собора № 8 и два кондакаря, **Ц)** Успенскій и **Ч)** Синодальный, изъ коихъ рукопись **У**—новгородскаго происхожденія, а рукопись **Ф** и оба кондакаря—сѣверной области, суздальской или владимірской.

Такимъ образомъ за весь домонгольскій періодъ существованія русской церкви и богослуженія и развитія церковно-пѣвческаго дѣла, съ конца XI-го в. до начала XIII-го, включительно,

²⁰⁵) № 319-й.

мы располагаемъ въ качествѣ документальныхъ свидѣтельствъ о состояніи русскаго церковнаго пѣнія въ этотъ періодъ времени двадцатью пятью (въ названіяхъ) рукописями разныхъ областей тогдашней Руси, кievской, переяславской, новгородской, смоленской, суздальской, владимірской и другихъ, по преимуществу, сѣверныхъ. Такого количества рукописей въ полтора вѣка и на всю тогдашнюю Русь, сравнительно немного при той важности дѣла, при той любви къ пѣвческому дѣлу и умноженію пѣвческихъ рукописей и надобности въ нихъ, какія чувствовались на первыхъ порахъ въ Русской церкви. Въ объясненіе этого обстоятельства, мы должны напомнить то, что сказано выше, при началѣ обзорѣ рукописей, что губительными причинами исчезанія рукописей въ періодъ домонгольскій на Руси были, съ одной стороны, опустошительныя нашествія на русскіе города и области дикихъ племенъ и особенно монголовъ, съ другой—междоусобныя войны князей, съ пожарами и разрушеніями, а всего болѣе частые мѣстные пожары, въ особенности деревянныхъ церквей и монастырей, этихъ хранилищъ древней письменности.

Итакъ, что же намъ даетъ для уясненія вопроса о происхожденіи, сущности и характерѣ русскаго церковнаго пѣнія и его крюковой симіографіи обзорѣ богослужебныхъ пѣвческихъ рукописей русскаго пѣвческаго клироса въ домонгольскій періодъ истории русской церкви? Два извѣстные у насъ студійскіе древнѣйшіе устава—Синодальный и Типографскій, прежде всего точно устанавливають въ сферѣ нашей науки тотъ основной фактъ первой важности, что въ греческой церкви, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ ея предѣлахъ, гдѣ господствовалъ, весьма распространенный въ Византіи, студійскій уставъ, существовало два рода богослужебнаго пѣнія, послѣдовательно смѣненные одинъ другимъ,—пѣніе хирономическое, посредствомъ воздушнаго письма, и пѣніе симадійное, по пѣвческимъ симіографическимъ книгамъ. Само собою разумѣется, что наряду съ тѣмъ и другимъ родомъ пѣнія всегда существовало въ практикѣ церкви и пѣніе обычное, на слухъ и память, на подобенъ, пѣніе по осмогласію, которое передавалось изустно, по традиціи, на что есть многократныя указанія уставовъ и богослужебныхъ книгъ. Синодальный уставъ говоритъ только о хирономіи и не содержитъ рѣшительно никакихъ признаковъ и указаній на пѣвческую симіографію или симадійное письмо, какъ бы его совершенно не существовало во время редактированія и написанія рукописи; Уставъ Типографскій, напротивъ, не содержитъ никакого упоминанія о хирономіи, какъ бы о способѣ пѣнія совершенно оставленномъ во время редактиро-

ванія и написанія рукописи, и все, наиболѣе необходимое, подлежащее пѣнію, по требованію богослужебнаго чина, предлагаетъ изложеннымъ въ пѣвческой симіографіи, въ знакахъ пѣвческихъ симадійныхъ. Между тѣмъ хронологическое отношеніе редакцій обоихъ уставовъ въ литургической наукѣ совершенно твердо установлено (Горскій—Невостревъ, Мансветовъ—Дмитріевскій) въ томъ смыслѣ, что Синодальный Уставъ редактированъ несравненно раньше, чѣмъ Уставъ Типографскій, на срокъ minimum около 50 лѣтъ, maximum около 75 лѣтъ,—принимая во вниманіе простоту редакціи Синодальнаго устава, его близость къ первотипу и наставленіе монахамъ почитать основателя монастыря Успенія Богоматери патріарха Алексія († 1043 г.), очевидно незадолго предъ тѣмъ умершаго,—съ одной стороны, и славяно-русскую окраску редакціи Типографскаго устава и его вѣроятную принадлежность началу XII-го вѣка,—съ другой. Мы не должны понимать дѣло такъ, что хирономія существовала только въ греческомъ пѣніи, основываясь на томъ, что мы узнаемъ о ней только изъ Синодальнаго студійскаго устава, который представляетъ собою славянскій переводъ съ греческаго оригинала и что будто хирономія есть греческій терминъ только случайно перенесенный въ славянскій пѣвческій обиходъ изъ греческой пѣвческой терминологіи, механически, вмѣстѣ съ переводомъ самой рукописи. Есть основанія полагать, что греческое искусство хирономіи существовало и въ славяно-русской пѣвческой практикѣ до введенія крюковой симіографіи, хотя, можетъ быть, какъ искусство довольно трудное и, повидимому, сложное и своеобразное, сравнительно съ греческой пѣвческой практикой, въ размѣрахъ скромныхъ. Средневѣковая гвидоновская учебная рука съ дѣленіемъ пальцевъ и отдѣльныхъ суставовъ ихъ для обозначенія ступеней и ладовъ музыкальнаго звукоряда и современное дирижированіе регентовъ посредствомъ разнообразныхъ движеній пальцевъ и рукъ—суть несомнѣнные отголоски древней пѣвческой хирономіи. Одинъ изъ нашихъ древнѣйшихъ пѣвческихъ крюковыхъ стихирарей, вѣроятно, начала XII вѣка или, по крайней мѣрѣ, первой его половины (Б), кievской редакціи, сохранилъ несомнѣнные и ясные слѣды памяти писца рукописи о прежней хирономіи, въ рисунокѣ на полѣ рукописи кисти руки, сложенной въ пальцахъ для изображенія условныхъ знаковъ и движеній хирономіи, какъ можно судить по сравненію рисунка съ тѣмъ, который снятъ былъ преосвященнымъ Порфиріемъ съ греческой пѣвческой рукописи Аеонской, и несомнѣнно изображаетъ собою моментъ хирономическаго движенія руки пѣвца. Это обстоятельство указываетъ на то, что

русскій пѣвецъ перваго полустолѣтія существованія славяно-русской пѣвческой крюковой симіографіи зналъ и помнилъ еще о пѣвческой хирономіи, о которой онъ могъ знать и помнить только въ предѣлахъ кievской области, гдѣ совершалась редакція и писался самый стихирарь, и въ такую пору, когда греческое вліяніе въ русской церкви ослабѣло, а кievская митрополія была, такъ сказать, наканунѣ избранія въ митрополиты Климента Смолятича. Есть и другія основанія, ведущія къ признанію существованія въ древности у насъ на Руси пѣвческой хирономіи. Мы раньше видѣли, что въ практику русской церкви проникло пѣніе, такъ называемое, демественное, и явились на Руси пѣвцы—демественники отъ славянъ, а во главѣ демественниковъ всегда стоялъ доместикъ—регентъ. Мы знаемъ, что около 1062 г. въ игуменство препод. Феодосія въ званіи доместика при Печерскомъ монастырѣ былъ Стефанъ, впослѣдствіи также игумень,—въ концѣ XI-го или въ началѣ XII-го вѣка за Десятинной церковью въ Кіевѣ былъ дворъ деместниковъ, около 1136 г. въ Новгородѣ, въ епископство Нифонта, въ Антоніевомъ монастырѣ былъ калугеръ діаконъ доместикъ Кирикъ, около же 1174 г. во Владимірѣ Кляземскомъ упоминается доместикъ Лука. Мы также знаемъ, что демественное пѣніе въ древности было изустное, на слухъ, и изысканное, искусственное, полусвѣтское и полуцерковное, подражательное византійскому придворному пѣнію, исполнявшемуся также отдѣльными придворными пѣвцами подъ управленіемъ доместиковъ—регентовъ и по хирономіи, какъ это видно изъ повѣствованія К. Порфиророднаго, — но пѣвческихъ знаковъ этого пѣнія исторія намъ не указываетъ, ни въ домонгольскій періодъ на Руси, ни въ болѣе древній періодъ времени у славянъ и грековъ. Между тѣмъ, какъ пѣніе искусственное, оно должно было бы, во избѣжаніе путаницы и произвола и для удобства его изученія и исполненія пѣвцами, какимъ-либо способомъ закрѣпляться въ памяти и воспроизводиться воображеніемъ, по надобности, а равно, болѣе или менѣе точно передаваться и регулироваться между доместикомъ регентомъ и исполнителями—пѣвцами. Такимъ средствомъ и могла бы быть и, по всей вѣроятности, была для демественнаго древняго пѣнія хирономія и хирономія, очевидно, греческая, или греко-славянская или точнѣе греко-славяно-руская. Такая хирономія существовала, должно думать и у насъ на Руси, какъ она существовала у грековъ и отмѣчена въ греческихъ руководствахъ, хотя и поздняго сравнительно времени XIII—XIV—XV вв., обычно извѣстная въ видѣ большихъ знаменій—афоновъ (*μεγάλα σημάδια τῆς χειρονομίας*). Какова же была у насъ

на Руси эта хирономія, опредѣленно намъ неизвѣстно, если не хотимъ согласиться, что эта хирономія и есть то, что представляютъ собой большіе знаки пѣвческіе, поставленные вверху надъ малыми въ нашихъ кондакаряхъ. А что это скорѣе всего такъ, должно заключить изъ греческихъ толкованій къ подобнымъ же знакамъ ихъ симіографіи, гдѣ большіе знаки называются афонами—беззвучными, ибо они предназначены для одной только хирономіи, какъ объясняютъ это греческія симадійныя теоріи ²⁰⁶).

Однакоже должно признать, что никакая наука не любитъ оперировать съ величинами неизвѣстными; для науки всякая отдаленная даже вѣроятность лучше, чѣмъ простая неизвѣстность. И въ нашемъ вопросѣ, о демественномъ пѣніи въ связи съ хирономіей, мы скорѣе должны стать на сторону вѣроятности, чѣмъ простой неизвѣстности. А вѣроятность эта та, что наше кондакарное знамя и есть та записанная условными знаками хирономія, которая содержитъ въ себѣ византійское придворное или демественное пѣніе, значительно обработанное въ пѣвческихъ знакахъ и напѣвахъ на посредствующихъ между Византіей и Русью пунктахъ, какъ Аеонъ, и окончательно завершенное на Руси, при помощи греческихъ и славяно-русскихъ пѣвцовъ, въ домонгольскій періодъ, но и застывшее въ этомъ видѣ и, вслѣдствіе многихъ внѣшнихъ тревогъ и погромовъ, какъ нѣкотораго рода музыкальная и не необходимая роскошь богослужебнаго чина, въ послѣдующее время переселенія русской гражданственности и церковности на сѣверъ, совершенно забытое въ своей сущности и симіографіи, передаваемое лишь изустно, по памяти и преданію, впервые затѣмъ упоминаемое впослѣдствіи лишь въ первой половинѣ XV-го вѣка и далѣе ²⁰⁷). Соглашаясь съ тѣмъ, что кондакарное знамя есть записанная хирономія византійскаго придворнаго или, по нашему словоупотребленію, демественнаго пѣнія, мы должны согласиться, что наши свѣдѣнія о немъ также скудны, какъ и о кондакаряхъ. Исторія сохранила намъ только пять кондакарей, и всѣ домонгольскаго періода русской церкви, послѣ чего, со второй половины XIII-го вѣка, эти рукописи уже не встрѣчаются, и пониманіе ихъ симіографіи совершенно изглаживается

²⁰⁶) Объ этомъ будетъ сказано ниже.

²⁰⁷) Припомнимъ приводимое не разъ выше свидѣтельство Вальсамона, что мірскіе пѣвцы распѣвали кондаки и доместиковали, что тоже, что пѣли по хирономіи, какъ въ церквахъ, такъ и на площадяхъ, что, слѣдов., пѣніе ихъ было полумірское и полуцерковное или демественное, что тоже, что и кондакарное.

въ памяти и сознаниі послѣдующихъ поколѣній русскихъ пѣвцовъ. Такъ византійская или, точнѣе, византійско-аѳонская пѣвческая хирономія застыла на цѣлые вѣка въ старыхъ русскихъ кондакаряхъ, хотя византійское демественное пѣніе, передаваемое устно по преданію, заглухнувъ въ монгольскій періодъ времени, вновь ожило въ импровизированномъ изустномъ пѣніи русскихъ пѣвцовъ въ XV-мъ вѣкѣ и времени послѣдующаго. Въ XV-мъ вѣкѣ демественное пѣніе стало быть записываемо обыкновенною знаменною симіографіею, а во второй половинѣ XVI-го вѣка было образовано новое крюковое знамя для него, такъ называемое, демественное, а затѣмъ казанское,—почему и доселѣ демественное пѣніе излагается въ крюковыхъ рукописяхъ или крюковою знаменною симіографіею, или демественнымъ и казанскимъ знаменемъ. Такъ византійская хирономія, отлившись въ кондакарное знамя, выработанное, повидимому, подъ разными вліяніями — сирійскимъ, арабскимъ, армянскимъ, византійскимъ, славянскимъ, въ предѣлахъ Аѳона и его монастырей, не нашла себѣ въ Руси широкаго распространенія и дала матеріалъ для немногихъ рукописей, которыя въ XIII-мъ уже вѣкѣ, какъ мало или совершенно непонятныя, исполнѣ забываются въ своемъ пѣвческомъ значеніи, оставаясь лишь своеобразнымъ памятникомъ пѣвческой древности.

Но хирономія славяно-русская, по началу своего происхожденія, восточная греко-сирійская и не безъ вліянія византійской, также прошедшая обработку международнаго Аѳона, окончательно однакоже сложившаяся въ земляхъ славянскихъ и въ предѣлахъ древней Руси за столѣтній періодъ ея новопросвѣщенной церковной жизни, XI-й вѣкъ,—эта хирономія нашла себѣ всетаки широкое распространеніе въ русскомъ церковно-пѣвческомъ клиросѣ, образовавъ собою своеобразную, богатѣйшую, остроумную и плодотворную въ дѣлѣ пѣвческомъ систему знаменной крюковой симіографіи, внушительными и краснорѣчивыми памятниками которой остаются съ XII-го вѣка и доселѣ многочисленныя и разнообразныя крюковыя рукописи за всѣ истекшіе вѣка. Доместики—регенты имѣли своею обязанностью руководить пѣніемъ въ храмѣ по хирономіи, какъ въ демественномъ (византійскомъ) пѣніи, придворномъ, торжественномъ, церемониальномъ,—такъ и въ пѣніи богослужебномъ обыкновенномъ, праздничномъ и повседневномъ, въ церквахъ соборныхъ, монастырскихъ и приходскихъ. Когда пѣніе по хирономіи, къ началу XIII-го вѣка, прекратилось на Руси, да и въ самой Византіи и на греко-сирійскомъ Востоцѣ, тогда званіе доместика, управлявшаго лишь движеніями руки и пальцевъ, чертившими разные пѣвческіе знаки въ воздушномъ

пространствѣ, перешло къ управителю хора, регенту, въ нашемъ смыслѣ, управлявшему хоромъ и пѣніемъ церковнымъ по усовершенствованнымъ, приведеннымъ въ ясность и точность хирономическимъ же знакамъ, но начертаннымъ черниломъ на писчемъ матеріалѣ, пергаменѣ. Затѣмъ, конечно, доместиками называли и тѣхъ руководителей церковнаго пѣнія и пѣвцовъ, которые имѣли дѣло и съ обычнымъ пѣніемъ по осмогласію, изучаемымъ и исполняемымъ на слухъ и память, безъ пѣвческихъ знаковъ, какъ это исполняется на клиросахъ и понынѣ²⁰⁸). Какъ замѣчено выше званіе доместика въ пѣвческомъ русскомъ клиросѣ продержалось только до XIV-го вѣка; его замѣнилъ, частію, канонархъ, а болѣе всего въ позднѣйшее уже время, головщикъ и наконецъ, съ половины XVII-го вѣка—регентъ.

Что такое была хирономія до занесенія ея условныхъ пѣвческихъ знаковъ на пергаменѣ, та ли это была система пѣвческихъ знаковъ, которые мы теперь видимъ въ крюковыхъ рукописяхъ, какъ напр., въ кондакаряхъ большіе пѣвческіе знаки вверху надъ малыми, или она была проще, понятнѣе и нагляднѣе, установить это точно мы не въ состояніи; но все же, принимая во вниманіе, что сама крюковая симіографія въ теченіе времени видоизмѣнялась и развивалась, какъ это можно наблюдать на рукописяхъ разныхъ вѣковъ, нужно признать, что крюковая симіографія представляетъ собою несомнѣнный шагъ впередъ, что пѣвческая хирономія—воздушное письмо было проще, менѣе опредѣленно, устойчиво, менѣе разработано и систематизировано, чѣмъ письмо симадійное или симіографическое, съ XI—XII-го вѣковъ и до позднѣйшихъ временъ пережившее нѣсколько стадій развитія и усовер-

²⁰⁸) А66. Ж. Тибо въ соч. „Origine byzantine de la notation neumatique de l'eglise latine“. Paris, 1907, p. 57, приводитъ выдержку изъ найденной имъ ркп., ранѣе опубликованную имъ въ „Oriens chretien“, 6-ки Метеха св. Гроба въ Фанарѣ № 811, 1—127 л.л., сборника изъ семи разныхъ статей, въ первой изъ коихъ τὸ ὄσιον πατέρος ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Δαμασκίου ἑρωταπόκρισις τῆς παπαδικῆς τέχνης περὶ τῶν σημάδιων, указываемой А. Пападопуло-Кера мевсомъ еще въ Кутлумушской 6-кѣ № 965 и въ національной Аѳинской 6-кѣ № 461 и опубликованной въ Byzantinische Zeitschrift, Крумбахаера, VIII, 111—121,—содержится такое объясненіе хирономіи: χειρονομία ἔστι νόμος παραδεδόμενος τῶν ἁγίων πατέρων τοῦ τε ἁγίου Κοσμά τοῦ ποιητοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Δαμασκίου ἥτις γὰρ ἐξέρχεται ἢ φωνῇ τοῦ μελλοντος ψάλλειν τι, παραύτιχα καὶ ἡ χειρονομία ὡς ἵνα παραδικνύη ἡ χειρονομία τὸ μελος“. Мс. 811, 51. Другая выдержка, приведенная раньше, изъ шестой статьи іеромонаха Гавріила.—Πρὸς γὰρ τῶν τοῦ доместικοῦ χειρῶν ἅπαντες ἀποβλέποντες συμφωνοῦμεν καὶ διὰ ταῦτα χρῆσιμώτατη ἔστιν ἡμῶν ἡ χειρονομία“. Мс. 811, 181.

шенія и образовавшее стройную, полную и разработанную систему симіографіи, совершенно исчерпывающую свой предмет.

Такимъ образомъ древнѣйшія наши рукописи—славянскія—Уставъ Синодальный и Уставъ Типографскій,—даютъ намъ право установить два положенія: 1) что въ вѣкъ редакціи Синодальнаго Устава (около второй половины XI в.) у насъ на Руси, отчасти въ славянскихъ земляхъ и въ Греціи, существовало пѣніе по хирономіи, причѣмъ въ Византіи, приблизительно съ конца X-го вѣка, одновременно съ хирономіей вошло въ практику и симадійное пѣвческое письмо, въ славянскихъ же земляхъ и на Руси была въ пѣвческой практикѣ одна только хирономія, конечно въ своеобразной славяно-русской обработкѣ; 2) что въ вѣкъ редакціи Типографскаго Устава (около начала XII-го вѣка) хирономія вышла изъ практики славяно-русскихъ пѣвцовъ и замѣнена симіографіею византійскою, въ кондакарномъ демественномъ пѣніи, и греко-сирійскою, въ обработкѣ славяно-русской, въ знаменномъ крюковомъ пѣніи, образовавъ собою двѣ системы симіографіи—византійскую, кондакарную и славяно-русскую—знаменную. Древнѣйшая наша пѣвческая рукопись—Типографскій Уставъ, содержитъ въ себѣ и ту и другую симіографіи—и кондакарную, византійскую, и знаменную—крюковую, славяно-русскую. Кондакарною симіографіею изложены въ Типографскомъ Уставѣ всѣ кондаки, кромѣ воскресныхъ, аллилуарія, послѣ тропарей на Богъ Господь, аллилуія съ аенайками на „степенныхъ“, которыя изложены знаменною симіографіею, и „Всякое дыханіе“ съ аенайками же, „Святъ Господь“. Тридцать стихиръ подобныхъ, степенны восьми гласовъ изложены обыкновеннымъ крюковымъ знаменемъ, обычно употребляемымъ въ русскихъ пѣвческихъ книгахъ. Въ степенныхъ находитъ себѣ примѣненіе совмѣщеніе этихъ обѣихъ симіографій—кондакарной и знаменной, поочередно, причѣмъ кондакарной изображаются „аллилуія“ съ попѣвками, аенайками, послѣ третьяго антифона, на „Слава и нынѣ“ (Свят. Д.), а всѣ три антифона каждый изъ восьми гласовъ изображаются знаменной симіографіею. То обстоятельство, что обѣ симіографіи совмѣщены здѣсь указываетъ на близость ихъ и родство между собою, на ихъ равноправность существованія и равномернаго употребленія въ практикѣ русскихъ пѣвцовъ на самыхъ первыхъ порахъ существованія русской церкви и, наконецъ, на общій имъ единый источникъ ихъ происхожденія—именно: съ греко-сирійскаго Востока. Различіе ихъ употребленія, какъ видимъ, заключается лишь въ томъ, что кондакарная симіографія выражаетъ болѣе торжественные моменты въ пѣніи, какъ „аллилуія“ съ попѣвками на каѳиз-

махъ и степенныхъ и „всякое дыханіе“, которое, по студійскому уставу, предписывалось исполнять торжественно, соединенными хорами и съ участіемъ всѣхъ іереевъ и діаконовъ, слѣдовательно, напѣвомъ и мелодіею торжественными, широко развитыми и украшенными, по примѣру придворнаго византійскаго пѣнія, чему наилучшимъ средствомъ выраженія и могла служить наиболѣе развитая и усовершенствованная технически симіографія византійская, кондакарная; симіографія же знаменная, какъ болѣе простая и общедоступная, должна была изображать напѣвы и мелодіи болѣе простые, строгіе, общепонятные и выражать моменты молитвеннаго углубленія, сосредоточеннаго настроенія въ молитвѣ и пѣснопѣннѣи въ храмѣ, каковы, напр.; глубокосодержательныя и молитвенныя „степенны, стихиры подобны, стихиры осмогласія“ и проч. При этомъ оставалась значительная часть молитвословій и пѣснопѣннѣи, которыя должны были исполняться по осмогласію обычнаго напѣва, какъ напр., „тропари на Богъ Господь, прокимны“, по памяти, на слухъ, такъ какъ въ настоящемъ Типографскомъ Уставѣ они не имѣютъ при себѣ никакихъ пѣвческихъ знаковъ, ни кондакарныхъ, ни знаменныхъ, къ каковой группѣ, вѣроятно, принадлежали и другія пѣснопѣннѣи обычнаго напѣва.

Подобное же употребленіе двухъ симіографій—кондакарной и знаменной представляеть и другая старая рукопись, средины XII-го вѣка, Благовѣщенскій Кондакаръ. Кондакарнымъ знаменемъ въ немъ изложены кондаки и ипакои, асматикъ, поліелей, „Всякое дыханіе“ и причастные стихи дневные и на дванадцатые праздники, тропарь Пасхи, во многихъ случаяхъ, съ попѣвками, а въ иныхъ же, какъ раньше отмѣчено, со вставкою цѣлыхъ реченій греческихъ, какъ „докса си о Θεос“, „ипе, пал (ин), разныя аенайки, хавуи“ и проч.,—вообще же, всѣ тѣ пѣснопѣннѣи богослужебныя, которыя подлежатъ торжественному исполненію по установившемуся богослужебному чину и должны были поэтому имѣть и торжественные напѣвы съ широко развитыми мелодіями, что съ удобствомъ могло быть выражено въ пѣвческомъ письмѣ только кондакарною симіографіею. Въ томъ обстоятельствѣ, что кондакарнымъ знаменемъ излагаются наиболѣе торжественныя пѣснопѣннѣи и отмѣчаются наиболѣе торжественные моменты богослуженія, какъ пѣніе асматика, поліелея, всякое дыханіе, кондаки, которые и нынѣ, въ особо праздничные дни для большей торжественности исполняются причѣмъ въ алтарѣ,—нельзя не видѣть новаго доказательства того, что кондакарное знамя есть переработанное византійское, и кондакарное пѣніе есть пѣніе византійское, демественное, придворное, которое и вырабо-

тано было и по преимуществу употреблялось при придворныхъ церемоніальныхъ торжествахъ особыми придворными пѣвцами, съ domestikомъ во главѣ, въ особыхъ нарядныхъ придворныхъ одеждахъ (стихари и фелони), какъ это видно изъ свидѣтельства Константина Порфирогенета.

Знаменную симіографію изложены въ Благовѣщенскомъ Кондакарѣ одиннадцать евангельскихъ стихиръ и еще нѣкоторыя стихиры, но другимъ уже почеркомъ. Совмѣстнаго употребленія кондакарной и знаменной симіографіи, какъ въ Типографскомъ Уставѣ, мы здѣсь уже не встрѣчаемъ, что даетъ поводъ думать о томъ, что обѣ эти симіографіи въ разсматриваемый періодъ рѣзко разграничились въ своемъ употребленіи. Лаврскій Кондакаръ приблизительно конца XII-го вѣка, имѣетъ уже вездѣ одну только кондакарную симіографію, которой изложены въ немъ, кромѣ кондаковъ и ипакои, катавасія, (ипакои) недѣли свв. о.о., нѣкоторыя праздничныя тропари и стихиры, чѣмъ обозначается историческій моментъ совершенно изолированнаго существованія симіографіи кондакарной по отношенію къ симіографіи знаменной, съ рѣшительнымъ распространеніемъ въ пѣвческой практикѣ послѣдней и значительнымъ забвеніемъ первой

Отдѣльныя строчки кондакарнаго знамени встрѣчаются въ ряду знаменныхъ крюковъ въ стихирѣ свв. Борису и Глѣбу „Плотскоую богатыяще“, въ Стихирарѣ Синодальной б-ки, 1157 г., (Ж) и въ стихирарѣ Академіи Наукъ, начала XIII-го в. (Ф), а, затѣмъ въ стихирѣ преп. Θεодосію „Приидите сътецемъся вси“ въ Стихирарѣ Софійской б-ки П. Д. А., ок. 1158—1163 г.г., (З), и въ Стихирарѣ Типографской б-ки, второй половины XII в., (I). Здѣсь достойно вниманія то, что эти кондакарныя строчки появляются только во вновь составленныхъ стихирахъ новоявленныхъ русскихъ святыхъ, чѣмъ съ одной стороны подчеркивается намѣреніе пѣвцовъ прославить этихъ святыхъ, хотя отчасти, по способу торжественнаго византійскаго пѣнія,—съ другой же—констатируется, что кондакарное знамя представляется пѣвцу, какъ воспоминаніе о прежде бывшемъ способѣ торжественнаго пѣнія византійскаго, но настолько уже вышедшемъ изъ употребленія, что нѣтъ нужды излагать имъ все пѣснопѣніе, при существованіи совершенно достаточной для пѣвческихъ надобностей симіографіи знаменной,—или же это, наконецъ, указываетъ даже и на то, что знаніе кондакарной симіографіи въ это время настолько утратилось въ средѣ русскихъ пѣвцовъ, что они, кромѣ небольшой строчки, не въ состояніи были правильно ею восполь-

зоваться при изложеніи всей стихиры. Само собою напрашивается при этомъ то, весьма вѣроятное заключеніе, что въ періодъ времени со второй половины XII-го вѣка и до начала XIII-го, когда приблизительно были написаны упомянутые Стихирари, кондакарное или византійское знамя потеряло уже всю свою живучесть въ средѣ русскихъ пѣвцовъ, утратило свое пѣвческое значеніе и почти совершенно предано забвенію. Достоинно замѣчанія и то, что за исключеніемъ Типографскаго Устава, всѣ рукописи съ отголоскомъ кондакарнаго знамени, кондакари Благовѣщенской и Лаврскій, четыре Стихираря принадлежатъ сѣверной области Руси, причѣмъ четыре изъ нихъ новгородской, гдѣ болѣе всего было греко-фильствующихъ іерарховъ, въ родѣ Нифонта, при коемъ былъ извѣстный своею пылкостью въ дѣлахъ церковныхъ калугеръ Антоніева монастыря местикъ Кирикъ; въ Стихираряхъ же южныхъ признаковъ кондакарнаго знамени мы совершенно не встрѣчаемъ, кромѣ общаго указанія Стихираря Толстовскаго И. П. В., первой половины XII в., (Б) на памятованіе о греческомъ пѣніи по хирономіи (рука) и по осмогласію (гласъ тяжкъ). Наши пѣвческія рукописи, какъ видимъ, рисуютъ намъ картину постепеннаго упадка и забвенія въ практикѣ русскихъ пѣвцовъ кондакарнаго или византійскаго знамени съ того перваго момента его состоянія, когда мы застаемъ его еще въ Уставѣ Типографскомъ съ совмѣстнымъ и равноправнымъ существованіемъ съ знаменною симіографіею и въ перемежку съ ней, и до послѣдняго момента, когда въ Стихирарѣ начала XIII-го вѣка встрѣчаемъ совершенно незначительное напоминаніе о немъ, на ряду съ крюковымъ знаменемъ, между тѣмъ какъ отдѣльныя кондакари, съ однимъ только кондакарнымъ знаменемъ, встрѣчаются рѣдкими единицами и, повидимому, совершенно не понятны пѣвцамъ, оставаясь лишь рѣдкими памятниками византійско-русской древности, пока въ XIII в. совершенно не исчезаютъ и въ этомъ своемъ послѣднемъ значеніи.

Что за причина этого забвенія кондакарнаго знамени и недолгаго его существованія на Руси, около полутора лишь вѣка, когда, повидимому, нѣтъ къ тому никакихъ чрезвычайныхъ особенныхъ обстоятельствъ и условий?

Начало кондакарному или, что тоже, демественному пѣнію положили, какъ мы думаемъ, пришедшіе въ Кіевъ въ началѣ второй половины XI-го вѣка три греческія пѣвца и устроили это пѣніе, какъ должно теперь думать, по началамъ византійской хирономіи, такъ какъ первая древнѣйшая рукопись съ пѣвческими знаками кондакарными или демественными—это извѣстный Ти-

пографскій Уставъ, редактированныйъ приблизительно въ концѣ XI-го или въ началѣ XII-го вѣка. Эти пѣвцы, положивъ начало самому красному демественному пѣнію, между прочимъ установили и изрядное осмогласіе. Это то именно и значитъ, что пѣвцы вновь ввели только демественное пѣніе, а осмогласіе обычное, въ распѣвѣ знаменномъ, они нашли уже готовымъ, даннымъ, существующимъ въ практикѣ и только сдѣлали его изряднымъ, т. е. привели въ порядокъ, ясность и точность, какъ по системѣ осмогласія, такъ и по хирономіи его, отличающихся отъ хирономіи и осмогласія кондакарнаго, византійскаго. Нѣтъ ничего недопустимаго и невозможнаго въ томъ, что пѣвцы, упорядочивъ обѣ хирономіи, и византійскую кондакарную, и знаменную славяно-русскую, сами же положили и начало записи той и другой хирономіи, причемъ первая излагалась и выработывалась на основахъ и традиціяхъ греческихъ, главнымъ образомъ, византійскихъ, вторая же на основаніяхъ и традиціяхъ греко-сирійскихъ и славяно-русскихъ и, вѣроятно, при живомъ содѣйствіи, сотрудничествѣ и практическихъ указаніяхъ пѣвцовъ русскихъ, пріобрѣвшихъ свой опытъ и наблюденіе въ этомъ дѣлѣ за первое время существованія церковно-пѣвческаго дѣла до момента настоящихъ совмѣстныхъ работъ.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что греки-пѣвцы, пришедшіе въ Кіевъ около 1051 г., могли принять участіе въ пѣвческой редакціи и Типографскаго Устава, совмѣстно съ русскими пѣвцами, наиболѣе ранній срокъ редакціи коего можетъ падать на конецъ XI-го вѣка, т. е., приблизительно, съ 1087-го по 1100-й годъ, допустивъ при этомъ значительную долговѣчность пѣвцовъ, до 60 или 70 лѣтъ и то условіе, что они могли прибыть въ Кіевъ, напримѣръ: около 20—25 лѣтъ отъ роду. Во всякомъ случаѣ, если и не они сами, то ихъ непосредственные ученики, пѣвцы русскіе, могли начать подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ и окончить послѣ нихъ изложеніе кондакарной и знаменной хирономіи въ письменныхъ пѣвческихъ знакахъ. Что въ пѣвческой редакціи Устава должно предполагать участіе пѣвца грека, видно изъ того, что наибольшая часть пѣвческихъ знаковъ и распѣтыхъ въ нихъ пѣснопѣній принадлежитъ кондакарной византійской симіографіи, наименьшая же славяно-русской знаменной, между тѣмъ какъ въ интересахъ русскаго пѣвца было бы наибольшее количество пѣснопѣній изложить въ знаменныхъ крюкахъ, какъ простѣйшихъ, наиболѣе понятныхъ и доступныхъ, тѣмъ въ кондакарныхъ, очень сложныхъ и трудныхъ для усвоенія и пониманія и совершенно чуж-

дыхъ русскому духу и смыслу въ отношеніи церковности, богослужебной пристойности и назидательности содержащихся въ нихъ распѣвовъ византійскаго характера, обычно искусственныхъ, напыщенныхъ, витіеватыхъ, съ чертами свѣтскаго пѣнія и театральности. Здѣсь не можетъ служить возраженіемъ предположеніе, что, можетъ быть, одни изъ распѣвовъ таковы, что по своей сложности, виртуозности, искусственности могутъ быть изложены только въ кондакарныхъ знакахъ, другіе же, болѣе простые отлично излагаются только въ знаменныхъ крюкахъ. Введеніе пѣвцами кондакарныхъ пѣвческихъ строкъ на ряду съ обыкновенными знаменными крюками въ стихирахъ свв. Борису и Глѣбу и Θεодосію, повидимому подтверждаетъ эту мысль о возможности и необходимости выраженія нѣкоторыхъ мотивовъ только кондакарнымъ знаменемъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ повидимому, и то, что нѣкоторые праздничные тропари и стихиры, которые обычно исполняются по осмогласію, распѣвомъ рядовымъ, обычнымъ, а не демественнымъ, кондакарнымъ, въ нашихъ рукописяхъ изложены однакоже кондакарнымъ знаменемъ, какъ-будто вслѣдствіе невозможности изложить ихъ иначе, вслѣдствіе сложности и фигуральности ихъ мелодій и распѣвовъ. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, есть своя большая доля правды. Кондакарное знамя существовало для выраженія своихъ особыхъ, ему только свойственныхъ мелодій и распѣвовъ, особаго строя, ритма, объема, движенія и выразительности и едва-ли для этой дѣли могло бы служить какое-либо другое, напр., обычное крюковое, почему и вполнѣ естественно появленіе отрывковъ этой симіографіи въ сферѣ симіографіи знаменной для выраженія фигуръ кондакарнаго пѣнія, невыразимыхъ крюками знаменными. Но должно согласиться, что для надобностей русской церкви и богослужебнаго чина едва-ли чувствовалась потребность именно въ кондакарныхъ, демественныхъ, византійскихъ мелодіяхъ и распѣвахъ, когда рядомъ съ византійскимъ пѣніемъ существовало свое особое „изрядное осмогласіе“, исчерпывавшее всѣ насущныя потребности богослужебнаго русскаго пѣнія, причемъ византійское демественное пѣніе, распѣвы и мелодіи, являлись только пѣвческою роскошью церковнаго чина и вводилось въ богослужебный пѣвческій кругъ лишь изъ подражательности византійской пышности и церемоніальности, въ угоду современности, по вліянію господствующей греческой и греко-фильствующей іерархической партіи.

Послѣдующая исторія богослужебнаго русскаго пѣнія совершенно оправдала это положеніе. Знаменная крюковая симіографія

и знаменный распѣвъ съ его своеобразными мелодіями, фигурами и оборотами чисто русскаго народнаго пошиба, съ совершенно особыми приѣмами голосоведенія и ритма, вполне эмансипировались отъ византійскаго вліянія по своему существу и образовали свою совершенно отдѣльную своеобразную систему пѣнія и пѣвческихъ знаковъ,—тогда какъ кондакарная система съ ея демественнымъ византійскимъ пѣніемъ, насаженная на Руси принужденно, чисто внѣшнимъ образомъ, не привившись органически и не бывъ въ состояніи сродниться съ духовными религіозными запросами и чаяніями челоуѣка русскаго, просуществовавъ въ тѣсной ограниченной сферѣ любителей этого рода пѣнія около полутора ста лѣтъ, не только не получила какого-либо дальнѣшаго развитія, но съ первыхъ же поръ своего существованія начала падать, вытѣсняемая знаменнымъ русскимъ пѣніемъ, пока окончательно не заглохла и была совершенно забыта уже въ началѣ XIII-го вѣка. Это и понятно исторически. Тринадцатый вѣкъ былъ тяжелымъ и критическимъ для всей Византіи съ ея церковною жизнью, просвѣщеніемъ и культурой; рѣшилась ея будущая судьба. Истекая кровію, она безнадежно падала и безвозвратно гибла подъ яростными дикими ударами азіатскихъ и европейскихъ соперниковъ и враговъ, переживая послѣднія времена своей политической жизни. Для Византіи это несчастіе было вдвойнѣ: въ этотъ рѣшительный историческій моментъ она умирала и политически и духовно. Что могло поддержать вліяніе византійское въ церковно-пѣвческомъ дѣлѣ на Руси въ этомъ случаѣ, когда и сама Русь подпадала въ это время роковому удару монгольскаго нашествія и погрома и спѣшно спасала свои немногія пожитки?.

Причины забвенія кондакарной системы на Руси, можно думать, кроются еще и въ технической сложности кондакарной системы пѣвческихъ знаковъ, по сравненію ея съ системой знаменной. Въ то время какъ система симіографіи старой знаменной представляетъ собою комбинацію 50—60 отдѣльныхъ типовъ пѣвческихъ знаковъ, при наиболѣе частомъ употребленіи простѣйшихъ изъ нихъ, система симіографіи кондакарной состоитъ изъ многообразной группировки весьма большого количества пѣвческихъ знаковъ, двухъ родовъ, малыхъ, по начертанію простѣйшихъ, отчасти сходныхъ съ знаменными, и большихъ, по начертанію сложныхъ до замысловатости и несходныхъ съ знаменными, но напоминающихъ собою, частію—буквы алфавита восточнаго, армянскаго и арабо-сирійскаго, частію—греческаго, причѣмъ знаки въ пѣніи располагаются такъ, что надъ рядомъ малыхъ знаковъ

параллельно поставляется рядъ знаковъ большихъ. Въ самой пѣвческой строкѣ, мѣстами ставятся въ ряду тѣхъ знаковъ еще пѣвческіе знаки, такъ называемые мартиріи, составляющіе исключительную принадлежность византійскаго пѣнія и указывающіе тотъ, или иной гласъ напѣва, причѣмъ на протяженіи всего пѣснопѣнія эти мартиріи и обозначаемый ими гласъ мѣняется нерѣдко по нѣскольку разъ, между тѣмъ какъ въ знаменномъ пѣніи и его симіографіи подобныя явленія рѣдки и употребляются въ скромныхъ размѣрахъ, представляя собою незначительный отголосокъ вліянія византійской системы осмогласія и его симіографіи. Здѣсь лишь изрѣдка мы встрѣчаемъ, больше же всего въ особо праздничныхъ стихирахъ, правильные осмогласники, въ порядкѣ всѣхъ восьми гласовъ, или четверогласники, въ четырехъ гласахъ, а чаще всего двоегласники, въ двухъ гласахъ,—но все это, въ отношеніи общаго количества пѣснопѣній, въ очень малыхъ, скромныхъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ въ кондакарномъ пѣніи подобныя смѣны гласовъ встрѣчаются въ каждомъ пѣснопѣніи и въ большомъ количествѣ. Поэтому и пѣніе по кондакарной системѣ симіографіи, подобно современной греческой крюковой системѣ, гдѣ весьма много комбинацій пѣвческихъ знаковъ, съ разными ихъ значеніями—высоты, продолжительности, звуковъ носовыхъ, горловыхъ, паузы, ритмики, интервалловъ уменьшенныхъ, увеличенныхъ и проч., требовало, надо полагать, отъ пѣвца виртуознаго искусства чтенія пѣвческихъ знаковъ по двухстрочной симіографіи, принимая, конечно, какъ несомнѣнное, пѣніе у византійцевъ только одногласное, и не менѣе виртуознаго искусства владѣнія голосомъ для быстрыхъ внезапныхъ переходовъ изъ гласа въ гласъ и для модуляцій, въ особенности уменьшенными интервалами изъ одного лада—строю въ другой, въ особенности по музыкальнымъ системамъ хроматической и энгармонической, совершенно неупотребительнымъ однакоже въ нашемъ знаменномъ пѣніи, утверждающемся на простомъ древнемъ голосовомъ диатонизмѣ. Этими причинами, въ совокупности съ извѣстною некультурностію русскихъ въ періодъ насажденія вѣры на Руси и ихъ неподготовленностію къ воспріятію и усвоенію тогдашней сложной музыкально-пѣвческой науки и весьма труднаго немногимъ доступнаго замысловатаго церковно-пѣвческаго искусства византійскаго,—совершенно достаточно къ тому, чтобы объяснить себѣ неуспѣхъ у русскихъ пѣвцовъ, непродолжительное и слабое распространеніе и, наконецъ, скорое исчезновеніе въ русской церковно-пѣвческой практикѣ стараго византійскаго кондакарнаго пѣнія.

Глава XII.

Русское знаменное пѣніе въ связи съ кондакарнымъ пѣніемъ, хирономіей и симіографіей византійскою и греко-сирійскою. Литургическія и пѣвческія его особенности по крюковымъ рукописямъ домонгольскаго періода.

Русская знаменная симіографія, какъ сказано, возникла параллельно съ кондакарной византійскою также изъ хирономіи и, какъ видѣли, при нѣкоторомъ влияніи византійскомъ. Допуская косвенное влияніе на наше знаменное пѣніе пѣнія византійскаго, мы выдвигали особенно то предположеніе, что знаменная симіографія и содержащаяся въ ней напѣвы носятъ въ себѣ черты и признаки не византійскаго происхожденія, а восточнаго, греко-арабо-сирійскаго или, короче, греко-сирійскаго, и слѣдовательно, должна утверждаться на особой хирономіи, не византійской, а, положимъ, на старой греко-сирійской. На основаніи раньше изложенныхъ доводовъ и соображеній это предположеніе представляется болѣе всего вѣроятнымъ, причѣмъ, въ качествѣ восполненія, можетъ быть привнесена та мысль, что эта старая греко-сирійская хирономія есть первоначальная хирономія, изъ которой, какъ изъ корня развѣтвленія, возникли и развились въ видѣ самостоятельныхъ системъ, хирономія кондакарная византійская, съ одной стороны, и хирономія знаменная славяно-русская — съ другой, что и даетъ право на родство и сходство этимъ обѣимъ хирономіямъ и возникшимъ изъ нихъ системамъ симіографіи—кондакарной византійской и знаменной—славяно-русской. Но еще раньше той и другой изъ старой греко-сирійской хирономіи, должно думать, образовалась хирономія византійская, въ тѣснѣйшемъ собственномъ значеніи слова, при незначительномъ сходствѣ, отличная, какъ отъ кондакарной, такъ и отъ знаменной, и послужившая почвою, на которой развилась, не ранѣе, однакоже X-го вѣка, симіографія чисто византійская, существовавшая и развивавшаяся до самаго паденія Византіи (1453-й г.). На остаткахъ этой, забытой уже потомъ послѣдующими греками симіографіи, современными греками была создана новая современная система симіографіи, во многомъ однакоже отличная отъ древней домусульманской. Симіографія старая византійская, домусульманская, происходя чрезъ посредство хирономіи и симіографіи старой греко-сирійской и, занимая болѣе раннее и господствующее положеніе въ пѣвческой практикѣ христіанскихъ пѣвцовъ, естественно думать, оказывала свое влияніе и на другія симіографіи,

византійско-аеонскую кондакарную и славяно-русскую знаменную, почему и не можетъ быть ничего удивительнаго въ томъ, что въ знаменной симіографіи мы видимъ влияніе, и кондакарной, и чисто византійской, въ кондакарной — влияніе чисто византійской, во всѣхъ же трехъ отдѣльныхъ системахъ—знаменной, кондакарной и чисто византійской, несомнѣнно отражается влияніе общаго для нихъ всѣхъ первоисточника, основного корня ихъ развѣтвленій—хирономіи (и, вѣроятно, симіографіи) греко-сирійской.

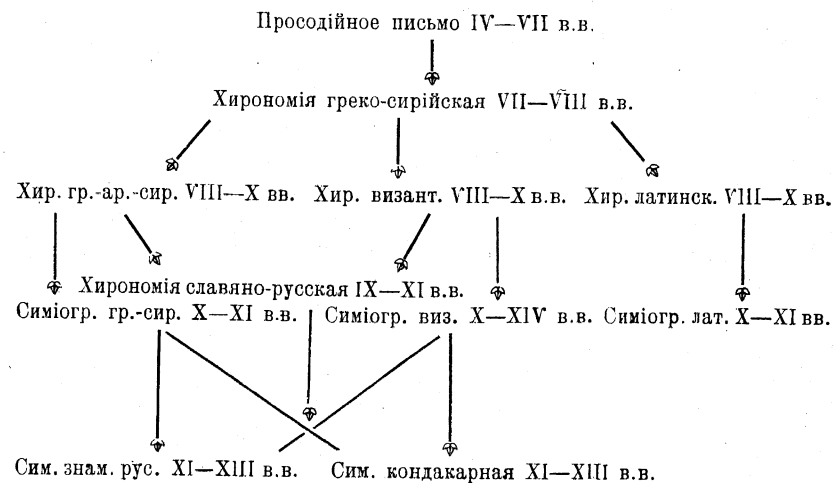
Мы говорили о вѣроятности, а не о дѣйствительности греко-сирійской симіографіи потому, что не имѣемъ безусловно твердыхъ данныхъ для установленія факта греко-сирійскаго происхожденія тѣхъ рукописей (какъ Синайскій стихирарь, Есфигменскій ирмологъ, Охридская тріодь, Вѣнская рукопись со снимками у Герберта), которыя, по нашему мнѣнію, должны быть греко-сирійскими, такъ какъ, принадлежа по своему происхожденію времени X-го и XI-го вѣка, эти рукописи имѣютъ симіографію отличную, какъ отъ чисто византійской домусульманской, такъ и отъ византійско-аеонской кондакарной, такъ и отъ славяно-русской знаменной, при наличности, однакоже въ большей или меньшей степени сходства со всѣми ими, и при наибольшемъ, сравнительно, сходствѣ съ симіографією славяно-русскою знаменною, домонгольскою. Если принять это предположеніе, какъ фактъ, а не принять его мы не имѣемъ пока никакихъ благопріятныхъ для того данныхъ, то предыдущее положеніе само собою формируется такъ, что въ основѣ всѣхъ помянутыхъ системъ симіографіи должно быть представляема не только хирономія старая греко-сирійская, но и развивавшаяся изъ нея греко-сирійская же симіографія. Ходъ развитія и формированія напихъ симіографій на основаніи изложенныхъ раньше соображеній, долженъ быть представляемъ, приблизительно, такимъ образомъ. Возникшая около VII-го вѣка изъ просодійныхъ знаковъ, въ греко-сирійскихъ областяхъ, главнымъ образомъ,—система пѣвческой хирономіи, вслѣдствіе преобладающаго влиянія въ средѣ другихъ христіанскихъ областей церковнаго Востока, скоро распространилась по главнымъ центрамъ христіанства. Въ продолженіе около трехъ вѣковъ, на почвѣ этой первоначальной греко-сирійской системы хирономіи возникли нѣкоторыя мѣстныя системы хирономіи, какъ латинская, византійская, греко-арабо-сирійская и др., которыя, сохраняя общую зависимость отъ первоисточника—старой греко-сирійской системы хирономіи, развивались затѣмъ самостоятельно, видоизмѣняясь въ частностяхъ, вырабатывая новыя формы и комбинаціи первоначальныхъ основныхъ элементовъ,

взаимно вліяя и пополняя другъ друга, при нерѣдкомъ взаимно-общеніи древнихъ христіанскихъ областей между собою. Около IX-го вѣка выдѣляются особыя отдѣльныя системы хирономіи подѣ влияніемъ греко-сирійской и византійской, при посредничествѣ Аѳона, какъ международнаго пункта христіанскаго общенія, византійско-аѳонская или кондакарная и греко-сирійско-аѳонская или славянская, которыя, послѣ проникновенія затѣмъ на христіанскую Русь, приобрѣтаютъ и своеобразную русскую обработку и окраску. Въ X-мъ и первой половинѣ XI-го вѣка эти двѣ системы хирономіи окончательно утверждаются въ славяно-русскихъ областяхъ и приобрѣтаютъ опредѣленную формировку, какъ система хирономіи византійско-кондакарная и другая система—славяно-русская. Этими чертами вполне въ существенномъ обнимается предполагаемая исторія возникновенія и развитія системъ пѣвческой хирономіи изъ основныхъ элементовъ первоначальной системы хирономіи старой греко-сирійской, а затѣмъ уже начинается исторія возникновенія и развитія системъ пѣвческой симіографіи. Около X-го вѣка въ разныхъ отдаленныхъ между собою пунктахъ христіанскаго міра, какъ бы по какому таинственному велѣнію судьбы или взаимному согласію, почти одновременно возникаютъ въ главнѣйшихъ центрахъ различныя системы пѣвческой симіографіи, греко-сирійская, византійская и латинская, утверждаясь каждая на соответствующихъ имъ системахъ пѣвческой хирономіи. Родство системъ хирономіи и зависимости ихъ отъ общаго корня—старой системы хирономіи, греко-сирійской, придаетъ системамъ симіографіи довольно много сходства, при значительныхъ, однакоже выработанныхъ въ отдѣльности и сохраняемыхъ ими своеобразныхъ особенностяхъ. Около X-го же вѣка, главнымъ образомъ изъ элементовъ системы греко-сирійской и отчасти византійской, при посредствѣ Аѳона, вырабатывается еще только хирономія аѳоно-славянская и изъ нея, въ концѣ X-го вѣка, хирономія славяно-русская. Въ это же время приблизительно вырабатывается, подѣ главнѣйшимъ влияніемъ хирономіи византійской, при участіи греко-сирійской, опять при посредствѣ того же Аѳона, своеобразная система кондакарная.

Такимъ образомъ, когда уже существовали на Востокѣ и Западѣ системы симіографіи—греко-сирійская, византійская и латинская—въ славянскомъ, а затѣмъ и въ славяно-русскомъ мірѣ вводилась только еще одна пѣвческая хирономія, на основѣ существовавшихъ раньше системъ хирономіи, греко-сирійской и византійской. Затѣмъ только уже въ XI-мъ вѣкѣ появляются въ славяно-русскомъ мірѣ системы пѣвческой симіографіи конда-

карной и знаменной, какъ на основѣ славяно-русской симіографіи, преемницы греко-сирійской и византійской, такъ и на основѣ существовавшихъ уже въ практикѣ греческихъ пѣвцовъ симіографій, греко-сирійской и византійской. При этомъ должно быть допущено то ограниченіе, что собственно славянской системы симіографіи пѣвческой не возникало, по той, вѣроятно, причинѣ, что славянскіе пѣвцы, болгары, сербы, моравы, хорваты и др., довольствовались одною греко-славянскою пѣвческою хирономіею, но изъ всѣхъ славянъ особая пѣвческая система симіографіи образовалась исключительно только въ средѣ русскихъ пѣвцовъ, на основаніи греко-славяно-русской системы хирономіи и подѣ влияніемъ греко-сирійской и византійской системъ симіографіи, не безъ участія пѣвцовъ грековъ и пѣвцовъ славянъ, почему и обѣ пѣвческія системы симіографіи на Руси могутъ быть, по справедливости, наименованы, кондакарная—греко-русской, а знаменная—славяно-русской.

Попытаемся образованіе системъ хирономіи и симіографіи представить въ слѣдующей наглядной схемѣ:

Что же мы можемъ находить въ разсмотрѣнныхъ крюковыхъ рукописяхъ для уясненія собственно знаменнаго русскаго пѣнія и его симіографіи въ домонгольскій періодъ времени?—Въ то время, какъ кондакарное пѣніе и знамя съ XI-го вѣка по начало XIII-го, какъ насажденное внѣшнимъ образомъ и искусственно, въ средѣ русскихъ пѣвцовъ постепенно сокращалось, умирало и забыва-

лось, знаменное пѣніе съ его симіографіей, какъ произведение славяно-русскаго художественнаго творчества на почвѣ элементовъ греческихъ, воспринятое русскими пѣвцами свободно и сознательно, съ любовью и увлеченіемъ разрабатываемое, оберегаемое и усовершенуемое, въ періодъ домонгольскій достигло совершенной опредѣленности, устойчивости и жизнеспособности, обезпечившей существованіе его до нашихъ временъ. Въ концѣ XI-го и въ началѣ XII-го вѣка, на первыхъ порахъ развитія нашего знаменнаго пѣнія и возникновенія знаменной симіографіи, мы встрѣчаемъ только одну пѣвческую рукопись, но уже въ первой половинѣ XII-го в. мы видимъ ихъ четыре и четыре въ срединѣ того же вѣка; во второй же половинѣ XII-го в., исключая Лаврскій кондакаръ, находимъ уже около 20 рукописей, при одиннадцати названіяхъ ихъ.

Тринадцатый и четырнадцатый вѣка, по извѣстнымъ тяжелымъ историческимъ условіямъ тогдашней русской жизни, бѣдны пѣвческими рукописями, но уже съ XV-го вѣка начинается быстрое прогрессивное нарастаніе ихъ количества до позднѣйшаго времени, измѣряемое нынѣ болѣе, чѣмъ тысячею экземпляровъ. Производство рукописей и распространеніе знаменной симіографіи географически совершалось по Руси отъ Кіева и Переяславля на Новгородъ, Суздаль, Владиміръ и Смоленскъ, а затѣмъ на Москву, Пермь и Вологду, по мѣрѣ распространенія христіанства, гражданственности и торговыхъ сношеній на Руси и оживленія интересовъ умственныхъ, общественныхъ и церковно-религіозныхъ, причѣмъ немалую долю участія въ этомъ распространеніи по разнымъ верѣдкамъ отдаленнымъ другъ отъ друга пунктамъ Руси и расширеніи интереса къ знаменному пѣнію и его симіографіи оказали наши просвѣдительные въ старину монастыри. Церковно-пѣвческой дѣятель XVII в. и справщикъ пѣвческихъ книгъ, старецъ Александръ Мезенецъ, въ предисловіи къ своему руководственному сочиненію „Извѣщеніе о согласнѣйшихъ помѣтахъ“ увѣряетъ, что онъ, при своихъ справочныхъ работахъ имѣлъ подъ руками много рукописей „за чотыреста лѣтъ и вѣще“ и видѣлъ, кто какую книгу гдѣ писалъ, *въ какомъ монастырѣ* и по какому случаю ²⁰⁹⁾.

²⁰⁹⁾ Рукопись 6-ки Синодальнаго Училища № 219 и 727, также въ изд. Смоленскаго, Казань, 1888. Ал. Мезенецъ былъ главнымъ членомъ Комиссіи 1668 г. изъ 6 человекъ, исправлявшей пѣвческія книги съ хомовіи на рѣчь и, вѣроятно, онъ же былъ и членомъ первой комиссіи, собранной по указу Алексѣя Михайловича въ 1652 г., но роспущенной по случаю чумы въ

Сравнивая пѣвческій составъ нашихъ рукописей знаменнаго пѣнія по отношенію къ пѣнію кондакарному, мы находимъ, что какъ кондакарное пѣніе и знамя всегда предназначается для наиболѣе торжественныхъ моментовъ чина богослуженія и праздничныхъ пѣснопѣній, какъ асматикъ, поліелей, аллилуарій, всякое дыханіе, святъ Господь, кондаки, ипакои, нѣкоторые праздничные тропари и катаваси, а также воскресные тропари „Воскресъ изъ гроба“ и „Днесъ спасеніе“, знаменное пѣніе съ его симіографіей содержитъ обычно употребляемое пѣніе стихиръ подобныхъ, святымъ, праздничныхъ, Чотырдесятницы и Пятидесятницы, ирмосы всего года, антифоны осмогласника, евангельскія стихиры—все то, что составляетъ необходимую неотложную потребность чина годичнаго богослуженія. Достойно замѣчанія, что въ рукописяхъ домонгольскаго періода мы не встрѣчаемъ изложенными въ пѣвческихъ знакахъ, ни запѣвовъ къ стихирамъ, ни самыхъ стихиръ осмогласника, ни прокимновъ, ни „Богъ Господь“ и тропарей осмогласника, ни тропарей „Благодаренъ еси Господи“, ни каеизмы „Блаженъ мужъ“, ни „Свѣте тихій“ и „Нынѣ отпущаеши“, ни „великаго славословія“, ни, наконецъ, всей обѣдни, кромѣ нѣкоторыхъ причастныхъ стиховъ, находящихся въ кондакаряхъ, и тропарей „Кресту твоему поклоняемся“, „Елико во Христа креститесь“ и „Придите поклонимся Ему“. Какъ все это пѣлось? Вѣроятнѣйшее объясненіе то, что все это пѣлось на память, по традиціи, на слухъ и напѣвомъ обычнымъ, частію осмогласнымъ, частію—на речитативъ, на подобіе раздѣльнаго чтенія псалмодическаго, съ незначительными повышеніями и пониженіями, съ нѣкоторымъ выдѣленіемъ ударяемыхъ мѣстъ равномерно выговариваемой мелодіи, какъ это и по нынѣ существуетъ въ пѣвческой практикѣ. Поэтому и книги нынѣ существующей и бывшей уже въ XV-мъ вѣкѣ въ употребленіи, подъ наименованіемъ „Обиходъ“, и содержащей службы воскресной вечерни и утрени и литургіи I. Златоуста, Василия Великаго и Пржедосвященной,—въ домонгольскій періодъ времени совсѣмъ не было. Стихиръ осмогласника пѣлись на подобенъ. Стихиръ подобныхъ въ Благовѣщенскомъ кондакарѣ, съ пѣвческими знаками, всѣхъ тридцать: 1 гл., 1) Небеснымъ чиномъ, 2) Прехвальніи мученицы, 3) О преславное чудо, 4) Облакъ—, гл., 2, 5) Кіями похвальными, 6) Доме Евфрафовъ,

Москвѣ. Въ 1657 г. А. Мезенецъ состоитъ справщикомъ Печатнаго Двора. См. нашу ст. въ Богословск. Вѣстн. за Іюнь 1912 г. „Къ вопросу о комиссіяхъ по исправленію богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ русской церкви въ XVII в.“.

7) О великаго таинства, гл. 3, 8) Велія креста, 9) Въ постницѣхъ, 4 гл., 10) Далъ еси, 11) Яко добля, 12) Званный свыше, 13) Хотѣхъ слезами, 14) Всечестное твое рождество, гл. 5, 15) Радуйся постниковъ, 16) Преподобне отче Θεодосіе, 17) Преподобне отче, 18) Видящи тя тварь, гл. 6, 19) Все упованіе, 20) Крестъ твой, Господи, 21) Третій день, 22) Терпящему крѣпко, 23) Вертепе уготовися, 24) Пророче и проповѣдатель, 25) Днесъ созываетъ насъ,—7 гл.—нѣтъ, гл. 8, 26) Иже въ Эдемѣ рай, 27) Мученицы, Господи, 28) Что вы нарѣчемъ, 29) На небо текущее и часть подобна, 30) Господи, аще и судилищу. Нѣкоторыхъ изъ этихъ подобновъ нѣтъ въ нынѣшнемъ собраніи ихъ, въ Октоихъ, другихъ же находящихся нынѣ въ Октоихъ, наоборотъ, не достаётъ здѣсь²¹⁰⁾. Октоиха пѣвческаго въ нынѣшнемъ значеніи слова мы въ домонгольской періодъ не встрѣчаемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не встрѣчаемъ и извѣстныхъ нынѣ стихиръ большого знаменнаго распѣва и знаменитыхъ догматиковъ „на Господи воззвахъ“ и „на стиховнѣ“—все это, надо думать, исполнялось на подобенъ и по наслышкѣ и преданію отъ одного пѣвца къ другому.

Такъ, очевидно, продолжалось вплоть до XV-го вѣка, когда Обиходъ и Октоихъ разрабатываются русскими пѣвцами въ пѣвческихъ знакахъ знаменной симіографіи подробно, и большой знаменный распѣвъ обрисовывается въ присущихъ ему характерныхъ чертахъ и подробностяхъ мелодики и ритмики, такъ впоследствии широко развитыхъ до высокой степени художественнаго. Октоихъ и Обиходъ у насъ въ домонгольской періодъ лишь отчасти могли замѣнять книги, по составу своему подобныя, въ пѣвческой части, Типографскому Уставу и Благовѣщенскому кондакарю. Для пѣвческой практики собственно не представлялось особенной нужды имѣть подобны сгруппированными въ одной книгѣ и въ одномъ мѣстѣ; пѣвцы, для надобности, могли находить эти подобны разбросанными въ разныхъ мѣстахъ, бывшихъ въ ходу въ рукахъ у пѣвцовъ стихирарей, подъ разными числами годовыхъ службъ, обычно же знали твердо ихъ на память, по крайней мѣрѣ, по одному для каждого гласа. Этимъ объясняется то, что въ ряду упомянутыхъ подобновъ, съ пѣвческими знаками, въ Типографскомъ Уставѣ помѣщены и подобны безъ пѣвческихъ знаковъ, какъ напр., 2 г. 31) „Егда отъ древа“, 32) „Остави земная“, 6 г.

²¹⁰⁾ Подобновъ Типографскаго Устава мы здѣсь не указываемъ, потому что, вслѣдствіе значительной утраты листовъ ркп., ихъ сохранилось не много и далеко не всё, почему и нельзя судить, какое было ихъ первоначальное количество.

33) „Ангельская предъдите“, 34) „Неначаема житія“, 35) „Днесъ виситъ на древѣ“. На 7-й гл. здѣсь совсѣмъ не указанъ подобенъ, которымъ обычно отмѣчается въ теперешнихъ книгахъ „Не ктому возбраняеми“. Изъ обычно помѣщаемыхъ въ пѣвческихъ книгахъ, здѣсь нѣтъ подобновъ 5 гл. „Радуйся живоносный Кресте“, 6 гл. „Всю отложше“, 8 гл. „О преславнаго чудесе“, „О каковый даръ“. Лишними здѣсь оказываются №№ 4, 5, 7, 32, 9, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 29, противъ обычно помѣщаемыхъ въ нынѣшнихъ пѣвческихъ книгахъ подобновъ. Въ виду широкаго пользованія подобными при осмотласномъ пѣніи, въ пѣвческихъ стихираряхъ и минеяхъ на отдѣльныя памяти святымъ обычно помѣщается въ пѣвческихъ знакахъ одна или двѣ стихиры и рѣже три, или четыре, и только на большіе праздники восемь, десять и болѣе; другія же, положенныя по уставу стихиры должны были исполняться на подобенъ, по примѣру положенной въ знакахъ пѣвческихъ. Болѣе полны Стихирари и Минеи являются только впоследствии, въ послѣдомонгольской, московской періодъ времени, начиная съ XV-го вѣка и позже. Также особенность наблюдается и въ отношеніи тріодей, изъ коихъ позднѣйшія болѣе полны стихирами, чѣмъ тріоди раннѣйшія, напр.: періода домонгольскаго. Болѣе устойчивы въ своемъ объемѣ ирмологи, которые содержатъ приблизительно одинаковое количество ирмосовъ во все время.

Кромѣ праздниковъ двенадцатыхъ, праздники наиболѣе чтимыя въ Византіи „Арх. Михаила и проч. безплотныхъ силъ“, „Великомуч. Георгія“, „Великомуч. Димитрія Солунскаго“, „прор. Иліи“ и др., и въ нашихъ Стихираряхъ имѣютъ довольно значительное количество стихиръ, отъ 7 до 10, и при томъ болѣею частью изложенныхъ сложными пѣвческими знаками византійскаго характера, со многими еитными знаками, слѣдовательно, въ напѣвахъ торжественнаго характера, въ родѣ византійскаго придворнаго пѣнія. Стихиры болѣешихъ праздниковъ также болѣею частью, изложены въ пѣвческихъ знакахъ сложныхъ, съ ѳитами, очевидно, въ торжественныхъ же напѣвахъ, подобныхъ византійскимъ.

Въ праздничныхъ стихирахъ нерѣдко чередуются нѣсколько гласовъ въ одной и той же стихирѣ, какъ напр. гласы 1—5, 2—6, 4—8, 8—2, 8—4, 4—2, 3—7, 5—1, 6—2, 6—8, 5—1, 7—5, и не только парами, но и по три и по четыре—четверогласники, и въ особо торжественныхъ пѣснопѣніяхъ даже по восьми—осмогласники, какъ напр. „Богочаальнымъ мановеніемъ“, на Успеніе П. Б., гдѣ гласы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1—5—2—6—3—7—4—8 (Стихирари Л, Т, Ж, В, Ф),—и „Дньсь беззаконнообраз-

ная мати“ на Усѣкновение главы І. Предг. (Стихирари Ф, Л, Г, Ж), гдѣ гласы въ томъ же порядкѣ, — стихира „Всемиловитый Господи“ на память св. Пантелеимона, гдѣ гласы идутъ въ порядкѣ—1—2—3—4—5—6—7—8 (Стихиры И, Ж, З, І), стихира „Веселися“ на память св. Димитрія Солунскаго, гдѣ гласы слѣдуютъ такъ: 1—2—4—6—8—2, (Стихирарь Г), стихира „Яко звѣзда“ на память св. Георгія Побѣдоносца, гдѣ гласы распредѣляются такъ: 5—2—5—3—1 (Стихирари Г, И, З), стихира „Яко чиновначальникъ“ на память св. арх. Михаила имѣетъ гласы 8—2—4—2 (Стихирари И, Ж, Л и др.). Изъ стихиръ русскимъ святымъ, стихиры свв. Борису и Глѣбу и преп. Феодосію Печерскому въ нѣкоторыхъ Стихираряхъ изложены, какъ многогласники, такъ первымъ—„Плотскую богатыше“ имѣетъ гласы 8—2—8—6 (Стихирарь Л), въ другомъ мѣстѣ (Стихирарь Ж), 8—3—6—2—6—8—6—8, „Богомъ избраніи“—8—6—2—4—8—4 (Стихирарь Л), и въ другомъ мѣстѣ (Стихирарь З) 8—3—4—6—5—1—2—4—8—4. — второму „Придѣте сътецемся вси“ (Стихирарь З) имѣетъ гласы 8—3—4; въ другихъ же Стихираряхъ всѣ эти стихиры въ одномъ гласѣ. Достойно особаго вниманія то, что даже и подобны распѣвались на нѣсколько гласовъ, такъ подобенъ 3 гл. „Въ постыницѣхъ“ (Типогр. Уставъ) изложенъ въ слѣдующихъ гласахъ: 3—5—6—2—6—2—3, а въ нѣкоторыхъ изъ подобновъ встрѣчаются по нѣсколько еитъ, сложныхъ пѣвческихъ мелодій, и даже до 5, какъ въ подобнѣ 5 гл. „Видящи тя тварь“ (Тип. Уст.). Такая склонность пѣснопѣній къ многогласію составляетъ исключительную особенность домонгольской пѣвческой практики, что зависѣло отъ близости и легкости вліянія греческаго пѣнія и приемовъ греческихъ пѣвцовъ; вполнѣдствіи же, съ теченіемъ времени, вмѣстѣ съ ослабленіемъ греческаго вліянія, эта манера пѣнія, по многогласію, ослабѣваетъ и приходитъ въ забвеніе, оставаясь лишь изрѣдка принадлежностью наиболѣе торжественныхъ стихиръ нѣкоторыхъ большихъ праздниковъ, какъ Успеніе Богоматери, Срѣтеніе Господне, Рождество Богородицы. Такъ уже въ XIV-мъ вѣкѣ мало замѣтно въ пѣвческихъ русскихъ книгахъ это многогласіе, да и самыхъ рукописей пѣвческихъ за этотъ вѣкъ осталось очень мало, не болѣе трехъ-четырехъ. Такъ въ Стихирарѣ начала XIV в. 6-ки Московской Д. Академіи (Волоколамск. собр. № 3), пергаменномъ, встрѣчаются многогласники только на праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы, 6—2, на Срѣтеніе Господне, 1—2—3—4—5—6—7—8, на день св. вмч. Пантелеимона, 1—2—3—4—5—6—7—8, и на день Успенія Богоматери, 1—5—2 (подскобл.)—6 (передѣлано на 5)—(2 и 6 прибавлено) 3—7—4—8—1. Забвеніе

прежняго многогласія очень замѣтно. Въ XV-мъ вѣкѣ и послѣдующихъ, до нынѣ, кромѣ указанныхъ случаевъ, на большіе праздники, многогласія въ пѣвческихъ рукописяхъ уже не встрѣчается. Нѣкоторыя стихиры, однакоже, напр.: „Богочинальнымъ мановеніемъ“, какъ въ домонгольской, такъ и въ послѣдомонгольской періоды, во всѣ вѣка, начиная съ XII-го и по XVIII-й включительно, когда крюковая симіографія вытѣсняется нотнымъ пѣвческимъ письмомъ, во многихъ пѣвческихъ рукописяхъ излагается какъ осмогласникъ и нерѣдко въ томъ же первоначальномъ послѣдованіи гласовъ, какъ въ древности въ рукописяхъ XII-го вѣка: 1—2—3—4—5—6—7—8.

Кромѣ многогласія отличительную особенность крюковыхъ пѣвческихъ книгъ домонгольскаго періода составляетъ наличность особыхъ пѣвческихъ знаковъ, еитъ, нигдѣ въ другихъ пѣвческихъ симіографіяхъ не встрѣчающихся, ни въ латинской, ни въ византійской, ни въ кондакарной. Въ самыхъ древнихъ рукописяхъ число еитъ, обозначающихъ собою вообще болѣе или менѣе длинную мелодію и служащихъ, какъ бы сократительнымъ знакомъ, взамѣнъ многихъ пѣвческихъ знаковъ длинной мелодіи, весьма незначительно, отъ пяти до десяти; но къ XIV-му вѣку число ихъ возрастаетъ до двадцати и болѣе; въ руководственныхъ же сборникахъ XV-го вѣка ихъ насчитывается до тридцати и, наконецъ, въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ количество еитъ становится весьма значительнымъ²¹⁾. То обстоятельство, что еиты съ теченіемъ времени у русскихъ пѣвцовъ постепенно множились, указываетъ на то, что такое пѣніе было въ пѣвческой практикѣ очень излюбленнымъ приемомъ исполненія пѣснопѣній, оно развивалось и поощрялось любителями и пришлось весьма по сердцу русскимъ пѣвцамъ и слушателямъ, какъ своеобразный способъ къ широкой затѣйливой мелодикѣ и ритмикѣ, какъ природная склонность русской музыкальной природы и творчества къ свободному размаху и вольному полету въ области музыкальной фантазіи, примѣнительно однакоже къ русскимъ народнымъ излюбленнымъ темамъ. Пѣвцы русскіе XVII в. называли еитное пѣніе „совершенной красотой“ музыкальной. Въ этомъ смыслѣ и значеніи способъ пѣнія при помощи еитъ можно счесть совершенно русскимъ введеніемъ,

²¹⁾ Въ греческихъ рукописяхъ XIV—XV в.в. и раньше встрѣчаются знаки еитъ и фертовъ, но въ совершенно особомъ значеніи феоръ и имифоновъ, т. е. средствъ выраженія модуляцій или переходовъ изъ одного гласа въ другой и полутоновъ. См. O. Fleischer, „Neumen-Studien“. Th. III, Berl. 1904, s. 20.

хотя и возникшимъ на почвѣ греческаго пѣнія и, вѣроятно, хирономіи. Такія еиты были условными знаками опредѣленныхъ болѣе или менѣе длинныхъ мелодій, различаемыхъ въ напѣвѣ по добавочнымъ при нихъ отдѣльнымъ пѣвческимъ знакамъ, подобно тому, какъ тѣ, или другія комбинаціи нѣкоторыхъ пѣвческихъ знаковъ, тѣ или другія ихъ группы, въ видѣ кокизъ или лицъ, имѣли обыкновенно тѣ или другіе, разъ навсегда установленные неизмѣняемые мелодическіе обороты и фигуры или, такъ называемыя, попѣвки гласовыя, (тропы), ставшіе въ позднѣйшее время у пѣвцовъ самыми характерными мелодическими признаками принадлежности пѣснопѣнія по мелодіи къ тому, или другому гласу, признаками осмогласія въ знаменномъ распѣвѣ.

Попѣвки, какъ и еиты, въ рукописяхъ домонгольскаго періода встрѣчаются въ незначительномъ сравнительно количествѣ и при томъ самыя характерныя для каждаго гласа, для осмогласія знаменнаго распѣва, какъ „кулизма, паукъ, хамила, мережа, дербица“ и др., но, затѣмъ, съ XV-го вѣка по XVIII-й вѣкъ количество ихъ возрастаетъ до ста и болѣе, и онѣ появляются болѣею частію сгруппированными при отдѣльныхъ пѣвческихъ книгахъ—въ качествѣ руководственныхъ приложенийъ къ нимъ, или въ особыхъ руководственныхъ сборникахъ-еитникахъ, причемъ отдѣльнымъ попѣвкамъ усваиваются особыя названія, частію греческаго, частію славянскаго и частію русскаго происхожденія, какъ—„поворотка, перехватъ, унылка, заводка, огибка, наметка, опрометъ, пригласка, перевивка, качалка, скачекъ, вознось, розметъ, переметка, перегибка, долинка, стезя, опочинка, выплавка, закидка, подвертка, перекладка, переволока“, или „руза, рымза, кимза, рутва, рютка, апострофъ, хамила, кулизма, пагоща, пецега, певега, пастела, шибокъ, дряби, щадра, кора, дертица, кичиги, дербица, скорпица, мережа, ясница“ и др.²¹²⁾, но основныхъ попѣвокъ „строкъ мудрыхъ“, которымъ усвоены были особыя симіографическія знаки и извѣстныя опредѣленные ихъ комбинаціи, было только около тридцати. Названія эти, повторяемъ, встрѣчаются только съ XV-го вѣка, но болѣе характерныя изъ этихъ попѣвокъ со свойственными имъ пѣвческими знаками и группировками ихъ принадлежатъ въ существенномъ уже и домонгольскому періоду.

212) Изъ печатныхъ сочиненій см. Ундольскаго „Замѣчанія для исторіи ц. п.“. М. 1846, стр. 39—45 и Сахарова „Исслѣдованія о церковномъ русскомъ пѣснопѣніи“. М. 1849, III, 14—21. Объясненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ терминовъ см. „Русская симіографія“. М. 1912 г., соч. автора.

Равнымъ образомъ и еиты, въ своихъ пестрыхъ названіяхъ, какъ „кудрявая, свѣтлая, тресвѣтлая, умильная, перевязка, подводная, громная, красная, зѣльная, сятельная, бодрая, зилотная, двоетельная, пятогласная, хобува“ и др., хотя и принадлежать терминологіи пѣвческой и руководственнымъ пѣвческимъ сборникамъ-еитникамъ и кокизникамъ XV—XVI в.в. и времени послѣдующаго, но по начертанію своему и употребленію въ значительномъ числѣ принадлежатъ и періоду домонгольскому. Такъ „еита хобува“ весьма употребительна въ этотъ періодъ, хотя и безъ названія, но съ характернымъ начертаніемъ, ясно выдающимъ это названіе, причемъ должно замѣтить, что всѣ четыре нижніе знака, указывающіе на наименованіе еиты хобувы, въ послѣдующее время, съ XV-го вѣка уже отпадаютъ и исчезаютъ, а остаются только одни элементы пѣвческой симіографіи. Въ одномъ изъ нашихъ Стихирарей домонгольскихъ (Ѳ). второй половины XII-го вѣка, мы встрѣчаемъ эту еиту съ четырьмя добавочными внизу знаками, такими—„ненихъ“. Въ рукописяхъ послѣ монгольскихъ эта еита встрѣчается уже съ приписью „хебува“, а иногда „хебуови“, или „хубово“. Насколько этотъ терминъ и соединяемое съ нимъ значеніе были плохо усваиваемы пѣвцами послѣ монгольскаго періода, можно судить изъ того, что по повѣствованію статьи XV-го в. („О хомовомъ пѣніи“), во времена патріарха Гермогена былъ нѣкто церковнаго чина пѣвецъ, который подавалъ патріарху челобитную, чтобы эту еиту изъ богослужбныхъ пѣвческихъ книгъ отставить, очевидно, какъ потерявшую свое прежнее значеніе²¹³⁾, но однакоже еита отставлена не была, а осталась существовать и доселѣ. Повидимому, коренное значеніе этого слова можетъ быть сближаемо съ общеславянскимъ *згубово*—отлично, или *сугубо*—превосходно, въ превосходной степени, изысканно, прекрасно и въ отношеніи къ напѣву, усвоенному этой еитѣ, должно было выражать высокую степень его изысканности, музыкальной красоты напѣва и виртуозности исполненія. Встрѣтившееся въ Стихирарѣ (Ѳ) „ненихъ“ наводитъ на мысль, что при пѣніи еиты хобувы, т. е. при исполненіи напѣва сугубомъ, выполнялось еще пѣніе на слоги „не—ни“, т. е. то, что намъ извѣстно подъ именемъ „аненаекъ, нenenъ“, извѣстнаго рода украшающихъ попѣ-

213) Статья писана въ 1750 г. Гаврииломъ Артамоновымъ и издана въ Труд. Киев.-Д. Акад. за 1876 г. Въ росписи книгъ, взятыхъ у игумена Феоктиста на Вяткѣ, значилось: „Двѣ тетради, а въ нихъ написано посланіе къ святѣйшему Ермогену, патріарху Московскому и всея Русіи о церковномъ пѣніи“. Братск. Слово 1875, кн. II, 326.

вокъ на эти слоги византийскаго характера, долженствовавшихъ выражать собою тѣ или другіе оттѣнки и черты гласовъ осмогласія²¹⁴). Кромѣ еить, въ нашихъ пѣвческихъ рукописяхъ домонгольскаго періода встрѣчаются еще ферты (слав.) или *phi* (греч.) въ соединеніи съ другими пѣвческими знаками, чего въ рукописяхъ послѣдующихъ вѣковъ, начиная съ XV-го и до нашего времени мы совершенно не находимъ, или, какъ въ знамени „труба“ и „дуда“, уже въ иномъ начертаніи, въ видѣ *o*.

О пѣвческой симіографіи домонгольскаго періода вообще должно замѣтить, что она значительно отличается отъ таковой послѣмонгольскаго времени. Въ ней можно находить въ разныхъ рукописяхъ того времени приблизительно до двадцати—тридцати такихъ пѣвческихъ знаковъ, или такихъ комбинацій общеупотребительныхъ пѣвческихъ знаковъ крюковыхъ, каковыхъ въ рукописяхъ послѣмонгольскаго времени совсѣмъ не встрѣчается, а общеупотребительные знаки являются уже въ другихъ комбинаціяхъ. Съ своей стороны и пѣвческая симіографія послѣмонгольскаго времени выработала не мало такихъ комбинацій знаковъ общеупотребительныхъ, каковыхъ въ домонгольскій періодъ въ пѣвческой практикѣ совсѣмъ не существовало, причемъ наблюдается извѣстнаго рода прогрессивность въ развитіи и осложненіи пѣвческихъ знаковъ, такъ что знаки XIV—XVI в.в. значительно разнятся отъ знаковъ XVII—XVIII в.в., ихъ меньше количествомъ, и они проще по своему начертанію и комбинаціи симіографическихъ элементовъ²¹⁵).

²¹⁴) Возможно и другое толкованіе, которое невольно напрашивается при той мысли, что эта „хабува“ есть заимствованіе изъ греческаго пѣнія и тогда она можетъ быть производима отъ греческихъ терминовъ *γα—βου—α*, каковыми въ греческой музыкальной теоріи обозначаются отдѣльные ступени звукоряда, какъ *α, βου, γα, δ, ε, ζω, η*, которыя взяты изъ греческаго же алфавита *α, β, γ, δ, ε, ζ, η*, съ прибавленіемъ къ нимъ то гласныхъ, то согласныхъ, почему и „нениху“ на мѣстѣ „хабувы“ можетъ представлять собою лишь комбинаціи этихъ буквъ-степеней звукоряда, ибо „не-ни“ есть лишь замѣна пятой и седьмой ступеней *νε—νη*, а „ху“—замѣна *ου* или *γα—βου*, въ сокращеніи *γ'ου*, какъ и другія подобныя припѣвки.

²¹⁵) С. В. Смоленскій въ статьѣ „О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ“, стр. 43, 56 и еще раньше въ „Краткомъ описаніи“ воскресенскаго ирмолога, стр. 14 и въ „Азбукѣ знаменнаго пѣнія А. Мезенца“, стр. 33, высказываетъ предположеніе, ничѣмъ однакоже неподкрѣпленное, что перемѣна въ симіографіи съ XIV—XV произошла отъ какой-либо реформы или переворота, въ родѣ исправленій при Никонѣ. Но въ такомъ предположеніи совершенно нѣтъ надобности, ибо измѣненія письма могли возникнуть постепенно и незамѣтно, вслѣдствіе естественнаго развитія русской симіографіи

Глава XIII.

Состояніе знаменнаго пѣнія и его симіографіи въ періодъ домонгольскій въ связи съ средствами его уясненія.

Въ виду всѣхъ существующихъ отличій крюковой русской симіографіи за время ея существованія на Руси, исторія развитія и формированія знаменной симіографіи самымъ естественнымъ образомъ можетъ быть раздѣлена на три періода, полагая, что процессъ развитія совершенно уже закончился XVIII-мъ вѣкомъ. Эти три періода: домонгольскій—XII и XIII в.в., или старій праворѣчный, послѣ-монгольскій—XIV—XVI в.в., раздѣльно-рѣчный или хомовой, и великорусскій XVII—XVIII в.в. или новый праворѣчный. Пѣвческая симіографія каждаго изъ этихъ трехъ періодовъ имѣетъ свои особенности и отличія, по сравненію ея съ симіографіей другихъ періодовъ, и эти отличія коренятся въ существенной потребности и неизбѣжномъ законѣ развитія этой отрасли изобрѣтательности гения человѣческаго, по природѣ своей склоннаго прогрессировать, какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ, такъ и въ области техники до наивысшихъ предѣловъ, въ соотвѣтствіи съ возрастающими потребностями. Но въ этомъ прогрессѣ знаній, умѣній и техники, весьма полезномъ въ отношеніи расширенія умственного кругозора чловѣка и обогащенія духа человѣческаго, вмѣстѣ съ тѣмъ кроется и своя особая опасность—забвенія прежняго. Съ нашей крюковой симіографіей какъ разъ и случилась такая опасность. Въ совершенствѣ понимаемая въ послѣдній періодъ своего развитія, знаменная симіографія почти непонятна намъ въ первый, древнѣйшій періодъ своего развитія, и представляетъ значительныя трудности для пониманія ея и въ средній періодъ. Причины этого кроются, какъ видимъ, въ томъ, что измѣненія знаменной симіографіи за всѣ три періода ея исторіи для такого живого неустойчиваго подвижнаго дѣла, какъ пѣвческое искусство, оказалось слишкомъ значительными, чтобы, зная въ совершенствѣ современный пѣв-

и упадка греческой, и перемѣна симіографіи не такъ рѣзка и замѣтна, какъ это кажется, на первый взглядъ. Здѣсь выразилась лишь извѣстная степень художественной зрѣлости русскихъ пѣвцовъ, ставшихъ на самостоятельный путь церковно-пѣвческаго развитія и лонявшихъ старую симіографію по своему, надумавъ нѣкоторыя новыя комбинаціи знаковъ, одни отбросивъ, а другіе переименовавъ.

ческой языкъ и письмо, также хорошо знать и читать пѣвческую рѣчь и письмо древности, пятью или шестью вѣками раньше. Притомъ съ нашимъ пѣвческимъ дѣломъ случилось одно очень важное историческое обстоятельство. Русскіе узнали о нотномъ современномъ письмѣ только во второй половинѣ XVII-го вѣка, когда на Западѣ оно вошло въ употребленіе уже въ XII—XIII в.в., — и только съ этого времени стали переводить крюковые пѣвческіе знаки на это совершеннѣйшее пѣвческое письмо. Между тѣмъ, какъ замѣчено, въ это время многіе пѣвческіе крюковые знаки средняго, и тѣмъ болѣе, древнѣйшаго періода уже вышли изъ употребленія и въ своемъ пѣвческомъ значеніи совершенно забылись пѣвцами, почему и, при всемъ желаніи, не могли быть переведены на современные ноты. Оставался, да и теперь остается единственный способъ отгадать пѣвческое значеніе этихъ, вышедшихъ изъ пѣвческаго употребленія, вымершихъ знаковъ, — это сравненіе и сравненіе рукописей разныхъ вѣковъ въ отношеніи однихъ и тѣхъ же пѣснопѣній и сопоставленіе стоящихъ на однихъ и тѣхъ же словахъ устарѣвшихъ и неизвѣстныхъ знаковъ съ современными, хорошо извѣстными, — способъ съ успѣхомъ примѣненный на Западѣ ученымъ патеромъ Лямбиллотомъ по восстановленію въ нотномъ современномъ письмѣ григоріанскихъ мелодій Сень-Гальскаго антифонарія, писаннаго въ старой латинской невматической симіографіи, ок. X-го вѣка. Однако при этомъ нѣтъ еще полной увѣренности и ручательства въ томъ, что неизвѣстный древній знакъ старыхъ рукописей, замѣненный въ рукописяхъ новымъ знакомъ, совершенно извѣстнымъ, вполне, въ пѣвческомъ смыслѣ, совпадаетъ съ этимъ послѣднимъ, безъ остатка и недостатка. Напротивъ, такое совпаденіе всегда представляется проблематичнымъ, это гипотеза, нуждающаяся еще въ солидномъ подкрѣпленіи, такъ какъ пѣніе есть искусство живое, подвижное, измѣнчивое, и пѣвческіе мотивы, мелодіи и ритмы не могутъ быть мыслимы застывшими въ одномъ положеніи за всѣ вѣка, отлитыми въ однѣ неизмѣнныя формы, какъ любой типографскій шрифтъ — стереотипъ, или рисунокъ, но, вѣроятно, варіировались, видоизмѣнялись, увеличивались, или сокращались въ объемѣ, шлифовались и отдѣлывались въ ритмѣ, — словомъ, приобретали съ теченіемъ времени нѣсколько иную внѣшнюю музыкальную схему, хотя, можетъ быть, и выдерживали первоначальный музыкальный характеръ, свой основной мелодическій и ритмическій типъ, и въ такомъ видѣ, конечно, не могли быть все-таки совершенно эквивалентными во всѣ вѣка, въ особенности, какъ въ рассматриваемыхъ случаяхъ, при замѣнѣ однихъ пѣвче-

скихъ крюковыхъ знаковъ другими, такъ какъ самый фактъ замѣны заставляетъ уже подозрѣвать нѣкоторую неустойчивость въ напѣвѣ даннаго мѣста пѣвческой крюковой рукописи. Но все же въ пользу относительной устойчивости предполагаемаго сравнительнаго метода сопоставленія рукописей разныхъ вѣковъ, для выясненія непонятныхъ пѣвческихъ знаковъ, изслѣдователь можетъ сослаться на примѣръ Александра Мезенца, справщика пѣвческихъ крюковыхъ рукописей XVII в., который въ своемъ дѣлѣ обращался, какъ съ справочнымъ и повѣрочнымъ матеріаломъ древности, съ рукописями на 400 и болѣе лѣтъ старше, т. е. около XII—XIII в.в., по происхожденію, и чувствовалъ себя, повидимому, на своемъ мѣстѣ, потому что въ своихъ работахъ помѣчалъ, что „сего стиха въ минеяхъ новыхъ нѣтъ, но въ древнихъ“, а равно приводилъ и пѣвческія разночтенія, гдѣ нужно, по Усольскому распѣву и по Московскому—Христіанинову, а также и варіанты отдѣльныхъ знаменъ. Поэтому и въ своемъ правленномъ Ирмологѣ Александръ Мезенецъ, должно думать, далъ самое точное толкованіе старыхъ знаменъ и рукописей, а такъ какъ его работы по исправленію пѣнія, несомнѣнно, не ограничились только этимъ, а захватили и другія необходимыя богослужебныя пѣвческія книги, какъ Октоихъ, Минеи и Обиходъ, иначе цѣль учрежденія комиссій²¹⁶⁾ подъ предсѣдательствомъ такого энергичнаго и образованнаго дѣятеля, какъ епископъ Павелъ, Сарскій и Подонскій († 1675 г. 9 Сент.), даже на половину не могла бы быть достигнута, то мы вправѣ думать, что авторитетный справщикъ далъ точное толкованіе, согласное съ древностью, и этимъ послѣднимъ пѣвческимъ книгамъ²¹⁷⁾. Что всѣ пѣвческія настольныя книги

²¹⁶⁾ Въ составѣ комиссіи были шесть человекъ: звенигородскій сторожескій старецъ Александръ Мезенецъ, чудовскій старецъ Александръ Печерскій, диаконъ Кондратій Иларіоновъ, пѣвчій Ѳеодоръ Константиновъ, дьячки—Григорій Носъ и Ѳаддей Никитинъ. Подписи ихъ (facsimile) у Разумовскаго въ „Богослуж. и прав.-русск. ц. М. 1886, стр. 51. О комиссіяхъ см. нашу статью въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1912 г. Июнь. „Къ вопросу о комиссіяхъ по исправленію богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ русской церкви въ XVII вѣкѣ“.

²¹⁷⁾ Въ составѣ комиссіи, какъ знаемъ, входили представители іерархіи, монашества, клироса и пѣвчихъ, почему и должно представлять дѣло разработаннымъ не односторонне и узко-партино, а въ согласіи всѣхъ представителей, при ближайшемъ руководствѣ А. Мезенца и при высшемъ административномъ — епископа Павла. П. А. Безсоновъ „Знаменательные годы и знаменитѣйшіе представители послѣднихъ двухъ вѣковъ въ исторіи русскаго церковнаго пѣснопѣнія“. Правосл. Обзор. 1872, I—II, стр. 240.

богослужебныя были исправлены Мезенцемъ, этому подтвержденіемъ служить уже то, что эти правленныя книги было рѣшено даже отпечатать для всеобщаго употребленія, въ видахъ установленія повсюду единообразія въ пѣніи, и самъ Мезенецъ предпринялъ къ тому всѣ необходимыя мѣры, но самое печатаніе не состоялось, какъ по трудности для того времени печатанія въ двѣ краски, такъ и потому, что крюковое пѣніе въ то время энергично стало быть вытѣсняемо юго-западнымъ нотнымъ.

Труды Александра Мезенца съ достаточною увѣренностью, по этому, могутъ быть поставлены въ основу возстановленія древнихъ забытыхъ пѣвческихъ знаковъ и рукописей, съ немалою надеждою на возможный успѣхъ. Въ настоящее время въ библиотекѣ рукописей Московскаго Синодальнаго училища церковнаго пѣнія находятся слѣдующія рукописи, по приписямъ на нихъ, исправленныя Александромъ Мезенцемъ, и, можетъ быть, даже принадлежавшія ему и его собственные автографы: 1) Минея общая (съ трезвонами на 8 Юля и 16 Августа) 6-ки Синодальнаго училища ц. п. № 98 (1/4 л. 144 л.л.) съ предисловіемъ, въ которомъ излагается въ виршахъ, что трудился въ семь дѣлѣ монахъ Александръ, въ праворѣчномъ пѣніи издатель властенъ, черкасъ, по прозвищу клиросному Мезенецъ, сынъ малоросса Иоанна, новгородскаго уроженца, для рачителя красногласнаго пѣнія, подьячаго Ямскаго приказа, Павла Черницына, и что книга *рукописана* отъ сотворенія міра въ лѣто 7185, а отъ воплощенія Бога—Слова въ 1677. Авторъ подчеркиваетъ, что онъ ничего не утайлъ въ пѣніи, и вручаетъ рачителю всѣ тайны мастеровѣнія, которыми владѣеть самъ. На книгѣ подпись, что она Ивановскаго дѣвичьяго монастыря церковнаго дьяка Петра Григорьева Сѣркова, а куплена въ 7189 г. 17 Августа у подьячаго Ямскаго приказа Павла Черницына. Эта подпись служить полнымъ подтвержденіемъ вѣрности сообщеннаго предисловіемъ и принадлежности, по крайней мѣрѣ, въ редакціонной части этой рукописи А. Мезенцу. 2) Ирмологъ, Октоихъ и Обиходъ той же 6-ки № 728 (1/4 л. 403 л.л.), бывший Ниловой пустыни. Въ предисловіи, въ виршахъ излагается, что книгу писалъ *своею рукою* для князя Георгія (Юрія) Симеоновича Урусова, прилежнаго къ пѣнію и его исправленію, въ его домѣ, монахъ Александеръ, по клиросу Мезенецъ, сынъ бѣлорусса, бывшаго новгородца, и кончилъ 10-го мѣсяца 12 дня въ лѣто отъ созданія міра 7174, отъ воплощенія Бога—Слова 1666. Припись на книгѣ говоритъ, что она по вѣрѣ и обѣщанію дана княземъ Юріемъ Семеновичемъ Урусовымъ въ Нилу Сталбенскую пустынь въ лѣто 7175, чѣмъ и подтверждаетъ предыдущее пре-

дисловіе по содержанию и письму. Кромѣ того нѣсколько разъ встрѣчается подпись Monach Alexander Stremouchov. Если первую рукопись, по всей справедливости, мы должны считать только редактированной (*рукописана, тружбшійся* въ семь дѣлѣ монахъ Александръ вручаетъ—оба свидѣтельства въ 3-мъ лицѣ) А. Мезенцемъ, то вторую слѣдуетъ считать положительно автографомъ его. Рукопись эта безпризначная, „во знамени единомъ точію и въ помѣтахъ“, что совершенно согласно съ его дѣятельностью, какъ справщика и нововводителя признаковъ, начавшеюся не ранѣе 1667-го года, а официально проявленной только въ составѣ комиссіи 1668 года, прежде всего въ примѣненіи къ Ирмологу.

Но, какъ надо полагать, система признаковъ задумана была раньше этого, какъ это не трудно усмотрѣть изъ повѣствованія неизвѣстнаго автора XVII в.: „А въ нынѣшнихъ въ новыхъ въ нарѣчныхъ въ церковныхъ пѣвчихъ переводахъ *мастера* прежде рѣченныя дробныя зарембы сирѣчь помѣтки и кокизы отставиваютъ и въ то число ставятъ иные свои *признаки* и другимъ нѣкоимъ воображеніемъ начертаніе новотворять, якоже они воскоятятъ и разство имяни поставляютъ, знамя же и рѣчи, на многіе образцы перекладывая, измѣшали, а *истины еще не изыскали*“. Здѣсь отмѣчаются новые опыты введенія признаковъ, въ видѣ частныхъ попытокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подтверждается, что опыты еще не увѣнчались успѣхомъ. Это и будетъ періодъ времени между 1666-мъ и 1668-мъ годами. Отсюда же мы видимъ, что не одинъ Мезенецъ работалъ надъ признаками, а мастера, нѣсколько ихъ, почему и вполне должно допустить, что Минею, послѣ введенія признаковъ, писалъ подъ руководствомъ и редакціей Мезенца какой-либо изъ единомышленниковъ и сотрудниковъ его, хорошій каллиграфъ, а Ирмологъ съ Октоихомъ и Обиходомъ, не такъ уже каллиграфически, писалъ еще до официального введенія признаковъ самъ Мезенецъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и въ азбукѣ Мезенецъ дѣлаетъ свои нововведенія и справку именно съ Ирмолога, какъ первой простѣйшей ручной книги пѣвца, и съ другой стороны совершенно непонятно, почему бы Мезенецъ свой автографъ оставилъ въ Минеѣ общей, книгѣ мало употребительной. Витѣватая подпись Мезенца въ жалованіи есть вѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ простой почеркъ предмолвія въ книгѣ, и разыскивать единство почерка на этой почвѣ весьма рискованно²¹⁸). Всѣ данныя, напротивъ, намъ кажутся за то, чтобы

²¹⁸) Мы здѣсь разумѣемъ мнѣніе, высказанное Смоленскимъ въ стать „О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ“ стр. 35, 36, 37, совершенно обѣ

считать автографом Ирмологъ съ Октоихомъ и Обиходомъ, а не Минею общую, только редактированную подъ наблюдениемъ самаго Мезенца.

Повѣркою пѣвческой справы А. Мезенца, произведенной имъ съ своими сотрудниками ок. 1668 г., служить переводъ крюковыхъ пѣснопѣній Октоиха, Ирмолога и Праздниковъ на современные квадратныя ноты, исполненный, по порученію духовной власти комиссіей московскихъ синодальныхъ пѣвчихъ, въ числѣ четырехъ человекъ вполне компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ²¹⁹, въ 1772 году, болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ того. При руководствѣ этого нотнаго перевода и при помощи правленыхъ книгъ Мезенца крюковыхъ, какъ бы двухстороннихъ авторитетныхъ и разновременныхъ, независимыхъ другъ отъ друга документовъ, изслѣдователь домонгольскихъ крюковыхъ рукописей можетъ питать болѣе или менѣе твердую надежду на восстановление нынѣ забытыхъ церковныхъ напѣвовъ и мелодій богослужебнаго осмогласія знаменнаго распѣва въ домонгольскій періодъ русской церкви. Относительную помощь въ этомъ дѣлѣ могутъ оказать, кромѣ печатнаго нотнаго перевода синодальныхъ пѣвчихъ, и существующія въ довольномъ количествѣ двустрочныя рукописи XVIII-го вѣка, содержащія рядомъ, параллельно съ строками крюковыхъ пѣвческихъ знаковъ и подстрочный переводъ пѣснопѣній на линейныя ноты, представляя собою какъ бы двойное толкованіе древняго знаменнаго напѣва съ его осмогласіемъ и всѣхъ трудныхъ мѣстъ его симіографіи, ѳитъ, кокизъ—попѣвокъ и отдѣльныхъ пѣвческихъ знаковъ съ затемнившимся отъ времени пѣвческимъ значеніемъ.

И все же, должно сознаться, этимъ не устраняются всѣ трудности восстановленія пѣвческаго содержанія древнихъ рукописей. Препятствія возникаютъ совсѣмъ съ другой стороны, и препятствія вполне естественныя и притомъ неустранимыя. Разумѣемъ то, что, при массѣ крюковыхъ рукописей разныхъ вѣковъ, существуетъ почти такая же масса разныхъ редакцій напѣвовъ пѣвческихъ крюковыхъ книгъ и масса вариантовъ пѣвческихъ отдѣльныхъ пѣсноратное нашему, но совершенно неосновательное, въ виду изложенныхъ соображеній.

²¹⁹ Синодальные пѣвчіе, принимавшіе участіе въ переводѣ крюковыхъ книгъ на ноты линейныя, были: иподіаконъ Сергій Максимовъ, иподіаконъ Иванъ Никитинъ, пѣвчій Иванъ Тимофеевъ, пѣвчій Андрей Поповъ, все это лучшіе представители Синодальнаго хора: Сергій Максимовъ былъ уставщикомъ (въ нынѣшнемъ значеніи регентъ), а пѣвчій Иванъ Тимофеевъ былъ впоследствии и регентомъ Синодальнаго хора, какъ видно изъ дѣлъ Синод. Конторы. См. „Синод. бывшіе патріаршіе пѣвчіе“ брош. 1-я.

пѣній въ этихъ рукописяхъ, зависѣвшихъ, и отъ мѣста, и отъ времени происхожденія рукописи, отъ направленія и пріемовъ пѣвческой школы, къ которой принадлежалъ редакторъ рукописи и, наконецъ, отъ личныхъ творческихъ дарованій и взглядовъ редактора-пѣвца. Были школы новгородскія (Иванъ Шайдуровъ), нижегородскія (Семень Баскаковъ), московскія (Феодоръ Христіанинъ), усольскія (Иванъ Лукошковъ), вологодскія (игумень Памва) и старыя кievскія, каждая съ своимъ направленіемъ и своими вариантами въ напѣвахъ, съ своими толкованіями пѣвческаго значенія отдѣльныхъ крюковыхъ знаковъ, какъ это мы знаемъ отъ А. Мезенца и инока Евфросина, изобличавшаго нестроенія въ хоровомъ пѣніи, нерѣдко происходившія отъ несогласія въ пѣвческихъ вопросахъ самихъ представителей школъ и учителей. При этомъ пѣвческомъ разногласіи рукописей между собой не малую роль сыграли описки и невѣжество переписчиковъ пѣвческихъ рукописей, нерѣдко, по свидѣтельству инока Евфросина, молодыхъ недоучившихся отрочать. Хотя русскіе пѣвцы и могли говорить съ нѣкоторымъ сознаниемъ исполненнаго долга вѣрности старинѣ: „знаменные крюки бережемъ“, какъ свидѣтельствуешь Евфросинъ²²⁰, все же разногласіе редакцій крюковыхъ пѣвческихъ рукописей настолько значительно въ дѣйствительности, что изслѣдователю трудно создать изъ наличной пестроты ихъ какой-либо устойчивый *textus recertus* въ знаменномъ распѣвѣ, который бы неуклонно проходилъ прямою красною нитью по крюковымъ рукописямъ на всемъ протяженіи вѣковъ съ XII-го по XVIII-й.

Близость и родство крюковой симіографіи старыхъ пѣвческихъ рукописей, особенно домонгольскаго періода, съ симіографіей греческой, въ частности византійской, даетъ нѣкоторую возможность искать средствъ къ выясненію трудностей и запутанностей нашей старой системы знаменной симіографіи въ особенностяхъ и чертахъ старой системы симіографіи греческой и родственной ей, затѣмъ, системы симіографіи греческой позднѣйшей, поскольку элементы ихъ доступны болѣе или менѣе тщательному анализу и пониманію, какъ въ смыслѣ пѣвческомъ, такъ и въ отношеніи генетическаго и историческаго происхожденія по письму и начертанію пѣвческихъ знаковъ. Генесисъ же письма элементовъ пѣвческихъ знаковъ, какъ симіографіи греческой, такъ и симіографіи русской, естественно приводитъ къ общему ихъ началу корню, минуя хирономію, какъ начертательную систему намъ не вполне известную, къ достаточно известной намъ системѣ

²²⁰ См. „Очеркъ исторіи православно-церк.-п. въ Россіи“ изд. 3, стр. 70.

начертаній знаковъ псалмодическаго чтенія и знаковъ просодійныхъ. Въ основныхъ элементахъ системы древней псалмодіи мы можемъ находить первоначальныя указанія тѣхъ или другихъ формъ и начертаній немногихъ сравнительно знаковъ псалмодіи, тѣ или другія движенія мелодіи, повышенія и пониженія голоса, затыжки или ускоренія тоновъ, на всѣ тѣ основныя комбинаціи звука въ движеніи, изъ которыхъ создается, и речитативное, и мелодією съ ритмомъ украшенное движеніе тоновъ, или наше мелодически-ритмическое пѣніе.

Безъ сомнѣнія такія археологическія экскурсіи въ глубь старыхъ системъ и вѣковъ не могутъ имѣть такого реального значенія, какъ изученіе по ближайшимъ и живымъ памятникамъ, каковы знаменное пѣніе и симіографія послѣднихъ вѣковъ на Руси, но этому изученію и не придается первостепеннаго значенія, но лишь значеніе отдаленное, вспомогательное, при главномъ руководствѣ другихъ путей и средствъ изслѣдованія предмета, указываемыхъ самою сущностью дѣла и непрерывными традиціями пѣвческихъ приемовъ и техники русскихъ пѣвцовъ, затѣмъ и вѣками воспитаннымъ наслѣдственнымъ, вошедшимъ въ плоть и кровь, пѣвческимъ чутьемъ и національнымъ ихъ музыкальнымъ вкусомъ. Въ этомъ отношеніи весьма полезны и поучительны сохранившіеся отъ глубокой русской древности приемы и традиціи толкованія стараго знаменнаго напѣва и его симіографіи въ средѣ хорошихъ пѣвцовъ старообрядцевъ, нерѣдко поющихъ еще по хомовымъ крюковымъ книгамъ редакцій XV—XVI в.в., хотя и не безъ вліянія позднѣйшей уже пѣвческой техники и руководствъ, не исключая по временамъ и киноарныхъ помѣтъ, но въ большинствѣ же своемъ пользующихся обычно употребительною симіографією XVII—XVIII в.в. съ киноарными помѣтками и признаками, не пренебрегая при случаѣ и помощью хорошаго нотнаго изложенія стараго напѣва. Въ этихъ практическихъ способахъ пользованія пѣвческимъ матеріаломъ, выработанныхъ у старообрядческихъ пѣвцовъ продолжительнымъ непрерывнымъ наслѣдственнымъ опытомъ, нельзя не видѣть совершенной цѣлесообразности и тѣхъ ближайшихъ путей, которыми при рациональныхъ научныхъ приемахъ и средствахъ изученія и сопоставленія крюковыхъ рукописей разныхъ вѣковъ, долженъ пользоваться правильный научный методъ возстановленія стараго знаменнаго пѣнія и его крюковой симіографіи.

Сравнительному изученію подлежатъ главнымъ образомъ рукописи XII-го в., около 20, а затѣмъ частію XIII-го вѣка, которому изъ 5, исключая 2 кондакаря, принадлежатъ 3 рукописи,

Стихирарь,, Минея и Ирмологъ, частію XIV-го в., къ которому относятся только 3—4 рукописи, стихирари, и наконецъ большое количество рукописей XV, XVI и XVII в.в., рукописи же XVII-го в. особаго значенія въ этой работѣ не имѣютъ. Изъ рукописей перваго, домонгольскаго періода развитія знаменнаго распѣва и его симіографіи (25) большая часть стихирари (10), потомъ тріоди (5), затѣмъ ирмологи (3), минеи (2), книги смѣшаннаго содержанія—Типографскій Уставъ и Благовѣщенскій кондакаръ (2) и кондакари въ собственномъ значеніи—Лаврскій, Успенскій и Синодальный (3). Четырнадцатый вѣкъ, располагающій только 3—4-мя пѣвческими рукописями, представляется въ развитіи церковно-пѣвческаго дѣла малосодержательнымъ и незначительнымъ, обозначая собою какъ бы переходное время, промежуточный моментъ между домонгольскимъ и послѣмонгольскимъ періодомъ исторіи знаменнаго распѣва и его симіографіи. Послѣмонгольскій періодъ, въ собственномъ смыслѣ, съ его характерными отличіями хомового текста и особенностями симіографіи и мелодико-ритмическаго развитія мелодій знаменнаго распѣва, начинается уже съ XV-го вѣка и простирается по XVI-й в. включительно.

Этотъ періодъ наиболѣе широкаго развитія знаменнаго распѣва въ мелодіи и симіографіи. Въ это время появляется Октоихъ съ полнымъ изложеніемъ въ пѣвческихъ знакахъ воскресныхъ стихиръ „на Господи воззвахъ“, „на стиховнѣ“, „на хвалитѣхъ“, по осмогласію большого знаменнаго распѣва, съ антифонами, блаженнами, стихирами евангельскими. Въ это же время появляется Обиходъ съ неосмогласными пѣснопѣніями вечерни, утрени и литургій златоустовой, василіевой и преждеосвященной. Въ это же время появляются трезвонъ, пѣвческія книги со стихирами малымъ, особенно русскимъ святымъ, переработанные отчасти изъ прежнихъ стихирарей, а въ большинствѣ составленные вновь, по осмогласію знаменнаго распѣва. Тріоди, минеи и ирмологи въ это время редактируются въ полномъ составѣ. Вообще же это періодъ наиболѣе широкаго и всесторонняго развитія знаменнаго распѣва и его симіографіи въ цѣляхъ потребностей полнаго богослужебнаго годового круга пѣснопѣній.

Умноженіе количества пѣснопѣній совпало съ усиленнымъ развитіемъ церковно-пѣвческаго творчества. Изъ распѣвщиковъ и творцовъ знаменнаго пѣнія за этотъ періодъ времени, особенно же въ первой половинѣ и въ срединѣ XVI-го вѣка, извѣстны корельцы, братья, Василій и Савва Роговы, изъ коихъ первый—впослѣдствіи ростовскій митрополитъ Варлаамъ, затѣмъ Стефанъ Голышъ и ученикъ его Иванъ Лукошковъ, впослѣдствіи архи-

мандрить Исаія, попь Феодоръ Христіанинъ и Иванъ Носъ, сопутники царя Ивана Васильевича во время его проживанія въ слободѣ Александровской.

Повѣствователь времени Алексѣя Михайловича, на основаніи слышаннаго имъ отъ учениковъ христіаниновыхъ передаетъ: „Стефанъ Голышъ много знаменнаго пѣнія распѣлъ; а послѣ него ученикъ Исаія, тотъ вельми знаменнаго пѣнія распространилъ и наполнилъ. Отъ тѣхъ же христіаниновыхъ учениковъ слышахомъ, что онъ де имъ сказывалъ про стихеры евангельскія: нѣкто-де во Твери діаконъ бѣ зѣло мудръ и благовѣинъ, тотъ-де распѣлъ стихеры евангельскія; а псалтырь распѣта въ великомъ Новѣградѣ, нѣкто былъ инокъ, именемъ Маркелль, слылъ Безбородой, онъ же сложилъ канонъ Никитѣ, архіепископу новгородскому, вельми изящемъ. А Трїоди распѣлъ и изъяснилъ Иванъ Носъ, онъ же распѣлъ крестобогородичны и богородичны минейныя²²¹⁾“.

Послѣдній періодъ развитія знаменнаго распѣва и его симіографіи, XVII—XVIII в.в., долженъ быть отмѣченъ не столько разработкою мелодики и ритмики знаменнаго распѣва, что выпало преимущественно на долю предыдущаго періода, сколько выработкою истиннаго праворѣчія текста богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ въ связи съ необходимыми изложеніями для этой цѣли мелодическаго рисунка стараго распѣва и усовершенствованіемъ пѣвческой техники и методическихъ приѣмовъ системы крюковой симіографіи, выразившемся во введеніи въ технику крюкового письма и пѣнія, сначала киноарныхъ помѣтъ, а потомъ и черныхъ тушевыхъ признаковъ. Обѣ задачи усовершенствованія нашего богослужебнаго пѣнія за этотъ періодъ, какъ со стороны текста пѣснопѣній и мелодіи, такъ и со стороны крюковой его симіографіи, были выполнены исключительно въ теченіе XVII-го вѣка, причемъ введеніе въ крюковую систему киноарныхъ помѣтъ падаетъ на первую его половину, а исправленіе текста съ нѣкоторыми измѣненіями мелодіи и введеніе въ ту же систему признаковъ—на вторую половину того же вѣка.

Повѣствователь середины XVII-го вѣка такъ характеризуетъ основныя черты и приѣмы работъ нѣсколькихъ выдающихся дѣятелей въ дѣлѣ разработки знаменнаго распѣва въ мелодіи и крюкахъ за этотъ вѣкъ: „А старые-де мастера, которые были въ Московскомъ государствѣ блаженныя памяти при государѣ царѣ

²²¹⁾ Рукоп. Архива Минист. Иностр. Д. 600—4108. Москвитянинъ“ 1846 г. № 6, стр. 173—174. Ундольскій. „Замѣчанія для исторіи церк. п.“ М. 1846, стр. 22. См. также нашъ „Очеркъ истор. прав. церк. п. въ Россіи“, стр. 59.

и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи попь Феодоръ москвитинъ, а прозвище Хрестьянинъ и усолецъ Исаія, а прозвище Лукошко и Логинъ прозвище Корова, и ихъ ученики пѣли для науки кокизникъ и подобникъ наизусть, потому они согласіе и знамя гораздо знали, распѣвали и знамя накладывали наизусть. А помѣтокъ-де у нихъ въ переводѣхъ никакихъ не бывало, да и не знали ихъ. А сотворены тѣ озорительныя помѣтки въ новыхъ въ церковныхъ въ пѣвчихъ переводѣхъ русскими философы послѣ литовскаго разоренья при державѣ блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русіи. А творцы симъ озорительнымъ помѣткамъ были: москвитинъ Николая Явленнаго чудотворца изъ-за Орбатскихъ воротъ попь Лука, Устюга Великаго Феодоръ, а прозвище Копыль, Нижняго Новгорода Семень Васкаковъ, Вологженя Павлова монастыря игуменъ Памва, да Григорій Зепаловъ, да Кирило Гомулинъ. По нихъ же Левъ Зубъ и Иванъ Шайдуръ и Тихонъ Корела. И азъ у нихъ слышахъ и переводы ихъ видѣхъ и о томъ съ ними много бесѣдовахъ и елика уразумѣхъ, тако и написахъ²²²⁾. Это—выдержка изъ предисловія къ руководству пѣнія по крюкамъ, гдѣ авторъ выдвигаетъ достоинства своего труда и предлагаемыхъ имъ педагогическихъ приѣмовъ обученія пѣнію по крюкамъ, на основаніи самыхъ свѣжихъ указаній и бесѣдъ такихъ ученыхъ пѣвцовъ и учителей, съ ихъ техническими нововведеніями въ крюковую системѣ, какъ Иванъ Шайдуровъ, Тихонъ Корела, Левъ Зубъ.

Здѣсь авторъ довольно выразительно нарисовалъ картину широкаго развитія знаменнаго распѣва и разносторонняго усовершенствованія его симіографіи за цѣлое столѣтіе, по крайней мѣрѣ со второй половины XVI-го вѣка, до второй половины

²²²⁾ См. цитов. „Очеркъ“ стр. 63—64. Ркп. 6-ки Синод. Уч. № 219. Совершенно неосновательно утвержденіе А. В. Преображенскаго, высказанное въ „Очеркѣ церковнаго пѣнія въ Россіи“, изд. 2-е, стр. 14, что „Къ концу XV в., въ систему знаменъ вводится новый элементъ—такъ называемыя киноарныя помѣты, изображенныя новгородскимъ пѣвцомъ-мастеромъ Иваномъ Шайдуровымъ“,—и на стр. 17, что открытіе помѣтокъ принадлежитъ Ивану Шайдурову „(конецъ XVI в.)“. Изъ приведеннаго свидѣтельства видно, что первое введеніе киноарныхъ помѣтъ въ практику принадлежитъ не Ивану Шайдурову, а московскому попу Лукѣ и другимъ пѣвцамъ, а Ив. Шайдуръ лишь привелъ ихъ въ систему, а затѣмъ, что Ив. Шайдуръ извѣстенъ не въ концѣ XVI в., а въ первой четверти XVII-го в., послѣ литовскаго разоренія, при Мих. Феодоровичѣ (1613 г.); киноарныя же помѣты впервые изобрѣтены не въ концѣ XV в., а тогда же, послѣ разоренія (1613 г.), вѣроятно во второе десятилѣтіе XVII-го в. и до Ив. Шайдуря.

XVII-го, отмѣтивъ, какъ развитіе знаменнаго распѣва въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго (1533—1584), трудами Феодора Христіанина и архимандрита Исаи съ ихъ учениками и въ первой половинѣ XVII-го в., трудами Логгина († 1635 г.), съ учениками, такъ и разработку технической стороны системы крюковой симіографіи, изобрѣтеніемъ киноварныхъ помѣтъ въ началѣ XVII-го в., въ царствованіе Михаила Феодоровича (1613—1645), трудами московскаго попа Луки, великоустоужца Феодора Копыла, нижегородца Семена Баскакова, вологодца игумена Памвы, Григорія Зепалова и Кирила Гомулина, и окончательнымъ усовершенствованіемъ этихъ помѣтъ въ концѣ первой половины XVII-го вѣка, трудами Льва Зуба, Тихона Корелы и Ивана Шайдуря, по имени котораго и самыя киноварныя помѣты нерѣдко именуются шайдуровскими. Авторъ, какъ мы видѣли раньше, засталъ уже изобрѣтеніе признаковъ, взаимѣнъ киноварныхъ помѣтъ, предпринятое А. Мезенцемъ и его единомышленниками ок. 1667 г., окончательно введенныхъ комиссіей мезенцевской въ 1668 г., въ цѣляхъ печатанія крюковыхъ книгъ, и относится къ нему несочувственно, защищая киноварныя помѣты и отмѣчая, напротивъ, неустойчивость системы признаковъ, въ отношеніи точности и полноты ихъ пѣвческихъ указаній, по сравненію съ засвидѣтельствованною опытомъ цѣлесообразностью системы киноварныхъ помѣтъ или зарембъ. Однакоже, хотя признаки комиссіею и были введены, но и киноварныя помѣты остались по прежнему, такъ какъ печатаніе крюковыхъ книгъ, ради удобствъ котораго предполагалось удалить помѣты киноварныя и взаимѣнъ ввести признаки тушевые, по причинѣ затруднительности печатанія двумя красками—красной и черной,—рѣшительно не состоялось, а главнымъ образомъ, можно думать, вслѣдствіе возобладавшаго вліянія на церковно-пѣвческое дѣло въ Москвѣ южно-русскихъ, а болѣе всего, кievскихъ пѣвцовъ съ ихъ нотнотлинейною, легкою и удобною для печати и пѣнія, системою.

Появленіе же въ Москвѣ южно-русскихъ и, въ частности, кievскихъ пѣвцовъ, относится къ 1652 г., когда повелѣніемъ государя Алексѣя Михайловича впервые были вызваны изъ Кіева въ Москву одиннадцать пѣвцовъ, съ приличнымъ для нихъ вознагражденіемъ, а за ними потомъ потянулось немало и другихъ мастеровъ пѣнія, какъ изъ-за хорошаго заработка и почетной придворной службы въ столицѣ Руси, такъ и по причинѣ бывшихъ въ тѣ времена на югѣ Руси притѣсненій со стороны поляковъ и уніатовъ, а также дикихъ набѣговъ и звѣрскихъ погромовъ крымскихъ татаръ. Восемь кievскихъ пѣвцовъ въ челобитной

на имя Алексѣя Михайловича, въ 1662 г., такъ характеризуютъ обстоятельства этого дѣла: „Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ, грѣхъ ради нашихъ, въ нашей земли учинилась междоусобная брань, и отецъ нашихъ и матерей и сродниковъ побрали татарове въ полонъ, а мы остались государь, послѣ ихъ и поляковъ разорены и оскорблены до конца и, не хотя своя христіанскія вѣры порушити, отъ польскаго гоненія выѣхали на твое царское имя и на вѣчное житіе только душою да тѣломъ, слышачи твою царскую милость къ намъ сиротамъ“²²³). Насажденное въ Москвѣ, Новгородѣ и по всей Великороссіи, южно-русскими пѣвцами нотнотлинейное пѣвческое искусство и съ нимъ тѣсно связанное южное напѣвы, кievскій, греческій и партесное пѣніе, заимствованное съ запада, не замедлили окончательно утвердиться на Руси, въ противовѣсъ исконному русскому знаменному пѣнію съ его крюковой симіографіей, и вытѣснить крюковое пѣніе изъ церковно-пѣвческой практики. Это новое нотнотлинейное пѣніе поддерживали и цари, какъ Алексѣй Михайловичъ, Феодоръ и Петръ Алексѣевичи, такъ и высшіе іерархи, какъ патріархи Никонъ, Іоакимъ и Адрианъ, казначей котораго монахъ Тихонъ Макарьевскій порѣшилъ ок. 1682 г.²²⁴) уже совершенно покончить съ дѣломъ крюковаго пѣнія, составивъ „Сказаніе о нотномъ гласобѣжаніи и о литерныхъ знаменныхъ помѣтахъ и о знаменіи нотномъ“, которое объясняло крюковую систему пѣвческихъ знаковъ системою нотнотлинейныхъ знаковъ, тѣмъ какъ бы подчеркивая ненужность первой системы и полную цѣлесообразность и превосходство второй. И вотъ черезъ семьдесятъ два года послѣ этого, трудами синодальныхъ пѣвчихъ, крюковое пѣніе, въ изданіяхъ св. Синода, официально замѣняется нотнотлинейнымъ, господствующимъ въ церковно-пѣвческой практикѣ и доселѣ. Такъ исторія развитія знаменнаго пѣнія и его симіографіи въ третій и послѣдній періодъ, обнимающій въ общемъ XVII-й и XVIII-й вѣка, въ сущности сосредоточивается на XVII-мъ вѣкѣ, достигая въ это время своей послѣдней высшей ступени, и здѣсь заканчивается, представляя XVIII-му вѣку господство уже нотнотлинейнаго пѣнія и его системы пѣвческихъ знаковъ.

Обозрѣніе послѣднихъ судебъ нашего церковнаго пѣнія въ значительной степени помогаетъ понимать состояніе его въ домонгольскій періодъ.

²²³) См. цитов. „Очеркъ“ стр. 100 — 101. Ундольскій „Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи“. М. 1846, стр. 26.

²²⁴) Въ 6-мъ Москов. Синодальн. училища церков. п. есть рукопись „Ключа“ Т. Макарьевскаго, на которой подписанъ владѣльца 1683 г.

Бросая взглядъ на исторію и развитіе нашего церковнаго пѣнія и его симіографіи отъ начала ихъ до позднѣйшаго времени, мы можемъ представить весь ходъ этой исторіи и развитія въ слѣдующемъ схематическомъ видѣ, по періодамъ и вѣкамъ. Періоды: домонгольскій старый праворѣчный XII—XIII в.в., послѣдомонгольскій, раздѣльнорѣчный, XIV—XV и XVI в.в., новый праворѣчный, XVII—XVIII в.в. Въ частности, по вѣкамъ, ходъ исторіи церковнаго русскаго пѣнія и его симіографіи отмѣчается слѣдующими чертами. Послѣдняя половина XI в. и первая половина XII в.—это время систематическаго образованія стараго знаменнаго пѣнія и старой крюковой симіографіи на почвѣ греко-славянскаго напѣва и греко-сирійской симіографіи, при помощи и посредствѣ греко-славянской и славяно-русской хирономіи; вторая половина XII в. и первая половина XIII в.—время наибольшаго развитія знаменнаго пѣнія съ его симіографіей и обособленія его отъ греческаго вліянія, въ смыслѣ поворота къ совершенно самостоятельному существованію, вторая половина XIII в. и весь XIV в.—переходное время между пѣніемъ и симіографіей домонгольскаго періода, отражавшаго на себѣ вліяніе греко-славянское, и періода послѣдомонгольскаго, съ чисто русскимъ направленіемъ, весь XV-й вѣкъ,—время самостоятельнаго, съ чисто русскимъ, точнѣе, великорусскимъ направленіемъ, своеобразнаго развитія церковнаго пѣнія въ духѣ народномъ, съ хомонією, умноженіемъ ея и усовершенствованіемъ симіографіи; XVI-й вѣкъ и особенно вторая его половина—время наивысшаго развитія и художественно-народной обработки знаменнаго распѣва въ мелодіи и ритмѣ съ помощію кокизниковъ, подобниковъ и ѣитниковъ, при полномъ господствѣ хомоніи; первая половина XVII-го в.—время дальнѣйшей разработкы и умноженія знаменнаго пѣнія, первыя попытки исправленія хомоніи на рѣчь, введенія шайдуровскихъ киноварныхъ помѣтъ и признаковъ Мезенца, попытки печатанія крюковъ, появленія нотнелинейной системы въ Великороссіи; начало XVIII вѣка — опыты перевода крюковъ на линейныя ноты, по ключу Т. Макарьевскаго, и во второй половинѣ—полное господство нотнелинейной системы и переводъ крюковыхъ пѣснопѣній на ноты, по благословенію Св. Синода.

Таковъ краткій схематическій очеркъ исторіи нашего знаменнаго пѣнія съ его симіографіей за весь періодъ его существованія, съ послѣдней половины XI-го в. и по XVIII-й вѣкъ включительно, представляющаго собою рядъ особыхъ своеобразныхъ, тѣсно связанныхъ между собою и въ общемъ ходѣ развитія историческихъ моментовъ, въ рѣшительной очевидной зависимости,

какъ отъ измѣнчивыхъ политическихъ судебъ старой Руси, такъ и отъ своеобразныхъ судебъ нашей русской церкви, жившей народною жизнью, ея нуждами и потребностями, ея удачами и неудачами,—причемъ нашъ домонгольскій періодъ церковнаго пѣнія на Руси представляетъ собою только одинъ изъ этихъ моментовъ, хотя и болѣе интересный, какъ начальный и исходный, но и болѣе трудный и малодоступный для изученія по своей отдаленности и своеобразности въ сравненіи съ современнымъ пониманіемъ этого предмета и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно непонятный и загадочный для современнаго изслѣдователя.

Глава XIV.

Научный методъ и приемы къ уясненію знаменнаго пѣнія и его симіографіи въ домонгольскій періодъ. Главнѣйшіе факторы образованія знаменнаго распѣва—пѣніе по „подобнику“, „кокизнику“ и фонетика языка.

Итакъ путь изученія знаменнаго пѣнія и его симіографіи въ этотъ важный для пѣвческой науки и дѣла русскаго церковнаго пѣнія, но и мало доступный періодъ времени, домонгольскій, есть путь тщательнаго анализа рукописей этого времени и сравненія ихъ съ рукописями ближайшихъ къ нему періодовъ, во-первыхъ, послѣдомонгольскаго, хомового, беспомѣтнаго и безпризначнаго, во-вторыхъ, праворѣчнаго, великорусскаго, помѣтнаго и призначнаго, это съ одной стороны, съ другой—путь аналогіи, индукціи и синтетическихъ выводовъ отъ извѣстнаго намъ пѣвческаго матеріала, современныхъ приемовъ пѣнія и состоянія симіографіи къ ихъ искомому первоначальному существованію, исходя изъ данныхъ нотнелинейнаго пѣнія и затѣмъ безлинейной симіографіи помѣтной и призначной и, сближаясь, затѣмъ на почвѣ пѣнія хомового безпризначнаго и беспомѣтнаго, съ его особыми приемами пѣнія и симіографіею. Этотъ двухсторонній методъ изученія нашего предмета въ первой своей половинѣ есть методъ историко-археологическій, прогрессивный, во второй—индуктивно-практический, регрессивный, въ своей же сложности и цѣлости этотъ методъ, какъ полагающій конечною цѣлью возстановленіе древней системы церковнаго пѣнія и симіографіи, главнымъ образомъ, на основаніи позднѣйшихъ церковно-пѣвческихъ данныхъ, по всей справедливости, можетъ быть отмѣченъ, какъ методъ научный ретроспективный. Руководствуясь ретроспективнымъ методомъ, изслѣдователь церковнаго пѣнія русскаго въ состояніи прослѣдить главнѣй-

пія пѣснопѣнія Стихирарей, Ирмологовъ и Трїодей домонгольскаго періода по соотвѣтствующимъ книгамъ всѣхъ другихъ вѣковъ и періодовъ, включая самыя позднѣйшія крюковыя редакціи, и изъ этого обширнаго сравнительнаго крюкового матеріала, путемъ критическихъ изысканій и сопоставленій разныхъ крюковыхъ редакцій, въ состояніи попытаться создать приблизительную, болѣе или менѣе устойчивую общую редакцію пѣснопѣній, своего рода *textus receptus*, съ которымъ и оперировать, какъ съ гипотетическимъ, научно-мыслимымъ, идеальнымъ крюковымъ изложеніемъ, удобопріемлемымъ, по возможности, для всѣхъ періодовъ исторіи крюкового пѣнія. Установленіе такой общепріемлемой для всей исторіи крюкового пѣнія крюковой редакціи пѣснопѣній знаменнаго распѣва составляетъ одну половину дѣла.

Другую его половину составляетъ возстановленіе или точнѣе, установленіе пѣвческаго значенія или пѣвческой редакціи этого крюкового изложенія пѣснопѣній. Руководствуясь тѣмъ же методомъ, изслѣдователь начинаетъ вскрывать основной напѣвъ, древній *cantus firmus*, исходя изъ нотнелинейнаго его изложенія, въ довѣрїи умѣнью, знаніямъ, традиціи и опыту его переводчиковъ, синодалныхъ пѣвчихъ, обращаясь затѣмъ къ авторитетнымъ Меценцевскимъ переводамъ, призначнымъ и помѣтнымъ и затѣмъ къ древнѣйшимъ хомовымъ, безпризначнымъ и безпомѣтнымъ и, только пройдя этотъ путь въ глубь происхожденія знаменнаго распѣва, онъ въ состояніи выработать себѣ болѣе общую, устойчивую, освобожденную отъ позднѣйшихъ наростовъ и наслоеній, первоначальную ткань напѣва, древній *cantus firmus*, и ужъ на рубежѣ періодовъ послѣмонгольскаго и домонгольскаго сдѣлать попытку возстановить пѣвческій составъ крюковыхъ рукописей домонгольскихъ, руководящихъ, основныхъ и исходныхъ въ исторіи нашего русскаго церковнаго пѣнія. Примѣненіе ретроспективнаго метода по реставрированію древняго знаменнаго пѣнія и его симіографіи не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій въ ученыхъ трудахъ этого рода, пока изслѣдователь имѣетъ дѣло съ рукописями и пѣвческими документами XIX, XVIII и XVII в.в. и оперируетъ въ этой области, вполне доступной качественно, хотя и обширной количественно, и изобилующей массою разнообразныхъ редакцій однѣхъ и тѣхъ же пѣвческихъ книгъ и массою новыхъ пѣснопѣній въ сравненіи съ пѣвческою практикою предшествующаго времени. Свѣжесть преданія, близкая преемственность пѣвческихъ традицій, сравнительная полнота и точность вспомогательныхъ средствъ къ вѣрной записи и передачи напѣвовъ въ крюковомъ письмѣ, при помощи основательно разработанной

системы киноварныхъ помѣтъ, а затѣмъ признаковъ, и, наконецъ, двойного письма, и совершеннѣйшей и простѣйшей системы нотнелинейной,—все это обуславливало значительное однообразіе, сохраненіе и закрѣпленіе напѣвовъ этого періода времени въ устойчивыхъ мелодическихъ и ритмическихъ формахъ, такъ что отдѣльныя пѣснопѣнія, за рѣдкими исключеніями, исполнялись также въ XIX вѣкѣ, какъ и въ XVII-мъ, и осмогласіе знаменнаго распѣва, и мелодически, и ритмически за это время было безусловно устойчиво.

Но не то уже наблюдается въ XVI и XV в.в. Это было періодъ пѣнія хомоваго или раздѣльнорѣчнаго, когда въ пѣвческомъ текстѣ, вопреки тексту читаемому, царило полногласіе, законное и незаконное, т. е., какъ требуемое фонетикой языка, какъ и запрещаемое ею, вводимое нерѣдко произволомъ, недомысліемъ и невѣжествомъ пѣвцовъ, и нерѣдко и злонамѣреннымъ умысломъ вольнодумцевъ въ религіи, какъ на это выразительно и настойчиво указывалъ инокъ Евфросинъ въ своемъ сочиненіи „Сказаніе о различныхъ ересѣхъ и хуленіяхъ на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, содержимыхъ отъ невѣдѣнія въ знаменныхъ книгахъ“²²⁵), гдѣ однимъ изъ виновниковъ извращенія священнаго текста по раздѣльнорѣчїю онъ называлъ Схарїю и жидовствующихъ, а частію невѣжественныхъ пѣвцовъ и переписчиковъ знаменныхъ пѣвческихъ книгъ „молодыхъ недоучившихся отрочать“. Раздѣльнорѣчїе оказало то вліяніе на ткань напѣва, что онъ въ иныхъ случаяхъ оказался короче праворѣчнаго, а въ другихъ—длиннѣе, мѣстами онъ содержалъ больше мелодическихъ вариантовъ и ритмическихъ особенностей, а мѣстами—меньше, хотя основные осмогласные напѣвы, гласовыя попѣвки, какъ типическія гласовыя мелодико-ритмическія фигуры, оставались неизмѣнными въ оба эти періода крюкового пѣнія, раздѣльнорѣчный и праворѣчный, съ XV-го в. по XVIII-й включительно. Это вполне понятно. Напѣвные мелодико-ритмическія части, или отдѣльные тоны той, или другой высоты и той, или другой продолжительности (моры) падаютъ только на отдѣльные гласные звуки, что подтверждаетъ и самое ихъ наименованіе (голосные). Поэтому и выходило, что когда въ раздѣльнорѣчїи пѣли *Сонасо, денесе*, употребляя для этихъ словъ три напѣвныхъ единицы (моры), въ пра-

²²⁵) Рукопись 6-ки Синод. Учил. № 74, съ датой 1663 г., другая 6-ки Хлудовской, третья Толстовской 1 и 6. Выдержки есть у Сахарова, Ундольскаго, Разумовскаго. Инокъ Евфросинъ писалъ въ первой половинѣ XVII-го в. до 1652 года.

ворѣчи пѣли *днесъ, Спасъ*, по одной напѣвной единицѣ на слово; но съ другой стороны, вслѣдствіе новой обработки рѣчи въ праворѣчи, по сравненію съ раздѣльнорѣчіемъ, выходило такъ, что въ первомъ оказывалось слоговъ больше, чѣмъ во второмъ, напр.: когда въ праворѣчи стало „*Маніемъ твоимъ*“, въ раздѣльнорѣчи было „*Маніемъ ти*“, что требовало разнаго количества напѣвныхъ единицъ. Такимъ образомъ между отдѣльными попѣвками въ раздѣльнорѣчи и праворѣчи образовалось неодинаковое количество промежуточныхъ речитативныхъ и соединительныхъ, связующихъ эти попѣвки, напѣвныхъ единицъ и мелодическихъ отрѣзковъ, почему однѣ и тѣ же пѣснопѣнія, раздѣльнорѣчныя и праворѣчныя, съ тѣмъ же самымъ напѣвомъ, не могли, однакоже, совершенно совпадать между собою и порождали собою отдѣльныя своеобразныя редакціи.

Это своеобразіе редакцій увеличивалось еще оттого, что пѣвцы довольно свободно обращались съ попѣвками, особенно при изложеніи новыхъ текстовъ на знаменный распѣвъ, и комбинировали ихъ каждый по своему, отчего, однакоже, характеръ того или другого гласа нисколько не терялся. Такъ пресловутый пѣвецъ и печальной памяти справщикъ Логгинъ — головщикъ Троицкой лавры, могъ распѣть одинъ и тотъ же текстъ знаменныхъ распѣвомъ въ одномъ и томъ же гласѣ на пять, на шесть, на десять и даже на семнадцать переводовъ или редакцій напѣвныхъ. Такая свобода распѣванія знаменнаго распѣва, вытекающая изъ его существенныхъ богатыхъ художественныхъ свойствъ, но въ иныхъ случаяхъ переходившая въ чистый произволъ и капризъ пѣвца, не могла не быть новою и, должно сказать, главною причиною образования въ пѣвческой практикѣ множества своеобразныхъ напѣвныхъ редакцій однихъ и тѣхъ же пѣснопѣній знаменнаго распѣва, притомъ въ такой большой періодъ времени, какъ промежутокъ съ XV в. по XVII-й и часть XVIII-го.

Эти двѣ причины — переработка текста изъ раздѣльнорѣчія въ праворѣчіе и свободное пользованіе попѣвками знаменнаго распѣва для выраженія его осмогласія, причины совершенно естественныя, неизбѣжныя и неустранимыя въ церковно-пѣвческомъ дѣлѣ русскомъ, и породили собою то множество и разнообразіе редакцій пѣснопѣній знаменнаго распѣва, которое, открывая просторъ научно-художественному интересу и наблюденію за широтой и свободой художественнаго творчества знаменнаго пѣнія съ его симіографіей, составляетъ, однакоже, великій камень преткновенія, какъ для установленія *textus receptus* въ симіографіи, такъ и для возстановленія *cantus firmus* въ напѣвѣ знаменномъ. Для

болѣе правильнаго пониманія образованія множества и разнообразія редакцій знаменнаго распѣва и тѣхъ условій и пѣвческихъ методическихъ приемовъ, при помощи которыхъ совершалась разработка и развитіе знаменнаго распѣва съ его симіографіей въ наиболѣе производительный въ этомъ отношеніи періодъ времени XVI—XVII в.в., весьма любопытно отмѣтить вышеприведенное свидѣтельство повѣствователя середины XVII в., что „старые мастера“ временъ Ивана Васильевича и Михаила Федоровича, распѣвавшіе и наполнявшіе знаменный распѣвъ стихирами минейными, тріодными, евангельскими, канонами, и ученики ихъ производили свою работу такимъ образомъ: „пѣли для науки кокизникъ и подобникъ наизусть, потому они согласіе и знамя гораздо знали, распѣвали и знамя накладывали наизусть. А помѣтокъ-де у нихъ въ переводѣхъ никакихъ не бывало, да и не знали ихъ“. Помѣты, какъ мы знаемъ отъ того же повѣствователя, были изобрѣтены въ началѣ XVII в. трудами нѣсколькихъ пѣвцовъ, по почину московскаго попа Луки, работавшихъ въ этомъ дѣлѣ, каждый въ отдѣльности, по своему разумѣнію, очевидно вслѣдствіе сознанный многими пѣвцами настоятельной потребности урегулированія напѣва съ его симіографіей, предупрежденія неточностей и неправильностей въ его пониманіи и исполненіи, и закрѣпленія его въ наиболѣе устойчивомъ безошибочномъ крюковомъ письмѣ. Опыты не могли быть всѣ удачными и согласными между собою, и не могло быть единообразія при многихъ начинаніяхъ, почему и естественно, что ни одна изъ системъ помѣтокъ помянутыхъ авторовъ не утвердилась въ пѣвческой практикѣ.

Наилучшею системою помѣтокъ въ срединѣ XVII в. оказалась система помѣтъ шайдуровскихъ. Въ статьѣ „Сборника“ Императорской Публичной Б-ки XVII в., озаглавленной „Сказаніе о помѣткахъ, еже пишутся въ пѣніи надъ знаменемъ“, передается: „Бѣ пѣкій въ пѣніи дидакаль сирѣчь учитель въ сей православної и величїи Россіи просіявшій доброгласіемъ божественнаго пѣнія, имянемъ Иоаннъ Иоакимовъ, емужъ и просто нарицваніе Шайдуръ. Сей бо Иоаннъ многимъ прилежаніемъ и великимъ тѣпаніемъ изобрѣте знаменнаго пѣнія и изяшнаго доброгласія. Ему и сія откры Богъ подлинникъ подмѣткамъ“²²⁶. (Идутъ примѣры). „Сіе уложеніе къ нашему ученію знаменному пѣнію новгородца Иоанна Иоакимова сына, а прозвищемъ Шайдуръ, истинно есть и неложно, къ наученію достойно, ко всякому пѣнію вразу-

²²⁶ См. также Сахарова „Исслѣдованія о русск. церк. пѣснопѣніи“. М. 1846, гл. I, стр. 10.

нительно“²²⁷⁾. Эти слова — высшая аттестация шайдуrowsкой системы помѣтокъ, въ сравненіи съ другими, оправдываемая вполнѣ всей послѣдующей исторіей крюковой симіографіи, утвердившейся на ней одной. Эта система давала пѣвцу полную увѣренность въ точности пониманія излагаемаго въ крюкахъ напѣва, устраняя всѣ сомнѣнія и недоумѣнія въ толкованіи и выполненіи его, и давала въ руки его вѣрныя средства къ распѣванію, распространенію и наполненію знаменнаго распѣва новыми пѣснопѣніями, равно и къ безошибочному и безспорному закрѣпленію его для будущаго. Но уже самый фактъ изобрѣтенія помѣтокъ убѣдительно указывалъ на то, что прежде существовавшіе приемы распѣванія знаменнаго распѣва и накладыванія знамени оказывались во многомъ неудовлетворительными, давали мѣсто произволу и единоличному пониманію дѣла, во вредъ единообразія пѣнія и требовали усовершенствованія и болѣе основательной разработки устойчивости системы крюковой симіографіи. А эти приемы, какъ сказано, сводились къ пѣнію „по согласію“, „подобнику“ и „кокизнику“ и къ накладыванію знамени къ напѣвамъ „наизустъ“. Пѣвцы XVI в. знали „подобникъ“ и „кокизникъ“ наизустъ и „согласіе“ гораздо знали и знамя для новыхъ пѣснопѣній накладывали „наизустъ“. Образецъ такого „подобника“ въ древнѣйшій еще домонгольскій періодъ времени, содержащій до 30 стихиръ разной текстовой величины и гласового напѣва, то болѣе развитаго, праздничнаго, то болѣе краткаго, обыденнаго, мы видѣли на выдѣленныхъ изъ другого пѣвческаго матеріала въ особую группу стихирахъ подобныхъ въ Типографскомъ Уставѣ. Такой сборникъ стихиръ, заученныхъ, каждая въ отдѣльности, въ своемъ напѣвѣ и гласовыхъ мелодическихъ строкахъ наизустъ, какъ это примѣняется нынѣ въ обычномъ напѣвѣ, давалъ возможность пѣвцу, при первой же надобности, распѣть по подобію ихъ любой новый текстъ, каждую новую стихирю, лишь бы текстъ ея укладывался болѣе или менѣе точно въ текстовыя рамки существующихъ пѣснопѣній подобныхъ, что всегда достигается весьма легко при обычномъ приемѣ пѣснослагателей древнихъ и новыхъ располагать текстъ вновь составляемыхъ стихиръ по образцу уже существующихъ, болѣе извѣстныхъ и образцовыхъ въ литературномъ отношеніи, произведеній священной поэзіи классическихъ. А эти классическія произведенія обычно и служатъ для пѣвцовъ пѣвческими подобными въ ихъ старинномъ образцовомъ пѣвческомъ изложеніи и въ крюкахъ. Такимъ обра-

²²⁷⁾ Ibid. стр. 7.

зомъ пѣніе на подобенъ опытному пѣвцу дается совершенно легко и совершается успѣшно. Но здѣсь, какъ и въ пѣніи на подобенъ нынѣшняго обычнаго напѣва, у каждаго пѣвца могутъ быть свои своеобразныя уклоненія отъ принятаго пѣвческаго изложенія, вытекающія изъ свойственнаго ему чувства мелодики и ритмики, нѣкоторая художественная свобода творчества и даже произволь, слѣдствіемъ чего является нарастаніе въ разныхъ пѣснопѣніяхъ одного и того же гласа своихъ вариантовъ мелодическихъ и ритмическихъ, нѣкоторыя уклоненія отъ нормы, свои особенныя пѣвческія идиотизмы, что придаетъ цѣлому пѣснопѣнію и свой особый пѣвческій отпечатокъ и характеръ, отличающій его отъ другихъ подобныхъ ему пѣснопѣній того же класса. Нерѣдко этотъ характеръ пѣснопѣнія зависитъ еще и отъ текста его, не совпадающаго совершенно съ рамками текста стихиръ подобной и соотвѣтственно вліяющаго и на пѣвческій складъ, характеръ и пѣвческія особенности и самой вновь распѣваемой стихирѣ.

Изъ этихъ своеобразныхъ мелодическихъ и ритмическихъ чертъ и особенностей каждой отдѣльной стихирѣ, распѣваемой на подобенъ, естественно слагается у пѣвцовъ по нѣсколькимъ особенныхъ редакцій отдѣльныхъ пѣснопѣній, въ какомъ видѣ онѣ входятъ и въ разные пѣвческіе крюковые сборники разновременнаго и разномѣстнаго происхожденія. Если мы теперь постоянно видимъ, что нѣсколько пѣвцовъ, зная твердо напѣвъ подобна, не въ состояніи однокоже, безъ спѣвки, сразу пропѣть согласно малоизвѣстную по тексту стихирю, причемъ каждый пѣвецъ склоненъ вносить въ исполненіе свое мелодическое и ритмическое толкованіе и варианты, хотя и вполнѣ умѣстные, то тоже, безъ сомнѣнія, должно было имѣть мѣсто въ пѣвческомъ дѣлѣ и раньше, на основаніи того же закона свободы художественнаго творчества, и это было вполнѣ естественною и неустранимою совершенно причиною образованія многихъ пѣвческихъ редакцій и ихъ крюковыхъ изложеній, какъ въ древности, такъ и въ позднѣйшее время.

Кромѣ „подобника“, пѣвцы XVI вѣка пѣли наизустъ и „кокизникъ“, или сборникъ „кокизъ“ или „лицъ“ и „еять“, т. е. своеобразныхъ мелодическихъ и ритмическихъ фигуръ, оборотовъ или попѣвокъ, свойственныхъ каждому гласу знаменнаго распѣва въ особенности, или нѣсколькимъ гласамъ вмѣстѣ, и характеризующихъ собой тотъ или другой гласъ осмогласія знаменнаго распѣва, въ отличіе отъ другихъ, такъ что, зная всѣ эти кокизы — попѣвки, которыхъ въ разныхъ гласахъ отъ 30 до 90, пѣвецъ въ состояніи былъ излагать на гласы знаменнаго распѣва любое

пѣснопѣніе, какой бы длины не былъ ея текстъ,—и разными комбинаціями попѣвокъ, и самымъ выборомъ ихъ для того, или другого текста достигать разнообразныхъ художественныхъ цѣлей церковно-пѣвческаго творчества. Въ отличіе отъ пѣнія по подобнику, связывавшаго пѣвца текстомъ определенной длины, равнымъ съ текстомъ подобнаго, съ такимъ же количествомъ предложеній или текстовыхъ стихныхъ строкъ и обязывавшаго его распѣть этотъ текстъ на напѣвъ подобна известной установленной длины и мелодико-ритмическаго рисунка, съ незначительными развѣтвленіями отъ нормы, — пѣніе по „коклизнику“ было независимо какъ отъ длины текста пѣснопѣнія и количества составляющихъ его предложеній—строкъ, такъ и отъ длины и мелодико-ритмическаго рисунка напѣва пѣснопѣній, отъ какой-бы то ни было развѣтвленной пѣвческой нормы. Это было свободное художественное творчество въ области осмогласія знаменнаго распѣва по законамъ, во первыхъ тематизма, во вторыхъ, риемованія пѣвческихъ строкъ²²⁸). Результатами такого церковно-пѣвческаго творчества являлось то, что, вопреки пѣнію на подобень, ни одно изъ распѣтыхъ такимъ образомъ пѣснопѣній одного гласа не было совершенно сходно съ другимъ пѣснопѣніемъ того же гласа, ни размѣромъ длины, ни мелодико-ритмическимъ рисункомъ напѣва пѣснопѣнія, а равно, ни выборомъ и количествомъ употребленныхъ въ распѣваніи попѣвокъ, ни способомъ ихъ комбинаціи и сопоставленія по законамъ тематизма и риемованія, такъ что каждое пѣснопѣніе одного и того же гласа знаменнаго распѣва представляло собою совершенно особое своеобразное самостоятельное художественное пѣвческое произведеніе, отличное отъ всякаго другого пѣснопѣнія того же гласа.

Такое свободно-художественное распѣваніе и творчество въ области осмогласія знаменнаго распѣва по „коклизнику“ въ размѣрахъ широкихъ, положило начало и впоследствии создало и завершило совершенно особую своеобразную и главнѣйшую вѣтвь въ области стараго обще-знаменнаго пѣнія — *большой* знаменный распѣвъ или распѣвъ столповой, въ то время какъ ограниченное въ своихъ рамкахъ старинное пѣніе по „подобнику“ издавна выдѣлило изъ области того же знаменнаго стараго пѣнія — *малый* знаменный распѣвъ, который былъ и оставался всегда пѣніемъ обычнымъ, по преимуществу будничнымъ,—большой же знаменный распѣвъ сталъ, по преимуществу, пѣніемъ особо-торжествен-

нымъ, праздничнымъ, *столповымъ*, такъ какъ, очевидно, употреблялся въ тѣ дни годового круга богослуженія, когда по уставу мѣнялись обыденные очередные недѣльные *гласовые столпы*, т. е. по воскреснымъ днямъ и праздникамъ нарочитымъ, причемъ этотъ распѣвъ, появляясь каждый разъ на рубежѣ двухъ столповъ, какъ бы заканчивалъ собой предыдущій недѣльный гласовой столпъ и начиналъ послѣдующій, мѣняя гласы осмогласнаго пѣнія съ черембною уставныхъ гласовыхъ столповъ.

Такая свобода художественнаго творчества и распѣванія пѣснопѣній въ области осмогласія большого знаменнаго распѣва по „коклизнику“, когда пѣснопѣнія одного и того же гласа были совершенно своеобразны и не сходны между собою, когда каждый „распѣвщикъ и творецъ“ знаменнаго пѣнія по своему могъ комбинировать попѣвки одного и того же гласа и излагать, какъ известный головщикъ Логинъ, одно и тоже пѣснопѣніе на 5, на 10 и на 17 способовъ, не нарушая однакоже, осмогласія, — такія широкія полномочія пѣвческаго творчества открывали и широкій просторъ появленію многихъ редакцій осмогласія большого знаменнаго распѣва, нерѣдко въ ущербъ самому церковно-пѣвческому дѣлу.

Инокъ Евфросинъ, повѣствователь середины XVII вѣка, весьма мѣтко характеризуетъ эту свободу творчества и злоупотребленіе ею, съ его послѣдствіями: „Межь собою тые краснопѣвцы, укоряющеся, другъ друга поносятъ, себя же кождо величаетъ и, хваляся, глаголетъ; азъ есмь Шайдуровъ ученикъ, а инъ хвалитъ Лукошково ученіе, инъ же Баскаковъ переводъ, и инъ Дудкино пѣніе, а инъ Усольскій переводъ, а инъ Христианиновъ, а прочіи прочихъ“. Свобода мелодико-ритмическаго творчества въ области осмогласія большого знаменнаго распѣва отразилась и на свободѣ толкованія и пониманія пѣвческаго значенія отдѣльныхъ частей и знаковъ крюковой симіографіи того же времени, вслѣдствіе того, что пѣвцы и „знамя накладывали наизусть“. Это накладываніе знамени на напѣвы и тексты пѣснопѣній „наизусть“, не регулируемое общеустановленными болѣе или менѣе полными кодексами системы крюковой симіографіи, основательно разработанными общепринятыми руководствами крюковаго пѣнія, пѣвчими азбуками, какъ это стало впоследствии, особенно въ XVII вѣкѣ,—вело къ значительной свободѣ толкованія и пѣвческаго исполненія уже существующихъ пѣвческихъ знаковъ и къ попыткамъ устраненія или видоизмѣненія знаковъ старыхъ и введенія знаковъ новыхъ, что при предполагаемомъ улучшеніи самой системы крюковой симіографіи, ея развитіи и усовершенствованіи, могло,

²²⁸) О попѣвкахъ см. „Осмогласіе знаменнаго распѣва“. М. 1900.

однакоже, вносить въ систему уже достаточно установившуюся, однакоже, нѣкоторый разладъ и нестроеніе, вмѣсто ожидаемаго успѣха, тормозить ходъ церковно-пѣвческаго дѣла и во всякомъ случаѣ содѣйствовали умноженію пѣвческихъ редакцій пѣснопѣній знаменнаго распѣва, помимо мелодіи, уже и въ пѣвческихъ крюковыхъ знакахъ, и слѣдовательно, осложненію крюковыхъ редакцій. По свидѣтельству А. Мезенца, писателя пѣвца середины XVII в., „въ старыхъ раздѣльнорѣчныхъ переводѣхъ въ нѣкоемъ лицѣ (*кокизѣ*) въ двухъ гласахъ (2 и 6) пѣлося „два въ челну“ за „сложитію полную съ чашкою“, а „сложитія съ запятою и чашкою“ въ осмомъ гласѣ, въ нѣкоемъ лицѣ (*кокизѣ*) поется въ четыре степени и то усольскимъ мастеровѣніемъ, московскимъ же пѣніемъ, иже христіаниновъ переводъ именуется, въ томъ же лицѣ и гласѣ поется сія „сложитія“ своимъ разводомъ, понеже старый христіаниновъ переводъ во многихъ лицахъ (*кокизахъ*) и разводахъ и попѣвкахъ со усольскимъ мастеровѣніемъ имѣеть различіе“²²⁹). Во всякомъ случаѣ эта двухсторонняя свобода, въ напѣвѣ и въ симіографіи большого знаменнаго распѣва, была не настолько велика, чтобы разрушить единообразіе и общій характеръ основного типа осмогласія знаменнаго распѣва и подорвать достаточность и устойчивость системы знаменной крюковой симіографіи, какъ доказала это послѣдующая исторія, сохранившая намъ то и другое достояніе въ ихъ существенной пѣлости, напротивъ, въ художественномъ смыслѣ она была причиною полноты, разнообразія и нѣкоторой независимой виртуозности творчества отдѣльных пѣснопѣній и всего знаменнаго распѣва въ его цѣлости, по сравненію съ другими, болѣе бѣдными съ художественной стороны церковными напѣвами, и значительнаго еще развитія и усовершенствованія системы крюковой симіографіи, въ сравненіи съ прежнимъ ея состояніемъ. Все же должно признать что такая свобода въ области большого знаменнаго распѣва создала значительное число редакцій его, какъ въ напѣвѣ, такъ и въ симіографіи, съ которыми волей-неволей приходится основательно считаться изслѣдователю, ищущему *textus recertus* въ симіографіи и *cantus firmus* въ мелодіи знаменнаго распѣва.

По той тѣсной связи, которая замѣтна между развитіемъ и обогащеніемъ большого знаменнаго распѣва, въ отношеніи количественнаго возрастанія и качественной художественной разработки пѣснопѣній, и практикою приемовъ творчества и пѣнія по „кокизнику“, мы вправѣ заключить, что начало, точнѣе, выдѣленіе

²²⁹) Рукопись 6-ки Синод. Учл. №№ 219, 727. Ср. Азб. Смол.

большого знаменнаго распѣва изъ стараго общезнаменнаго пѣнія, заключавшаго въ себѣ, съ одной стороны, въ пѣніи на „подобень“, малый знаменный распѣвъ пѣшликомъ, въ простѣйшихъ мелодіяхъ, съ другой стороны — первоначальные основные элементы большого знаменнаго распѣва въ широко развитыхъ мелодіяхъ особыхъ праздничныхъ пѣснопѣній, какъ это отмѣчено въ домонгольской періодъ, — этотъ первый моментъ обособленія большого знаменнаго распѣва естественно долженъ совпадать съ началомъ пѣнія по „кокизнику“. Повѣствователь увѣряетъ насъ, что пѣвцы первой половины XVI в. пѣли „кокизникъ“ и „знамя накладывали“ „наизустъ“ и что они „знамя гораздо анали“. То, что пѣвцы знамя — крюковую симіографію, со всѣми ея тонкостями, знали „гораздо“, свидѣтельствуешь въ пользу высокой подготовленности пѣвцовъ къ своему дѣлу и совершенства владѣнія техникой системы этой симіографіи, — но, что они пѣли „кокизникъ“ — избранныя гласовыя попѣвки, особыя мелодико-ритмическія фигуры, свойственныя разнымъ гласамъ осмогласія, — „наизустъ“ и знамя для этихъ попѣвокъ — кокизъ накладывали также „наизустъ“, ясно и неопровержимо доказываетъ ту мысль, равносильную самому факту, что писанныхъ кокизниковъ у этихъ пѣвцовъ еще не было, — а такъ какъ эти пѣвцы въ средѣ своихъ сверстниковъ были лучшіе и выдающіеся, стоявшіе во главѣ церковно-пѣвческаго дѣла того времени, то должны, затѣмъ, заключить, что писанныхъ кокизниковъ въ то время и вообще не было. Слѣдовательно, эти гласовыя попѣвки — кокизы существовали въ то время только въ памяти и традиціи пѣвцовъ, въ изустной передачѣ отъ одного къ другому, отъ учителя — мастера къ ученику — подмастерью, равно также получены были отъ своихъ предшественниковъ и самими помянутыми пѣвцами. Такая традиція не могла быть очень велика и продолжительна. Трудно допустить, чтобы она измѣрялась столѣтіями. Мы знаемъ, что до XV в. были только пѣвческіе стихирари съ стихирами нѣкоторыхъ святыхъ по неполному, сравнительно, мѣсяцеслову того времени и большихъ праздниковъ, но пѣвческаго Октоиха съ воскресными осмогласными стихирами въ пѣвческихъ знакахъ не было. Стихиры эти несомнѣнно, исполнялись согласно съ уставомъ, по текстовому октоиху, пѣніемъ на „подобень“, малымъ знаменнымъ распѣвомъ, и по „подобнику“. Пѣвческій Октоихъ, а съ нимъ вмѣстѣ и стихиры осмогласныя воскресныя, въ знакахъ пѣвческихъ, появляются впервые только въ XV вѣкѣ. Эти крюковыя пѣвческія стихиры воскресныя и были тѣмъ первоначальнымъ пѣвческимъ матеріаломъ, изъ котораго выработался большой знаменный рас-

мало украшенное и разработанное въ напѣвѣ и симіографіи, какъ въ домонгольскій періодъ, получило наименованіе малаго знаменнаго распѣва, а пѣніе широко развитое въ напѣвѣ и основательно разработанное въ своей симіографіи въ послѣдующій періодъ времени до нашихъ дней, по справедливости, именуется большимъ знаменнымъ распѣвомъ. Что же такое былъ упомянутый „обычный напѣвъ“ въ домонгольское время, коимъ исполнялись непомѣщенные въ крюковыхъ книгахъ пѣснопѣнія, положенныя однакоже по уставу и служебнику, — мы совершенно не знаемъ, за отсутствіемъ ихъ пѣвческой записи, и только можемъ предполагать, что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранился по преданію въ нынѣшнемъ напѣвѣ обычномъ, частію записанномъ, а частію устномъ. Впослѣдствіи, когда, начиная съ XV-го в., большой знаменный распѣвъ совершенно возобладавалъ въ церковно-пѣвческой практикѣ, когда народились новыя пѣвческія книги, какъ октоихъ, обиходъ, трезвонъ, миная общая, а прежде бывшіе стихирари отошли въ забвеніе, книги же пѣвчія, общія разнымъ періодамъ времени, какъ ирмологи, тріоди и миная, были значительно переработаны въ своемъ составѣ и редакціи, — малый знаменный распѣвъ остался въ крюковомъ пѣвческомъ изложеніи въ составѣ крюковыхъ пѣвческихъ книгъ въ очень ограниченномъ числѣ пѣснопѣній, особенно въ октоихѣ, куда проникъ изъ стихирарей, но за то удержавъ свое преимущественное положеніе въ ирмологѣ, мало измѣнившимся въ своей позднѣйшей редакціи, по сравненію съ первоначальнымъ его составомъ и характеромъ. О другихъ же пѣвческихъ книгахъ мы имѣемъ точное свидѣтельство, что въ срединѣ XVI-го в. были распѣты извѣстными тогда пѣвцами „миная, тріоди, стихиры евангельскія, каноны“ (какъ напр. св. Никитѣ Новгородскому) и другія книги, въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, — несомнѣнно уже большимъ знаменнымъ распѣвомъ, очевидно, болѣе новой редакціи, въ сравненіи съ книгами XV-го вѣка.

Мы видѣли, что какъ малый знаменный распѣвъ утверждался на пѣніи по „подобнику“, такъ большой знаменный распѣвъ утверждался на пѣніи по „кокизнику“, который еще въ первой половинѣ исполнялся пѣвцами „наизусть“ и въ знамени также накладывался на напѣвъ „наизусть“. Пѣніе кокизь, какъ замѣчено, передавалось изустно изъ древности и началось, вмѣстѣ съ образованіемъ большого знаменнаго распѣва, съ періода домонгольскаго, утверждаясь въ нѣкоторыхъ пріемахъ того пѣнія, какъ въ своемъ первоначальномъ корнѣ. Наличность нѣкоторыхъ кокизь-попѣвокъ мы и дѣйствительно находимъ въ пѣвческихъ

крюковыхъ рукописяхъ домонгольскаго періода, за неимѣніемъ въ то время, какъ и въ послѣдующее пѣвческихъ сборниковъ—кокизниковъ, — положенныхъ на страницы пѣвческихъ книгъ, очевидно, наизусть. Такъ можно установить наличность въ этихъ книгахъ попѣвокъ—„хамилы, паука, дербицы, кулизмы, мережи, еить“, но о другихъ попѣвкахъ—кокизахъ сказать определенное что-либо и положительное весьма трудно. Отъ XIII—XIV в.в. кокизы устнымъ преданіемъ, по преемству, перешли въ пѣвческое употребленіе пѣвцовъ XV в., первыхъ слагателей большого знаменнаго распѣва, и затѣмъ, умножаемая въ количествѣ и обогащаемая въ напѣвѣ, эти кокизы—попѣвки въ первой половинѣ XVI-го в. достигли уже полной и основательной разработки, заучиваемыя все еще устно, по традиціи, и въ крюковомъ письмѣ, по самымъ книгамъ. Но уже въ той же первой половинѣ XVI-го в., когда кокизы, очевидно, закончили свое развитіе, помянутыя раньше, выдающіяся пѣвцы, пѣвшіе еще кокизникъ наизусть, какъ наиболѣе авторитетныя въ пѣвческомъ дѣлѣ, первые же, нужно думать, дали толчокъ и положили начало письменному изложенію кокизь, которыхъ къ тому времени образовалось весьма много, — въ особыхъ крюковыхъ сборникахъ—кокизникахъ, наряду съ вошедшими въ педагогическую пѣвческую практику еще съ XV-го в. азбуками пѣвчими, обычно именуемыми „Извѣщеніе столповому знамени“, „Имена столповому знамени“, „Толкъ знамени столповому“ и проч. под. Повѣствователь довольно ясно подчеркиваетъ, что пѣвцы пѣли „кокизникъ“—для „науки“, т. е. въ руководство и пособіе другимъ, начинающимъ пѣвцамъ и любителямъ пѣнія, въ смыслѣ письменнаго изложенія предмета, въ видѣ системы обученія или пѣвческой науки. Сборниковъ—кокизниковъ сохранилось съ XVI в. донынѣ достаточное число, и по нимъ нетрудно прослѣдить основные составные гласовые элементы большого знаменнаго распѣва и разныя видоизмѣненія и формаціи или, точнѣе, редакціи его въ крюковыхъ пѣвческихъ книгахъ почти за весь періодъ времени его развитія, съ XV-го вѣка по XVII-й включительно.

Съ началомъ возникновенія и образованія большого знаменнаго распѣва совпадаетъ одно, весьма любопытное явленіе въ области собственно текста богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ, это полногласіе или раздѣльнорѣчіе, или же въ обычномъ словоупотребленіи хомонія (отъ глагольныхъ окончаній „хомо“ вм. „хомъ“), почему и пѣніе съ такимъ текстомъ принято называть хомовымъ, въ отличіе отъ пѣнія стараго праворѣчнаго, домонгольскаго періода, и новаго праворѣчнаго, со второй половины XVII-го вѣка.

Богослужебныя пѣвческія книги домонгольскаго періода, какъ мы знаемъ, имѣютъ славянскій текстъ старый праворѣчный, т. е. такой, когда твердый и мягкій знаки (ѣ, ѓ) имѣли, свойственное имъ въ древности, особое полугласное произношеніе, на подобіе *o* и *e*, что видно изъ того, что надъ этими буквами въ рукописяхъ древности всегда встрѣчаются пѣвческіе знаки, которые, обычно, ставятся по самой природѣ рѣчи, только надъ звуками гласными (голосными), имѣющими свойство быть прощѣтыми голосомъ. Такъ слова „дньсь и църкве“ имѣли по три пѣвческіхъ знака, слово „тръсьльньчье“ — пять пѣвческіхъ знаковъ, „вѣньцьмь“ — четыре пѣвческіхъ знака, односложные „въ, съ, къ“, „нѣ“, по одному пѣвческому знаку. Эта особенность текста наблюдается въ пѣвческіхъ крюковыхъ рукописяхъ съ конца XI вѣка (Типографск. Уст.) до XIV-го повсюду, она же составляетъ принадлежность и нѣкоторыхъ, болѣе древнихъ, богослужебныхъ рукописей славянскихъ, не пѣвческіхъ, да и вообще вполне свойственна старому славянскому языку, въ его древнѣйшихъ звуковыхъ формахъ. Но въ дальнѣйшемъ развитіи фонетики славянскаго языка богослужебныхъ книгъ пѣвческіхъ и непѣвческіхъ, точнѣе, крюковыхъ и некрюковыхъ, замѣчается значительная разность. Въ то время какъ богослужебныя книги текстовыя, ненотныя, по законамъ развитія фонетики языка, знаки ѣ и ѓ, или отбрасываютъ, какъ ненужные и устарѣвшіе, или превращаютъ ихъ въ *o* и *e*, или при извѣстныхъ фонетически удобныхъ и красивыхъ сочетаніяхъ съ другими буквами, оставляютъ имъ прежнее полугласное значеніе, какъ напр., въ словахъ „стѣдѣмся (вм. прежняго сътедѣмся), восія (вм. прежн. въсія), въспоемъ (позднѣйшее — воспоемъ), изъ ненотной службы преподобному Θεодосію въ минѣ XIII—XIV в.в. (Типогр. б-ки № 226/1253),—въ пѣвческіхъ крюковыхъ книгахъ еще съ конца XII-го вѣка замѣчается рѣшительная наклонность къ полногласію и раздѣльнорѣчію, въ отношеніи полугласныхъ буквъ ѣ и ѓ, которыя лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ сплосъ и часто безъ разбору, по одной приверженности къ буквѣ и традиціи, нерѣдко же, вопреки требованіямъ фонетики языка, замѣняются гласными *o* и *e*. Пѣвческій текстъ сталъ отъ этого различаться отъ текста читаемаго и рѣчи разговорной. О древнихъ крюковыхъ книгахъ инокъ Евфросинъ, въ срединѣ XVII в. говорилъ: „по нихъ было пѣто такоже, якоже глаголемъ, на рѣчь“, — слѣдовательно, текстъ пѣвческій и живая рѣчь, а за ними и текстъ читаемый, какъ ихъ отраженіе, вполне совпадали между собой. Это значитъ совсѣмъ не то, что говорили именно такъ, какъ стало это въ раздѣльнорѣчіи потомъ, въ пѣвческіхъ крюковыхъ кни-

гахъ, въ хомоніи, и что, будто, эта хомонія и есть реставрація древняго богослужебнаго текста, изобиловавашаго знаками ѣ и ѓ у мѣста и не у мѣста²³⁰). Напротивъ, инокъ Евфросинъ хочетъ отмѣтить искусственность, неестественность и даже уродливость этой хомоніи, раздѣльнорѣчія пѣвческіхъ крюковыхъ книгъ, какъ съ древними книгами праворѣчными, такъ и съ современными ему пѣвческіми книгами ненотными, читаемыми, такъ равно и съ современною ему живою рѣчью. „Како бо можемъ истину познати, поюще знаменное пѣніе, октай, или стихеры и славники и праздники господскому празднику или святому коему сопротивно печатныхъ книгъ и своя природныя рѣчи, аще конархистъ по печатной, или письменной, не по знамянной книгѣ сказываетъ рѣчи, а на крылосѣ стоящій поютъ иные рѣчи“, говоритъ Евфросинъ въ своемъ обличеніи. Онъ хочетъ, очевидно, выдвинуть то свойство стараго славянскаго текста и рѣчи, въ силу котораго, согласно природнымъ законамъ фонетики, эта рѣчь, поемая, читаемая и разговорная, въ иныхъ случаяхъ пользовалась знаками

²³⁰) Такого мнѣнія держался С. В. Смоленскій въ сочиненіи „О древнерусскихъ пѣвческіхъ нотацияхъ“. Изд. О. Л. Д. П. СПб. 1901, стр. 80, 82. Преображенскій, А. В., въ рефератѣ, читанномъ въ О. Л. Д. П. 21 дек. 1907 г. и изданномъ въ 1909 г., „О сходствѣ русскаго музыкальнаго письма съ греческимъ въ пѣвческіхъ рукописяхъ XI—XII в.в.“ стр. 5 и 7, высказываетъ предположеніе, что „хомонія въ извѣстной степени“ была въ зависимости отъ желанія въ точности сохранить греческіе пѣвческіе знаки въ славянскомъ текстѣ, нерѣдко несопадавшемъ по числу слоговъ съ оригиналомъ—греческимъ, слѣдствіемъ чего было искусственное растяженіе текста на буквахъ ѣ и ѓ. Но этому положенію противорѣчатъ его же примѣры: 4, свѣтилника — 5 знаковъ, по гречески *τοι φωστρη* — 4 знака и какъ разъ лишній знакъ въ славянской версіи противъ греческой вновь введенъ именно на слогъ съ буквой ѓ—*ль*, значитъ слогъ *ль*, какъ голосный, требовалъ отдѣльнаго пѣвческаго знака, хотя такового и не было въ оригиналѣ греческомъ, а не на оборотъ; другой примѣръ: прекрасный — 5 знаковъ, по гречески—*οοσπτοσ*—3 знака. Гораздо основательнѣе приведенное имъ въ „Очеркѣ исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи, изд. 2, стр. 8, примѣч., мнѣніе Потемни о фонетической устойчивости глухихъ даже въ современномъ произношеніи, вродѣ, „за рѣшотками, за желѣзными“, или „Курьскъ“, первыя два — въ 5 слоговъ, послѣдній—въ 2 слога, почему и хомонію естественнѣе относить къ фонетическому свойству языка, а не къ внѣшнему случайному вліянію греческихъ пѣвческіхъ знаковъ. Да и кромѣ того, въ періодъ хомоніи образцами были уже славянскія рукописи съ установившимися въ XII—XIII и XIV в.в. версіями, съ многими добавленіями новыхъ знаковъ на глухихъ ѣ и ѓ, а о греческихъ оригиналахъ и версіяхъ не могло быть и помину, ибо, какъ извѣстно, наличности греческихъ пѣвческіхъ рукописей, которыя могли бы быть образцами русскимъ писцамъ XV-го в. и позже, у насъ на Руси не осталось совершенно никакихъ слѣдовъ.

ъ и ъ, какъ гласными, въ другихъ—какъ полугласными, глухими, въ иныхъ же какъ совершенно безгласными, нѣмыми, наподобіе того, какъ это существовало и въ современной ему рѣчи, существуетъ также и понынѣ,—другими словами, практическое пользованіе рѣчью читаемой, поемой и разговорной, по Евфросину, было подобно въ фонетическомъ отношеніи тому, которое существовало въ его время въ рѣчи читаемой и разговорной, но отнюдь не въ рѣчи поемой, раздѣльнорѣчной, не въ хомоніи, недостатки которой онъ рѣшительно изобличаетъ. Въ другомъ мѣстѣ своего „Сказанія“ онъ выражается еще рѣзче и рѣшительнѣе: „Въ пѣніи бо нашемъ точію гласъ украшаемъ и знаменныя крюки бережемъ, а священныя рѣчи, паче же высокая и страшная богословія, до конца развращены противу печатныхъ и письменныхъ, древнихъ и новыхъ книгъ и не точію развращены, но и словенскаго нашего языка, въ немъ же родихомся и священнымъ писаніямъ учихомся, не свойственны и сопротивны,—гдѣ бо обрящется въ священномъ писаніи и нашего природнаго словенскаго діалекта сицевыя несогласныя рѣчи: сопасо, пожеру, вомонѣ, тѣмено, имо, восѣни, волаеми, иземи, людеми, сотужено, ихо, сонѣдая и прочая таковыя страшныя глаголы, иже множества ради невозможно нынѣ исчести за невмѣщеніе краткаго писаніица сего“. „Многа убо и безчисленная опись злая въ знаменныхъ книгахъ, рѣдко такой стихъ обрящется, который бы былъ неиспорченъ въ рѣчахъ во всякомъ знаменномъ пѣніи“. Неизвѣстный авторъ рукописи „Мусикиа“ или „О пѣніи божественномъ“, съ датою 1671 г., говоритъ: „Зри, како и во единоголасныхъ пѣніихъ колико неисправленіе, еже словеса божественная на хомони пѣваемая,—и донныѣ великое неразумѣніе въ поющихъ, паче же въ слышащихъ“²³¹⁾.

Что же вызвало чрезмѣрное раздѣльнорѣчіе или хомонію

231) Ркп. 6-ки Горскаго Москов. Дух. Акад. Рецензировавшій, по порученію Академіи Наукъ наше сочиненіе въ первомъ изданіи, С. В. Смоленскій указалъ на неумѣстность дальнѣйшей ссылки на Мартемьяна Шестака съ его „Словомъ“—„на неправу хранящихъ церковь Божию и не по преданію свв. апостолъ и богоносныхъ отецъ пѣніе совершающихъ“, составленное въ защиту единоголасія противъ многогласія въ чтеніи и пѣніи. Но почтенный авторъ не уловилъ тонкаго оттѣнка выраженной мысли, что многогласіе явилось подъ вліяніемъ осложненія устава новыми службами и обремененія пѣвческаго исполненія тяжеловѣсной и затяжной хомоніей, почему и „Слово“ Шестака, поражающаго многогласіе, косвенно направлялось и противъ одной изъ причинъ его—хомоніи. Чтобы не смущать впредь читателя, словъ Мартемьяна Шестака мы здѣсь теперь не приводимъ. О немъ упоминаетъ проф. Мансветовъ, какъ о справщикѣ Печатнаго Двора ок. 1640 г., въ статьѣ „Какъ у насъ правились церковныя книги“ въ „Прибавл. къ творр. свв. о.о. 1833 г. кн. IV“, стр. 351. Самая ркп. въ отдѣлѣ рукописей 6-ки Румянцевскаго Музея.

послѣмонгольскаго періода въ богослужебномъ пѣніи? Кромѣ указанной выше главнѣйшей причины—наклонности старой славянской рѣчи къ полногласію и требованій фонетики въ отношеніи полугласныхъ ъ и ъ, одинаково вліявшихъ и на текстъ читаемый и на текстъ поемый, совмѣстно съ рѣчью разговорной, на раздѣльнорѣчіе поемаго текста оказывало вліяніе еще одно условіе, ему только свойственное, это—значительная устойчивость напѣва, въ однихъ случаяхъ, и, напротивъ рѣшительная наклонность его къ мелодическому и ритмическому развитію, въ другихъ. Знаменный распѣвъ, по природѣ своей, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, именно, въ гласовыхъ попѣвкахъ—кокизахъ, какъ замѣчено выше, представляется за весь періодъ своего существованія и развитія замѣчательно устойчивымъ, вѣрнымъ отдаленной древности, своему первоначальному типу, своему исконному осмогласію, издавна отлившемуся въ извѣсныя опредѣленныя мелодико-ритмическія формы, своеобразныя мелодическія фигуры и обороты замѣчательной устойчивости, неизмѣненныя въ пѣвческой практикѣ вѣками и поколѣніями. Въ виду такого характера устойчивости этихъ напѣвныхъ формъ—попѣвокъ, съ одной стороны, и желанія самихъ пѣвцовъ сохранить ихъ неизмѣнными, какъ единственные показатели и регуляторы древнѣйшаго осмогласія—съ другой, поемый текстъ неизбѣжно долженъ былъ оставаться вѣрнымъ древности и удерживать въ себѣ нѣкоторые свои архаизмы, какъ нѣмые ъ и ъ, хотя и совершенно ненужные при дальнѣйшемъ развитіи славянской рѣчи, почему, вслѣдствіе утерянной уже потомъ звукоподъемности этихъ полугласныхъ, и явилась потребность придать имъ звукоподъемность искусственную, какъ о и е, хотя свойство языка и его фонетика этого и не требовали и даже не допускали, какъ въ словахъ „Бого“, „миро“, „Іосифо“, „денесе“ и др. Другія части знаменнаго распѣва, какъ несущественныя въ напѣвѣ, какъ звуковой элементъ переходящій, подвижной и измѣнчивый, служащій лишь для связи движенія и равновѣсія главнѣйшихъ ритмическихъ отдѣловъ между собою и въ отношеніи къ пѣлому произведенію,—эти части, по мѣрѣ своего мелодическаго и ритмическаго наростанія, измѣненія и развитія, вліяли и на растяженіе или же сокращеніе и вообще на звуковое фонетическое измѣненіе самаго текста въ отношеніи звукоподъемности полугласныхъ ъ и ъ, вслѣдствіе чего получались такія, неестественно растянутыя слова, какъ „во монѣ, Твореца, весея, прозябошую, Сопасо, вѣрено, Богоме“ и др.²³²⁾. По кромѣ этихъ

232) Ркп. 6-ки Синод. Учил. № 74.

причинъ, чисто внутренняго свойства, въ зависимости какъ отъ общихъ читаемому и поемому тексту славянскому свойствъ его фонетики, въ смыслъ полногласія и раздѣльнорѣчія, такъ и отъ особенныхъ свойствъ знаменнаго распѣва, въ иныхъ случаяхъ весьма устойчиваго, въ другихъ же довольно измѣнчиваго, инокъ Евфросинъ указываетъ еще и особыя причины неестественнаго раздѣльнорѣчія, чисто внѣшняго характера, это то, что раздѣльнорѣчный текстъ много потерпѣлъ отъ невѣжества работавшихъ надъ нимъ лицъ. „Во многія лѣта“, повѣствуетъ онъ, „молодые отрочата, учившеса пѣти у подобныхъ себѣ, а иные писати, донныѣ списывають другъ у друга переводъ съ перевода и тетрадки съ тетрадокъ, не зная добрѣ ни силу рѣчи, ни разумъ стиха, ни буквы вѣдая, и въ той перепискѣ отъ ненаученія или отъ недомотра описываются“, — или, какъ свидѣтельствовалъ еще Стоглавъ, почти за сто лѣтъ до этого, что „божественныя книги писцы пишутъ съ неправленныхъ переводовъ, а написавъ, не правятъ же, описъ къ описи прибываетъ и недописи и точки непрямыя, и по тѣмъ книгамъ въ перквахъ Божіихъ чтуть и поють и учатся и пишутъ съ нихъ“²³³). Жизнеописатель протопопа Іоанна (въ иночествѣ Григорія) Неронова (1591—1670 г.), отмѣчая его труды по устройству единогласнаго и благочиннаго церковнаго пѣнія, рѣзко обличаетъ не единогласное пѣніе священниковъ и клириковъ, подобное шуму и козлогласованію, и затѣмъ прибавляетъ: „еще же пояху рѣчи, не якоже писали суть, но измѣняяще реченія ради козлогласованія своего, воспріемше обычай древнихъ безчинниковъ и вмѣсто еже бы глаголати: Богъ, Христосъ, Спасъ, они пояху Бого, Христосо, Спасо и прочія рѣчи измѣняяще, яже нынѣ страшно зѣло слышати“²³⁴). Да, кромѣ того, въ самое обученіе пѣнію вкралось небреженіе, произволь и злонамѣренность, мастера-краснопѣвцы, по Евфросину, стали брать „мзду безмѣрную, а егда видятъ кого остроумна естествомъ и вскорѣ познающа пѣніе и знамя, тогда они, исполньшася зависти, скрываютъ отъ учениковъ своихъ древнихъ мастеровъ свои добрыя переводы и учатъ пѣти по перепорченнымъ и не съ прилежаніемъ того ради, дабы кто отъ учениковъ ихъ не былъ гораздѣ ихъ, тоцію бо онъ единъ славимъ былъ отъ чловѣкъ паче всѣхъ“. „Да и межъ собою тые краснопѣвцы, укоряющеса, другъ друга поносятъ, себе же каждо величаеть и хваляся глаголетъ: азъ есмь Шайдуровъ ученикъ, а инъ хвалить Лукошково пѣніе, инъ же Баскаковъ переводъ, а инъ

²³³) „Стоглавъ“. Казань. 1862. Стр. 32--33.

²³⁴) Братск. Слово 1875, кн. II, стр. 274.

Дудкино пѣніе, а инъ Усольскій переводъ, а инъ Христіаниновъ, а прочіи прочихъ“. Такимъ образомъ, нарастали въ поемомъ текстѣ грубости, ошибки, уродливости и неестественная растянутасть словъ, и переходили преемственно, по привязанности къ буквѣ и по невѣжеству писцовъ и пѣвцовъ, и къ другимъ поколѣніямъ и временамъ, несовершенства чисто редакціоннаго свойства, которыя, усиливая неестественность раздѣльнорѣчія—хомоніи, наконецъ возстановили противъ всей этой системы хомоніи, какъ слушателей, такъ и исполнителей хомового пѣнія, изъ среды коихъ явились рѣзкіе обличители недостатковъ хомоніи въ пользу праворѣчнаго пѣнія, почему впослѣдствіи и свѣтская и духовная власть единодушно приняли мѣры къ устраненію злоупотребленій хомоніею и къ повсюдному распространенію пѣнія новаго праворѣчнаго, что и исполнено было съ успѣхомъ, повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича и освященнаго собора, комиссіею, при непосредственномъ руководствѣ А. Мезенца, подъ предсѣдательствомъ Павла, епископа Сарскаго и Подонскаго (1664—1675). Характерно и любопытно во всей этой исторіи съ текстомъ то, что развитіе полногласія въ текстѣ читаемому и поемому и, затѣмъ, развитіе раздѣльнорѣчія въ одномъ только текстѣ поемому,—это, по свойству своему, чисто русское явленіе въ области языка, новый рѣшительный шагъ самостоятельнаго его развитія въ чисто русскомъ духѣ и направленіи мѣстнаго пошиба,—замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ періодомъ наиболѣе широкаго и разносторонняго мелодико-ритмическаго развитія и обогащенія стараго знаменнаго пѣнія, въ видѣ большого знаменнаго распѣва, пріобрѣтающаго, затѣмъ, впослѣдствіи безусловное господство въ церковнопѣвческой практикѣ русскихъ пѣвцовъ; между тѣмъ какъ предыдущій періодъ господства малаго знаменнаго распѣва, въ домонгольское время, совпадаетъ съ временемъ существованія въ чтеніи и пѣніи исключительно текста стараго праворѣчнаго. Въ церковно-религіозномъ отношеніи этотъ историческій моментъ совпадаетъ съ канонизаціями русскихъ святыхъ на соборахъ 1547 и 1549 г. и установленіемъ имъ службъ и составленіемъ новыхъ пѣснопѣній, а въ церковно-общественномъ—съ дѣятельностью Стоглаваго собора, предпринявшаго задачу обновить церковь и жизнь, подобно тому, какъ Судебникъ дѣлалъ опыты урегулировать житейскія отношенія современнаго общества.

Въ этомъ характерномъ явленіи нельзя не видѣть какого-то особеннаго, этому времени лишь свойственнаго,—двоякаго подъема творческаго генія русскаго,—въ церковномъ напѣвѣ и языкѣ, подъема дружнаго, высокаго, взаимно обуславливающаго два

вида духовнаго творчества, — подъема благотворнаго по своимъ послѣдствіямъ, какъ бы отмѣчающаго собой въ исторіи духовнаго роста и развитія русской мысли и жизни два различныхъ и своеобразныхъ періода, одинъ — опеки и зависимости отъ греко-славянскаго міра, въ періодъ домонгольскій, другой — первыхъ шаговъ и опытовъ самостоятельной работы и свободнаго движенія въ духѣ народномъ, національномъ, въ періодъ времени послѣдующій. Здѣсь впервые заявляетъ себя не русскій умъ, который далеко не блещетъ въ вопросѣ раздѣльнорѣчія, а русское художественное музыкальное чувство, скорѣе неясный художественный инстинктъ, музыкально-пѣвческое чутье, потребность пѣвческаго творчества, въ согласіи съ эстетикою и фонетикою языка, здѣсь впервые пробуждается или, вѣрнѣе, нарождается русскій пѣвецъ и декламаторъ въ церковно-пѣвческой области. Съ этой точки зрѣнія домонгольскій періодъ является временемъ пассивнаго усвоенія основныхъ элементовъ первоначальнаго церковно-пѣвческаго матеріала и языка славянскаго, періодъ же послѣдующій есть время активной работы надъ древнимъ напѣвомъ и языкомъ и періодъ самостоятельнаго дальнѣйшаго развитія и національнаго прогресса въ этихъ обѣихъ смежныхъ между собой областяхъ.

Глава XV.

Старое ученіе о „согласіи“, какъ музыкально-теоретическая основа осмогласія знаменнаго распѣва.

Кромѣ вопроса о подобникѣ и кокизникѣ намъ надлежитъ выяснитъ вопросъ о „согласіи“ знаменнаго распѣва. Въ числѣ пріемовъ, какими пользовались „старые мастера“ XVI-го в. и „ихъ ученики“ въ церковно-пѣвческомъ дѣлѣ знаменнаго творчества, какъ пѣніе по „подобнику“ и „кокизнику“ наизусть, повѣствователемъ отмѣчается и то, что эти пѣвцы „согласіе и знамя гораздо знали, распѣвали и знамя накладывали наизусть“. Ростѣвая по „подобнику“ и „кокизнику“ разные тексты, пѣвцы выполняли пѣвческія строки и кокизы-попѣвки, безъ сомнѣнія, въ какой-либо опредѣленной тональности, въ какихъ-либо извѣстныхъ послѣдованіяхъ тоновъ и интервалловъ, ибо въ противномъ случаѣ, одна и таже гласовая попѣвка будетъ разъ звучать такъ, а другой иначе, и въ такомъ видѣ совершенно потеряетъ свое пѣвческое значеніе извѣстной опредѣленной мелодико-ритмической фигуры данной тональности, а не иной, и того, а не иного гласа осмогласія знаменнаго распѣва. Это совершенно ясно при сравненіи въ

этомъ отношеніи знаменнаго распѣва съ распѣвомъ обычнымъ и кievскимъ. Было бы совершенно странно для обычнаго слушателя и для привычнаго слуха услышать, напр., шестой гласъ обычнаго нашего распѣва въ совершенно иномъ послѣдованіи тоновъ и интервалловъ, чѣмъ это исполняется нынѣ, и съ совершенно инымъ преобладающимъ характеромъ напѣва, напр., мажорнымъ, по сравненію съ теперешнимъ минорнымъ, или, напр., третій гласъ обычнаго же напѣва, сплошь звучащій въ мажорѣ и соотвѣтствующихъ ему послѣдованіяхъ тоновъ и интервалловъ, услышать въ совершенно противоположномъ ему минорѣ и его звуковыхъ и интервалльныхъ послѣдованіяхъ. Точно также странно было бы слышать, напр., „хорису“ 5 гласа знаменнаго распѣва звучащую въ минорѣ, или „кулизму“ 2 и 6 гл. конечную звучащую въ мажорѣ, равно какъ и другія попѣвки знаменнаго распѣва, если бы ихъ представили въ характерѣ звучанія, послѣдованія тоновъ и интервалловъ, совершенно противоположныхъ ихъ теперешнему звучанію, какъ мы ихъ получили изъ глубокой древней традиціи въ современныхъ нотахъ чрезъ посредство синодальныхъ пѣвчихъ — въ синодальныхъ изданіяхъ 1772 г. и ихъ многочисленныхъ предшественниковъ пѣвцовъ — въ многочисленныхъ рукописяхъ нотныхъ книгахъ, начиная со второй половины XVII в., принимая во вниманіе, что самая старая рукописная нотная книга — ирмологій съ датой 1652 г. 6-ки Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря. Что пѣвцы старинные „согласіе“ „гораздо знали“ и пѣли „кокизникъ и подобникъ наизусть“ — такое сопоставленіе этихъ понятій указываетъ на то, что пѣвцы не просто пользовались кокизами наудачу и наобумъ, а пѣли гласовыя попѣвки и пѣвчія строки по опредѣленному согласію, по извѣстной пѣвческой системѣ или скалѣ, съ опредѣленнымъ послѣдованіемъ тоновъ и интервалловъ или, что тоже, въ извѣстныхъ звукопослѣдованіяхъ и согласіе это „знали гораздо“.

Для выясненія вопроса, что такое „согласіе“ въ пониманіи русскихъ пѣвцовъ, мы имѣемъ сравнительно немногія и недостаточно точныя и полныя свѣдѣнія времени не ранѣе второй половины XVII-го вѣка. Въ рукописныхъ сборникахъ этого времени мы встрѣчаемъ три краткія статьи, трактующія о „согласіи“, изъ коихъ одна озаглавляется „Сказаніе о осмостепенныхъ помѣткахъ“, другая — „Сказаніе о помѣткахъ, яже пишутся въ пѣніи надъ знаменемъ“. Отдѣльныя мысли и положенія, изложенныя въ статьяхъ довольно отрывочно, несвязно и непоследовательно, мы попробуемъ сгруппировать въ одно болѣе или менѣе связное цѣлое и очертимъ выраженіями самихъ статей, съ возможными

поясненіями ихъ текста. Последняя статья начинается слѣдующими словами: „Сказаніе извѣстно о осмостепенныхъ помѣткахъ сирѣчь осмогласныхъ, яже содержитъ въ себѣ осмогласнаго и безгласнаго и всякаго пѣнія сугубое согласіе, гласа высокаго и низкаго, ихъ же имена: первая *наишъ съ глаголемъ* (*нг*), вторая *наишъ* (*н*), третья *слово* (*с*), четвертая *мыслете* (*м*), пятая *покой* (*п*), шестая *вѣди* (*в*), седьмая *вѣди съ глаголемъ* (*вг*), осьмая *покой съ точкой* (*п̣*); кажда же и согласіе содержитъ своя степени. Како же кѣимъ образомъ, о семъ да навѣкнеши. Смотри отъ сихъ. *Наишъ съ глаголемъ* содержитъ согласіе ирмоса перваго гласа начальныя строки рѣчи перваго слова „Спасе люди“. Вторая помѣтка *наишъ* содержитъ согласіе степени ирмоса осьмого гласа „Всемирную радость“. Третья помѣтка *точка* имѣетъ согласіе ирмоса седьмого гласа „Маниемъ ти“. Четвертая помѣтка *мыслете* содержитъ согласіе строки шестого гласа „Денесе“. Пятая помѣтка *покой* содержитъ согласіе строки осьмого гласа „Къ роду человѣческому“ или „Иже неизреченною мудростію“. Шестая помѣтка *вѣди* имѣетъ согласіе ирмоса четвертаго гласа „Безсѣменнаго сына“. Седьмая помѣтка *вѣди съ глаголемъ* содержитъ согласіе ирмоса осьмого гласа „Море огустѣвая“ или „Осмодневень по матери“. Осьмая помѣтка *покой съ точкой* имѣетъ согласіе строки третяго гласа „Доколѣ терпиши“. Кромѣ же сихъ осьми степеней во всякомъ пѣніи иное же какое же согласіе не обрѣтается. А якоже о согласіи первыя строки степени указомъ написася, сице о седми степенѣхъ подобаетъ разумѣти²³⁵). Смыслъ всѣхъ этихъ поясненій тотъ же, что и Гви-

²³⁵) Эти согласія—помѣтки, о которыхъ рѣчь далѣе, представляютъ собою какъ бы отголосокъ мартирій греческаго пѣнія: *α, β, γ, δ*, (*απλ, βπλ, γπλ, δπλ*.) очевидно отмѣчающихъ собой начальную и господствующую въ напѣвѣ гласа ступень или древнюю мезу гласа, что въ греческомъ пѣніи изображалось въ симіографіи „исономъ“, а въ русскомъ пѣніи называется „строкой“ и изображается обычно стопицей съ помѣтой „равно“ (= греч. ἴσον). Въ греческомъ манускриптѣ, найденномъ абб. Ж. Тибо въ Метохѣ св. Гроба въ Фанарѣ № 811, содержащемъ между прочимъ и ркп. „пападики“, очень полной и обстоятельной, содержащей правила поповскаго пѣнія или уставнаго, по нашему столпового, говорится объ исонѣ, что онъ начало и основаніе не только пѣвческихъ знаковъ, но и самого пѣнія, ἀρχὴ καὶ θεμελίον, „какъ только началъ пѣть мелодію, стихиру, или ирмосъ, вотъ уже и исонъ, ибо онъ начало всѣхъ гласовыхъ напѣвовъ, но онъ вмѣстѣ и конецъ, ибо всѣ стихирѣ по исону кончаются“, ἅμα γὰρ τῷ ἀνοῖξαι τὸ σῶμα το ψάλειν μέλος ἢ στιχηρὸν, ἢ ἔριμον, ἕκαστο ἔστιν ἴσον, ἢ γον ἀρχὴ ἔστι πάντων ἠχομάτων ὁμοίως ὅτι ἐστι καὶ εἰς τὸ τέλος, ὅτι πάντα τὰ στιχηρὰ μετὰ ἴσον τε λειοῦνται. J. Thibaut „Origine byzantine de la notation neumatique“. Paris, 1907, p. 60. Въ русскихъ руководствахъ крюкового пѣнія значеніе исона отмѣчается выраженіями—„стопица—подробити по строки“, иное знамя—ни выше, ни ниже строки, или „просто положить по строки“, другое — „мало выше

доновской западной сольмизаціи, получившей наименованія ступеней гаммы отъ стариннаго гимна въ честь Св. Іоанна Предтечи, составленнаго такъ, что каждый его стихъ начинался новой нотой въ порядкѣ ступеней гаммы:

Ut queant laxis
Resonare fibris
Mira gestorum
Famuli tuorum
Solve polluti
Labbii reatum
Sancte Iohannes.

Пѣвецъ, слѣдя за повышеніемъ cadaго стиха, долженъ былъ уразумѣвать движеніе по ступенямъ гаммы вверхъ; какъ здѣсь, различая постепенное соотношеніе начальныхъ строкъ отдѣльныхъ пѣсней ирмосовъ осмогласника, онъ практически усвоивалъ постепенное возвышеніе звукоряда отъ низшаго согласія до высшаго, въ предѣлахъ восьми ступеней, когда западный пѣвецъ ограничивался различеніемъ лишь семи ступеней, называя седьмую *sa* (у русск. *ца*) или отъ двухъ словъ—*si*. Затѣмъ авторъ предлагаетъ схематическую фигуру—квадратъ взаимнаго отношенія согласій между собою, въ видѣ приложенія (прикладъ) и нагляднаго объясненія своихъ положеній, и потомъ говоритъ: „Вѣдомо же буди, которыя помѣты въ прикладѣ съ которыми сходятся единѣмъ согласіемъ. Всякое убо пѣніе составлено быти мнится намъ отъ сихъ степенныхъ особныхъ трехъ гласовъ, сирѣчь, отъ *наишъ съ глаголемъ*, *точки* и *покая*, понеже всякому отданію едины слышатся точію.

<i>гв</i>	<i>п̣</i>	<i>с</i>
<i>м</i>	<i>п</i>	<i>в</i>
<i>гн</i>	<i>н</i>	<i>с</i>

строки“. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ строка, изображенная обычно въ срединѣ стопицею, въ началѣ параклитомъ, въ концѣ—крыжемъ, равняется по смыслу и значенію греческому исону, который является носителемъ господствующаго тона cadaго гласа, отмѣчаемаго мартиріей, такъ что, гдѣ мѣняется мартирія, тамъ мѣняется и ступень исона въ звукорядѣ, т. е., если мартирія, положимъ, въ началѣ пѣснопѣнія *α*, то исонъ равенъ *м*, если же мартирія мѣняется, положимъ, въ срединѣ на *δ*, то и исонъ равняется *ре*. Также и въ знаменныхъ старыхъ рукописяхъ домонгольскаго періода, гдѣ мартирій греческія еще находятъ свое примѣненіе, въ четверогласникахъ, осмогласникахъ и проч. У греческихъ музыкантовъ позднѣйшихъ, какъ видимъ изъ сообщенія авторовъ „Anthologia graeca carminum christianorum“, lib. IV, p. p. CXX—CXXI, Криста и Параники, принято называть основной тонъ гласа *βάσις* или *ἴσον* и исполнители называются *ἰσοκράται*. Такимъ образомъ исонъ представляетъ собою какъ бы показателя или основнаго тона, какъ у грековъ, или господствующаго тона гласоваго напѣва, какъ у насъ, а основной тонъ въ нашемъ знаменномъ распѣвѣ падаетъ обычно на терцію ниже.

А согласіемъ сходятся, какъ поясняетъ авторъ статьи, *мыслете съ глаголь нашиъ*, внизъ, и съ *глаголь вѣди*, вверхъ, *покой съ нашиъ*, внизъ, и съ *покой съ точкой*, вверхъ, а такъ какъ, по автору, „во всѣхъ согласіяхъ *покой съ точкой* выше всѣхъ помѣтъ“, то *вѣди* сходятся съ *словомъ* (или *точкою*), внизъ, вверхъ же сходятся съ *вѣди съ точкою* только теоретически, „занеже въ Россіи въ знаменномъ и строчномъ пѣніи выше сего (т. е. *п*, *покая съ точкой*) преступатъ ниже обрѣтается“. Отмѣтивъ, затѣмъ, что самостоятельныхъ помѣтокъ существуетъ только восемь, отъ *глаголь нашиъ* до *покой съ точкой*, и столько же степеней гласа, авторъ говоритъ: „сіи убо осемь гласовъ каждо ихъ гласовное различіе и въ попѣвкахъ и въ строкахъ свое имуть, вина же сему осмогласному пѣнію отъ трехъ вышереченныхъ первыхъ гласовъ. Но понеже сихъ осми гласовъ согласіе изглашается иногда убо съ высока, иногда же низко, якоже изложи сему слагателю, сего ради къ тѣмъ тремъ гласомъ приложено по подобію и согласію тѣхъ же гласовъ и иныхъ пять, исполненія ради того осмогласнаго пѣнія, и тако составишася тѣхъ осми степеней осемь сихъ измѣнныхъ словъ“. Вотъ сущность этой русской теоріи согласія и осмогласія, насколько удалось ее систематизировать, сводя въ одно различныя отрывочныя ея версіи изъ различныхъ редакцій трехъ упомянутыхъ статей: Что это теорія „согласія“ чисто русская, на этомъ настаиваютъ и двое авторовъ статей, которые говорятъ: „Великія бо Россіи сіе знаменное единогласное пѣніе преведено, мнози повѣдаютъ, отъ греческаго пѣнія, намъ же мнится, сложено бысть нѣкоимъ слагателемъ отъ грекъ или славянъ по своему согласію, якоже и святыи Кирилль состави и написа свою словесную азбуку, такоже и сіе осмогласное пѣніе, гласы же различіемъ раздѣли ради словеснаго осмогласнаго разума“²³⁶). На русскій характеръ теоріи указываетъ, кромѣ того, и нѣкоторыя черты и особенности самой теоріи, рѣзко отличающія ее отъ общеизвѣстной музыкальной теоріи греческой.]

Для выясненія сущности этой теоріи и ея отношенія къ греческой намъ необходимо войти въ нѣкоторыя подробности спеціальнаго характера. Переводя на современную музыкальную терминологию буквенныя помѣтки нашей теоріи, мы получаемъ восемь ступеней звукоряда *утъ, ре, ми, фа, соль, ля, си бемоль, утъ*²³⁷).

²³⁶) Срав. весь этотъ текстъ съ текстомъ Сахаровскаго „Исслѣдованія о русскомъ церковномъ пѣнопѣніи“. М. 1849.

²³⁷) Въ нашей теоріи ступени именуются именно такъ: *утъ, ре, ми, фа, соль, ля* и внизъ, а не такъ: *утъ, ре, ми, утъ, ре, ми*, слѣдовательно, разумѣется звукорядъ отъ ключевого альтоваго *утъ*, а не отъ *соль*, ниже *утъ*.

равныя—*ми, н, с, м, п, в, гв, п*. Слѣдовательно, три главныя ступени этого звукоряда, отъ которыхъ по теоріи, происходитъ все пѣніе и всякое согласіе, это *утъ, ми* и *соль*. Пополняя промежутки между этими основными тонами близъ лежащими ступенями, получаемъ три *трихорда*. 1) *утъ, ре, ми*, 2) *ми, фа, соль*, и 3) *соль, ля, си бемоль*, совершенно различные между собою по ступенямъ и интерваламъ ихъ составляющимъ, именно, въ I) 1 т. и 1 т., во II) $\frac{1}{2}$ т. и 1 т. и въ III) 1 т. и $\frac{1}{2}$ т. Что въ послѣднемъ III-мъ, трихордѣ нужно считать *си бемоль*, а не *си натуральное*, ясно само собою изъ того, что этотъ трихордъ тогда совпадалъ бы совершенно съ первымъ и не имѣлъ бы значенія отдѣльнаго согласія, между тѣмъ очевидно, что никакого иного измѣненія въ интервалахъ нельзя приписать ему, кромѣ указаннаго, чтобы находить въ немъ совершенно отдѣльное согласіе-трихордъ. Затѣмъ теорія говоритъ, что къ этимъ тремъ согласіямъ основнымъ могутъ быть прибавлены еще пять согласій отъ промежуточныхъ тоновъ, но совершенно такихъ же по своимъ интервальнымъ послѣдованіямъ, такъ какъ эти промежуточные тоны находятся въ квартовомъ отношеніи къ начальнымъ тонамъ трихордовъ, а именно *ре* есть кварта къ *соль* и даетъ въ трихордѣ *ре, ми, фа*, тѣже интерваллы, 1 т. $\frac{1}{2}$ т., *фа* кварта къ *утъ*, почему и въ трихордѣ *фа, соль, ля* даетъ интерваллы 1 т. и 1 т., *ля* кварта къ *ми*, почему и въ трихордѣ *ля, си бем., утъ* даетъ интерваллы $\frac{1}{2}$ т. и 1 т. и, наконецъ, *си бем.* двойная кварта къ *утъ*, съ трихордомъ *си бем., утъ, ре* и интерваллами 1 т. 1 т.,—результатомъ чего получается семь трихордовъ-согласій, различныхъ по высотѣ своего положенія въ звукорядѣ, а по музыкальному характеру распадающихся собственно только на три основныхъ типа, по интерваламъ, или въ два тона, или въ полутонъ и тонъ, или же—въ тонъ и полутонъ. Но теорія предупреждаетъ, что самая высшая въ пѣвческой практикѣ ступень есть собственно *покой съ точкой*, т.-е. *верхнее утъ*, почему и трихордъ *си, бем., утъ, ре*, на этой высотѣ не можетъ практически существовать, а долженъ быть, поэтому, перенесенъ въ удобную для пѣнія область, низшую. По теоріи практически употребляются три ступени ниже перваго *утъ*, въ квартовомъ разстояніи, противъ *глаголь-нашиъ—крыжъ*, т.-е. *соль*, противъ *нашиъ—покой низкій*, подъ знаменемъ, т. е. *ля*, противъ—*слова* или *точжи—вѣди низкое*, или *слово низкое*, подъ знаменемъ, т. е. *си натуральное*, съ послѣдованіемъ интервалловъ съ 1 т. и 1 т. Слѣдовательно, верхній трихордъ *си бем., утъ, ре*, съ интерваллами 1 т. и 1 т., какъ не-

удобный практически, можетъ быть перенесенъ внизъ и замѣненъ разнозначимъ ему *соль, ля, си натур.*, съ тѣми же интервалами 1 т. и 1 т. Затѣмъ, по порядку слѣдованія, отъ верхняго *утъ* мы могли бы получить трихордъ, *утъ, ре,* и (воображаемое) *ми бем.*, съ интервалами 1 т. и $\frac{1}{2}$ т.; но такъ какъ такой трихордъ еще болѣе не допустимъ практически, чѣмъ предшествующій ему, то подобный трихордъ мы вынуждены искать въ той же низшей области, а таковой точно по интерваламъ и представляетъ собою въ низшей области трихордъ *ля, си натур.* и *утъ*, съ интервалами 1 т. и $\frac{1}{2}$ т., лежащій рядомъ съ предыдущимъ. Такимъ образомъ отъ нижняго *соль* до верхняго *утъ* мы получаемъ всего восемь трихордовъ-согласій, изъ которыхъ шесть размѣщаются въ звукорядѣ надъ начальнымъ ключевымъ *утъ*, а два, произведенные перемѣщеніемъ сверху внизъ, находятся ниже ключевого *утъ*. Теоретически возможно было бы построить еще трихордъ отъ нижняго *си натур.* (*до, ре*), съ интервалами $\frac{1}{2}$ т. и 1 т., но практически это неисполнимо, такъ какъ *си* имѣетъ перемѣнное значеніе, внизу *натуральное*, вверху же *бемольное*, да и, кромѣ того, этотъ трихордъ могъ бы явиться лишь отъ перенесенія внизъ воображаемаго верхняго трихорда *ре, ми бемоль, фа*, котораго въ дѣйствительности, однакоже, въ пѣвческой практикѣ нѣтъ, ибо онъ переступаетъ предѣльную по высотѣ ступень всего звукоряда *до* или *покой съ точкой*. Расположивъ всѣ ступени въ порядкѣ ихъ слѣдованія по высотѣ, мы получаемъ такой звукорядъ: *соль, ля, си, утъ* (ключевой), *ре, ми, фа, соль, ля, си бем., утъ*,—музыкальная система изъ одиннадцати ступеней и изъ восьми (девяти) трихордовъ трехъ родовъ, своими размѣрами совпадающая съ древнею *малою* совершенною системою греческой музыки, изъ трехъ соединенныхъ тетрахордовъ, съ однимъ тономъ добавочнымъ, съ тою лишь разницею, что эта послѣдняя система обнимала одиннадцать звуковъ, но ступенью выше, т. е. отъ нижняго *ля* и до верхняго *ре*. Слѣды этой системы въ нашемъ звукорядѣ мы можемъ, однакоже, усматривать въ томъ, что у пѣвцовъ, какъ видно на квадратѣ, существовала все-таки помята *вѣди съ точкой*, т. е. верхнее *ре*, хотя бы и теоретически и, слѣдовательно, теоретически, русская музыкальная система встарь начиналась съ этой ступени и, идя внизъ, останавливалась, какъ на одиннадцатой ступени, на нижнемъ *ля*, а не на *соль*, которое было прибавлено изъ практическихъ пѣвческихъ соображеній только потомъ, аналогично тому, какъ это произошло въ средне-вѣковой музыкальной системѣ западной, построенной на системѣ

византійской²³⁸). Византійская система допускала обозначеніе нынѣшнихъ ступеней: *ля, си, до, ре, ми, фа, соль*, какъ: $\alpha, \beta, \gamma, \delta, \alpha, \beta, \gamma$, причемъ различіе состояло въ томъ, что главные лады и ступени ихъ обозначались просто первыми четырьмя буквами, а плагальные съ ихъ ступенями, какъ *апл, вл* и проч. Западные средне-вѣковые музыканты замѣнили греческое обозначеніе латинскимъ, какъ А, В, С, D, E, F, G, затѣмъ, въ высшей октавѣ а, b, c, d, e, f, g и т. д. Когда же прибавлена была внизу еще ступень, нынѣшнее *соль*, а въ латинскомъ алфавитѣ нечѣмъ было обозначить эту лишнюю ступень, то и взяли названіе изъ греческаго алфавита γ (гамма), каковая буква въ греческомъ наименованіи музыкальныхъ ступеней дѣйствительно и обозначала *соль*, вмѣстѣ съ разнозначимъ съ нимъ *до*. Вслѣдствіе этого и всѣ, болѣе или менѣе цѣльные звукоряды, по почину Гвидо Аретинскаго, сдѣлавшаго (ок. XII в.) это нововведеніе, стали называть гаммами. Есть вѣроятіе полагать, что и съ нашимъ звукорядомъ, по подобію средне-вѣковаго латинскаго, произошло тоже самое, при пересадкѣ греческой музыкальной системы въ предѣлы русской музыки, причемъ низшая добавленная *соль* названа русскими пѣвцами своеобразно, не гаммой, а крыжемъ или крестомъ, съ соответствующимъ ему начертаніемъ, тогда какъ при другихъ ступеняхъ остались обозначенія буквами славянскаго алфавита.

Существенное сходство нашей музыкальной системы съ малою совершенной системою греческой отъ подобной операци, однакоже, нисколько не пострадало, какъ это было и съ средне-вѣковой западной системою, въ отношеніи къ музыкальной системѣ греческой, великой. Но мы уже знаемъ, что византійская музыкальная система была система великая совершенная, построенная не изъ трехъ связанныхъ тетрахордовъ съ добавочнымъ тономъ внизу, а изъ четырехъ тетрахордовъ, причемъ первый, нижній, послѣ добавочнаго тона (*ля*), былъ соединенъ со слѣдующимъ вверхъ, вторымъ, второй же съ третьимъ былъ раздѣленъ, а третій съ четвертымъ былъ соединенъ, отчего получалась система въ пятнадцать ступеней, въ обоихъ октавахъ, нижней и верхней, съ употребленіемъ *си натуральнаго*, по безъ *си бемоль*. Эта система была общеупотребительною византійскою до XIV—

²³⁸) Гевартъ въ своемъ соч. „Histoire et theorie de la musique de l'antiquité“ I, p. 266, note, цитуетъ одинъ документъ III в. гдѣ говорится, что общій объемъ человѣческаго голоса въ двѣ октавы, по нынѣшнему, отъ *соль* до *соль*, а его *medium* отъ *ре* до *ре*. См. также Gaisser „Le system musicale de l'eglise grec que“ въ Revue benedictine“ 1899, XII, p.p. 537—538.

XV в.в., она же легла въ основу и западной музыкальной системы церковныхъ ладовъ, представляющей, за исключеніемъ внесеннаго въ нее *соль* — гаммы внизу, точную копию съ старой византійской системой, какъ это основательно выяснено въ послѣднее время нѣмецкимъ ученымъ музыкантомъ, докторомъ Флейшеромъ²³⁹).

Но если византійская система есть великая, то ясно, что русская музыкальная система, представляющая собою точную копию системы малой, неупотребительной въ Византіи, получила свое начало не изъ Византіи, а изъ другого источника и, какъ мы раньше предполагали, съ греко-арабо-сирійскаго Востока, преимущественно черезъ попутный монашескій Аѳонъ и славянскія земли. Но, если, затѣмъ, основная русская музыкальная система не та, что византійская, то естественно думать, что и русское церковное осмогласіе должно быть не то, что византійское осмогласіе, по крайней мѣрѣ въ томъ освѣщеніи, которое ему придается современными западными учеными, какъ Вестфаль, Гевартъ, Г. Римапъ, Кристъ и Параника, Хэтерли, а изъ русскихъ Ю. Арнольдъ и его несамостоятельные послѣдователи²⁴⁰). Объ осмогласіи русскомъ въ вышеупомянутыхъ теоретическихъ статьяхъ содержится довольно отрывочныя, неполныя свѣдѣнія, недостаточно выясняющія сущность вопроса, но настолько, однакоже, опредѣленныя, что позволяютъ заключать о значительномъ и рѣшительномъ отличіи осмогласія русскаго отъ византійскаго. Пере-

²³⁹) Fleischer, Neumen-Studien, Th. III, s. 39.

²⁴⁰) Кристъ и Параника, основываясь на Гукбальдѣ, устанавливают для 1 и 5 г.г. тетракордъ отъ *па* (d), для 2 и 6 г.г. отъ *βου* (e), для 3 и 7 г.г. отъ *γα* (f) для 4 и 8 г.г. *δι* (g). Конечные тоны для ирмологійныхъ пѣснопѣній установлены слѣдующіе: въ 1 гл. *па*, 5—*хе*, 2—*па*, 6—*βου*, 3—*γα*, 7—*βου*, 4—*βου*, 8—*η* и *γα*,—для стихирныхъ пѣснопѣній и пападики (поповскаго пѣнія) въ 1 гл. *хе*, 5—*па*, 2—*βου* и *ди*, 6—*ди* и *па*, 3—*γα*, 7—*ди*, 4—*па* и *ди*, 8—*η* и *γα*. Основной тонъ гласа называется *βασίς* или *ισον*, а пѣвцы, исполнявшіе его, *ἰσογράται*. „Anthologia graeca carminum christianorum“, Lib. IV. p.p. CXX—CXXI. Сравнивая эти конечные тоны нынѣшнихъ греческихъ церковныхъ гласовъ съ окончаніями гласовъ знаменнаго распѣва нельзя не замѣтить значительнаго сходства ихъ съ основными тонами „согласій“ этого распѣва и выражаемого въ этомъ отношеніи родства знаменнаго русскаго пѣнія и его осмогласія съ пѣніемъ и осмогласіемъ греческимъ. Самыя названія 8-ми ступеней— *па*, *βου*, *γα*, *ди*, *хе*, *ζω*, *η*, (*ре*, *ми*, *фа*, *соль*, *ля*, *си*, *до*), произошли очевидно, отъ комбинацій первыхъ 7-ми буквъ греческаго алфавита—*α*, *β*, *γ*, *δ*, *ε*, *ζ*, *η* съ прибавленіемъ къ нимъ буквъ *ι*, *κ*, *ν*, *οι* и *ω*. Греки сами не знаютъ значенія этихъ комбинацій буквъ, но и эту свою догадку мы не беремъ выдавать за несомнѣнное.

числивъ восемь помѣтокъ—ступеней звукоряда, отъ глаголь *наиш* (*утъ*) до *покой* съ точкой (*верхнее утъ*), вышеупомянутая теорія прибавляетъ „сія убо есть гласовъ каждо ихъ *гласовое различіе* и въ *попѣвкахъ* и въ *строкахъ* *имуть*, вина же сему осмогласному пѣнію отъ трехъ вышерѣченныхъ первыхъ гласовъ“, т. е., по нашему, трикордовъ *утъ*, *ре*, *ми*,—*ми*, *фа*, *соль* и *соль*, *ля*, *си* *бем.*, къ которымъ „по подобію и согласію“ ихъ присоединено еще и „инѣхъ пять“, о которыхъ у насъ была рѣчь выше. Раньше мы достаточно видѣли, какъ „гласовное различіе“ выражается въ „попѣвкахъ—кокизахъ“ и какое онѣ имѣли значеніе для выраженія осмогласія знаменнаго распѣва при пѣніи по „кокизнику“ и на „подобень“,—намъ теперь нужно выяснитъ, какъ это „гласовное различіе“ выражается еще и „въ строкахъ“. На это есть указаніе, хотя и не особенно полное, въ самой теоріи, гдѣ говорится, что *наиш* съ глаголемъ—*утъ* содержитъ согласіе начальныя строки ирмоса *восьмого гласа* „Спасе люди“, *наиш*—*ре* содержитъ согласіе ирмоса *восьмого гласа* „Всемирную радость“, помѣтка *слово* (*точка*)—*ми* имѣетъ согласіе ирмоса *седьмого гласа* „Маниемъ ти“, помѣтка *мыслете*—*фа* содержитъ согласіе *шестого гласа* „Денесе“, помѣтка *покой*—*соль*, въ квартовомъ отношеніи равная вышеупомянутой *наиш*, содержитъ согласіе *восьмого гласа* „Къ роду чловѣческому“, помѣтка *вѣди* имѣетъ согласіе ирмоса *четвертаго гласа* „Безсѣмвнаго сына“, помѣтка *вѣди* съ глаголемъ—*си* *бемоль* содержитъ согласіе ирмоса *восьмого гласа* „Море огустѣвая“ и помѣтка *покой* съ точкой—*верхнее утъ* имѣетъ согласіе строки *третьяго гласа* „Доколѣ терпиши“. Здѣсь есть нѣкоторыя неясности и неточности, которыя необходимо устранить. Для *восьмого гласа* указаны три согласія, изъ коихъ два совершенно равнозначаци между собой, для *пятого* же и *шестого* согласія совсѣмъ не указаны. При изученіи попѣвокъ отдѣльныхъ гласовъ знаменнаго распѣва нельзя не видѣть, что первый и пятый гласъ, а затѣмъ второй и шестой, весьма сходны собою между попѣвками, такъ что неопытному пѣвцу легко принять первый гласъ за пятый, и наоборотъ,—и второй за шестой, и наоборотъ,—тѣмъ болѣе, что они часто нотируются въ одной и той же высотѣ, почему и естественно допустить, что теорія, имѣя въ виду это близкое сходство гласовъ 1 и 5, а затѣмъ 2 и 6, указала для каждой пары одно общее согласіе, какъ это, очевидно, въ дѣйствительности и есть. Слѣдовательно, мы должны принять, что для *пятого гласа* согласіе тоже, что для *перваго*, глаголь *наиш*—*утъ*, а для *второго гласа* что и для *шестого*, *мыслете*—*фа*. Раньше было замѣчено, что всѣ восемь трикордовъ—согласій церковнаго звукоряда, по образцу

первыхъ трехъ, отъ глаголь *наиъ—уть*, слова *точки—ми* и *покой—сопь*,—распредѣляются на три группы: I) триорды въ 2 тона, II) триорды въ 1 т. и $\frac{1}{2}$ т. и III) триорды въ $\frac{1}{2}$ т. и 1 т., почему и все гласы, хотя и на разныхъ ступеняхъ и высотахъ, вращаются однакоже въ триордахъ этихъ трехъ типовъ, отдавая преимущество или господство какому-либо одному изъ всѣхъ. Отсюда ясно, что гласы первый и пятый вращаются въ триордахъ I, второй и шестой также въ триордахъ I, третій въ триордѣ II, четвертый въ триордѣ III, седьмой въ триордѣ III, восьмой, главнымъ образомъ, въ триордѣ II, а частію и въ триордѣ I.

Практическія наблюденія надъ знаменнымъ распѣвомъ въ значительной степени подтверждаютъ эти положенія старой русской теоріи согласій. Пѣснопѣнія 1-го и 5-го гласа знаменнаго распѣва дѣйствительно главнымъ образомъ вращаются въ этомъ согласіи I, съ окончаніемъ на основную его ступень, нижнее *сопь* или ключевое *уть*, особенно въ пятомъ гласѣ, когда онъ исполняется квартою выше перваго. Это особенно замѣтно въ попѣвкахъ „вознось послѣдній“, „долинки“, изъ коихъ наиболѣе характерна „хориса“,—но иногда и на терцію ниже согласія *ля*²⁴¹).

Пѣснопѣнія 2-го гласа, вращаясь также въ согласіи I, нерѣдко оканчиваются на ступень *фа*, какъ напр. въ попѣвкѣ „вознось конечный“, но иногда, какъ въ „кулизмѣ конечной“ допускаютъ и окончаніе на терцію ниже *фа*, въ *ре*, тогда какъ пѣснопѣнія 6-го гласа, особенно въ „кулизмѣ конечной“, главнымъ образомъ оканчиваются въ *ре*, терціей ниже *фа*, чѣмъ и отличаются нѣсколько отъ пѣснопѣній 2-го гласа, такъ какъ оба гласа расположены на одной высотѣ.

Пѣснопѣнія 3-го гласа вращаются въ согласіи II, но оканчиваются не въ основную ступень *ре*, или, что нерѣдко случается, квартою выше, въ однозначашее *сопь*, наиболѣе часто звучашія въ пѣснопѣніяхъ, а на терцію ниже въ *си натур.* или въ *ми*, какъ напр.: въ попѣвкѣ „перевивкѣ“, часто употребляемой въ концѣ пѣснопѣній и принадлежащей только одному 3-му гласу; но „кулизма“ этого гласа оканчивается однакоже въ основную ступень *ре*.

Пѣснопѣнія 4-го гласа вращаются въ согласіи III и нерѣдко канчиваются въ основную ступень согласія *ми*, напр.: въ „вознось конечномъ“. Что дѣйствительно 4-й гласъ размѣщается ступеню

выше, въ сравненіи съ третьимъ гласомъ, т. е. 3-й гл. въ согласіи II, 4-й въ согласіи III,—видно на попѣвкѣ 3-го и 4-го гласа „огибкѣ“, которая, встрѣчаясь и въ 3-мъ и въ 4-мъ гласахъ и имѣя одинъ и тотъ же мелодическій рисунокъ, въ 4-мъ гласѣ однакоже поется ступеню выше противъ 3-го гласа; но „кулизма“ 4-го гласа, которая есть та же, что и въ 3-мъ гласѣ, оканчивается однакоже, какъ и тамъ, на *ре*.

Пѣснопѣнія 7-го гласа почти постоянно вращаются въ согласіи III, съ наиболѣе часто употребляемою основною ступеню *ми* и съ постояннымъ окончаніемъ на терцію ниже, въ *уть* ключевое, особенно въ попѣвкахъ „кулизмѣ“ и „перекладкѣ“.

Пѣснопѣнія 8-го гласа главнымъ образомъ вращаются въ согласіи II и постоянно оканчиваются, чаще всего „кулизмою“, на основную ступень согласія *ре*, а въ попѣвкахъ весьма много сходятся съ пѣснопѣніями 2-го и 6-го гласа, вращающимися, какъ замѣчено выше, въ согласіи I, которое указывается въ теоріи также и для 8-го гласа, вмѣстѣ съ главнымъ согласіемъ II, тогда окончанія являются на терцію внизъ, въ тоже *ре*²⁴²).

Такимъ образомъ наблюденія надъ осмогласіемъ знаменнаго распѣва въ достаточной мѣрѣ подтверждаютъ главныя положенія упомянутой теоріи о согласіяхъ-триордахъ, въ которыхъ нельзя не видѣть основныя черты древняго осмогласія знаменнаго распѣва, въ его своеобразномъ отличіи отъ византійскаго осмогласія. Для нашей цѣли теперь въ достаточной степени ясно, что это за „согласіе“, которое, по свидѣтельству повѣтствователя XVII вѣка, пѣвцы первой половины XVI вѣка „гораздо знали“, пѣли „кокизникъ“ и „подобникъ“ „наизусть“, равно и „знамя накладывали“ на текстъ пѣснопѣній „наизусть“. Слѣдовательно, это была теорія согласія, изстари передаваемая на слухъ и память, по преданію переходящая отъ однихъ пѣвцовъ къ другимъ, и только уже во второй половинѣ XVII в. записанная въ упомянутыхъ статьяхъ неизвѣстными авторами пѣвцами въ довольно неполной и отрывочной редакціи, понятной лишь въ живомъ руководствѣ и устныхъ практическихъ указаніяхъ. Господство ученія о согласіяхъ весьма ясно затѣмъ отражается въ изобрѣтенной Мезенцемъ системѣ признаковъ, удачно примѣненныхъ имъ къ тремъ ступенямъ согласій, простого, мрачнаго и свѣтлаго, а равно и въ примѣненной

²⁴²) Gaisser „Le Syst. music. de l'egl. gr.“, „Revue Benedict.“ 1900, II, p. 228, говоритъ, что и въ греческой музыкѣ восьмой гласъ имѣлъ смѣшанный музыкальный характеръ, почему, вмѣсто *ἰπομιξολύδιος*, долженъ бы, называться *μιξολύδιος μέσος*, точнѣе, *συντολολύδιος*.

²⁴¹) О попѣвкахъ см. въ соч. автора „Осмогласіе знаменнаго распѣва“. М. 1900 г.

имъ характеристикъ церковнаго звукоряда „треми естествогласіи“ или тремя степенями трихорда, котораго также три особыхъ вида, до „вторянадесять ступени“²⁴³). Это же ученіе господствуетъ и у Тихона Макаріевскаго, автора „Ключа“ или Сказанія о нотномъ гласобъжаніи и литерныхъ знаменныхъ помѣтахъ и о знамени нотномъ, гдѣ говорится, что голосъ „восходитъ горѣ по линиямъ и спациямъ трети естествогласіи, обращающимися даже до вторянадесять степені“²⁴⁴).

Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что эта теорія „согласія“, какъ и пѣніе по „коклизнику“ и „подобнику“, восходятъ къ глубокой древности русскаго искусства пѣнія, и коренится, какъ и эти виды пѣнія, въ пѣвческой музыкальной системѣ и осмогласіи домонгольскаго же періода. Мы можемъ принять за несомнѣнное, что при весьма невысокомъ уровнѣ умственнаго развитія и образованія нашихъ древнихъ пѣвцовъ въ домонгольскій періодъ совершенно тогда не существовало особой теоріи осмогласія или теоріи „согласія“, какъ музыкальной системы, даже и въ томъ несовершенномъ видѣ, какъ это было въ XVI—XVII в.в., но за то вполне естественно и допустимо то, что главныя правила и условія этой теоріи, какъ извѣстные опытные практическіе навыки и приемы, воспринятые отъ первыхъ учителей греко-славянъ и разрабатываемые пѣвческою практикою пѣвцовъ и учителей пѣнія, эти общія практическія положенія, „азбучныя истины“ церковно-пѣвческаго дѣла, въ періодъ домонгольскій и въ послѣдующее время существовали непрерывно. Если исходить изъ того общаго положенія, что прогрессъ, усовершенствованіе, разработка и всестороннее освѣщеніе каждой отрасли науки и искусства всегда впереди, то, судя по тому состоянію музыкальной теоріи „согласія“ или осмогласія знаменнаго распѣва, какое мы наблюдаемъ въ теоретическихъ

²⁴³ Здѣсь кстати замѣтить, что терминъ „тріестествогласіе“, неправильно понятый, далъ поводъ кн. В. Ф. Одоевскому, а за нимъ и прот. Д. В. Раузовскому, думать, что церковно-пѣвческая русская теорія XVII-го в. знала о чистомъ трезвучіи, какъ основѣ русской церковной гармонизаціи и что оно, какъ признанное русскими пѣвцами, единственно можетъ быть примѣняемо, по праву русской древности, къ гармонизаціи русскихъ церковныхъ напѣвовъ. Трезвучная гармонія имѣетъ право на преимущественное господство въ гармонизаціи русскихъ церковныхъ напѣвовъ, но оно утверждается на другихъ основаніяхъ, именно на свойствѣ церковнаго звукоряда, построеннаго на трехъ соединенныхъ тетрахордахъ или на древней греческой малой совершенной системѣ и на господствѣ въ напѣвахъ старой гексахордовой (шестизвучной), а не новой октахордовой (семизвучной) системы діагонической.

²⁴⁴ Ркп. Архива Мин. Иностр. Д. № 455 (923).

пѣвческихъ статьяхъ XVII в.,—состояніе пѣвческой теоріи „согласія“ или осмогласія въ домонгольскій періодъ, даже въ чисто практическомъ смыслѣ, въ видѣ навыковъ и приемовъ, должно представлять себѣ весьма невысокимъ и несовершеннымъ²⁴⁵). Отсюда кажется вполне шаткимъ и безосновательнымъ установившееся въ церковно-пѣвческой литературѣ, со времени князя Одоевскаго, и развитое до крайности Ю. Арнольдомъ мнѣніе, что въ основѣ осмогласія нашего знаменнаго распѣва лежитъ цѣликомъ византийская музыкальная теорія гласовъ, извѣстная своими музыкальными техническими хитросплетеніями, овладѣть которыми едва ли впору было хорошо образованному греческому пѣвцу періода лучшаго распѣта византийской образованности,—мало понятная лучшимъ образованнымъ современнымъ грекамъ, какъ Тпетцесъ, Кристъ и Параника, и едва по силамъ такимъ ученымъ, какъ Вестфаль, Петръ, и выдающимся музыкантамъ, какъ Гевартъ, Рюэль, Кизеветтеръ, Беллерманъ, Флейшеръ и др., которые, однакоже, во многомъ еще не согласны между собою по вопросамъ греческой музыкальной теоріи,—а тѣмъ болѣе эта теорія должна была казаться совершенною terra incognita для необразованныхъ и малограмотныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ русскихъ XI—XII в.в., которые, развѣ прирожденнымъ инстинктомъ, музыкальнымъ чутьемъ и вѣроятными догадками могли уловить главнѣйшіе практическіе элементы, усвоить важнѣйшіе напѣвы и мелодіи и обработать этотъ отрывочный матеріалъ на свой слухъ и вкусъ, по своему ритмическому чувству и музыкальному національному складу. Что могло остаться при такихъ чрезвычайныхъ условіяхъ отъ основныхъ элементовъ греческой музыкальной теоріи къ XVII вѣку, когда впервые мы встрѣчаемъ слабыя попытки изложить теоретически главнѣйшія

²⁴⁵ „Терминъ тріестествогласіе“ не вполне, точно понимался и позднѣйшими изслѣдователями. Такъ С. В. Смоленскій въ „Краткомъ описаніи древняго (XII—XIII в.) знаменнаго ирмолога“, стр. 7, говоритъ: „Существенное основаніе русской церковной мелодіи—*тріестествогласіе*, 4 раза повторяющееся въ церковномъ звукорядѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніе окончательно установившейся знаменной нотаци. Раздѣленіе знаменъ на *простыя, мрачныя, свѣтлыя трисвѣтлыя*, вмѣстѣ съ различіемъ звуковъ *нижнихъ, среднихъ и верхнихъ* въ каждомъ *тріестествогласіи*, ясно указываетъ на то внутреннее устройство нашихъ напѣвовъ, которые были такою мудреною загадкою до послѣдняго времени“. Очевидно, что, по Смоленскому, тріестествогласіе это трихордъ, которыхъ дѣйствительно 4, между тѣмъ какъ, по мезенцу, это три естественныя голосовыя ступени или три интервала въ каждомъ изъ 4-хъ трихордовъ, „всякое пѣніе возвышается и склоняется трети естествогласіи до вторянадесять степені“.

черты старого „согласія“ или осмогласія знаменнаго распѣва? Отвѣтъ одинъ: у русскихъ пѣвцовъ XVI—XVII в.в., въ отношеніи греческой музыкальной теоріи не осталось никакихъ слѣдствъ воспоминаній и даже, какъ видѣли, господствовало полное убѣжденіе въ происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія отъ какихъ-либо русскихъ пѣвцовъ, изъ Кіева, а не отъ грековъ, потому что у грековъ въ пѣніи, какъ говорили, „своя погласица“²⁴⁶). Но греческое музыкальное вліяніе на русское первоначальное церковное пѣніе несомнѣнно было, хотя и чрезъ посредство славянскихъ земель и Аѳона, слѣдовательно вліяніе не прямое, а отраженное и окрашенное славянской національной средой,—но это вліяніе, какъ видѣли, было не византійское, главнымъ образомъ, а восточное греко-сирійское, насадившее въ славяно-русскомъ пѣніи малую совершенную музыкальную систему восточнаго характера, а не великую систему, византійскую. Если трудно выяснитъ вліяніе греческой музыкальной теоріи на русское церковное пѣніе на основаніи русскихъ источниковъ, историческихъ свидѣтельствъ и указаній, и точнѣе установить сущность и значеніе у пѣвцовъ ученія о согласіяхъ,—то у насъ есть еще надежда попытаться раскрыть нѣсколько вопросовъ съ другой стороны, съ точки зрѣнія греческой музыкальной теоріи, въ ея основныхъ характерныхъ чертахъ.

О византійской музыкальной теоріи царили доселѣ въ мнѣніяхъ ученыхъ, за отсутствіемъ точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній, не вполне ясныя и во многомъ несогласныя представленія. Но въ недавнее время открыта греческая пергаменная рукопись, не позже XIV, содержащая точную и опредѣленную, достаточно полную, обнимающую все существенное, музыкальную теорію византійскую, съ заглавіемъ „*Ἀρχὴ τῶν κατ'ἕχων ἡχημάτων*“, рукопись обследованная и частью факсимилированная, затѣмъ, профессоромъ Оскаромъ Флейшеромъ въ 3-мъ томѣ сочиненія „*Neumen-*

²⁴⁶) Такъ рассуждаетъ авторъ предисловія крюковаго стихираря кн. Оболенскаго XVII в. См. у Ундольскаго „Замѣч.“, стр. 21. Поэтому всѣ рассужденія прежнихъ авторовъ, Одоевского, Разумовскаго, Арнольда, Вознесенскаго и др. о нашихъ гласахъ знаменнаго, греческаго, кіевского, болгарскаго, какъ о ладахъ-гласахъ византійской музыки, съ подробными указаніями тетрахордовъ, въ которыхъ вращается тотъ, или другой гласъ, его звуковъ господствующихъ и конечныхъ, добытыхъ путемъ простаго ариметическаго подсчета, не имѣютъ для нашего осмогласія никакой реальной цѣнности. Русское церковное осмогласіе реальнымъ образомъ выражается въ тѣхъ или другихъ поѣвкахъ (строкахъ) и въ тѣхъ, или другихъ трихордахъ (согласіяхъ) и въ ихъ комбинаціяхъ.

Studien“ (Berlin, 1904), съ извлеченіемъ греческаго текста теоріи in toto. Въ этомъ замѣчательномъ памятникѣ византійской музыкальной теоріи греческое осмогласіе представляется въ слѣдующемъ видѣ. Первый гласъ, дорійскій, именуется *ἀνάρες* и пишется *α*, второй—лидійскій *νείρες*, *β*, третій—фригійскій, *κατά*, *γ*, четвертый—миксолидійскій, *ἀγία*, *δ*, плагальный перваго—иподорійскій, *ἀνείρες*, *πλα*, плагальный втораго — иполидійскій, *νεείρες*, *πβ*, плагальный третьяго—ипофригійскій, низкій (*βαρὺς*) *ἀνείρες*, *βαρ*, плагальный четвертаго—ипомиксолидійскій, *νεάγυε*, *πδ*.²⁴⁷) Чтобы понять тональное значеніе этихъ гласовъ, сравнительную высоту и отношеніе ихъ между собою, слѣдуетъ выяснитъ тональное значеніе наименованій ступеней *α*, *β*, *γ*, *δ*. Эти буквы греческаго алфавита не значатъ просто счетъ гласовъ, 1, 2, 3, 4, такъ какъ этотъ счетъ въ манускриптѣ отмѣчается, порядковыми числительными: *ὁ πρῶτος*, *ὁ δεῦτερος*, *ὁ τρίτος τοῦ πρώτου*, *ὁ τέταρτος τοῦ πρώτου*, *ὁς καὶ βαρὺς* (разумѣется *ἦχος*) и проч., но эти буквенные знаки, именуемые мартіріями (*μαρτυρίαί*), употреблялись въ греческой музыкѣ для обозначенія ступеней, занимаемыхъ гласами въ неизмѣняемой лѣстницѣ²⁴⁸). Византійцы, какъ замѣчено, пользова-

²⁴⁷) Отсюда ясно, насколько несогласны теоретическіе выводы и построенія Ю. Арнольда съ общепринятою греческой музыкальной теоріей на основаніи которыхъ онъ предубѣжденно считаетъ первый гласъ—фригійскимъ, второй—лидійскимъ, третій—миксолидійскимъ и четвертый—дорійскимъ. Къ этому склонялся и прот. Д. В. Разумовскій въ позднѣйшемъ сочиненіи „Богослужбное пѣніе“, М. 1888 г., стр. 59. Однакоже даже современные греческіе теоретики придерживаются стараго византійскаго ученія, и у Фокаевса въ его „*Μουσικὸν ἑγκόλλιον*“, 1879 г., *σελ.* 70, 74, 79, а также и у Бурго-Дюкудрэ „*Etudes sur la musique ecclésiastique grecque*“, Paris, 1877 г., pp. 55—60, названія гласовъ остаются древнія: дорійскій, лидійскій, фригійскій, миксолидійскій и соотвѣственно тому и плагальные—иподорійскій, иполидійскій, ипофригійскій и ипомиксолидійскій. Ясно также и то, какъ нужно понимать двукратную ссылку Смоленскаго на Арнольда, какъ толкователя греческихъ ладовъ, въ соч. „Азбука А. Мезенца“, Каз. 1888 г., стр. 39, 42.

²⁴⁸) См. по этому поводу соображенія Gaisser'a въ его статьѣ „*Le System musicale de l'église grecque*“ въ „*Revue Benedictine*“ 1899, XII, 1900, II. Въ особенности интересна палеографическая таблица способовъ письма этихъ буквъ—*α*, *β*, *γ*, *δ*—въ пѣвческихъ рукописяхъ м-ря Grotta Ferrata 1225 г., 6-ки Мессинскаго университета XIII, XIV, XV и XVI в.в., И. П. 6-ки, Королевской Брюссельской 6-ки и др., гдѣ авторъ наглядно доказываетъ буквенный характеръ и значеніе мартірій, вопреки своеобразному и неправильному пониманію ихъ Паладопуло и Риманомъ, и въ полномъ почти согласіи съ пониманіемъ ихъ абб. Тибо (въ Визант. временникѣ, 1899). У Тибо (Виз. вр. „*Μαρτυρίαι*“, стр. 4) приведено также 4 вида мартірій отъ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ. Того же пониманія придерживается и Оскаръ Флейшеръ, счи-

лись великой совершенной системой, въ 15 ступеней, въ четыре тетрахорда, съ раздѣленіемъ въ серединѣ, или въ двѣ октавы, отъ *ля*, полагая его равнымъ по высотѣ басовому нижнему *ля*, до третьяго *ля*. Естественно полагать, что гласы эти раздѣлялись по порядку ступеней этой неизмѣняемой лѣстницы, отъ низшихъ къ высшимъ и наоборотъ, поэтому и мартиріи гласовъ 1, 2, 3 и 4-го, *α, β, γ, δ*, должны были совпадать въ порядкѣ слѣдованія ступеней, *ля, си, до, ре* и т. д., если начинать звукорядъ съ самаго нижняго тона, добавочнаго (просламанованнаго) въ области *ὀλατῶν*, или, что правильнѣе, въ верхнемъ общемъ для мужскихъ и женскихъ голосовъ тетрахордѣ *ὀπερβολαίων*²⁴⁹). Справедливость этого предположенія можетъ быть усматриваема еще и изъ того, что средневѣковые музыканты, принявъ отъ грековъ музыкальную систему наименовали ступени своего звукоряда соотвѣтственно греческому алфавитному обозначенію, А, В, С, D, продолживъ наименование до седьмой ступени, Е, F, G, что соотвѣтствовало бы греческимъ *ε, ζ, η*, принято же именовать *πλα, πλβ, πλγ, πλδ*. Но у средневѣковыхъ музыкантовъ буквы латинскаго алфавита А, В, С, D, всегда обозначали *ля, си, уть, ре* и т. д.²⁵⁰), почему

тая его безспорнымъ. Gaisser—„Revue Benedictine“ 1899, XII, p. 543. Fleischer—Neumen-Studien, Th. III, s.s. 38—39. Пападопуло (*Συμβολαι*, 169) и Римањъ (Abhandlung über die *μαρτυρια* etc.) даютъ мартиріямъ совершенно нагагнутое, искусственное объясненіе: Пападопуло *α* рассматриваетъ какъ полу *φ*, знакъ 7-го гл. какъ лежачее *ζ* и проч., Римањъ, какъ начальныя буквы ладовъ дорійскаго, фригійскаго, лидійскаго, миксолидійскаго—*δ, φ, λ, μ*. Ich denke hier haben wir einem Fingerzeig der gar nicht misszuverstehen ist, besonders da wir nun in den Martyrien die Anfangsbuchstaben der vier Haupttonarten wiederfinden.“ „Ich glaube nicht fehl zugehen, wenn ich in denselben ziemlich unkenntlich gewordene Formen der Buchstaben *φ, λ, μ* und *δ* sehe“. Однако С. В. Смоленскій, съ свойственной ему настойчивостію, считалъ себя сторонникомъ теории Римања, до очевидности несостоятельной.

²⁴⁹) Gaisser ibid.

²⁵⁰) Здѣсь можетъ составлять однако вопросъ то, что разумѣть подъ В—си натуральное, или си бемоль, такъ какъ средневѣковые музыканты различали В rotundum—си бем. и В quadratum си натур. Имѣя въ виду то, что въ античной музыкѣ ладъ первый дорійскій имѣлъ интерваллы дорійскаго тетрахорда $\frac{1}{2}$ т. 1 т., а затѣмъ и то, что упоминаемая греческая рукопись говорить, что первый гласъ *α*—дорійскій, *β*—лидійскій, *γ*—фригійскій, *δ*—миксолидійскій и т. д., въ византійской музыкѣ нужно полагать эту мартирію *β*, равную латинскому В, именно, какъ *си бем.*, а самые гласы раздѣляемыми въ верхнемъ тетрахордѣ *ὀπερβολαίων*, общемъ для мужскихъ и женскихъ голосовъ. Къ этому заключенію побуждаетъ еще и то наблюденіе, что мартирія *β* пишется въ боковомъ лежачемъ положеніи и въ этомъ видѣ обозначаетъ въ инструментальной музыкѣ ступень на полутонъ отъ предыдущаго знака, въ данномъ случаѣ, *α*. Къ этимъ выводамъ въ особенности склоняется изъ

и мартиріи *α, β, γ, δ*, должны обозначать не иные ступени, какъ именно эти въ неизмѣняемой лѣстницѣ—*ля, си, уть, ре*. Безъ сомнѣнія эти мартиріи должны были обозначать собой эти ступени—*ля, си, до, ре*, на любой высотѣ неизмѣняемой системы. Для пѣнія, сообразно съ средними голосовыми средствами, была избрана наиболѣе удобная пѣвческая область, приблизительно въ полторы октавы, отъ нижебасоваго *ля* до верхняго *ре*, тотъ же объемъ голоса, который принять и въ нашемъ церковномъ звукорядѣ, по крюковой системѣ, но опущенномъ еще на одну ступень ниже. Мартиріи, должно думать, обозначали собой не только однѣ ступени *ля, си, до, ре*, но и всѣ другія ступени, коль скоро онѣ сохраняли тоже поступенное расположеніе интервалловъ, т. е. 1 т. $\frac{1}{2}$, т. 1 т., слѣдовательно и ступени *ре, ми, фа, соль* и другія подобныя послѣдованія могли обозначаться тѣми же мартиріями. Отсюда выходило, что, если гласы главные, какъ это было принято въ греческой музыкальной теоріи, находились въ верхнемъ тетрахордѣ *ля—ре*, то гласы плагальные находились на соотвѣтствующихъ ступеняхъ въ нижнемъ тетрахордѣ, напр.: *ре—соль*.

Для русской теоріи о согласіяхъ въ греческой музыкальной теоріи о гласахъ, изъ упомянутаго византійскаго манускрипта, особенно интересно слѣдующее мѣсто: „*Ἐχει δὲ ὁ πρῶτος ἤχος μέσον τὸν γ, ὁ δεῦτερος τὸν πλ δ, ὁ τρίτος τὸν πλ α, ὁ τέταρτος τὸν πλ β, ὁ πλάγιος τοῦ πρώτου τὸν γ, ὁ πλάγιος τοῦ δευτέρου τὸν δ, ὁ βαρὺς*

новѣйшихъ ученыхъ Ганссеръ (Gaisser) въ ст. „Le Systeme musicale de l'église grecque“ въ „Revue benedictine“ 1899, XII, 1900, II. Средневѣковые лады и вся ихъ система есть, очевидно, копія византійской системы, и, какъ эта послѣдняя, представляютъ собой пониженіе всей системы на ступень ниже, съ пониженіемъ нижней ступени—просламанованнаго съ античнаго *ля* въ средневѣковое *соль*—гамму, съ перенесеніемъ ладовъ изъ области *ὀπερβολαίων* въ область *μεσῶν, τόπος μεσοειδῆς* или въ *medium*. Ученый аббатъ Жанъ Баптистъ Тибо въ своемъ капитальномъ изданіи „Monuments de la Notation Ekphrétique et neumatique de l'église latine“, S.-Petersburg, 1912, pp. 71—72 указывать *codex benedictinensis* монастыря Warewell въ Англии, хранящаго пѣнь въ И. П. Б. Q. v. I, № 62, XII в., гдѣ ступени ичисляются такъ: А, Н, С, D, E, F, G. Istaе litterae dicuntur graves... Item А, В rotundum, С, D, E, F, G. Istaе litterae dicuntur acutae... Item А, В rotundum et Н quadratum, С, D, E, F, G. Istaе litterae dicuntur superacutae... Слѣдовательно признается существованіе трехъ октавъ: нижней—съ *си натур.*, средней—съ *си бем.* и верхней—*си бем.* и съ *си натур.* При этомъ оказывается *septem sunt voces: ut, re, mi, fa, sol, la*, которые располагаются въ семи мѣстахъ. Primus locus incipit in gamma gravi et desinit in E grave. Второй С gr.—А acut., третій F gr.—D acut., четвертый G gr.—E acut., 5-й С acut.,—А superacut., 6-й—F acut.—D superacut., 7-й G acut.—F Въ 1, 5 и 7—Н quadrat., 3 и 6—В rotund. Sextus et quintus utuntur natura vel proprio cantu.

τὸν α, δ πλάγιος τὸν τετάρτου τὸν β^α. Это мѣсто, при всемъ его интересѣ для насъ, представляется въ нѣкоторыхъ пунктахъ неяснымъ, почему слѣдуетъ прежде опредѣлить соотношеніе гласовъ между собою. По теоріи гласы распредѣляются такъ: въ верхнемъ тетраходѣ главные, въ нижнемъ плагальные—Ἐν καταβῆς ἀπὸ τῶν α μίαν φωνήν, εὐρήσης πλ δ, καὶ ἐν καταβῆς ἀπὸ τῶν πλ δ μίαν φωνήν, εὐρήσης γ, μίαν φωνήν, εὐρήσης πλ β, καὶ ἀπὸ τῶν πλ β μίαν φωνήν πλ α, т. е. отъ перваго гласа на ступень ниже—плагальный четвертый, еще ступеню ниже—плагальный третій, еще ступеню плагальный второй и еще ниже—плагальный первый, и обратно, до перваго вверхъ. Слѣдовательно, мы можемъ представить всѣ восемь гласовъ въ восходящемъ порядкѣ такъ: 1 плаг., 2 пл., 3 пл., 4 пл., 1 главн., 2 пл., 3 пл., 4 пл., что мартиріями выражается такъ: α пл., β пл., γ пл., δ пл., α, β, γ, δ,—или, переводя на современную нотную номенклатуру: ля, си, до, ре, плагальные, и ля, си, до, ре, главные; но, такъ какъ плагальный тетраходъ ля—ре однозначашъ съ тетраходомъ ре— соль, то и всѣ гласы размѣстятся такимъ образомъ: ре, ми, фа, соль—плагальные и ля, си, до, ре,—главные, такъ что отношеніе между главными и плагальными ладами получается всегда квинтовое.

Предыдущій греческій текстъ статьи содержитъ слѣдующее: гласъ первый имѣетъ среднимъ гласомъ (μῆσον) γ, гласъ второй—πλ δ, гласъ третій—πλ α, гласъ четвертый—πλ β, первый плагальный γ, второй плагальный δ, третій плагальный α, четвертый плагальный β. Это возможно представить себѣ лишь при томъ условіи, если мы допустимъ распространеніе главныхъ ладовъ въ низшемъ тетраходѣ, а плагальныхъ въ высшемъ, такъ что тѣ и другіе будутъ въ параллельномъ отношеніи между собою. На эту комбинацію даетъ право замѣтка теоріи, что перемѣненія гласовъ могутъ быть допускаемы, по желанію, даже до ста (Ἐως τῶν ἑκατῶν). Отсюда заключаемъ, что этотъ гласъ средній падаетъ всегда на третью ступень каждаго гласа, если мы изобразимъ гласы въ тетраходахъ, какъ это принято въ греческой музыкальной теоріи и какъ изображено это на примѣрѣ (παράλλαξις) изъ той же рукописи, приписываемомъ Кукузелю, въ видѣ деревца съ восемью отростками, по четыре съ той и другой стороны, по числу главныхъ и плагальныхъ гласовъ, и по четыре мартиріи (тетраходъ) на каждомъ отросткѣ. Такимъ образомъ этотъ средній гласъ всегда есть терція гласа—тетрахода, составляя отъ основного тона гласа триходъ этого гласа. Такихъ трихордовъ, какъ и въ ученіи нашихъ теоретиковъ XVI—XVII в.в., только три: I) 1 т. и 1 т., II) 1 т. и 1/2 т., и III) 1/2 т. и 1 т. Они одна-

коже могутъ встрѣчаться, какъ въ плагальныхъ гласахъ, такъ и въ главныхъ.

Что такое этотъ средній гласъ греческихъ гласовъ? Для насъ не представляется никакого сомнѣнія въ томъ, что это не иное что, какъ „согласіе“ нашихъ русскихъ церковныхъ гласовъ, или наоборотъ, „согласіе“ нашихъ гласовъ—трихордъ есть тоже, что средній гласъ тетраходовъ греческихъ.

Сопоставляя это ученіе о среднемъ гласѣ греческой теоріи съ ученіемъ русскихъ пѣвцовъ XVI—XVII в.в. о „согласіи“, мы не можемъ не видѣть замѣчательнаго совпаденія между ними. Наши гласы въ знаменномъ распѣвѣ, какъ замѣчено, имѣя „согласіемъ“ первыя ступени какого-либо изъ трехъ трихордовъ, въ качествѣ характерныхъ господствующихъ тоновъ гласа, оканчиваются однакоже часто на терцію ниже противъ него, т. е. въ основной тонъ гласа. Такъ 1-й и 5-й гласы, имѣя согласіемъ или среднимъ гласомъ утъ, большею частію оканчиваются на терцію внизъ—ля, но и иногда и на низшее соль (гамму), 2, 6, 4 и 8 гласы, имѣя согласіемъ фа, почти всегда оканчиваются терціей внизъ—ре: 3-й, имѣя согласіемъ своимъ ре, оканчивается на терцію внизъ—си; 7-й гласъ, имѣя согласіемъ своимъ ми, оканчивается всегда на терцію внизъ—до. Такимъ образомъ въ основаніи гласовъ знаменнаго распѣва мы можемъ поставить слѣдующіе основные тетраходы, способные къ расширенію и въ пентахорды и въ октахорды: гласъ 1-й ля, си, до, ре, 5-й—тоже, или, квартой выше—ре, ми, фа, соль, 2-й и 6-й ре, ми, фа, соль, 4-й и 8-й—ре, ми, фа, соль, 3-й—си, до, ре, ми или квартой выше—ми, фа, соль, ля и 7-й—до, ре, ми, фа, причеиъ 1-й и 5-й, кромѣ основного тона, имѣютъ еще окончаніе на соль и или квартой выше въ 5-мъ, на до; второй, кромѣ основного, еще на фа²⁵¹). Слѣдовательно, гласы знаменнаго распѣва оканчиваются, то въ основныхъ ладахъ, то въ среднихъ, что тоже, или въ основной тонъ гласа, или въ терцію его, по характеру вращенія гласовой мелодіи.

²⁵¹) При этомъ нужно имѣть въ виду, что, согласно съ теоріей античной, гласы русскіе должны располагаться въ области *ἑπεροβολαίων* т. е. на ступеняхъ ля, сибел, до, ре церковнаго звукоряда, разумѣя конечно гласы главные, первые четыре. Гласы плагальные, вторые четыре, должны располагаться ниже, въ тетраходѣ ре, ми, фа, соль. При этомъ было конечно вполне естественно расширеніе тетраходовъ каждаго гласа до октахордовъ и перемѣненіе ихъ изъ высшихъ областей въ болѣе низкія, болѣе удобныя для голосоваго исполненія (medium), слѣдствіемъ чего явилось перенесеніе мелодій въ низшіи тетраходъ—соль, ля, си, до.

Въ этомъ отношеніи гласы знаменнаго распѣва весьма сближаются съ гласами григоріанскаго пѣнія и такимъ образомъ отражаютъ на себѣ общую зависимость отъ греческой теоріи музыки. По наблюденіямъ ученаго П. Вагнера надъ григоріанскимъ пѣніемъ, григоріанскіе лады предполагаютъ въ основѣ византійскую музыкальную теорію, такъ что каждый ладъ имѣетъ два доминирующихъ тона, замѣняющихъ современную тонику, на квинтѣ лада и на терціи, такъ въ ладѣ D—*a* и *f*, въ ладѣ E—*h* (*c*) и *g*, въ ладѣ F—*c* и *a*, въ ладѣ G—*d* и *h* (*e*), при чемъ си (*h*), какъ имѣющее переменное значеніе избѣгалось. Совершенно аналогичное тому мы видимъ и въ знаменномъ распѣвѣ. Роль мезы—доминанты играетъ здѣсь или автентическій тонъ, главный, или его терція, плагальный ²⁵²). Вопросъ о „согласіи“ русскихъ пѣвцовъ XVI—XVII находитъ такимъ образомъ свое и историческое и теоретическое обоснованіе въ связи съ греческой музыкальной теоріей и съ западными григоріанскими ладами, поскольку они стоятъ въ зависимости отъ византійской теоріи музыкальной. Не должно казаться удивительнымъ, что гласы вращаются не выше тетра хорда *ре, ми, фа, соль*, — это потому, что октава отъ *соль* до *соль* казалась наиболѣе удобною для пѣнія, почему и болѣшая часть гласовъ транспонированы въ этотъ тетра хордъ, хотя по теоріи должны были бы занимать въ звукорядѣ мѣсто выше.

Такимъ образомъ осмогласіе знаменнаго распѣва утверждается на двухъ коренныхъ основахъ старыхъ русскихъ приемовъ распѣванія, на пѣніи по подобнику и кокизнику, обнимающемъ собою установленные мелодическіе и ритмическіе обороты и фигуры, сопоставляемые между собой, или по правилу рифмованія, или по правилу тематизма, и на пѣніи по системѣ согласій или трихордовъ, представляющемъ собою опредѣленное расположение и послѣдовательность интервалловъ, тоновъ и полутоновъ, въ видѣ трехъ основныхъ трихордовъ, съ господствующими

²⁵²) Peter Wagner. „Einführung in die gregorianischen Melodien“, Freib. 1895, s.s. 193—194. 202—203. „Nach der neuern Musikanschauung hat sie *Tonika* gleich zu Beginne der Melodie anzukündigen, immer wieder erklingt sie, auf ihr schliessen fasst alle Abschnitte, sie rahmt die Perioden ein und hält die Melodie an sich gefesselt. Anders in gregorianischen Gesänge; hier bildet die *Dominante* den Mittelpunkt der melodischen Linie, über und unter sie schlingen sich die Tonreihen, oft sogar ruhen sie für weite Strecken ganz auf ihr“. „Die Dominanten (Rezitanten), wie sie heute gelehrt werden, setzen die byzantinische Tonartlehre voraus, sind nach dieser festgestellt. Jeder der vier Tanarten hat zwei, eine für die autentische, eine für die plagale Form... Die autentischen Dominanten bilden die Quinte der Tonika, die plagalen die Terz“.

и конечными тонами, на пространствѣ малой совершенной системы или трехъ связанныхъ тетра хордовъ, въ размѣрѣ наиболѣе доступнаго звукоряда — *medium*. Такое теоретическое и пѣвчески-практическое построеніе русскаго знаменнаго осмогласія указываетъ на его существенное отличіе отъ осмогласія византійскаго, основаннаго на древнегреческихъ ладахъ и великой неизмѣняемой системѣ, по крайней мѣрѣ въ періодъ послѣмонгольскій, раздѣльнорѣчный, великорусскій.

Глава XVI.

Симіографія знаменнаго распѣва въ домонгольскій періодъ въ связи съ старой греческой и позднѣйшей великорусской. Заключение.

Оставляя въ сторонѣ другія подробности по разсмотрѣнію осмогласія знаменнаго распѣва, какъ имѣющія свой специальный интересъ, для выясненія собственно состоянія богослужебнаго пѣнія въ домонгольскій періодъ на Руси, мы должны коснуться и симіографіи знаменнаго пѣнія за это время, въ пѣляхъ наиболѣе широкаго освѣщенія предмета. Повѣствователь XVII в. говоритъ о пѣвцахъ XVI—XVII в.в., что они согласіе и „знамя гораздо знали“, распѣвали и „знамя накладывали наизусть“. Такое совершенное знаніе знамени, знаковъ крюковой симіографіи, предполагаетъ господство сильной пѣвческой традиціи въ средѣ пѣвцовъ, не исключаяющей, конечно, существованія въ пѣвческой практикѣ и рукописныхъ пособій и руководствъ или „азбукъ пѣвчихъ“. До появленія совершеннѣйшей азбуки пѣвчей или „Извѣщенія о согласнѣйшихъ помѣтахъ“ старца Александра Мезенца во второй половинѣ XVII в., азбукъ крюковыхъ въ пѣвческой практикѣ, начиная съ XV-го в., существовало довольно много, и всѣ болѣе или менѣе краткаго содержанія, приуроченнаго къ самымъ необходимымъ пѣвческимъ потребностямъ, оставляя при этомъ значительное мѣсто дополнительнымъ объясненіямъ и подробностямъ, передаваемымъ на практикѣ устно и на память, почему и неудивительно, что пѣвцы „знамя гораздо знали“ и распѣвали и „знамя накладывали наизусть“. Изустныя традиціи, практика и опытъ преобладали надъ теоретическимъ обученіемъ въ крюковой системѣ.

Краткія рукописныя пѣвческія азбуки не восходятъ ранѣе XV-го в. и представляютъ собою сводъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о крюкахъ. Древнѣйшія изъ нихъ содержали только начертанія

и наименованія крюковъ, не касаясь указаній на способъ исполненія ихъ, въ видѣ такого перечня, съ соотвѣтствующими начертаніями: „Параклитъ, кулизма, полкулизмы, змѣйца, стопица, съ очкомъ, со двѣма, голубчикъ, крюкъ, мрачный, свѣтлый, тресвѣтлый, съ облачкомъ, съ подчашіемъ, подчашіе, мрачное, свѣтлое, чашка, полная, скамейца, стрѣла, мрачная, свѣтлая, съ облачкомъ, съ подчашіемъ, поводная, громная, съ полукрыжемъ, статья, мрачная, свѣтлая, съ запятою, съ полукрыжемъ, закрытая, палка свѣтлая, воздернутая, сложитъ, съ запятою, крыжъ, челюстка, хамила, дербица, два въ челну, тряска, запятая, дуда, нѣмка, со стрѣлою, сорочья нога, мечикъ, осока, рожекъ, паукъ, великій, еита, свѣтлая, мрачная, зѣльная, кобыла, перевязка, еита красная, двочельная, тристрѣльная, громогласная, хабува“²⁵³). Здѣсь отмѣчена едва половина всѣхъ тѣхъ знаковъ, которые, увеличившись количествомъ и разнообразіемъ начертаній, получивъ законченность системы крюковыхъ пѣвческихъ знаковъ, приобрѣли затѣмъ прочное господство и широкое распространеніе въ средѣ пѣвцовъ XVI и XVII в.в. и составили собою содержаніе болѣе полныхъ азбукъ.

Но въ XVI-мъ в. къ этому простому перечню и начертаніямъ употребительныхъ крюковыхъ знаковъ стали присоединять посильнѣя объясненія ихъ пѣвческаго значенія, въ родѣ того: „Крюкъ простой, возгласити его мало выше строки, мрачный мало простаго повыше, свѣтлый крюкъ мрачнаго повыше, параклитъ въ началѣ стиха и строки, якоже свѣтлый крюкъ, единако возгласити, тресвѣтлый крюкъ свѣтлаго повыше, аще ли тресвѣтлый крюкъ съ сорочьею ножкою вельми паки возгласити, стрѣла простая протягнута ни ниже строки, ни выше, свѣтлую

²⁵³) Названія частью русскія, какъ статья, стопица, голубчикъ, частью славянскія, какъ мережа, дербица, крыжъ, частью греческія, какъ параклитъ (*παράκλητος*), хамила (*χάμιλα*), кулизма (*κύλισμα*). Разумовскій, а за нимъ Смоленскій полагаютъ, что крюкъ есть видоизмѣненіе греческаго термина *κρόνισ*, а паукъ происходитъ отъ греческаго *παύω*, гдѣ въ совершенномъ времени прибавляется каппа (*κ*), но такое толкованіе и искусственное и совершенно ненужное. Крюкъ есть переводъ съ греческаго пѣвческаго термина, обозначающаго знакъ греческой симіографіи, *κρεμαστή*, а паукъ, который встарину писался, какъ омикронъ ипсилонъ, въ вертикальномъ положеніи, какъ славянское *ѣ*, именованіе, происходящее отъ нааванія этой славянской буквы—укъ чрезъ прибавленіе па, какъ пажить, павечерница и проч. Сорочья нога—наглядное наименованіе знака, происшедшаго отъ греческой буквы пси (*ψ*) начальной въ словѣ *ψηλή*, нааванія пѣвческаго знака, а змѣйца наглядное наименованіе греческаго пѣвческаго знака, изображаемаго, какъ кси (*ξ*). См. „Русская симіографія“ автора, М. 1912.

стрѣлу, подержавъ, понудити вверхъ двое; (по другой редакціи— „свѣтлую стрѣлу подернути гласомъ вверхъ и дважды ступити, подерживаючи“), громную стрѣлу свѣтлую изъ ниска вверхъ дважды качнути гласомъ (по друг. ред. „изъ низа подняти вверху“), мрачная стрѣла съ полукрыжемъ, подынути, подержавъ, изниска вверхъ выше строки, а съ облачкомъ стрѣла простая, потянувъ, опрокинути, статья простая подержать, статья мрачная посвѣтлѣе пропоется, свѣтлая и мрачной посвѣтлѣе, съ сорочьею ножкою и того свѣтлѣе, стрѣлу мрачную, снизу единожды вверхъ ступивъ, подержи, полукрыжную съ облачкомъ, подержавъ, урви, поводная стрѣла дважды гласомъ ступити, палка простая подержавъ мало (по друг. ред. „выгнута мало“), стопица съ очкомъ болѣе палки выгнута, подчашіе простое болѣе очка выгнута, а мрачное болѣе простаго; свѣтлое подчашіе вельми выгнута, а полкулизмы полная подернуть, простая полкулизмы, подержавъ, понудити вверху, голубчикъ гаркнута изъ гортани, переводка овогда за голубчикъ поется, овогда переведется, скамейца вернуть вверху, а два въ челну качнути двое; запятая изниска взяти, а крыжъ ниже запятой вельми, простая статья съ запятой подержати низко, аще статья съ крыжемъ, ниже подержати, а стопицы говорити просто по строки, дербицы подробити гласомъ вверху“.

Болѣе полныя азбуки, для большей ясности значенія знаменъ ссылаются на пѣвческіе примѣры изъ пѣснопѣній Ирмолога и Октоиха, въ родѣ того: „поводную стрѣлу, потряспи, урви, еже есть „столпомъ огненнымъ“, поѣздную стрѣлу покачай сице: „ни соблюдохомо“, воздернутая палка потрясти борзо: „на недвижимоме Христе камени“, сложитъ дваши горкни борзо и легко: „святымъ духомъ“, хамила поется сице: „стяжи ны Господи“, паукъ поется: „пожеру ти“, инъ гласъ: „помощнико“, змѣйца и полкулизмы едину поѣзвку иматъ, скамейца преломляется, дербица поется сице: „на земли невидимый“ и проч. Отсюда видно, что даже и въ наиболѣе полныхъ азбукахъ не обходится безъ практическихъ примѣровъ и устныхъ наставленій, въ виду краткости и неопредѣленности теоретическихъ правилъ и поясненій, въ болѣе же сокращенныхъ азбукахъ, каковы, напр.: XV-го в., личное руководство, наставленіе учителей и практика въ дѣлѣ изученія крюковъ, имѣли, очевидно, первостепенное значеніе и, какъ добытыя опытомъ и приобрѣтенныя изъ устной традиціи, по преемству пѣвцовъ, изъ устъ въ уста, они, несомнѣнно уходили въ глубокую древность, къ тѣмъ первичнымъ моментамъ, когда знаніе крюковой симіографіи только еще насаждалось, начиналось и впервые формировалось на Руси. Домонголь-

ский периодъ, какъ и естественно ожидать, не оставилъ никакихъ писанныхъ сборниковъ, руководствъ или азбукъ, или какихъ-либо даже отрывочныхъ указаній къ изученію крюковыхъ знаковъ, что даетъ намъ право заключить, что ихъ и совсѣмъ не было и что обученіе крюкамъ, знаніе „знамени“, приобрѣталось исключительно изустно, по традиціи, и по наличнымъ пѣвческимъ крюковымъ книгамъ. Въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго въ отношеніи къ старой малообразованной пѣвческой Руси, когда даже въ просвѣщенной Византіи, гораздо ранѣе работавшей надъ пѣвческими дѣломъ, мы встрѣчаемъ теоретическія руководства къ византійской пѣвческой симіографіи не ранѣе XIII в., между тѣмъ какъ раннѣйшія византійскія сочиненія трактуютъ только объ общей теоріи музыки и о гласахъ. Самое раннѣе руководство въ этомъ родѣ, подъ заглавіемъ: „*Τέχνη ψαλτικῆ καὶ σημάδια ψαλτικὰ μετὰ λήσεως χειρονομίας καὶ συνθέσεως*“ или „Наука о пѣніи и пѣвческіе знаки со всѣмъ законоположеніемъ для руки и со всѣмъ устройствомъ пѣнія“, приписывается знаменитому византійскому придворному пѣвцу XIII в. Иоанну Кукузелу, родомъ славянину. Русское церковное пѣніе въ своемъ младенческомъ еще состояніи въ это время довольствовалось пока однимъ только изустнымъ усвоеніемъ знамени, на память, безъ всякой помощи систематизированныхъ пособій и руководствъ.

Въ сужденіи о знамени домонгольскаго періода для насъ остается единственный способъ сравненія его съ знаменемъ послѣдомонгольскаго времени, отъ XV-го в. и дальше, и съ знаками пѣвческими греческими, поскольку мы можемъ судить о нихъ на основаніи болѣе древнихъ сборниковъ и руководствъ къ изученію греческой симіографіи. Можетъ быть установлено, какъ неоспоримый фактъ, положеніе, что крюковое знамя послѣдомонгольскаго періода, начиная съ XV-го в., значительно отличается, какъ количествомъ, такъ и разнообразіемъ комбинаціи пѣвческихъ крюковыхъ знаковъ и ихъ элементовъ. Простой подсчетъ пѣвческихъ знаковъ показываетъ, что въ XV в., при началѣ выработки большого знаменнаго распѣва, около 25 прежнихъ знаковъ домонгольскаго пѣвческаго симіографіи, или разныхъ комбинацій ихъ, уже выбыло изъ состава знаменнаго крюковаго симіографіи (всего около 80 знаковъ) и наоборотъ—столько же, или даже болѣе того знаковъ и ихъ новыхъ комбинацій и особенно много еить, появилось въ крюковаго знаменнаго симіографіи въ послѣдующій періодъ времени, начиная съ XV-го вѣка. Здѣсь замѣчательно то, что отпавшіе пѣвческіе знаки чисто греческаго типа по начертанію и, вѣроятно, значенію и, напротивъ, вновь введенные съ XV-го

вѣка, крюковые знаки совершенно русскаго изобрѣтенія и характера, съ своеобразными русскими приѣмами мелодики и ритмики. Слѣдовательно, въ этомъ фактѣ наблюдается, съ одной стороны, ослабленіе господства греческаго пѣвческаго письма и приѣмовъ пѣнія, со свойственными имъ мелодикою и ритмикой, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ полное забвеніе отдѣльныхъ частей старой греко-славянскаго пѣвческаго симіографіи, а съ другой—пробужденіе въ этой области собственнаго русскаго народнаго творчества и изобрѣтательности по побужденіямъ высшаго народнаго художественнаго творчества, согласно естественнымъ природнымъ законамъ національной своеобразной ритмики и мелодики русской. Это былъ новый періодъ — пробужденія русскаго національнаго церковно-пѣвческаго творчества, выразившагося въ созданіи такого вполне народнаго и художественнаго церковнаго распѣва, каковъ большой знаменный или столповой распѣвъ, какъ распѣвъ по мѣсту и времени своего господства, совершенно великорусскій, въ отличіе его отъ распѣва малаго знаменнаго, по происхожденію и характеру своему греко-славяно-русскаго, по времени же своего господства и процвѣтанія, принадлежащаго всецѣло домонгольскому періоду. Обращаясь для сравнительнаго изученія крюковаго знамени домонгольскаго періода въ другую сторону, къ родственной ему и по времени предшествовавшей пѣвческой симіографіи греческой,—мы не можемъ не находить, что не только отдѣльные пѣвческіе знаки чисто греческаго происхожденія и начертанія, но и вся пѣвческая система старой знаменнаго симіографіи утверждаетъ на началахъ и основныхъ элементахъ симіографіи греческой.

Доселѣ существовали лишь случайныя и отрывочныя свѣдѣнія о старой греческой симіографіи въ такихъ изданіяхъ энциклопедическаго характера, какъ 1) „Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis“ (Lyon, 1668) Джоканжа, съ матеріаломъ, извлеченнымъ главнымъ образомъ изъ парижской греческой рукописи XIV в. *βιβλίον ἀγιοπολίτης* (Святоградецъ)²⁵⁷⁾, неосновательно при-

²⁵⁷⁾ Часть „Святоградца“ (л.л. 19, 20 и 21) издана Венсаномъ (Vincent) въ XVI-мъ томѣ Notices et extraits de la bibliotheque du Roi et autres bibliotheques, publiés par l'Institut roiyelle de France. Paris. 1847. P. 259. Точный списокъ съ него находится въ библиотекѣ покойнаго Д. В. Разумовскаго. Отрывки *ἀγιοπολίτης* есть у Беллермана 'Ανωνύμου σύγγραμματα περί μουσικῆς, Берлинъ 1841, и у Tzetzis „Ueber die altgriechische Musik in der griechischen Kirche“. München, 1847. Въ Парижской Национальной б-кѣ ркл. значится подъ № 360. Въ Императорской Публичной б-кѣ есть списокъ, составленный Симпсономъ въ 1856 г. для Стасова.

писываемой св. Иоанну Дамаскину, 2) Palaiographia graeca (Paris, 1701) Монфокона, 3) De cantu et musica sacra (St. Blas. 1774) и Scriptores M. Герберта. 4) Description de l'Égypte (1799), t. XIV, Виллота, 5) Schrifftafeln zur Geschichte der Griechischen Schrift und zur Studium der griechischen Palaiographie (Berl. 1876) Ваттенбаха, 6) Griechische Palaiographie (Leipz. 1880) Гардтгаузена, 7) Handbook of Greek and Latine Palaiographie (Lond. 1894) Томпсона, 8) Facsimilés des Manuscrites grecs datés de la Bibliothèque Nationale du IX au XIV siècle (Paris, 1891) Омона. Специально посвященное этому предмету изслѣдование, обнимающее его всесторонне, съ совершенною эрудиціей и полнымъ знаніемъ дѣла,—это недавно явившееся въ печати сочиненіе профессора Оскара Флейшера, главнымъ образомъ, 3-й томъ его, подъ общимъ заглавіемъ „Neuhen-Studien“ (Berlin, 1904), результатъ специальной командировки ученой и продолжительнаго изученія греческихъ пѣвческихъ рукописей въ европейскихъ библіотекахъ, и болѣе позднее сочиненіе аббата Жана Тибо „Origine byzantine de la notation pneumatique de l'église latine“ (Paris, 1907).

На основаніи вновь открытыхъ, описанныхъ и обслѣдованныхъ двухъ пѣвческихъ рукописей греческихъ, факсимиле одной изъ коихъ онъ даетъ тутъ же въ своемъ изданіи,—критически провѣренныхъ въ своихъ фактическихъ данныхъ и со стороны редакціонной,—авторъ даетъ совершенно полное освѣщеніе старой греческой симіографіи пѣвческой. Эти двѣ рукописи—одна библіотеки базилианскаго монастыря San Salvatore въ Мессинѣ, на бумагахъ XV-го вѣка, подъ заглавіемъ „Γραμματικὴ μουσική“, болѣе теоретическаго характера, и другая вышеупомянутая пергаменная, не позже XIV-го вѣка, частію факсимилированная авторомъ въ своемъ изданіи, содержитъ теорію и практику греческаго симадійнаго пѣнія, подъ заглавіемъ „Ἀρχὴ τῶν κατήχων ἡχημάτων“. На основаніи свидѣтельства этихъ двухъ рукописей мы можемъ составить себѣ полное отчетливое представленіе о греческой пѣвческой симіографіи и музыкальной теоріи, за время по крайней мѣрѣ, до XIV-го вѣка, и на основаніи этихъ данныхъ увѣренно судить о домонгольской пѣвческой симіографіи русской. Въ греческой симіографіи основныхъ пѣвческихъ элементарныхъ знаковъ 15, изъ коихъ 8 восходящихъ, 6 нисходящихъ и одинъ *ισον* обозначаетъ одну и ту же ступень или *строку* нашего знаменнаго пѣнія, и, кромѣ того, весьма большое количество комбинацій этихъ главныхъ элементовъ между собою, дающихъ сложныя мелодическія движенія вверхъ и внизъ. *Το ἶσον* , 1) восходящія знаки *ἀνιόντα* на ступень вверхъ 1) *τὰ σόματα*, *τὸ ὀλίγον* —,

ἡ ὄξεια , *ἡ πετασθὴ* , *τὸ κούφισμα* , *τὸ πελασθὸν*
τὰ δύο κεντήματα , 2) *τὰ πνεύματα*, на терцію вверхъ *τὸ κέντημα* , на квинту *ἡ ὑψηλὴ* ,—II) нисходящія, *κατιόντα*, на ступень внизъ, 1) *τὰ σόματα*, *ὁ ἀπόστροφος* , *οἱ δύο σύνδεσμοι* „ „, 2) *τὰ πνεύματα*, на терцію внизъ, *τὸ ἐλαφρον* , на квинту—*ἡ χαμιλὴ* *Χ*, 3) *ἡ ἀπορροή* *ς*, и *τὸ κράτημα—ὑπορρόον* , оба на терцію внизъ. Эти знаки (*σημάδια*) называются малыми (*μικρὰ*) въ отличіе отъ большихъ (*μεγὰλα σημάδια*). Они же именуются звуковыми или голосными (*φωνητικὰ, ἑμφωνὰ σημάδια*) въ отличіе отъ послѣднихъ беззвучныхъ (*ἄφωνα σ.*). Пѣтъ надобности настаивать на томъ, за несомнѣнною очевидностію, что эти знаки, почти всѣ, суть знаки древней просодіи и псалмодіи, насколько можно судить о знакахъ послѣдней по нотированнымъ лекціонаріямъ греческимъ VIII, IX, X и XI в.в. Изъ этихъ знаковъ несомнѣнно употребляются въ домонгольской знаменной симіографіи: *исонъ* (стопица), *петаста* (чашка), *куфисма*, *кентима* и двѣ *кентимы* (сложитья), *ипсиліи* (сорочья ножка), *пеластонъ*, *апострофъ* (запятая), *синдесми* (двѣ запятыхъ), *элафронъ* (облачко), *апоррой* (палка), *хамила* (крыжъ), но всѣ, болѣею частію, въ своемъ элементарномъ видѣ, а не въ различныхъ комбинаціяхъ между собою, каковыхъ въ системѣ греческой симіографіи множество и на всякіе интерваллы, до децимы включительно, а, кромѣ того, вѣроятно, не въ томъ чисто пѣвческомъ значеніи, какое имъ усвоено въ греческой симіографіи. Не входя въ подробности по сужденію о томъ, какія комбинаціи и какихъ элементарныхъ пѣвческихъ знаковъ, можно думать, вошли въ практику пѣвческой симіографіи домонгольскаго періода, что могло бы составить предметъ специальной работы и для нашей цѣли — установить фактъ и главные пункты зависимости русской домонгольской симіографіи отъ греческой, несущественно,—мы должны обратить вниманіе на эту сторону симіографіи, которая имѣетъ тѣсную связь съ греческой хирономіей, представляющей особый интересъ для нашего изслѣдованія. Кромѣ малыхъ пѣвческихъ знаковъ (*μικρὰ σημάδια*), обѣ рукописи и Гербертъ (De cantu et musica sacra, t. II, tab. II) перечисляютъ еще знаки большіе (*μεγὰλα σημάδια*). Мессинская рукопись, сказавъ о малыхъ знакахъ, прибавляетъ: *Τὰ δε μεγὰλα σημάδια τὰ ἄφωνα, ἅτινα λέγονται μεγάλαι ὑποστάσεις εἰσὶ ταῦτα διὰ μόνης τῆς χειρονομίας κείμενα καὶ οὐ διὰ φωνῆν ἄφωνα γὰρ εἰσὶ*

т. е. большіе знаки—афоны, которые именуется великими ипостасями, они существуют для одной только хирономіи, а не для обозначенія высоты, такъ какъ беззвучны.

Неизвѣстный авторъ рукописи Святогробскаго Метеха въ Фанарѣ (№ 811), указываемой абб. Ж. Тибо въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи „Origine byzantine de la notation pneumatique de l'Eglise latine“, Paris, 1907, говоритъ, что „между знаками музыкальными каждый имѣетъ свою особенность, одинъ имѣетъ высоту безъ длительности, какъ олигонъ, оксія, петаста и куфисма, другой длительность безъ высоты, какъ дипли и кратема, а иной не имѣетъ ни высоты, ни длительности, но одну только хирономію, какъ варія, піасма, антикенома, кулизма, ксиронъ—класма, псифистонъ, тромиконъ, экстрептонъ, синагма и аподерма, все это—афоны и имѣютъ хирономію, но пользуются звуками восходящими и нисходящими“²⁵⁸).

И далѣе поясняетъ нѣсколько подробнѣе: „каждый знакъ различается по его назначенію, параклитъ, цакиσμα, параклесма, аподерма существуютъ для одной только хирономіи, варія же, піасма, сисма, антикенома и ксиронъ—класма имѣютъ назначеніе двоякое, первое — для видоизмѣненной хирономіи, второе, чтобы согласно съ ней соединять звуки восходящій и нисходящій“²⁵⁹).

Обобщая значеніе хирономіи, авторъ говоритъ: „посредствомъ сказанныхъ звуковыхъ и беззвучныхъ знаковъ пѣвческая теорія сообщаетъ искусству такой же смыслъ—какъ и отдѣльныя части грамматики, все это обсуждаетъ и обозрѣваетъ хирономія“²⁶⁰). Геромонахъ Гавриилъ, авторъ одной изъ пѣвческихъ статей упомянутого манускрипта, о значеніи хирономіи выражается въ слѣ-

²⁵⁸ „Οτι τῶν σημάδιων ἕκαστον ἔχει ἰδιότητα τινα, ἄλλο μὲν ἔχει (φωνήν) χωρὶς ἀργείας, ὅσον το ὀλίγον, ἢ ὀξεῖα, ἢ πεταστή καὶ τὸ κούφισμα, ἕτερον δὲ ἡ χι ἀργείαν χωρὶς φωνῆς ὅσον ἡ διπλή καὶ τὸ κράτημα, ἄλλο δὲ οὔτε φωνὴν ἔχει, οὔτε ἀργείαν ἐμὴ, μόνον χειρονομίαν, ὅσον ἡ βαρεῖα, τὸ πίασμα, τὸ ἀντικένωμα, τὸ κύλισμα, τὸ ξηρὸν κλάσμα, τὸ ψηφιστὸν, τὸ τρομικόν, τὸ ἐκστρεπτόν, τὸ σίναγμα καὶ τὸ ἀπόδεσμα, πάντα τὰυτα ἄφωνα εἰσι καὶ χειρονομίαν μὲν ἔχουσι, χρῆζουσι δὲ καὶ φωνῶν ἀνιούσων καὶ κατιούσων“. Мнскр. 129. Тибо, op. cit. p. 58.

²⁵⁹ Νῦν δὲ διαφέρει ἕκαστον πρὸς τὸν σκοπὸν τοῦ ποιήσαντος τὰ σημάδια ἢ μὲν παρακλιτική καὶ τὸ τῶν κλάσμων καὶ τὸ ἀπόδεσμα καὶ τὸ κούφισμα καὶ τὸν κέντημα καὶ μόνον, ἢ δὲ βαρεῖα καὶ τὸ πίασμα καὶ τὸ σίσμα καὶ τὸ ἀντικένωμα καὶ τὸ ξηρὸν κλάσμα διὰ δύο τινα ἐγένοντο ἔν μιν διὰ τὰ ἀλλάγματα τῆς χειρονομίας, ἕτερον δὲ ἵνα συνάξωσιν ἀμφότερα, ἢ γούν τὰς ἀνιούσας καὶ κατιούσας συνηγμένως“. Мнскр. 138. Тибо, op. cit., p. 58.

²⁶⁰ „Ἐὰν γούν τῶν ῥηθέντων φωνητικῶν καὶ ἀφόνων σημάδιων, ποιῆ ἢ ψαλτικῆ τὰς θέσεις αἰ καὶ λόγον ἔχουσαν ἔν τῇ ψαλτικῇ ὅν αἰ λέξεις ἔν τῇ γραμματικῇ, ταύτας δὲ διακρίνει καὶ θεωρεῖ ἢ χειρονομία“. Мнскр. 180. Тибо, ibid., p. 58.

дующихъ словахъ: „подобно тому, какъ мы не только пользуемся двадцатью четырьмя буквами, но нуждаемся еще для благозвучія словъ въ десяти просодійныхъ знакахъ, такъ и надобность есть не только въ пятнадцати звуковыхъ пѣвческихъ знакахъ, но и въ тридцати семи знакахъ беззвучныхъ, которые въ пѣвческомъ искусствѣ имѣютъ значеніе просодій, какъ бы нѣкоторые руководители и указатели такого, или иного исполненія, давать ли звуки медленно, или живо, сильно или тихо, ибо, какъ сказано, пѣвческіе знаки указываютъ звуковыя ступени, длительность же и быстроту и прочіе отгѣнки мелодіи указываютъ знаки великіе хирономическіе“²⁶¹).

Въ рукописи содержатся указанія относительно хирономического значенія и отдѣльныхъ пѣвческихъ знаковъ, хотя какъ бы мимоходомъ, а не нарочито. „Два апострофа, говорится тамъ, хотя и обозначаютъ одну ипостась; но имѣютъ и высоту и длительность и хирономію“²⁶²).

„Кентима получаетъ наименованіе отъ хирономіи, какъ и двѣ кентимы, ибо хирономирующій кентиму дѣлаетъ такъ, что изображается палець“²⁶³).

„Этимологія петасты, говорится въ рукописи, заимствована отъ хирономіи, ибо гблосъ какъ бы взлетаетъ и двигаетъ руку, какъ бы крыло“²⁶⁴). Въ другомъ мѣстѣ о петастѣ сказано подобное же: ἐν τῷ μέλλειν γὰρ αὐτὴν χειρονομεῖσθαι ἢ χεῖρ ὄνσερ πτερὰν ἀνίεται καὶ πέτεται ἔξωθεν καὶ ἔσωθεν διὰ τοῦτο ὁ μουσικὸς πεταστὴν αὐτὴν κατωνόμασεν“²⁶⁵).

О знакѣ „ставросъ“ говорится, что „онъ получаетъ свое наименованіе отъ своего схематического изображенія—креста и

²⁶¹ Ἐπειδὴ οὐ χρῆζομεν τῶν εἴκοσι τεσσάρων γραμμάτων μόνον, ἀλλὰ δεόμεθα καὶ τῶν δέκα προσωδιῶν διὰ τὴν εὐφωνίαν τοῦ λόγου, οὕτως οὐ μόνον εἰσὶ χρήματα τὰ δεκαπέντε φωνητικὰ σημάδια, ἀλλὰ καὶ τὰ τριάκοντα ἑπτα τὰ ἄφωνα ἢ καὶ λόγον προσωδιῶν ἔχουσιν ἔν τῇ ψαλτικῇ, τὰυτα γὰρ ὡσπερ ὀδηγὸς ἔστι καὶ ἡγέμων τῷ οὕτως ἢ οὕτως ἐπιεῖν, ἢ ἀργῶς μεταχειρίσασθαι τὰς φωνάς ἢ μετὰ τόνου ἢ ἡσυχῶς, τὰς μὲν γὰρ φωνάς ποιοῦσιν ὡς ἔπομεν τὰ φωνητικὰ σημάδια τὰς δὲ ἀργείας καὶ συντομίας καὶ γὰρ ἄλλας ἰδέας τῶν μελῶν τὰυτα μεγάλα σημάδια“. Мнскр. 172—173. Тибо, ibid., p. 59.

²⁶² „Οἱ δὲ δύο ἄποστροφοι, εἰ καὶ μία ὑπόστασις ἐγένετο, ἄλλ’ ἔχουσι καὶ φωνὴν καὶ ἀργείαν καὶ χειρονομίαν“. Мнскр. 129—130. Тибо, ibid., p. 52.

²⁶³ („Κέντημα) τοῦτο δὲ παρανομάζεται, ἀπὸ τῆς χειρονομίας κατα τὸ καὶ τὰ δύο κέντηματα, ὃ γὰρ χειρονομῶν τὸ κέντημα, οἰονεῖ, σχηματίζει τὸν δάκτυλον“. Мнскр. 169—170. Тибо, ibid. p. 57.

²⁶⁴ „Τῆς δὲ πεταστῆς ἢ ἐτυμολογία ἀπὸ τῆς χειρονομίας ἐλήφθη, οἰονεῖ γὰρ πετᾶται ἢ φωνῆ καὶ κινεῖ τὴν χεῖρα ὡς πτέρυγα“. Мнскр. 172. Тибо, ibid. 57.

²⁶⁵ I. Thibaut, „Traité de musique byzantine“ Orient chretien, 1901, p. 593—609.

отъ хирономіи, ибо хирономирующей его, какъ бы благословляетъ крестообразно“²⁶⁶).

Изъ этихъ, хотя и довольно отрывочныхъ, выдержекъ изъ греческихъ музыкально-теоретическихъ источниковъ нельзя не видѣть, что греческіе пѣвческіе знаки различались между собой, какъ въ отношеніи высоты, такъ и въ отношеніи длительности, такъ, наконецъ, и въ отношеніи хирономіи, причемъ нѣкоторые изъ знаковъ имѣли всѣ три качества, другіе только два, а иные одну только хирономію. Знаки беззвучные, хирономическіе, въ количествѣ тридцати семи, вдвое преобладали числомъ надъ знаками только звуковыми, исчисляемыми въ количествѣ пятнадцати, и придавали имъ то, или другое качество звука и способъ исполненія въ отношеніи ритмики и динамики и характеризовали собою самую сущность мелодики. Занимая же существенное положеніе въ пѣвческомъ искусствѣ, въ мелодикѣ и ритмикѣ напѣва, хирономическіе знаки естественно должны были имѣть за собой и приоритетъ происхожденія и преимущество давности господства въ пѣвческой теоріи и практикѣ, по сравненію съ звуковыми степенными знаками, судя по сходству наименованій, выдѣленными изъ знаковъ хирономическихъ, но не наоборотъ, ибо ритмика, исключительно выражаемая хирономіей, всегда предшествуетъ въ выполненіи текста голосомъ мелодикѣ, развивающейся въ послѣдствіи, какъ декламация всегда исторически предшествуетъ пѣнію, а псалмодическое чтеніе священнаго текста и ритмическое антифонное возглашеніе псалмовъ предшествовало исторически пѣнію на гласы и торжественному пѣнію по хирономіи, окончательно въ послѣдствіи разработанному въ пѣвческой симіографіи христіанскихъ церквей.

Изъ всѣхъ 35 великихъ ипостасей, большихъ хирономическихъ знаковъ, въ домонгольской крюковой симіографіи несомнѣнно употребляются, въ качествѣ пѣвческихъ знаковъ, слѣдующія ипостаси: исонъ (*ἴσον*) , дипли (*διπλή*) (статья), параклитики (*παρακλητική*) (параклить), килисма (*κύλισμα*) , ставросъ (*σταυρός*) + (крыжъ), антикенома (*ἀντικένομα*) , эпегермата (*ἐπεγέρματα*) (два въ челну), тема аплунъ (*θέμα ἀπλοῦν*)

²⁶⁶ „Ο δὲ σταυρὸς ἀπὸ τῆς σχηματογραφίας, σταυρὸς γὰρ ἔστι, καὶ ἀπὸ τῆς χειρονομίας, εὐλογεῖ γὰρ ὁ τοῦτον χειρονομίῳ σταυροδῶς“. Мисскр. 178. Thibaut. „Etude de musique byzantine — La notation de Koukouzelés“. Извѣст. Русск. Археол. Инстит. въ Константинополѣ, 1901, т. VI, вып. 2—3, стр. 20.

Θ (энта), хоревма (*χόρευμα*) , энарксисъ (*ἐναρξίς*)
 (змійца), варіа (*βαρεία*) \ (палка), псифистонъ (*ψηφιστόν*)
 (крюкъ), уранисма (*οὐράνισμα*) (паукъ), параклесма (*παρακάλισμα*) , лигисма (*λύγισμα*) . Нѣкоторые изъ этихъ зна-

ковъ великихъ, равно какъ и нѣкоторые изъ знаковъ малыхъ, какъ замѣчено было раньше, въ послѣдомонгольской періодъ, съ XV-го вѣка, совершенно вышли изъ употребленія и потому вовсе неизвѣстны въ установившейся послѣ XV-го вѣка пѣвческой крюковой терминологіи ни подъ какими названіями. Пѣвческое значеніе ихъ, за нѣкоторыми исключеніями изъ числа малыхъ знаковъ, весьма гадательно, такъ какъ и въ греческихъ упомянутыхъ 2-хъ рукописяхъ, для нихъ, какъ знаковъ хирономическихъ, усвояемыхъ обычно пѣвческою практикою и въ теоріи уже утерявшихъ свое прежнее пѣвческое значеніе, при наличности и достаточности системы малыхъ знаковъ,—совсѣмъ нѣтъ пѣвческаго толкованія, область же гаданій и предположеній въ этомъ вопросѣ можетъ быть обширна, но мало устойчива. Мы можемъ, однакоже, принять, какъ неоспоримое, то положеніе, что эти хирономическіе знаки, въ видѣ воздушнаго письма, были несомнѣнно знаки пѣвческіе и они то, занесенные на писчій матеріаль, дали основаніе и поводъ къ возникновенію и образованію на ихъ почвѣ, съ привлеченіемъ знаковъ просодійныхъ и псалмодическихъ, особой системы пѣвческой симіографіи малыхъ знаковъ, сами же стали афонами, не обозначая напѣва, но какъ памятники прошлаго симіографіи, сопровождающая всегда обычное пѣвческое письмо, излагаемое поэтому въ двѣ строки. Эта связь ясно видна изъ того, что нѣкоторые пѣвческіе знаки общи обѣимъ системамъ знаковъ большихъ и малыхъ, какъ напр., исонъ, пакисма аналогична апострофу, псифистонъ—окси, варіа—апоррое, антикенокилисма—куфисмъ, ставросъ—хамилъ, экстрептонъ—целастону. Кромѣ греческаго пѣнія, подобное наблюдается также и въ нашемъ кондакарномъ пѣніи, обычно излагаемомъ пѣвческими знаками малыми и надъ ними—большими, въ двѣ строки, что служить несомнѣннымъ отголоскомъ непосредственнаго соприкосновенія его съ византійскимъ пѣніемъ и явнымъ доказательствомъ вліянія пѣвческой системы византійской симіографіи. Отсюда же ясно, насколько неосновательно мнѣніе, усматривающее въ кондакарномъ знамени

пѣніе не одногласное, а двухгласное и даже хоровое, якобы старинное пѣніе демественное—партесное²⁶⁷⁾.

Такъ дѣло представляется съ большими и малыми, хирономическими и пѣвческими знаками, въ области пѣвческой практики греческой, византійской, около времени XIV—XV вв. Въ нашемъ домонгольскомъ пѣніи, въ пѣвческихъ крюковыхъ рукописяхъ XII—XIII в.в., а равно и въ рукописяхъ X—XI—XII вв., такъ называемыхъ греко-сирійскихъ, какъ Есфигменскій Ирмологъ, Синайскій Стихирарь, Охридская Трїодь, Вѣнская ркп. и др., дѣло, повидимому, представляется въ иномъ видѣ,—пѣвческая крюковая симіографія находится еще въ томъ періодѣ состоянія и развитія, когда хирономическіе знаки, не утеравъ еще своего пѣвческаго значенія, занесенные на пергамень, вмѣстѣ съ малыми пѣвческими знаками просодійнаго происхожденія, продолжаютъ еще въ полной мѣрѣ обслуживать пѣвческія потребности и входить, какъ существенный элементъ, въ систему крюковой знаменной симіографіи, въ значительномъ числѣ ассимилировавшись съ пѣвческими знаками просодійными и псалмодическими и составивъ вмѣстѣ своеобразную систему крюковой симіографіи, русскую, совершенно отличную отъ своего прототипа греческаго.

Такимъ образомъ дѣло пѣвческой симіографіи греческой, а затѣмъ русской, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Просодійные знаки, отъ 7 до 10, породили собою псалмодическіе знаки, которыхъ образовалось, за время съ VII по X в. около 12, коими стали пользоваться для псалмодическаго или напѣвнаго чтенія паремій, апостольскихъ и евангельскихъ чтеній.

Изъ материала псалмодическихъ знаковъ, за время VIII-го, IX-го и X-го вѣковъ, образовались пѣвческіе хирономическіе знаки, тѣ, что стали именоваться ипостасями, знаки великіе, которые содержатъ въ себѣ, и элементы псалмодическіе цѣликомъ, и ихъ измѣненія, и нѣкоторыя новообразования, сверхъ того.

Наконецъ, за время съ X-го в. и позже, до XIV-го включительно, изъ элементовъ хирономическаго воздушнаго письма и системы псалмодическихъ знаковъ образуется греческое византійское пѣвческое письмо, которое изъ общей суммы тѣхъ и другихъ знаковъ, хирономическихъ и псалмодическихъ, выдѣлило двѣ группы знаковъ, одну, главнѣйшую группу знаковъ малыхъ, собственно для пѣнія и обозначенія высоты и движенія напѣва, другую группу—знаковъ большихъ, для управленія пѣніемъ, для

²⁶⁷⁾ Къ такому мнѣнію въ послѣднее время склонялся даже такой солидный знатокъ церковнопѣвческой древности, какъ С. В. Смоленскій, а раньше оно высказывалось Сахаровымъ, Стасовымъ, Арнольдомъ и др.

хирономіи или ряда движеній пальцами и руками въ руководство пѣвчимъ. Впослѣдствіи хирономія вывелась изъ пѣвческой практикѣ, по крайней мѣрѣ около XV-го вѣка и позже, пѣніе стало совершаться исключительно по меньшимъ пѣвческимъ знакамъ, а хирономическіе знаки остались въ пѣвческихъ рукописяхъ лишь, какъ память о древнемъ хирономическомъ способѣ пѣнія и, должно думать, потеряли всякое пѣвческое значеніе, оставаясь на страницахъ рукописей лишь изъ вѣрности пѣвцовъ почтенной пѣвческой старинѣ.

Происхожденіе и образованіе русской пѣвческой симіографіи шло нѣсколько инымъ путемъ. Русская симіографія возникла, во первыхъ, изъ устнаго пѣвческаго матеріала, заимствованнаго отъ славянъ и грековъ,—воздушныхъ хирономическихъ знаковъ,—частію, вѣроятно, переработанныхъ у славянъ и русскихъ уже на свой ладъ, и, во вторыхъ, изъ готовыхъ уже письменныхъ знаковъ симіографіи греческой, представлявшей собою соединеніе двухъ родовъ пѣвческихъ знаковъ, хирономическихъ—большихъ и пѣвческихъ—малыхъ, возникшихъ, частію изъ знаковъ хирономическихъ—большихъ, частію изъ псалмодическихъ—просодійныхъ. Русская симіографія, сообразно потребностямъ и цѣлямъ первоначальнаго русскаго пѣвческаго дѣла, умѣнью и подготовленности къ этому дѣлу пѣвцовъ русскихъ, усвоила не всѣ существующіе знаки изъ хирономіи и мелопеи греческой, а извѣстную только часть ихъ, какъ замѣчено, присоединивъ къ нимъ, сверхъ того, особыя свои новообразования и комбинаціи готовыхъ элементовъ пѣвческаго письма.

Такъ образовался первый начальный періодъ существованія русской симіографіи домонгольскій, когда изъ области хирономическаго искусства воздушныхъ знаковъ русское пѣніе перешло въ область симіографическаго искусства письменныхъ знаковъ, главнымъ образомъ, заимствованныхъ изъ области той же прежней хирономіи, а частію изъ греческаго симадійнаго письма, также въ свою очередь возникшаго на почвѣ хирономіи, совмѣстно съ псалмодическимъ письмомъ.

Съ XV-го вѣка въ русской симіографіи произошла уже значительная нивелировка системы крюковыхъ знаковъ, изъ коихъ часть знаковъ греческаго происхожденія, какъ замѣчено, отпала, а значительная часть образовалась вновь изъ существующихъ крюковыхъ элементовъ, и въ этомъ переработанномъ видѣ эта крюковая система осталась вплоть до послѣдней ея нормировки, подъ вліяніемъ И. Шайдурова и затѣмъ А. Мезенца.

Еще одна частность, требующая выясненія.

Сказать, что частью русская симіографія заимствована изъ системы малыхъ пѣвческихъ знаковъ мелопеи—мало. Мы различаемъ пѣніе и симіографію греческую, съ одной стороны, чисто византійскую, съ другой—восточную греко-сирійскую. Наша русская симіографія, какъ замѣчено было раньше, заимствовалась отъ греческой, но не отъ византійской, а отъ греко-сирійской. Основаніе для такого заключенія не только то, что знаки нашей симіографіи въ общемъ и въ частности больше сходятся съ знаками греко-сирійской, образцами которой мы считаемъ Есфигменскій Ирмологъ, Синайскій Стихирарь, Охридскую Трїодь и снимки у Герберта, но еще и та замѣчательная особенность, что при знакахъ нашей симіографіи весьма часто употребляются добавочныя точки сверху, снизу и съ боковъ, какъ и въ указанныхъ греко-сирійскихъ памятникахъ,—въ византійской же симіографіи какія бы то ни были точки безусловно отсутствуютъ,—и даже въ кондакарномъ нашемъ знамени эти точки есть и въ довольно большомъ количествѣ, въ византійскомъ же — безусловно нѣтъ. Вотъ, намъ кажется, рѣшительный признакъ въ пользу того, что, при общемъ сходствѣ нашей симіографіи съ общегреческой въ существенномъ и главномъ, не исключая и нѣкоторыхъ подробностей,—въ этой же чисто-спеціальной подробности, идиотической особенности, наличности точекъ, которой и слѣдовъ какихъ-либо мы не находимъ въ симіографіи византійской, русская пѣвческая симіографія въ полной зависимости отъ той пѣвческой симіографіи, которую мы имѣемъ право считать восточной греко-сирійской, даже на томъ общемъ основаніи, во первыхъ, что памятники ея древнѣйшіе изъ всѣхъ, X-го вѣка, что естественнѣе приписать сирійской Греціи, такъ какъ тамъ издавна впервые началась широкая и всесторонняя разработка богослужебнаго пѣнія,—во вторыхъ, что, разъ это памятники не византійскаго пѣнія,—что не подлежитъ сомнѣнію,—то они могутъ быть памятниками только греко-сирійскаго пѣнія, ибо другого мѣстопроисхожденія ихъ мы не въ состояніи даже и предположить. Намъ могутъ возразить на это предположеніемъ, что эти памятники, могутъ быть, напр.: аеонскаго происхожденія, или изъ южно-италійской Греціи. Но на это есть совершенно достаточное, устраняющее эту мысль, возраженіе то, что и въ южно-италійской Греціи и на Аеонѣ богослужебное пѣніе было въ рѣшительной зависимости отъ греко-сирійскаго Востока и только частью отъ Византіи, что объясняется значительнымъ наплывомъ греко-сирійскаго духовнаго элемента въ эти мѣстности, вслѣдствіе мусульманскаго движенія на Востокъ ок. VII—VIII в.в. и позже.

Есть и еще одна, повидимому, неважная, но въ дѣйствительности многозначительная подробность. Способъ обозначенія 8-ми гласовъ въ византійскомъ пѣніи состоитъ для главныхъ гласовъ изъ первыхъ четырехъ буквъ греческаго алфавита $\alpha, \beta, \gamma, \delta$, для другихъ же четырехъ гласовъ, побочныхъ или плагальныхъ, употребляются тѣже четыре буквы алфавита, но съ прибавленіемъ λ , именно: 5-й— $\alpha\lambda$, 6-й— $\beta\lambda$, 7-й— $\gamma\lambda$ или $\beta\alpha\rho\upsilon\varsigma$, 8-й— $\delta\lambda$; ²⁸⁷⁾ между тѣмъ въ нашемъ русскомъ пѣніи совершенно отсутствуетъ эта система обозначенія гласовъ, которые именуются просто: во-первыхъ первыми числами-буквами славянскаго алфавита: $\bar{a}, \bar{b}, \bar{g}, \bar{d}, \bar{e}, \bar{s}, \bar{z}, \bar{i}$, и только въ одной изъ всѣхъ крюковыхъ рукописей домонгольскихъ мы встрѣчаемъ наименованіе 7-го гласа „гласъ тяжкъ“, составляющее буквальный переводъ греческаго $\eta\chi\omicron\varsigma$ $\beta\alpha\rho\upsilon\varsigma$, что въ общемъ ясно свидѣтельствуетъ объ особенностяхъ въ этомъ отношеніи нашего русскаго пѣнія богослужебнаго отъ пѣнія византійскаго, въ пользу значительной самостоятельности его системы осмогласія.

Затѣмъ еще и въ самомъ осмогласіи нашемъ совершенно не наблюдается той безусловной парности гласовъ, какая существуетъ въ пѣніи византійскомъ, гдѣ 1-й главный гласъ сходенъ съ 1-мъ плагальнымъ или 5-мъ, 2-й главный — со 2-мъ плагальнымъ или 6-мъ, 3-й главный съ 3-мъ плагальнымъ или 7-мъ и 4-й главный съ 4-мъ плагальнымъ или 8-мъ. Уже пѣвцы XVI—XVII в.в. ясно характеризовали эту особенность осмогласія нашего въ отношеніи недостаточности парности между гласами: „перваго гласа знамя“, говорили они, „и пятаго едина погѣвка, а второй гласъ съ шестымъ едину погѣвку имать, а третій гласъ и четвертый съ седьмымъ и осьмымъ погѣвками не согласуются“.

Особенность нашего осмогласія еще и та, что гласы не слѣдуютъ византійскому распредѣленію по тетраордамъ, а большею частью вращаются въ тетраордѣ *re—солъ* и рѣже въ *ля—ре*, что вызывается естественными требованіями удобства пѣвческаго исполненія нагѣвовъ гласовыхъ.

Такимъ образомъ, если въ ученіи о „согласіи“ пѣвцовъ XVI—XVII в.в., по сравненію его съ греческимъ осмогласіемъ XIV—XV в.в., мы можемъ находить только нѣкоторое, довольно

²⁸⁷⁾ Эта терминологія у грековъ сохраняется и донинѣ. См. *Μουσικὸν ἐγχόλιον ὑπὸ Ἀλεξάνδρου Φοκαίως ἐν Θεσσαλονικίῃ*, 1879, т. I, σελ. 66, 70, 44, 79. Также Bourgault-Ducoudray, „Études sur la musique ecclésiastique grecque. Paris, 1877, pp. 55—60.“

гадательное сходство, то въ отношеніи симіографіи, по крайней мѣрѣ, домонгольскаго періода съ симіографіею греческою, точнѣе греко-сирійскою, и съ знаками великими хирономическими, это сходство очевидно и несомнѣнно. Мы не въ состояніи прямо рѣшить, сохранилось ли тоже ученіе о „согласіи“ и практика его въ домонгольскій періодъ, и въ томъ же ихъ видѣ, какъ въ XVI—XVII в.в., но не имѣемъ права отказать въ вѣроятности той мысли, что основныя черты этого ученія и практики пѣвческой, въ предѣлахъ „согласій“, пѣвцами XVI—XVII в.в. были заимствованы и перешли по преданію несомнѣнно изъ домонгольскаго періода, а сюда перешли отъ пѣвцовъ греко-славянъ. Здѣсь можетъ быть таже аналогія, какъ и въ отношеніи знаменной симіографіи, которая въ XV—XVII в.в. приняла въ своемъ развитіи и образованіи совершенно своеобразное направленіе, отличное отъ состоянія ея въ періодъ домонгольскій, но, однакоже, сохранила во многомъ существенныя черты сходства съ симіографіею домонгольскаго періода, а эта, въ свою очередь, носитъ довольно слѣдовъ общей зависимости отъ симіографіи греческой и хирономическихъ знаковъ.

Слѣдовательно, греческое осмогласіе, пройдя славяно-русскую переработку въ національной средѣ славянской и русской, перейдя затѣмъ предѣлы домонгольскаго періода преобразованнымъ уже на русскій ладъ,—съ XV-го вѣка превратилось въ совершенно своеобразное русское осмогласіе, съ русскими гласовыми попѣвками, русскимъ согласіемъ и русскимъ крюковымъ знаменемъ. Поэтому и домонгольскій періодъ въ церковно-пѣвческомъ отношеніи можетъ быть представленъ, какъ періодъ предварительнаго усвоенія и медленной переработки на русскій ладъ заимствованнаго церковно-пѣвческаго матеріала греческой музыки восточнаго происхожденія, при первоначальномъ руководствѣ пѣвцовъ славянъ и грековъ,—періодъ же послѣмонгольскій является временемъ самостоятельной разработки и усовершенія наличнаго церковно-пѣвческаго матеріала въ цѣляхъ и потребностяхъ современнаго состоянія церковно-пѣвческаго дѣла и богослуженія въ духѣ и направленіи чисто національномъ, вполне рускомъ, при участіи и трудахъ исключительно русскихъ пѣвцовъ и пѣвческихъ школъ русскихъ, главнымъ образомъ въ средѣ духовенства²⁶⁸).

²⁶⁸) Примѣчаніе. Исторія и періоды развитія русскаго богослужебнаго пѣнія замѣчательнымъ образомъ совпадаютъ съ исторіею и періодами развитія русскаго православнаго богослуженія. Въ полномъ соотвѣтствіи съ ука-

Мы разсмотрѣли богослужебное пѣніе домонгольскаго періода русской церкви, насколько то доступно было, со всѣхъ его существенныхъ сторонъ, съ литургической и, въ частности, уставной и клиросной, со стороны церковно-музыкальной теоретической и, въ частности, въ отношеніи основной музыкальной системы и древнихъ греческихъ ладовъ, со стороны церковно-напѣвной практической, въ частности, въ отношеніи пѣнія по осмогласію, на подобенъ и по гласовымъ попѣвкамъ, и наконецъ, со стороны его крюковой симіографіи, въ ея отношеніи къ симіографіи греческой и хирономіи и къ симіографіи чисто русской послѣмонгольской,— на основаніи, главнымъ образомъ, крюковыхъ рукописныхъ памятниковъ,—богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ и историческихъ и археологическихъ данныхъ домонгольскаго періода, а затѣмъ, при помощи специально пѣвческихъ и общенсторическихъ данныхъ послѣмон-

заннымъ дѣленіемъ періода развитія богослужебнаго пѣнія русскаго находится и то дѣленіе періодовъ развитія богослуженія православно-русскаго, которое усвоиваетъ ему извѣстный литургистъ профессоръ А. Дмитріевскій. Въ статьѣ „Богослуженіе въ русской церкви за первые пять вѣковъ“ проф. Дмитріевскій устанавливаетъ такой планъ исторіи и развитія русскаго богослуженія: „эпоха первая простирается отъ принятія христіанства на Руси съ 988 г. до смерти митрополита Кипріана 1406 г.; съ этого времени до стоглаваго собора—эпоха вторая; третья эпоха обнимаетъ періодъ времени отъ собора 1551 г. до московскаго собора 1667 г., а отсюда, наконецъ, эпоха четвертая, продолжающаяся и до настоящаго времени. Каждая изъ этихъ эпохъ имѣетъ свои характерныя особенности, которыя отличаютъ ее отъ остальныхъ. Эпоха первая характеризуется полною зависимостью нашего богослуженія отъ богослуженія церкви греческой, поразительнымъ тождествомъ въ богослуженіи обѣихъ церквей. Составъ богослужебныхъ книгъ, ихъ число, время богослужебныхъ часовъ, однимъ словомъ, все относящееся къ богослуженію было только копіей богослужебной практики византійской“. Вліяніе славянское авторъ усматриваетъ только въ концѣ этого періода, съ митрополита Кипріана. „Сношенія съ землями юго-славянскими“, продолжаетъ онъ, „не только не прекратилось послѣ смерти м. Кипріана, но въ XV в. сдѣлались еще болѣе частыми и живыми, вслѣдствіе неблагоприятныхъ политическихъ обстоятельствъ для византійской имперіи и очень счастливыхъ для московскаго великаго княжества, а вмѣстѣ съ этимъ и притокъ богослужебныхъ книгъ не только не ослабѣлъ, а напротивъ усилился“. Въ этотъ періодъ, по автору, усиливается вліяніе, и греческое, и сербское, и создается направленіе самостоятельное русское. Сообразно съ этимъ и господство устава богослужебнаго дѣлится на два отдѣльныхъ періода. „Первый періодъ, который, по автору, обнимаетъ собою время отъ введенія на Руси христіанства до конца XIV вѣка, будетъ временемъ непрерывнаго господства въ богослужебной практикѣ нашей церкви студійскаго устава. Періодъ же второй, простирающійся отъ начала XV в. до настоящаго времени, характеризуется полнымъ утвержденіемъ въ нашей богослужебной практикѣ устава іерусалимскаго“. Правосл. Собесѣд. 1882, I, 154, 156.

гольскаго времени и, наконецъ, при содѣйствіи данныхъ и свѣдѣній изъ области греческаго, частнѣе, византійскаго, и греко-латинскаго музыкальнаго міра. Мы попытались опредѣлить начало и происхождение русскаго богослужебнаго пѣнія вообще, и домонгольскаго, въ частности, въ отношеніи его напѣвовъ, теоріи осмогласія и крюковой его симіографіи, изъ церковно-пѣвческихъ матеріальныхъ и теоретическихъ данныхъ христіанскаго греко-славянскаго міра и въ связи съ общимъ происхожденіемъ и развитіемъ греческой, византійской и латинской церковной музыки и ея пѣвческой симіографіи, а также установить мѣсто, значеніе и связь древнѣйшаго русскаго церковнаго пѣнія домонгольскаго, съ одной стороны, въ отношеніи къ предшествовавшему и обусловливавшему его развитію богослужебному пѣнію греко-славянскому и, въ частности, византійскому и греко-сирійскому, съ другой — въ отношеніи къ послѣдующему, обусловленному имъ въ своемъ развитіи, богослужебному пѣнію чисто русскому, послѣмонгольскому, извѣстному въ видѣ большого знаменнаго распѣва.

Для полноты обзорѣнія предмета оставалось бы еще вскрыть пѣвческое значеніе крюковыхъ рукописей домонгольскаго періода и тѣмъ совершенно исчерпать эту область русскаго богослужебнаго пѣнія. Однако, полагая эту работу выходящею изъ рамокъ настоящаго изслѣдованія, какъ по своему чисто спеціальному техническому, а не чисто научному характеру, такъ и по своей технической трудности и сложности, при множествѣ рукописей и ихъ редакцій, такъ равно и по своему узко музыкально-археологическому и пѣвческо-практическому интересу, — въ этомъ изслѣдованіи, сообразно съ его научною цѣлью мы ограничиваемся указаніемъ и установленіемъ особаго научно-практическаго метода (ретроспективнаго) реставраціи церковнаго напѣва домонгольскаго періода въ его своеобразной крюковой симіографіи, съ одной стороны, при помощи пошѣвокъ и симіографіи большого знаменнаго распѣва съ XV-го в. и его потнаго изложенія, съ другой — при помощи данныхъ византійской симіографіи и осмогласія XIV—XV в.в., какъ они обрисовываются въ лучшихъ ново-открытыхъ рукописяхъ пѣвческаго симаційнаго византійскаго письма. Такой работы по реставраціи церковныхъ мелодій въ ихъ крюковой симіографіи домонгольскаго періода достало бы не на одинъ десятокъ лѣтъ, и это по силамъ лишь группѣ специалистовъ дѣла, ученому обществу, вооруженному для этой цѣли всѣмъ научнымъ справочнымъ багажомъ, при наличности, легкости и широтѣ пользованія всѣми необходимыми рукописями и

при наличныхъ широкихъ матеріальныхъ средствахъ изысканій и изданій относящихся къ этому научнымъ матеріаловъ, въ пѣляхъ всесторонняго обсужденія и критики предмета. Мы полагаемъ, что это дѣло будущаго²⁶⁹). Настоящее должно ограничиться лишь расширеніемъ горизонта этой важной для церкви и просвѣщеннаго общества области — пѣвческой, всестороннимъ освѣщеніемъ намѣченной сферы дѣятельности и установленіемъ правильнаго угла зрѣнія на предметъ, какъ въ отношеніи къ его прошлому, такъ и въ пѣляхъ его современнаго состоянія и значенія. Эту послѣднюю задачу мы и пытались осуществить въ настоящемъ изслѣдованіи въ примѣненіи къ богослужебному пѣнію домонгольскаго періода русскаго церкви, насколько позволяетъ это сдѣлать современное состояніе научныхъ средствъ въ данной области. Дальнѣйшая задача изслѣдованія русскаго богослужебнаго пѣнія — выяснить исторію, характеръ и состояніе его въ періодъ послѣмонгольскій, главнымъ образомъ, съ XV-го вѣка до XVII-го, въ періодъ хомоніи, до времени новаго праворѣчія и нововведе-

²⁶⁹) С. В. Смоленскій, рецензировавшій наше сочиненіе въ первомъ его изданіи, по порученію Академіи Наукъ, неоднократно въ своемъ отзывѣ ставилъ упрекъ автору его, что онъ не прочелъ ни кондакарной симіографіи, ни греческой, ни русскаго періода домонгольскаго и тѣмъ не обезпечилъ высказанныхъ положеній фактами или своими опытами переводовъ этихъ нотаций. Но рецензентъ, очевидно, поспѣшилъ съ своими упреками, не дочитавъ еще книги, а дочитавъ, не спохватился снять ихъ, такъ какъ изъ этихъ строкъ съ несомнѣнностью очевидно, что реставрація крюковаго стараго письма и не входила да и не могла входить въ рамки этого изслѣдованія, какъ историко-археологическаго и методологическаго, а не техническаго и спеціально практическаго. Рецензентъ также при этомъ не задавался, очевидно, вопросомъ, могъ ли онъ самъ быть вполне компетентнымъ судьей въ дѣлѣ реставраціи, если бы она была предложена, когда, по его же словамъ, никто въ Европѣ не въ состояніи точно читать этихъ симіографій, и не оказывались ли такіе его упреки простымъ полемическимъ приемомъ съ его стороны съ цѣлью обнаружить Ахиллесову пятю критикуемаго сочиненія, когда въ другихъ, избранныхъ имъ для критики пунктахъ, онъ чувствовалъ себя не совсемъ увѣреннымъ, почему и не могъ избѣгнуть своего рода критическихъ „lapsus“. На сколько несущественною намъ представляется его критика, не трудно видѣть изъ того, что настоящее второе изданіе нашего изслѣдованія мы находимъ справедливымъ оставить въ его прежнемъ видѣ, подвергнувъ его лишь необходимой корректурѣ и значительнымъ дополненіямъ въ текстѣ и примѣчанія ихъ пояснительнаго характера, но при этомъ, по требованію существа дѣла, а не въ зависимости отъ рецензіи. Есть критика и критика, — одна поднимаетъ ученый престижъ ея автора, другая, напротивъ, понижаетъ. Намъ думается, что имя достопочтеннаго ученаго рецензента его рецензіей едва ли не низведено во вторую категорію, Это было для него своего рода ученымъ „lapsus“, довольно прискорбнымъ для его цѣнителей.

ній въ области пѣвческой симіографіи, въ связи однакоже съ состояніемъ его въ періодъ домонгольскій, поскольку мы въ состояніи возстановить богослужбное пѣніе этого времени въ его возможной цѣлости и полнотѣ въ напѣвѣ и симіографіи. Это будетъ періодъ исторіи большого знаменнаго распѣва или, что тоже, церковнаго пѣнія великорусскаго, періодъ его начальнаго формировація и полнаго его развитія со всѣхъ его существенныхъ сторонъ, въ мелодикѣ и ритмикѣ, совмѣстно съ текстомъ. Наконецъ, послѣдній періодъ—время окончательнаго развитія большого знаменнаго распѣва на началахъ новаго праворѣчія, въ смыслѣ господства пѣнія правленнаго въ текстѣ, напѣвахъ и симіографіи, или пѣнія московскаго, съ одновременнымъ, однакоже, распространеніемъ въ Великороссіи и пѣнія юго-западнаго малорусскаго, въ видѣ распѣвовъ кіевскаго, греческаго и болгарскаго, и съ началомъ распространенія и развитія пѣнія юго-западнаго партеснаго, вплоть до конца XVIII-го вѣка, когда начинается распространеніе и господство пѣнія партеснаго иноземнаго, итальянскаго и нѣмецкаго, вытѣсняющаго уже изъ пѣвческой практики большой знаменный распѣвъ, замѣняемый частію распѣвами юго-западными, кіевскимъ и греческимъ, частію выработаннымъ пѣвческою практикою распѣвомъ обычнымъ.

За всѣмъ тѣмъ, окидывая послѣднимъ взоромъ пройденное поприще обозрѣнія русскаго богослужбнаго пѣнія въ домонгольскій періодъ, нельзя отказать себѣ въ заманчивой попыткѣ открыть, хотя бы часть завѣсы, скрывающей за собой тайны этого древняго непосредственно первохристіанскаго пѣнія русской церкви въ эпоху, богатую дѣвственными силами, въ періодъ русскаго народнаго эпоса и жизни богатырей. Это пѣніе рисуется намъ дѣвственно простымъ по ритму и мелодіи, но проникновеннымъ, полнымъ выражаемаго имъ смысла и настроенія священнаго текста пѣснопѣній, въ рѣшительномъ согласіи съ грамматическимъ, логическимъ и поэтическимъ строеніемъ священной рѣчи, гдѣ музыкально-пѣвческая фразировка—почти былинный речитативъ, а болѣе развитые мотивы отѣняютъ собой ряды пѣвческихъ колѣнъ и строфъ, намѣчая моменты музыкальнаго подъема и ожидаемаго отдохновенія пѣвца,—это какъ бы древнее эпическое *cantus planus* съ вдохновенными эпизодическими порывами мелодико-ритмическихъ движеній напѣва, въ соотвѣствіи съ высшими законами художественнаго музыкальнаго творчества чередованія мотивовъ. Это первообразъ большого знаменнаго распѣва, со всей художественностью его творчества, но въ первобытной простотѣ и непосредственности и дѣвственной скромности

его мелодико-ритмическихъ движеній, въ духѣ народнаго и священно-поэтическаго вдохновенія. Ознакомленіе съ этимъ эпическимъ прочувствованнымъ благоговѣйнымъ народнымъ пѣніемъ русской древности было бы для современности однимъ изъ лучшихъ путей отрезвленія и успокоенія отъ нервно-порывистыхъ скачковъ, искусственныхъ кривыхъ и угловатыхъ движеній мелодики и ритмики, напыщенности и драматизма фразировки, широты композиціи и чрезмѣрной роскоши нюансовъ позднѣйшей русской церковной музыки. Даже относительно скромный по композиціи, хотя и весьма развитый художественно, большой знаменный распѣвъ, по сравненію съ церковнымъ пѣніемъ домонгольской русской старины, въ развитіи ритма и мелодіи и архитектурномъ строеніи мотивовъ и музыкальныхъ формъ, составляетъ собою огромный шагъ впередъ и отмѣчаетъ собою совершенно особую эпоху русскаго церковно-пѣвческаго искусства. Возстановленіе древняго русскаго церковнаго пѣнія было бы истиннымъ обновленіемъ, оживленіемъ и возрожденіемъ мятушейся въ неопредѣленныхъ порывахъ современной русской церковной музыки и теряющаго твердую почву церковно-пѣвческаго искусства.

Глава XVII.

Итоги изслѣдованія.

Въ концѣ изслѣдованія естественно обозрѣть однимъ взглядомъ всю работу и подвести ея итоги, не вдаваясь въ частности и спеціальныя стороны затронутыхъ вопросовъ и оставляя въ сторонѣ спорныя положенія и не выполнивъ выясненныя подробности дѣла, часто зависѣвшія отъ малой разработанности пока еще сырыхъ и разбросанныхъ, не собранныхъ въ одно цѣлое для удобства обозрѣнія, многихъ матеріаловъ въ данной области. Все же, принимая во вниманіе многое уже сдѣланное въ области древней церковной музыки, въ ея исторіи, теоріи и симіографіи и даже въ раскрытіи ея ритмовъ и напѣвовъ, учеными русскими и иностранными, можно установить научно нѣсколько положеній, которыя могутъ стать незыблемою основою всѣхъ дальнѣйшихъ научныхъ работъ въ этой области. Эти положенія, частью были выработаны раньше и теперь нашли себѣ только большее освѣщеніе, подтвержденіе и обоснованіе, частью являются результатами уже позднѣйшихъ изслѣдованій и изысканій въ данной области, или въ духѣ и характерѣ прежнихъ, или же, чаще, въ совершенно новомъ направленіи, не входя, однакоже, въ противо-

рѣчіе съ планами и идеею цѣлаго въ данной области, а лишь больше освѣщая центральные пункты и дальше расширяя горизонт обозрѣванія, одновременно съ тѣмъ углубляя и интересъ содержанія. Постараемся представить эти положенія въ краткомъ, но охватывающемъ возможно полно предметъ, резюме.

Самое понятіе богослужебнаго пѣнія, прежде чѣмъ приступить къ уясненію его содержанія и исторіи, отсылаетъ насъ за предварительными свѣдѣніями къ христіанскому богослуженію, съ которымъ оно тѣсно и неразрывно связано во всѣ времена существованія христіанской церкви. Здѣсь же оказывается, что самый древнѣйшій первоначальный его видъ есть псалмопѣніе, заимствованное у евреевъ²⁷⁰). Оно впервые исторически выступаетъ въ христіанскомъ богослуженіи на тайной вечери, по свидѣтельству евангелія, затѣмъ поддерживается на христіанскихъ собраніяхъ, по наставленію ап. Павла — назидаться во псалмахъ, пѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ, въ пѣснопѣніяхъ древнихъ—ветхозавѣтныхъ и новыхъ—христіанскихъ. Какъ изъ древнихъ ветхозавѣтныхъ пѣсней въ христіанскомъ богослуженіи утвердились пѣсни Моисея, пророчицы Анны, пророка Исаія, прор. Іоны, прор. Аввакума трехъ отроковъ, ставшіе образцами, по которымъ пѣсотворцы слагали пѣсни каноновъ,—такъ изъ новозавѣтныхъ утвердились пѣснь Богородицы, праведнаго Симеона, молитва Господня, малое славословіе, великое славословіе и др.

Пѣніе псалмовъ, какъ у древнихъ евреевъ, такъ и у современныхъ началу христіанства — въ синагогахъ, такъ и у еврейскихъ сектантовъ-новаторовъ, еерапевтовъ, такъ, по установившемуся обычаю, и у нашихъ христіанъ было то омофонное, общее и совмѣстное, то ипофорное, когда пѣвецъ, или одна часть хора, пѣли стихъ, а народъ, или другая часть хора подпѣвали послѣднюю часть стиха, то эпифонное, когда подпѣвался особый припѣвъ, то антифонное, когда стихи пѣлись двумя частями поющихъ пополамъ. Подобнымъ этому переменнымъ пѣніемъ было и пѣніе утреннее Виенскихъ христіанъ въ началѣ II-го вѣка, по свидѣтельству Плинія, и пѣніе, введенное въ Антиохійской церкви св. Игнатіемъ Богоносцемъ, по свидѣтельству Сократа. Къ концу II-го вѣка св. Іустинъ мученикъ и римскій пресвитеръ Гай говорятъ о псалмопѣніи и составленіи новыхъ гимновъ въ честь Христа и Бога. О пѣніи на богослуженіи псалмовъ и гимновъ въ концѣ II-го и въ началѣ III в. говорятъ Тертуліанъ, Климентъ, Александрій, *Λιδαχῆ*, *Λιδαχαλία*, *Novum testamentum* (Рамани). Св. Ва-

²⁷⁰) См. ст. нашу „Музыка и музыкальные инструменты у древнихъ евреевъ“ въ Чтен. Общ. Любит. Духовн. Просвѣщенія“, Іюнь, Іюль, 1912 г.

силій Великій говоритъ, по поводу устроенія пѣнія въ Неокесаріи, что антифонное пѣніе, по кончинѣ Григорія неокесарійскаго (250 г.), въ III в., было распространено повсюду, въ Ливіи, Египтѣ, Палестинѣ, Аравіи, Финикіи и Сиріи. Въ Антиохіи въ IV в. трудились въ устроеніи антифоннаго пѣнія, еще ранѣе введеннаго тамъ Игнатіемъ, пресвитеры Флавіанъ и Діодоръ, по свидѣтельству Θεодорита, а въ Александріи, по свидѣтельству Августина, Аѳанасій установилъ чтеніе псалмовъ на распѣвъ или псалмодію, которую, въ примѣненіи къ тексту священнаго писанія, урегулировали впоследствии, въ V в., диаконъ Евфалій, не безъ вліянія своего великаго предшественника, введеніемъ просодическихъ знаковъ и перикопъ.

Это было первымъ историческимъ моментомъ, когда въ псалмодіи, исполняемой ранѣе на память, по слуху, можетъ быть по движеніямъ рукъ (хирономіи), какъ на то указывали св. І. Златоустъ и Авва Памва, въ IV в., стали употреблять особые условные знаки, заимствованные отъ просодій, просодійные, переработанные затѣмъ въ экфонетическіе, точнѣе, псалмодическіе, какъ объ нихъ впервые упоминаетъ Іеронимъ, говоря о трудахъ Евфалія. Настолько такіе знаки утвердились въ практикѣ псалмодіи и какъ были распространены, за отсутствіемъ точныхъ свидѣтельствъ судить трудно, но между манускриптами доселѣ сохранился кодексъ Ефрема Сирина—палимпсестъ, гдѣ псалмодическіе знаки надписаны надъ текстомъ священнаго писанія (Париж. Націон. Б-ки № 9), однакоже относимый Монфокономъ ко времени не ранѣе VII в. Затѣмъ учеными указываются рукописи VIII в. съ псалмодическими знаками, какъ изборъ евангельскій, по Порфирію, писанный 814-815, и VIII-IX в., цитуемая Монфокономъ, и другая Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, отмѣчаемая Пападопуло-Керамевсомъ. Далѣе, IX-го в. рукописи отличаютъ Гардтгаузенъ (863 г.) и Флейшеръ; IX—X-го в.—Гардтгаузенъ и Тибо; X-го в. 2—Порфирій (Синайскій Изборъ и Солунскій Профитологъ), Гардтгаузенъ (995 г.), Тибо (код. Тубини), Монфоконовъ; X—XI-го в.—Монфоконовъ, Савва, Пападопуло—Керамевсъ, Тибо, Омонъ и нѣсколько рукописей въ Московской Синодальной б-кѣ и въ Императорской Публичной б-кѣ. Въ XII и XIII в.в. псалмодія поддерживается слабо и къ началу XIV, по мнѣнію Флейшера совершенно исчезаетъ, но, однакоже, въ немногихъ славянскихъ и греческихъ рукописяхъ она всетаки еще держится до XV в. включительно.

Въ то время, какъ псалмодія существуетъ, какъ думаютъ, съ VII-го вѣка и къ XIV-му вѣку начинаетъ исчезать, симіографія

или пѣвческое письмо богослужебныхъ книгъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, получаетъ свое начало только въ рукописяхъ IX—X вѣковъ. Такъ какъ симіографическіе и псалмодическіе знаки весьма сходны между собой и такъ какъ псалмодія предшествуетъ симіографіи, то само собой напрашивается предположеніе о томъ, что симіографія возникла изъ псалмодіи, какъ эта въ свою очередь была развитіемъ просодіи (Куссмакеръ, Тцетцесъ, Ж. Тибо).

Когда принимаютъ такое мнѣніе, то допускаютъ въ данномъ случаѣ громадный пробѣлъ въ томъ отношеніи, что не объясняютъ, какимъ образомъ изъ 10—14 знаковъ просодіи въ IX—X в. вдругъ возникаетъ цѣлая система симіографіи въ нѣсколько десятковъ знаковъ и ихъ различныхъ комбинацій, причемъ на лицо оказывается много знаковъ такихъ, какихъ даже и нѣтъ въ псалмодіи, и этими знаками пишутся цѣлыя книги пѣвческія, между тѣмъ исторически ничего неизвѣстно о такомъ великомъ переворотѣ въ симіографической области, кромѣ общихъ ссылокъ на I. Дамаскина и Косьму Маюмскаго и ихъ церковно-пѣвческую дѣятельность, которая, однакоже, находитъ свое наилучшее примѣненіе болѣе въ области литургической и гимнографической, чѣмъ въ чисто церковно-пѣвческой, музыкальной. Такъ какъ рукописей пѣвческихъ книгъ въ симіографическихъ знакахъ, современныхъ этимъ дѣятелямъ, неизвѣстно, а существующія съ ихъ именами (въ Туринской и Миланской б-кахъ), должно думать, не принадлежатъ, тому времени, то естественнѣе и правильнѣе будетъ понимать труды ихъ въ смыслѣ упорядоченія псалмодіи и еще хирономіи. Про Косьму Маюмскаго есть преданіе, что, зайдя, случайно, въ одинъ ихъ храмовъ Антиохіи, онъ услышалъ исполненіе составленнаго имъ канона не въ томъ напѣвѣ, въ какомъ онъ указала его исполнять. Отсюда видно, что канонъ не былъ въ пѣвческихъ знакахъ, и пѣвцы пѣли его на память, вѣроятно, по хирономіи, иначе не могло бы случиться измѣненія напѣва еще при жизни автора. Признаки же существованія хирономіи, какъ искусства управлять пѣніемъ и напѣвомъ посредствомъ движений пальцевъ и рукъ, можно видѣть уже въ IV вѣкѣ въ обличеніяхъ нестроеній въ пѣніи аввы Памвы († 390) и I. Златоуста († 407).

О хирономіи вполне уже опредѣленно говоритъ Константинъ Порфирогенетъ, что она имѣла мѣсто, по правиламъ придворнаго церемоніала византійскаго, еще въ IX в., при Львѣ Философѣ на торжественныхъ собраніяхъ и обѣдахъ придворныхъ, какъ пѣвческое искусство, вполне установившееся, и что знаменитымъ

доместикомъ (управляющимъ по хирономіи) былъ старецъ Ктенасъ. Такому установленію его, какъ искусства, и могли ранѣе того, въ VIII в., содѣйствовать труды I. Дамаскина и Косьмы Маюмскаго, какъ на это указываетъ одинъ музыкально-пѣвческій дѣятель XII—XIII в., Мануиль Хризафа Лампадарій. Затѣмъ указанія хирономіи не только дѣлаются въ пѣвческихъ книгахъ со всѣми подробностями ея, но и проникаютъ въ церковные уставы, откуда ясно, что хирономія, какъ родъ пѣвческаго искусства, воздушнаго письма, занимаетъ свое опредѣленное положеніе въ области церковно-пѣвческой, и знаки хирономіи пишутся въ пѣвческихъ книгахъ наряду съ пѣвческими знаками симіографическими, когда симіографія получила свою разработку, а пѣвческія руководства—музыкальныя грамматики, даютъ необходимыя объясненія и знакамъ симіографіи и знакамъ хирономіи, точно разграничивая ихъ между собой. Сравнивая знаки хирономіи—большія знамена или ипостаси, по этимъ руководствамъ, хотя уже и не ранняго времени, но ок. XIV в., съ знаками симіографіи или малыми знаками, — нельзя не видѣть, что между тѣми и другими весьма много сходства, но что первенство древности во всякомъ случаѣ должно принадлежать знакамъ хирономическимъ. Но такъ какъ, затѣмъ, хирономическіе знаки имѣютъ большое сходство, какъ и знаки симіографическіе, и съ знаками псалмодическими, то естественно само собой возникаетъ предположеніе, что псалмодическіе знаки не одни только служили основной тканью, на которой возникли и развились въ тонкіе узоры знаки симіографическіе, но совмѣстно съ знаками хирономическими, также возрастали на почвѣ псалмодіи. Слѣдовательно, хирономія была посредствующею ступенью между псалмодіей и симіографіей и внесла въ систему симіографіи не менѣе, но и еще болѣе, чѣмъ псалмодія, элементовъ симіографическаго письма, почему симіографія IX—X, возникающая въ то время впервые, представила собой сплавъ, въ которомъ плотно и неразрывно слились всѣ элементы псалмодіи и хирономіи.

Отсюда очевидно, что мнѣніе о происхожденіи симіографіи изъ греческаго алфавита (Форкель, Пападопуло) не находитъ себѣ оправданія и развѣ только можетъ быть принято въ смягченномъ видѣ, при допущеніи мысли, что нѣкоторые изъ знаковъ хирономіи, какъ это вполне, вѣроятно, образовались изъ буквъ и приблизительно удержали ихъ начертаніе, какъ уранисма, параклитъ, ксеронъ—класма, хоревма, ента, ипили и др., а изъ хирономіи эти знаки-буквы перешли и въ симіографію.

О той доли участия, какую принимало пѣніе въ древнемъ богослуженіи, а вмѣстѣ и средства его выраженія — псалмодія, хирономія и симіографія, полныхъ обстоятельныхъ свѣдѣній исторія не сохранила, но нѣкоторыя ея указанія даютъ довольно опредѣленные руководящія положенія. Когда у христіанъ была одна душа и одна мысль о Богѣ-Спасителѣ, тогда всѣ христіане составляли изъ себя одинъ хоръ и одну мелодію, по выраженію св. Игнатія Богоносца, св. І. Златоуста и блаж. Августина, и пѣли или омофонно, или антифонно, пѣвцомъ и народомъ, по Афанасію и Василию В., напѣвы псалмовъ или пѣней святыхъ простые или общеизвѣстные, руководимые запѣвалой, или имъ однимъ исполняемые, по І. Кассіану. Но когда въ богослуженіи, главнымъ образомъ, мірскихъ церквей появились тропари, кондаки, стихиры и ирмосы, или пѣніе гласовое, и стало употребляться, по случаю большихъ собраній народа для молитвословій, чтеніе раздѣльное, нараспѣвъ, тогда вырабатывается псалмодія и хирономія, какъ методы отчетливаго, извѣстнаго опредѣленнаго музыкальнаго типа въ мелодіи и ритмѣ, чтенія священнаго писанія, псалмопѣнія и пѣнія гласового, но только устно, безъ условныхъ письменныхъ знаковъ, и лишь въ хирономіи въ смыслѣ просодическихъ знаковъ воздушнаго письма. Паломница римская, Сильвія актвитанка, посѣтившая около IV в. Иерусалимъ и Палестину, говоритъ о продолжительныхъ службахъ, почти сплошь состоявшихъ изъ пѣнія. Около того же времени, въ IV—V вв., близъ Иерусалима существовало общество монаховъ-спудеевъ, поставившихъ своимъ занятіемъ исполнять пѣвчески службы, особенно въ Храмѣ Воскресенія. По подражанію имъ такое же общество въ VI и VII вв. основывается и въ Константинополѣ. Отсюда развивается пѣсенный способъ исполненія богослуженія, изъ котораго впоследствии возникло „пѣсенное послѣдованіе“ Великой Церкви (Софіи) въ Константинополѣ, гдѣ особенно нужна была искусная хирономія и разнообразные напѣвы, вѣроятно съ присоединеніемъ пѣнія демественнаго (кондакарнаго); между тѣмъ какъ по большимъ монастырямъ Востока, какъ лавра Саввы Освященнаго, и Византіи, какъ м-рь Студійскій, а также и въ церквахъ мірскихъ, гдѣ пѣніе гласовое шло въ перемежку съ чтеніемъ, а въ нѣкоторыхъ монастыряхъ египетскихъ и по ихъ примѣру западныхъ, латинскихъ, а также и въ церквахъ мірскихъ Запаदा преобладало псалмопѣніе по типу псалмодіи (респонсорное). При расширеніи гласового пѣнія и псалмопѣнія введеніемъ въ богослуженіе отдѣльныхъ пѣснопѣній на утренѣ, вечернѣ и литургии, какъ — „великое славословіе“, „Свѣте тихій“, „Иже хе-

рувимы“, „Единородный Сыне“ и др., задачи псалмодіи и хирономіи расширились и осложнились, — онѣ не могли уже вполне обслуживать всѣхъ пѣсенныхъ частей богослуженія, вследствие очевиднаго осложненія и напѣвовъ и ритмовъ и ихъ разнообразія и вариантовъ. Это создало потребность выработать систему пѣвческихъ знаковъ, чтобы закрѣпить ими на письмѣ матеріалъ все разнообразіе пѣнія, на основаніи уже существующихъ матеріаловъ, которые давали псалмодія и хирономія.

Реформа псалмодіи и хирономіи, по преданію совершенная І. Дамаскинымъ въ VIII в., подготовила появленіе въ IX в. симіографіи и пѣвческихъ рукописей съ пѣвческими знаками, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, а также и въ Византіи, равно и въ другихъ видныхъ мѣстахъ, въ Арменіи, Грузіи, на Аеонѣ, почему IX—X вв. стали повсюду временемъ перваго появленія пѣвческихъ рукописей съ симіографическими знаками, сколько доселѣ объ этомъ извѣстно на основаніи историческихъ, археологическихъ и палеографическихъ данныхъ. Въ дальнѣйшей исторіи своего развитія, съ IX-го вѣка, симіографія идетъ троякимъ путемъ, — какъ греко-сирійская, византійская и латинская, всѣ три, при нѣкоторомъ сходствѣ, представляющія и много различія между собой. Отрасли греческой симіографіи — армянская, грузинская и сирійская, отрасли латинской — итальянская (лангобардская), франкская (каролингская) и нѣмецкая (готическая).

Торжественныя служенія въ Константинопольской Софіи создали цѣлыя штаты придворныхъ пѣвцовъ и цѣлыя общества народныхъ пѣвцовъ (димы), исполнявшихъ пѣніе подъ управленіемъ хореговъ, протопсалтовъ, доместиковъ, тѣ — въ храмѣ, при богослуженіи и на торжественныхъ собраніяхъ въ присутствіи императора, а эти — въ торжественныхъ процессіяхъ, крестныхъ ходахъ, при проходахъ императора въ храмъ. Какъ тѣ были продолжателями дѣла пѣвцовъ клириковъ, такъ эти были преемниками свободныхъ народныхъ пѣвцовъ-любителей, въ родѣ прежнихъ монаховъ-спудеевъ. Такъ установилось пѣніе собственно храмовое, богослужебное, и пѣніе народное, религіозное, демественное. Вальсамонъ (XI в.) свидѣтельствуетъ, что народные пѣвцы собирались на площадяхъ и рынкахъ и пѣли подъ управленіемъ доместика (вѣроятно по хирономіи) кондаки, очевидно, еще не доложенные на симіографическіе знаки. Правило цѣтъ то, или другое пѣснопѣніе по хирономіи, не только оставалось устнымъ преданіемъ и обычаемъ временнымъ, но и вносило, какъ предписаніе, въ иныхъ случаяхъ и въ церковныя уставы (типикіи), какъ славянскій Уставъ Синод. 6-ки, редакціи XI в., греческій

уставъ Евергетидскій XII в. и др., а въ пѣвческихъ симіографическихъ книгахъ греческихъ обыкновенно отмѣчалось, что книга содержитъ то, или другое послѣдованіе (*ἀκολουθία*) съ хирономіей (*μετὰ χειρονομίας*), или руководство со всѣмъ искусствомъ хирономіи (*σημάδια ψαλτικὰ... μετὰ πάσις χειρομίας*).

Древнія богослужебныя книги русской церкви во всей ясности отразили на себѣ оба историческіе момента греческаго богослужебнаго пѣнія, и господство одной хирономіи, безъ симіографіи, но параллельно съ псалмодіей, и переходъ хирономіи въ систему симіографіи. Памятникомъ перваго служитъ Уставъ Синодальной 6-ки, памятникомъ втораго—Уставъ Типографской 6-ки, съ пѣвческими знаками. Нѣкоторою загадкою является лишь кондакарная симіографія, памятникомъ которой пока не находится между греческими рукописями, между тѣмъ какъ присутствіе хирономическихъ знаковъ въ ней несомнѣнно, равно и очевидна наличность пѣвческихъ симіографическихъ знаковъ греческихъ, но не византійскихъ. А, если такъ, то эти знаки могутъ быть только грекосирійскими, такъ какъ между пѣвческими греческими рукописями есть только двухъ типовъ симіографія,—одна та, которая съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями существуетъ у грековъ отъ древности (IX—X вв.) и доселѣ, очевидно чисто византійская, а другая, которая встрѣчается въ греческихъ рукописяхъ только съ IX по XII вѣкъ, а затѣмъ у грековъ исчезаетъ и съ XII вѣка существуетъ только въ русскихъ пѣвческихъ рукописяхъ, съ славянскимъ текстомъ, до XV в., когда нѣсколько перерабатывается и даетъ послѣднюю отрасль—русскую симіографію.

Для выработки и развитія греческой симіографіи, по привлеченіи всѣхъ данныхъ для сужденія, мыслимы только два центра: грекосирійскій Востокъ и Византія и, даже правильнѣе, одинъ грекосирійскій Востокъ, ибо Византія только заимствовала богослужебное пѣніе вмѣстѣ съ богослужебными чинами и порядками съ родины христіанства—Востока и перерабатывала заимствованное по своему, но не изобрѣтала вновь. Слѣдовательно греки владѣютъ симіографіей, которую выработала на грекосирійской основѣ сама Византія, а русскіе, очевидно, владѣютъ симіографіей старой греко-сирійской. Представлять дѣло наоборотъ было бы совершенно неестественно, хотя начало христіанства на Руси исторически и связывается тѣсно къ Византіей.

Для кондакарной симіографіи тогда остается одно только предположеніе, что она представляетъ собой болѣе позднюю помѣсь нѣсколькихъ симіографій, напр., византійской, грекосирійской, армянской, грузинской и проч., образовавшуюся не раньше

конца XI в. (Типографск. Уставъ), или начала XII в., и всего вѣрнѣе на Аѳонѣ, куда отовсюду стекались благочестивые люди съ своими запасами знаній и умѣній. Если принять во вниманіе, что кондаки поются при богослуженіи обычно причтомъ и что такой обычай ведется съ давнѣйшихъ временъ, вѣроятно отъ періода наибольшаго развитія при богослуженіи у грековъ пѣсеннаго послѣдованія, въ которомъ наибольшее участіе дѣйствительно принимало само служащее духовенство, то можно не безъ вѣроятія заключить, что кондакарная симіографія и кондакарное пѣніе суть остатки стариннаго пѣсеннаго послѣдованія, особенно развитшагося у монаховъ-спудеевъ, а по ихъ примѣру привившагося на Аѳонѣ и въ ближайшемъ Солунѣ,—имѣя же въ виду, что кондаки распѣвались въ торжественныхъ императорскихъ шествіяхъ въ храмы, а также и на общихъ собраніяхъ и площадяхъ народными пѣвцами, подъ управленіемъ димарховъ-доместиковъ, въ мотивахъ народныхъ, легко принять мнѣніе, что кондакарное пѣніе съ его симіографіей есть остатокъ стараго греческаго демественнаго, церковно-народнаго пѣнія. Но такъ какъ кондакарное пѣніе извѣстно въ русской церкви не ранѣе X—XII в., то и проникновеніе въ русскую богослужебную практику пѣсеннаго послѣдованія, съ одной стороны, и демественнаго—съ другой, чрезъ посредство кондакарной симіографіи, мы должны принимать не ранѣе этого времени, т. е. вскорѣ же по пришествіи въ Кіевъ трехъ пѣвцовъ греческихъ (втор. полов. XI в.), откуда началось и изрядное осмогласіе и самое красное демественное пѣніе. Судя по многимъ признакамъ, кондакарное пѣніе не было распространено на Руси, а какъ особая роскошь, вмѣстѣ съ пѣсеннымъ послѣдованіемъ и демественнымъ пѣніемъ, съ которыми оно неразрывно связано, это пѣніе приютилось по немногимъ уголкамъ крещеной Руси, у іерарховъ грекофиловъ, а болѣе всего въ Новгородѣ, почему и представляется болѣе всего новгородскими рукописями,—а затѣмъ, продержавшись до XIII в. включительно, оно совершенно исчезаетъ съ горизонта, вмѣстѣ съ немногими наслоеніями въ русскомъ церковномъ уставѣ пѣсеннаго послѣдованія, демественное же пѣніе остается у пѣвцовъ въ въ одномъ устномъ преданіи (примѣръ кн. Димитрія Краснаго † 1440 г.), уже въ XVI в. получивши новую, русскую демественную симіографію.

Обычно господствовавшимъ пѣніемъ съ конца X-го в. до конца XI-го, когда выступаетъ кондакарное, было старое знаменное, греко-славянское пѣніе, которое по XIII-й вѣкъ исключительно существуетъ параллельно съ кондакарнымъ, а затѣмъ уже безу-

словно господствует одно. Это пѣніе было сообразовано исключительно съ студійскимъ уставомъ, который самъ представлялъ собой вѣрный и точный стголосокъ святогробскаго Иерусалимскаго устава, почему и господство на Руси устава Студійскаго обеспечивало собой строй богослужебнаго пѣнія и симіографію греческаго Востока, господство же въ Византіи устава Великой церкви съ пѣсеннымъ послѣдованіемъ обеспечивало развитіе византійскаго пѣнія съ его симіографіей. Но если преподобный Феодосій сталъ искать Студійскаго устава, знакомиться съ нимъ въ устныхъ бесѣдахъ, то является еще вопросомъ, дѣйствовали-ли до того этотъ уставъ на Руси, не была-ли раньше его святогробская практика, или Аѳонская, бывшая до X в., времени Діатиписиса, въ большой зависимости отъ Иерусалимской, какъ и древній Селунь, сборный славянскій пунктъ, тянуль къ Востоку и Иерусалиму? Здѣсь документы уже теряются, остаются одни гаданія.

Съ другой стороны совершенно неприемлемо предположеніе, что до введенія Феодосіемъ Студійскаго устава, въ русскомъ богослуженіи дѣйствовалъ уставъ Константинопольскій, Великой церкви, съ пѣсеннымъ послѣдованіемъ, хотя его, повидимому, поддерживает существованіе на первыхъ порахъ хора царицы Анны и наличность доместиковъ съ самымъ краснымъ демественнымъ пѣніемъ. Но царица, вѣрнѣе всего, имѣла хоръ для своихъ придворныхъ службъ; доместики съ кондакарнымъ пѣніемъ, очевидно существовали также только для любителей этого рода пѣнія, особенно изъ новгородскихъ грекофильствовавшихъ владыкъ, да и самая ранняя кондакарная рукопись XI-XII в.; между тѣмъ какъ древнѣйшая пѣвческая рукопись, Типографскій уставъ, содержитъ и кондаки, но также и пѣніе „на хвалитѣхъ“, а равно и пѣніе на подобень, а также и степенны, по осмогласію, что указываетъ на господство уставовъ старѣйшихъ, напр., Святогробскаго, Студійскаго, или Студійско-Иерусалимскаго. Да и въ Византіи уставъ Великой Церкви господствовалъ не повсюду и безгранично, а, напротивъ, въ очень узкихъ предѣлахъ, въ придворныхъ службахъ, когда одновременно съ нимъ и въ большинствѣ храмовъ водворился уставъ Студійскій, кое-что лишь перенявшій изъ Константинопольскаго. Разгромъ Константинополя и Студійскаго монастыря крестоносцами (1204 г.) похоронилъ пышные богослужебные порядки Софійскаго устава и затормозилъ дѣйствіе устава Студійскаго, а взамѣнъ того далъ возможность выдвинуться и въ Византіи и въ другихъ православныхъ церквахъ уставу Иерусалимскому, замѣнившему въ послѣдующее время повсюду всѣ предшествовавшіе уставы. Такимъ образомъ,

утверждаясь на составѣ и содержаніи древнихъ богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ русской церкви, можно сказать, что господство въ богослужебной практикѣ русскаго клироса всецѣло принадлежало Студійско-Иерусалимскому уставу и лишь частичное помѣстное употребленіе принадлежало уставу Константинопольскому²⁷¹).

Богослужебныя пѣвческія книги русскія домонгольскаго періода, стихирари, ирмологи, тріоды и минеи, содержали въ себѣ пѣснопѣнія на каждый день и только ирмологи имѣли воскресные каноны по осмогласію, обычной же воскресной службы по осмогласію въ этихъ книгахъ не было. Какимъ же образомъ исполнялось осмогласіе — стихирь, тропарь, сѣдальны, степенны октоиха и отдѣльныя пѣснопѣнія вечерни и утрени, какъ „Свѣте тихій“, „Великое славословіе“ и др.? Въ двухъ книгахъ, въ Типографскомъ уставѣ и въ Благовѣщенскомъ кондакарѣ, а частію и въ другихъ кондакаряхъ находится наиболѣе необходимое для этихъ службъ и отчасти для литургіи. Тамъ есть асматикъ, подобны для осмогласнаго воскреснаго пѣнія, степенны, аллилуаріи, поліелей, ирмосы, кондаки, „Святъ Господь“, хвалитные стихи, ипакои, катавасіи, „Днесъ спасеніе“, „Воскресъ изъ гроба“, евангельскія стихирь, изъ литургіи—„Елико во Христа“, „Кресту твоему“, „Приидите поклонимся Ему“,—но все остальное, очевидно, если оно пѣлось, то пѣлось, быть можетъ, по хирономіи, какъ „Великое славословіе“, по указанію устава, на слухъ, безъ пѣвческихъ знаковъ, на память. Октоиха и Обихода, обнимающихъ сполна въ пѣвческомъ изложеніи и вечерню съ утреней и литургію еще совсѣмъ не существовало. Тотъ и другой появляются только съ XV вѣка.

Исполнителемъ былъ клиросъ, дѣяки, совмѣстно съ дьяконами и попами, пѣвшими, или по пѣвческой традиціи, или по пѣвческимъ книгамъ, какъ кондакари, которые, по преимуществу были поповскими пѣвчими книгами, содержащими въ себѣ своего рода старинное греческое — *καλαδική τέχνη*, остатки стараго пѣсеннаго послѣдованія, какъ асматикъ, поліелей, аллилуарій, кондаки, ипакои, „Свѣте тихій“, „Приидите поклонимся“, „Елипы во Христа“, „Кресту твоему“, что и нынѣ, особенно при архіерейскомъ служеніи исполняется клириками. Въ монастыряхъ и при кааедральныхъ церквахъ были отдѣльные хоры пѣвцовъ подъ управленіемъ доместиковъ и головщиковъ, тотъ же клиросъ, монастырскій, или архіерейскій.

²⁷¹) Въ томъ же смыслѣ высказывается проф. М. Н. Скабаллановичъ въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи „Толковый Типиконъ“. Кіевъ, 1910. стр. 158 и дальнѣйш.

Первыми пѣвцами, пропѣвшими первыя службы въ кievскихъ храмахъ, и первыми учителями богослужебнаго пѣнія на Руси были, безъ сомнѣнія, славянскіе пѣвцы и славянскіе клирики, знавшіе свое греко-славянское пѣніе и сообщавшіе его русскимъ пѣвцамъ, сначала устно, а во второй половинѣ XI вѣка, совмѣстно съ греческими пѣвцами, и письменно. Самый древній пѣвческій письменный документъ — Типографскій уставъ, быть можетъ, и есть та книга, въ которой заключено „изрядное осмогласіе“ и „самое красное демественное пѣніе“, принесенное на Русь тремя греческими пѣвцами, быть можетъ, урожденцами, или воспитанниками Царяграда, но посѣтившими по своей специальности и Аѳонъ и уже оттуда „съ роды своими“ привлеченными на Русь, въ Кіевъ, въ то время проводившіи свои храмы и монастыри, а равно и чины богослужебныя въ наилучшій порядокъ.

Такъ явилось на Руси, сначала въ Кіевѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ, Переяславлѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Суздали, Владимірѣ, богослужебное пѣніе, сначала устное, на память, можетъ быть, по хиромоніи, а затѣмъ и въ письмени, въ симіографіи греческой восточнаго типа, переработанной затѣмъ въ греко-русскую, и въ кондакарной византійско-аѳонскаго типа, съ восточной же окраской.

Чтобы судить, насколько выдержана греческая симіографія въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ на тѣже тексты пѣснопѣній, еще недостаточно собрано и обнародовано матеріаловъ, но сдѣланные опыты сличенія обѣихъ симіографій, греческой и русской, на тотъ же текстъ показали, что совпаденіе знаковъ далеко не полное, что наблюдается оно не болѣе, какъ на половину, что и естественно при существованіи вариантовъ въ напѣвѣ, такъ какъ и русскія богослужебныя книги не только смежныхъ между собой вѣковъ, или черезъ вѣкъ, но даже одного и того же вѣка на тѣже тексты въ пѣвческихъ знакахъ часто не совпадаютъ²⁷²⁾. Таково свойство пѣнія, какъ живого искусства, почему и не удивительно, что русская симіографія часто разногласитъ съ греческой. Русскіе пѣвцы, быть можетъ, невольно, по требованію своего вкуса и художественной славянской натуры, на первыхъ же порахъ вносили свои мелодическіе и ритмическіе варианты, однакоже нисколько не искажая тѣмъ основнаго характера первоначальнаго напѣва греческаго, или греко-славянскаго, и тѣмъ нисколько не отступали отъ основныхъ старинныхъ пѣвческихъ традицій. Заявленіе инока Евфросина въ XVI в.— „знаменныя крюки

бережемъ“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть понято буквально; сличеніе крюковыхъ пѣснопѣній, хотя бы по палеографическому атласу, ясно убѣждаетъ въ измѣнчивости и напѣва и симіографіи русскаго богослужебнаго пѣнія по разнымъ вѣкамъ.

Конечно богослужебное пѣніе и симіографія домонгольскаго періода, съ XII-го по XIII вѣкъ включительно и даже въ XIV вѣкѣ, болѣе или менѣе однообразны, но не то уже наблюдается въ XV вѣкѣ и далѣе по XVI-й вѣкъ; здѣсь уже много перемѣнъ въ зависимости отъ пробудившагося русскаго творчества,—XVII-й же вѣкъ былъ временемъ рѣшительной и разносторонней реформы русскаго церковнаго пѣнія и въ напѣвѣ и въ системѣ симіографіи, воспринявшей новыя элементы графическіе — помѣты киноварныя и тушевыя признаки, совмѣстно съ проэктомъ печатанія богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ, какъ исправленныхъ въ текстѣ, въ видахъ повсюднаго единообразія русскаго церковнаго пѣнія. Неизвѣстно, кто въ XV вѣкѣ распѣлъ Октоихъ и Обиходъ, но хорошо извѣстно, что въ XVI вѣкѣ много знаменнаго пѣнія распѣли пѣвцы—попъ Ѳеодоръ Христіанинъ, Иванъ (въ иночествѣ—архим. Исаія) Лукошковъ, Стефанъ Голышъ, Иванъ Носъ и др. Слѣдовательно, время съ XV по XVI вѣкъ есть періодъ наиболѣе напряженнаго творчества въ знаменномъ распѣвѣ съ его симіографіей, когда основныя старыя напѣвы расширялись и углублялись и ритмически и мелодически, иногда даже принимали мѣстные оттѣнки, какъ переводъ московскій, усольскій, новгородскій и проч., съ соответствующими вариантами и въ знакахъ пѣвческой симіографіи. Реформа XVII в. дала новый толчекъ движенію знаменнаго пѣнія и въ напѣвахъ и въ симіографіи, такъ что рукописи этого періода времени въ томъ и другомъ отношеніи не совпадаютъ не только съ рукописями домонгольскаго періода, но даже и съ ближайшими къ нимъ рукописями раздѣльнорѣчными XV—XVI вѣковъ.

Понять симіографію и напѣвы русскаго церковнаго пѣнія можно было по руководствамъ „азбукамъ пѣвчимъ“, подобникамъ, кокизникамъ и ѳитникамъ, которые появляются съ XV-го вѣка, въ качествѣ руководственныхъ приложеній, къ пѣвческимъ книгамъ, съ наименованіемъ, начертаніемъ и краткимъ указаніемъ исполненія употребительныхъ пѣвческихъ знаковъ, но не настолько полнымъ, чтобы можно было по нимъ основательно усвоить пѣвческую симіографію; требовалось еще, кромѣ того, устное, живое руководство, практика и опытъ, которые преподавались непосредственно учителями—мастерами пѣнія. За періодъ же домонгольскій и подобныхъ краткихъ азбукъ пѣвчихъ не сохра-

²⁷²⁾ См. палеографическій атласъ при нашемъ соч. „Русская симіографія“.

нилось, и все дѣло изученія симіографіи и напѣвовъ велось; очевидно, только изустно, практически, опытно, подъ личнымъ руководствомъ самихъ мастеровъ. Это создаетъ уже немалое затрудненіе въ пониманіи симіографіи и напѣвовъ домонгольскаго періода, тѣмъ болѣе, что за этотъ періодъ въ симіографіи находится немало знаковъ, потомъ уже вышедшихъ изъ употребленія и неупоминаемыхъ въ азбукахъ пѣвчихъ, знаковъ архаическихъ, стараго греческаго типа и письма, главнымъ образомъ принадлежащихъ къ семьѣ ипостасей или великихъ знаковъ хирономіи. Отсюда вытекаетъ, что азбуки пѣвчія, не совсѣмъ вразумительныя и въ отношеніи къ современной имъ симіографіи XV—XVI вв., въ примѣненіи къ симіографіи домонгольскаго періода оказываются еще менѣе удовлетворительными. Совершенно обстоятельныя, подробныя, полныя азбуки XVII—XVIII вв., совершенно отвѣчающія цѣлямъ познанія симіографіи этого времени, періода киноварныхъ помѣтъ и признаковъ, однакоже, оказываются не вполне примѣнимыми къ симіографіи раздѣльно-рѣчного періода XV—XVI вв., гдѣ еще киноварныя помѣты и признаки отсутствуютъ и текстъ упорно выдерживаетъ хомонію или полногласіе,—къ симіографіи же домонгольскаго періода онѣ еще болѣе непримѣнимы.

Не говоря о симіографіи византийской, существующей въ переработанномъ видѣ у грековъ и доселѣ, съ которой русская симіографія домонгольскаго періода имѣетъ весьма мало сходства, даже другая греческая симіографія, съ наименованіемъ грекосирійской, съ которой у русской симіографіи весьма большое сходство и которая можетъ принята, какъ ея родная почва и коренная основа, однакоже, имѣетъ значительное количество знаковъ, не встрѣчаемыхъ въ русской симіографіи, а эта послѣдняя имѣетъ немало знаковъ, которыхъ нѣтъ въ грекосирійской симіографіи, но которые встрѣчаются въ системѣ знаковъ хирономіи, большихъ, такъ называемыхъ, ипостасей, какъ — лигисма, уранисма, энаркисъ и проч. Слѣдовательно, русская симіографія домонгольскаго періода, не смотря на свое генетическое родство и близость съ симіографіей грекосирійской, однакоже и въ одновременныхъ даже рукописяхъ и однихъ и тѣхъ же текстахъ не совпадаетъ съ ней безъ остатка и недостатка, отчего вырастаетъ еще одно препятствіе въ познаніи ея и въ возстановленіи содержащихся въ ней напѣвахъ.

Такимъ образомъ трудности въ пониманіи нашей старой симіографіи возникаютъ съ двухъ сторонъ, и тогда, когда мы подходимъ къ ней въ направленіи отъ позднѣйшей, современной системы симіографіи, и тогда, когда хотимъ подойти со стороны

древнѣйшей ея симіографіи грекосирійской, тѣмъ болѣе испытывая затрудненій, что сама-то грекосирійская и даже родственная ей византийская симіографія представляются, и для грековъ, и еще болѣе для изслѣдователей не изъ грековъ, чѣмъ то совершенно загодочнымъ, хотя болѣе или менѣе удачныя попытки раскрытія ея тайнъ уже сдѣланы недавно нѣкоторыми учеными, какъ Оскаръ Флейшеръ, Жанъ Тибо и др. Такимъ образомъ старая русская симіографія находится въ положеніи стариннаго пѣннаго клада, о которомъ собираются всевозможныя свѣдѣнія, толки и преданія, историческія свидѣтельства и документы, дѣлаются раскопки въ разныхъ направленіяхъ, строятся догадки, планы, предположенія и цѣлыя теоріи, но все только ходятъ пока вблизи и около него, а достигъ его еще не могутъ. Русская старая симіографія, особенно же кондакарная, не нашла еще своего розеттскаго камня и остается пока мало понятной загадкой. Ученымъ изслѣдователямъ этой области остается въ утѣшеніе одинъ пока длинный и трудный путь по реставраціи стараго пѣвческаго письма, указываемый методомъ сравнительнымъ, ретроспективнымъ, съ помощью исторіи, археологіи и палеографіи,—и лишь въ концѣ его можетъ открыться свѣтъ, который разгонитъ тьму неизвѣстности. На этомъ пути уже кое-что сдѣлано, но еще неизмѣримо больше остается сдѣлать впереди. Предварительная значительная подготовка матеріаловъ въ этомъ дѣлѣ сдѣлана уже такими почтенными тружениками въ церковно-пѣвческой области, какъ прот. Д. В. Разумовскій и С. В. Смоленскій, но самый трудъ реставраціи старой русской симіографіи, волею судьбы, понесутъ уже другіе.

Въ музыкально-пѣвческомъ отношеніи старая русская симіографія сохранила традиционное осмогласіе и, по мѣстамъ, старыя приемы перемѣны гласовъ въ одномъ и томъ же пѣснопѣніи, отмѣчаемыхъ славянскими буквами-цифрами, по подобію греческихъ мартирій или указателей гласовъ посредствомъ буквъ греческаго алфавита, четырехъ главныхъ и четырехъ побочных или—автетическихъ и плагальныхъ. Но что разумѣть подъ гласами грековъ,—извѣстны-ли лады, образуемые извѣстными, различными между собой расположеніемъ тоновъ и полутоновъ, зву корядами или гаммами,—какъ это утверждаютъ большинство изслѣдователей греческой музыки и какъ понимаются средневѣковые церковныя лады западной музыки, или этотъ вопросъ нужно понимать иначе, достаточно еще не рѣшено въ церковно-пѣвческой наукѣ. Но все же правильнѣе смотрѣть на гласы по-нынѣшнему т. е. полагать ихъ различіе въ различіи составляющихъ каждый гласъ своеобразныхъ мелодико-ритмическихъ строкъ или попѣ-

вокъ, характерныхъ гласовыхъ фигуръ и оборотовъ, и въ ихъ своеобразныхъ комбинаціяхъ въ пѣснопѣніи, хотя, быть можетъ, и располагаемыхъ въ привычныхъ для нихъ звукопослѣдованіяхъ и тетра хордахъ, однакоже, нерѣдко, въ знаменномъ распѣвѣ, общихъ у парныхъ гласовъ, какъ 1 съ 5, 2 съ 6, или 2 съ 6 и 8, почему собственно музыкальный строй каждого звукоряда и не можетъ служить характернымъ отличіемъ каждого отдѣльнаго гласа отъ другого. Старинные осмогласники, оставшіеся въ рукописяхъ пѣвческихъ отъ домонгольскаго періода и до позднѣйшаго времени и почти въ томъ же самомъ видѣ, какъ „Богоначальнымъ мановеніемъ“, тѣмъ и замѣчательны, что на каждый гласъ они даютъ свою характерную въ напѣвѣ и ритмѣ мелодію, хотя бы она и вращалась въ одинаковыхъ, а не различныхъ, какъ требовалось бы по традиціонной теоріи греческаго осмогласія, тетра хордахъ и звукорядахъ. Вотъ примѣры: попѣвка „дербѣца“, встрѣчаемая и въ домонгольской симіографіи, употребляется въ трехъ гласахъ, въ 1, 3 и 4, и вездѣ въ нихъ поется на одномъ и томъ же тетра хордѣ, когда бы должна была исполняться въ разныхъ, если различіе тетра хордовъ составляетъ сущность стараго осмогласія; попѣвки—„поворотка“ 8 гласа и „хориса“ 5 гласа, хотя принадлежать, каждая, только своему гласу, но поются въ тетра хордахъ, общихъ другимъ гласамъ. Это опытное наблюденіе имѣетъ достаточную силу принудительности, чтобы заключить отсюда, что, какъ старое русское осмогласіе, такъ даже, вѣроятно, и старое греческое осмогласіе характеризовалось не различіемъ тетра хордовъ и гаммъ, или, по крайней мѣрѣ, не имъ главнымъ образомъ, а различіемъ гласовыхъ попѣвокъ, своеобразныхъ для каждого гласа мелодико-ритмическихъ оборотовъ. Съ другой стороны, полагая осмогласіе, по традиціонной теоріи, въ различіи звукорядовъ и гаммъ, открываютъ тѣмъ такой широкій просторъ толкованію осмогласія церковнаго, что всякій механическій подборъ нелѣпыхъ ритмически и мелодически звуковъ, разъ онъ укладывался бы въ тотъ или другой изъ 8 звукорядовъ-гласовъ, тѣмъ самымъ оказывался бы составленнымъ въ томъ, или другомъ гласѣ церковнаго осмогласія,—короче сказать, *все* можно было бы подвести подъ *церковный гласъ* осмогласія. Но это уже—*reductio ad absurdum*. Слѣдовательно, сущность, по крайней мѣрѣ, русскаго церковнаго осмогласія должно полагать въ гласовыхъ попѣвкахъ, хотя привычкой изетари и исполняемыхъ въ извѣстныхъ тетра хордахъ и звукорядахъ, но нерѣдко общихъ нѣсколькимъ гласамъ.

Какъ фактъ, должно принять также и то, что въ основѣ русскаго церковнаго осмогласія старая грековосточная малая система

музыкальная, изъ соединенныхъ трехъ тетра хордовъ, въ основѣ же греческаго осмогласія традиціонная теорія считаетъ великую музыкальную систему изъ четырехъ тетра хордовъ смѣшанныхъ, раздѣленныхъ и соединенныхъ. По этому своему свойству русское осмогласіе и основная его система весьма близко стоятъ къ восточной грекосирийской и родственной ей старой арабо-сирийской музыкѣ, что говоритъ въ пользу грековосточнаго характера русской церковной музыки, а не византійскаго.

Итакъ въ русскомъ церковномъ пѣніи домонгольскаго періода сказалось не столько вліяніе Византіи, сколько вліяніе родственныхъ южныхъ славянъ и грекосирийскаго Востока.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Прилагаемая 12 таблицъ (facsimile) представляютъ собою нѣкоторую иллюстрацію древнѣйшаго пѣвческаго письма, греческаго псалмодическаго (по другой номенклатурѣ — экфонетическаго) и греко-сирійскаго симадійнаго, въ точномъ смыслѣ пѣвческаго и изъ него образовавшагося — русскаго, крюковаго или знаменнаго, періода домонгольскаго.

Таблица *первая* — снимокъ съ греческаго палимпсеста Ефремовскаго кодекса (codex Ephremi Syri Rescriptus) Национальной Парижской б-ки № 9, fol. 128, въ коемъ псалмодическихъ знаковъ насчитывается Амбросомъ и др. около 11-ти.

Таблица *вторая* — снимокъ страницы изъ греческаго унциальнаго евангелія X-го вѣка б-ки Синодальной, съ знаками для чтенія на распѣвъ, съ тѣми 10—12-ю знаками древней просодіи и псалмодіи, которые послужили основою хирономіи, а вмѣстѣ съ этою послѣднею стали матеріаломъ для пѣвческой симіографіи. Древнѣйшими знаками этого рода, какъ сказано раньше, должно считать псалмодическіе знаки Ефремовскаго кодекса, снимки которыхъ можно видѣть еще у преосвященнаго Порфирія, у Флейшера, у историка музыки Амброса и у Тибо. Знаки хирономіи можно видѣть у Флейшера (великіе знаки греческой симіографіи), въ нашихъ кондакаряхъ (большіе пѣвческіе знаки) и въ снимкахъ съ нихъ у Ундольскаго (2) и въ приложеніи къ нашему „Очерку исторіи православнаго русскаго церковнаго пѣнія“ (1), табл. VI, л. 6-й. Другіе снимки съ псалмодизированныхъ евангелій можно видѣть въ палеографическихъ атласахъ Саввы, Ваттенбаха и въ изданіяхъ Монфокона, Омона, Томпсона, Гардтгаузена и др.

Таблица *третья* — страница изъ Синайскаго стихираря греческаго 999 г. съ пѣвческими симадійными (греко-сирійскими) знаками. Это древнѣйшій нынѣ греческій пѣвческій памятникъ симадійнаго письма, непосредственно примыкающаго къ псалмодическому письму и хирономіи.

Къ этой же категоріи древнѣйшаго (греко-сирійскаго) письма пѣвческаго относятся и таблицы — *четвертая, пятая, шестая и седьмая* — 4 страницы изъ Есфигменскаго Аеонскаго ирмолога греческаго, изъ собранія снимковъ Севастьянова, XI-го вѣка, — и *восьмая* таблица — страница изъ Охридской греческой Тріоди, найденной недавно въ Болгаріи ученымъ археологомъ Ф. И. Успенскимъ, X—XI в.в. Сюда же долженъ быть отнесенъ и снимокъ съ греческой пѣвческой рукописи, X—XI в., у Герберта въ 2-мъ томѣ его „De cantu“, табл. XI, который можно видѣть въ однихъ пѣвческихъ знакахъ, безъ текста, въ приложеніи къ нашему „Очерку“, табл. II, л. 2-й. Таблица *девятая* — снимокъ съ рукописи Национальной Парижской б-ки № 220, XI—XII в., такого же греко-сирійскаго письма пѣвческаго, сходнаго съ русскимъ. Древнѣйшіе византійскіе собственно пѣвческіе знаки можно видѣть у Герберта, у Флейшера, въ приложеніи къ нашему „Очерку“, табл. I, л. 1-й; древнѣйшіе же латинскіе знаки, близкіе къ псалмодіи и хирономіи, можно видѣть у историковъ музыки — Фетиса, Амброса, Куссмакера, у Флейшера и въ приложеніи къ нашему „Очерку“, таблицы III и IV, л.л. 3—4.

Таблица *десятая* — образецъ византійскаго пѣвческаго письма, снимокъ съ рукописи б-ки Метеха Иерусалимскаго, № 648, XI—XII в.

Кондакарные знаки можно видѣть въ снимкахъ у Ундольскаго (2), изъ Лаврскаго же кондакаря и изъ кондакаря Типографскаго Устава, таблицы V и VI, л.л. 5—6.

Таблицы *одиннадцатая и двѣнадцатая* — страницы изъ древнѣйшаго славяно-русскаго пѣвческаго стихираря XII в., И. П. Б-ки, съ изображеніемъ хирономическаго приема сложенія руки и надписью „гласъ тяжкъ“. Къ этой категоріи пѣвческаго письма можетъ быть причислено крюковое письмо Типографскаго Устава XI—XII в. и Синодальнаго стихираря 1157 г., снимки коего можно видѣть въ приложеніи къ нашему „Очерку“, таблицы VII и VIII, л.л. 7—8. Характеръ этого письма, съ небольшой разницей, остается тотъ же самый и въ XII и въ XIII в.в., какъ можно видѣть на снимкахъ въ приложеніи къ нашему „Очерку“, таблицы IX и X, л.л. 8—9.

Должно признать, что систематически составленный палеографическій пѣвческій атласъ болѣе всего соотвѣтствовалъ бы цѣлямъ иллюстраціи историческаго развитія русской (и греческой) пѣвческой симіографіи; указанные же снимки даютъ лишь общее наглядное представленіе о ходѣ этого развитія, насколько это входитъ въ задачу предлагаемаго изслѣдованія. Этотъ не-

достатокъ иллюстраціи русской симіографіи въ значительной степени нынѣ восполняется составленнымъ нами палеографическимъ атласомъ снимковъ съ рукописей съ XI-го по XVII-й вѣкъ включительно, воспроизведенныхъ посредствомъ фотолитографіи, составляющихъ приложение къ курсу лекцій, читанныхъ нами въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ по церковно-пѣвческой палеографіи, подъ заглавіемъ „Русская симіографія“, и изданныхъ Институтомъ въ 1912 г. въ 115-ти таблицахъ.

Указатель именъ.

А.

Аскольдъ, 13.
 Амбросъ, 48, 49, 51, 61, 90, 102, 120.
 Антифонъ, 56, 57, 58, 228, 229, 241.
 Асматикъ, 61, 162, 173, 174, 203, 220, 229, 241.
 Аненайки, 77, 105, 174, 175, 176, 203, 209, 216, 218, 219, 223, 229, 247.
 Агаѳонъ, папа, 75.
 Аѳонъ, 83, 84, 96, 99, 100, 101, 124, 127, 128, 129, 130, 159, 166, 167, 169, 192, 195, 205, 223, 225, 226, 237, 238, 298, 318, 333, 334.
 Арнольдъ, 120.
 Аванасій, аеонск., 100.
 Антоній печерск., 128, 129, 130, 168.
 Алексѣй, патр., 158, 159, 160, 161, 164, 184, 223.
 Аллидуарій, 161, 166, 167, 188, 220, 228, 241.
 Академическій стихирарь, № 74, 193, 194, 207, 215, 217, 221, 230, 231.
 Андрей Боголюбск., 200.
 Алексѣй Мих., 240, 258, 260, 261, 283.
 Азбука пѣвчая, 271, 277, 305, 337.
 Арнольдъ, Ю. К., 297, 299.

Б.

Будиловичъ, 18, 23, 98.
 Бодяскій, 23, 38, 42.
 Борисъ, болг., 13, 17, 41.
 Борисъ рус. (и Гл.), 13, 33, 42, 160, 165, 170, 176, 180, 187, 189, 191, 193, 194, 195, 198, 199, 202, 203, 204, 208, 209, 215, 216, 218, 220, 230, 233, 243, 274.
 Болгарія, 13, 14, 15, 25, 26, 27, 41, 83, 85.
 Богослуженіе (слав.), 23, 24, 25, 26, 38, 45, 46, 114, 115, 168, 229, 241.
 Бингамъ, 59.
 Боэцій, 78.
 Былина, 107, 108.
 Буслаевъ, 109, 202.
 Бѣляевъ, 142.
 Безсоновъ, 156, 251.
 Благовѣщенскій кондакаръ, № 32, 172,

177, 185, 187, 188, 189, 196, 203, 214, 217, 220, 221, 228, 229, 230, 231, 241, 242.

Болотовъ, 192, 193.
 Беллерманъ, 309.
 Бурго-Дюкудра, 319.

В.

Владиміръ, кн., 11, 12, 13, 14, 19, 22, 34, 112, 180.
 Воскресенскій, 18, 34.
 Волковъ, Н. В., 31, 35, 123, 170, 178, 179, 180, 201, 211, 214.
 Византія, 13, 14, 15, 17, 18, 42, 43, 80, 82, 96, 112, 113, 127, 131, 145, 146, 159, 164, 188, 139, 219, 222, 225, 226, 228, 229, 230, 232, 234, 236, 237, 243, 245, 255, 291, 295, 298, 299, 308, 318, 330, 331, 332, 334, 341.
 Вальсамонъ, 52, 121, 147, 225, 331.
 Ваттенбахъ, 89, 94, 310.
 Востокъ, 130, 131, 132, 159, 167, 192, 206, 226, 228, 236, 237, 238, 318, 330, 331, 332, 334, 341.
 Велик. церк. уст., 159, 160, 161, 163, 165, 173, 208, 334.
 Виллото, 175, 310.
 Всемилог. Спаса празд., 194, 204, 218.
 Востоковъ, 214.
 Вагнеръ, Петеръ, 304.
 Венсанъ, 309.

Г.

Голубинскій, акад., 11, 18, 21, 106, 113, 138, 142, 144, 150, 151, 154, 155, 158, 161, 170, 187, 191, 193, 194, 197, 198, 200, 201, 207.
 Гильфердингъ, 15.
 Глаголица, 18.
 Гевартъ, 47, 48, 49, 51, 72, 73, 75, 120, 291.
 Гербертъ, 51, 59, 61, 64, 69, 76, 82, 85, 91, 97, 101, 168, 174, 175, 237, 310, 311, 318.
 Гоаръ, 52, 59.
 Григорій, папа, 71, 72, 73, 74, 75, 79.

Гардтгаузенъ, 87, 88, 89, 93, 94, 310, 327.
 Ганссеръ, 121, 291, 295, 300, 301.
 Греческ. пѣвцы, 118, 119, 122, 124, 125, 126, 127, 129, 165, 168, 169, 205, 224, 225, 231, 232, 239, 244, 333.
 Гейтлеръ, 18, 171.
 Голубцовъ, 173.
 Говоръ, 180, 186, 190, 191, 196, 198, 199, 201, 202, 203, 205, 207, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 217.

Д.

Дамаскинъ, I, 63, 69, 70, 71, 78, 87, 85, 97, 101, 103, 323, 329, 331.
 Дюшенъ, 72, 74, 75.
 Духовный стихъ, 106, 109, 110, 111, 147.
 Демественное пѣніе, 121, 126, 127, 141, 142, 145, 146, 147, 224, 225, 226, 229, 231, 232, 233, 243, 330, 331, 332, 333.
 Дмитріевскій, 129, 139, 142, 143, 158, 162, 173, 176, 208, 223, 321.
 Дюместикъ, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 171, 224, 225, 226, 227, 331.
 Дюканжъ, 139, 309.
 Десятинная церк., 140, 141.

Е.

Евфросинъ, 51, 122, 255, 265, 271, 274, 278, 279, 280, 336.
 Евелій, 57, 59, 60.
 Евсевій, 61, 64, 99.
 Ефремовскій код., 57, 65, 88, 90, 98, 126.
 Есфигменскій ирмол., 84, 101, 126, 167, 181, 237, 316, 318.
 Евергетидскій уст., 121, 332.

З.

Загъвало (корифей), 81.
 Зонара, 81, 121.
 Забълинъ, И. Е., 147.
 Знаменный распѣвъ, 239, 240, 241, 242, 246, 249, 254, 255, 257, 258, 259, 261, 262, 264, 266, 267, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 283, 292, 293, 305, 337.

И.

Иловайскій, проф., 17.
 Ирмологъ воскресенск., № 28, 212, 216, 217, 221.
 Ирмологъ типографскій, № 150, 210, 221.
 Ирмологъ типографскій, № 149, 210, 221.
 Ипакои, 218, 230, 241.

Г.

Герусалимскій уст., 145, 159, 163, 173, 330, 334.
 Иоаннъ, митр. рус., 170, 193, 195, 198.

К.

Культь, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 131.
 Кирпичниковъ, проф., 11, 109.
 Кириллица, 18.
 Киприанъ, еп., 20, 119, 144.
 Кириллъ, 17, 18, 19, 23, 25, 27, 47, 98, 913.
 Климентъ, 24, 25, 99.
 Книги пѣвческія слав., 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 167, 171, 172, 177, 179, 180, 182, 190, 191, 205, 213, 222, 240, 241, 242, 243, 251, 257, 258, 264, 276, 277, 330, 333, — греческ., 82, 83, 84, 85, 94, 192, — латинск., 48, 49.
 Кондакарн. зн., 33, 126, 155, 165, 166, 169, 172, 173, 174, 176, 187, 188, 202, 203, 209, 216, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 235, 236, 237, 241, 245.
 Керамевсъ, 37, 38, 44, 70, 82, 85, 92, 94, 191, 227.
 Кукузель, 52, 82, 83, 105, 205, 302, 308.
 Кассіодоръ, 52.
 Кусмакеръ, 53, 67, 77, 119.
 Кристь, 61, 62, 63, 67, 106, 139, 287, 291.
 Кедрень, 62, 81, 121.
 Крумбахеръ, 103, 227.
 Константинополь., 112, 124, 169, 330, 331.
 Киевопечерскій м-рь, 130, 145, 148, 156, 157, 163, 168, 178, 181, 182, 183, 184, 185, 187.
 Канонархъ, 143, 144, 161, 164, 171, 227.
 Карамзинъ, 144.
 Красносельцевъ, 57, 192.
 Ключевскій, 200.
 Катавасія, 218, 230, 241.
 Киновіжъ, 218, 219.
 Косъма Маюмскій, 328, 329.

Л.

Леонтій, митроп. кiev., 20, 22.
 Лямбильотъ, 48, 77, 250.
 Лаодик. соб., 61, 121.
 Лямбейцъ, 82.
 Ламанскій, 98.
 Лисицынъ, 145, 158, 159, 162, 173, 208.
 Лавровскій, 172, 204, 214, 216.
 Лаврскій кондакаръ, № 23, 217, 218, 219, 220, 230, 231, 240.

М.

Марковъ, 12, 20.
 Михаилъ, 20, 21, 22, 132, 137, 138, 148, 149.
 Моравія, 24, 25.
 Монфоконь, 58, 70, 82, 84, 89, 95, 310, 327.
 Мансвеговъ, И. Д., 99, 143, 144, 145, 158, 160, 161, 162, 163, 165, 170, 171, 175, 223, 280.
 Макарий, митр., 100, 107, 119, 140, 142, 146, 148, 149, 154, 158, 170, 172, 175, 177, 214, 215, 218.
 Миллеръ, 108, 109.
 Мусикия, 122, 280.
 Мееодій, 124.
 Музыкальн. система, 125, 224, 225, 226, 235, 237, 288, 289, 290, 291, 292, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 321.
 Мартири, 125, 235, 299, 300, 301, 302, 303.
 Металловъ, 151, 173, 246, 251, 254, 258, 261, 323, 336.
 Мезенець, Александръ, 156, 240, 241, 248, 251, 252, 253, 254, 255, 260, 262, 272, 283, 295, 299, 305, 317.
 Минея праздничная, П. Б., № 12, 172, 214, 217.
 Минея синодальная, №№ 159—168, 211.
 Мануилъ грекъ, 195, 199.
 Мономахъ, Влад., 184, 194, 199.
 Методъ (регрессивн.), 256, 263, 264.

Н.

Невмы, 49, 51, 53, 86.
 Никонъ, черног., 61, 62, 159.
 Никоновская гѣтол., 107, 118, 127, 148.
 Напѣвъ, 115, 116, 117, 121, 131.
 Николаевскій, 130, 140, 183.
 Начертаніе, Аванас., 159.
 Никонъ, патр., 212, 213, 248, 261.
 Нотное письмо, 245, 250, 254, 261, 262, 265, 275.

О.

Осмогласіе, 61, 62, 63, 118, 121, 122, 129, 164, 165, 171, 179, 229, 232, 233, 235, 237, 241, 243, 245, 246, 248, 254, 257, 265, 269, 271, 273, 288, 293, 294, 295, 296, 299, 300, 302, 303, 304, 305, 319, 320, 340.
 Охридская тріодъ, 85, 101, 126, 167, 181, 237, 316, 318.
 Обновленіе храма, 192, 193, 206, 207, 208, 216.
 Одоевскій, В. О., кн., 296.

П.

Порфирій, еп. (Успенскій), 14, 23, 36, 37, 39, 45, 63, 70, 83, 84, 89, 90,

92, 96, 98, 100, 128, 145, 205, 223, 327.
 Первоульфъ, 23, 26, 27, 46.
 Петръ, болг., 14, 17, 42.
 Переяславль, 19, 20.
 Преображенскій, 44, 117, 259, 279.
 Просодія, 54, 55, 68, 87, 88, 90, 93, 94, 95, 237, 256, 316, 317.
 Псалмодія, 54, 55, 58, 65, 68, 69, 87, 88, 89, 90, 93, 94, 241, 256, 816, 317.
 Плиній, 55, 61.
 Питра, 61.
 Пападопуло, 67, 299, 300, 327, 329.
 Порфирогенеть, 81, 142, 173, 224, 230.
 Пселль, 80, 81.
 Потье, 78.
 Петръ, аеонск., 100.
 Персія, 102, 103, 104.
 Пѣвцы, 137, 140, 141, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 161, 162, 163, 171, 205, 224, 227, 228, 230, 232, 239, 241, 245, 249, 256, 260, 260, 261, 264, 265, 269, 273, 276, 283, 285, 296, 298.
 Поліелей, 161, 203, 220, 229.
 Подобенъ, 166, 167, 170, 177, 188, 204, 229, 241, 242, 243, 262, 263, 268, 269, 270, 273, 275, 276, 295.
 Погѣвки, 174, 246, 247, 253, 254, 259, 260, 262, 263, 266, 268, 269, 270, 272, 273, 274, 276, 277, 285, 293, 295, 205, 305, 307, 337, 340.
 Публ. И. Б. Стихирарь, № 15, 204, 214, 220, 221.
 Пѣвческіе знаки. См. симіографія.
 Праворѣчіе, 240, 262, 266.
 Признаки, 253, 258, 260, 262, 267.
 Помѣты (киноварн.), 256, 258, 260, 262, 267, 285, 286, 287, 288.
 Паргесное пѣніе, 261, 296, 316.
 Павелъ м. Сарск. и Подонск., 283.

Р.

Римъ, 15, 16, 17, 96, 100.
 Риманъ, 54, 77, 120, 121, 299, 300.
 Рамани, 55.
 Роговъ, Вас. (Варл.), 119, 146, 257.
 Разумовскій, 133, 147, 251, 265, 296, 299, 309, 339.
 Раздѣльнорѣчіе, 185, 186, 208, 249, 257, 262, 263, 265, 266, 272, 274, 277, 278, 279, 280, 281.
 Романъ Ростисл., 194.
 Ростиславъ Мстисл., 195, 199.

С.

Соболевскій, акад., 11, 17, 18, 20, 29, 30, 186, 187, 190, 195.
 Срезневскій, акад., 17, 23, 29, 32, 35, 66, 98, 142, 146, 148, 158, 160, 170, 172, 177, 200, 201, 214.
 Симеонъ, 13, 14, 15, 17, 25, 27, 42.

Таблица III.

عيد الله برباره

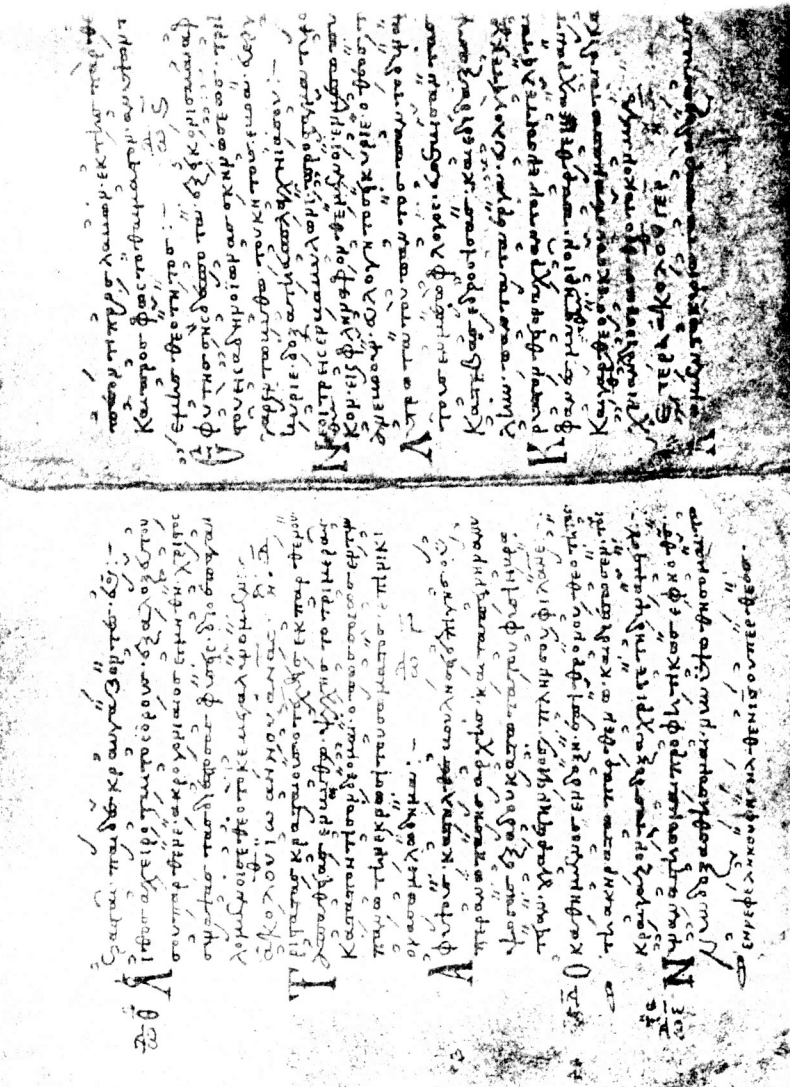

Handwritten text in Church Slavonic script, including a large initial 'К' on the left margin and various lines of text.

107 Заповѣданъ 5 Евангеліе 20 21 22

Металловъ. Богослужбное пѣніе.

Таблица IV.

Handwritten text in Church Slavonic script, featuring large decorative initials 'К', 'А', 'Т', and 'Н' at the beginning of sections. There are also marginal notes on the left side.

Металловъ. Богослужбное пѣніе.

Таблица VII.

Handwritten text in Church Slavonic script, organized into two columns. The text is dense and includes various liturgical phrases and musical notation (neumes) written above the letters. The script is a form of Old Church Slavonic.

Металловъ. Богослужбное пѣніе.

Таблица VIII.

PL. №2

Handwritten text at the top of the page, including a page number '97'.

Handwritten text in Church Slavonic script, organized into two columns. The text includes liturgical phrases and musical notation. A large initial letter 'О' is visible at the start of a section.

Металловъ. Богослужбное пѣніе.

Таблица XI.

отъ мѣсяцѣхъ бѣхъ въ закинутои
 ножницѣю селомъ на нѣздѣстоу пѣцѣ.
 игоже нѣкъ прѣсноу оу пѣцѣхъ прѣ
 здѣноующе слакнлѣхъ хронста бога.
 сздажкѣюшааго то боюкѣхъ мѣнск
 членниѣ. гла. 5.
Внѣсь съзѣкае тѣна съ. стѣстоу тѣр
 оуца кѣтлѣнрѣнонѣ тѣржѣткѣ. прѣ
 дѣтѣоуко прѣздѣмолюбѣцѣн. съѣ
 тѣло прѣздѣмоу нлѣхъ. пѣплатѣхъ го
 глаголюще. радѣоу нсѣ. ннѣрнѣдоу
 нечѣстьнѣотъ кѣрѣтѣкѣ рѣрадѣи. кѣ
 плѣужѣткѣже доудохѣно. обѣзакѣтѣ

Металловъ. Богослужбное пѣнне.

Таблица XII.

на законѣ доугоующе. тѣлѣ. дѣне
 каннѣ зложнѣхъ нѣ прѣданнѣа. ннѣ
 стѣрнѣвѣтѣрѣснѣ по бѣдѣнѣкѣ. цѣрѣкѣвн
 хронсто кѣтѣакнѣ сѣрѣкѣннѣтѣлѣ. то го бѣо
 плѣнскѣ цѣннѣтѣвѣлѣжѣнѣсѣзѣпѣстн
 доушѣнаша. гла. та жѣ съѣ.
Внннѣсноу лѣснѣхъ зглоу кннѣтѣдоу
 хѣвѣнѣнѣнѣ. нѣкѣнѣзѣмѣлѣнѣспѣлѣ
 тѣно по жнѣкѣ. нѣотѣтѣоу доу поуѣрѣ
 пакѣ. богѣтѣсѣтѣкѣ бо жнѣнѣаго рѣдоу
 плѣ. прѣкѣкѣрнѣюу лѣбѣкѣзнѣнакѣ
 зѣлѣснѣ. оуѣннѣнѣмѣтѣскѣнѣмѣ прѣ
 по дѣвѣнѣстѣуѣ.

Металловъ. Богослужбное пѣнне.